

ВО СЛАВУ

ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (24)
2024

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (24)
2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БУРАВЧЕНКО Валерий Павлович – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

БУРНОСОВ Игорь Лаврентьевич – полковник, член Совета ветеранов военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А. М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – проректор МГИМО МИД РФ по финансово-экономическим вопросам;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович – генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ХИЛЬКО Борис Витальевич – полковник, кандидат исторических наук, ветеран военной разведки;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается неизблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

А.М. Василевский
Курская битва 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Н.С. Бирюков
Защитив Кубу, мы отступили
от края ядерной бездны 22

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Боевые действия авиации
при разгроме Квантунской
армии Японии 31

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Р.Н. Мордвинов
Флотоводческое искусство
адмирала Ф.Ф. Ушакова 40

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Советская военная разведка
1941–1945 гг. 60

★ РОССИЯ И КИТАЙ

Ю.Ю. Уфимцев
Шпионы и перебежчики 80

★ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

Е.В. Тарле
М.И. Кутузов – полководец
и дипломат 92

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

31-я армия в операции
«Марс» 118

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Как начиналась информацион-
ная война против СССР 124

★ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ

С.С. Войтиков
Ленин и создание Совета
обороны 145

★ РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

Ю.В. Емельянов
Решение, опоздавшее
на 11 лет 162

★ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

З.С. Шейнис
Вашингтонская миссия 178

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Военный заговор 189

★ НА ЗЛОБУ ДНЯ

А.В. Тюрин
Англия. Передовой
хищник 212

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

А.А. Зданович
Западный поход 226

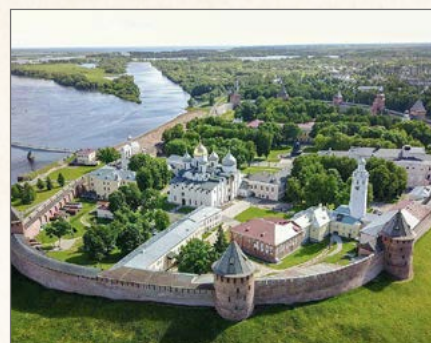
★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Р.К. Баландин
Девятнадцатый съезд
партии 237

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

Пути становления 247

★ КИЕВСКАЯ РУСЬ И УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА

С.М. Соловьев
Природа русской государствен-
ной области и ее влияние
на историю 272

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Черный юмор 287

Б.В. Прянишников
В стане белых 288

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

КУРСКАЯ БИТВА

▲ Танковое сражение

События ранней весны 1943 года мне особенно памяты. Это и понятно. Курская битва, к которой мы готовились продолжительное время, во многом определила дальнейший ход второй мировой войны. Весной 1943 года нацистское руководство Германии предприняло последнюю крупную попытку повернуть войну вспять, добиться былого преимущества, взять реванш за поражения под Сталинградом, на Северном Кавказе, Верхнем Дону и под Ленинградом, в результате которых фашисты потеряли на советско-германском фронте все, что захватили в летне-осеннем

наступлении 1942 года. Теперь, планируя большое наступление на лето, гитлеровское руководство надеялось доказать, что война не проиграна, что все еще можно изменить.

В феврале — марте 1943 года один из наиболее опытных военачальников немецко-фашистской армии генерал-фельдмаршал Манштейн возглавил контрнаступление группы армий «Юг» в районе Донбасса и Харькова. Причем Гитлер как верховный главнокомандующий непосредственно участвовал в разработке плана контрнаступления. Надеясь на крупную военную победу на Восточном фронте, он рассчитывал тем

самым поднять моральный дух немецкой армии и народа, предотвратить начавшийся распад фашистского блока и восстановить военно-политический престиж Германии. Стратегические задачи противника сводились к тому, чтобы ударами танкового корпуса СС из района Краснограда, а 48-го и 40-го танковых корпусов — от Красноармейского по сходящимся направлениям на Павлоград и Барвенково разгромить выдвинувшиеся на подступы к Днепропетровску войска правого крыла нашего Юго-Западного фронта, отбросить их на Северский Донец и восстановить прерванные коммуникации группы

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ, советский государственный и военный деятель, выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального Штаба (1942-1948), главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (1945), министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР (1949-1953).

▲ А. М. Василевский — слева

армий «Юг», ведущие к переправам через Днепровскую излучину. В последующем, перегруппировав силы в район юго-западнее Харькова, враг намеревался нанести мощный удар по войскам Воронежского фронта, вновь захватить Харьков и Белгород и, восстановив оборону своих войск по рубежу Северского Донца, продолжать наступление в сторону Курска. Предусматривалось также, что встречный удар нанесет на Курск 2-я танковая армия группы «Центр» из района южнее Орла.

Последовавший 19 февраля удар для советских войск Юго-Западного фронта, продвинувшихся в ходе зимнего наступления к Днепру и стоявших недалеко от Запорожья, был крайне неожиданным. К концу февраля в ходе ожесточенных сражений врагу удалось отеснить наши войска за Северский Донец. Как же это произошло? Поскольку эти события мало освещены, остановлюсь на них несколько подробнее. Командую-

щие Юго-Западным и Воронежским фронтами неправильно оценивали сложившуюся к середине февраля стратегическую обстановку на этом крыле советско-германского фронта. Начавшуюся в десятых числах февраля перегруппировку войск врага, в частности переброску танкового корпуса СС из-под Харькова в район Краснограда, а 48-го и 40-го танковых корпусов — с левого фланга Юго-Западного фронта в район Красноармейского, они восприняли как начало отвода врагом его донбасской группировки за Днепр. Исходя из этой неправильной оценки, командующий Юго-Западным фронтом Н.Ф. Ватутин просил у Ставки разрешения на стремительное наступление всеми силами фронта, чтобы окончательно разгромить противника между Северским Донцом и Днепром и выйти на Днепр еще до начала весенней распутицы.

В ответ на это И.В. Сталин в переговорах с Н.Ф. Ватутиным в ночь

на 11 февраля сказал следующее: пока Харьков не взят нашими войсками, вместо предлагаемой фронтом операции «Скачок» лучше было бы принять другой план — с ограниченными задачами, но более реальными на данный момент. Общая задача фронта на ближайшее время — не допускать отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и силами всего фронта принять меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника, оттеснив ее в Крым, затем закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать ее таким образом от остальных вражеских войск на Украине. Операцию необходимо начать возможно скорее, а решение прислать в Генеральный штаб.

17 февраля, после освобождения Харькова, И.В. Сталин лично передал по телефону Н.Ф. Ватутину, что представленный им новый план фронтовой операции утвержден. Но Верховный просил учесть его замечания о задачах 6-й армии, сделанные еще при переговорах об операции «Скачок». Речь шла о том, чтобы эта армия заняла Синельниково, а потом Запорожье и не дала войскам противника возможности отойти на западный берег Днепра через Днепропетровск и Запорожье. «Других задач, вроде выдвижения на Кременчуг, пока не давать шестой армии». Таким образом, и Ставка, и Генеральный штаб допустили ту же ошибку, что и командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами: не ожидали наступательных операций врага, считая его здесь разбитым. Ставка не только согласилась с предложениями командующих по развитию дальнейшего наступления, но в своих директивах даже расширила планы фронтов. При этом Ставка никаких мероприятий по уси-

▲ Манштейн и Гудериан

лению их войск не предпринимала. В результате Юго-Западный фронт продолжал с боями продвигаться в западном и юго-западном направлениях, с каждым днем увеличивая ширину фронта наступления, к началу контрнаступления врага достигшую уже более 400 км. К тому же наши войска в результате непрерывных и длительных наступательных боев несли большие потери в живой силе и технике и из-за чрезмерной удаленности от баз снабжения испытывали острый недостаток в боеприпасах.

Вражеское контрнаступление и быстрый отход войск правого крыла Юго-Западного фронта создали серьезную угрозу левому крылу Воронежского фронта, войска которого тоже были крайне ослаблены в наступательных боях, но все еще продолжали продвигаться в западном направлении.

В первых числах марта Верховный Главнокомандующий дал мне указание вернуться на Воронежский фронт. Командование и штаб фронта находились тогда в Белгороде. Посетив войска и штаб 3-й танковой армии, я убедился, сколь серьезна сложившаяся обстановка, и подробно доложил о ней Верховному. Он распорядился передать Воронежскому фронту группу войск П. С. Рыбалко из Юго-Западного фронта. Но этого оказалось недостаточно.

4 марта противник начал второй этап контрнаступления, нанеся мощный танковый удар сосредоточенными силами по Воронежскому фронту из района юго-западнее Харькова. Используя значительное превосходство, особенно в танках и в авиации, враг после кровопролитных боев 7 марта сломил сопротивление героических войск левого крыла Воронежского фронта и вынудил их начать

отход к Харькову. Здесь-то и получил свое боевое крещение сформированный на территории СССР чехословацкий батальон под командованием Людвика Свободы. Военный совет фронта и я как представитель Ставки — от имени советского народа, командования и от себя лично — направили чехословацким воинам, показавшим образцы мужества и отваги и проявившим себя достойными боевыми соратниками советских братьев по оружию, сердечную благодарность и пожелания дальнейших боевых успехов в нашей общей борьбе с оккупантами. В ответ на это, как пишет Л. Свобода в своей книге «От Бузулука до Праги», «бойцы поклялись продолжать решительную борьбу с фашистскими захватчиками и довести до победного конца дело, за которое пали их товарищи»...

После 7 марта обстановка на левом крыле Воронежского фрон-

та продолжала ухудшаться. В ночь на 10 марта у меня состоялся обстоятельный разговор по телефону с Верховным Главнокомандующим. Мы обсудили, что должна предпринять Ставка, чтобы немедленно и серьезно усилить курско-белгородско-харьковское направление. Решили срочно перебросить сюда две общевойсковые и одну танковую армии. В директиве Ставки, адресованной командующему Центральным фронтом К.К. Рокоссовскому, мне и командующему Воронежским фронтом Ф.И. Голикову, говорилось:

«Выход южной группы противника севернее Харькова в район Казачья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и несет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Противник имеет намерения выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту. Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова{48} навстречу поднимающемуся на север противнику с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов. Ставка приказывает: 1. Немедля выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска с тем, чтобы не позднее 13 марта армия выдвинулась южнее Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни. 2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстрейшего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией. Ставка доводит до вашего сведения, что как 21-я армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта сего года в подчинение командующего Воронежским фронтом».

Находившемуся в то время в Курске в качестве представителя Ставки заместителю начальника Генерального штаба А.И. Антонову было приказано принять все меры для быстрейшего выдвижения на реку Псел 21-й армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. Армия должна была прочно

▲ И.В. Сталин

держат этот рубеж, прикрыть Курск с юга и обеспечить развертывание прибывавшей сюда из резерва Ставки 1-й танковой армии. Ставкой дано также указание срочно перебросить в распоряжение командования Воронежским фронтом 64-ю армию генерал-лейтенанта М.С. Шумилова, находившуюся в ее резерве в районе Сталинграда. Войска Воронежского фронта продолжали упорно отбивать подступы к Харькову, но сами своими сравнительно слабыми силами не смогли сдержать танковый напор фашистов и вынуждены были 15 марта оставить город. Под Белгородом основной удар врага пришелся по крайне ослабленной 69-й армии генерал-лейтенанта М.И. Казакова. С юга наступал танковый корпус СС, с запада — армейский корпус. Фашисты непрерывно бомбили Белгород. 18 марта враг, прорвавшись с юга, овладел городом. Командование Воронежского фронта

и я покинули его ранним утром и переехали в район Обояни.

Хотелось бы заметить, что даже при всей неожиданности вражеского контрнаступления наш отход не носил на себе следов растерянности и смятении. Ни порядок, ни руководство войсками не нарушались, хотя все тяжело расставались со столь дорогими нашему сердцу городами и районами. Мы верили, что скоро они вновь станут свободными. На это была направлена напряженная работа Ставки и Генштаба. По распоряжению Верховного Главнокомандующего к нам прибыл Г.К. Жуков, которому поручалось вместе со мной и командующими фронтами разработать и представить в Ставку соображения по плану дальнейших действий на этом направлении.

19 марта мы с Георгием Константиновичем докладывали Верховному Главнокомандующему о том, что все наше внимание нацелено

▲ Г.К. Жуков, И.С. Конев

на то, чтобы остановить продвижение противника из Белгорода на север и северо-восток. Для этой цели мы организовали прочную оборону по Северскому Донцу и далее через Гостищево, Быковку, Дмитриевку, Красную Яругу и Краснополье, прикрывая [298] преимущественно направления на Обоянь и Корочу. 69-ю армию М.И. Казакова с танковым корпусом В.М. Баданова мы отводили на восточный берег Северского Донца; 21-ю армию И.М. Чистякова усиливали прибывавшими полками самоходной артиллерии; танковый корпус И.А. Вовченко выводили непосредственно севернее и северо-западнее Белгорода, чтобы прикрыть дорогу на Обоянь и Тамаровку; 40-ю армию К.С. Москаленко отводили на рубеж Дмитриевки, Красной Яруги в стык 21-й армии И.М. Чистякова и 38-й Н.Е. Чибисова, а сами выехали в войска, чтобы уточнить положение в районе Белгорода и помочь организовать там оборону.

От А.И. Антонова, находившегося в Курске, мне было известно, что 21-я армия 17 марта вышла к Ольховатке, а в Курске 18 марта уже находилась 1-я танковая армия. К 23 марта после того, как 64-я (7-я гв.) армия вышла к Северскому Донцу, встав между 69-й и 3-й танковой армиями, а 21-я армия организовала прочную оборону на рубеже 25—30 км севернее Белгорода, линия фронта в районе Обояни стабилизировалась. Попытки немцев развить здесь

наступление успеха не имели, и Воронежский фронт перешел к жесткой обороне. 22 марта я получил разрешение вернуться в Москву. Вслед за мною и по моей просьбе было разрешено прибыть в Москву А.И. Антонову. Вскоре мне довелось представить Алексея Иннокентьевича Верховному Главнокомандующему. Теперь мы почти ежедневно вместе посещали Ставку.

На фронте в те дни произошло некоторое перемещение: Н.Ф. Ватутин был назначен командующим Воронежским фронтом вместо Ф.И. Голикова, отозванного в распоряжение Ставки. Командующим Юго-Западным фронтом вместо Н.Ф. Ватутина стал Р.Я. Ма-

линовский, а вместо него на Южный фронт был выдвинут командарм-57 Ф.И. Толбухин. Забегая вперед, скажу, что последний вполне оправдал оказанное ему доверие. Он отлично командовал позднее 3-м Украинским фронтом во время освобождения Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. После войны Маршал Советского Союза Толбухин руководил ответственными участками обороны страны, чуть ли не до своей безвременной кончины внося заметную лепту в наше общее дело...

Красная Армия, временно перейдя к обороне, сохранила за собой инициативу. На советско-германском фронте наступило весеннее затишье. Лишь на Кубани продолжались ожесточенные сражения за завоевание господства в воздухе. В центре же, вокруг Курска, образовалась своеобразная дуга, обращенная в сторону противника. С севера над ней нависал находившийся в руках противника Орловский выступ. С юга линия фронта тянулась примерно по белгородской параллели. А западный конец дуги шел чуть восточнее Севска, Рылска и города Сумы. Внутри огромной дуги и близ нее стояли в напряженном ожидании наши десять общевойсковых, две танковые и две воздушные армии Центрального и Воронежского фронтов.

Стратегическая пауза в течение

▲ Н.Ф. Ватутин Воронежский фронт

апреля — июня 1943 года была использована обеими воюющими сторонами для выработки новых стратегических решений и подготовки к летним активным действиям. Неудача весеннего контрнаступления, в ходе которого немцы добились ограниченных успехов, не отрезвила руководителей вермахта. Жажда реванша, стремление во что бы то ни стало восстановить пошатнувшийся престиж немецко-фашистской армии толкали гитлеровцев на очередные авантюры. Они не хотели считаться с тем, что обстановка на фронтах второй мировой войны складывается для Германии все более неблагоприятно. Крупные поражения на востоке ускоряли начавшийся процесс распада фашистской коалиции. Во время наступления наших войск зимой 1943 года было разгромлено 100 вражеских дивизий (около 40% всех их соединений). Только по сухопутным войскам с июля 1942 года по июнь 1943 года, по данным генштаба сухопутных сил Германии, враг потерял 1 млн 135 тыс. человек. Кроме того, события на советско-германском фронте способствовали тому, что англо-американские войска повели в Тунисе активные действия.

По-прежнему главную тяжесть борьбы несли на себе Вооруженные Силы СССР. В марте 1943 года на востоке находилось более 70% всех войск вермахта (194 дивизии из 273), совместно с немецко-фашистскими войсками действовали 19 дивизий и 2 бригады союзников Германии. Характерно, что в состав сухопутных войск гитлеровское командование вынуждено было включить значительную часть авиаполевых, охранных, резервных и «иностраных» дивизий, боеспособность которых резко снизилась. Упали боевой дух и выучка даже танковых дивизий, о чем довольно выразительно писал в своем докладе от 9 марта 1943 года генерал-инспектор бронетанковых войск Германии Гудериан: «К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной полностью боеспособной дивизии». Однако имевшихся у фашистов сил было до-

▲ Модель и Гудериан

статочно, чтобы продолжать войну и осуществить крупные наступательные операции. И когда перед гитлеровцами встала задача выработать дальнейшую стратегическую линию ведения войны и конкретный план военных действий на лето 1943 года, решить этот сложный вопрос они смогли не сразу. Среди генералитета вермахта не было не только единства мнений, но и вообще возникли серьезные разногласия.

Какие же варианты действий предлагались и каким оказался окончательный стратегический план дальнейшего ведения войны Германией на Восточном фронте? Не зная в то время, конечно, всего этого в деталях, мы все же многое предвидели и о многом догадывались, опираясь как на сведения, поступавшие от разведорганов, так и на анализ происходивших событий. Имеющиеся в нашем распоряжении документы раскрывают полностью механизм подготовки нового наступления немецкой армии на советско-германском фронте. При всех противоречиях и спорах планы немецкого командования сводились к тому, чтобы решительно ослабить ударную силу ожидавшегося ими летом наступ-

ления советских войск, после чего развернуть победное наступление на востоке, вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования и добиться перелома в войне в свою пользу.

Хотя относительно путей достижения этой цели среди нацистских руководителей не было единой точки зрения, принятое решение предусматривало провести летом крупную наступательную операцию против группировки советских войск, располагавшейся внутри Курской дуги, и попытаться повторить стратегический замысел, который не удалось осуществить ранней весной 1943 года.

13 марта командование сухопутных войск отдало за подписью Гитлера оперативный приказ № 5, в котором излагались директивные указания на ведение боевых действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы. В нем ставилась задача после весенней распутицы упредить советские войска в наступлении на отдельных участках фронта и навязать тем самым Красной Армии свою волю. В соответствии с этим приказом группе армий «Юг», которой командовал Манштейн, над-

▲ На Степном фронте

лежало к середине апреля создать сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр», командующим которой стал генерал-полковник Клюге, — сосредоточить ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречным ударом сторон в общем направлении на Курск окружить и уничтожить наши войска внутри Курской дуги.

Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель», были изложены в оперативном приказе № 6. Гитлер подписал его 15 апреля 1943 года. В нем, в частности, говорилось: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и полным успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года... Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления».

Основная проблема для фашистского командования состоя-

ла в восполнении потерь в людях и вооружении и создании надлежащих наступательных группировок. Усиленно проводилась начатая еще в январе 1943 года тотальная мобилизация с призывом в армию даже 50-летних. Тем не менее, мобилизация пополнила сильно потрепанные войска на Восточном фронте, численность которых к лету 1943 года была доведена до 4,8 млн. (более 71% личного состава всей действующей армии). Кроме того, 525 тыс. насчитывали войска сателлитов Германии. Противник имел тогда на советско-германском фронте 232 дивизии, 5850 танков и штурмовых орудий, 54,3 тыс. орудий и минометов, 2980 боевых самолетов, на море — 69 боевых кораблей основных классов. Таким образом, несмотря на принятые меры и возможность переброски дивизий с Запада, где по-прежнему не было второго фронта, врагу не удалось восполнить все свои потери и довести численность войск на Восточном фронте до уровня осени 1942 года, когда она была наибольшей за все время войны (около 6,2 млн. человек). Особое внимание Берлин уделил восстановлению мощи бронетанковых войск, для чего форсированными темпами

развивалась танковая промышленность, которая увеличила производство танков в 1943 году по сравнению с 1942 годом в два раза. На вооружение немецко-фашистской армии к началу летнего наступления поступили более совершенные тяжелые танки «Пантера» и «Тигр», самоходная артиллерийская установка «Фердинанд». Авиация получила новые самолеты — «Фокке-Вульф-190А» и «Хешпель-129».

Ставка на массовое применение новых образцов боевой техники — одна из характерных черт гитлеровского плана операции «Цитадель». Для ее осуществления были привлечены наиболее боеспособные соединения — 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, а также 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий, — сосредоточенные в компактных ударных группировках севернее и южнее Курска. Созданная на курском направлении группировка составляла к числу дивизий противника на советско-германском фронте более 20% пехотных, около 70% танковых и до 30% моторизованных вражеских дивизий. Численность немецко-фашистских группировок достигала свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов и до 2700 танков и штурмовых орудий. Все эти силы были развернуты на 600-километровом участке, равнявшемся лишь 14% всего советско-германского фронта. Здесь же действовало более 2000 фашистских самолетов, или свыше 65% всех боевых самолетов, находившихся на востоке. Сосредоточив столь мощные силы, противник был уверен в успехе наступления. Однако враг и на этот раз переоценил наступательные возможности своей армии и недооценил неизмеримо возросшую боевую мощь Красной Армии и военно-экономический потенциал Советского Союза.

Советские Вооруженные Силы окрепли организационно. Повысилась их боевое мастерство. Возрос моральный дух воинов. К лету 1943 года в составе нашей Действующей армии было 6,6 млн. человек,

а на ее вооружении — 105 тыс. орудий и минометов, около 2200 боевых установок реактивной артиллерии, 10,2 тыс. танков и САУ, свыше 10,2 тыс. боевых самолетов.

Наличие таких крупных сил и средств позволяло советским войскам, сохранявшим стратегическую инициативу, начать крупное наступление.

Еще накануне Первомайского праздника ЦК партии обратился к Вооруженным Силам с призывом: «Воины Красной Армии! Вас ждут, как освободителей, миллионы советских людей, изнывающих под немецко-фашистским игом. Вперед на Запад, за освобождение советской земли!»

Цель нового наступления состояла в том, чтобы завершить наметившийся перелом в войне, разгромить вражеские группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину с угольно-металлургической базой Донбассом и восточные районы Белоруссии, изгнав гитлеровские войска за линию реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра.

К выработке плана предстоявших

действий и всестороннему их обеспечению советское командование приступило сразу же после завершения зимней кампании — в конце марта 1943 года. Уже в начале апреля Генеральный штаб по поручению Ставки дает фронтам указания о том, чтобы использовать время весенней распутицы для лучшей организации обороны занимаемых рубежей, особенно противотанковой, для развития оборонительных сооружений и создания резервов на основных направлениях, а также для боевой подготовки войск, в основу которой положить отработку наступательного боя и наступательной операции. Как всегда, а тогда особенно, главной заботой Центрального Комитета Коммунистической партии, Государственного Комитета Обороны, Ставки, Генерального штаба, Главных управлений Наркомата обороны и других соответствующих союзных наркоматов было создание мощных резервов и накопление танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов, горючего и прочих материальных ресурсов, необходимых войскам для проведения крупных наступательных

операций. Не проходило дня, чтобы Ставка не занималась этими вопросами. Ответственные работники Генштаба при своих ежедневных докладах Верховному Главнокомандующему об оперативной обстановке на фронте обязаны были более подробно, чем обычно, сообщать о ходе создания резервов и накопления вооружения, боевой техники, боеприпасов и горючего. По всем затруднениям ГКО немедленно принимал действенные меры.

Ставка утвердила предложение Генштаба вывести к апрелю на наиболее ответственных для того периода направления — орловском, курском, харьковском и донбасском на укомплектование следующие войсковые объединения и соединения: 2-ю резервную армию — в районе станции Лев Толстой; 24-ю армию — в районе Воронежа; 66-ю армию — в районе Бобровка; 46-ю армию и 1-й гвардейский танковый корпус — в районе Миллерово; 53-ю армию, 1-й механизированный и 4-й гвардейский танковый корпус — в районе Касторного; 5-ю гвардейскую танковую армию —

▲ Немецкие пантеры

▲ В.Д. Соколовский

в районе Острогожска; 3-й танковый корпус — в районе Алексеевки; 5-й механизированный корпус — в районе Мичуринска; 18-й танковый корпус — в районе Россоши. К 30 апреля они должны находиться в полной боевой готовности.

На 1 апреля в резерве Ставки было до девяти армий. 6 апреля Ставка дала директиву создать к 30 апреля Резервный фронт (переименованный сначала в Степной округ, а затем в Степной фронт). Командующим этим фронтом был назначен генерал-лейтенант М.М. Попов, начальником штаба генерал-лейтенант М.В. Захаров.

В состав Резервного фронта были включены: 2-я резервная армия, 24-я, 53-я, 66-я, 47-я и 46-я армии, 5-я гвардейская танковая армия, 1-й, 3-й и 4-й гвардейские танковые корпуса, 3-й, 10-й и 18-й танковые корпуса, 1-й и 5-й механизированные корпуса. Все эти войска дислоцировались в районах Касторного, Воронежа, Боброва, Миллерова, Россоши и Острогожска. Полевое управление фронта разместилось неподалеку от Воронежа.

Казалось, для организации нашего наступления мы сделали все. Однако вскоре в намеченный Ставкой план летнего наступления, предусма-

тривавший нанесение главного удара на Юго-Западном направлении, были внесены существенные поправки. Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению на Курской дуге и даже установить его дату.

Советское командование оказалось перед дилеммой: наступать или обороняться? Были внимательнейшим образом проанализированы все возможности, изучены все варианты действий. Принять единственно правильное решение помог коллективный разум, творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов, от фронтовой ступени до Верховного Главнокомандования. Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта — начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке. Тщательно, со всех сторон обсуждали мы этот вопрос по телефону с заместителем Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуковым, который находился на Курской дуге, в войсках Воронежского фронта. В результате 8 апреля Г.К. Жуков направил Верховному Главнокомандующему обстоятельный доклад с оценкой обстановки, в котором изложил соображения о плане действий в районе Курской дуги. Там, в частности, отмечалось: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю целесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Я как раз находился у И.В. Сталина, когда он получил этот доклад. Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал:

— Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов,—

и распорядился запросить мнение фронтов. Генштабу он поручил подготовить специальное совещание для обсуждения плана летней кампании 1943 года. Н. Ф. Ватутину и К. К. Рокоссовскому он позвонил сам, просив их к 12 апреля представить соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий фронтов. В своих донесениях командующие сообщали, что в отношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Г. К. Жукова и Генерального штаба. Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать ее для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага.

12 апреля вечером в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовали И. В. Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г. К. Жуков, я и заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов. Было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Сталина

беспокоило, и он не скрывал этого, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков.

Однако шел уже не 1941 год. Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение и прекрасную боевую технику. Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены. Тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод: главные усилия надо сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром. В дальнейшем имелось в виду развернуть общее наступление Красной Армии, нанося главный удар в направлении на Харьков, Полтаву и Киев. Между прочим, на совещании был предусмотрен и другой вариант действий: переход советских войск к активным действиям в случае, если фашистское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время и оттянет его на длительный срок.

После принятия решения о преднамеренной обороне с последующим переходом в контрнаступление развернулась всесторонняя и тщательная подготовка к предстоящим действиям. Одновременно продолжалась разведка сил и намерений

противника, в результате чего советскому командованию стали достаточно точно известны сроки начала вражеского наступления, которое трижды переносилось Гитлером. Рассказывая здесь о плане Курской битвы, мне хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, то, что этот план являлся центральной частью общего стратегического плана, принятого Ставкой на летне-осеннюю кампанию 1943 года; во-вторых, что решающую роль в разработке плана сыграли высшие органы стратегического руководства — Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб. До недавнего времени вопрос о планировании и подготовке Курской битвы в военно-исторической литературе, как научной, так особенно мемуарной, освещался не совсем точно, — вольно или невольно прижалась большая творческая и организационная деятельность Ставки и ее рабочего органа — Генерального штаба, преувеличивалась роль фронтовых инстанций, и прежде всего военного совета Воронежского фронта. Эти искажения, на мой взгляд, явились результатом того, что в распоряжении авторов, выступавших по этой проблеме, долгое время не было документов, которые всесторонне освещают ход планирования Курской битвы. К тому же ряд важных деталей вообще не нашел отражения ни в каких документах, так как обсуждались они в самой высокой инстанции в узком кругу лиц, руководивших подготовкой Курской битвы. Это относится, помимо И. В. Сталина, к Г. К. Жукову, А. И. Антонову, к автору этих строк и некоторым другим товарищам, работавшим в годы войны в ГКО, Ставке и Генштабе.

Трудно описать весь круг крупных мероприятий, которые были проведены ГКО, Ставкой, Генеральным штабом и управлениями Наркомата обороны в ходе подготовки к битве на Курской дуге. Для этого потребовался бы специальный труд. Это была поистине титаническая государственная работа. Она, в частности, включала в себя такие мероприятия, как создание многополосной обороны на курском направлении общей глу-

▲ А.И. Антонов

▲ И.Р. Апанасенко, А.И. Родимцев, П.А. Ротмистров, Воронежский фронт

биной в 250—300 км; выдвигание в район восточнее Курска мощного стратегического резерва Ставки — Степного фронта; осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения у Курска материальных средств и войск; организация специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе; активизация действий партизан с целью осуществления массовых диверсий в тылу врага и получения важнейших разведывательных данных; проведение большого комплекса мероприятий по политическому обеспечению предстоящих действий Красной Армии.

В середине апреля Ставка через Генеральный штаб и руководящий состав Наркомата обороны проверила на местах подготовку к летней кампании на фронтах курского направления. К тому времени, по имевшимся у нас данным, враг сосредоточил против войск Центрального и Воронежского фронтов до 16 танковых дивизий, хорошо

укомплектованных боевыми машинами. Наиболее мощная группировка фиксировалась перед Воронежским фронтом. Здесь, по данным разведки, насчитывалось 11 танковых и до 20 пехотных фашистских дивизий. Это особенно беспокоило Верховного Главнокомандующего, и он решил заслушать отчет непосредственно командующего Воронежским фронтом о том, как идет подготовка войск и в чем фронт нуждается. Мне было приказано предупредить об этом военный совет фронта, а затем вызвать командующего в Ставку.

Как же выглядела вся наша полосо преднамеренной обороны? Накануне вражеского наступления картина была следующей. По Дону, от Лебедяни через Задонск, Хлевное, Семилуки, Лиски и Павловск к Верхнему Мамону, шла линия укреплений «государственного рубежа обороны» (ГРО). Перед ней располагались стратегические резервы советских войск. Севернее, в тылу левого крыла Западного, а также Брянского фронтов, они охватывали

11-ю (у Калуги), 4-ю гвардейскую (у Тулы) и 3-ю гвардейскую танковую (у Верхоупья) армии и помимо того ряд соединений возле Мосальска, Мещовска, Плавска и Ефремова. Западнее ГРО находился Степной фронт (между Красной Зарей и Ливнами — 27-я армия, у Касторного — 53-я армия, между Средней Апочкой и Гнилым — 5-я гвардейская армия, а также ряд соединений западнее Воронежа и у Старого Оскола).

Южнее расположились стратегические резервы в тылу Юго-Западного фронта: 47-я армия между Лимаревом и Кривоносовкой, 5-я гвардейская танковая армия между Острогоском и Россошью, ряд соединений у Павловска, Новой Калитвы, Марковки и Валук. От Ливен по реке Кшень и далее к верховьям Сейма тянулся оборонительный рубеж Степного фронта. По линии Верховье — Ливны — Евланова — Долгая — Тим — Скородное — Чернянка — Буденное проходил третий фронтовой рубеж обороны, почти стягивавший собою Курскую дугу.

Второй фронтовой рубеж шел западнее, от Евлановой поворачивая к 1-й Воробьевке, затем огибая с запада полукругом Курск, через Солнцево к Мантурову, оттуда к Гнилому, Волоконовке и Валуйкам. Первый фронтовой рубеж пересекал Ольховатку, Фатеж, Любимовку, Марьино, Корочу, Шебекино и Купянск. Еще ближе к линии фронта, примерно повторяя ее очертания, тянулись третья, вторая армейская и главная полосы обороны. Во втором эшелоне фронтов находились 1-я и 2-я танковые, 69-я армии. Резервы фронтов составляли 2-й, 5-й гвардейские, 9-й, 19-й танковые, 35-й гвардейский стрелковый корпус, артиллерийские части и соединения у Поньрей, Ольховатки, Курска, Белого, Ивни, Обояни, Ржавы, Прохоровки, Александровского, Скородного и Корочи.

Из одного этого перечисления видно, сколь серьезно относилось руководство страны к проблеме планирования и обеспечения преднамеренной обороны. Даже если бы враг прорвался (что ему не удалось), он встретил бы на своем пути не оперативный простор, а труднопреодолимые преграды и крупные войсковые заслоны.

Принимая непрерывное и самое активное участие в подготовке войск фронтов курского направления к отражению удара врага и к переходу их в контрнаступление, Генеральный штаб продолжал заниматься одновременно разработкой другой операции, тесно связанной с планом действий на курском направлении и получившей условное наименование «Кутузов». Ее цель заключалась в том, чтобы усилиями левого крыла Западного и всего Брянского фронтов (50-я, 11-я гвардейская, 61-я, 3-я, 63-я армии) в тесной увязке с действиями Центрального фронта, в наиболее выгодный для нас момент нанести удар по орловской группировке противника, овладеть городом Орел.

Верховный Главнокомандующий придавал операции «Кутузов» важное значение. В середине мая он дал мне указание выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта,

чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска поставленные перед ними задачи и как идет подготовка к их выполнению. Начал я с левого крыла Западного фронта и вот что докладывал Верховному в донесении от 21 мая из штаба 61-й армии (генерал-лейтенанта П. А. Белова) Брянского фронта, куда я только что прибыл из 11-й гвардейской армии (генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна) Западного фронта:

«1. В течение 19 и 20. V совместно с тт. Соколовским и Булганиным проверили подготовку к операции 11-й гвардейской армии тов. Баграмяна. По сравнению с Брянским фронтом здесь проделана большая работа как по подготовке комсостава, так и войск в целом, остается лишь отработать отдельные детали и по получении распоряжения вывести войска в исходное положение. Слабо с танками и авиацией. Командованием фронта выделены для Баграмяна имеющиеся два танковых полка прорыва и четыре отдельные танковые бригады. На восстановление 1-го и 5-го танковых корпусов получено всего лишь 100 танков. Было бы крайне желательно к началу операции подкрепить еще двумя танковыми полками прорыва. В отношении авиации тов. Новиков сообщил, что решением Ставки последняя усиливается, но, к сожалению, лишь к 15. VI, то есть, по-видимому, после начала операции.

2. Вечером 20. V. вернулся к Белову. Здесь, а также у Колпакчи идет отработка задач и взаимодействия с командирами полков и батальонов на местности. Готовность войск фронта задерживают слабое поступление боеприпасов и еще не прибывший к Белову 7-й артиллерийский корпус.

3. Считаю, что войска в целом будут готовы к занятию исходного положения 28 мая. На занятие исходного положения и на развертывание артиллерии потребуется до пяти суток.

4. Одновременно с подготовкой операции уделено исключительное внимание готовности нашей обороны и особенно на направлени-

ях спас-деменском, жиздринском и белевском». Далее я сообщал, что, по показаниям авиационной, военной и партизанской разведки, противник продолжает подтягивать на первые два направления пехоту и особенно танки. Партизаны видели на спас-деменском направлении прибывшую с запада одну танковую дивизию. Хотя наличие ударных группировок позволяло более или менее надежно обеспечить как калужское, так и тульское направления, все же я считал целесообразным переместить 19-й стрелковый корпус из района Гжатска в Юхнов, оставив его в составе 10-й гвардейской армии. С этой же целью 4-ю стрелковую дивизию МВО я предлагал перевести из Загорска в Малоярославец.

В ту же ночь Верховный вызвал меня в Москву. В Ставке и Генштабе продолжалась напряженная работа. В первых числах июня на должность командующего войсками Брянского фронта вместо М. А. Рейтера был назначен генерал-полковник М. М. Попов.

Маркиан Михайлович Попов был человеком большого военного дарования, умел хорошо разбираться в оперативно-стратегических вопросах. Много мне приходилось с ним встречаться на фронте при проведении серьезных стратегических операций. Война застала его в должности командующего Северным, а затем Ленинградским фронтом, потом его служебная карьера оказалась изменчивой, как ни у кого. Приняв командование войсками Брянского фронта, он показал себя с лучшей стороны и вскоре был назначен командующим войсками 2-го Прибалтийского фронта. Известно и о том, что М. М. Попов являлся командующим двумя армиями и заместителем командующих Сталинградского и Юго-Западного фронтов.

Как видно, М. М. Попов во время войны то повышался по служебной должности, то спускался ниже. Начав войну командующим войсками Ленинградского фронта, заканчивает ее начальником штаба того же фронта. То же самое происходило и с его воинскими званиями. В вой-

▲ Поныри

ну вступил в чине генерал-лейтенанта, в 1944 году получает звание генерала армии, а заканчивает войну генерал-полковником. И все это при его исключительных способностях, при том, что он был разносторонне образованным военачальником, интересным собеседником и к тому же очень добрым человеком. Но его беда и горе — склонность к выпивке. Просто было больно смотреть, как он, волевой командир, так бесконтрольно вел себя. М.М. Попова ценило Верховное Главнокомандование, с ним не раз вели серьезный разговор в Политбюро ЦК партии. Но строгие внушения и обещания исправиться помогали лишь на какое-то время.

Думаю, что не допущу ошибки, если скажу, что только этот недостаток помешал М.М. Попову в полной мере раскрыть свой военный талант.

Я отправился на Брянский фронт, чтобы на месте ознакомить М.М. Попова с задачами, стоявшими перед войсками фронта. В течение четырех дней я побывал в войсках 61-й, 63-й и 3-й армий. Вместе с новым командующим мы еще раз проверили состояние обороны и ход подготовки к предстоящим действиям. Против-

ник по-прежнему никак себя не проявлял.

В ночь на 10 июня я опять вернулся в Москву, чтобы после короткой паузы по указанию Ставки в ближайшие же дни снова отправиться на Воронежский фронт. На меня была возложена координация действий войск Воронежского и Юго-Западного фронтов, а на Г.К. Жукова — Центрального, Брянского и Западного фронтов. Все это еще раз свидетельствовало о том, как обеспечивало Верховное Главнокомандование четкость проведения операции. Через своих представителей Ставка осуществляла руководство войсками на главных участках.

В этот ответственный момент советское командование предъявляло особые требования к органам разведки. И, нужно сказать, она была на высоте и неплохо помогала нам. В первые два года войны мы, руководители Генштаба, не раз выслушивали справедливые упреки Верховного Главнокомандующего в адрес Разведывательного управления. В 1943 году таких замечаний почти не было. Как ни стремился враг держать в тайне планы своего наступления, как ни старался от-

влекать внимание советской разведки от районов сосредоточения своих ударных группировок, нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 года, направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления. Правда, в течение мая по инициативе Генштаба фронты курского направления дважды предупреждались о возможном наступлении врага в ближайшие дни. Между тем ни в том, ни в другом случае наступления противника не последовало. Но это произошло, как выяснилось в дальнейшем, не по вине нашей разведки, а в результате того, что Гитлер, стремясь еще более усилить сосредоточенные под Кромами и Борисовкой войска, переносил сроки начала наступления.

8 мая в адрес командующих Брянским, Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтами Ставка направила следующую директиву: «По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10—12 мая на орловско-курском или на белгородско-обояньском направлении, либо на обоих направлениях вместе. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает к утру 10 мая иметь все войска как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации, с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе». В директиве, направленной Ставкой в ту же ночь командующему Степным военным округом, требовалось «всемерно ускорить доукомплектование войск округа и к утру 10. V все наличные войска округа иметь в полной боевой готовности как для обороны, так и для активных действий по приказу Ставки. Особенное внимание уделить готовности авиации встретить возможные удары авиации противника по нашим аэродромам и по войскам».

20 мая Генштаб, на основе вновь полученных данных о противнике, направил с разрешения Верховного Главнокомандующего фронтам предупреждение о том, что фашистское наступление ожидается не позднее 26 мая. После первого предупреждения, когда оно не подтвердилось, военный совет Воронежского фронта усмотрел в этом колебания, а быть может, и отказ врага от перехода в наступление и просил Верховного Главнокомандующего решить вопрос о целесообразности нанести противнику упреждающий удар. И. В. Сталин очень серьезно заинтересовался этим предложением, и нам — Жукову, мне и Антонову — стоило некоторых усилий, чтобы убедить его не делать этого.

В середине июня Жуков, будучи первым заместителем наркома обороны, вновь находился в войсках на Курской дуге. В результате непрерывного и самого тщательного войскового наблюдения за противником как на Воронежском, так и на Центральном фронтах, а также по данным,

поступавшим от всех видов разведки, нам уже точно было известно, что фашисты полностью изготовились к наступлению. Но наступления почему-то не начинали. Вот это «почему-то» немало беспокоило нас, а некоторых даже выводило из равновесия. Особую нетерпеливость начал проявлять командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин. Николай Федорович неоднократно ставил передо мной вопрос о необходимости начать самим наступление, чтобы не упустить лучшее время. Мои доводы, что переход врага в наступление против нас является вопросом ближайших дней и что наше наступление будет безусловно выгодно лишь противнику, его не убеждали.

— Александр Михайлович! Пропустим мы, упустим момент,— взволнованно убеждал он меня.— Противник не наступает, скоро осень и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно.

Из ежедневных переговоров с Верховным Главнокомандующим

я видел, что неспокоен и он. Один раз он сообщил мне, что ему позвонил Ватутин и настаивает, чтобы не позднее первых чисел июля начать наше наступление; далее Сталин сказал, что считает это предложение заслуживающим самого серьезного внимания; что он приказал Ватутину подготовить и доложить свои соображения по Воронежскому фронту в Ставку. Мне же Верховный дал указание, во-первых, помочь Ватутину и, во-вторых, вызвать к себе командующего Юго-Западным фронтом Р. Я. Малиновского, чтобы тот, в свою очередь, разработал и представил в Ставку предложения по своему фронту. Сталин добавил, что собирается говорить по этому вопросу с Жуковым в отношении Центрального фронта К. К. Рокоссовского. Я ответил, что указания будут выполнены, и заметил, что для нас было бы гораздо выгоднее, если бы враг предупредил нас своим наступлением, которого, по всем данным, следует ожидать в ближайшее же время. В конце разговора Сталин сказал, чтобы я не позднее 22 июня прибыл в Москву.

▲ За броню танков

На следующий день я передал распоряжение Верховного прибывшим ко мне Р.Я. Малиновскому и члену военного совета Юго-Западного фронта А.С. Желтову. Из состоявшегося затем разговора с Г.К. Жуковым я узнал, что с ним И.В. Сталин на эту тему пока еще не беседовал. Оба мы были убеждены, что первым в течение ближайшей недели удар нанесет противник. С такими мыслями я и покинул 22 июня Воронежский фронт. К тому времени в итоге всех мероприятий и общих усилий на хорошо подготовленных рубежах развернулась сильная группировка войск Воронежского и Центрального фронтов. В ее составе было свыше 1336 тыс. человек, 19,1 тыс. орудий и минометов, 3444 танка и САУ и 2172 самолета (а с учетом самолетов дальней авиации 17 В А, Юго-Западного фронта и ночных бомбардировщиков По-2 — 2900). Позади сосредоточился Степной военный округ, насчитывавший 573 тыс. человек, 7401 орудие и миномет и 1551 танк и САУ. Обе воюющие стороны замерли в ожидании надвигающихся больших событий.

В ночь на 2 июля поступившие в Генштаб от разведывательного управления данные говорили о том, что в ближайшие дни, во всяком случае не позднее 6 июля, переход врага в наступление на курском направлении неизбежен. Я тотчас доложил об этом Сталину и испросил разрешения немедленно предупредить фронты. Затем зачитал ему заранее подготовленный мною проект следующей директивы Ставки: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений. 2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника, 3. Об отданных распоряжениях донести». Ночью 2 июля Сталин утвердил текст директивы, и она была направлена командующим Западным, Брянским, Центральным, Воронежским, Юго-Западным и Южным фронтами.

В тот же день я отправился на Воронежский фронт. Вечером был на КП у «Николаева» (псевдоним Ватутина). В целях маскировки с 15 мая 1943 года по 1 июня 1944 года для руководящего состава Красной Армии псевдонимы были вновь изменены. Сталин стал Ивановым, Жуков — Юрьевым, я — Александровым; командующие фронтами: В.А. Фролов — Валериановым, Л.А. Говоров — Леоновым, К.А. Мерецков — Кирилловым, П.А. Курочкин — Птициным, С.К. Тимошенко — Тимофеевым на севере и Федоровым на юге, А.И. Еременко — Иваненко, В.Д. Соколовский — Василенко, М.А. Рейтер — Максимовым, М.М. Попов — Марковым, К.К. Рокоссовский — Костиным, Р.Я. Малиновский — Родионовым, И.Е. Петров — Ефимовым, И.С. Конев — Степиным, Ф.И. Толбухин — сначала Федоровым, потом Обуховым).

3 июля на Воронежском и на Центральном фронтах прошло, как и все последние дни, спокойно. А с 16 часов 4 июля противник предпринял на широком участке Воронежского фронта боевую разведку примерно четырьмя батальонами, поддержанными 20 танками, артиллерией и авиацией (около 150 самолето-вылетов). Все попытки врага вклиниться в наш передний край были отбиты. Захваченный в бою пленный, немец из 168-й пехотной дивизии, показал, что войскам розданы на руки сухой паек, порции водки и что 5 июля они должны перейти в наступление. Из телефонного разговора с Жуковым я узнал, что то же самое подтверждают немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. Посоветовавшись с Ватутиным, мы решили в ночь на 5 июля провести предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку, которая, как выяснилось позднее, дала исключительный эффект. Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация

на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования также нарушилась. Многими фашистскими командирами сильная контрподготовка была принята за начало нашего наступления. Даже не зная деталей результатов контрподготовки, мы испытывали чувство большого удовлетворения ее общими итогами. Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже.

Так развернулось великое сражение на Курской дуге. В этот день, одновременно с севера и юга, перешли в наступление на Курск обе вражеские группировки. Советские войска вступили в тяжелую борьбу с врагом. Общий ее ход достаточно освещен в литературе, и я напому лишь отдельные ее моменты.

Решением Ставки от 23 июня командующим войсками Степного военного округа был назначен генерал-полковник И.С. Конев, с освобождением его от должности командующего Северо-Западным фронтом. Начальником штаба Степного военного округа стал генерал-лейтенант М.В. Захаров, членом военного совета — генерал-лейтенант И.З. Сусайков. Приказом Ставки от 9 июля Степной военный округ был переименован в Степной фронт. В разное время в него входили армии: 27-я генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко, 47-я генерал-майора П.М. Козлова, 53-я генерал-майора И.М. Манагарова, 4-я гвардейская генерал-лейтенанта Г.И. Кулика, 5-я гвардейская генерал-лейтенанта А.С. Жадова, 69-я генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина, 57-я генерал-лейтенанта Н.А. Гагена, 5-я гвардейская танковая генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова, 5-я воздушная генерал-лейтенанта С.К. Горюнова; корпуса: 4-й гвардейский и 10-й танковые, 1-й гвардейский механизированный, 3-й, 5-й и 7-й гвардейские кавалерийские.

Оборонительная операция Воронежского и Центрального фронтов продолжалась с 5 по 23 июля. С 12 июля в нее включились 5-я гвардейская танковая и 5-я общевойсковая армии Степного фронта, переданные Воронежскому фронту.

▲ Прохоровка

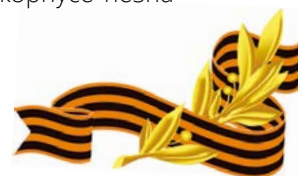
В целом вражеское наступление продолжалось менее недели и 12 июля кончилось провалом. В итоге беспримерного сопротивления советских войск противник, понеся огромные потери и продвинувшись до 12 км на северном фесе Курской дуги и до 35 км на южном, был вынужден прекратить наступление, а затем начать отвод своих войск. Окружить наши войска (на четвертый день наступления, как это предусматривалось планом операции «Цитадель») фашистам не удалось. Советская оборона оказалась сильнее. И тогда же нами были созданы необходимые предпосылки для перехода в запланированное контрнаступление. Главным итогом оборонительного сражения следует, на мой взгляд, считать поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 км от Белгорода. Мне довелось быть свидетелем это-

го поистине титанического поединка двух стальных армий (до 1200 танков и САУ), который произошел на южном фесе Курской дуги 12 июля. Сохранился документ, который был направлен мною 14 июля из этого района боев Верховному Главнокомандующему, он по-своему может свидетельствовать о происшедшем:

«Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. бесперывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.VII серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевна, Петровка 12.VII.43 г. вынудила бро-

сить туда остальные части 5-го механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери, как в людских силах, так и особенно в танках и в авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус—до 30% танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незна-

▲ Атака

чительны. Назавтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровна продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача — разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное — Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Райх» до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с позд-

ним прибытием с фронта. 2 ч. 47 м. 14.VII.43. Из 5-й гвардейской танковой армии».

Весь период оборонительных боев, как и последовавшие вслед за ним наступательные операции, изобиловал примерами массового героизма и боевого мастерства наших славных воинов.

Второй этап Курской битвы начался 12 июля и длился до 23 августа. Первыми перешли в наступление против орловской группировки врага Брянский и Западный фронты генерал-полковников М. М. Попова и В. Д. Соколовского. 15 июля включился в контрнаступление Центральный фронт генерала армии К. К. Рокоссовского. В итоге совместной операции трех фронтов, носившей вышеупомянутое наименование «Кутузов», орловский плацдарм противника к 18 августа был ликвидирован, а действовавшие там силы фашистов разгромлены.

Контрнаступление на белгородско-харьковском направлении началось 3 августа. Оно было проведено совместно силами Воронежского и Степного фронтов при содействии Юго-Западного фронта в рамках операции «Полководец Румянцеv».

В связи с успешным развитием наступления на харьковском направлении Ставка директивой от 6 августа обязала Юго-Западный фронт нанести главный удар на юг, во взаимодействии с Южным фронтом разгромить донбасскую группировку противника и овладеть Горловкой и Сталино (Донецк). Основная задача Южного фронта — нанести главный удар на Сталино и там сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта. Готовность к наступлению устанавливалась 13—14 августа. Координация действий возлагалась: между Воронежским и Степным фронтами — на Г. К. Жукова, между Юго-Западным и Южным фронтами — на меня. 10 августа я представил план действий двух фронтов на утверждение. Тем временем операция на белгородско-харьковском направлении продолжалась. Закончилась она полным разгромом врага и освобождением Харькова.

Мы тогда не имели возможности тщательно анализировать итоги Курской битвы. Но одно было ясно: мы не только выиграли великую битву, но и выросли в ней. Оправдались наши замыслы при разработке плана летней кампании, мы научились

лучше разгадывать намерения врага. У нас хватило воли, характера, просто выдержки и нервов, чтобы не совершить просчета, не начать преждевременно боевые действия, не дать врагу лишний шанс. Разработка оперативно-стратегических задач была осуществлена удачно. Возросло и мастерство управления войсками на всех уровнях. Словом, наше полководческое искусство продемонстрировало и творческий характер, и превосходство над воинским мастерством фашистского командования.

В результате Курской битвы Советские Вооруженные Силы нанесли врагу такое поражение, от которого фашистская Германия уже никогда не смогла оправиться. Были разгромлены 30 ее дивизий, в том числе 7 танковых. Потери немецких сухопутных войск составили более 500 тыс. человек, 1500 танков, 3000 орудий, свыше 3700 боевых самолетов. Эти потери и провал широко разрекламированного нацистской пропагандой наступления вынудили гитлеровцев окончательно перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Крупное поражение на Курской дуге явилось для немецкой армии началом смертельного кризиса.

Москва, Сталинград и Курск стали тремя важными этапами в борьбе с врагом, тремя историческими рубежами на пути к победе над фашистской Германией. Инициатива действий на советско-германском фронте — главном и решающем фронте всей второй мировой войны — была прочно закреплена в руках Красной Армии. Последующие операции велись уже в условиях нашего безраздельного владения этой инициативой, что явилось важным фактором в достижении новых крупных военных побед над врагом.

Таким образом, почти двухмесячная Курская битва завершилась убедительной победой Советских Вооруженных Сил, а ее итоги приобрели несравненное международное значение. Стало очевидным, что мощью советского оружия и самоотверженной борьбой советского народа гитлеровская Германия поставлена перед грядущей катастрофой. Победа под Курском еще более расширила и активизировала фронт национально-освободительной борьбы народов, поработанных фашизмом. Она укрепила симпатии всех трудящихся земного шара к первой стране социализма, несущей освобождение от коричневой чумы.

Читая работы ряда буржуазных авторов о второй мировой войне, я не раз подмечал их стремление всячески умалять значение победы Красной Армии летом 1943 года. Они пытаются внушить читателям мысль, что Курская битва — обычный и незначительный эпизод второй мировой войны, и с этой целью либо замалчивают Курскую битву, либо говорят о ней весьма кратко. Крайне редко встречал я в таких книгах подлинную оценку гитлеровского плана реванша летом 1943 года как авантюристического или констатацию банкротства стратегии фашистских генералов. Но, как гласит народная поговорка, дела сильнее слов. Напомню хотя бы о таком элементарном факте: в разгар Курской битвы наши союзники высадились в Сицилии, а 17 августа переправились оттуда в Италию. Сумели бы они сделать это, имея против себя хотя бы половину тех сил, с которыми мы столкнулись у себя летом 1943 года? Думается, что ответ на этот вопрос ясен.

Помня о битве на Курской дуге, советские люди отдадут дань уважения и признательности своей героической армии, совершившей великий патристический и интернациональный подвиг. И никаким искажителям истории не удастся вычеркнуть его из памяти народов мира. ■

Н.С. БИРЮКОВ

ЗАЩИТИВ КУБУ, МЫ ОТСТУПИЛИ ОТ КРАЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗДНЫ

▲ Облет советского судна самолетом-разведчиком США

Меня поразили широта кругозора, четкость и ясность мысли, энциклопедические знания по существу задаваемых вопросов генерал-лейтенанта Николая Константиновича Белобородова — участника войны, одного из организаторов специальной военной приемки в атомной промышленности, в дальнейшем — начальника одной из центральных баз хранения ядерного оружия, главного военного ядерщика на Кубе в период Карибского кризиса, в 1966-1983 годах — первого заместителя начальника 12 Главного управления Министерства обороны, лауреата Государственной премии. В процессе общения с Николаем Константиновичем, построенного в форме диалога, я использовал диктофон. Как раз эти записи и позволяют воспроизвести в письменной форме некоторые из воспоминаний «ядерного» генерала.

Вопрос:

В 1958 году ядерные боеприпасы, хранившиеся ранее в разобранном виде, были переведены в степень готовности, близкую к максимальной, в которой они подлежали отправке в войска. В связи с чем руководством страны было принято такое решение?

Ответ:

Это решение было вызвано возросшими требованиями к боевой готовности.

Вы знаете, что в 50-х годах США опоясали границы СССР десятками своих авиационных и ракетных баз. Только в Турции было размещено 50 ракет средней дальности «Юпитер», дальность полета которых перекрывала всю Европейскую часть Советского Союза.

Американские стратегические бомбардировщики в воздухе патрулировали у границ СССР, неся боевое дежурство с ядерными бомбами на борту.

А у нас только на сборку ядерных боеприпасов уходили десятки часов...

В связи с этим соответствующим постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР было принято решение о переводе ядерного боезапаса в степень готовности, близкую к максимальной. Данная мера позволила сократить время выдачи войскам ядерных боеприпасов более чем в 2 раза.

Я прекрасно помню этот период, так как именно в 1958 году я был назначен командиром Новгородского объекта. Чтобы выполнить поставленную задачу, сборочные бригады работали в две смены. С переводом объекта на штаты Минобороны, сборочные бригады были усилены личным составом и технологическим оборудованием.

Белобородов Николай Константинович генерал-лейтенант-инженер. Родился 5 ноября 1910 г. В Вооруженных Силах с 1937 г. После окончания в 1941 г. Военно-Воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского проходил службу в авиационных частях на инженерных должностях. В 1958-1966 гг. — начальник одной из центральных баз ядерного оружия. В 1962 г. возглавлял оперативную

▲ Белобородов Николай Константинович

группу Главного управления по ядерно-техническому обеспечению операции «Анадырь». В 1966-1983 гг. — первый заместитель начальника 12 Главного управления Министерства обороны СССР. Лауреат Государственной премии СССР. В 1983 г. уволен в запас.

Вопрос:

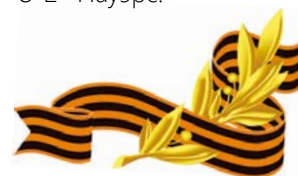
К началу 60-х годов США имели колоссальное преимущество перед СССР в ядерных вооружениях: соотношение ядерных потенциалов в тротиловом эквиваленте составляло 17:1 в пользу США. По логике «холодной войны» СССР не должен был с этим мириться и стремился поставить противоборствующую сторону в положение равной опасности. Справедливо ли данное утвержде-

ние считать одним из основных побудительных мотивов принятия решения Н.С. Хрущевым о размещении на Кубе в 1962 году советского ядерного оружия?

Ответ:

Отчасти да. Карибский кризис явился естественным результатом «холодной войны», противостояния двух великих держав — СССР и США.

Условия для возникновения этого кризиса создал не Советский Союз, а США, обложив нас военными базами, курсирующими авианосцами, подводными лодками с «Поларисами», приблизив пусковые установки ракет «Юпитер» в Турции к нашей территории и, наконец, вторгаясь в наше воздушное пространство, как это сделал сбитый на «U-2» Пауэрс.

▲ Анастасиев Валентин Алексеевич

Такой противник, как американцы, уважает только силу. Если сила у тебя равна, то и разговор с тобой они ведут на равных. В противном случае — диктат.

Поэтому события 1962 года — не случайность. Рано или поздно такая ситуация должна была возникнуть. Хорошо, что осознание момента истины произошло на Кубе. Хуже, если бы это было в Корее или во Вьетнаме, где вариант применения ядерного оружия американцы также рассматривали и считали его вполне для себя реальным.

Не нужно забывать также, что социалистический интернационализм, поддержка национально-освободительных движений были одним из основополагающих принципов советской внешней политики. Советский лидер принял решение о размещении на Кубе ядерных ракет средней дальности лишь после того, как получил информацию о подготовке операции «Мангуста» — плана вторжения в это небольшое государство американских регулярных войск.

▲ Егоров Николай Павлович

Вопрос:

А почему Вы считаете, что происшедшие драматические события на Кубе были более приемлемы для Советского Союза, чем если бы аналогичный конфликт произошел в другой стране и при других обстоятельствах?

Ответ:

Потому что здесь для мирового сообщества все было предельно ясно: США — агрессор, СССР — защитник свободолюбивого народа.

Потому что благодаря географической близости Кубы к США впервые американцы осознали опасность ответного ядерного удара.

Потому что для американцев было откровением наличие на Кубе, кроме стратегических ракет, и тактического ядерного оружия, сведшего на нет планы высадки их десантов.

Вопрос:

В период с 13 июня по 16 сентября 1962 года вы занимались непосредственной подготовкой к доставке на Кубу ядерных боеприпасов. Что отличало содержание этого периода?

Ответ:

Все организационные и практические мероприятия, связанные с ядерными боеприпасами в рамках ядерного обеспечения стратегической операции «Анадырь», проводились 12 Главным управлением Министерства обороны СССР. Оно осуществляло взаимодействие с главкомандующими и главными штабами видов Вооруженных сил, главными и центральными управлениями Министерства обороны, министерствами среднего машиностроения, путей сообщения, морского флота и другими ведомствами; отвечало за состояние боезапаса и поддержание его боевой готовности.

Главным исполнителем была определена возглавляемая мною Новгородская база хранения ядерного оружия при содействии объектов генерал-майора А. А. Карасева и полковника В. А. Маслова.

На объекте работы с ядерными боеприпасами, отдельными узлами к ним, приборами и оборудованием

были развернуты в трех сборочных бригадах, размещенных в специальных сооружениях, оснащенных автоматическими системами контроля техники. Для боекомплекта отбиралась лучшая, как правило, новая техника с максимальным запасом по сроку технической гарантии, стабильными результатами контрольных проверок параметров в пределах допусков, отсутствием дефектов в герметизации тары, крепежных узлах, защитных покрытиях и соединениях электрических цепей и вакуумных линий.

Выполнение всех операций контролировалось инженерами поверочной лаборатории и дополнительно офицерами оперативной группы центра, предназначенной для сопровождения ядерных боеприпасов при транспортировке и передаче их на временное хранение в ядерно-технические части видов вооруженных сил. В возглавляемую мною оперативную группу входили офицеры В. А. Анастасиев, В. Е. Белоусов, А. И. Брюнчиков, Э. И. Забелин, А. Е. Кабанов, Э. К. Конев, Н. И. Сав-

ченко, И. И. Тырин, И. К. Шахмаметьев.

Имелось много особенностей подготовки боеприпасов, запасных узлов, специального оборудования к морской транспортировке и гарантированной эксплуатации в тропических условиях в течение 2-3 лет и более. Была организована специальная комплектация ЗИПов, расходных материалов, приборов и инструмента в контейнерах. Работы были завершены к 1 сентября 1962 года. Контроль осуществлял лично генерал В. А. Болятко.

При организации морской транспортировки прежде всего сказалось отсутствие опыта и соответствующей нормативной документации. В июле в Мурманске генералы Н. П. Егоров, М. К. Никольский и я осмотрели ряд судов для использования при транспортировке ядерных боеприпасов. Здесь же были определены специальные требования к судовым подъемным средствам и элементам крепления ядерных боеприпасов в трюмах, схемам их размещения.

Для проведения погрузочно-разгрузочных работ были подготовлены

специальные расчеты, оснащенные инструментом и крепежным материалом.

Ядерные боеприпасы и ЗИПы были доставлены на станцию Ваенга спецэшелонами, а оттуда автомобилями на пирс бухты Окольная.

Для доставки ядерных боеприпасов на Кубу в первом рейсе был использован дизель-электроход «Индигирка». Это судно имело прочный двойной корпус, скорость 13,2 узла, водоизмещение 10 тыс. т, длину 120 м, ширину 18 м, четыре трюма по три этажа в каждом, 16 грузовых стрел. Были и места для размещения в каютах до 220 пассажиров.

Специальные грузы размещались только в двух носовых трюмах. Погрузка продолжалась четыре ночи. В двух кормовых трюмах и на палубе была размещена техника морской ядерно-технической части под командованием капитана 2 ранга В. П. Шевченко. Кузова от специальных машин помещались в трюме, а на автомобильные шасси, находившиеся на палубе, устанавливались макетные деревянные кузова.

▲ Болятко Виктор Анисимович

▲ Маслов Василий Андреевич

Порт Мариэль, август 1962 г. Встреча Фиделя Кастро с прибывшими на Кубу советскими войнами. На заднем плане ангары, в которых размещали ракеты Р-12. Автограф на этом снимке был поставлен Раулем Кастро во время приема делегации ветеранов «кубинцев» в Гаване в декабре 1989 г.

▲ Порт Мариэль, 1962 г.

После завершения погрузки «Индирикки» 13 сентября 1962 г. все офицеры получили на складе комплект гражданской одежды и военное обмундирование для ношения в условиях жаркого климата.

По прямому указанию высшего руководства из Москвы командование Северного флота силами специалистов скрытно осуществило установку на судне в местах, указанных главным механиком, зарядов взрывчатых веществ для подрыва корпуса и затопления судна на случай его захвата противником. Управление системой подрыва было выведено в отдельное помещение рядом с каютой капитана, закрыто и опечатано. Ключи от помещения и пульта подрыва находились постоянно у меня как начальника воинского эшелона. По инструкции решение о подрыве судна мы с капитаном должны были принимать совместно: капитан докладывал о нем в Центр, а я исполнял решение.

Для усиления защиты корабля от возможного нападения на баке и корме были установлены 37-миллиметровые автоматические пушки

с боекомплектами по 1200 снарядов на орудие. Орудия тщательно маскировались под бухты швартовых канатов. Наличие орудий на борту гражданского судна и применение их в бою по международному морскому праву превращало это судно в военное и лишало его правовой защиты. Капитан судна А. Ф. Пинежанинов знал это и поэтому воспринял решение о вооружении судна с нескрываемой тревогой.

Офицеры Генерального штаба 15 сентября 1962 года доставили на борт и вручили мне пакет для передачи командующему группой войск на Кубе генералу армии Плиеву и особый пакет, который предписывалось вскрыть совместно с капитаном по прибытии в район Фарерских островов. К исходу 15 сентября все было готово к выходу в плавание, которое началось в 16.00 16 сентября 1962 г.

Вопрос:

Как проходило плавание через Атлантику? Представьте ситуацию, связанную с попыткой американцев осуществить досмотр судна. Каковы ваши действия в этом случае?

Ответ:

Прибыв в район Фарерских островов, мы вскрыли пакет Генерального штаба. Нам предписывалось следовать на Кубу в военно-морскую базу Мариэль. Мы плыли через Атлантический океан к Багамским островам, мимо острова Аклинс и через пролив Крукед-Айленд к восточному берегу Кубы и вдоль него на запад мимо Гаваны на траверс порта Мариэль. За все время морского перехода с 16 сентября по 4 октября на всем пути через Атлантический океан нам удалось избежать встреч с другими судами. Однако на пути к Багамским островам и до территориальных вод Кубы «Индирикку» 1-2 раза в день стали облетать на опасно малой высоте военные самолеты США. С борта судна отлично были видны летчики, которые иногда жестами демонстрировали свои угрозы. Команда судна не реагировала на выходки американских летчиков, просто игнорировала их.

У меня был приказ, ни при каких обстоятельствах не допустить досмотр судна американцами.

На подходе к порту Мариэль нас

встретил кубинский служебный катер с пограничниками, таможенниками и санитарными врачами на борту. Соответствующий контроль, предусмотренный международными правилами, не занял много времени, и наш корабль под руководством кубинского лоцмана занял свое место в бухте. Я вместе с встречавшими меня офицерами из штаба Группы войск с пакетами для командования отбыл для личного доклада в Гавану.

Вопрос:

Каковы были особенности эксплуатации ядерных боеприпасов на Кубе?

Какие войсковые базы ядерного оружия были там развернуты?

Ответ:

Ядерные боеприпасы находились на территории Республики Куба под надежной защитой воинов-интернационалистов Вооруженных сил СССР и Революционных вооруженных сил Республики Куба в течение 59 суток с момента прибытия в Мариель 4 октября 1962 г. дизель-электрохода «Ин-

дигирка» до 1 декабря 1962 г. — дня отплытия из Мариеля в Североморск теплохода «Архангельск» со всеми ядерными боеприпасами на борту. Разгрузка «Индикирки» и загрузка теплохода «Архангельск» ядерными боеприпасами со средствами обеспечения боеготовности осуществлялись на отдельном пирсе в бухте Мариель с проведением строгих мер режима охраны пирса с суши и акватории бухты. Регулярно несколько раз в сутки подводная часть судов осматривалась специалистами-аквалангистами на предмет отсутствия диверсионных мин. Постоянно осуществлялось наблюдение за подходами к судам со стороны моря.

Разгрузка «Индикирки» началась в ночь с 4 октября 1962 г. и продолжалась в ночное время трое суток. Днем разгружались техника и транспортные средства ядерно-технической войсковой части ВМФ (Шевченко). Организацию работы и контроль по соблюдению мер безопасности проводили офицеры оперативной

группы сопровождения груза. Личный состав ядерно-технических частей принимал ядерные боеприпасы и положенное к ним имущество, осуществлял погрузку в транспортные средства и доставку в районы постоянного размещения. Доставка осуществлялась небольшими автоколоннами до 20–25 автомобилей. Для размещения боеприпасов использовались военные автомобили, как правило, крытые брезентом, которых было много на дорогах Кубы. Для маскировки в эти машины грузились и хорошо видимые хозяйственные грузы.

Всего на Кубе было развернуто 10 войсковых баз ядерного оружия, в том числе: в интересах РВСН — 3 (для ракетных комплексов Р-12); Сухопутных войск — 1 (для трех дивизионов комплекса «Луна»); ВВС — 3 (для крылатых ракет — 2 и содержащих бомбы для Ил-28 — 1); ВМФ — 1 (торпеды).

К 10 октября 1962 года весь боезапас был рассредоточен в районах

▲ «Индикирка»

размещения войск, укрыт в хранилищах и взят под надежную охрану. Этим завершился самый сложный в организации и практическом исполнении, очень опасный этап ядерно-технического обеспечения операции «Анадырь» на иностранной, очень удаленной территории, в условиях военного положения, под контролем агентурной и авиационной разведок США. Исключительно важную роль в успехе имела продуманная, не шаблонная, а отвечающая обстановке организация маршей с надежным контрразведывательным прикрытием, осуществленным капитаном 1 ранга А. М. Тихоновым и полковником С. С. Шорниковым во взаимодействии с кубинской стороной. Это подтверждается тем, что при моих встречах с американцами через 30 лет после событий их очень интересовали места, где реально находилось ядерное оружие на Кубе в 1962 г. Как видно, они правдивой информацией не обладали, что исключило в случае начала боевых действий со стороны США целенаправленное воздействие на боезапас.

Головные части к ракетам средней дальности Р-12 размещались в районе Бекукаль (Романов), головные части к оперативно-тактическим ракетам «Луна» — в районе Манагуа (Басюков), боевые части к крылатым ракетам (ФКР) — в районе Сантьяго-де-Куба (Трифонов). Размещались ядерные боеприпасы также и в других местах.

Оперативная группа Центра была разделена на две подгруппы. Одна — в составе Н. К. Белобородова, А. Е. Кабанова, И. К. Шахматеева, И. И. Тырина, Н. М. Савченко — базировалась в Гаване и постоянно выезжала в штаб Группы и в воинские части ядерно-технических войск для решения вопросов на месте. Вторая подгруппа в составе В. А. Анастасиева, Э. И. Забелина, В. С. Белоусова, А. М. Брюнчикова, Э. К. Конева постоянно работала совместно с личным составом ядерно-технических частей, осуществляя контроль за состоянием ядерных боеприпасов, и оказывала помощь в технических вопросах.

По прибытии на Кубу начался на-

▲ Пинежанинов Андрей Федорович

иболее ответственный этап ядерного обеспечения операции «Анадырь», цель которого заключалась в тщательной технической проверке боезарядов при помощи измерительной техники и средств обслуживания, с последующим приведением в состояние хранения и готовности к выдаче для боевого применения.

В подземных и наземных защищенных сооружениях температура держалась не ниже плюс 25*С. Влажность воздуха была постоянно высокой, более 80 %. Такие климатические условия не являются оптимальными для ядерного оружия. Поэтому пришлось применять специальные влагопоглощающие вещества, которые в сочетании с герметичной тарой обеспечивали низкий уровень влажности в контейнерах хранения. Главную техническую опасность для ядерных боеприпасов представляла температура выше плюс 20*С, так как

с учетом естественного разогрева ядерного материала за счет спонтанного процесса деления ядер большой внешний нагрев мог нарушить физическую настройку ядерного устройства, в связи с чем сокращались гарантийные сроки его эксплуатации. Применяя комнатные кондиционеры или ящики с пищевым льдом, производство которого хорошо налажено на Кубе, нам удалось обеспечить поддержание температуры в хранилищах ниже плюс 20*С.

После завершения проверок техники, которые дали положительные результаты, я письменно доложил «Директору» (Министру обороны СССР) о состоянии боезапаса, его боеготовности и особых условиях хранения. Данный доклад продублировал и командиру Группы советских войск генералу армии Плиеву. Доклад проходил без свидетелей и длился около часа. Генерал Плиев

внимательно выслушал меня, затем подтвердил указания Центра, что вопросы ядерного обеспечения в практическом плане следует решать с генерал-полковником П. В. Данкевичем, а при необходимости — лично с ним.

В октябре 1962 года враждебные действия США против Кубы резко усилились. Они проявлялись в оголтелой радиопропаганде на испанском языке, регулярных ежедневных разведывательных полетах на малых и больших высотах над островом и морскими подступами.

Случалось, что в Карибском море скоростные катера обстреливали кубинские рыбацкие суда и береговые населенные пункты. Создавалось впечатление, что руководители США сознательно нагнетают военный психоз внутри страны, убеждая себя и народ

в необходимости нападения на суверенную Кубу, чтобы показать всему миру всемогущество Америки.

В эти дни личный состав оперативной группы и наших войсковых частей энергично практически отработывал взаимодействие с частями боевого применения, исходя из конкретных условий. Мы добивались максимального сокращения времени на технические операции окончательной подготовки оружия. Широко использовались учебные ядерные боеприпасы и штатное технологическое оборудование, поддерживался высокий уровень натренированности расчетов ядерно-технических частей. Занятия с ними проводились в сложной обстановке. К середине октября начали проводиться занятия на основных и ложных стартовых позициях ракет-

ных комплексов. Офицеры оперативной группы осуществляли функции контроля обслуживания техники и ее готовности к применению.

22 октября 1962 года к населению США обратился президент Дж. Кеннеди. Он сообщил о введении военной блокады Кубы, призыве в армию военнослужащих из запаса, приведении войск и сил флота в повышенную готовность и ряде других мер военного характера. Командование групп советских войск и правительство Кубы повысили бдительность, занялись подготовкой к отражению агрессии.

Мы также осуществили частичные мероприятия по подтягиванию боеприпасов ближе к особо удаленным частям боевого применения, чтобы сократить время их передачи после получения специальной команды.

▲ Ракетная база, Куба

В условиях усиления морской блокады были возвращены некоторые корабли с военными грузами, которые не дошли до Кубы. Так, в советские порты вернулись корабли с ракетами Р-14.

Успешно прошел все преграды на пути и 25 октября вошел в порт Ла-Изабела сухогруз «Александровск», на котором были доставлены ядерные боеприпасы к ракетам Р-14 и тактическому ядерному оружию. Группу сопровождения на корабле возглавлял подполковник И. С. Курбесов. Мы встретили этот транспорт в порту и в ночное время 26–28 октября сняли и направили в войсковые базы боевые части (БЧ) к крылатым ракетам наземного базирования (ФКР). После частичной разгрузки 30 октября сухогруз «Александровск» убыл через порт Гавана в Североморск.

В те дни обстановка была исключительно напряженная и сложная, ощущалось приближение грозных, непредсказуемых по своим последствиям событий. Было ясно, что при сложившемся соотношении сил в обычных вооружениях — десять к одному не в нашу пользу — массированный десант, возможно, было отразить только одним способом: применить против сил вторжения тактическое ядерное оружие. В принципе, такие действия соответствовали нормам международного права по защите независимости и свободы.

Была уверенность, что благоразумие победит и этого не произойдет. Наши надежды оправдались. Военно-политическое противостояние между США, с одной стороны, и Кубой и СССР — с другой, разрешилось компромиссом. У президента США Дж. Кеннеди и его ближайших советников хватило рассудка и разума отказаться от идеи подчинить силой Республику Куба и встать на путь политического соглашения.

Принятие этих решений создало после 28 октября 1962 года условия для подготовки возвращения техники и личного состава в Советский Союз. Все ядерно-технические части видов Вооруженных сил установленным порядком начали подготовку техники и документов для передачи оператив-

ной группе центральной базы ядерного оружия. Сами части возвращались на Родину обычным порядком в штатном составе без ядерных боеприпасов.

С 25 ноября 1962 года началось стягивание ядерных боеприпасов и ядерно-технических частей в порт Мариель на знакомый отдельный пирс. Район погрузки строго охранялся с суши и моря.

30 ноября была завершена погрузка на сухогруз «Архангельск», и 1 декабря в 9 часов утра корабль вышел из бухты и взял курс на восток через Атлантический океан к родным берегам.

Вопрос:

К 25 декабря все ядерные боеприпасы были доставлены в СССР и размещены в постоянных местах хранения.

О каких выводах Вы докладывали начальнику 12 Главного управления по итогам операции «Анадырь»?

Каков главный моральный вывод из драматических событий Карибского кризиса Вы сделали для себя лично?

Ответ:

По итогам операции «Анадырь» я бы сформулировал следующие выводы:

Первое. Задачи ядерного обеспечения в операции «Анадырь» были выполнены в полном объеме и в установленные сроки без нарушений требований безопасности и режима секретности.

На Кубе ядерные боеприпасы находились 59 суток (с 4 октября по 1 декабря 1962 года). Реально развернутая система ядерного обеспечения показала свою управляемость, эффективность, способность поддерживать боеготовность, гарантировать высокий уровень безопасности и секретности. С учетом изменения техники, организации войск, боевых задач полученный опыт может содействовать развитию системы в современных условиях.

Второе. В ходе реализации ядерного обеспечения все этапы обслуживания прошли десятки единиц ядерных боеприпасов шести типов, находившихся на вооружении РВСН, Сухопутных войск, ВВС и ВМФ в 1962 году. Весь боезапас трижды подвергался глубо-

ким проверкам, результаты которых подтвердили отсутствие недостатков и стабильность параметров. Состояние ядерных боеприпасов и технических средств их обслуживания подтвердили высокий научно-технический уровень обоснования конструкции ядерных зарядов и средств их эксплуатации, оригинальность и изобретательность в решении технических задач конструкторами, мастерство рабочих, техников и инженеров в изготовлении образцов боевой техники.

Третье. Созданные и обученные в мирных условиях ядерно-технические войска Советской Армии прошли в операции «Анадырь» проверку действием с реальными ядерными боеприпасами в предбоевой обстановке и полевых условиях тропического климата на территории иностранного государства, вдали от Родины. Личный состав показал сплоченность, организованность, дисциплинированность, первоклассную профессиональную подготовку и исключительно высокий уровень морального духа, сознательного понимания благородной задачи интернациональной помощи свободолюбивому народу Кубы и защиты мира от войны.

Четвертое. Прошедшие после Карибского кризиса годы однозначно подтвердили выдающееся значение этого события как поворотного пункта в развитии процесса решения противоречий путем переговоров.

Нужно гордиться бескровной победой. Нужно награждать людей не за убийства и разрушения, а за исключение этих событий из жизни. Это главный моральный вывод из событий 1962 года и текущих дней.

Вопрос:

В 1988 году была издана книга «У края ядерной бездны», посвященная операции «Анадырь».

На самом ли деле человечество в дни Карибского кризиса было у края ядерной пропасти?

Ответ:

Опасность развязывания ядерной войны, несомненно, была. Но эта опасность позволила руководителям и США, и СССР острее ощутить свою ответственность за судьбы собственных народов и человечества в целом, понять, насколько хрупок мир. ■

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ ПРИ РАЗГРОМЕ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ

После капитуляции фашистской Германии наступил мир в Европе. Между тем в Азии, на Дальнем Востоке вторая мировая война была еще в полном разгаре. Союзник гитлеровской Германии милитаристская Япония, несмотря на военные поражения в бассейне Тихого океана и полную политическую изоляцию, отклонила ультиматум США, Англии и Китая о капитуляции, предъявленный 26 июля 1945 г., и продолжала вести боевые действия.

Советский Союз не мог безразлично относиться к военным событиям, происходившим вблизи его дальневосточных границ. Тем более что

японский империализм на протяжении многих десятилетий был постоянным источником агрессии в Азии и являлся злейшим врагом нашей Родины.

Чтобы быстрее ликвидировать оставшийся очаг второй мировой войны, обеспечить безопасность своих дальневосточных границ и помочь народам Азии в их освободительной борьбе, Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил войну Японии. Наша страна пунктуально выполнила принятые на Ялтинской конференции обязательства: по истечении двух-трех месяцев после победы над гитлеровской Германией оказать

помощь союзникам в разгроме милитаристской Японии.

На Дальнем Востоке нашим сухопутным войскам и авиации предстояло действовать в необычных условиях. Обширные пространства сухопутной части театра находятся в различных климатических поясах. На пути советских войск лежали массивные горные хребты, пустыни, широкие реки, дикая тайга. Дорожная сеть развита слабо. Во многих районах почти совсем отсутствуют хорошо наблюдаемые с воздуха естественные ориентиры.

К началу военных действий на территории Маньчжурии, Кореи и Внутренней Монголии располагалась

▲ Задача на бомбометание

Квантунская армия, которая являлась лучшим оперативно-стратегическим объединением японских сухопутных войск. Кроме того, здесь были сосредоточены войска марионеточного правительства Маньчжоу-Го и монгольского князя Де Вана. Всего на этом театре военных действий войска противника имели 1,2 млн человек, 1155 танков, 5360 орудий. У советской границы японские войска создали развитую систему укрепленных районов.

Авиационная группировка противника состояла из семи авиационных бригад и девяти отдельных авиационных отрядов, входивших во 2-ю и 5-ю воздушные армии, которые базировались в Маньчжурии и Корее и насчитывали около 2 тыс. самолетов, в том числе 600 бомбардировщиков, 1200 истребителей, более 100 разведчиков и до 100 машин вспомогательной авиации.

Ставка ВГК, планируя военные действия на Дальнем Востоке, преследовала цель разгромить Квантунскую армию, принудить японское

правительство к капитуляции и вернуть нашей Родине Южный Сахалин и Курильские острова. Для решения этих задач были привлечены Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Тихоокеанский военно-морской флот, а также Краснознаменная Амурская военная речная флотилия. Наши войска превосходили противника по живой силе в 1,2 раза, по орудиям — в 4 и танкам — в 6 раз.

Группировка советских ВВС, выделенная для участия в боевых действиях, включала 12-ю воздушную армию Забайкальского фронта, 9-ю воздушную армию 1-го Дальневосточного фронта и 10-ю воздушную армию 2-го Дальневосточного фронта (командующие маршал авиации С. А. Худяков и генералы И. М. Соколов и П. Ф. Жигарев). В общей сложности советские ВВС имели 2945 боеготовых самолетов (1573 истребителя, 740 бомбардировщиков, 479 штурмовиков и 153 разведчика) и по численности превосходили противника в 1,5 раза. Если же учесть 1131 боеготовый самолет морской авиации, то наше

преимущество в воздухе было еще более ощутимым.

На стороне советской авиации было также качественное превосходство. Японские истребители И-97 и И-00 заметно уступали нашим однотипным самолетам Як-9 и Ла-7 в горизонтальной скорости, скороподъемности и вооружении.

Советские фронтовые бомбардировщики Пе-2 и Ту-2 на 150 — 180 км имели большую скорость, чем самолеты противника СБ-96 и СБ-97. В составе нашей авиационной группировки было три бомбардировочных корпуса, три отдельные авиационные дивизии и два полка, переброшенных с запада, которые обладали опытом боевых действий против фашистской Германии. Учитывая особенности района предстоящих действий, советское командование усилило воздушные армии транспортными авиационными полками и дивизиями. Усилия авиационных объединений координировал командующий ВВС Красной Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Замысел советского командования заключался в том, чтобы силами трех фронтов прорвать систему укрепленных районов противника на нескольких участках, а затем, развивая успех по сходящимся направлениям на Харбин, Чанчунь и Мукден, окружить главные силы врага, расчленив их и уничтожить по частям. Тихоокеанский флот должен был нарушить морские коммуникации противника, высадить десанты и во взаимодействии с войсками 1-го Дальневосточного фронта овладеть портами Северной Кореи (Расин, Юки, Сейсин), а также обеспечить свои морские сообщения в Японском море и Татарском проливе.

Перед ВВС были поставлены следующие боевые задачи: завоевать господство в воздухе и надежно прикрыть главные группировки войск фронтов; ударами по железнодорожным объектам, эшелонам и автоколоннам сорвать маневр резервами противника; поддержать сухопутные войска при прорыве системы укрепленных районов и развитии успеха; действиями по штабам и узлам связи нарушить управление войсками; систематически вести воздушную разведку.

Боевые действия воздушных армий были спланированы с учетом специфических особенностей, в которых предстояло решать боевые задачи сухопутным войскам и ВВС. Так, главные усилия бомбардировочной и штурмовой авиации 9-й воздушной армии намечалось сосредоточить на поддержку войск на поле боя, так как 1-му Дальневосточному фронту необходимо было прорывать полосу мощных укрепрайонов на приморско-маньчжурском направлении. В 12-й воздушной армии соединения бомбардировочной авиации получили задачу парализовать работу важнейших железнодорожных и автомобильных коммуникаций и изолировать район сражения от притока резервов, а дивизии штурмовиков — поддерживать войска на поле боя.

10-я воздушная армия основными силами должна была поддержать сухопутные войска при форсировании Амура и наступлении на сунгарийском направлении.

Господство в воздухе намечалось завоевать путем уничтожения японской авиации на аэродромах и в воздухе. В первый день операции для действий по аэродромам противника в 12-й воздушной армии выделялись

две бомбардировочные, две штурмовые и одна истребительная авиационные дивизии.

Особое внимание уделялось воздушной разведке, так как до объявления войны наши ВВС не могли вести разведывательные полеты над территорией Маньчжурии и советское командование не имело точных данных о характере вражеской обороны, группировке войск, коммуникациях и базировании японской авиации.

До начала наступательной операции интенсивно велась всесторонняя подготовка. Летом 1945 г. воздушные армии пополнились новыми самолетами и летно-техническими кадрами, получившими опыт боев против немецко-фашистской авиации. Прибывшие с запада авиационные соединения знакомились с особенностями выполнения полетов на Дальнем Востоке.

Штабы воздушных армий совместно со штабами общевойсковых (танковой) армий детально разработали планы взаимодействия, подготовили единые кодированные карты, радиосигнальные и переговорные таблицы, сигналы взаимопознавания войск и авиации. В 6-ю гвардейскую танковую армию Забайкальского фронта и общевойсковые армии, которые должны были наступать на главных направлениях, были выделены оперативные группы офицеров воздушных армий, предназначенные для вызова авиации с аэродромов и управления ею на поле боя, а также согласования с общевойсковым командованием вопросов взаимодействия в ходе операции, информации командующего и штаба воздушной армии о складывающейся обстановке. Накануне боевых действий в танковые и механизированные корпуса выехали командиры взаимодействующих штурмовых и истребительных дивизий, которые организовали свои командные пункты в боевых порядках войск. В стрелковые и танковые дивизии направлялись авианаводчики со своими радиосредствами.

Чтобы лучше согласовать усилия авиации и сухопутных войск при прорыве полосы укрепленных районов, штабы взаимодействовавших воздуш-

▲ Бомбодировщики Пе-2

ных и общевойсковых армий отработали методом военных игр и групповых упражнений вопросы совместных боевых действий в наступательных операциях. Части бомбардировочной и штурмовой авиации на специально оборудованных полигонах днем и ночью осваивали способы поражения малоразмерных целей (дотов).

В целях облегчения самолетовождения в полосе фронтов была создана сеть контрольно-опознавательных знаков, расположенных вдоль государственной границы и на больших дорогах, а также привлечены многочисленные средства ЗОС (радиопеленгаторы, светомаяки и др.), которые накануне боевых действий были перебазированы на передовые аэродромы.

Одной из сложных проблем была организация аэродромного и материально-технического обеспечения боевых действий ВВС. В горных районах трудно было подбирать площадки для строительства аэродромов, не говоря уже о том, что на значительной высоте над уровнем моря необходимо было создавать взлетно-посадочные полосы увеличенных размеров. В пустынной и полупустынной местности восточной части Монголии почти не было водных источников и топлива, поэтому батальоны аэродромного обслуживания должны были возить с собой не только горючее, боеприпасы и продовольствие, но запасы воды и дров.

Учитывая большой объем и трудности работы авиационного тыла, командующий ВВС Красной Армии усилил воздушные армии авиационно-техническими соединениями и частями. Кроме того, командующие фронтами планировали использовать сухопутные войска и их инженерную технику для строительства аэродромов.

В целях изыскания аэродромов на освобождаемой от противника территории были созданы поисковые рекогносцировочные группы, в распоряжение которых выделялись транспортные самолеты и самолеты связи. Для обеспечения аэродромного маневра вслед за наступавшими войсками командующие воздуш-

ными армиями выделяли в резерв по два-три района авиационного базирования, которые в начале августа сосредоточились у государственной границы. В результате напряженной работы части авиационного тыла хорошо подготовились к операции. Они создали на 15–20 дней операции запасы материальных средств и подготовили необходимую аэродромную сеть.

Накануне операции воздушные армии произвели перегруппировку сил. Их соединения перебазировались на передовые аэродромы, откуда начали боевые действия. В целях скрытности перелеты осуществлялись небольшими группами и на малых высотах, при этом строго ограничивалась радиосвязь. На аэродромах все самолеты были рассредоточены и замаскированы. Кроме действующих была создана широкая сеть ложных аэродромов, на которых устанавливались макеты авиационной техники и имитировалась боевая подготовка авиационных полков.

В подготовительный период активно велась партийно-политическая работа. Командование, политорганы, партийные и комсомольские организации воспитывали у авиаторов

ненависть к японским захватчикам, изучали опыт боевых действий Красной Армии у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, мобилизовывали личный состав авиационных частей на лучшую подготовку к боевым действиям по ликвидации очага агрессии на Дальнем Востоке, прививали любовь к Родине и Коммунистической партии. В результате целеустремленной политической работы и всех подготовительных мероприятий повысилась боевая готовность ВВС. Личный состав авиационных частей горел желанием быстрее разгромить войска японских агрессоров и обеспечить безопасность восточных рубежей нашей страны.

Советские войска перешли в наступление в ночь на 9 августа. С целью достижения внезапности артиллерийская и авиационная подготовка атаки не проводилась. Передовые отряды скрытно проникли на вражескую территорию, обошли и блокировали оборонительные укрепления и начали уничтожать их гарнизоны. В течение ночи подразделения советских войск овладели многими приграничными опорными пунктами, чем обеспечили успешные действия главных сил.

▲ На передовом КП

В эту же ночь начала боевые действия и наша авиация. 76 экипажей 19-го бомбардировочного авиационного корпуса 9-й воздушной армии (командир генерал Н. А. Волков) на самолетах Ил-4 атаковали военные объекты в Чанчуне и Харбине. А на рассвете 9 августа, чтобы парализовать работу коммуникаций, нарушить управление войсками, посеять панику в тылу противника и подавить его авиацию на аэродромах, бомбардировочные корпуса и дивизии 9-й и 12-й воздушных армий и ВВС флота нанесли удары по железнодорожным станциям и эшелонам, промышленным объектам в Харбине и Чанчуне, аэродромам Паянса, Хайлар, Ганьчжурмяо и другим, а также по морским портам Расин, Юки и Сейсин. Одновременно с этим авиация приступила к поддержке и прикрытию ударных группировок фронтов и ведению воздушной разведки.

Несмотря на сложные метеоусловия, советские ВВС в первый день операции совершили до 2 тыс. самолето-вылетов и причинили врагу большие потери. Только летчики 12-й воздушной армии на станциях Солунь и Хайлар создали более 20 очагов пожара, вызвали 10 взрывов огромной силы, разрушили 9 стационарных зданий, уничтожили несколько эшелонов с боевой техникой.

Непрерывные удары советской авиации по железнодорожным объектам оказались весьма эффективными. Они вывели из строя коммуникации врага, сковали маневр резервами, изолировали районы сражения от подхода свежих сил. Японское командование не смогло вовремя подтянуть дивизии с Центральной Маньчжурской равнины и занять тыловые оборонительные рубежи, а также вывести свои войска из-под удара танковых соединений Красной Армии и организовать эвакуацию материальных средств из приграничной зоны.

Вражеская авиация не оказала почти никакого противодействия. Японское командование, ошеломленное мощными внезапными ударами советских войск и авиации, стало поспешно отводить свои войска в глубь Маньчжурии, оказывая сопротивле-

▲ Штурмовик ИЛ-2

ние главным образом в укрепленных районах. Стремясь сохранить военно-воздушные силы для обороны собственно Японии, оно перебазировало лучшие авиационные соединения на аэродромы метрополии. Советская авиация безраздельно господствовала в воздушном пространстве.

С началом наступления усиленно велась воздушная разведка, для чего привлекались не только разведывательные полки и эскадрильи, но и значительные силы бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации. В среднем на разведку ежедневно расходовалось до 30% всех самолето-вылетов воздушных армий. Разведывательные данные немедленно передавались по радио, что давало возможность советскому командованию своевременно реагировать на все изменения обстановки. Так, в первые дни операции воздушные разведчики установили, что в тылу наступающих войск Забайкальского фронта находится крупная группировка японских войск, и советское командование сразу же приняло энергичные меры по их разоружению и пленению.

Разведка осуществлялась на широком фронте и на большую глубину. Так, самолеты-разведчики 12-й воздушной армии действовали в полосе шириной более 1500 км и на глубину до 600–700 км. В первые дни, когда не было известно, какое противодей-

ствие окажут средства ПВО противника, полеты разведчиков выполнялись на высотах до 5 — 6 тыс. м, в последующие дни разведка велась со средних высот (1000–1500 м).

В течение первых пяти суток операции советские войска в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами разгромили приграничные части врага. При этом соединения 1-го Дальневосточного фронта вклинились на его территорию на 40 — 100 км, освободив города Хутоу, Дунин, Мишань. Ударную группировку фронта успешно поддерживали бомбардировщики и штурмовики 9-й воздушной армии, которые эффективно действовали по скоплениям войск и огневым средствам японцев на поле боя.

По укрепленным районам наши летчики действовали, как правило, группами по 90–100 самолетов. Особенно высокая эффективность достигалась при нанесении сосредоточенных ударов. Так, на второй день операции войска 35-й армии подошли к Хутоускому укрепленному району и, встретив яростное противодействие японцев, приостановили свое наступление. Сухопутные войска обратились за помощью к авиации. Вскоре в воздухе появился 81 самолет Пе-2 34-й бомбардировочной авиационной дивизии (командир полковник К. А. Михайлов). Нанеся сильный удар по объектам укрепленного рай-

она, бомбардировщики разрушили ряд дотов и подавили артиллерийский и пулеметный огонь японцев. Воспользовавшись замешательством противника, советские войска ворвались в укрепленный район и через два часа овладели им.

В районе Муданьцзяна японское командование сосредоточило резервы и готовило контрудар по войскам 5-й армии. Вечером 10 августа воздушная разведка донесла о прибытии эшелонов и выгрузке войск с артиллерией и танками на железнодорожной станции и о большом скоплении войск и техники противника. Чтобы сорвать замысел врага, командующий 9-й воздушной армией немедленно организовал удар по железнодорожной станции Муданьцзян силами 34-й бомбардировочной авиационной дивизии.

Бои за Муданьцзян продолжались пять дней. 16 августа был самым тяжелым днем для войск 1-й Краснознаменной и 5-й армий. Противник, сосредоточив значительные силы пехоты и танков, организовал мощные контратаки. На их отражение были привлечены основные силы штурмовиков 252-й штурмовой авиационной дивизии (командир подполковник В.Х. Макаров), которые непрерывными эшелонированными действиями по артиллерии, танкам и пехоте врага оказали эффективную помощь своим войскам в отражении контратак. Совместными усилиями сухопутных войск и авиации был окончательно разгромлен противник в районе Муданьцзяна.

Для уничтожения узлов сопротивления Дуннинского укрепленного района, оставшихся в тылу войск 25-й армии, 108 самолетов 19-го бомбардировочного авиационного корпуса нанесли сосредоточенный удар. Эффект действий был очень высоким. Осмотром местности после ее занятия было установлено, что прямым попаданием бомб крупных калибров уничтожено 4 дота, 2 дзота, 1 склад боеприпасов, убито 130 человек и ранено большое количество солдат и офицеров противника. После этого удара укрепленный район был захвачен нашими войсками.

Экипаж бомбардировщика Пе-2 поздравляют с успешным выполнением боевого задания. 1-й Дальневосточный фронт. Август 1945

▲ На Дальневосточном фронте

Ввиду отсутствия серьезного противодействия японских истребителей и зенитной артиллерии наши бомбардировщики и штурмовики наносили удары со средних и малых высот и находились над целью продолжительное время, что повышало эффективность их действий. При выполнении заданий летный состав проявлял инициативу, находчивость, мужество и героизм. Командир 75-го штурмового авиационного полка майор Черных в паре с командиром звена лейтенантом Юрченко вылетели на «свободную охоту». Вскоре они обнаружили бронепоезд врага и атаковали его. На третьем заходе на цель самолет майора Черных был подбит огнем зенитного орудия и совершил вынужденную посадку на склоне сопки. Юрченко для спасения командира посадил рядом свой самолет, забрал майора Черных в кабину и благополучно возвратился на аэродром.

Еще более успешно действовала войска Забайкальского фронта. Наступавшая в первом эшелоне 6-я гвардейская танковая армия, обходя узлы сопротивления японцев, на четвертый день операции при содействии 12-й воздушной армии преодолела хребет Большой Хин-

ган и вышла на Центрально-Маньчжурскую равнину, пройдя с боями до 450 км.

Авиационная поддержка танковых войск осуществлялась в основном бомбардировочными соединениями, так как радиус действия самолетов — штурмовиков и истребителей — был сравнительно небольшой, а базирование их из-за недостатка аэродромов отставало от стремительно наступавших танковых частей. В интересах подвижных войск бомбардировщики наносили удары по укрепленным районам, узлам сопротивления, подходящим резервам, отходящим колоннам, железнодорожным станциям и интенсивно вели разведку.

Для подвоза горючего и боеприпасов танковым соединениям, которые оторвались от своих баз снабжения, были привлечены транспортные авиационные дивизии и полки. Транспортные самолеты совершили 1755 самолетов-вылетов и перевезли более 2 тыс. тонн горючего и 186 тонн боеприпасов. Условия для полета были очень тяжелыми. Маршруты проходили через всю ширину (200 — 300 км) хребта Большой Хинган. Возможностей для подбора площадок на случай вынужденных посадок не было. Метео-

рологическая обстановка была также неблагоприятной. Но советские летчики успешно справились с задачей подвоза материальных средств 6-й гвардейской танковой армии и обеспечили успех ее действий.

В среднем ежедневно выделялось для этой цели 90 — 100 транспортных самолетов.

Одновременно с 1-м Дальневосточным и Забайкальским фронтами перешли в наступление войска 2-го Дальневосточного фронта, которые, форсировав многоводные реки Амур и Уссури, успешно продвигались на сунгарийском и жаохейском направлениях. В связи с сильными ливневыми дождями, которые затопили долины рек и сделали местность непроходимой, наступавшие войска вынуждены были продвигаться по железнодорожным путям.

Несмотря на сложные метеоусловия, соединения 10-й воздушной армии активно содействовали сухопутным войскам. Вылетая небольшими группами, бомбардировщики и штурмовики уничтожали технику и войска противника на поле боя, подавляли узлы сопротивления, действовали по кораблям и плавсредствам сунгарийской флотилии, железнодорожным эшелонам на станциях Бэйань, Кэшань и Цицикар, вели воздушную разведку.

В первый день операции особенно успешно действовали летчики 253-й штурмовой авиационной дивизии (командир подполковник К. Т. Цедрик), которые атаковали и потопили пароход, баржу, три парусных судна и три бронекатера. Истребители «охотники» 254-й истребительной авиационной дивизии (командир подполковник Н. А. Силаев) подожгли корабль в районе Синчунчжия и уничтожили парусную лодку с 20 солдатами на реке Сунгари.

11 августа шесть самолетов Ил-2 253-й штурмовой авиационной дивизии (ведущий группы командир эскадрильи майор Блинов) с пункта наведения были нацелены на артиллерийскую батарею японцев, мешавшую продвижению 203-й танковой бригады. Произведя несколько атак, наши летчики подавили огонь врага

и тем самым обеспечили танкистам беспрепятственное наступление.

12 августа наши войска, наступавшие на цицикарском направлении, были остановлены сильным артиллерийским огнем и контратаками противника у пункта Сунь-У. На помощь пехотинцам и танкистам были вызваны группы штурмовиков 96-й штурмовой авиационной дивизии, которой командовал подполковник И. А. Кочергин. Для подавления артиллерийских батарей летчики совершили по пять заходов на цель и заставили противника прекратить огонь. Японские солдаты, понеся большие потери, подняли белые флаги и сдались в плен. Наши войска продолжали наступление.

В первые дни военных действий соединения Тихоокеанского флота нарушили морские коммуникации противника, высадили десантные отряды и овладели портами Северной Кореи Юки, Расин и Сейсин, несмотря на то что они хорошо оборонялись противником с суши, моря и воздуха. Авиация флота в интересах десантов проводила авиационную подготовку, поддерживала их при высадке на берег и овладении портами, прикрывала с воздуха при переходе морем

и в районе боев, вела воздушную разведку.

Советские войска наступали безостановочно. К середине августа они продвинулись в глубь Маньчжурии до 500 км. В период преследования противника, чтобы ускорить окончательный разгром Квантунской армии, советское командование с 19 по 22 августа высадило в крупных городах Маньчжурии (Чанчунь, Мукден, Гири, Харбин и др.) воздушные десанты составом от 50 до 500 человек, которые захватили аэродромы, железнодорожные узлы, склады оружия и быстро разоружили местные гарнизоны. На десантирование войск и доставку им грузов авиацией трех воздушных армий было совершено более 5 тыс. самолето-вылетов.

В ходе стремительного преследования врага соединения штурмовой и истребительной авиации отстали от наступавших войск и не могли вести боевые действия. В отдельных случаях для переброски комендатур батальонов аэродромного обслуживания и материально-технических средств на передовые аэродромы использовались транспортные самолеты. Однако обеспечить полностью аэродромный маневр ВВС силами

▲ Пост ВНОС

▲ Десант на остров Кунашир

транспортной авиации не имелось возможностей, поскольку в условиях бездорожья транспортные самолеты использовались главным образом для снабжения передовых частей наступавших сухопутных войск.

Захват важных административно-политических и промышленных центров Маньчжурии передовыми отрядами сухопутных войск и воздушными десантами окончательно дезорганизовал управление войсками и резервами противника. Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, японцы почти повсеместно прекратили боевые действия и 19 августа начали складывать оружие.

В результате разгрома Квантунской армии империалистическая Япония лишилась реальных сил и возможностей для продолжения войны, и 2 сентября ее правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции.

Следовательно, вступление СССР в войну против империалистической Японии и решительные действия наших Вооруженных Сил обеспечили ликвидацию дальневосточного очага агрессии и быстрое окончание второй мировой войны. Американский генерал К. Ченполт, командовавший тогда ВВС США в Китае, заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»:

«Вступление Советского Сою-

за в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершился окружением, приведшим к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Благодаря победе наша Родина вернула себе исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова. Советский Военно-Морской Флот получил надежно обеспеченные выходы в Тихий океан. Были созданы благоприятные условия для организации прочной обороны наших дальневосточных границ.

Разгром империалистической Японии способствовал подъему национально-освободительного и демократического движения в странах Азии, создал благоприятные условия для образования Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили победу наших Вооруженных Сил над империалистической Японией. Вечером 23 августа 1945 г. столица нашей Родины Москва салютовала до-

блестным советским воинам, разгромившим Квантунскую армию. В честь победы над империалистической Японией была учреждена медаль, которой награждены все участники боев. Многие части и соединения, в том числе и авиационные, были удостоены почетных наименований Мукденских, Хинганских, Амурских, Сахалинских, Курильских и др. Сотни тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были награждены боевыми орденами и медалями СССР. Летчики-дальневосточники своим высоким мастерством, смелостью и мужеством приумножили боевую славу советских авиаторов.

Большой вклад в победу над Квантунской армией внесли Военно-воздушные силы, которые совершили более 22 тыс. самолето-вылетов и сбросили на врага около 3 тыс. тонн бомб. В руках советского командования авиация являлась мощным и наиболее маневренным средством вооруженной борьбы, оказавшим существенное влияние на ход и исход военных действий против миллионной армии противника. Своими мощными ударами по дотам и скопленению техники и войск врага наши летчики помогли сухопутным войскам быстро прорвать полосу укрепленных районов, нарушили работу коммуникаций и парализовали маневр резервами, сыграли большую роль в отражении контрударов противника, а также в окружении и окончательном разгроме Квантунской армии. Наши Военно-воздушные силы являлись главным средством ведения разведки и важным средством десантирования и транспорта.

За время операции было перевезено по воздуху 16500 солдат и офицеров, до 2780 тонн горючего, 563 тонны боеприпасов и 1496 тонн различных грузов. Обеспечив высадку многочисленных воздушных десантов в тылу противника, а также бесперебойно снабжая горючим и боеприпасами стремительно наступавшие танковые и моторизованные дивизии, авиация содействовала быстрому рассечению группировки противника на части и ее пленению.

В кампании по разгрому Квантунской армии советские ВВС получили ценный опыт организации и ведения боевых действий в трудных условиях Дальневосточного театра войны. Резко неустойчивая погода (ливневые дожди, дымки, туманы), однообразие местности (огромные массивы горной тайги, пустыни и полупустыни), отсутствие характерных ориентиров весьма усложняли самолетовождение, отыскание целей и выполнение боевых задач. Однако эти трудности были успешно преодолены, в чем немало важную роль сыграли такие мероприятия, как создание искусственных ориентиров у государственной границы и специальных знаков на больших дорогах; выделение в прибывшие с европейской части авиационные полки летчиков-лидеров из частей, постоянно дислоцировавшихся на Дальнем Востоке; широкое применение различных средств ЗОС; тщательное изучение районов базирования и боевых действий по картам различных масштабов с практическим облетом приграничной полосы.

В действиях ВВС по разгрому Квантунской армии можно отметить целый ряд специфических особенностей.

Во-первых, значительные силы советской авиации (13% всех самолетов-вылетов) направлялись на дезорганизацию железнодорожных перевозок и борьбу с резервами. А в полосе наступления Забайкальского фронта на выполнение этой задачи затрачивалось до 85% всех самолетов-вы-

летов бомбардировочной авиации. И это было не случайно, так как 75% дивизий Квантунской армии находилось в центральной части Маньчжурии. Для маневра войск японское командование намечало использовать главным образом железнодорожные коммуникации. Однако в результате активных действий советской авиации планы противника были сорваны. Наша авиация изолировала районы сражения от притока свежих сил противника. Японское командование не смогло эвакуировать материальные ценности из приграничной полосы и вывести свои войска из-под ударов наступавших соединений Красной Армии.

Во-вторых, переход советских войск в наступление сразу же после объявления войны и отсутствие точных данных о противнике потребовали привлечь для ведения воздушной разведки крупные силы авиации, в два-три раза большие, чем в операциях против фашистской Германии. Воздушная разведка велась по направлениям и районам (полосам) с применением визуального наблюдения и фотографирования. Благодаря интенсивной и хорошо организованной разведке советское командование своевременно получало достоверные данные о противнике, что имело исключительно важное значение в ходе боевых действий.

При подготовке к кампании по разгрому Квантунской армии советские ВВС получили практику скрытного

сосредоточения и перегруппировки авиационных соединений. Особого внимания заслуживают мероприятия по оперативной маскировке базирования ВВС (создание сети ложных аэродромов, тщательная маскировка стоянок самолетов, расположение летных частей в подготовительный период на удаленных от границы аэродромах и др.), организация перелета авиационных полков на передовые аэродромные узлы на малых высотах и мелкими группами.

Представляет большой интерес опыт организации взаимодействия ВВС с сухопутными войсками в горно-лесистой местности, в особенности с танковыми соединениями: разработка детальных планов взаимодействия, выделение оперативных групп воздушных армий в общевойсковые и танковую армии и авиационных представителей в общевойсковые соединения, организация КП командиров штурмовых авиадивизий вблизи линии фронта, разработка специальных документов, облегчавших взаимодействие (единые кодированные карты, радиосигнальные таблицы, сигналы взаимообозначения и др.), широкое применение транспортной авиации для десантирования войск и подвоза боевых и материальных средств танковым соединениям.

Опыт организации и ведения боевых действий ВВС, полученный в дальневосточной кампании, имел важное значение для развития оперативного искусства ВВС и тактики родов авиации. ■

Р.Н. МОРДВИНОВ, капитан 1 ранга, кандидат военно-морских наук

ФЛОТОВОДЧЕСКОЕ ИСКУССТВО АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА

▲ Флотоводец Ушаков

Федор Федорович Ушаков родился в 1744 г. Шестнадцати лет он был принят кадетом в Морской корпус в Петербурге. По окончании корпуса Ушаков, выпущенный мичманом, участвовал в плавании из Кронштадта в Архангельск и у берегов Швеции.

Свой первый боевой опыт Ушаков получил во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. В эти годы он плавал сначала на Азовском море, а затем в качестве командира небольшого корабля — на Черном море, где

впервые принял непосредственное участие в боевых действиях. Эти плавания явились для Ушакова важным этапом совершенствования в военно-морском деле. Не довольствуясь этим, молодой Ушаков с большим интересом изучал богатейший опыт боевых действий русской эскадры в Средиземном море, особенно в Наваринском и Чесменском сражениях, а также действия русского флота в Семилетней войне.

В 1776 г. Ушаков участвовал в плавании из Балтийского в Средиземное

море. С конца мая 1781 г. он, командуя линейным кораблем «Виктор», в течение года плавал в Средиземном море в составе эскадры адмирала Сухотина, посылка которой туда была обусловлена известной декларацией Екатерины II о вооруженном нейтралитете. Вскоре после возвращения из этого плавания Ушаков принял непосредственное участие в создании нового Черноморского флота и был первым воспитателем черноморских моряков.

В этот период в парусных флотах Западной Европы господствовала ли-

нейная тактика. Основные ее принципы были сформулированы в конце XVII века французом Павлом Гостом и изложены в его книге, появившейся в свет в 1697 г. Эти принципы в ряде флотов, и особенно во французском и английском, были возведены в догму, а в Англии даже включены в официальные инструкции и уставы. Флотам предписывалось атаковать сразу всю линию противника, строго соблюдая равнение в строю, и вести огонь только по назначенному кораблю, не обращая внимания на действия остальных кораблей противника и своих кораблей, сражающихся рядом. В то же время кораблям категорически запрещалось выходить из строя баталии, а также вступать в сражение с противником, имеющим количественное превосходство в кораблях. Все это сковывало инициативу командиров кораблей и командующих эскадрами, приводило к застою тактической мысли, к шаблонным действиям во время

морских сражений. Кроме того, это предопределяло оборонительную тактику, так как каждый из противников боялся оказаться в невыгодных условиях. О решительных сражениях не могло быть и речи. Вследствие этого в середине XVIII века флоты западноевропейских государств переживали ярко выраженный кризис в морской тактике.

Иная обстановка сложилась в русском флоте, где с самого начала развития тактической мысли ей были чужды шаблон и рутина. Петр I и последующие русские флотоводцы внесли много нового, оригинального в тактику флота. Так, например, Гангутская победа Петра I (1714 г.) явилась примером сочетания военной хитрости и маневра, примененного при встрече русской галерной эскадры с корабельным флотом шведов. Своеобразными были также атака и уничтожение русскими галерами под командой Голицына шведских парусных кораблей под Гренгамом

(1720 г.) Совсем непохожа была на тактику флотов западноевропейских стран и тактика выдающегося русского адмирала Григория Спиридова. В Чесменском сражении (1770 г.), наряду с применением линии баталии в построении эскадры (во время боя в Хиосском проливе 24 июня), он мастерски организовал маневр специально выделенного отряда кораблей, обеспечившего (в бою в Чесменской бухте 26 июня) артиллерийскую поддержку брандерной атаки, в результате которой и был уничтожен почти весь турецкий флот.

Но если при Гангуте и Гренгаме основой тактики был абордаж (галеры против парусных кораблей), а при Чесме — атака противника, стоявшего на якоре, то Ушаков обогатил тактику широким применением маневра в морском сражении. В новаторстве, в решительном отказе от устаревших взглядов на бой, в смелости исканий заключалась творческая сила искусства Ушакова.

▲ Чесма

Новизна тактических приемов Ушакова встречала со стороны реакционных представителей флота, раболепствовавших перед границей, как открытое, так и скрытое противодействие. Но результаты сражений, проведенных Ушаковым, были лучшей защитой его передовых тактических взглядов. В борьбе со старыми, консервативными взглядами на формы и методы ведения боя, с попытками иностранных морских офицеров, находившихся на службе в русском флоте, насаждать тактические приемы западных флотов, тактика Ушакова все основательнее внедрялась в практику боевых действий русского флота.

Ушаков твердо помнил предостережение Петра I о том, что при пользовании уставами «не держаться правил, яко слепой стены, ибо там порядки писаны, а времен и случаев нет». Ушаковская маневренная тактика не исключала линию, как один из элементов боевого порядка, но линия у него не являлась единственной формой построения, она была всецело подчинена маневру. Ушаков сочетал линейный порядок с маневрированием и перестроением в другие боевые порядки и показал образцы наступательной тактики парусного флота — охват фланга, расчленение строя противника и т. д.

Каждое сражение, проведенное Ушаковым, содержало новые тактические приемы, отвечавшие конкретной обстановке и условиям боевых действий. Уже в бою с турецким флотом у острова Фидониси в 1788 г. Ушаков проявил себя как флотоводец-новатор.

18 июня 1788 г. русские войска осадили турецкую крепость Очаков. В начале июля к Очакову из Кинбурна был вызван Суворов, которому было поручено командование левым крылом наступающих войск. В тот же день 18 июня из Севастополя в Очаков вышла русская эскадра под командованием Войновича. Эскадра состояла из двух линейных кораблей, двух 50-пушечных, восьми 40-пушечных, одного 18-пушечного фрегатов, 20 более мелких парусных кораблей и двух брандеров.

Задача эскадры Войновича состояла в том, чтобы не дать возможности турецкой эскадре оказать помощь осажденным в Очакове войскам противника и всемерно содействовать русским войскам, а также в том, чтобы не допустить эскадру противника к берегам Тавриды. Из-за встречных ветров движение русской эскадры сильно задержалось, и к острову Тендра она подошла лишь 29 июня. Замеченная здесь турецкая эскадра состояла из 15 ли-

нейных кораблей, восьми фрегатов, трех бомбардирских и 21 более мелких кораблей.

На рассвете следующего дня, при северном ветре, русская эскадра пошла на сближение с противником, занявшим наветренное положение, и выстроившись в линию баталии левым галсом, приготовилась к бою, ожидая нападения противника (нерешительность, типичная для Войновича). Турецкая эскадра, сблизясь до трех с половиной километров, вступила в боевую линию. В первом часу дня наступил штиль, и суда стали. С усилением ветра русские снова пошли на сближение. Тогда турецкие корабли, пользуясь преимуществом хода (они имели медную обшивку), стали удаляться, не принимая боя. Русские преследовали турок, уходящих к румелийским берегам, при этом русская эскадра стремилась занять наветренное положение. К вечеру турки сбавили ход; убавили свои паруса и русские. С наступлением темноты флоты опять разошлись.

Утром 3 июля недалеко от устья Дуная, у острова Фидониси, флоты снова встретились. Противник по-прежнему сохранял наветренное положение. В 8 часов русская эскадра сделала поворот оверштаг и выстроилась в линию баталии левым галсом, контргалсом по отношению

▲ Сражение у берегов Турции

к неприятелю. В 14 часов противник, пользуясь наветренным положением, стал спускаться двумя колоннами, из которых первая, под командой Гесен-паши, атаковала русский авангард, а вторая устремилась к кордебаталии и арьергарду, стремясь парализовать их и не дать возможности оказать помощь своему авангарду (Ушакову). Через 5 минут началось сражение. Атаке подверглись два линейных корабля и два 50-пушечных фрегата авангарда Ушакова, при этом против каждого из этих кораблей было пять кораблей неприятеля. Занимая выгодное наветренное положение, турки держались на такой дистанции, которая лишала возможности русские 40-пушечные фрегаты с 12-фунтовыми пушками вести эффективную стрельбу, в силу чего с русской стороны могли успешно действовать лишь передовые корабли (т.е. авангард под командой Ушакова).

Несмотря на неблагоприятные условия, корабли ушаковского авангарда вели действительный и меткий огонь по атаковавшим его туркам, и через 40 минут атака противника была отражена, а линия его кораблей расстроена. Сам флагман первой колонны был вынужден выйти из линии. Попытка противника отрезать два фрегата Ушакова — «Борислав» и «Стрела» — кончилась также безуспешно. Ушаков же на линейном корабле «Святой Павел», пользуясь замешательством противника, сам пошел в решительную контратаку и, прибавив парусов, с ближней дистанции нанес большие повреждения флагманскому кораблю турок «Капудания», заставив его при этом повернуть обратно. При повороте неприятельского корабля фрегаты «Борислав» и «Стрела» стреляли в него залпами всем бортом, в то время как противник лишен был возможности отвечать тем же. Другие корабли ушаковского авангарда поддерживали контратаку своего флагмана сильным огнем по расстроенной турецкой колонне.

Сражение продолжалось до 16 час. 55 мин., после чего корабли противника, подняв все парусы,

▲ Потопление турецкого флагмана

са, поспешили оставить место боя, потеряв при этом потопленную огнем флагманского корабля Ушакова шебеку. Потери авангарда Ушакова составили всего пять убитых и два раненых. Атака ушаковского авангарда могла бы принести значительно большие результаты, если бы не бездействие Войновича, который не поддержал Ушакова и ограничился лишь редкой перестрелкой с далеко отстоявшимися кораблями второй колонны турецкого флота. Войнович не помог Ушакову и в преследовании уходящего от места боя противника. Сражение ограничилось боем между ушаковским авангардом и численно превосходящей первой колонной турецкой эскадры.

5 июля турецкий флот появился вблизи Ак-Мечети. Патрулировавшая здесь русская эскадра не подпустила противника, и последний вынужден был отойти к Херсонскому мысу, откуда 6 июля повернул в море и ушел к румелийским берегам.

1 июля 1788 г. русские войска начали свое первое наступление на Очаков. В результате успешных действий суворовских войск в течение второго полугодия турецкая крепость, считавшаяся неприступной, была 6 декабря взята.

Сражение при Фидониси является примером успешного взаимодействия эскадры с сухопутными войсками при действиях против приморской крепости (Очаков). Ушаков, взяв на себя инициативу, вопреки канонам формальной линейной тактики, вступает в бой с превосходящими силами противника и смелой контратакой наносит основной удар против турецкого флагмана (первой колонны).

В сражении при Фидониси Ушаков нарушил и другие требования формальной линейной тактики, предписывавшей флагману находиться в центре линии своих кораблей. Показывая пример остальным судам, Ушаков шел впереди. Этот излюбленный прием и в дальнейшем приносил ему неизменный успех.

8 июля 1790 г. Ушаков провел Керченское сражение. Сражению предшествовало крейсерство ушаковской эскадры у анатолийских берегов, продолжавшееся с 16 мая по 5 июня 1790 г., о котором Ушаков писал: «... Начиная от Синопа, обошел всю восточную сторону анатолийских и абазинских берегов, господствуя при оных сильною рукою, заставил две части вышедших из Константинополя нынешней вес-

ной эскадр искать своего спасения, укрываясь под крепостями... Будучи при Синопе трое суток, город, крепость и суда содержал в совершенной атаке, имея с ними довольную перепалку, все время крейсерские суда брали попадающиеся навстречу и около Синопа выводили почти из-под самых крепостей купецкие суда... судов взято восемь, из коих два сожжены, выведя перед городом при Синопе, а шесть приведены в Севастополь...».

На обратном пути, в ночь с 1 на 2 июня, эскадра Ушакова имела бой с батареями анапской крепости и стоявшими у Анапы турецкими судами. Об этом бое Ушаков доносил Потемкину: «Спустя на воду все гребные суда, около полуночи притянул против неприятельских судов и начал по оным палить ядрами, бомбами и брандскугелями, против же нас произвели жестокий огонь со всех батарей и также паля ядрами, бросали небольшие бомбы и карказы, которые, не долетая, рвались на воздухе, а ядра многие перелетали наши суда, а от нас несколько брандскугелей легли и горели на берегу близ батарей, а бомбы разрывались на оных». Только отсутствие при эскадре брандеров помешало тогда Ушакову полностью уничтожить турецкие суда. Но не этот бой являлся главной целью кампании. Ушаков давно стремился нанести турецкому флоту такой удар, который бы сорвал замысел противника высадить десант в Крыму. Еще 30 июля 1789 г. Ушаков доносил командовавшему тогда Черноморским флотом контр-адмиралу Войновичу о подготовке турецкого десанта в Крым и о том, что пунктом сосредоточения сил враг наметил Анапу, откуда предполагает произвести нападение на Еникале и Керчь. Вследствие неподготовленности турецких кораблей задуманная высадка десанта в Крым не состоялась тогда и была перенесена на кампанию 1790 г.

Необходимость пополнить судовые запасы и провести небольшой текущий ремонт некоторых кораблей заставила русскую эскадру временно уйти в Севастополь. К этому времени Ушаков был назначен вместо нере-

▲ Бой у Фидониси

шительного Войновича, командующим корабельным флотом 2 июля 1790 г. Ушаков снова вышел в море, держа флаг на линейном корабле «Рождество Христово». В составе его эскадры было 10 линейных кораблей, шесть фрегатов, один бомбардирский корабль, одно репетичное судно, 13 крейсерских легких судов, два брандера. Перед выходом в море на все корабли был разослан приказ: «Объявите всем до одного во флоте, что прославленный победами над неприятелем флот должен умножить славу императорского флага, требуйте от каждого исполнения должности не щадя жизни».

Перед выходом в море Ушаков получил от расположенных крымском побережье постов наблюдения сведения о том, что турецкий флот 28 июня был виден у Тарханова-Кута, потом проходил в недалеком расстоянии от Севастополя и Балаклавы, после чего направился к востоку. Было очевидно, что турецкая эскадра направилась к Анапе чтобы принять войска и вместе

со стоящими там другими судами двинуться к крымскому побережью для проведения давно задуманной высадки десанта. Оценив сложившуюся обстановку, Ушаков решил выводе из Севастопольской бухты направиться к Керченскому проливу и занять позицию вблизи мыса Таклы, на пути наиболее вероятного движения турецкого десанта. Одновременно с этим часть легких крейсерских судов была направлена Ушаковым в разведку. В 10 часов утра 8 июля со стороны Анапы была замечена турецкая эскадра в составе 10 линейных кораблей, восьми фрегатов и 36 судов меньшего размера. Ветер был умеренный, направления с восток-северо-востока. Ушаковская эскадра, вопреки рутинным правилам линейной тактики, требовавшим в таких случаях сражаться не под парусами, а на якоре, снялась с якоря и, следуя под парусами, выстроилась в линию баталии. Около 12 часов дня турки предприняли атаку на русский авангард, которым командовал капитан бригадирского ранга Г.К. Голенкин.

Авангард отразил атаку и своим огнем привел неприятеля в замешательство. Ввиду неудачи первой атаки командующий турецкой эскадрой (капудан-паша) ввел в действие новые корабли для усиления атаки против русского авангарда. Тогда Ушаков приказал фрегатам выйти из общей линии строя и образовать резерв, чтобы использовать его в решающий момент в нужном направлении. Остальные корабли центра (кордебаталии) подтянулись к авангарду и стали оказывать ему помощь в отражении атаки противника. К 14 часам направление ветра стало север-северо-восточное, что было выгодно русским. Ушаков, воспользовавшись этим, сблизился с противником на картечный выстрел ввел в действие все свои орудия и решительно перешел в наступление. Не выдержав огня русских, турецкие корабли, находившиеся в непосредственной близости от флагманского корабля русской эскадры стали поворачивать и выходить из боя. Два турецких корабля, получившие повреждения мачт, вышли при этом за линию русских кораблей. Чтобы прикрыть эти корабли,

капудан-паша пытался пройти мимо русского строя контркурсом. Русские корабли, повернув оверштаг, еще раз с близкой дистанции обрушились своим огнем на турецкие корабли. и нанесли им новые повреждения. Ушаков с особенной энергией атаковал турецкого командующего и его второго флагмана, пытавшихся прикрыть свои наиболее пострадавшие корабли. К 17 часам противник окончательно отказался от сопротивления и, преследуемый русскими кораблями, стал отходить. Стремясь завершить удар, Ушаков приказал спешно выстроиться в боевую линию и преследовать противника, не соблюдая обычно назначенных мест, а сам занял место впереди своих кораблей.

В результате успешно проведенного боя высадка турецкого десанта в Крым была сорвана. Многие турецкие корабли получили серьезные повреждения, а одно посыльное судно с экипажем было потоплено. Турки потеряли много убитыми и ранеными. На кораблях русской эскадры потери составили 29 убитых и 68 раненых. 12 июля Ушаков с победой возвратился в Севастополь.

В тактическом отношении Керченское сражение характерно ярким выраженным стремлением Ушакова к решительным наступательным действиям. Ушаков стремится к сближению на кратчайшую дистанцию, с целью использовать как артиллерию (картечный выстрел), так и ружейный огонь и тем нанести наибольшие потери десанту на кораблях противника. Для этого сражения характерно также сосредоточение огня по флагманским турецким кораблям с целью лишить противника руководства и стойкости. Заслуживает внимания вывод фрегатов из общего строя, в результате чего была создана максимальная плотность линейных сил эскадры и повышена эффективность артиллерийского огня, а также образован резерв кораблей, находящийся в распоряжении флагмана. Наконец, необходимо отметить, что в заключительный момент сражения Ушаков, вопреки требованиям формальной тактики, сообразуясь с создавшейся обстановкой, приказывает кораблям стать в строй, не соблюдая назначенных мест, и сам становится во главе флота.

▲ У крымских берегов

▲ У Керчи

Произведя после Керченского сражения необходимый ремонт и пополнив корабельные запасы, Ушаков снова начал готовиться к встрече с противником, корабли которого опять стали появляться у крымских берегов. Ушаков тщательно наблюдал за их движением, получая донесения с постов, а иногда и лично выезжая на побережье, откуда был виден противник. Одновременно Ушаков получал подробную информацию из Херсона от командующего Лиманской флотилией Де-Рибаса, который доносил Ушакову о всех замеченных в районе северо-западного побережья Черного моря турецких судах. Кропотливо собирая разведывательные данные, Ушаков тщательно готовился к возобновлению активных поисков турецких сил в море. 6 августа Ушаков писал в Херсон: «...Сего дня было видно 29 судов... Весьма нужно узнать их предприятие, дабы не только воспрепятствовать, но и воспользоваться оным... Не можно ли, милостивый государь, через какие-либо средства от Дуная узнать, где ныне главный их флот в котором месте, соединяются ли они в одном месте, или будут эскадрами, дабы потому располагать наши действия».

Очередной выход в море был разрешен Ушакову только после до-

стройки в Херсонском порту нескольких кораблей, которые должны были усилить его эскадру. Получив сведения о готовности этих кораблей, Ушаков 24 августа отдал приказ о выходе как своей эскадры, так и Лиманской флотилии. 25 августа 1790 г. эскадра Ушакова вышла из Севастополя и направилась к устью Днепро-Бугского лимана, где должна была соединиться с Лиманской флотилией и кораблями, вышедшими из Херсона. У Ушакова было 10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 1 репетиционное судно и 17 крейсерских судов. Турецкая эскадра в составе 14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 14 мелких судов под командой капудан-паши Гуссейна в это время крейсировала у северо-западного побережья Черного моря.

В 6 часов утра 28 августа русская эскадра обнаружила стоявшую на якоре между Тендрой и Хаджибеем (Одесса) турецкую эскадру. Появление русских кораблей было совершенно неожиданным для турок. Ушаков решил использовать внезапность и, не теряя времени на перестроение из походного порядка в боевой, приказал немедленно атаковать противника.

Застигнутые врасплох турки, несмотря на численное превосходст-

во, спешно начали рубить канаты и в 9 часов в беспорядке бросились уходить под парусами в сторону Дуная. Занимая наветренное положение, Ушаков на всех парусах устремился в погоню, намереваясь перехватить отстававшие корабли противника. Угроза захвата русскими моряками концевых турецких кораблей заставила капудан-пашу повернуть на обратный курс и прикрыть отставшие корабли. Приспустившись под ветер, турецкий флот поспешно выстроился в линию баталии. Продолжая идти на неприятеля, Ушаков также перестроил эскадру из походного порядка в боевой, а затем, повернув на обратный курс, занял наветренное положение и лег на курс, параллельный курсу противника. Одновременно трем фрегатам было приказано выйти из линии баталии, образовать резерв и находиться на ветре у авангарда, чтобы в случае необходимости отразить попытку противника атаковать авангард.

Около 15 часов Ушаков, сблизившись с противником на дистанцию картечного выстрела, завязал бой всем строем, особенно сильно атакуя неприятельский центр, где находился корабль турецкого флагмана. По прошествии полутора часов боя турецкие корабли, получив значительные повреждения и понеся потери в личном составе, стали выходить из линии баталии. Русские корабли еще более усилили огонь и около 17 часов привели противника в полное замешательство. Турки не выдержали и, повернув через фордевинд под ветер, начали в беспорядке выходить из боя. При повороте они подставили свои суда под продольные залпы русских кораблей.

Стремясь полностью разгромить турецкую эскадру, Ушаков поднял сигнал «Гнать неприятеля», а сам стал преследовать флагманский корабль турок. Погоня за уходящими кораблями противника продолжалась до наступления темноты. В 22 часа Ушаков, отослав легкие суда к Очакову, стал на якорь. С рассветом следующего дня турецкий флот снова был обнаружен недалеко от русской эскадры. Как доносил позже в своем

рапорте Ушаков, турецкие корабли шли в беспорядке в разные стороны.

Преследуя противника, русская эскадра отрезала два поврежденных в бою линейных корабля, из которых один — «Мелеки-Бахри» — был захвачен, а другой — флагманский корабль «Капудания», объятый пожаром, вскоре взорвался. Турецкий адмирал Сеид-Али и около 100 офицеров и матросов с «Капудани» были взяты в плен. При поспешном бегстве остального флота к Босфору турки потеряли еще один сильно поврежденный линейный корабль и несколько мелких. Потери в личном составе противника составляли более 2 тысяч человек. Русские потеряли всего 41 человека, из них 25 ранеными. Взятый в плен линейный корабль «Мелеки-Бахри» после исправления вошел в состав Черноморского флота под названием «Иоанн Предтеча».

Лиманская флотилия из-за встречного ветра до боя не смогла соединиться с Ушаковым. После же боя ей было поручено отвести захваченные корабли в Херсон.

Особенностью тактики Ушакова в этом сражении явилась внезапная атака противника без перестроения из походного порядка в боевой. В остальном были применены такие же приемы, как и в Керченском сражении, т. е. выделение резерва из фрегатов, сближение и бой на дистанции картечного выстрела, атака на флагманские корабли с целью вывести их из строя в первую очередь.

Вскоре после Тендровского сражения Ушаков на основе боевого опыта последних сражений (у Керчи и Тендры) предложил выделять специальную группу кораблей для атаки флагманских кораблей неприятеля, что и было одобрено Потемкиным. Такая группа кораблей была названа эскадрой «Кейзер флага».

Тактические приемы Ушакова нельзя рассматривать вне связи со всем комплексом приемов, примененных в каждом конкретном бою. Так, например, в сражении у Тендры 28-29 августа 1790 г. атака Ушаковым турецкой эскадры с хода не дала бы сама по себе эффекта без своевременного построения в линию бата-

лии, выделения резерва и ударов по флагманским кораблям, преследования противника и т. д.

Насыщенность каждого из проведенных Ушаковым сражений новыми приемами, их умелое сочетание с приемами, уже известными раньше, наглядно подтверждают, с какой исключительной быстротой он ориентировался в обстановке и умел принять правильное решение, в какой высокой степени он обладал суворовским «глазомером».

Во второй половине сентября 1790 г., когда русские войска приближались к Дунаю, потребовалось послать гребную флотилию из Днепровско-Бугского лимана на Дунай. Ушаков лично разработал ордер на переход флотилии, который был вручен ее командующему 28 сентября 1790 г., и план прикрытия флотилии со стороны моря от возможных помех турецкого флота. Общая обстановка после разгрома турецкой эскадры под Тендрой складывалась довольно удачно, но неблагоприятные ветры долго не позволяли флотилии выйти из лимана, в связи

▲ Тендра

с чем задерживался с выходом и сам Ушаков. Только 16 октября, получив сведения о выходе флотилии, Ушаков вышел в море. В его эскадре было 14 линейных кораблей, 4 фрегата и 17 крейсерских судов. 17 октября после кратковременной стоянки в Хаджибее, Лиманская флотилия в составе 38 гребных судов и отряда транспортов с десантом (800 человек) вышла к устью Днестра, где на следующий день соединилась с флотилией запорожских казаков в составе 48 лодок и направилась к Сулинскому гирлу Дуная. Здесь флотилии преградили путь турецкая речная флотилия (23 судна) и две береговые батареи (13 орудий).

Решительными действиями командования русской флотилии эта помеха была быстро устранена. Батареи были с боем взяты десантом (около 600 человек), высаженным с судов флотилии, а флотилия противника, разбитая в бою, потеряв плавучую батарею и 7 транспортных судов с боеприпасами и продовольствием, поспешно отошла вверх

по Дунаю. Продолжая действовать на Дунае, русская Лиманская флотилия 6 и 7 ноября силами десанта заняла турецкую крепость Тульча, а 13 ноября — крепость Исакча. В боях с флотилиями противника, находившимися при этих крепостях, было уничтожено, сожжено и захвачено большое количество турецких судов, орудий, боеприпасов и продовольствия.

В соответствии с планом, эскадра Ушакова подошла к Дунаю 21 октября, когда в устье входил уже арьергард Лиманской флотилии. Задача Ушакова состояла в том, чтобы не допустить проникновения с моря в Дунай подкреплений противника и тем самым обеспечить успешные действия русской гребной флотилии, выделенной в помощь Суворову. Ушаков оставался у устья Дуная до 10 ноября, после чего пошел на поиски противника к румелийским берегам, а 14 ноября 1790 г., когда стало ясно, что турецкий флот помешать действиям флотилии на Дунае не может, возвратился в Севастополь.

18 ноября гребная флотилия начала систематическую бомбардировку Измаила и турецких судов, стоявших под защитой крепости. В период с 18 по 27 ноября русской флотилией было уничтожено 43 каботажных судна, 45 транспортных судов, 10 лодок, шхуна и более 40 паромов.

Непосредственно перед штурмом Измаила войсками Суворова флотилия (567 орудий) совместно с батареями острова Чатал бомбардировала Измаил, а в день штурма участвовала во взятии крепости. Известно, что Измаил был взят концентрическим ударом девяти колонн: шесть наступали с суши и три колонны, составленные из десанта, штурмовали крепость со стороны реки.

Флотилия действовала в штурме Измаила двумя линиями: в первой линии находились суда с десантом, во второй — суда, которые прикрывали высадку десанта огнем своих орудий. 11 декабря утром флотилия под прикрытием непрерывного огня судовых орудий высадила десант. Первая его колонна быстро овладе-

▲ Встреча Ушакова и Суворова

▲ Калиакрия

ла укреплениями на берегу. Вторая колонна встретила более сильное сопротивление, но все же завладела батареей противника. Третья колонна выходила на берег в наиболее трудных условиях, под сильным огнем с неприятельского редута. Все три колонны после ожесточенных боев соединились с войсками, штурмовавшими крепость с суши. В этот день все крепостные укрепления были в руках русских. Начался штурм самого города, и в числе отрядов, первыми ворвавшихся в центр города, был высаженный с судов флотилии десант.

Взятие Суворовым Измаила и действия Ушакова в этот период на Черноморском театре имели в основе единый стратегический замысел. Разгромом турецкого флота под Тендрой и последующими действиями Ушаков обеспечил безопасный переход флотилии в Дунай и прикрыл ее действия с моря в период непосредственного продвижения к Измаилу, чем оказал серьезную услугу войскам Суворова. Действия Лиманской флотилии под Измаилом получили высокую оценку со стороны Суворова и Потемкина.

Кампания 1791 г. ознаменовалась новыми успехами русских войск. При поддержке речной флотилии взят был приступом город Браилов. 28 июня войска Репнина разбили у Мачина 80-тысячную армию турок. С потерей этой армии противник лишился своих последних резервов.

Вскоре возобновились начатые еще ранее мирные переговоры между Россией и Турцией. Стремление русского правительства к скорейшему заключению мира обуславливалось тем, что Екатерина II, напуганная начавшейся во Франции революцией, видела теперь основное содержание своей внешней политики в борьбе с нею. Турция, понесшая тяжелые поражения на суше, не в состоянии была уже больше вести сколько-нибудь эффективную войну, но, опираясь на еще сильный флот, затягивала переговоры, пытаясь выторговать для себя более выгодные условия мира.

Дело ускорила блестящая победа ушаковской эскадры над турецким флотом у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г. В этом сражении у русских было 16 линейных кораблей, 2 фрегата, 2 бомбардирских судна, брандер и 13 легких судов; у турок — 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 43 легких корабля. Командовал турецким флотом капудан-паша Гуссейн.

29 июля эскадра Ушакова вышла из Севастополя и направилась к румелийским берегам. В полдень 31 июля Ушаков увидел турецкую эскадру, стоявшую на якоре около мыса Калиакрия. Как и под Тендрой, Ушаков внезапно и стремительно атаковал турецкую эскадру, не перестраиваясь из походного порядка в боевой. Чтобы занять наветренное положение (ветер был северный), Ушаков пошел между берегом и турецкой эскадрой и, несмотря

на огонь береговых батарей противника, в 14 час. 45 мин. отрезал турецкие корабли от берега. Появление русской эскадры и атака турецкого флота были настолько внезапны и стремительны, что уволенная на берег часть личного состава (был мусульманский праздник) не смогла вернуться на корабли. Противник спешно рубил якоря и в замешательстве отходил, пытаясь выстроиться в линию баталии. Непрерывно атакуя ошеломленного противника, русская эскадра продолжала находиться в походном строю трех колонн. Капудан-паша некоторую часть турецких кораблей успел выстроить в линию правого галса, но вскоре флот противника перестроился в линию на левый галс. В 15 час. 30 мин. Ушаков, атакуя противника при направлении ветра с северо-северо-востока, перестроился в линию баталии параллельно турецкому флоту.

Передовой отряд турок под командой Саид-Али, форсируя парусами, пытался занять наветренное положение. Тогда Ушаков на корабле «Рождество Христово» вышел из строя и атаковал корабль Саид-Али. В своем донесении Потемкину Ушаков писал об этом моменте боя: «При том же заметил я, что Саид-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага и другим большим и несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделиться вперед, выигрывая ветер, потому для предупреждения его нападения

погнался я с кораблем «Рождеством Христовом» за ним, следуя вперед нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнить поведенное и сомкнуть дистанцию. Построй ж я линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской и догнав передовой корабль паши Саид-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим «Рождество Христово», приближаясь к передовому нашинскому кораблю в дистанцию полкабельтова, атаковал его». Корабль Саид-Али, получив сильные повреждения в корпусе и рангоуте, спустился под ветер. Затем Ушаков атаковал другой флагманский корабль, который с большими повреждениями вынужден был отвернуть. Удар по флагманским кораблям способствовал быстрой деморализации эскадры противника.

Упорное сражение, во время которого турецкие корабли (особенно флагманские) получили большие повреждения, продолжалось более трех с половиной часов. Решительная атака русской эскадры привела к тому, что турецкие корабли смешались в кучу и в беспорядке стали уходить к Босфору. Ушаков организовал преследование разбитого турецкого флота. Около 20 час. 30 мин. вследствие наступившей темноты турецкие корабли начали скрываться из виду. Скоро условия для преследования турок сложились крайне неблагоприятно, так как наступил штиль, сменившийся затем выгодным для противника ветром. Только в 6 часов утра 1 августа русские снова увидели турецкую эскадру, удалявшуюся к Константинополю. Ушаков прибавил сколько мог парусов, стараясь нагнать противника, но усиливающийся штормовой северный ветер и сильное волнение помешали этому. Кроме этого, несколько кораблей ушаковской эскадры получили повреждения в бою, а на линейном корабле «Александр» от попадания ядер в корпусе образовалась опасная течь, в силу чего продолжать погоню в штормовых условиях было невозможно. Отправив несколько

▲ Бой у Калиакрии

судов в крейсерство к румелийским берегам, Ушаков подошел с флотом к мысу Эмине и начал исправлять повреждения. Приведя себя в порядок, эскадра вернулась в Севастополь. В своем донесении Ушаков писал: «Во время бывшего 31 дня сражения все командующие судов и разные чины флота Черноморского служители, находящиеся на оном, с крайним рвением и беспримерной храбростью и мужеством выполняли долг свой...» Там же Ушаков особо отмечает роль резервов в этом бою. Так, резерв из 24 бомбардирских кораблей и одного фрегата был использован в направлении основной атаки, другой же резерв, состоявший из мелких бомбардирских и большого количества крейсерских судов, был использован для преследования одиночных кораблей противника и уничтожения шлюпок с убежавшими на них турками. В донесении об этом говорится: «и во время посланных от меня крейсеров в погоне за судами... многие суда неприятельские загнаты на берег, затоплены, а некоторые сожжены, бегущего неприятеля люди во множестве побиты и потоплены...». В этом сражении

Ушаков применил новый тактический прием — атаку со стороны берега, прием, который перенял затем английский адмирал Нельсон, используя его через семь лет в Абукирском сражении против французской эскадры.

Победа Ушакова при Калиакрии решительно повлияла на ход всей кампании. 29 декабря 1791 г. Турция поспешила заключить мир на выгодных для России условиях. По Ясскому миру 1791 г. были подтверждены условия Кучук-Кайнарджийского договора, признана новая граница России по Днестру, а также присоединение к России Крыма.

Проявляя большое искусство в морских боях, Ушаков с неменьшим успехом проводил боевые действия, связанные с блокадой неприятельского побережья, высадкой десантов, атакой крепостей и т.д. В них так же, как и в морских сражениях, он был врагом косности и рутины. Наглядным примером этого является осада и взятие острова Корфу, считавшегося неприступной крепостью.

Ушаков овладел крепостью в период, когда пришедшая к власти во Франции крупная торгово-про-

мышленная буржуазия активизировала захватническую политику. Французская экспансия была направлена прежде всего против Англии, но она вместе с тем угрожала также России и Турции. Получив после поражения Австрии венецианские владения — Ионические острова и несколько крепостей в Албании, — Бонапарт всеми силами стремился удержать их за собой. В своем донесении Директории от 27 августа 1797 г. он писал: «Острова Корфу, Занте и Кефалония важнее для нас, чем вся Италия вместе». Бонапарт прежде всего учитывал стратегическое положение Ионических островов, овладение которыми облегчало ему продвижение в сторону Египта, Малой Азии, Балкан и черноморских владений России. Кроме того, утвердившись на Ионических островах, Бонапарт становился соседом Турции и мог оказывать на нее сильное политическое давление. Это важно подчеркнуть, потому что в Турции и без того было довольно большое влияние Франции, и она уже склонялась к союзу с Бонапартом против России.

Вполне понятно, что эти обстоятельства вызвали серьезную тревогу в русских правящих кругах. Тревога еще больше усилилась, когда стало известно, что французы в Туло-

не и Марселе усиленно готовятся к осуществлению активных боевых действий. Распространился слух, что французский флот под турецким флагом войдет в Черное море и начнет боевые действия против России. Но вскоре направление французской экспансии в Средиземном море несколько разъяснилось. Отказавшись от активных действий непосредственно против Британских островов, Бонапарт в мае 1798 г. предпринял свой египетский поход, основная цель которого состояла в том, чтобы захватить Египет и оттуда угрожать британским владениям в Индии. Своим вторжением в Египет французы совершили прямую агрессию против Турции, провинцией которой являлся в тот период Египет, и создали непосредственную угрозу Турецкой империи, заставив последнюю просить помощи у России.

Египетский поход Бонапарта затрагивал также и интересы России. Утвердив свое господство в Египте, французы могли постоянно угрожать черноморским проливам, а следовательно, и черноморским владениям России. К тому же было совершенно очевидно, что Турция без помощи России не в состоянии будет защитить проходы в Черное море.

Таким образом, французская экс-

пансия в Средиземном море создавала чрезвычайно сложную военную и политическую обстановку не только в районе Средиземного моря, но и во всей Европе. Сложность этой обстановки усугублялась еще и тем обстоятельством, что в Италии в это время развернулась острая внутренняя борьба: власть Бурбонов была свергнута, и король Италии вынужден был бежать и просить помощи у русского царя Павла I. В этой обстановке Россия выступила против Франции.

Для участия в войне на Средиземном море была выделена эскадра под командованием адмирала Ушакова, которая 13 августа 1798 г. вышла из Севастополя в составе 6 кораблей, 7 фрегатов и 3 посыльных судов. На кораблях находилось 1700 солдат морской пехоты. По прибытии эскадры в Дарданеллы в подчинение Ушакову поступила турецкая эскадра в составе 4 кораблей, 6 фрегатов и 14 канонерских лодок. 12 сентября Ушаков направил 4 фрегата и 10 канонерских лодок под командованием капитана 2 ранга Сорокина для блокады Александрии и уничтожения французских батарей в Абукире, так как английская эскадра Нельсона после победы над французами сама оказалась настолько потрепанной, что уже не была в состоянии решать боевых задач и предполагала срочно уйти на Сицилию. 20 сентября русская и турецкая эскадры покинули Дарданеллы. В короткий срок, с 28 сентября по 5 ноября, Ушаков изгнал французов с островов Церигго, Занте, Кефалония и Санта Мавра. Вслед за тем он предпринял эффективную блокаду острова Корфу с целью его захвата.

Остров Корфу издавна считался ключом к Адриатическому морю. Пять веков им владели венецианцы, много сделавшие для его укрепления. После захвата острова Наполеоном французские инженеры значительно усилили укрепления Корфу, превратив его в неприступную крепость. К началу осады крепости она имела на вооружении до 650 крепостных орудий, гарнизон в 3000 человек и полугодовой запас продовольствия.

▲ Морской бой

▲ Взятие Корфу

С моря крепость прикрывалась двумя островами — Видо и Лазаретто; на первом из них находились мощные укрепления с большим числом артиллерийских орудий.

В двадцатых числах октября к Корфу подошел отряд капитана 1 ранга Селивачева, который по приказанию Ушакова приступил к осуществлению блокады. 9 ноября к Корфу подошел с главными силами Ушаков. Эскадра стала на якорь южнее крепости. Союзный флот испытывал острый недостаток в продовольствии. Кроме того, для атаки крепости не хватало десантных войск. Обещанные Турцией войска не прибывали, и получение подкреплений оттягивалось длительными переговорами.

Несмотря на все трудности, Ушаков установил тесную блокаду Корфу, лишив французский гарнизон возможности получить какую-либо помощь извне. Кроме того, чтобы пресечь попытки французов заготовлять себе провиант путем грабежа местных жителей, на Корфу

был высажен небольшой десант, а на оконечностях острова установлены батареи. Батарея, сооруженная на северной стороне острова, уже с ноября 1798 г. начала систематическую бомбардировку французских укреплений.

22 ноября к Ушакову из Севастополя пришли шхуна и две бригаантинны с продовольствием. 30 декабря из Севастополя прибыл контр-адмирал Пустошкин с двумя новыми 74-пушечными кораблями. К 1 января 1799 г. в распоряжении Ушакова было уже 12 кораблей, 11 фрегатов и несколько мелких судов. К 25 января прибыли дополнительные силы.

Весь период осады острова Корфу, продолжавшийся три с половиной месяца, был насыщен многочисленными боевыми столкновениями кораблей русской эскадры с французскими кораблями, стоявшими около острова. Эти поединки кораблей, а также систематические обстрелы крепости русскими батареями истощили противника. Однако решительный штурм крепости тре-

бовал согласованных действий всех сил. Между тем турецкое командование не выполняло своих обязательств по снабжению и оттягивало присылку обещанного десанта, чем ставило Ушакова в затруднительное положение.

Несмотря на это, Ушаков деятельно готовился к штурму. Изучив подходы к острову Корфу, он сделал правильный вывод о том, что острой Видо служит ключом к крепости. Вместе с тем он понимал, что взять сильно укрепленный остров Видо только силами десанта будет чрезвычайно трудно, но Ушаков твердо решил овладеть им. Общий сигнал к штурму острова Корфу намечалось дать одновременно с штурмом острова Видо. Накануне штурма был созван совет адмиралов и командиров кораблей, на котором Ушаков сообщил свое решение и план действий.

Готовясь к штурму, Ушаков провел ряд учений, в ходе которых уделял особое внимание изготовлению осадных лестниц и фашин и умению пользоваться ими. Большое внимание

было уделено также вопросам связи, для обеспечения которой была разработана таблица из 130 условных сигналов флагами.

Атака острова Видо началась 18 февраля 1799 г. в 7 часов утра. Фрегаты, идя под парусами, открыли огонь по батареям и береговым сооружениям острова. Далее последовал мощный огонь по живой силе и по береговым батареям противника и с остальных кораблей, которые стали на якорь по диспозиции. Несколько кораблей было выделено в отдельный отряд с задачей обстрела рейда и противодействия всякому подвозу подкреплений на остров Видо. Этому же отряду было поручено вести обстрел неприятельских кораблей и фрегатов, находившихся с западной стороны острова Видо.

Ушаков на корабле «Св. Павел» в сопровождении фрегата лично проверил правильность расстановки кораблей по диспозиции, а затем, подойдя на дистанцию картечного выстрела к самой большой батарее, совместно с фрегатом в короткий срок разрушил ее. К 11 часам огонь неприятельских батарей значительно ослабел. На флагманском корабле был поднят сигнал: «начать высадку десанта». Всего было высажено более 2000 человек. Огонь корабельной артиллерии продолжался и во время высадки десанта. К 14 часам остров Видо был взят. Из состава гарнизона, насчитывавшего до 800 человек, 422 человека было взято в плен.

Одновременно начался общий штурм крепости Корфу. Высаженный на остров десант немедленно бросился на приступ наружных оборонительных сооружений крепости. Первый приступ был отбит, и лишь когда были получены подкрепления, второй приступ завершился успехом. Французский комендант послал Ушакову письмо с просьбой о перемирии на 24 часа, в течение которых он обязался подписать капитуляцию. На следующий день на корабль Ушакова «Св. Павел» прибыл французский генерал Шабо, подписавший условия безоговорочной капитуляции.

Взятие Ушаковым сильнейшей морской крепости Корфу явилось не-

виданной для того времени победой. Ушаков вновь продемонстрировал высокое флотоводческое искусство, а русские моряки показали отличные боевые качества. Успех этого сражения во многом был облегчен тем, что Ушаков, правильно оценив обстановку, принял решение атаковать остров Видо сперва с моря, а затем с суши, хотя это и противоречило отжившим традициям, согласно которым флот может лишь блокировать приморские крепости.

В период осады и взятия крепости Корфу Ушаков проявил несравненно более высокое искусство, чем известный английский адмирал Нельсон, осаждавший в тот же период остров Мальта и значительно менее сильную крепость на нем Лавалетта. Если Ушакову понадобилось на взятие Корфу только три месяца, то Нельсон потратил на осаду Мальты больше года. При этом он сам так и не дождался взятия Мальты, уехав в Англию.

Получив весть о победе Ушакова на острове Корфу, Суворов восклик-

нул: «Великий Петр наш жив!.. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: «природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет», — то и теперь мы видим. Ура! Русскому Флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»

После взятия острова Корфу боевые действия эскадры Ушакова были перенесены к побережью Южной Италии. Командовавший в то время союзными русско-австрийскими армиями Суворов предложил Ушакову послать отряд кораблей к адриатическому побережью Италии для блокады Анконы, так как находившиеся там французские корабли могли перехватывать австрийские транспортные суда и тем самым угрожать коммуникациям, важным для союзницы России — Австрии. По просьбе Суворова в мае 1799 г. Ушаков отправил к берегам Анконы 3 линейных корабля (один турецкий), 4 фрегата (2 турецких) и 5 мелких судов, поручив командование этим отрядом контр-

▲ Адмирал Ушаков

адмиралу Пустошкину. Несколько ранее был послан в Отранто под командой капитана 2 ранга Сорокина еще отряд, в составе которого были 4 фрегата, 2 легких судна и 4 канонерские лодки. Этот отряд 9 мая высадил на восточном побережье Апеннинского полуострова (между Бриндизи и Манфредония) десант под командой капитан-лейтенанта Белли, сыгравший важную роль в боевых действиях русских войск в Италии. С десантом, численность которого была доведена до 600 человек, Белли пересек полуостров с востока на запад и, выйдя на берег Тирренского моря (3 июня 1799 г.), принял участие во взятии Неаполя.

Ушаков в конце июня 1799 г. решил с основными силами своей эскадры (10 линейных кораблей, 7 фрегатов и 5 других судов) к берегам Сицилии.

Изгнав французов из всей Северной Италии, Суворов в начале августа 1799 г. начал готовиться к наступлению на Генуэзскую Ривьеру. В плане наступления на Ривьеру Суворов уделил флоту значительное место. Он писал: «а соединенный флот должен быть о намерениях наших извещен и содействовать нам как в прикрытии водных транспортов, так равно и другие чинить вспоможения».

Будучи в начале августа в Мессине, Ушаков получил письмо от Суворова, в котором фельдмаршал просил отрядить группу кораблей для блокады Генуи, чтобы пресечь подвоз снабжения к французской армии морем.

Ушаков срочно направил к Генуе отряд из двух линейных кораблей и двух фрегатов под командой действовавшего ранее у Анконы контр-адмирала Пустошкина. Сорокин же был направлен теперь к Неаполю. Отряд Пустошкина содействовал Суворову до самого конца его пребывания в Италии.

13 и 14 сентября великий полководец с боями совершил свой знаменитый переход через Сен-Готард и Чортов мост. В это время эскадра Ушакова продолжала оставаться в Италии, деятельно готовясь к походу на Рим. Ушаков лично разработал план этого похода. Им был сформи-

рован под начальством полковника Скипора отряд из 820 гренадеров и 200 матросов эскадры. Отряду были приданы 2500 человек из войск неаполитанского короля. В период подготовки похода на Рим в Неаполь прибыл английский адмирал Нельсон. Не желая, чтобы русские овладели Римом, английский адмирал тайно послал военное судно в порт Чивита-Веккия (близ Рима) с предложением французам капитулировать до того, как русские подойдут к Риму. Условия капитуляции, предложенные Нельсоном, были чрезвычайно выгодны для французов. Так, например, у французов не отбиралось оружие и они не лишались права вновь вести военные действия. Англичане пообещали перевезти их во Францию на своих судах. Французы, естественно, дали согласие на такую «капитуляцию», тем более, что Франция могла бросить эти войска против союзников на генуэзское побережье. Ушаков был глубоко возмущен этим предательством английского адмирала, однако поход на Рим не отменил. Торжественным вступлением русских моряков в Рим, оставленный французами по условиям капитуляции, закончились действия десанта эскадры в кампанию 1799 г. В 1800 г. эскадра Ушакова была отозвана Павлом I в Черное море.

Стратегия и тактика Ушакова были подчинены одной цели — уничтожению сил противника. Как и Суворов, Ушаков всегда искал решительного сражения. Это придавало его тактике ярко выраженный наступательный характер, причем приемы наступательной маневренной тактики Ушакова были полнее и богаче приемов западноевропейских адмиралов. Ушаков никогда не боялся вступать в сражение с численно превосходящим противником. При всем этом ему был чужд авантюризм, он никогда не пренебрегал осторожностью.

Исключительно большое внимание Ушаков уделял вопросам боевой подготовки эскадры. Напряженная боевая учеба как в мирное, так и в военное время была стилем повседневной работы адмирала. В самые страдные дни, предшествовавшие Керченскому сражению, Ушаков не прерывал

учебу на эскадре и в своем приказе от 5 июля 1790 г. давал командирам кораблей конкретные наставления по обучению комендоров. В приказе говорилось о необходимости производить ежедневные учения по скорострельной стрельбе из пушек, практиковаться в наводке орудий, для чего предлагалось прикрепить к каждой пушке по три комендора, меняя их для исполнения обязанностей поочередно. На каждом корабле командиры обязаны были устроить личный экзамен комендорам. Для подведения итогов артиллерийской подготовки Ушаков намечал провести общее учение всей эскадры со стрельбой.

Больших успехов добился Ушаков в организации бдительного несения службы на судах и в приморских крепостях, для чего широко использовал петровские традиции — обмен условными сигналами при встрече кораблей в море и при подходах кораблей к крепостям. Много внимания уделял Ушаков организации разведки на театре и изучению противника.

Расцвет военно-морского искусства в России во второй половине XVIII века закономерно совпадал с расцветом в этот период всего русского военного искусства. С момента организации регулярной армии и флота при Петре I развитие военного искусства шло параллельно с военно-морским, выражая собою рост регулярной вооруженной силы русского государства. В этой обстановке Ушаков показал правильное понимание значения флота для России и его места в системе вооруженных сил.

Это позволило Ушакову стать большим мастером организации взаимодействия флота с сухопутными войсками. Особое значение придавал Ушаков организации при флоте штатных формирований сухопутных войск (морской пехоты). Федор Федорович Ушаков посвятил флоту всю свою жизнь. Если благодаря Румянцеву и особенно Суворову русская армия не только сохранила славные боевые традиции, но и значительно приумножила их, то во флоте эта заслуга принадлежала Ушакову.

Ушаков не проиграл ни одного морского сражения, и главным факто-

ром своих побед он считал прежде всего стойкость и мужество матросов эскадры. Сам Ушаков неустанно заботился о команде и часто в период перебоев снабжения эскадры тратил на питание и нужды команды свои личные средства. Гуманное отношение к матросу и продуманная система воспитания личного состава эскадр во многом роднили Ушакова с Суворовым. Ушаков, так же как и Суворов, высоко ценил моральные качества русских воинов.

Суворовские и ушаковские принципы воспитания и обучения личного состава армии и флота в тот период находили известную поддержку лишь среди наиболее дальновидных представителей высшей придворной знати, какими, например, являлись Румянцев и Потемкин. Они прекрасно понимали, что для борьбы с внешними врагами нужна сильная армия, которая не могла держаться только на одной палочной муштре. Потемкин и его единомышленники понимали, что уверенно вести личный состав в бой мог только авторитетный начальник. Таким начальником на флоте был Ф.Ф. Ушаков, имевший огромный авторитет и заслуживший безграничное доверие и преданность личного состава эскадр.

Характеристика флотоводческой деятельности адмирала Ушакова будет неполной, если не упомянуть о его дипломатических способностях и политическом кругозоре, которые он с особой силой проявил в период 1798-1800 гг.

Деятельность Ушакова на Средиземном море сильно осложнялась враждебным отношением к нему со стороны командующего «союзной» английской эскадры адмирала Нельсона. Последний стремился отвлечь русских от Мальты и от Адриатического моря и направить русскую эскадру к Леванту, чтобы тем самым обеспечить себе свободу действий против Мальты и помешать русским укрепиться на Ионическом архипелаге. Нельсон рассчитывал таким образом высвободить английские силы, действовавшие у Леванта, и направить их на усиление более важного для Англии в этот период мальтий-

ского направления. Нельсон пытался использовать для этого любые бесчестные способы. С одной стороны, он льстил императору Павлу I, как «гроссмейстеру мальтийского ордена», посылал ему почетные рапорты и подарки. С другой стороны, он постоянно требовал от командиров своих кораблей ни в коем случае не допускать водружения русского флага на Мальте, старался вызвать недоверие к русским со стороны турецкого адмирала, действовавшего вместе с Ушаковым.

Ушаков не поддавался на хитрые уловки английского адмирала, он смело и честно выражал ему свое несогласие и вел твердую и последовательную линию, направленную на защиту интересов России в Средиземном море.

Флотоводческое искусство Ушакова могло бы получить еще большее развитие, если бы не многочисленные интриги со стороны отдельных чиновников и бездушных представителей бюрократического самодержавного режима.

По возвращении на родину Ушаков не получил со стороны царя и правительства настоящего признания. В начале 1802 г. он был назначен

командующим Балтийским галерным флотом, что по существу означало отстранение знаменитого флотоводца от боевых дел, так как значение галерного флота в тот период становилось второстепенным. В 1807 г. Ушаков был вовсе уволен в отставку, а спустя десять лет, 4 октября 1817 г. умер в своей усадьбе в Темниковском уезде Тамбовской губернии.

Но Ушакова не забыли русский народ и русский флот. Его тактическое мастерство нашло дальнейшее развитие в боевой деятельности ближайшего ученика и соратника Ушакова — адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина — и через него сделалось достоянием «Лазаревской школы» и прославленных русских адмиралов более позднего периода развития русского флота.

Память о флотоводце бережно хранит российский народ. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 г. были учреждены орден и медаль Ушакова, которыми награждены многие офицеры и матросы советского Военно-Морского Флота, отличившиеся в годы Великой Отечественной войны в боях против немецко-фашистских захватчиков. ■

▲ Орден Ушакова

70 лет

Члену редакционного совета военно-исторического альманаха «Во славу Отчизны!», органа издательского дома «Русская разведка» генерал-майору **А.В. Пономареву — 70 лет**

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ!

Редкционный совет Военно-исторического альманаха «Во Славу Отчизны!» и боевые друзья поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения.

Профессиональный военный, ветеран военной разведки родился в городе Сталино (ныне город Донецк) в шахтерской семье. После завершения учебы в средней школе, окончил Киевское высшее радиотехническое училище, Военно-инженерную радиотехническую академию, Военную академию Советской Армии. Проходил службу в Московском военном округе, в Северной группе войск. Выполнял государственные

задания, находясь в длительных служебных командировках за рубежом (в Югославии, Словении, Германии). Возглавлял ведущее управление в Главном Разведывательном управлении Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. После увольнения от службы по выслуге лет возглавил управление РПУ «Рособоронэкспорт», где плодотворно трудится на благо укрепления оборонной мощи России.

Как многие настоящие офицеры, Александр Васильевич подвержен древней страсти к охоте. Для него «Охота — пуще неволи». Любовь к ней пришла в юности. Все родственники по мужской линии были охотниками. Они привили любовь к дикой природе и животному миру.

Преподали азы, научили навыкам охотничьего дела. С большим уважением и благодарностью вспоминает и помнит он своих первых учителей. Александр Васильевич, Ваш жизненный путь по праву служит примером для подрастающих поколений. За вашими плечами богатая и достойная жизнь. Ваш многолетний добросовестный труд является образцом преданности своему делу. Выдержки и терпения Вам!

Желаем Вам, Александр Васильевич, крепкого здоровья, счастья, удачи и успехов, долгих лет жизни и всех земных благ!

Члену редакционного совета военно-исторического альманаха «Во славу Отчизны!» полковнику В. С. Корнеевцу — 70 лет

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ!

Редакционный совет Военно-исторического альманаха «Во Славу Отчизны!» и боевые друзья поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения.

Всю свою сознательную жизнь Вы посвятили благородному делу — служению Отечеству. Вы носитель уникальной профессии — военный разведчик. Разведка это не романтика, а суровая действительность. Её необходимость диктуется всей сложностью межгосударственных отношений. Разведка так же стара, как войны, а профессия разведчика — одна из древнейших. Воины — солдаты невидимого фронта, от которых порой зависел исход войны — это элита Вооруженных сил государства. Окончив Академию Советской Армии, получив фундаментальные знания, Вы успешно применяли их в ходе решения государственных задач. Служили в Центральном аппарате на ответственных должностях, находясь в длительных зарубежных

командировках, успешно выполняли задания Командования.

Ваш аналитический ум, трудолюбие, добросовестное отношение к порученному делу, скромность, доброта и отзывчивость снискали Вам уважение со стороны Командования и товарищей по службе. Ваш офицерский и жизненный путь служит примером для молодого поколения защитников Родины в верности служения Отчизне.

После увольнения в запас, Вы продолжаете активно трудиться на гражданском поприще. Занимаетесь литературным творчеством и искусством. Вашей кисти принадлежит множество картин и натюрмортов, в которых Вы передаете красоту русской природы.

Вы — прекрасный, самобытный поэт. В своем поэтическом творчестве постоянно обращаетесь к патриотизму — одному из глубоких чувств нашего народа, закрепленных веками и тысячелетиями, вмещающему в себя огромные заряды исторических знаний, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству. Ваши стихи пронизаны духом беззаветной любви к Родине, высокой ответственности перед ней, готовностью с оружием в руках самоотверженно защищать ее суверенитет и независимость.

От всей души желаем Вам, Владимир Сергеевич, здоровья, удачи, новых творческих успехов на благо нашей Родины.

Члену редакционного совета военно-исторического альманаха «Во славу Отчизны!» генерал-майору А.И. Котелкину — 70 лет

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ!

Редакционный совет Военно-исторического альманаха «Во Славу Отчизны!» и боевые друзья поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения.

Общественный деятель, кандидат экономических наук, профессор Академии военных наук, генерал-майор, ветеран военной разведки А.И. Котелкин родился 19 ноября 1954 года в Киеве в семье военнослужащего. Окончил высшее военное инженерное авиационное училище. Служил в ВВС, прошел карьерный путь от инженера авиационной эскадрильи до инженера воздушной армии. Окончил Военную академию Советской Армии. Работал в центральном аппарате Министерства иностранных

дел, в Постоянном представительстве России при ООН в Нью-Йорке, в Министерстве внешних экономических связей — советником министра. Возглавлял Главное управление военно-технического сотрудничества. Был генеральным директором компании «Росвооружение». Работал первым заместителем министра внешних экономических связей и торговли Российской Федерации. Инициатор и участник создания первых российских военно-промышленных корпораций (концерн ПВО «Антей», Авиационный военно-промышленный комплекс «Сухой», Российская самолетостроительная

корпорация «МиГ» и др.). Учредитель некоммерческого фонда «Связь поколений». Вел большую общественно-просветительную работу по духовному воспитанию молодого поколения граждан России. Организовывал оказание материальной помощи и поддержки сиротам и брошенным детям.

Александр Иванович! Хотим пожелать Вам самого главного и необходимого; счастья, крепкого здоровья, успехов во всем, большой удачи и долгих лет жизни. Пусть все невзгоды обходят Вас стороной. Пусть все ваши мечты и желания исполняются. Пусть рядом будут верные друзья.

С Праздником военного разведчика!

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

*В народе доводится слышать нередко
О тех, в ком надежности прочный запас
«С таким я уж точно пошел бы в разведку».
А сказано это о каждом из нас.*

*Вдали от России, любимых и близких
Стоим мы на страже покоя страны
Пришлось пережить нам за гранями риска
Не раз по «17 мгновений весны».*

*Мы пишем незримо той повести главы
Где каждая строчка дороже, чем жизнь
«Без права на славу, во славу державы» -
Такой у разведчиков главный девиз.*

*Военный разведчик – особое званье
В котором расчет и отвага и риск,
Где верность присяге, талант и призванье
С любовью к Отечеству переплелись.*

*Один в поле воин – доказано нами
Мы сами солдаты на поле таком.
Нас часто чужими зовут именами
И мы отвечаем чужим языком.*

*Характеры наши из твердого сплава
Отчизне мы свято служить поклялись
«Без права на славу, во славу державы» -
Такой у разведчиков главный девиз.*

*Мы в праздничный вечер поднимем бокалы...
За нас и за смену, что следом придет
Помянем собратьев, которых не стало
О ком никогда не узнает народ.*

Влад Азаров

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА 1941–1945 ГГ.

▲ В разведку

Вероломное нападение 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на СССР застало советскую военную разведку неподготовленной к работе в условиях войны. Поэтому с первых дней войны ей пришлось действовать вопреки планам, разработанным до начала боевых операций, что, безусловно, сказалось на деятельности всех ее подразделений, особенно войсковой разведки.

Однако было бы неправильно говорить, что руководство Разведуправления в довоенное время ничего не предпринимало для того, чтобы повысить боевую и мобилизационную готовность разведки, в том числе и разведывательных отделов военных округов. Так, 25 февраля 1941 г. начальник

Разведуправления генерал-лейтенант Ф.И. Голиков направил директиву всем начальникам разведотделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении их подразделений в мобилизационную готовность к 10 мая 1941 г. А с 23 января по 22 февраля 1941 г. в Москве состоялись сборы начальников раз-

ведотделов военных округов и армий для налаживания деятельности данных отделов в период перехода с мирного на военное время. Руководил сборами начальник 7-го отдела Разведуправления (отдел приграничной разведки) полковник И.В. Виноградов. Участники сборов выступили с целым рядом конкрет-

▲ Виноградов Илья Васильевич

ных предложений по повышению боевой готовности разведки в условиях войны с Германией. В частности, предлагалось развернуть разведотделы округов и армий по штатам военного времени, полностью обеспечить их техникой и экипировкой, организовать базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отступления и т.п.

После окончания сборов руководство Разведуправления предложило начальнику Генерального штаба РККА Г.К. Жукову план мероприятий по созданию в приграничных военных округах тайных баз с запасом оружия, боеприпасов и иного военного имущества иностранного образца и резервных агентурных сетей на своей территории на глубину 100–150 километров. Данный план утвердил Г.К. Жуков в мае 1941 г.

Согласно плану с 24 мая 1941 г. агентурная разведка западных приграничных военных округов и армий была ориентирована на работу по Германии. Помимо этого, все 10 полков воздушной разведки западных приграничных округов стали пополняться квалифицированным лет-

▲ Спрогис Артур Карлович

ным составом и новыми самолетами СБ. Комплектование предполагалось завершить к 1 июля 1941 г. Началось также комплектование кадрами 16 радиодивизионов ОСНАЗ, занимающихся радиоразведкой. А перед самым немецким вторжением, в ночь на 22 июня, в Разведуправлении проводилось штабное учение, где отрабатывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии.

Однако все эти мероприятия запоздали и поэтому не были выполнены в полном объеме. Кроме того, в предвоенный период в Красной Армии господствовало мнение, что будущая война будет вестись наступательными операциями на территории противника. В связи с этим ход боевых действий в первые месяцы войны явился для советской военной разведки неожиданным и противоречащим ее довоенной подготовке. Отсюда вытекают те ошибки и просчеты, которые произошли в начале войны.

Так, разведотдел Южного фронта 2 июля 1941 г. определил группировку противника в районе Стефанешты в 9-10 дивизий (в том числе

5–6 танковых и моторизованных), а количество танков — в 900–960 единиц. На самом деле там находилось всего 5 пехотных дивизий и 5 бригад (из них только одна танковая) и всего 60 танков. В результате командование Южного фронта неверно оценило ситуацию и направление возможного удара противника, что повлекло за собой отступление советских войск к Днестру. Подобное случилось и на Юго-Западном фронте. Здесь разведка также не сумела определить главную группировку противника, что в дальнейшем отрицательно повлияло на ход боевых действий.

С началом войны Разведуправление развернуло энергичную работу по налаживанию разведывательной работы в новых условиях. Вот что рассказывает об этом В.А. Никольский — в то время сотрудник 2-го отделения 7-го отдела Разведуправления, занимавшегося координацией деятельности разведотделов западных приграничных военных округов:

«В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу про-

▲ Разведгруппа

тивника. Наверстывались беспечные упущения мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах. Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, разведчиков. Причем преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели.

Подбирались добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Главсевморпути, Гражданского воздушного флота, а также членов Осоавиахима. Ставка делалась на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также длительности предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев — от нескольких дней до нескольких месяцев. Дольше всех готовили радистов. Они досконально изучали рации «Белка» (в последующем «Север») и должны были уметь передавать на ключе и принимать на слух 100–120 знаков в минуту. Для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы.

Недостатка в желающих стать разведчиками не было. Военкоматы наводнялись рапортами с просьбами направить немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор представлялся в большом возрастном диапазоне от пятнадцатилетних юношей и девушек до глубоких стариков, участников еще русско-японской войны. Предложение служить в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось...

Переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп в первые месяцы войны производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими подразделениями и частями. Многих организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Их подбирали буквально накануне захвата противниками населенного пункта из числа местных жителей, которым под наскоком составленной легендой-биографией в виде дальних родственников придавали радиста,

а чаще всего радистку, снабженных паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обуславливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям и оставляли до прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные и диверсионные группы и одиночки оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Аналогичную работу по подбору, подготовке и заброске разведчиков в тыл врага производили агентурные и диверсионные отделения разведотделов штабов фронтов. Разведорганы фронтовых и армейских подразделений начали развертываться по штатам военного времени уже в ходе боевых действий, когда наши войска вели тяжелые оборонительные бои. Поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Опыт приобретался ценой больших потерь».

Спешно набранные слушатели проходили краткое обучение в специально оборудованных местах. Так, например, в учебном лагере на станции Сходня под Москвой в первые месяцы войны находилось около полутора тысяч человек различных национальностей — русские, немцы, поляки, чехи, румыны, испанцы, итальянцы и т.д. В течение двух недель их стремились обучить всему, что могло пригодиться в подпольной работе: стрельбе, радиоделу, топографии, прыжкам с парашютом, вождению автомобиля, основам конспирации.

Если же говорить об общем числе заброшенных в первые месяцы войны в тыл противника разведывательных групп, то только разведорганы Западного фронта в июле-августе 1941 г. подготовили и направили за линию фронта около 500 разведчиков, 29 разведывательно-диверсионных групп и 17 партизанских отрядов. А всего в результате объединенных усилий Центра и разве-

дотделов фронтов за первые шесть месяцев войны в тыл противника было заброшено около 10 тысяч человек, в том числе значительное количество разведчиков с радиопередатчиками.

Говоря о действиях войсковой разведки в период Великой Отечественной войны, нельзя не сказать о партизанских отрядах, создававшихся органами военной разведки с первых дней боевых действий. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., которая определяла основные направления работы военной разведки, в пятом пункте говорилось:

«В занятых врагом территориях создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д.»

Очень часто партизанские отряды создавались на базе забрасываемых

в тыл противника разведывательно-диверсионных групп, задачами которых был сбор разведывательных сведений о войсках противника, совершение диверсий на военных объектах и коммуникациях и т. д. Выполняя эту задачу, разведывательные группы включались в партизанское движение и скоро вырастали в крупные отряды и даже соединения. В качестве примеров можно назвать такие крупные спецгруппы, отряды и соединения, как, например, А. П. Бринского, Д. И. Кеймаха, Г. М. Линькова, И. Н. Банова (Черного) и других.

Необходимо назвать и начальников разведывательных отделов фронтов, занимавшихся организацией разведки и специальных действий в тылу врага:

- Е. В. Алешин (Калининский, Западный, 3-й Белорусский фронты);
- Г. И. Бондарев (Юго-Западный фронт);
- А. Ф. Васильев (Южный фронт);
- И. В. Виноградов (Юго-Западный, Сталинградский, Донской (Центральный), Воронежский, 2-й Белорусский фронты);
- Н. Г. Грязнов (Юго-Западный фронт);
- К. Н. Деревянко (Северо-Западный фронт);
- Я. Т. Ильницкий (Западный фронт);
- П. П. Евстигнеев (Ленинградский фронт);
- А. И. Каминский (Юго-Западный фронт);
- В. М. Капалкин (Северо-Кавказский фронт);
- Т. Ф. Корнеев (Западный фронт);
- М. А. Кочетков (Брянский, Воронежский фронты);
- И. Г. Ленчик (1-й Украинский, 1-й Белорусский фронты);
- Ф. Ф. Поветкин (Карельский, 2-й Украинский фронты);
- А. С. Рогов (Юго-Западный, 3-й Украинский фронты);
- И. Г. Рубин (Юго-Западный фронт);
- Н. С. Соркин (Дальневосточный фронт);

▲ Алешин Евгений Васильевич

▲ Евстигнеев Петр Петрович

▲ Чекмазов Петр Никифорович

- Н. М. Трусов (Северо-Кавказский, 1-й Белорусский фронты);
- А. А. Хлебов (Брянский, 1-й Прибалтийский фронты);
- П. Н. Чекмазов (Брянский, Воронежский, Центральный, 1-й Белорусский фронты);
- Н. В. Шерстнев (Южный фронт).

Несмотря на героическое сопротивление частей Красной Армии в первые месяцы войны, немецко-фашистские войска стремительно двигались вперед. Владея стратегической инициативой, они к концу октября 1941 г. вышли на подступы к Москве. В этот напряженный период войсковая разведка приложила максимум усилий для того, чтобы вскрыть планы и намерения немецкого командования, установить основные группировки немецких войск, направление главных ударов, прибытие резервов, возможные сроки наступления. Для этого в тыл противника забрасывались как отдельные разведчики, так и разведывательно-диверсионные группы и отряды.

▲ Шерстнев Николай Васильевич

Так, в августе-октябре группа сотрудников 7-го отдела Разведуправления, командированных в полосу ответственности Западного и Брянского фронтов, создали в Гомеле, Брянске, Курске, Мценске и других городах разведывательные группы. Перед ними поставили задачу вскрывать переброску войск противника через эти пункты. Причем командиры разведывательных групп (резидентур) подбирались в большинстве случаев из местных жителей — чаще всего пожилых людей, не подлежащих призыву в армию, но имеющих опыт армейской службы. В помощь им придавались подготовленные радисты, которые, кроме того, должны были не только обеспечивать связь с Центром, но и выполнять обязанности заместителя командира группы (резидентуры) по агентурной разведке.

Всем остающимся в тылу противника разведчикам выдавались соответствующие легенды-биографии и необходимые документы: паспорта, военные билеты с отметкой о снятии с воинского учета, свиде-

тельства об освобождении из мест заключения и т. п. Радисты получали рации «Север» и два комплекта батарей к ним. Кроме того, группы обеспечивались деньгами, сухим пайком (консервы, сухари, сало, сахар, спирт) на два месяца, оружием, боеприпасами и взрывчаткой.

Как уже говорилось, забрасывались в тыл противника и разведывательно-диверсионные отряды. Один из таких отрядов под командованием И. Ф. Ширинкина в сентябре-ноябре 1941 г. прошел свыше 700 км по территории Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областей, проводя разведку и совершая диверсионные акты на объектах и коммуникациях противника. За успешное выполнение поставленных задач командир отряда И. Ф. Ширинкин и комиссар Ю. А. Дмитриев были награждены орденами Ленина.

Достаточно активно, несмотря на превосходство противника в воздухе, действовала разведывательная авиация. А радиоразведка, пользуясь трофейными документами (таблицы

позывных радиостанций войск вермахта, их распределение по соединениям и т. д.), установила факт переброски в сентябре 1941 г. под Москву из-под Ленинграда 2-й немецкой танковой армии. В качестве примера донесений разведки того периода можно привести такое:

*«Главверху товарищу Сталину
Начальнику Генштаба товарищу Шапошникову
26.9.41 г.*

Данными всех видов разведки и опросом пленного летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск — Смоленск — Кардымово и по шоссе Минск — Смоленск — Ярцево — Бобруйск — Рославль.

2. Создает группировки против Западного фронта на фр. 16, 19 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кадымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, Спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленска — Починок. [...] Противник сосредоточил на московском направлении до 80 дивизий.

4. Начало наступления 1 октября. [...] Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления...

(Конев, Лестев, Соколовский».)

Начальник разведотдела штаба Западного фронта Т. Ф. Корнеев, вспоминая те дни, писал:

«23 сентября 1941 г. разведка фронта установила, что противник готовится к наступлению и создал для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами. Всего в двух районах было сосредоточено около 80 дивизий, в том числе до 20 танковых

и моторизованных. Существенный вклад в решение задачи по вскрытию наступательных группировок внесла радиоразведка».

На оперативности и продуктивности работы военной разведки в это тяжелое время не отразилась даже эвакуация в конце октября 1941 г. центрального аппарата Разведуправления в Куйбышев и центрального радиоузла в Читу. (Правда, в процессе эвакуации радиоузла временно прервалась связь почти со всеми разведгруппами и зарубежными резидентурами, но в середине ноября 1941 г. она была восстановлена.) В Москве в это время продолжала действовать оперативная группа Разведуправления, в состав которой входили полковник И. А. Большаков, майор В. И. Коновалов, майор П. И. Степанов, военинженер 2-го ранга К. Б. Леонтьев, капитан М. И. Полякова и другие. В их задачу, помимо прочего, входила и подготовка запасной сети разведчиков на территории до города Горького включительно.

▲ Корнеев Тарас Федотович

▲ Рогов Александр Семенович

▲ Кеймах Д.И. — комиссар, Линьков Г.М. — командир, Архипов М.П. — нач. штаба, осень 1941 г.

Говоря о работе войсковой разведки во время битвы за Москву, необходимо отметить, что ее усилия позволили установить точные сроки проведения немцами операции «Тайфун», начавшейся 30 сентября 1941 г., и переброску противником из глубокого тыла под Москву в полосу Западного фронта к 11 ноября девяти новых дивизий. А на основе данных, полученных от агентурных и иных источников, был раскрыт замысел противника по окружению Тулы, что способствовало срыву его наступления на Москву с юга. Хорошо поставленная разведка помогла советскому командованию узнать планы противника, организовать надежную оборону Москвы, а затем 5–6 декабря 1941 г. силами

Западного, Калининского и частью сил Юго-Западного фронтов перейти в контрнаступление, в результате которого немецкие войска понесли большие потери и были отброшены на 100–250 км от столицы.

В период подготовки контрнаступления советских войск под Москвой войсковая разведка продолжала вести активную работу в тылу противника, широко применяя разведывательно-диверсионные группы. В их подготовке на Западном фронте огромную роль сыграло специальное подразделение «войсковая часть 9903» (позднее 3-е (диверсионное) отделение разведотдела штаба Западного фронта), которой командовал соратник Я.К. Берзина, участник войны в Испании майор

А.К. Спрогис. Именно из этого подразделения были заброшены в тыл противника ставшие позднее широко известными разведчики и диверсанты З. Космодемьянская, Н. Галочкин, Н. Горбач, П. Кирьянов, К. Пахомов и многие другие. А всего разведотделом штаба Западного фронта было заброшено в тыл врага:

- с июня по август 1941 г. — 184 диверсионные группы;
- с 15 сентября по 31 декабря 1941 г. — 71 диверсионная группа и отряд общим количеством 1194 человека.

Приобретая необходимый боевой опыт, войсковые разведчики платили за него огромную цену. Многие из них, захваченные немецкой контрразведкой, погибли, как например З. Космодемьянская, которой впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. Но были и случайные потери, и от этого еще более горькие. Так, 25 декабря 1941 г. в деревенском доме в селе под городом Плавск Тульской области в результате прямого попадания немецкой авиабомбы погиб практически весь переменный оперативный состав 3-го отделения разведотдела штаба 10-й армии Западного фронта.

В ноябре 1941 г. вместо Ф.И. Голикова, вернувшегося в войска и назначенного командующим 10-й ударной армией, начальником Разведупра Генерального штаба стал генерал-майор А.П. Панфилов.

В январе 1942 г. после окончания битвы за Москву Государственный комитет обороны рассмотрел деятельность военной разведки по итогам первых месяцев войны. В ходе рассмотрения были отмечены следующие недостатки деятельности Разведуправления Генштаба РККА:

- организационная структура Разведуправления не соответствовала условиям работы в военное время;
- отсутствовало должное руководство Разведуправлением со стороны Генштаба РККА;
- материальная база военной разведки была недостаточной, в частности, отсутствовали само-

леты для заброски разведчиков в тыл противника;

- в Разведуправлении отсутствовали крайне необходимые отделы войсковой и диверсионной разведки.

В результате приказом наркома обороны от 16 февраля 1942 г. Разведуправление было реорганизовано в Главное разведывательное управление (ГРУ) с соответствующими структурными и штатными изменениями. Однако на этом реорганизация не закончилась, и 22 ноября 1942 г. приказом наркома обороны войсковая разведка была выведена из состава ГРУ, а разведотделам фронтов запретили вести агентурную разведку. Одновременно ГРУ перешло из подчинения Генштабу РККА в подчинение наркому обороны, а его задачей стало ведение всей агентурной разведки за рубежом и на оккупированной немцами территории СССР. Тем же приказом в составе Генштаба создается Разведывательное управление (РУ), на которое возлагалось руководство войсковой разведкой.

Начальником ГРУ был назначен генерал-лейтенант И. И. Ильичев, а начальником РУ Генштаба — генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов.

Однако это решение, в результате которого фронтовые разведотделы лишили права вести агентурную разведку, оказалось ошибочным и было отрицательно воспринято практически всеми оперативными работниками разведки. Уже упоминавшийся В. А. Никольский, всю войну занимавшийся агентурной разведкой и во фронтовых разведотделах, и в Центре, так характеризует данное нововведение:

«Новая система не имела четкого положения, функции баз, как центров агентурной подготовки разведчиков, достаточно продуманы не были, материальные средства и техника, в том числе авиационная, а также радиоаппаратура оставляли желать лучшего. Созданная в Филях центральная разведшкола, рассчитанная на массовую подготовку в возможно короткие сроки агентов и радистов, спешно развернула свою работу,

но не могла удовлетворить потребности в кадрах, ранее готовившихся десятком фронтовых школ...

Коренная ломка всей системы разведки в самом разгаре войны вызвала всеобщее удивление не только у офицеров этой службы, но и у всех командиров, в той или иной мере соприкасавшихся со штабной службой в звене армия фронт. Приказ о ликвидации фронтовых агентурных структур был отдан в самый ответственный момент начала нашего общего наступления под Сталинградом, подготовки Ленинградского и Волховского фронтов к прорыву блокады, наступления Северной группы Закавказского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и Калининских фронтов. Дезорганизация разведки в этот период весьма отрицательно сказалась на боевой деятельности войск и явилась объективной причиной больших потерь, поскольку штабы фронтов в этот период нужной информации о противнике не получали.

В процессе выполнения этого непродуманного решения, навязанного

▲ Ильичев Иван Иванович

▲ Кузнецов Федор Федотович

▲ Связь с центром

армии в самый ответственный момент войны, разведка потеряла сотни подготовленных агентурных работников низового звена, значительную часть агентуры в тылу противника и на подготовке во фронтовых разведывательных школах, опытных маршрутников и связников, направленных в соответствии с приказом на пополнение войск.

С учетом организационного периода в разведуправлении с 20 декабря 1942 г. командующие фронтами практически остались без оперативной информации о положении в тылу противника. Получаемые в ГРУ сведения от бывшей фронтовой агентуры после их обработки в информационном отделе зачастую пересылались фронтам с таким опозданием, что они теряли свою актуальность. Терялась и оперативность в руководстве агентами и постановке им заданий. Оперативные офицеры в Центре не были в курсе изменений агентурной обстановки, ранее поступавших к ним напрямую».

В связи со сложившейся ситуацией весной 1943 г. командующие фронтами обратились с настоятельной просьбой в Ставку ВГК отменить вышеупомянутый приказ. Просьбу рассмотрели, и приказом наркома обороны от 18 апреля 1943 г. руко-

водство войсковой и агентурной разведки фронтов было возложено на Разведуправление (РУ) Генштаба, которому из ГРУ передавалось управление, отвечающее за проведение агентурной работы и диверсионной деятельности на оккупированной территории СССР. На ГРУ возлагалось ведение зарубежной разведки. Это положение просуществовало до конца войны.

Разведуправление Генштаба размещалось в Москве в доме № 17 по улице Карла Маркса и организационно состояло из следующих отделов:

- 1-й отдел (начальник — полковник С. И. Зайцев) занимался войсковой разведкой и имел функции главным образом инспекционно-го характера;
- 2-й отдел (начальник — генерал-майор Н. В. Шерстнев) занимался агентурной разведкой. Отдел имел четыре направления: северо-западное агентурное (начальник — подполковник Смирнов), западное агентурное (начальник — подполковник Никольский), юго-западное агентурное (начальник — подполковник Соколов) и диверсионное. Заместитель начальника отдела полковник Питалев курировал

агентурные направления, а другой заместитель — полковник Косиванов — диверсионное направление;

- 3-й отдел (начальник — полковник Романов) занимался обработкой поступавшей информации.

Кроме этих трех основных отделов в Разведуправлении были и другие:

- политический отдел (начальник — полковник Мальков);
- отдел радио и радиотехнической разведки;
- следственный отдел, который совместно с 1-м и 2-м отделами работал с военнопленными;
- отдел спецрадиосвязи (начальник — генерал-майор Пекурин);
- отделение спецсвязи для обучения агентов и разведчиков шифрам и поддержанию связи с ними;
- авиаэскадрилья особого назначения для проведения ночных операций (командир — майор Цуцаев).

Тогда же в штабах фронтов вместо разведотделов были созданы разведывательные управления, состоящие из пяти отделов:

- 1-й отдел руководил работой нижестоящих разведподразделений;
- 2-й отдел занимался агентурной разведкой;
- 3-й отдел отвечал за диверсионную работу;
- 4-й отдел обрабатывал поступавшую разведывательную информацию;
- 5-й отдел занимался радиоразведкой.

Что же касается разведотделов штабов армий, то они состояли из двух отделений: войсковой разведки и информационного. Говоря об их функциях, стоит обратиться к воспоминаниям М. А. Волошина, летом 1942 г. назначенного начальником разведки 39-й армии:

«Первые дни ушли на ознакомление со структурой разведотдела армии и его сотрудниками. Отдел имел в своем составе два отделения: войсковой разведки и информационное.

Отделение войсковой разведки возглавлял капитан Алексей Нико-

лаевич Антонов, опытный штабной работник. Его помощником был майор Никита Андреевич Пантелеев. На них возлагалась подготовка общего плана разведки, указаний на разведку соответствующим штабам, контроль за точным выполнением отданных распоряжений, оказание помощи разведывательным подразделениям частей и соединений.

Немногочисленным было и отделение информационное. Начальник — старший лейтенант Иван Максимович Дийков, его помощник — лейтенант Михаил Денисович Кишек. Кроме них в штате отделения состояли переводчики лейтенант Николай Михайлович Юдашкин, чертежник сержант Анатолий Кузнецов. Последний, естественно, часто трудился в интересах всего отдела.

В информационное отделение стекались разведывательные данные из соединений и частей армии. Сюда же в порядке взаимного обмена поступали разведсводки от соседей, дополнительные сведения о противнике из штаба фронта, а иногда и из Главного разведывательного управления Красной Армии. Все эти документы предстоя-

ло тщательно проанализировать, сделать из них окончательные выводы, на основе которых строились планы командования».

Еще несколько слов надо сказать о порядке доклада развединформации начальнику Генштаба РККА, который был установлен в первые дни войны и не менялся до ее окончания. Приказом начальника Генштаба Разведуправление сообщало разведдонесения и разведсводки два раза в сутки (утром и вечером), а разведдоклады — три раза в месяц. Доклад о положении на фронтах Разведуправление представляло ежедневно за истекшие сутки, и один раз в неделю к нему в виде приложения давалась карта группировок немецких войск (7, 15, 22 и 30-го числа каждого месяца). Тогда же докладывался и боевой расчет сил противника: группировки войск по фронтам и направлениям до дивизии, отдельных бригад и батальонов включительно. Особо важные сведения передавались по мере поступления в виде спецсообщений. Доклады направлялись всем членам ГКО, начальнику Генерального штаба и начальнику оперативного управления Генштаба. Кроме того, начальник Генштаба получал информацию в виде спецдо-

несений, справок, шифротелеграмм и личных докладов от начальника ГРУ. Эта информация затрагивала широкий спектр вопросов военного-технического, военно-экономического и военно-политического характера. В результате такой организации работы военная разведка постоянно предоставляла высшему военному и политическому руководству страны необходимую ему информацию.

После поражения немецкой армии под Москвой перед советской военной разведкой была поставлена задача внимательно отслеживать приготовление Германии в летней кампании 1942 г. Этим занималось как ГРУ, так и РУ Генштаба. И уже в марте 1942 г., проанализировав полученные сведения, Разведуправление доложило в Генштаб:

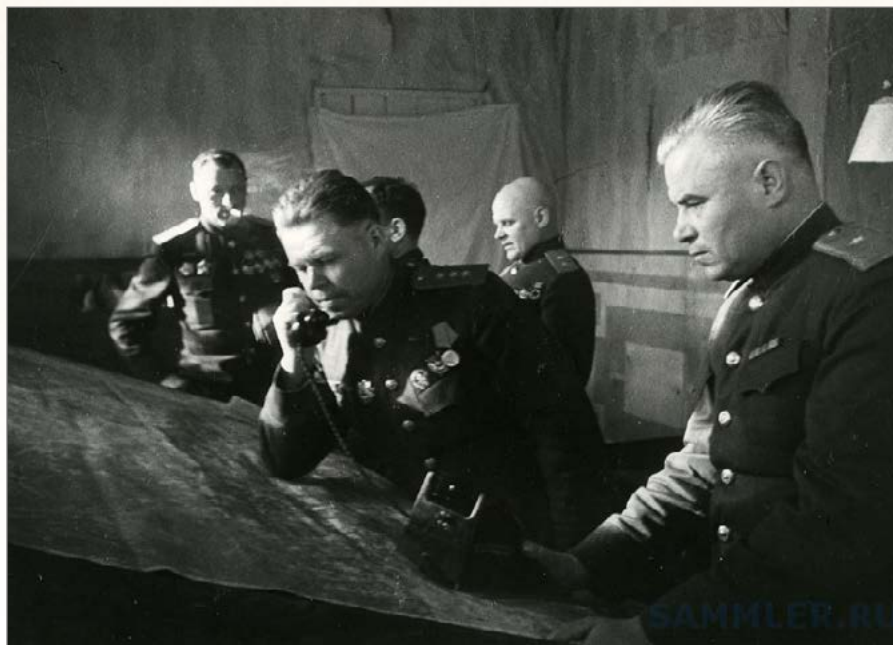
«Подготовка весеннего наступления подтверждается переброской немецких войск и материалов. За период с 1 января по 10 марта 1942 г. перебросено до 35 дивизий, непрерывно идет людское пополнение действующей армии. Ведутся интенсивные работы по восстановлению железнодорожной сети на оккупированной территории СССР, идет усиленный завоз боевых и транспортных машин...

Центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта со вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы... Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий...

Наиболее вероятный срок весеннего наступления — середина апреля или начало мая 1942 г.»

Таким образом, был раскрыт план гитлеровского командования на летнюю кампанию 1942 г., согласно ему противник намеревался нанести главный удар в направлении на Кавказ и Сталинград, с тем чтобы захватом Сталинграда повернуть основную ударную группировку на север, отрезать Москву от тыла и начать наступление на нее с востока и запада.

Однако руководство Ставки ВГК, и прежде всего И. В. Сталин, про-

▲ Ленчик Иван Григорьевич, справа

▲ Банов Иван Николаевич

должало считать, что главный удар летом 1942 г. противник осуществит на московском направлении. Именно поэтому с большим опозданием была раскрыта операция немецкой разведки «Кремль», целью которой являлась дезинформация советского командования в том, что главный удар вермахта в 1942 г. будет нанесен на Москву. Это же послужило одной из причин принятия решения о наступлении армий Юго-Западного фронта на Харьковском направлении в мае 1942 г., закончившееся крупным поражением частей Красной Армии. В результате поражения противнику вновь удалось захватить стратегическую инициативу и, прорвав оборону Брянского и Юго-Западного фронтов, перейти в наступление на Кавказ и Сталинград.

В период Сталинградской битвы огромная нагрузка легла на разведотделы штабов Юго-Западного (Сталинградского) и Донского фронтов. Для их усиления из центрального аппарата Разведуправления была направлена большая группа опытных

▲ Бринский Антон Петрович

офицеров с задачей организовать агентурную разведку в тылу противника. Так, разведотдел Сталинградского фронта в короткий срок сумел наладить подготовку разведчиков и диверсантов во фронтовой разведшколе, которую возглавлял майор Шарыгин. Однако серьезные затруднения возникли в связи с недостаточным количеством радиостанций для разведчиков. К тому же маршрутные группы и многочисленные разведчики-одиночки, посылаемые в тыл противника через линию фронта, несли огромные потери из-за большой плотности немецких войск и бесчинств калмыков, яростно охотившихся за разведчиками, — за их поимку они получали от немцев крупное денежное вознаграждение.

Кроме того, с 22 ноября 1942 г. согласно приказу наркома обороны фронтовым разведотделам было запрещено вести агентурную разведку. Это произошло в решающий момент подготовки частей Красной Армии к контрнаступлению и сразу же лишило командование Сталинград-

ского и Донского фронтов оперативной информации о противнике. Поэтому часто случалось, что сводки об обстановке в тылу противника приходили в войска, когда они уже занимали территорию, о которой говорилось в присланных сообщениях. К тому же в ходе поспешной реорганизации агентурной разведки сотни разведгрупп и резидентур остались без должного руководства, а часть из них вообще выбыла из строя.

Но, несмотря на все трудности, войсковая разведка еще до начала немецкого наступления на Сталинград в июле 1942 г. раскрыла группировку войск противника первой линии с точностью до батальона, систему их обороны, установила состав и боевой порядок многих соединений перед фронтом наших войск. Так, были добыты сведения о боевом и численном составе, вооружении, дислокации основных частей 4-й и 6-й немецких танковых армий, 3-й румынской и 8-й итальянской армий, о численности 4-го воздушного флота противника. Большую роль

в обеспечении Сталинградской операции разведывательными данными сыграла радиоразведка. В начале июля 1942 г. она определила местонахождение штабов соединений группы армий «Б» и вела за ними непрерывное наблюдение. Ею же была раскрыта переброска в район прорыва (44 км юго-восточнее Клетской) 24-й танковой дивизии, переброска с Северного Кавказа штурмовой эскадры и двух групп бомбардировочной эскадры «Эдельвейс», выявлен состав окруженной группировки противника. Очень активно действовала и воздушная разведка, которая своевременно вскрыла переброску с Северного Кавказа двух танковых дивизий в район Котельниково.

Все это вместе взятое помогло советскому командованию принимать правильные решения, организовать в ноябре 1942 г. контрнаступление, закончившееся окружением и разгромом 6-й немецкой армии под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Паулюса, и выиграть Сталинградскую битву, положив тем самым начало коренному перелому в ходе войны.

В конце 1942 — начале 1943 г. усилилось партизанское движение, партизанские отряды и соединения начали играть все более важную

роль в системе военной разведки. В начале 1943 г. на их базе стали формироваться оперативные центры для организации разведывательной работы. Главной задачей таких центров было создание агентурных сетей на занятой противником территории и проведение диверсионных актов. Каждый центр имел в своем составе радиоузел для связи со штабами фронтов. Чтобы радиоузлы нормально функционировали, только в конце 1942 — начале 1943 г. в тыл противника забросили 650 радистов.

В августе 1942 г. в расположение партизанского отряда Г.М. Линькова в район Пинских болот был сброшен с парашютом капитан Разведуправления И.Н. Банов (Черный). Ему следовало в кратчайший срок добыть сведения о противнике в крупнейших городах и железнодорожных узлах Белоруссии: в Пинске, Бресте, Барановичах, Ковеле, Сарнах, Ганцевичах. Радиоузел, столь необходимый для нормального функционирования оперативного разведцентра, был создан заброшенными еще раньше С. Скрипником и тремя его радистами. Об условиях, в которых И.Н. Банову пришлось начинать свою деятельность, он вспоминает так:

«Считается, что партизанская база должна отвечать следующим

условиям: располагаться вблизи хорошо заметных с воздуха природных ориентиров, чтобы летчики без труда находили место для посадки или сбрасывания грузов; находиться, однако, достаточно далеко от этих ориентиров, чтобы противник не мог легко обнаружить ее; размещаться по возможности поодаль от населенных пунктов, лучше всего в мало посещаемых населенных лесных районах, но не настолько далеко, чтобы связь с населенными пунктами оказалась слишком затруднительной.

Казалось бы, выбрать такое место просто невозможно.

Тем не менее, база Линькова отвечала самым строгим требованиям. Озера Червонное и Белое были хорошо заметны с воздуха, летчикам не приходилось подолгу кружить, чтобы выйти на костры Булева болота, а вместе с тем Белое и Червонное были удалены от базы за пятнадцать-двадцать километров. До ближайшего населенного пункта на западе — села Восточные Милевичи — от базы было семь километров, а на юге до городка и железнодорожной станции Житковичи — километров двадцать пять-тридцать.

Центральная база, где работал штаб отряда, жила охрана и содержался радиоузел, состояла из трех землянок, вырытых на уединенном бугре и надежно замаскированных. Число людей, постоянно находившихся на базе, никогда не превышало двадцати человек. На юго-востоке от центральной базы, километрах в двух от нее, имелась конюшня. К населенным пунктам и дорогам были выдвинуты заставы, надежно прикрывающие центральную базу от неожиданного нападения противника. Заставы, замаскированные столь же тщательно, были удалены от центральной базы, как правило, на три-пять километров.

Тут, на заставах, и размещались основные силы отряда. Сюда приходили с заданий боевые группы подрывников, здесь отдыхали и несли караульную службу, отсюда же

▲ Прием радиопередач

▲ Федоров Николай Петрович

уходили на новые задания. И хотя партизанам было известно, что на заставах они охраняют центральную базу, свой штаб, о подлинном местонахождении штаба знали только командиры боевых групп или начальники застав. Это была отнюдь не излишняя предосторожность. Случаи предательства имелись, и командование отряда обязано было принять все меры, чтобы предотвратить разгром своей части».

Выполняя приказ командования, И. Н. Банов создал организацию, нацеленную на планомерную и своевременную разведку. И уже к весне 1943 г. ни один воинский эшелон противника не проходил через район действий его разведчиков незамеченным. Более того, только в течение мая — июня 1943 г. подвижные диверсионные группы центра И. Н. Банова взорвали и пустили под откос 64 воинских состава

противника. Разведчики Н. И. Банова первыми сообщили в Центр о переброске на Восточный фронт из Германии новых танков «тигр» и «пантера», а также самоходных установок «фердинанд», передали их тактико-технические данные, проследили движение эшелонов с новой техникой на центральные участки фронта.

В дальнейшем, в ходе продвижения советских войск на Запад, соединение И. Н. Банова форсировало Западный Буг и, выполняя новый приказ, взяло под наблюдение части и соединения противника, дислоцированные на территории оккупированной Польши. Его разведчики проникли в Варшаву, Демблин, Луков, Люблин и другие города, где им большую помощь оказывали поляки. В июле 1944 г. отряд И. Н. Банова соединился с частями наступающей Красной Армии.

Здесь следует отметить, что необходимое в партизанских отря-

дах единоначалие часто перерастало в самоуправство, которое доходило до абсурда. Не избежал этого и И. Н. Банов. Расположившись с оставшимися у него людьми на отдельном хуторе, он ездил к представителям Центра, находящимся во временном штабе в районе Кобрина, на тачанке в сопровождении шести конных автоматчиков, что вызывало насмешки со стороны офицеров Разведуправления. Скорее всего, именно это, а не приказ заставил И. Н. Банова откомандировать полувзвод своих ординарцев в военкомат. Однако личный адъютант оставался при нем до самого его отлета в Москву.

Впрочем данное обстоятельство несколько не умаляет боевых заслуг И. Н. Банова и его соратников. За мужество и стойкость, проявленные в тылу противника, капитан И. Н. Банов был удостоен звания Героя Советского Союза, а свыше 500 его воинов-разведчиков получили высокие правительственные награды.

Из других известных партизанских разведчиков необходимо назвать Н. П. Федорова, при его отряде в январе 1943 г. начал работать оперативный центр «Омега». Он контролировал районы Припять, Киев, Пирятин, Бахмач и своевременно посылал в Москву информацию о группировках немецких войск в этих районах. Летом 1943 г. создается оперативно-разведывательный центр Разведуправления во главе с А. П. Бринским, действовавший в районе городов Ковель и Каменец-Подольск. Здесь была сформирована обширная агентурная сеть, которая регулярно отправляла в Центр ценную информацию о группировках немецких войск и их перебросках. Сведения А. П. Бринского имели важное значение, например, для планирования и проведения Белорусской операции. Вот только некоторые из посланных им в Центр сообщений:

«15.11.43. Из Коростень в Шепетовку гитлеровцы перебрасывают один пехотный полк из состава 339-й пехотной дивизии... Брук».

«7.12.43. В течение 5–7 декабря с.г. 24-я дивизия перебрасывалась по железной дороге из Ровно в Ковель».

За это время перевезено 189 танков, более 180 орудий, 426 грузовых и легковых машин, около 70 мотоциклов. Отмечено 182 вагона с личным составом... Брук».

«1.2.44. По шоссе из Колки во Владимир-Волынский перебрасываются танковые и моторизованные части. В Луцке отмечено большое скопление войск противника, которые предполагается перебросить в район Владимира-Волынского. Движение войск по железной дороге Ровно — Ковель прекратилось... Брук».

Если же говорить о наиболее громких диверсионных актах, проведенных военными разведчиками-партизанами, то в первую очередь надо назвать ликвидацию в 1943 г. в Минске гауляйтера Белоруссии В. Кубе. Проведение этой операции было возложено на разведчиков Н.П. Федорова, которые действовали в районе Минска на базе спецотряда «Дима» под командованием Д.И. Кеймаха. Непосредственные исполнители акции — Е.Г. Мазаник,

работавшая прислугой в доме В. Кубе, и М.Б. Осипова, передавшая ей мину с химическим взрывателем. Мина была заложена под матрац кровати гауляйтера, и в 2 часа 20 минут 22 сентября 1943 г. В. Кубе был ликвидирован. За этот подвиг Е.Г. Мазаник и М.Б. Осиповой присвоили звание Героя Советского Союза, а Н.П. Федорова наградили орденом Ленина.

После проведения этой операции Н.П. Федорова направляют в Ровно с заданием уничтожить гауляйтера Украины Э. Коха. Но вскоре фашист был отозван с Украины и операция не состоялась. Далее Н.П. Федоров возглавлял отряд особого назначения в районе Ковеля, где во взаимодействии с другими партизанскими отрядами установил контроль за железнодорожными магистралями. Его люди не только посылали в Центр важную информацию, но и совершали в тылу противника многочисленные диверсии.

В 1944 г. отряд Н.П. Федорова переправился через Западный

Буг и вышел в район Люблина, где, установив связь с польскими партизанами, начал проводить диверсии на железных и шоссежных дорогах. В этих боях 17 апреля 1944 г. Н.П. Федоров погиб. 21 ноября 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Об эффективности действий партизанских отрядов говорит тот факт, что летом 1943 г. немцы собирались использовать против них химическое оружие. Об этом доложили в Центр резидентуры и разведывательно-диверсионные группы разведотдела штаба Западного фронта, которые установили факт переброски в районы Могилева, Бобруйска и Борисова вагонов с ОВ. Так, 8 июня 1943 г. в одном из вагонов эшелона, пущенного партизанами под откос у станции Ясень, под сеном оказались баллоны со слезоточивым газом. Примерно в то же время в Бобруйске появился инженерно-химический батальон, а 1 и 2 августа 1943 г. на станции Красный Берег и в Могилеве производилась выгрузка ящиков и баллонов

▲ Осипова Мария Борисовна

▲ Мазаник Елена Григорьевна

▲ С языком

со знаками ОВ. Тогда же разведотдел Западного фронта получил следующую информацию:

«Переводчик командира 634-го французского карательного полка полковника Перлецей сообщил: в деревнях... Борисовского района завезено по 8 металлических баллонов емкостью 30–40 литров с жидкими ОВ. Всем французам выданы противоголазы. В каждой роте есть отделение химиков, снабженных комбинезонами. Проводятся занятия. Цель завоза ОВ — применение их против партизан.

(Горняк)»

Намерение немецкого командования применить против партизан химическое оружие подтвердила и следующая находка: в 1979–1980 гг. под Барановичами был обнаружен немецкий склад со снарядами, начиненными предположительно люизитом и ипритом. Правда, что помешало немцам его использовать, не известно.

После поражения под Сталинградом немецкое командование стало усиленно готовиться к летней кампании 1943 г., рассчитывая взять реванш за постигшие его неудачи. В связи с этим директивой Ставки ВГК от 3 апреля 1943 г. перед военной

разведкой была поставлена задача «постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых он проводит сосредоточение войск и, особенно, танковых частей». Наряду со стратегической агентурной разведкой эту задачу успешно решала и разведка фронтовая. Она использовала все средства агентурной, войсковой, воздушной и радиоразведки.

К началу Курской битвы органы фронтовой разведки контролировали практически все передвижения войск противника, а в его тылу действовало большое число разведывательно-диверсионных групп. Так, разведотделы Брянского (начальник — полковник А. А. Хлебников) и Центрального (начальник — генерал-майор П. Н. Чекмазов) имели в тылу противника по 20 групп, а разведотдел Воронежского фронта (начальник — генерал-майор И. В. Виноградов) — 30 групп. А в общевойсковых соединениях и частях Центрального и Воронежского фронтов с апреля по июль 1943 г. было организовано более 2700 разведывательных наблюдательных пунктов, свыше 100 раз проводилась разведка боем, осуществлено более 2600

ночных поисков пленных и устроено около 1500 засад, захвачено несколько сот пленных.

Целенаправленная деятельность разведки накануне Курской битвы позволила советскому командованию разгадать замысел противника, а также выяснить сроки начала операции «Цитадель». Несмотря на то, что они переносились с 3 на 15 мая, а потом еще дальше, именно войсковая разведка точно установила, что наступление начнется в 3 часа 50 минут 5 июля 1943 г. Именно это обстоятельство позволило советскому командованию принять решение о проведении артиллерийской контрподготовки по изготовившемуся к наступлению противнику.

Об оперативности и эффективности разведки во время Курской битвы говорит такой факт. В течение первых шести дней наступления в полосе Воронежского фронта командование противника предпринимало попытки прорваться танковыми дивизиями в направлении Томаровка, Обо-янь, Курск, но безрезультатно. Тогда 11 июля немцы начали перегруппировку сил в направлении на Прохоровку. Но буквально через несколько часов сведения об этом лежали на столе у советского командования. Вот что вспоминал об этом эпизоде начальник разведки Воронежского фронта И. В. Виноградов:

«В ночь на 12 июля противник изменил направление главного удара с Обояни на Прохоровку. Первоначально это заметил воздушный разведчик. А через 5–6 минут доложила радиоразведка, что танковые дивизии СС „Викинг“, „Великая Германия“, „Мертвая голова“ и „Адольф Гитлер“ повернули с обоянского направления и продвигаются в направлении Прохоровки. Эти данные тут же были доложены командующему войсками фронта генералу армии Н. Ф. Ватутину. В это время он отдавал приказ командующему 5-й танковой армии генералу П. А. Ротмистрову на переброску армии из района Прохоровки на обояньское направление. Получив эти данные и убедившись в их достоверности, командующий фронтом

отменил свой прежний приказ о переброске армии и обязал П.А. Ротмистрова готовить подчиненную ему танковую армию к встречному сражению с наступающими танковыми дивизиями противника».

В результате развернувшееся 12 июля танковое сражение под Прохоровкой окончилось победой советских войск. Г.К. Жуков, оценивая работу военной разведки во время Курской битвы, писал:

«Благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 г. мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением... Хорошо работающая разведка была также одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения».

После поражения под Курском командование противника рассчитывало закрепиться на стратегической оборонительной линии, созданной им заранее и носившей название «Восточный вал». Однако советское

командование заблаговременно поставило перед разведкой задачу получить подробные данные об этом оборонительном рубеже. И здесь наряду со стратегической агентурной разведкой огромную роль сыграла фронтовая разведка. Благодаря активным действиям войсковой разведки и партизанских отрядов советскому командованию были предоставлены сведения о глубине оборонительных линий и рубежах обороны, структуре укреплений «Восточного вала». Так, действовавшая на территории Левобережной Украины разведгруппа майора К.С. Гнедаша вскрыла систему обороны немцев, количество и расположение войск, техники и складов в районах Киева, Чернигова, Коростеня и Житомира. Данные, полученные от разведгруппы К.С. Гнедаша, во многом способствовали успешному форсированию Днепра.

Затем группа К.С. Гнедаша переместилась в Белоруссию и действовала в районах Слуцк, Осиповичи,

Барановичи, Минск, Слоним, Белосток, а с подходом частей Красной Армии перебазировалась на запад в направлении Пинск, Брест, Варшава. Сведения, передаваемые разведгруппой К.С. Гнедаша в этот период, внесли достойный вклад в успешное завершение Белорусской наступательной операции. К сожалению, 19 июня 1944 г. у города Слоним К.С. Гнедаша и радистку К.Т. Давидюк окружил немецкий карательный отряд, и они подорвали себя гранатами. Посмертно К.С. Гнедашу было присвоено звание Героя Советского Союза.

В результате побед, одержанных в 1943 г. в зимней кампании 1944 г., части Красной Армии вышли на границу СССР и перенесли военные действия на территорию оккупированных Германией восточно-европейских государств и Восточной Пруссии. Это обстоятельство потребовало от разведотделов фронтов по-новому налаживать разведывательную работу, особенно аген-

▲ Патрахальцев Николай Кириллович

▲ Ермашкевич Борис Кирикович

▲ Бекренев Леонид Константинович

турную в тылу противника. Дело в том, что на территории Польши или Чехословакии местное население достаточно лояльно относилось к представителям Красной Армии, в Германии же каждый был врагом, не за страх, а за совесть помогающим властям бороться с русскими шпионами.

Заброшенных в Германию советских разведывательно-диверсионных групп немцы опасались не меньше, чем наступающих частей Красной Армии, так как за их появлением следовали захват пленных и оперативных документов, диверсии на коммуникациях и т.д. Поэтому местное население постоянно наблюдало за воздухом, крестьяне и в поле имели при себе оружие, по проселочным дорогам круглосуточно разъезжали радиопеленга-

торы, а на самих дорогах устраивались засады. Коменданты участков имели при себе именные списки граждан с указанием примет: рост, возраст, цвет волос и глаз. Каждый, незнакомый человек, появившийся на данном участке, должен был называть того, к кому пришел. И если такого не значилось, то незнакомец расценивался как разведчик. В приказе по 48-му бронетанковому корпусу говорилось: «Все шатающиеся по дорогам мужчины в возрасте от 16 до 60 лет должны направляться в лагерь для военнопленных».

Интересен в этом плане и следующий документ:

«Господам ландратам округа Гумбинен

Копия — президенту округа

Гестапо

Спешное письмо

В ближайшее время в провинциях Восточной Пруссии надо рассчитывать на приземление отдельных парашютистов. Требуется повышенная бдительность, так как они уже приземлялись в бывшей Польше. При появлении доносить срочно по телефону с условным выражением „парашют“. По указу командующего полицией охраны порядка Кенигсберга при появлении парашютистов поднимать по тревоге полицейских, сельскую стражу, оцепить местность, оповестить бургомистра, коменданта крепости Мемель, начальников гарнизонов Тильзит, Истербург, Летцен, Зудауэн. Силы держать до тех пор, пока это требуется.

(Доктор Роде)»

24 июля 1944 г. нарком обороны СССР издает директиву, обязывающую начальников штабов и разведотделов фронтов создавать активно действующие агентурные сети на территории Германии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии и других стран путем внедрения агентуры на важные объекты на глубину до 500 км от линии фронта, а также в различные националистические и другие организации и формирования. А в приказе по агентурной разведке № 001 наркома обороны за 1945 г. требовалось по мере приближения к территории Германии усилить разведывательно-диверсионную деятельность и увеличить число забрасываемых в тыл противника разведгрупп.

В Польше при командовании 1-й армии Войска Польского находился представитель военной разведки генерал-майор Н.М. Молотков. Во время Варшавского восстания в течение 10 дней в сентябре-октябре 1944 г. находился в качестве офицера связи разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта лейтенант Иван Андреевич Колос, который сумел встретиться с руководителями восстания генералами Монтером и Бур-Коморовским, собрать наиболее полную на тот момент информацию и вернуться живым (его радист Дмитрий Сенько, выброшенный на парашюте вместе с ним, погиб при приземлении). Группой военных разведчиков в Кра-

кове с лета 1944 г. до освобождения Кракова зимой 1945 г. руководил капитан Евгений Степанович Березняк (история группы «Голос» описана самим Березняком в его воспоминаниях и показана, весьма неточно, в фильме «Майор Вихрь»).

В начале августа 1944 г. для организации разведывательно-диверсионных групп, предназначенных для заброски на территорию Восточной Пруссии, в Брест направляется оперативная группа офицеров Разведуправления Генштаба во главе с В. А. Никольским. В состав группы входили подполковник В. И. Кириленко, подполковник И. М. Семенов, подполковник С. И. Шепелев, майор В. П. Алексеев, майор П. Н. Савельев, старший лейтенант В. Б. Величко и другие. Эта и другие оперативные группы Разведуправления совместно с разведотделами фронтов забрасывали на территорию Германии разведгруппы с заданием выявлять состав и нумерацию частей и соединений противника, переброску войск, местонахождение аэродромов и т. п. Так, в ходе операции в Восточной Пруссии в тыл противника было заброшено 36 разведгрупп, а в полосе ответственности 1-го Украинского фронта действовало более 18 разведгрупп. Упомянутая оперативная группа В. А. Никольского отправила в тыл противника более 120 разведчиков и агентов.

Однако массовая заброска крупных разведгрупп, целиком оправдавшая себя на территории СССР, временно оккупированной немцами, оказалась неэффективной в изменившихся условиях. Главной причиной этого стало стремление как можно быстрее испытанными методами добиться нужных результатов. Но при этом не учитывалась совершенно иная агентурная обстановка, сложившаяся на территории Германии, что привело к неоправданно большим потерям. О них можно судить по документам, сохранившимся в архиве ГРУ:

«При преследовании карателями разведчик резидентуры „Иван“ Петр Носырь был ранен и застрелен».

«При разведке г. Лепель старший группы „Редько“ и разведчица „Таня“

были пойманы и расстреляны немцами».

«Старший группы старший лейтенант Кириченко М. М. подорвался на mine».

«Группа „Клен“ старшины Цепкова, выброшенная юго-западнее Тапиуа, с 15 по 30 сентября непрерывно преследовалась. 20 сентября командир сообщил: „Основная база разгромлена. Убегаем по болоту. Продуктов имеем на три дня“».

Вот что вспоминает о действиях разведгрупп на территории Германии В. А. Никольский:

«Конечные итоги главного направления нашей деятельности не оправдали надежд командования. Еще до окончания войны нам стало известно, что почти все наши разведывательно-диверсионные группы были уничтожены противником вскоре после приземления. Сбылись наши худшие опасения, высказывавшиеся с свое время руководству. Псылка относительно большого числа групп из советских людей, не знающих языка, являлась фактически авантюрой. Наши спецподразделения были слишком малочисленны, чтобы защитить себя и вести разведку, и слишком велики для маскировки и укрытия в искусственно насаженных аккуратных лесах Западной Польши и Восточной Пруссии. Широкие просеки, разветвленная система лесных объездчиков, совершенные средства связи с телефонами не только в квартирах, но и на дорогах, покрывающих густой сетью всю страну, давали возможность по малейшему сигналу любого немца о появлении советских парашютистов направлять мотORIZEDованные карательные отряды полицейских и эсэсовцев с собаками в любой пункт, где могли скрываться наши люди. В таких облавах принимали участие все немцы, способные носить оружие. Проводилась так называемая „хазенягд“ — „охота на зайцев“, где в качестве зайцев выступали обнаружившие себя наши разведчики...

Из 120 опытных разведчиков и агентов, направленных нами из Бреста и Кобрин, в живых уцеле-

ло всего с десяток человек, с трудом выживших до прибытия в район их выброски советских войск».

Учитывая сложившуюся обстановку Разведуправление на завершающем этапе войны сделало ставку на заброску в тыл противника небольших групп и отдельных разведчиков, в основном немцев по национальности. Так, разведотдел 3-го Белорусского фронта в декабре 1944 г. в Каунасе стал готовить агентов-немцев. Набирали будущих агентов из числа немецких перебежчиков, военнопленных или репрессированных фашистами. В тыл противника такие агенты забрасывались в немецкой военной форме, они были снабжены соответствующей легендой и документами (солдатскими книжками, командировочными предписаниями, отпускными билетами, проездными билетами и т. д.). О масштабах и результатах работы таких разведгрупп можно судить по следующему донесению в Разведуправление:

«Начальнику Разведуправления

ГШ Красной Армии

генерал-полковнику Кузнецову

С августа 1944 по март 1945 г. подготовлено 18 разведгрупп из числа пленных — 14 радиофицированных, 4 группы маршагентов. С тремя группами не была установлена связь: одна группа погибла, вторая предана радистом, третья, очевидно, погибла, т. к. выброшена непосредственно в район активных боевых действий. Из оставшихся 11 групп 2 вышли на связь, но не работали. 9 работали от 8 дней до 3 месяцев... 4 группы маршагентов в срок не возвратились, судьба их неизвестна.

Начальник разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

(генерал-майор Алешин».)

Как видно из данного документа, результаты работы таких разведгрупп были явно неудовлетворительные. Но выбора не было, и заброска разведгрупп, составленных из немцев, продолжалась до самой Победы.

Более успешно действовала фронтовая войсковая разведка. Так, во время подготовки Берлинской операции было проведено 1800 разведывательных поисков, захвачено

около 1400 пленных и 2000 различных штабных документов. Воздушная разведка провела 2580 разведывательных вылетов и сфотографировала всю систему оборонительных сооружений противника на глубину 70–80 км, включая Берлин, несколько раз. А радиоразведка установила расположение войск 3-й танковой армии, 9-й армии, штабов всех корпусов и 15 из 25 дивизий противника.

Следует также сказать о военно-морской разведке. На Балтике успешно руководили разведотделом Штаба Краснознаменного Балтийского флота (РО ШКБФ) полковник Наум Соломонович Фрумкин (с начала войны до сентября 1942 г.), капитан 2-го ранга Леонид Константинович Бекренев (сентябрь 1942 — август 1943), капитан 2-го ранга Григорий Евтеевич Грищенко (с августа 1943 до апреля 1945) и на последнем этапе войны — капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Куликов. Военкомом РО ШКБФ с сентября 1941 по октябрь 1942 г. был полковой комиссар Борис Назарович Бобков, впоследствии начальник советской военно-морской разведки. Под их руководством разведка Балтфлота проявила себя лучшим образом. Приведем некоторые примеры.

В Эстонии действовала в подполье, передавая в РО ШКБФ информацию о вооружении, численности и дислокации немецких войск, радистка-разведчица Лезн (Елена Андреевна) Кульман, арестованная в январе 1943 и погибшая в марте того же года от рук эстонских пособников нацистов (посмертно удостоена звания Героя Советского Союза). С ноября 1943 по сентябрь 1944 г. на территории Эстонии вела наблюдение за передвижениями немецких войск, передавая по радиации ценную информацию, подвергаясь смертельной опасности и неоднократно вступая в бой с немцами и их эстонскими прислужниками-полицаями, разведгруппа старшины 2-й статьи Владимира Дмитриевича Федорова (6 марта 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза). Радист, старшина 2-й статьи Эрнест Давыдович Аболин, выброшенный с парашютом

в сентябре 1943 г. в район Вентспилса в Латвии, организовал партизанско-разведывательную организацию (Северо-Курземскую партизанскую организацию) с широкой агентурной сетью, в течение 20 месяцев до мая 1945 г. собиравшую и предававшую в РО ШКБФ ценную развединформацию о немецких ВМС в портах Виндавы, Риги, Либавы, о немецкой береговой обороне Курляндского полуострова и другие, не менее ценные сведения. Потери среди подчиненных Аболина (18 человек группы «Центр», около 40 осведомителей, более 110 бойцов боевых групп) были небольшими. Э.Д. Аболин был награжден орденом Красного Знамени.

В заключение повествования о действиях советской фронтовой и армейской разведок в годы Ве-

ликой Отечественной войны хотелось бы привести список руководителей разведотделов фронтов и армий, участвовавших в победоносной Берлинской операции, поставившей логическую точку в разгроме немецкого фашизма.

- 1-й Белорусский фронт — генерал-майор Трусов Николай Михайлович
- 1-й Украинский фронт — генерал-майор Ленчик Иван Григорьевич
- 2-й Белорусский фронт — генерал-майор Виноградов Илья Васильевич
- 2-я ударная армия — полковник Синеокий Павел Миронович
- 3-я ударная армия — полковник Грозд Владимир Клементьевич
- 3-я гвардейская армия — гвардии подполковник Купенко Николай Михайлович

▲ Кононенко Андрей Константинович

- 3-я армия — полковник Туманян Николай Герасимович
- 5-я гвардейская армия — гвардии полковник Иванов Борис Тихонович
- 5-я ударная армия — полковник Синяев Анатолий Дмитриевич
- 8-я гвардейская армия — гвардии подполковник Гладкий Алексей Петрович
- 13-я армия — полковник Бухтин Николай Сысоевич
- 28-я армия — полковник Торохов Владимир Николаевич
- 33-я армия — подполковник Пашенко Иван Наумович
- 49-я армия — полковник Шматок Петр Кондратович
- 52-я армия — полковник Буров Иван Васильевич
- 61-я армия — гвардии полковник Кононенко Андрей Константинович
- 65-я армия — полковник Никитин Иван Кузьмич
- 69-я армия — полковник Сусяев Александр Леонтьевич
- 70-я армия — полковник Прокофьев Дмитрий Дмитриевич
- 1-я гвардейская танковая армия — полковник Соболев Алексей Михайлович
- 2-я гвардейская танковая армия — полковник Костромин Степан Спиридонович
- 3-я гвардейская танковая армия — гвардии полковник Шулькин Лев Моисеевич
- 4-я гвардейская танковая армия — подполковник Бзырин Николай Васильевич
- 2-я воздушная армия — полковник Ларин Фрол Сергеевич
- 4-я воздушная армия — полковник Воронов Василий Федорович
- 16-я воздушная армия — полковник Пруссаков Георгий Кириллович
- 18-я воздушная армия Дальней авиации — генерал-майор Червериков Валентин Петрович.

Следует также сказать о военной разведке во время советско-японской войны (9 августа–2 сентября 1945). Органами Разведупра соединений Красной Армии на Дальнем

▲ Прodelывание прохода в заграждениях

Востоке руководили:

и. о. начальника разведотдела Главкома войск на Дальнем Востоке генерал-майор Чувьрин Серафим Михайлович,

- начальники разведотделов:
- Забайкальского фронта — генерал-майор Попов Петр Акимович
- 1-го Дальневосточного фронта — полковник Ищенко Яков Никифорович
- 2-го Дальневосточного фронта — генерал-майор Соркин Наум Семенович
- 1-й Краснознаменной армии — полковник Шиошвили Пантелеймон Шиоевич
- 2-й Краснознаменной армии — полковник Корнилов Степан Федорович
- 5-й армии — полковник Родионов Евгений Николаевич
- 15-й армии — полковник Тверякин Петр Сергеевич
- 17-й армии — полковник Храпунов Степан Платонович
- 25-й армии — подполковник Квасков Иван Михайлович
- 35-й армии — подполковник Врачинский
- 36-й армии — полковник Торохов Владимир Николаевич
- 39-й армии — полковник Волошин Максим Афанасьевич
- 53-й армии — полковник Калинин Петр Петрович

- 6-й гвардейской танковой армии — полковник Вальченко Федор Трофимович
- 9-й воздушной армии — подполковник Кравцов Александр Михайлович
- 10-й воздушной армии — полковник Аксенов Яков Георгиевич
- 12-й воздушной армии — подполковник Борзяк Василий Николаевич

Великая Отечественная война закончилась победой советского народа над немецко-фашистскими войсками. Вклад военной разведки в победу был огромен. Это отмечали в своих воспоминаниях видные советские полководцы и военачальники: А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, И. Х. Баграмян, С. М. Штеменко, Н. И. Крылов и многие другие. В ходе войны выработалась эффективная система организации разведки и ее применения, сложились боевые традиции, сформировались высококвалифицированные кадры, накопился богатейший опыт проведения разведывательных операций. Все это было использовано в последующие годы, когда мир разделил «железный занавес» и ведущие мировые державы были втянуты в так называемую холодную войну. ■

ЮРИЙ УФИМЦЕВ

ШПИОНЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ

▲ Кормчий и его последователи

С началом культурной революции по всей самой длинной в мире сухопутной 4100 километровой границе начался так называемый «китайский синдром» — массовая миграция людей из Китая. Кто по политическим мотивам, кто за лучшей жизнью. Например, на 100 километров самого юга дальневосточной границы приходилось до 47 перебежчиков в месяц. По всей границе это выливалось в солидные цифры. КГБ располагал надежными данными о том, что этот канал китайские спецслужбы широко используют и для заброски своей агентуры.

«Спецслужбы КНР активно использовали любые каналы и средства, — вспоминал начальник УКГБ

по Приморскому краю генерал-лейтенант Григорьев. — Для проникновения на нашу территорию и сбора информации: направление шпионской агентуры под личиной китайских и корейских перебежчиков, тотальное наблюдение вдоль границы, обработку приграничного населения».

Нужна была тщательная фильтрация. Но, не имея своего следственного изолятора, УКГБ ПК столкнулось с большими организационными проблемами и утечкой информации. Поэтому было решено построить такой изолятор при УКГБ. Направили обоснование в Центр. В 11 часов вечера на квартиру начальника УКГБ позвонил Андропов:

«Вы делаете в Приморье немало полезного, сказал он, — и Комитет

вас поддерживает, однако, должен сказать, что направленное вами предложение о строительстве следственного изолятора является политическим недомыслием. В народе-то подумают, что Комитет строит новые тюрьмы, а каждому-то ведь не объяснишь, ради чего это делается. Вы же руководитель политического органа — мыслить надо глубже. Ищите другой вариант — на базе следственного изолятора УВД. Может быть, есть возможность его реконструировать? Средства мы вам выделим».

Средства выделили и изолятор реконструировали.

Фильтрация перебежчиков происходила по различным признакам. Если перебежчик был ума не далекого или переходил в погоне за день-

Уфимцев Юрий Юрьевич, востоковед-историк, переводчик китайского языка. Журналист, литератор. Родился в 1962 г. во Владивостоке. Окончил отделение страноведения Китая Восточного факультета ДВГУ в 1986 г. Работал по специальности первым учителем истории в СШ №39 г. Владивостока, м.н.с в НИЦ ДВГУ «Ориент», главным специалистом в управлении международных отношений и туризма г. Владивостока. С 2009 г. является бессменным ведущим рубрики «Исторический клуб» в еженедельнике «Конкурент», опубликовавшим здесь более 500 исторических статей. Автор книг «Линия времени. 1917–2017»; «1938–2018. Государственная безопасность в Приморском крае», «Живая история Приморья».

гами — от таких сразу же избавлялись, передавая китайской стороне. Если переходил по политическим мотивам — с ним разговаривали по душам, китайцам не передавали, а так же нелегально переправляли обратно, не привлекая к работе.

С остальными работали. Сразу же старались выделить сотрудников спецслужб — это было как правило не трудно — те вели себя довольно нагло, разговаривали через губу, курили закинув ногу на ногу... Таких тоже передавали сразу. Выходили на нашу сторону и сотрудники китайских спецслужб, бежавшие от режима и обладавшие ценными секретными сведениями. С такими службистами продолжали работать в Центре. Тех же, которые так и не подошли для дальнейшей агентурной разработки, селили в изолированных поселках-совхозах — в основном в совхозе «Победа» в Хабаровском крае, заводя осведомителей в их же среде. Последние добывали где то старые военные фуражки, надевали их и ходили по жилищам соотечественников, взимая с каждого по 10 рублей в обмен на обещание сообщать о них в КГБ только хорошее...

Вот как описывает одно из таких поселений журналист «Независимой газеты» Тимченко, в конце 80-х имевший возможность побывать там.

«В забытом Богом колымском селении Эльген, что в Магадан-

ской области, недалеко от границы с Якутией и рядом с полюсом холода Оймякон, журналистская судьба вывела меня на «Китай-городок». Так местные жители называли спецпоселение, где долгие годы под строгим надзором милиции и КГБ жили перебежчики из Китая. Колония в преддверии потепления отношений между Китаем и СССР дожила последние дни, поэтому мне дали возможность пообщаться с ее обитателями, и с надзирателями.

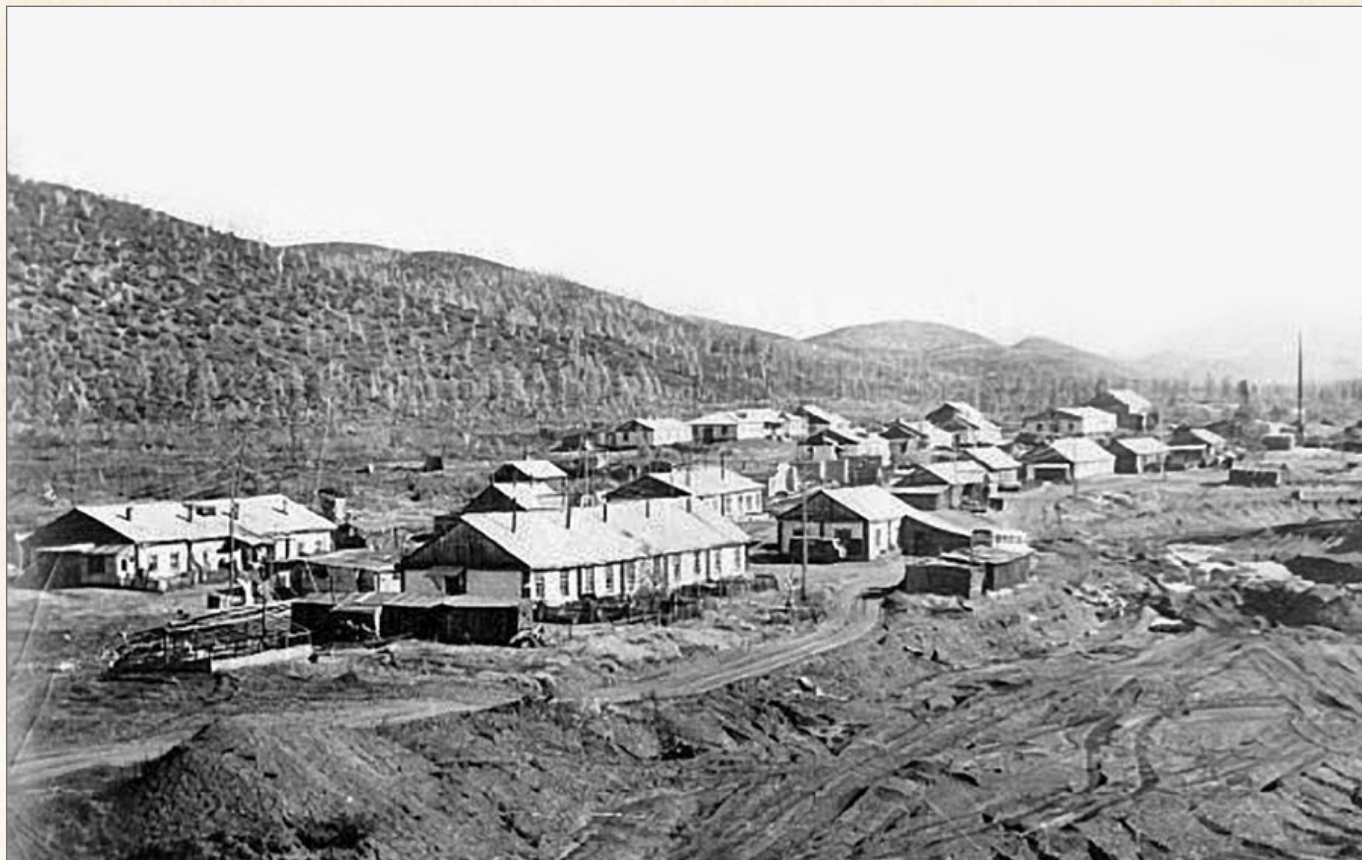
Мой первый собеседник Ли Сычэн рассказал, что бежал из Китая в 1971 году, спасаясь от репрес-

сий «культурной революции». Сам сдался нашим пограничникам. Потом — фильтрационные лагеря, спецпоселение, последним из которых стал Эльген. У других поселенцев были другие легенды или истории... Сотрудник контрразведки Министерства безопасности России (уже не КГБ, но еще не ФСБ) по Магаданской области Медведев рассказал мне предысторию образования на Крайнем Севере таких спецпоселений. Известно, что в 60-80-х годах СССР и Китай находились в отношениях, близких к войне. Поэтому в каждом перебежчике наши

▲ Культурная революция

▲ Колымское поселение

спецслужбы видели потенциальных агентов противника, отсюда — фильтрационные зоны и лагеря. Просто выдворить этих людей назад в Китай мы не могли, поскольку находились с этой стороны в полной дипломатической конфронтации. Было несколько попыток передать китайским пограничникам их сограждан, но их тут же показательно расстреливали на глазах у наших парламентариев. По мнению Медведева, люди тогда засылались из Китая в Союз «на оседание» и в принудительном порядке. Им ставилась задача: хорошо изучить местность и экономикку данного района, вжиться в конкретное окружение и ждать часа «икс». Давались и рекомендации того, как зацепиться в России. Прежде всего — постараться жениться на русской женщине, чтобы обрести советское гражданство, а стало быть, и свободу перемещения. Другой вариант: совершить незначительное уголовное

преступление, чтобы, отсидеть немного, выйти на волю со справкой об освобождении, а на ее основании получить паспорт.

Именно поэтому граждан КНР запирали на Колыме, оттуда деваться некуда. Очевидно, такое затворничество не входило в планы поселенцев, и они постоянно предпринимали попытки побегов внутрь России. Но все попытки побегов проваливались еще и потому, что поселение китайцев было напичкано стукачами, переведенными агентами. Словом, служба Госбезопасности была начеку.

Обстановка в лагере была напряженной. Драки, убийства, личная неприязнь... Хотя и жили по принципу вольного поселения, но режим был весьма жесткий: за селение — ни шагу, в 10 часов — отбой, постоянные проверки и «шмоны», за каждую провинность — КПЗ, трижды попался выпившим — год принудительного лечения в ЛТП. И, тем не менее, даже в неволе они

ухитрялись пускать корни в России.

Спросил у Ли Сынчера, есть ли у него невеста, или жена? « У меня в России пятеро детей от разных женщин — во Владивостоке, Хабаровске — везде, где был на поселениях, а всего я прожил в вашей стране под надзором 20 лет»

А потом все перевернулось с ног на голову. Пришедший к власти Горбачев побратался с Китаем и подвел страну к другой крайности: распахнул настезь границы, и к нам лавиной ринулись соседи. Вчерашние узники всех спецпоселений, которых на Дальнем Востоке и Крайнем Северо-Востоке было немало, наконец, получили свободу и тоже рванули вглубь России. К тому времени они все знали русский язык, традиции, менталитет россиян и как никто другой были готовы к «обживанию» России».

Интересный случай применения такого «менталитета» я наблюдал на базаре города Уссурийска. Китаец Петя отсидел за что-то в нашей

тюрьме, вышел и был выслан в КНР. Там он сделал себе туристический паспорт и приехал в Приморье как турист. Возвращаться не захотел и остался на нелегальном положении. На базаре к нему подошли три милиционера и попросили предъявить документы. На что Петя, поднатеревший в российской тюрьме, на хорошем русском парировал: — «Земели, ну какой я нафиг китаец, чукча я!» Это подействовало лучше всяких документов. Милиционеры рассмеялись и Петю отпустили...

А вот как прокомментировал мне этот материал один из сотрудников КГБ, пропустивший через себя не одну сотню китайских перебежчиков: «Случаев расстрела на месте я не видел. Но практически каждому китайцу, которого мы передавали, сразу же просовывали за спиной между рук палку. Привязывали к ней. Двое несли, а третий тут же начинал без жалости бить висевшего сапогами. Мы постоянно просили пограничников не делать этого хотя бы на наших глазах... Что касается заселения. Как-то к нам перешел капитан китайского МГБ. С собой он имел представляющие интерес секретные документы. Пока мы с ним общались, он сказал нам буквально следующее: — Вам еще предстоит столкнуться с Китаем. Ему просто некуда будет деваться. Или вас возьмут «бархатно» — женясь, поселяясь. Китайцы хорошие семьянины. Капитана мы привлекли к нашей работе. А был этот разговор еще аж в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году...»

Интересно описывал случай такой «бархатной» женитьбы одного из своих «подопечных» почетный сотрудник госбезопасности полковник Смирнов в книге «Досье пограничного дознавателя»: «В Приморье проживали два китаец, которые были у нас кем-то вроде консультантов. И вот одному приспичило жениться. Каким то путем он узнал, что в небольшой деревеньке на Колыме жила семья тазов, есть такая национальность у северных народов. Вот с ней и решил соединить

свою судьбу младший брат из этих двоих. Звали его по-русски Петя, а второго — старшего, с бельмом на глазу, — Вася. Втроем мы приехали в эту деревню. Мне в помощь выделили участкового милиционера. До отхода парохода остается час — жених валяется в кровати с невестой, полчаса — мы мерзнем с милиционером под окном — жених занимается сексом. Занавесок нет, дом врос в землю, через окно дом просматривается насквозь... На пароходе братьев поместили в каюту для двоих. На этом судне возвращались с сайровой путины завербованные женщины. В народе по всему побережью это называется «пьяный пароход» — большинство женщин были пьяны так, что их физиономии с остекленевшими глазами выглядели незрячими. Но к мужикам цеплялись!

На первой же проверке своих китайцев я жениха в каюте не обнаружил. Брат Вася ничего не пояснил, только тарачил один глаз, которым видел. Я по пароходу. Нет нигде. Эти дамочки могут ведь и за борт китаезу столкнуть. Тогда, сразу после Даманского, отношение к ним было неважное. Китаец по-русски-то ни бельмеса.

Стучусь к пассажирскому помощнику. Тот очень недоволен. Стоит в дверях каюты без намерения помогать. Тут его отодвигает какая-то абсолютно голая дама и говорит: «Это такой китаец? Так он в двадцать первой каюте!». Отправляемся с помощником туда. Вытаскиваем жениха от пьянущей дамочки, та кричит вслед: «Тогда сам приходи!». Вот так и добрались до Владивостока, жениху пообещав кое-что оторвать, а одноглазому брату — натянуть на что-нибудь глаз. После этого они успокоились».

Тех, на кого, так сказать, «глаз положили», сначала вводили в курс соцдействительности, затем уже в спецдисциплины. Соцдействительность выражалось в том, что их хорошо кормили, водили по магазинам, — где они разували глаза и рты и говорили — это пропаганда! Но это была не пропаганда. Пропаганда была на той стороне, — где говорили, что русские умирают с голода: в магазинах были и масло и колбаса и хлеб и рис и папиросы, которые китаец так любили...

После этого начиналась работа напрямую и обратная заброска.

«Но мы располагали надежными данными, — рассказывал Гри-

▲ Переселенец

▲ Григорьев В.А.

Григорьев, — о том, что этот канал китайские спецслужбы широко использовали для заброски и своей агентуры. Поэтому разработка перебежчиков была солидной, где учитывалось все до мелочей, вплоть до интуиции.

Так, например, на территорию Приморского края вышла пара с ребенком. С ними начали работать. Но вскоре оперативники обратили внимание на одну маленькую особенность. Муж и жена не спали вместе. Более сильная психологическая обработка заставила вышедших признаться, что они не являются семьей, а искусственно созданы китайской разведкой для внедрения в Россию. Их передали обратно.

Вскоре вышла другая пара. Она представилась интересным материалом для разработки. С ней стали работать. Поселили на конспиративной квартире. Но ситуация повторилась — муж с женой не спали. Она — на кровать, а он — на пол. Скоро пара исчезла. Ее объявили во всесоюзный розыск и задержали уже в Казахстане. По дороге туда

▲ Андропов Ю.В.

вспоминает один из авторов пособия. — Там мне и поручили написать работу. Я не знал, что это указание КГБ СССР, и так, для прикола, допускал некоторые хохмочки. Например, в образец справки медосмотра нарушителя границы включил понравившуюся мне фразу: "В позе Ромберга устойчив". Так и прошли в серьезном указании председателя КГБ все приколы и прикольчики. Если бы знал, то так бы не шутил. И сейчас в учебниках дознавателей ФПС те мои образцы документов».

То, что подстава является одним из методов работы восточных разведок, чекисты знали не понаслышке. Перед войной, например, в Приморье вышла большая группа корейцев под личиной партизан-перебежчиков, якобы ушедших от японцев из Маньчжурии. Спецслужбы Приморья уже знали, что это на самом деле японские агенты и начали свою игру: внедрили в группу чекиста майора Сона. Корейцам дали понять, что им поверили, поселили за городом, во-

«семейка» умудрилась ограбить одного русского в поезде на довольно крупную сумму денег. Пару увезли в Москву для обмена на наших в случае необходимости».

Сотрудниками УКГБ Приморского края на основе огромного опыта даже была написана записка о том, как вычислять все категории перебежчиков, ставшая впоследствии учебным пособием всего аппарата КГБ. А вычислять можно было даже по одежде, ткань на пошив которой жителям Поднебесной давали по карточкам один раз в год. «По одежде нарушителей, — вспоминал один из дознавателей. — Я знал, в каком году, в какой коммуне выдавался какой материал. К одежде китайцы относились бережно. Поэтому брюки носили долго, а вот заплатка на заплате как раз и показывала, какой и когда выдавался материал. Тем более, что заплатки чаще всего были разного цвета». По указанию КГБ была издана пособие «Доследственная проверка нарушителей границы». «В 1982 году я находился на курсах в Москве, —

дили в театры, проводили спецзанятия. Сон для передачи информации от группы стал постоянно нелегально ходить на ту сторону... Игра пошла по крупной, но в преддверии войны решено все же было всех ликвидировать...

Однажды в СССР перешел перебежчик Юй Гуй. КГБ, предположив, что это подстава, решил начать игру. Перед Гуем инсценировали атмосферу полного доверия и стали готовить для операции на территории КНР по челночному принципу. Он совершил первую ходку, во время которой, как стало известно позднее, китайцы дали ему задание собрать сведения о дислокации воинских частей, командном составе, видах вооружения. Вернувшись, Юй начал заметно суетиться, искать наружку, подслушивающую аппаратуру. Когда он убедился, что все чисто, то стал нарушать режим проживания, чаще и чаще уходить в лес и появляться в окрестностях военных объектов. Перед соседями свои походы он объяснял любовью к сборам ягод, грибов, ловлей речной рыбы. Он стал знакомиться с местными корейцами, часто уходить из дома по ночам. Это начало злить местную наружку, которая находилась в постоянном напряжении. Однажды, когда Гуй в очередной раз вышел ночью из дома, «семерочки» (работники

7-го отдела наружного наблюдения) навалились на него и, имитируя пьяных, крепко отдубасили. После этого по ночам Гуй шпионить перестал. Но только по ночам. Китайца вскоре отправили во вторую ходку из которой он принес определенные сведения и получил вознаграждение. На деньги, полученные от КГБ, он купил бинокль и фотоаппарат. Опергруппа взяла его с поличным при скрытом фотографировании сооружений и техники военного аэродрома. На следствии он признался в шпионаже и был осужден.

Иногда подобные мероприятия кончались трагически.

Три сотрудника КГБ вместе с агентом-китайцем по кличке «Монгол» выехали для заброски последнего на сопредельную территорию в район поселка Пограничный. По дороге один из сотрудников в пути почувствовал себя плохо и был оставлен. По прибытии на место второй чекист пошел проверить границу, а третий — молодой оперуполномоченный, остался в машине с китайцем. Ожидая товарища, опер уснул, китаец вытащил у него пистолет, выстрелил ему сначала в сердце, а затем в голову и решил сам уходить за границу. Вероятно, он не хотел возвращаться, но видя неизбежность этого момента, решил что лучше уж возвращаться с каким-нибудь солидным бага-

жом — вроде пистолета и убийства советского чекиста. Тогда, если бы его взяли свои, последнее могло бы зачесться ему в положительном плане. При переходе убийцей КСП сработала система, и к месту происшествия прибыл наряд пограничников. Начали преследование. Укрывшийся в кустах китаец первой пулей убил настигшую его пограничную собаку, второй себя.

Труп китайца отправили во Владивосток. Там двое сотрудников КГБ получили указание похоронить его на кладбище, поставили бутылку могильщикам, но сами непосредственно труп не проверили и могильщики вместо китайца по недосмотру похоронили советского корейца. Когда же родственники последнего пришли получать свое тело, они буквально были в шоке — получив китайца. Пришлось проводить перезахоронение.

Бежали на ту сторону и русские. Для их содержания китайцы оборудовали тюрьму в городе Фушуне, где до амнистии 1972 года содержались бывшие гоминьдановцы. Русские помещались в нескольких изолированных блоках и пользовались библиотекой еще царских книг. До 1977 года китайцы не выдавали советских перебежчиков и нарушителей, а затем стали возвращать их в массовом порядке. Уходили в основном солдаты, спасаясь от дедовщины, уголовники или просто по пьяни теряли ориентацию. Например, в 1967 году в Казахстане некий Кунжибаев будучи не трезвым уехал в Китай на коне. Через 11 лет китайцы вернули его вместе с конем, который все это десятилетие находился неизвестно где.

Первым перебежчиком, которого в качестве акта доброй воли китайцы выдали советской стороне в 1977 году, был содержащийся у них 7 лет совхозник Бондарь. Об этом даже было доложено самому Андропову. Бондарь попал в Китай в 1970 вместе со своей собачкой — заблудился по пьянке и сдался китайским жителям. Пограничники пошли по следу Бондаря и на нем

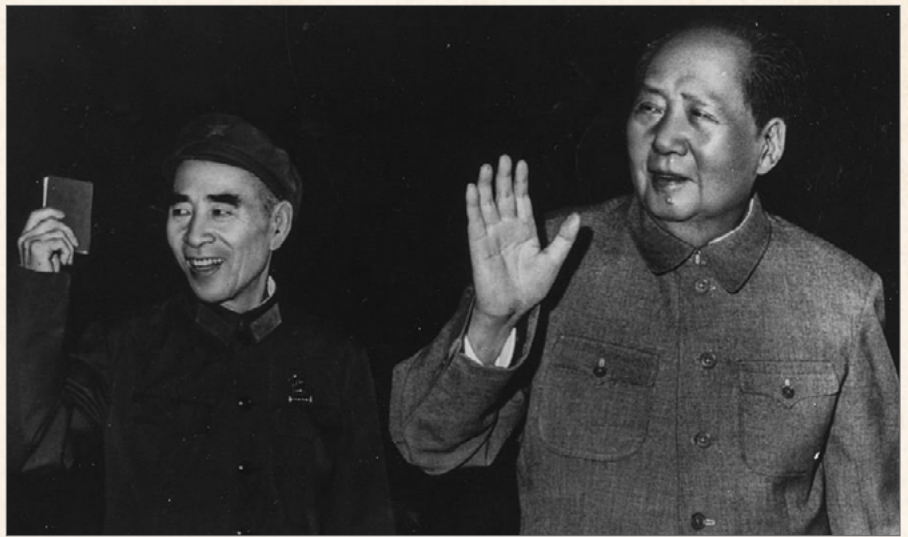

обнаружили след тигра. Дальше нашли лежку зверя и кость. Решили, что Бондаря съел тигр, и дело закрыли, приложив кость как доказательство. Бондаря же привезли в город Дуннин, где он снискал известность, как человек, который очень много ест. По причине своего богатырского сложения он съедал за раз столько, сколько целая китайская семья за день.

С нарушителем китайцы обращались нормально и начали работать, периодически интересуясь — а как он смотрит на то, чтобы стать министром в государстве которое может образоваться от Урала до Владивостока если власть в СССР изменится. Тот смотрел положительно. Его «припрягли» писать на русском языке воззвания, программы, обращения, листовки. Однако на праздник Октябрьской революции Бондарь напился и побил китайцев. Китайцы перевели его в тюрьму, но работу с ним не прекратили. Они водили его в театр и на Чаньчунский машиностроительный завод, построенный еще в 50-х советскими специалистами. На заводе ему показывали место для станка, который якобы должен был прийти по договору из Советского Союза. Самого станка не было, но на его месте была табличка — «Так СССР выполняет свои обязательства».

Вместе с Бондарем китайцы вернули и собачку. Где она была все эти семь лет Бондарь не знал. Псина уже еле ходила, глаза слезились, но хозяйина узнала сразу. Бондарь же от собачки отказался.

В Фушуньской тюрьме также содержались лейтенант Миронов и рядовой Стариков, доставленные сюда из монгольского приграничья. Охотясь на косуль, они, с территории Монголии, заехали в Китай. Миронов оставил солдата в машине, а сам пошел на холм обозреть окрестности. В это время китайские пограничники задержали Старикова, прострелив ему ногу и отстрелив фалангу большого пальца. Лейтенант, услышав выстрелы, бросился на выручку, но так же был арестован. Два раза за время своего заключения Стариков пытался бежать в Россию. На по-

▲ Мао и Линь Бяо

ездах, зарывшись под груз, без воды и еды, добирался до границы, но оба раза был пойман при переходе китайскими пограничниками.

В пограничном укрепрайоне попал рядовой Аветисян. По подозрению в дедовщине были арестованы два его сослуживца. Под давлением следствия, после длительных допросов они признались, что убили Аветисяна, утопив его в городском общественном туалете. Откачав туалет, оперативники действительно обнаружили скелет. Полтора года длилось следствие и, наконец, было передано в суд. И вдруг китайцы передали пограничникам живого Аветисяна. Оказалось, что он обиделся на сослуживцев, что те ходят в наряд меньше чем он, вышел на берег пограничной Уссури, позвал рыбачивших там китайцев, те подплыли, забрали его и сдали своим пограничникам. Полтора года китайцы держали его у себя и, наконец, решили вернуть за ненадобностью.

В 1970 в Китай ушел офицер станции радиоэлектронной разведки ГРУ на Дальнем Востоке Валентин Дербенев. Китайцы продержали его в тюрьме 9 лет, а затем также выдворили обратно.

В том же году в Амурской области передали русским осетина Бритаева, работавшего на БАМе, и бежавшего в Китай, переплыв Амур на самодельной корзине из прутьев, обтя-

нутой целлофаном! Китайцы поместили его в отдельное охраняемое помещение и начали с ним работать, предлагая при изменении ситуации в СССР чуть ли не должность кавказского наместника. Предполагалось, что Бритаев осядет под Москвой, где купит дачу и создаст глубоко законспирированную партию по системе пирамиды, где четверых знают только четверо. Ячейки партии предполагалось создать в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике и на Украине, которые, как считали китайцы в случае чего станут самыми нестабильными для России регионами.

Около года отработывали маршруты переброски его в Союз через границу Хабаровского края и как запасной вариант — в Амурской области. Перед самой заброской у Бритаева, бывшего снабженца военторга, заиграла коммерческая жилка — он заявил, что китайцы не ориентируются в реальных ценах и предлагаемые ими деньги на покупку дачи недостаточны. Китайцы же считали, что денег хватит. Тогда у Бритаева разыгралась горячая кавказская кровь, и все кончилось пьяной дракой. На три месяца китайские спецслужбы прервали с ним всякие контакты и в конце концов решили передать русским. Причем сделали это довольно артистично. Накануне выдачи они, ничего не говоря Бритаеву, в пограничном городе Суйфэньхэ устроили ему бан-

кет, где основательно напоили. А потом на машине с закрытыми шторами привезли на погранпереход. Ничего не подозревавший Бритаев вышел из машины и, как вспоминал принимавший его офицер ПВ КГБ, «я в первый раз видел, как от страха у человека белеют зрачки». Бритаева увезли в Москву, где началось следствие, которое длилось целый год. Перебежчик, в общей сложности просидевший в камерах Китая и СССР около двух лет, как говорится «съехал с катушек» и был помещен в психиатрическую лечебницу.

В психиатрическую лечебницу был помещен и житель Иркутска Соколов, пытавшийся перейти в Китай, для того, чтобы, по его словам, жениться на китайке. Но в Китай он решил идти не с пустыми руками. Соколов начал собирать информацию о воинских частях и военных заводах Сибири. Сам пробирался на заводы и авиационные части, где фотографировал или зарисовывал увиденное, обладая несомненными художественными способностями. Когда инженерам показали зарисованные им на одном из заводов части авиационного двигателя, те буквально схватились за голову...

Обладая к тому же и феноменальной памятью, Соколов запросто мог процитировать любое высказывание Мао Цзэдуна из вышедшего в СССР пятитомника, безошибочно указав главу, страницу и строчки. Ко всему прочему Соколов был кандидатом в мастера спорта и перворазрядником по боксу. Мог пройти 60 километров с рюкзаком весом в 50 кг.

Такие идеи и феноменальные способности никак не могли проявиться у нормального человека и при обследовании у Соколова выявили шизофрению.

На долю транспортного управления КГБ выпало и расследование случаев угона в Китай самолетов гражданской авиации. Согласно указу Президиума Верховного Совета угона самолетов с января 1973 года стал рассматриваться как самостоятельный вид преступления и в каждом

крупном пассажирском судне должен был находиться вооруженный сотрудник милиции для предотвращения возможных эксцессов. Так 17 мая 1973 года гражданин Рзаев предпринял попытку угона лайнера «Ту-104», следовавшего по маршруту Москва — Чита.

На высоте в шесть с половиной тысяч километров угонщик, угрожая взорвать самолет, потребовал изменить курс и лететь в Китай. Сопровождавший самолет милиционер Ежиков выстрелил Рзаеву в спину, после чего сработало самодельное взрывное устройство. Самолет разрушился в воздухе и все 81 человек погибли.

Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза признала террориста психически больным. Не имея никакого образования, Рзаев мечтал стать дипломатом и считал что за рубежом его оценят и его ждет блестящее дипломатическое будущее.

19 декабря 1985 года 33-х летний второй пилот лезгин Алимуратов направил пилотируемый им «Ан-24», следовавший по маршруту Якутск-Иркутск, в Китай и приземлился возле Хайлара.

Харбинским судом угонщик был осужден к 8 годам лишения свободы.

Через четыре года китайцы вернули Алимуратова и летом 1990-го Верховный суд Якутской АССР осудил угонщика еще на пять лет дополнительно.

Однажды советский вертолет случайно сбился с курса и вынужден был сесть на китайской территории. Вскоре китайцы вернули и машину и экипаж. Наши вертолетчики в свою очередь помогли эвакуировать китайских пограничников, которых снегопад отрезал от своей базы в горах.

14 сентября 1971 года самолет китайских ВВС «Трайидент» N 256 нарушил воздушное пространство Монголии. Углубившись на территорию сопредельной страны, он вдруг неожиданно упал и разбился в местечке Ундур-хан. Среди погибших был не кто иной, как заместитель председателя Мао, министр обороны КНР Линь Бяо.

Линь Бяо был талантливым военачальником и старым боевым соратником великого кормчего. Линь никогда не снимал с головы фуражку — его мучили головные боли и в фуражку был вставлен стальной обруч, стягивавший голову и облегчавший их. Линь много танцевал, так как врачи советовали ему это

▲ Линь Бяо с женой Е Сюнь и детьми

делать — у Линя была еще масса других болячек. Он постоянно потел от нервного расстройства, был ипохондриком — ненавидел общение с людьми, испытывал отвращение к дневному свету, мало говорил, в ветреную погоду вообще не выходил из комнаты, где зимой и летом у него поддерживали температуру в 24 градуса. В 40-х он проходил лечение в СССР, где привык к морфию...

В 50-х Линь постоянно общался с советскими специалистами, постоянно отмечал, что у него в России много друзей. Поэтому когда сложилась критическая ситуация, он выбрал соответствующее направление. А ситуация была следующая.

Сын министра обороны, заместителя председателя Мао Линь Бяо со своими единомышленниками решил провести правительственный переворот. Они даже предполагали убить Мао Цзэдуна, напав на его поезд, или взорвав на соседних путях цистерну с горючим. Сестра Линя, решив, что отца втягивают в это дело помимо его воли, выдала брата.

Линь Бяо, прекрасно представляя последствия, принял решение покинуть страну и двигаться к ближайшей границе — в СССР. Жена Линь Бяо Е Цюнь взяла с собой русско-китайский словарь и разговорник и в полночь бронированный лимузин министра обороны выехал из резиденции и направился на аэродром. На огромной скорости из лимузина выпрыгнул один из секретарей Линь Бяо. Министр с семьей сел в самолет. Об этом доложили Мао. «Тучи рождают дождь, вдовы находят новых мужей, этого уже не изменишь. Пусть летят», — сказал Великий кормчий.

Линь полетел, но по официальной версии баки самолета были заполнены только наполовину, горючее стало кончатся и самолет, перелетев границу с Монголией пошел на посадку, задел крылом землю, загорелся и взорвался в Долине Субурганов местечка Ундур-хан. В 2.30 ночи на место трагедии прибыли первые монголы. По воспоминаниям одного из них: «Самолет развалился надвое и горел ярким пламенем. Сре-

ди обломков мы нашли восемь человек. Все они были мертвы, сильно обгорели, но видимо, уже от степного пожара. Наверно и одежда сгорела на них вместе с травой. У женщины остались какие-то тесемки на ногах и груди, у мужчины — следы военного обмундирования. Интересно, что все лежали почти одинаково — вверх лицом с раскинутыми руками и ногами. Девятый, которого мы нашли позже в стороне от обломков, был в желтой кожаной куртке и лежал лицом в низ. Я думаю, он оставался в живых дольше всех и даже отползал от самолета. Были фотоаппарат, магнитофон, несколько, кажется пять, пистолетов. Все найденное мы сложили в ящик и передали представителям МОБ, которые прилетели на самолете ближе к полудню».

14 сентября в 8 часов утра заместитель министра иностранных дел МНР попросил приехать посла КНР Сюй Вэньи. По прибытии последнего ему выразили устный протест по поводу вторжения китайского военного самолета и сообщили о слу-

▲ Крушение самолета Линь Бяо

чившемся. Сюй решил поставить в известность свое начальство в Пекине, но, как он вспоминал впоследствии: «Товарищи, ответственные за секретную работу, с беспокойством сообщили мне, что, как заявляет министерство связи МНР, из-за неисправности линии связи нет возможности своевременно отправить телеграмму, в лучшем случае она будет отправлена через четыре с лишним часа. В те годы телеграммы отправлялись только через минсвязи МНР. Неожиданно я вспомнил, что в посольстве имеется телефон, по которому можно непосредственно связаться с Пекином. Он был установлен в 50-е годы в качестве промежуточного между Пекином и Москвой. Работал на высоких частотах. В связи с ухудшением китайско-советских отношений телефонной линией связи прекратили пользоваться. Я также подумал, что в случае подключения телефона придется столкнуться с рискованной ситуацией. Но я решил включить телефон».

По телефону, молчавшему более 15 лет посол сообщил о случившемся в МИД КНР, откуда поступило указание лично посетить место катастрофы. Сюй подался в монгольский МИД, «где замминистра посетовал на то, что посольство своевременно не направило людей на место происшествия, что со времени аварии уже прошло более 50 часов, а в условиях жаркой погоды это значит, что трупы их к моменту прибытия на место катастрофы могут деформироваться». На самолете, а затем на ГАЗ-69 посол все же добрался до долины Субурганов. «Большинство трупов лежало навзничь, руки и ноги раздвинуты, головы были так обожжены, что трупы не поддавались опознанию. Мы разложили все 9 трупов с севера на юг, пронумеровали их и сфотографировали. Согласно проведенному впоследствии расследованию, в трупе N5 был опознан Линь Бяо: сохранились небольшая плешь, кожа на голове повреждена, кости вышли наружу, брови обгорели, глаза превратились в черные отверстия.

Труп N8 — жена Е Цюнь. Она обгорела сравнительно мало, волосы практически остались целы, левый бок был поврежден Труп N2 — Линь Лиго: высокий рост, лицо обуглилось и приняло мученическое выражение, как будто до смерти он катался в пламени». Трупы зарыли здесь же неподалеку. Тем временем в самом Китае история продолжалась. Из под Пекина вылетел вертолет N3885 с четырьмя человеками на борту и направился тем же путем, что и «Трайидент». ВВС КНР получило приказ посадить вертолет во чтобы то ни стало. Через три с половиной часа вертолет сел, не долетев до границы. Пилот был застрелен, а остальные три человека застрелились сами. В вертолете было большое количество секретных документов и американских долларов. На этом попытка бегства Линь Бяо и его сторонников в СССР закончилась. Впоследствии власти объявили, что маршал собирался произвести контрреволюционный переворот под кодовым названием «тезисы об объекте «571» и попытка покушения на Мао Цзэдуна, задуманная Линь Бяо была сорвана, а сам Линь после провала незаконно взял самолет и вылетел на нем, чтобы переметнуться к советским ревизионистам.

История с заговором закончилась, однако не закончилась история самого Линь Бяо. Вернее его головы. Переданные русским с места аварии документы позволяли сделать выводы, что среди погибших находится министр китайской обороны. Но только выводы. Требовались факты. Китайцы молчали. Пять недель спустя из Москвы в Улан Батор прибыла группа экспертов во главе со следователем КГБ генералом Загвоздиным и военным медиком генералом Томилиным.

Вместе с монгольскими представителями «советские ревизионисты» вскрыли могилу, отделили головы Линь Бяо и его жены и переправили в Москву. Линь и его супруга когда-то лечились в «кремлевке» и все соответствующие документы, истории болезни, снимки там еще хранились. Решено было произвести патологоа-

натомический анализ голов и сверить с имеющимися материалами.

«Трудность состояла в том, — вспоминал Томилин, — что трупы обгорели и разложились. Но обследование показало, что до падения самолета все пассажиры и пилот были живы».

Проведя экспертизу в Москве решили, что это Линь Бяо. На черепе даже остался знакомый по имевшимся фотографиям след старого пулевого ранения. Однако китайцы продолжали молчать и только молча снимали по всей стране портреты маршала. Тогда в ноябре 1971 Москва опять послала в Монголию Загвоздина и Томилину с целью проведения повторной эксгумации. Удалось найти кости грудной клетки Линь Бяо и окончательно установить, что это он — как показали данные рентгеновского обследования, проведенного еще в годы войны, Линь был болен туберкулезом. Следы этой болезни несли и его останки.

Операция проводилась настолько секретно, что помимо исполнителей знали о ней только Брежнев и Андропов. Как считает принимавший участие в опознании военный медик Томилин, череп хранится в подвалах КГБ по сей день. Рассказать об этой операции чекисты получили право только в 1994 году, поведав все перипетии австралийскому исследователю жизни Линь Бяо, полгода колесившему по КНР, МНР и РФ — Хэнэму. Тот, в свою очередь, будучи в Пекине, поведал историю журналисту «Известий» Скосыреву.

Недавно я поинтересовался у группы туристов из КНР, а знают ли они, где находится голова Линь Бяо?

— Где-то у вас в Москве, — дружно ответили туристы. Затем один отозвал меня в сторону и пояснил, что с достоверной точностью это не известно, но за официальную версию принята именно эта.

— А почему тогда вы не требуете голову обратно? — поинтересовался я, памятуя о том, что чеченцы уже 10 лет требуют вернуть им череп Хаджи Мурата, хранящийся в российской Кунсткамере.

— А кому нужна голова предателя?..

Как писал английский контрразведчик Питер Райт, *«шпионаж — это преступление, почти лишенное улик; поэтому интуиция, хорошо это или плохо, всегда играет большую роль в его успешном разоблачении».*

9 мая 1978 года в Дальнереченском районе Приморского края с поезда, проходящего вдоль границы, прыгнул человек, преодолел систему и, переплыв реку Уссури, вышел на противоположный китайский берег в районе местечка Юэяпхао. Пограничный отряд обнаружил на нашем берегу еще теплую одежду, пачку сигарет и ключ от двери. Застава и сторожевые корабли поднялись по тревоге. Начальник Дальнереченского погранотряда доложил дежурному штаба округа в Хабаровске о случившемся и спросил, что делать. Но начальник войск округа был в состоянии тяжелого «бодуна» и на ВЧ не отвечал. Тогда начальник штаба отдал приказ действовать сообразно обстановке и во что бы то ни стало не допустить прорыва. Согласно духа приказа начальник погранотряда решил совершить бросок на китайский берег и захватить нарушителя. Двадцать десантников на двух катерах «Аист» во главе с комбригом высадились на китайский берег, и, дав пару очередей в воздух, бросились вдогонку за нарушителем, который к тому времени уже успел углубиться на два километра в глубь китайской территории и зашел в деревянную сторожку. Когда пограничники ворвались в сторожку, — там никого не было. Нарушитель, как потом выяснили, спрятался в болоте и дышал там через камышовую тростинку, как заправский шпион, пережидая все происходящее. Тогда старший лейтенант принял решение взять для последующего обмена несколько крестьян. Крестьяне с лейтенантом уходить не хотели и стали ложиться на землю. Лейтенант для острастки дал еще одну очередь из автомата и те стали подниматься. Причем согласно материалам вышедшего в 1993 году в Харбине официального сборника, посвященного между-

▲ Бакатин

народным отношениям провинции, в результате стрельбы два китайца были ранены.

Неизвестно чем бы это все закончилось, если бы отряд десантников по полевой связи не получил приказ возвратиться. Приказ поступил из Москвы, из Главного управления ПВ, к тому времени поставленного в известность о случившемся.

Уже на следующий день китайцы вынесли протест действиям российской стороны.

«Вот из за таких глупых решений, — заметил тогда 1-й секретарь Крайкома КПСС, — и возникают военные конфликты».

Андропов взял расследование инцидента под свой контроль и наказал многих офицеров. А вот солдат, честно выполнивших приказ комбрига, наградил медалями. Дело прогремело на весь мир — китайцы выступили с заявлением в Совете Безопасности ООН и для пущей наглядности приложили гильзы, оставленные русскими на китайской сто-

роне. Российская сторона принесла извинения, мотивируя свои действия тем, что сбежал вооруженный преступник, и попросила его вернуть. Но, кто же сбежал на самом деле, еще известно не было. И тут помогла та самая интуиция, про которую говорил Питер Райт.

«Нередко мои сны выполняли, если можно так выразиться, служебные функции, помогая находить нестандартные решения в текущих практических делах, — рассказывал начальник Управления КГБ по Приморскому краю Григорьев. В этот раз во сне ему зримо представился доклад подчиненного о том, что из общежития Восточного порта таинственно исчез жилец. — Вслед за этим у меня в воображении возник расплывчатый образ человека с дверным ключом в руках». Утром Григорьев дал приказ найденный на берегу Уссури ключ опробовать в замочной скважине Восточного порта. Оказалось, что перебежчик и исчезнувший рабочий Старчен-

ко — одно и то же лицо. Позже по своим каналам КГБ получило подтверждение, что это именно он ушел в КНР, а впоследствии переехал в США — оттуда он звонил своей сожительнице в Краснодар, что и было зафиксировано органами безопасности.

... Как-то в тайге уже долго и безрезультатно искали китайского нарушителя. По этому случаю даже прибыли кураторы из Москвы. «И тут ко мне подходит местный житель, — вспоминал один из участников поиска, капитан Смирнов. — «Извините, — говорит, — может, вы в это не верите, может вам это покажется и смешным, но у меня теща известная гадалка в селе, как бы ясновидящая. Так вот она уже второй день по-своему, но занимается поиском и говорит, что надо искать в таком-то районе». Выслушал. Покивал. Моему куратору с Лубянки это очень понравилось: «Вот это активная помощь! Еще и гадалки на вас работают!». Задержанного нашли недалеко от указанного гадалкой места. Хотя я в гадания не верю, но факт».

Поэтому интуиция, хорошо это или плохо, всегда играет большую роль...

Последний раз вопрос о перебежчиках встал уже перед самым моментом ликвидации КГБ.

В сентябре 1991 в 8.10 в кабинете начальника разведки Шебаршина зазвонил телефон с надписью «Председатель» (Бакатин):

— Японская газета сообщает, что тысячи партийных функционеров бегут из Советского Союза в Китай через Синьцзян. Немедленно проверьте.

— Думаю это дезинформация. Сейчас она идет потоком...

— Проверяйте немедленно!

Через 10 минут после приказа в резидентуры Пекина и Токио уже были отправлены телеграммы, с требованием проверить и доложить в центр немедленно.

«Задание есть задание, — вспоминал Шебаршин. — За долгую службу приходилось выполнять так

много нелепых заданий, что одним больше, одним меньше — никакой разницы». Запросили пограничников и КГБ Казахстана, Киргизии. Выяснили что наоборот задержано два китайских нарушителя, которых уже отправили обратно.

Вскоре опять зазвонил телефон:

— Что у вас там по перебежчикам?

— Пограничники говорят, что все спокойно...

— Я без вас знаю, что говорят пограничники! Что известно разведке?

— Пока ничего. Как только получу ответы из резидентур, сразу сообщу. Уверен, что имеем дело с дезинформацией.

Вскоре в Токио агент переговорил с автором статьи. Японец ссылался на расплывчатые слухи. Пекинский резидент категорически отрицал прием Китая каких либо перебежчиков. Шебаршин пошел к Бакатину: «Совершенно очевидная дезинформация. Авторы учитывают неустойчивое психологическое состо-

яние новой власти и науськивают ее на коммунистов. Не важно, что выдумка будет разоблачена — сомнения останутся, и в следующий раз на подготовленную почву откуда-то совсем с другой стороны будут брошены новые отравленные семена. Методика нам хорошо известна.»

Информацию японцев было решено проигнорировать. «Совершенно правильное решение, — прокомментировал Шебаршин, — Дезинформация производит меньшее впечатление, если ее просто проигнорировать». А 6 сентября и сами «Известия» опубликовали следующее сообщение: «Вчера мы опубликовали сообщение ТАСС из Токио о массовом бегстве сотрудников КГБ и функционеров КПСС в Китай. Наши корреспонденты провели расследование этой информации и установили, что она не соответствует действительности».

Среди этих «наших корреспондентов» вероятно и находился агент Шебаршина. ■

▲ Шебаршин Л.В.

Е.В. ТАРЛЕ

М. И. КУТУЗОВ — ПОЛКОВОДЕЦ И ДИПЛОМАТ

Анализ громадной, очень сложной исторической фигуры Кутузова иной раз тонет в пестрой массе фактов, рисующих войну 1812 г. в целом. Фигура Кутузова при этом если и не скрадывается вовсе, то иногда бледнеет, черты его как бы расплываются. Кутузов был русским героем, великим патриотом, великим полководцем, что известно всем, и великим дипломатом, что известно далеко не всем.

Выявление громадных личных заслуг Кутузова затруднялось, прежде всего, тем, что долгое время вся война 1812 г., с момента отхода русской армии от Бородина до прихода в Та-

рутино, а затем вплоть до вступления ее в Вильно в декабре 1812 г., не рассматривалась как осуществление глубокого плана Кутузова — плана подготовки, а затем реализации непрерывавшегося контрнаступления, приведшего к полному разложению и конечному уничтожению наполеоновской армии.

Теперь историческая заслуга Кутузова, который против воли царя, против воли даже части своего штаба, отметая клеветнические выпады вмешивавшихся в его дела иностранцев вроде Вильсона, Вольцогена, Винценгероде, провел и осуществил свою идею, вырисовывается особен-

но отчетливо. Ценные новые материалы побудили советских историков, занимающихся 1812 годом, приступить к выявлению своих недочетов и ошибок, пропусков и неточностей, к пересмотру сложившихся прежде мнений о стратегии Кутузова, о значении его контрнаступления, о Тарутине, Малоярославце, Красном, а также о начале заграничного похода 1813 г., о котором у нас знают очень мало, в чем виновна почти вся литература о 1812 годе, в том числе и моя старая книга, где этому походу посвящено лишь очень немного беглых замечаний. Между тем первые четыре месяца 1813 г. немало дают для характеристики стра-

Тарле Евгений Викторович (1875— 1955), русский советский историк, академик АН СССР (1927). В славной плеяде деятелей русской исторической науки как дореволюционного, так и советского периода ее развития одной из наиболее крупных, интересных и сложных фигур, является выдающийся ученый — академик Е. В. Тарле. Неутомимый исследователь, яркий публицист и оратор, замечательный университетский лектор и педагог, он уже в начале своего творческого пути снискал себе большую популярность среди передовой русской интеллигенции, преимущественно среди студенческой молодежи, выступавшей против царского самодержавия. После Великой Октябрьской Социалистической революции, в особенности в те годы, когда над нашей страной нависла угроза фашистской агрессии и далее — в период Великой Отечественной войны Советского Союза и в послевоенный период — его новые труды, проникнутые духом высокого патриотизма, читались и перечитывались в самых широких кругах всего советского народа. Автор множества работ, которые отличает не толь-

ко огромная, не утратившая своего значения и в наши дни научная ценность, но и изысканный литературный стиль и увлекательность изложения. Е. В. Тарле окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1896). В 1903—1917 гг. приват-доцент Петербургского университета, в 1913—1918 одновременно профессор университета в Юрьеве (Тарту). С 1917 г. профессор Петроградского, а затем Ленинградского и Московского университетов. Первые научные труды Тарле посвящены истории средних веков. Под влиянием революции 1905-1907 гг. Тарле в центр своих исследований поставил историю рабочего класса. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В 1913—1916 гг. были опубликованы его работы «Континентальная блокада» (в 2-х томах) и «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I». После Октябрьской революции 1917 г. (смысл которой Тарле понял не сразу) и книге «Европа в эпоху империализма», сделал первую попытку исторически осмыслить предысторию и историю 1-й мировой войны. В 30-е гг. создал ряд трудов по военной истории. В книгах «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» глубоко раскрыл патриотизм русского народа. Накануне и в годы Великой Отечественной войны написал работы о выдающихся русских полководцах и флотоводцах: М. И. Кутузове, Ф. Ф. Ушакове, П. С. Нахимове и др. В 1941—1943 опубликовал двухтомный труд «Крымская война», в котором раскрыл дипломатическую историю войны, её ход и итоги, состояние русской армии. В 1945 опубликовал труд «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769—1774», а в 1949 — «Русский флот и внешняя политика Петра I». Был членом комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Российская академия наук присуждает премию имени Е. В. Тарле за выдающиеся научные работы в области всемирной истории и современного развития международных отношений (Лауреаты премии имени Е. В. Тарле). В 1957-1962 гг. вышло его академическое собрание сочинений в 12 томах. Лауреат Сталинских премий первой степени (1942, 1943, 1946). Награжден 3 орденами Ленина и 2 орденами Трудового Красного Знамени.

тегии Кутузова и показывают, как контрнаступление перешло в прямое наступление с точно поставленной целью уничтожения агрессора и в дальнейшем — низвержения наполеоновской грандиозной хищнической «мировой монархии».

В подготовляемой мною новой книге «Нашествие 1812 года и раз-

гром Наполеона в России» я надеюсь воспользоваться как новыми, так и более обстоятельно некоторыми старыми материалами и, более подробно рассказав о том, что вытекает само собой из новой концепции книги, дать читателю нечто более законченное и правильное, чем удалось дать в старой книге (указанная

книга не была закончена автором, имеются лишь отдельные отрывки. ред.)

Эта новая работа дает мне возможность и возлагает на меня обязанность вновь заняться 1812 годом, исправить, а главное, сильно пополнить работу и попытаться представить советскому читателю историю

гибели наполеоновской армии в свете новых данных.

Я надеюсь со временем, в связи с выходом в свет II тома моей трилогии («Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII—XX веках»), опубликовать очерк о том, как «показан», а точнее, как замаскирован истинный образ великого полководца Кутузова в литературе Западной Европы и Америки. Туда, прежде всего, войдет разбор работ немецких историков, немало потрудившихся над фальсификацией истории 1812 г. вообще, а Кутузова в частности: Ганса Дельбрюка, Йорка фон Вартенбурга, Бернгарди, а особенно сбивших многих с толку своим авторитетом «очевидцев» — Клаузевица и Толя, англичанина Роберта Вильсона, шпионившего за Кутузовым одновременно за счет и в пользу английского посла Кэткарта и императора Александра, Рюстова (он критикует Кутузова в войне 1805 г. и дает ему авансом общую оценку). Рота фон Шрекенштейна («Роль кавалерии в битве под Бородином») и т. д.

Отдельно я даю разбор показаний французских участников и летописцев похода: Коленкура, Сегюра, Жомини, историков Шамбре, Тьера, новейшего автора Луи Мадлена и др., — причем отмечаю, что некоторые из них (например, основоположник «наполеоновской легенды» Адольф Тьер) фантазируют о сражениях 1812 г. больше, чем даже официальные «Бюллетени великой армии», хотя последние дали совсем недостижимые, казалось бы, образцы (вспомним бюллетень о выходе Наполеона из Москвы: «Великая армия, разбив русских, идет в Вильну» и пр.). Англичане (кроме упомянутого памфлета Вильсона) мало писали о 1812 годе и писали чисто фактические очерки, а когда пускались в оценки, то ограничивались краткими голословными презрительными или «снисходительными» отзывами. В частности, о Кутузове и его стратегии они вообще никакого представления не имеют. В последнее время стали появляться и американские работы, которыми я и заканчиваю в подготовляемой статье свой обзор

«сказаний иностранцев о 1812 годе», как можно было бы по-старинному назвать подавляющее большинство этих иногда прямо диковинных повествований.

В громадной новой (1946-го и последующих годов) «Британской энциклопедии» читаем о Кутузове следующее: «Он дал сражение при Бородине и потерпел поражение, но не решительное». А дальше: «Осторожное преследование противника старым генералом вызвало много критики». Вот и все. Эта оценка, особенно ее лаконизм, живо напоминает классические полторы строки о Суворове в одном из прежних изданий Малого Энциклопедического словаря Лярусса: «Суворов, Александр. 1730—1800. Русский генерал, разбитый генералом Массена». Когда и где? Об этом осторожно не упоминается по весьма понятной причине. Это — все, что французам полагается знать об Александре Суворове. Не менее обстоятельно сказано и о Кутузове: «Кутузов, Миха-

ил, русский генерал, побежденный при Москве. 1745—1813». Вот и все. К этому следует прибавить и примечательный отзыв о Кутузове, принадлежащий акад. Луи Мадлену, написавшему в 1934 г. во вступительной статье к изданию писем Наполеона к Марии-Луизе, что после Бородине Кутузов «имел бесстыдство (eut impudence) не считать себя побежденным».

Следует отметить одно очень любопытное наблюдение. Иностранцы, пишущие о 1812 годе в России, меньше и реже пускают в ход метод опорочивания, злой и недобросовестной критики, чем метод полного замалчивания. Приведу типичный случай. Берем четвертомную новейшую «Историю военного искусства в рамках политической истории», написанную проф. Гансом Дельбрюком. Раскрываем четвертый, увесистый, посвященный Наполеону. Ищем в очень хорошо составленном указателе фамилию

Кутузова, но не находим ее вовсе. О 1812 годе на стр. 386 читаем: «Настоящую проблему наполеоновской стратегии представляет кампания 1812 г. Наполеон разбил русских под Бородином, взял Москву, был вынужден отступить и во время отступления потерял почти всю свою армию». Оказывается, будь на месте Наполеона тайный советник проф. Г. Дельбрюк, России пришел бы конец: «Не лучше ли поступил бы Наполеон, если бы в 1812 г. он обратился к стратегии измора и повел бы войну по методу Фридриха?»

И, собственно, больше ничего о 1812 годе не говорится, а Кутузов даже не упомянут. Но обо всем этом будет сказано более подробно в особом очерке. Там же я коснусь как старой русской литературы, так и советской, вышедшей в самое последнее время (в 1950—1951 гг.).

В 1948 г. я приступил к работе над значительной, очень своевременной темой «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII—XX веках». Первый том этой работы посвящен

шведскому нашествию и разгрому Карла XII, второй том, над которым я работаю в настоящее время, — нашествию 1812 г. и разгрому Наполеона в России, третий том будет посвящен нашествию и разгрому немецко-фашистских войск и полному разгрому гитлеровской Германии.

В этой общей связи я и рассматриваю сейчас нашествие 1812 г. В моей новой книге о 1812 годе я подробно анализирую то, что дают документы о боях под Тарутином, Малоярославцем, Красным, и пытаюсь выяснить, какое место они занимают в той цепи активных (и победоносных) военных действий, какой является от начала до конца контрнаступление Кутузова.

Отмечу некоторые моменты, на иболее существенно отличающие подготавливаемую мною книгу от той, которая писалась в 1937 г. и была впервые издана в 1938 г. Во-первых, гораздо более обстоятельно будет показано разорение и сожжение французами Смоленска и общий жестокий характер наше-

ствия как до Смоленска, так и особенно от Смоленска до Бородина, от Бородина до Москвы, от Москвы до Вязьмы, беспощадное, истинно варварское разорение, причиненное агрессором, грабившим, опустошавшим, сжигавшим города, села, деревни на всей постепенно занимаемой им территории.

Во-вторых, деятельность Кутузова будет показана в тесной связи с его общей программой нанесения основного тяжелого удара неприятельской армии на путях к Москве. После Бородина и отступления к Москве и за Москву, к Тарутину, Кутузов поставил целью воссоздание регулярной военной силы, необходимой для начала систематического и непрерывного контрнаступления. Тут будет рассмотрена организаторская деятельность Кутузова и его штаба в Тарутине (что не было сделано в старой книге); наконец, будет дан анализ сражений под Тарутином, Малоярославцем, Вязьмой, Красным, Березиной и выявлено их значение как последовательных звеньев осу-

▲ Сражение по Вязьмой

▲ Суворов А.В.

ществления развивавшегося кутузовского плана контрнаступления, реализация которого и привела к уничтожающему разгрому армии агрессора. При описании партизанской войны в новой книге будет подробно показано, что партизанские действия были лишь большой, очень существенной поддержкой действий регулярной армии, но все не главным средством и орудием, сокрушившим неприятеля, потому что решающая роль принадлежала регулярной армии, — другими словами, будет исправлена неточность, а потому и ошибочность формулировки, данной в старой книге, в главе о «народной войне».

Гораздо больше места будет уделено характеристике стратегии и тактики Кутузова в течение всей войны и в ходе отдельных боевых столкновений, что не было сделано в должной степени в старой книге. Новая книга, которая по размерам будет почти вдвое больше старой, даст читателю более обширный материал и вообще облегчит автору исправление замеченных неточностей, недочетов и неполноты в изложении. Особая большая глава будет посвящена походу 1813 г. до момента смерти Кутузова, о чем у меня в старой книге сказано совсем бегло, а у большинства авторов научно-популярных книг о 1812 годе,

замечу кстати, вообще ровно ничего не сказано.

В новой книге историческая роль Кутузова будет выявлена и охарактеризована по возможности полно. При той концепции планов и действий Кутузова, которую подсказывают и вполне подтверждают документы, совершенно немислимо продолжать поддерживать теорию «золотого моста», которая долго всерьез приписывалась Кутузову со слов враждебного к нему английского бригадира Вильсона. Конечно, этой ошибке не будет места в труде, связывающем Бородино и контрнаступление общей мыслью главнокомандующего о полном уничтожении армии агрессора в России. Изображать контрнаступление в отрыве от Бородина — это значит впадать в глубокую ошибку. В действительности именно Бородино, а затем Тарутино сделали возможным переход в контрнаступление и полный успех глубокого замысла Кутузова.

Наконец, хотя и в старом издании я решительно нигде не приписываю ни голоду, ни морозу значения факторов, определивших исход гигантской борьбы, а говорю лишь о роли этих факторов в деле ускорения гибели французов, но ясно, что если у некоторых читателей могло возникнуть подобное недоразумение, — значит, необходимо будет более точно и подробно изложить свою мысль. Я формулирую ее теперь так: стратегия Кутузова привела к Бородину и создала затем глубоко задуманное и необычайно оперативно проведенное контрнаступление, «загубившее Наполеона». А геройское поведение регулярной армии при всех боевых схватках с неприятелем, деятельная помощь партизан, народный характер всей войны, глубоко проникшее в народ сознание полной справедливости этой войны — все это, в свою очередь, послужило несокрушимым оплотом для возникновения, развития и победоносного завершения гениальной стратегической комбинации Кутузова.

В предлагаемой статье я хочу поделиться с читателем тем, как мне представляется сейчас не только

роль Кутузова в Отечественной войне 1812 г., но и главные этапы всего его жизненного пути до принесшего ему бессмертие 1812 года. Это самая краткая схема того, что будет дано в большой работе.

Ум и воинская доблесть Кутузова были признаны и товарищами и начальством уже в первые годы его военной службы, которую он начал 19 лет. Он воевал в войсках Румянцева, под Ларгой, под Кагулом, и тогда уже своей неслыханной храбростью заставил о себе говорить. Он первым бросался в атаку и последним прекращал преследование неприятеля. В конце первой турецкой войны он был опасно ранен и лишь каким-то чудом (так считали и русские и немецкие врачи, лечившие его) отделался только потерей глаза. Екатерина велела отправить его за казенный счет для лечения за границу. Эта довольно длительная поездка сыграла свою роль в его жизни. Кутузов с жадностью набросился на чтение и очень пополнил свое образование. Вернувшись в Россию, он явился к императрице благодарить ее. И тут Екатерина дала ему необычайно подходившее к его природным способностям поручение: она отправила его в Крым в помощь Суворову, который исполнял тогда не очень свойственное ему дело: вел дипломатические переговоры с крымскими татарами.

Нужно было поддержать Шагин-Тирея против Девлет-Гирея и дипломатически довершить утверждение русского владычества в Крыму. Суворов, откровенно говоривший, что он дипломатией заниматься не любит, сейчас же предоставил Кутузову все эти щекотливые политические дела, которые тот выполнил в совершенстве. Тут впервые Кутузов обнаружил такое умение обходиться с людьми, разгадывать их намерения, бороться против интриг противника, не доводя спора до кровавой развязки; и, главное, достигать полного успеха, оставаясь с противником лично в самых «дружелюбных» отношениях, что Суворов был от него в восторге.

В течение нескольких лет, вплоть до присоединения Крыма и конца происходивших там волнений, Кутузов был причастен к политическому освоению Крыма. Соединение в Кутузове безудержной, часто просто безумной храбрости с качествами осторожного, сдержанного, внешне обаятельного, тонкого дипломата было замечено Екатериной. Когда она в 1787 г. была в Крыму, Кутузов — тогда уже генерал — показал ей такие опыты верховой езды, что императрица публично сделала ему суровый выговор: «Вы должны беречь себя, запрещаю вам ездить на бешеных лошадях и никогда вам не прощу, если услышу, что вы не исполняете моего приказания».

Но выговор подействовал мало. 18 августа 1788 г. под Очаковым Кутузов, помчавшийся на неприятеля, опередил своих солдат. Австрийский генерал, принц де Линь, известил об этом императора Иосифа в таких выражениях: «Вчера опять прострелили голову Кутузову. Думаю, что сегодня или завтра умрет». Рана была страшная и, главное, почти в том же месте, где и в первый раз, но Кутузов снова избежал смерти. Едва оправившись, через три с половиной месяца Кутузов уже участвовал в штурме и взятии Очакова и не пропустил ни одного большого боя в 1789—1790 гг. Конечно, он принял непосредственное личное участие и в штурме Измаила. Под Измаилом Кутузов командовал шестой колонной левого крыла штурмующей армии. Преодолев «весь жестокий огонь картечных и ружейных выстрелов», эта колонна, «скоро спустясь в ров, взошла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела бастионом; достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем». Приняв участие в этом рукопашном бою, Кутузов вызвал из резервов Херсонский полк, отбил неприятеля, и его колонна с двумя другими, за ней последовавшими, «положили основание победы».

▲ Штурм Измаила

Суворов так кончает донесение о Кутузове: «Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов показал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов». В своем донесении Суворов не сообщает о том, что когда Кутузов остановился и был тесним турками, то он по слал просить у главнокомандующего подкреплений, а тот никаких подкреплений не прислал, но велел объявить Кутузову, что назначает его комендантом Измаила. Главнокомандующий знал наперед, что Кутузов и без подкреплений ворвется со своей колонной в город.

После Измаила Кутузов участвовал с отличием и в польской войне. Ему уже было в то время около 50 лет. Однако ни разу ему не давали вполне самостоятельного поста, где бы он в самом деле мог полностью показать свои силы. Екатерина, впрочем, уже не упускала Кутузова из виду, и 25 октября 1792 г. он неожиданно был назначен посланником в Константинополь. По дороге в Константинополь, умышленно не очень спеша прибыть к месту назначения, Кутузов зорко наблюдал турецкое наследие, собирал различные справки о народе и усмотрел в нем вовсе не воинственность, которой пугали турецкие власти, а, «напротив, теплое желание к миру».

26 сентября 1793 г., то есть через 11 месяцев после рескрипта 25 октября 1792 г. о назначении его посланником, Кутузов въехал в Константинополь. В звании посланника Кутузов пробыл до указа Екатерины от 30 ноября 1793 г. о передаче всех дел посольства новому посланнику, В. П. Кочубею. Фактически Кутузов покинул Константинополь только в марте 1794 г. Задачи его дипломатической миссии в Константинополе были ограничены, но нелегки. Необходимо было предупредить заключение союза между Францией

▲ Павел Петрович

и Турцией и устранить этим опасность проникновения французского флота в Черное море. Одновременно нужно было собрать сведения о славянских и греческих подданных Турции, а главное, обеспечить сохранение мира с турками. Все эти цели были достигнуты в течение его фактического пребывания в турецкой столице (от сентября 1793 г. до марта 1794 г.).

После константинопольской миссии наступил некоторый перерыв в военной карьере и дипломатической деятельности Кутузова. Он побывал на ответственных должностях: был казанским и вятским генерал-губернатором, командующим сухопутными войсками, командующим флотилией в Финляндии, а в 1798 г. ездил в Берлин в помощь князю Репнину, который был послан ликвидировать или хотя бы ослабить опасные для России последствия сепаратного мира Пруссии с Францией. Он, собравшись, сделал за Репнина всю тре-

бовавшуюся дипломатическую работу и достиг некоторых немаловажных результатов: союза с Францией Пруссия не заключила.

Павел так ему доверял, что 14 декабря 1800 г. назначил его на важный пост: Кутузов должен был командовать украинской, брестской и днепровской «инспекциями» в случае войны против Австрии. Но Павла не стало; при Александре политическое положение постепенно стало меняться, и столь же значительно изменилось служебное положение Кутузова. Александр, сначала назначивший Кутузова петербургским военным губернатором, вдруг совершенно неожиданно 29 августа 1802 г. уволил его от этой должности, и Кутузов 3 года просидел в деревне, вдали от дел. Заметим, что царь невзлюбил его уже тогда, вопреки ложному взгляду, будто опала постигла Кутузова только после Аустерлица. Но, как увидим, в карьере Кутузова

при Александре I в довольно правильном порядке чередовались опалы, когда Кутузова отстраняли от дел или давали ему иногда все же значительные гражданские должности, а затем столь же неожиданно призывали на самый высокий военный пост. Александр мог не любить Кутузова, но он нуждался в уме и таланте Кутузова и в его репутации в армии, где его считали прямым наследником Суворова.

В 1805 г. началась война третьей коалиции против Наполеона, и в деревню к Кутузову был послан экстренный курьер от царя. Кутузову предложили быть главнокомандующим на решающем участке фронта против французской армии, состоявшей под начальством самого Наполеона.

Если из всех веденных Кутузовым войн была война, которая могла бы назваться ярким образчиком преступного вмешательства двух коронованных бездарностей в распоряжения высокоталантливого стратега, вмешательства бесцеремонного, настойчивого и предельно вредоносного, то это была война 1805 г., война третьей коалиции против Наполеона, которую Александр I и Франц I, совершенно не считаясь с прямыми указаниями и планами Кутузова, позорно проиграли. Молниеносным маневром окружив и взяв в плен в Ульме едва ли не лучшую армию, когда-либо имевшуюся до той поры у австрийцев, Наполеон тотчас же приступил к действиям против Кутузова. Кутузов знал (и доносил Александру), что у Наполеона после Ульма руки совершенно свободны и что у него втрое больше войск. Единственным средством избежать ульмской катастрофы было поспешно уйти на восток, к Вене, а если понадобится, то и за Вену. Но, по мнению Франца, к которому всецело присоединился Александр, Кутузов со своими солдатами должен был любой ценой защищать Вену. К счастью, Кутузов не исполнял бессмысленных и губительных советов, если только ему представлялась эта возможность, т.е. если отсутствовал в данный момент высочайший советник.

Кутузов вышел из отчаянного положения. Во-первых, он, совершенно неожиданно для Наполеона, оказал наступающей армии крутой отпор: разбил передовой корпус Наполеона при Амштеттене, и пока маршал Мортье оправлялся, стал на его пути у Кремса и здесь уже нанес Мортье очень сильный удар. Наполеон, находясь на другом берегу Дуная, не успел оказать помощь Мортье. Поражение французов было полным. Но опасность не миновала. Наполеон без боя взял Вену и вновь погнался за Кутузовым. Никогда русская армия не была так близка к опасности подвергнуться разгрому или капитуляции, как в этот момент. Но русскими командовал не ульмский Макк, а измаильский Кутузов, под командованием которого находился измаильский Багратион. За Ку-

тузовым гнался Мюрат, которому нужно было каким угодно способом задержать, хоть на самое короткое время, русских, чтобы они не успели присоединиться к стоявшей в Ольмюце русской армии. Мюрат затеял мнимые переговоры о мире.

Но мало быть лихим кавалерийским генералом и рубакой, чтобы обмануть Кутузова. Кутузов с первого же момента разгадал хитрость Мюрата и, сейчас же согласившись на «переговоры», сам еще более ускорил движение своей армии к востоку, на Ольмюц. Кутузов, конечно, понимал, что через день-другой французы догадаются, что никаких переговоров нет и не будет, и нападут на русских. Но он знал, кому он поручил тяжкое дело служить заслоном от напавшей французской армии. Между Голлабруном

▲ Мюрат

▲ Багратион П.И.

и Шенграбеном уже стоял Багратион. У Багратиона был корпус в 6 тысяч человек, у Мюрата — в четыре, если не в пять раз больше, и Багратион целый день задерживал яростно дравшегося неприятеля, и хотя положил немало своих, но и немало французов, и ушел, не тревожимый ими. Кутузов за это время отошел уже к Ольмюцу, за ним поспел туда же и Багратион.

Вот тут-то в полной мере и выявились преступная игра против Кутузова и истинно вредительская роль Александра и другого божьей милостью произведшего себя в полководцы монарха—Франца.

Ни в чем так ярко не сказывалась богатейшая и разносторонняя одаренность Кутузова, как в умении не только ясно разбираться в общей политической обстановке, в которой ему приходилось вести войну, но и подчинять общей политической цели все иные стратегические и тактические соображения. В этом

была не слабость Кутузова, которую в нем хотели видеть как открытые враги, так и жалившие в пяту тайные завистники. В этом была, напротив, его могучая сила.

Достаточно вспомнить именно эту трагедию 1805 г. — аустерлицкую кампанию. Ведь когда открылись военные действия и когда, несмотря на все ласковые уговоры, а затем и довольно прозрачные угрозы, несмотря на всю пошлую комедию клятвы в вечной русско-прусской дружбе над гробом Фридриха Великого, так часто и так больно битого русскими войсками, Фридрих-Вильгельм III все-таки отказался вступить немедленно в коалицию, то Александр I и его тогдашний министр Адам Чарторыйский, и тупоумный от рождения Франц I посмотрели на это как на несколько досадную дипломатическую неудачу, но и только. А Кутузов, как это тотчас же вполне выяснилось по всем его действиям, усмотрел

в этом угрозу проигрыша всей кампании. Он тогда знал и высказывал это неоднократно, что без немедленного присоединения прусской армии к коалиции союзникам осталась единственный разумный выход: отступить в Рудные горы, перезимовать там в безопасности и затянуть войну, т.е. сделать именно то, чего боялся Наполеон.

При возобновлении военных действий весной обстоятельства могли либо остаться без существенных перемен, либо стать лучше, если бы за это время Пруссия решилась наконец покончить с колебаниями и войти в коалицию. Но уж, во всяком случае, решение Кутузова было предпочтительней, чем решение отважиться немедленно идти на Наполеона, что означало бы идти почти на верную катастрофу. Дипломатическая чуткость Кутузова заставляла его верить, что при затяжке войны Пруссия может наконец сообразить, насколько ей выгоднее вступить в ко-

алицию, чем сохранять гибельный для нее нейтралитет.

Почему же все-таки сражение было дано, несмотря на все увещания Кутузова? Да прежде всего потому, что оппоненты Кутузова на военных совещаниях в Ольмюце — Александр I, фаворит царя, самонадеянный вертопрах Петр Долгоруков, бездарный военный австрийский теоретик Вейротер — страдали той опаснейшей болезнью, которая называется недооценкой сил и способностей противника. Наполеон в течение нескольких дней в конце ноября 1805 г. выбивался из сил, чтобы внушить союзникам впечатление, будто он имеет истощенную в предшествующих боях армию и поэтому оробел и всячески избегает решающего столкновения. Вейротер глубококомысленно изрекал, что нужно делать то, что противник считает нежелательным. А посему, получив столь авторитетную поддержку от представителя западноевропейской военной науки, Александр уже

окончательно уверовал, что здесь, на Моравских полях, ему суждено пожать свои первые военные лавры. Один только Кутузов не соглашался с этими фанфарами и разъяснял им, что Наполеон явно ломает комедию, что он нисколько не трусит и если в самом деле чего-нибудь боится, то только отступления союзной армии в горы и затяжки войны.

Но усилия Кутузова удержать союзную армию от сражения не помогли. Сражение было дано, и последовал полный разгром союзной армии под Аустерлицем 2 декабря 1805 г.

Именно после Аустерлица ненависть Александра I к Кутузову неизмеримо возросла. Царь не мог не понимать, конечно, что все страшные усилия как его самого, так и окружавших его придворных прихлебателей свалить вину за поражение на Кутузова остаются тщетными, потому что Кутузов нисколько не расположен был принимать на себя тяжкий грех и вину

за бесполезную гибель тысяч людей и ужасающее поражение. А русские после Суворова к поражениям не привыкли. Но вместе с тем подле царя не было ни одного военного человека, который мог бы сравниться с Кутузовым своим умом и стратегическим талантом. Не было прежде всего человека с таким громадным и прочным авторитетом в армии, как Кутузов.

Разумеется, современники понимали — и это не могло не быть особенно неприятно Александру I, — что и без того большой военный престиж Кутузова еще возрос после Аустерлица, потому что решительно всем и в России и в Европе, сколько-нибудь интересовавшимся происходившей дипломатической и военной борьбой коалиции против Наполеона, было совершенно точно известно, что аустерлицкая катастрофа произошла исключительно оттого, что возобладали нелепый план Вейротера и что Александр преступно пренебрег советами Кутузова, не по-

▲ Аустерлиц 1805 г.

считаться с которыми он не имел никакого права, не только морального, но и формального, потому что официальным главнокомандующим союзной армии в роковую аустерлицкую годину был именно Кутузов. Но, конечно, австрийцы были более всех виновны в катастрофе. После Аустерлица Кутузов был в полной опале, и только чтобы неприятель не мог усмотреть в этой опале признания поражения, бывший главнокомандующий был все-таки назначен (в октябре 1806 г.) киевским военным губернатором. Друзья Кутузова были оскорблены за него. Это им казалось хуже полной отставки.

Но недолго пришлось ему губернаторствовать. В 1806—1807 гг. во время очень тяжелой войны с Наполеоном, когда после полного разгрома Пруссии Наполеон одержал победу под Фридландом и добился невыгодного для России Тильзитского мира, Александр на горьком опыте убедился, что без Кутузова ему не обойтись. И Кутузова, забытого во время войны 1806—1807 гг. с французами, вызвали из Киева, чтобы он поправил дела в другой войне, которую Россия продолжала вести и после Тильзита, — в войне против Турции.

Начавшаяся еще в 1806 г. война России против Турции оказалась войной трудной и мало успешной. За это время России пришлось пережить тяжелое положение, создавшееся в 1806 г. после Аустерлица, когда Россия не заключила мира с Наполеоном и осталась без союзников, а затем в конце 1806 г. опять должна была начать военные действия, ознаменовавшиеся большими битвами (Пултуск, Прейсиш-Эйлау, Фридланд) и кончившиеся Тильзитом. Турки мира не заключали, надеясь на открытую, а после Тильзита на тайную помощь новоявленного «союзника» России — Наполеона.

Положение было сложное. Главнокомандующий Дунайской армией Прозоровский решительно ничего не мог поделать и с беспокойством ждал с начала весны наступления турок. Война с Турцией затягивалась, и, как всегда в затруднительных случа-

ях, обратились за помощью к Кутузову, и он из киевского губернатора превратился в помощника главнокомандующего Дунайской армией, а фактически в преемника Прозоровского. В Яссах весной 1808 г. Кутузов встретился с посланником Наполеона генералом Себастиани, ехавшим в Константинополь. Кутузов очаровал французского генерала и, опираясь на «союзные» тогдашние отношения России и Франции, успел получить подтверждение серьезнейшей дипломатической тайны, которая, впрочем, для Кутузова не была новостью, — что Наполеон ведет в Константинополе двойную игру и вопреки тильзитским обещаниям, данным России, не оставит Турцию без помощи.

Кутузов очень скоро поссорился с Прозоровским, бездарным полководцем, который вопреки советам Кутузова дал большой бой с целью овладеть Браиловом и проиграл его. После этого обозленный не на себя,

а на Кутузова Прозоровский постарался отделаться от Кутузова, и Александр, всегда с полной готовностью внимавший всякой клевете на Кутузова, удалил его с Дуная и назначил литовским военным губернатором. Характерно, что, прощаясь с Кутузовым, солдаты плакали.

Но они простились с ним сравнительно ненадолго. Неудачи на Дунае продолжались, и снова пришлось просить Кутузова поправить дело. 15 марта 1811 г. Кутузов был назначен главнокомандующим Дунайской армией. Положение было трудное, вконец испорченное его непосредственным предшественником, графом Н. М. Каменским, который оказался еще хуже смещенного перед этим Прозоровского.

Военные критики, писавшие историю войны на Дунае, единогласно сходятся на том, что яркий стратегический талант Кутузова именно в этой кампании развернулся во всю ширь. У него было меньше 46 тысяч

человек, у турок — больше 70 тысяч. Долго и старательно готовился Кутузов к нападению на главные силы турок. Он должен был при этом учитывать изменившееся положение в Европе. Наполеон уже не был только ненадежным союзником, каким он был в 1808 г. Теперь, в 1811 г. это уже определенно был враг, готовый не сегодня-завтра сбросить маску. После долгих приготовлений и переговоров, искусно веденных с целью выиграть время, Кутузов 22 июня 1811 г. нанес турецкому визирю снова под Рущуком тяжкое поражение. Положение русских войск стало лучше, но все-таки продолжало оставаться еще критическим. Турки, подстрекаемые французским посланником Себастиани, намеревались воевать и воевать. Только мир с Турцией мог освободить Дунайскую армию для предстоявшей войны с Наполеоном, а после умышленно грубой сцены, устроенной Наполеоном послу Куракину 15 августа 1811 г., уже никаких сомнений в близости войны ни у кого в Европе не оставалось.

И вот тут-то Кутузову удалось то, что при подобных условиях никогда и никому не удавалось и что, безусловно, ставит Кутузова в первый ряд людей, прославленных в истории дипломатического искусства. На протяжении всей истории императорской России, безусловно, не было дипломата более талантливого, чем Кутузов. То, что сделал Кутузов весной 1812 г. после долгих и труднейших переговоров, было бы не под силу даже наиболее выдающемуся профессиональному дипломату, вроде, например, А. М. Горчакова, не говоря уже об Александре I, дипломате-дилетанте. «Теперь коллежский он ассессор по части иностранных дел» — таким скромным чином наградил царя А. С. Пушкин.

Наполеон располагал в Турции хорошо поставленным дипломатическим и военным шпионажем и тратил на эту организацию большие суммы. Он не раз высказывал мнение, что когда нанимаешь хорошего шпиона, то нечего с ним торговаться о вознаграждении. У Кутузова в Молдавии в этом отношении в распоряжении

не было ничего, что можно было бы серьезно сравнивать со средствами, отпускавшимися Наполеоном на это дело. Однако точные факты говорят о том, что Кутузов гораздо лучше, чем Наполеон, знал обстановку, в которой ему приходилось воевать на Дунае. Никогда не совершал Кутузов таких поистине чудовищных ошибок в своих расчетах, какие делал французский император, который совершенно серьезно надеялся на то, что стотысячная армия турок (!) не только победоносно отбросит Кутузова от Дуная, от Днестра, от верховьев Днепра, но и приблизится к Западной Двине и здесь вступит в состав его армии. Документов от военных осведомителей поступало в распоряжение Кутузова гораздо меньше, чем их поступало в распоряжение Наполеона, но читать-то их и разбираться в них Кутузов умел гораздо лучше.

За 5 лет, прошедших от начала русско-турецкой войны, несмотря на частичные успехи русских, принудить турок к миру все-таки не удалось. Но то, что не удалось всем его предшественникам, начиная от Михельсона и кончая Каменским, удалось Кутузову.

Его план был таков. Война будет кончена и может быть кончена, но только после полной победы над большой армией великого «верховного» визиря. У визиря Ахмет-бея было около 75 тысяч человек: в Шумле — 50 тысяч и близ Софии — 25 тысяч; у Кутузова в молдавской армии — немногим более 46 тысяч человек. Турки начали переговоры, но Кутузов понимал очень хорошо, что дело идет лишь об оттяжке военных действий. Шантажируя Кутузова, визирь и Гамид-эффенди очень рассчитывали на уступчивость русских ввиду близости войны России с Наполеоном и требовали, чтобы границей между Россией и Турцией была река Днестр. Ответом Кутузова был, как сказано, большой бой под Рущуком, увенчанный полной победой русских войск 22 июня 1811 г. Вслед за тем Кутузов приказал, покидая Рущук, взорвать укрепления. Но турки еще продолжали войну. Кутузов

умышленно позволил им переправиться через Дунай. «Пусть переправляются, только перешло бы их на наш берег поболее», — сказал Кутузов, по свидетельству его сподвижников и затем историка Михайловского-Данилевского. Кутузов осадил лагерь визиря, и осажденные, узнав, что русские пока, не снимая осады, взяли Туртукай и Силистрию (10 и 11 октября), сообразили, что им грозит полное истребление, если они не сдадутся. Визирь тайком бежал из своего лагеря и начал переговоры. А 26 ноября 1811 г. остатки умирающей от голода турецкой армии сдались русским.

Наполеон не знал меры своему негодованию. «Поймите вы этих собак, этих болванов турок! У них есть дарование быть битыми. Кто мог ожидать и предвидеть такие глупости?» — так кричал вне себя французский император. Он не предвидел тогда, что пройдет всего несколько месяцев, и тот же Кутузов истребит «великую армию», которая будет состоять под водительством кое-кого посильнее великого визиря...

И тотчас же, выполнив с полной программой, Кутузов-дипломат довершил дело, начатое Кутузовым-полководцем.

Переговоры, открывшиеся в середине октября, как и следовало ожидать, непомерно затянулись. Ведь именно возможно большая затяжка переговоров о мире и была главным шансом турок на смягчение русских условий. Наполеон делал решительно все от него зависящее, чтобы убедить султана не подписывать мирных условий, потому что не сегодня-завтра французы нагрянут на Россию и русские пойдут на все уступки, лишь бы освободить молдавскую армию. Прошел октябрь, ноябрь, декабрь, а мирные переговоры оставались на точке замерзания. Турки предлагали в качестве русско-турецкой границы уже, правда, не Днестр, а Прут, но Кутузов и об этом не желал слышать.

Из Петербурга шли проекты произвести демонстрацию против Константинополя, и 16 февраля 1812 г. Александр даже подписал

▲ Александр I

рескрипт Кутузову о том, что, по его мнению, следует «произвести сильный удар под стенами Царяграда совокупно морскими и сухопутными силами». Из этого проекта, впрочем, ничего не вышло. Кутузов считал более реальным тревожить турок небольшими сухопутными экспедициями.

Наступила весна, которая осложнила положение. Во-первых, вспыхнула местами в Турции чума, а во-вторых, наполеоновские армии стали постепенно уже проходить на территорию между Одером и Вислой. Царь уже шел на то, чтобы согласиться признать Прут границей, но требовал, чтобы Кутузов настоял на подписании союзного договора между Турцией и Россией. Кутузов знал, что на это турки не пойдут, но он убедил турецких уполномоченных, что для Турции наступил момент, когда

решается для них вопрос жизни или смерти: если турки не подпишут немедленно мира с Россией, то Наполеон в случае его успехов в России все равно обратится против Турецкой империи и при заключении мира с Александром получит от России согласие на занятие Турции. Если же Наполеон предложит России примирение, то, естественно, Турция будет разделена между Россией и Францией. На турок эта аргументация очень сильно подействовала, и они уже соглашались признать границей Прут до слияния его с Дунаем и чтобы дальше граница шла по левому берегу Дуная до впадения в Черное море. Однако Кутузов решил до конца использовать настроение турок и потребовал, чтобы турки уступили России на вечные времена Бессарабию с крепостями Измаилом, Бендерами, Хотинном, Килией и Аккер-

маном. В Азии границы оставались, как были до войны, но по секретной статье Россия удерживала все закавказские земли, добровольно к ней присоединившиеся, а также полосу побережья в 40 километров. Таким образом, замечательный дипломат, каким всегда был Кутузов, не только освобождал молдавскую армию для предстоящей войны с Наполеоном, но и приобретал для России обширную и богатую территорию.

Кутузов пустил в ход все усилия своего громадного ума и дипломатической тонкости. Ему удалось уверить турок, что война между Наполеоном и Россией вовсе еще окончательно не решена, но что если Турция вовремя не примирится с Россией, то Наполеон опять возобновит с Александром дружеские отношения, и тогда оба императора разделят Турцию пополам.

И то, что впоследствии в Европе определяли как дипломатический «парадокс», свершилось. 16 мая 1812 г., после длившихся долгие месяцы переговоров, мир в Бухаресте был заключен: Россия не только освобождала для войны против Наполеона всю свою Дунайскую армию, но сверх того она получала от Турции в вечное владение всю Бессарабию. Но и это не все: Россия фактически получала почти весь морской берег от устьев Риона до Анапы.

Узнав о том, что турки 16(28) мая 1812 г. подписали в Бухаресте мирный договор. Наполеон окончательно истощил словарь французских ругательств. Он понять не мог, как удалось Кутузову склонить султана на такой неслыханно выгодный для русских мир в самый опасный для России момент, когда именно им, а не туркам, было совершенно необходимо спешить с окончанием войны.

Таков был первый по времени удар, который нанес Наполеону Кутузов-дипломат почти за три с половиной месяца до того, как ему на Бородинском поле нанес второй удар Кутузов-стратег.

Одна из наиболее укоренившихся исторических фальсификаций, созданных французской историо-

графией, начиная с 20-томной истории Консульства и Империи Тьера и кончая 14-томной историей Луи Мадлена, выходящей в последние годы и еще не оконченной в 1951 г., заключается в утверждении, что еще в 1810 и даже в 1811 г. мир между Россией и Францией мог бы быть сохранен, если бы Александр воздержался от протеста по поводу захвата Наполеоном герцогства Ольденбургского и если бы он дал требуемые заверения касательно точного соблюдения континентальной блокады. Эту фальсификацию могут принять лишь те, кто, подобно французским шовинистически настроенным историкам и следующим за ними немецким, итальянским, английским и американским авторам, абсолютно не желает видеть бросающуюся в глаза действительность. А действительность заключается в том, что наполеоновская прямая политическая агрессия против России, в сущности, началась значительно ранее 12(24) июня 1812 г., когда император дал знак о переходе своего авангарда по мостам через Неман на восточный берег реки.

С 1810 г. под разными предложениями и вовсе без всяких предлогов, не давая никому никаких объяснений и только сообщая запуганной Европе о случившемся факте. Наполеон присоединял одну за другой территории, отделявшие громадную Французскую империю от русской границы. Сегодня ганзейские города Гамбург, Бремен и Любек с их территориями; завтра немецкие земли к северо-востоку от захваченного ранее королевства Вестфальского; послезавтра герцогство Ольденбургское. Формы и предлоги захвата были разные, но с точки зрения очевидной и прямой угрозы для безопасности России реальный результат был один: французская армия неуклонно подвигалась к русской границе. Низвергались государства, захватывались укрепления, ликвидировались водные преграды — за Рейном Эльба, за Эльбой Одер, за Одером Висла.

Впоследствии князь Вяземский, вспоминая об этом времени, говорил, что тот, кто не жил в эти годы

невозбранного владычества Наполеона над Европой, не мог вполне представить, как трудно и тревожно жилось в России в те годы, о которых друг его, А. С. Пушкин, писал: «Гроза двенадцатого года еще спала, еще Наполеон не испытал великого народа, еще грозил и колебался он».

Кутузов яснее, чем кто-либо, представлял себе опасность, угрожавшую русскому народу. И когда ему пришлось в это критическое, предгрозовое время вести войну на Дунае, высокий талант стратега позволил ему последовательно разрешать один за другим те вопросы, перед которыми в течение 6 лет становились в тупик все его предшественники, а широта его политического кругозора охватывала не только Дунай, но и Неман, и Вислу, и Днестр. Он распознал не только вполне уже выясненного врага — Наполеона, но и не вполне еще выяснившихся «друзей», вроде Франца австрийского, короля прусского Фридриха-Вильгельма III, лорда Ливерпуля и Кэстльри.

Впоследствии Наполеон говорил, что если бы он предвидел, как поведут себя турки в Бухаресте и шведы в Стокгольме, то он не выступил бы против России в 1812 г. Но теперь было поздно каяться.

Война грянула. Неприятель вошел в Смоленск и двинулся оттуда прямо на Москву. Волнение в народе, беспокорство и раздражение в дворянстве, нелепое поведение потерявшей голову Марии Федоровны и царедворцев, бредивших эвакуацией Петербурга, — все это в течение первых дней августа 1812 г. сеяло тревогу, которая возрастала все больше и больше. Отовсюду шел один и тот же неслышимый крик: «Кутузова!»

«Оправдываясь» перед своей семьей, Екатериной Павловной, которая точно так же не понимала Кутузова, не любила и не ценила его, как и ее брат, Александр писал, что он «противился» назначению Кутузова, но вынужден был уступить напору общественного мнения и «остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас»...

О том, что творилось в народе, в армии при одном только слу-

хе о назначении Кутузова, а потом при его прибытии в армию, у нас есть много известий. Неточно и неуместно было бы употреблять в данном случае слово «популярность». Несокрушимая вера людей, глубоко потрясенных грозной опасностью, в то, что внезапно явился спаситель, — вот как можно назвать это чувство, непреодолимо овладевшее народной массой. «Говорят, что народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету; древние старцы заставляют внуков лобызать стопы его; матери выносят грудных младенцев, падают на колени и подымают их к небу! Весь народ называет его спасителем».

8 августа 1812 г. Александр принужден был подписать указ о назначении Кутузова главнокомандующим российских армий, действующих против неприятеля, на чем повелительно настаивало общее мнение армии и народа. А ровно через 6 дней, 14 августа, остановившись на станции Яжембицы по дороге в действующую армию, Кутузов написал П. В. Чичагову, главному командиру Дунайской армии, необыкновенно характерное для Кутузова письмо. Это письмо — одно из замечательных свидетельств всей широты орлиного кругозора и всегдашней тесной связи между стратегическим планом и действиями этого полководца, каким бы фронтом, главным или второстепенным, он ни командовал. Кутузов писал Чичагову, что неприятель уже около Дорогобужа, и делал отсюда прямой вывод: «Из сих обстоятельств вы легко усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об... каких-либо диверсиях, но все то, что мы имеем, кроме первой и второй армии, должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремлением. Чем долее будут переменяться обстоятельства в таком роде, как они были поныне, тем сближение Дунайской армии с главными силами делается нужнее». Но ведь все усилия Кутузова в апреле и все условия заключенного Кутузовым 16 мая 1812 г. мира

и клонились к тому, чтобы тот, кому суждена грозная встреча с Наполеоном, имел право и возможность рассчитывать на Дунайскую армию! Письмо Чичагову вместе с тем обличает беспокойство: как бы этот всегда снедаемый честолюбием и завистью человек не вздумал пустить освобожденную Кутузовым Дунайскую армию на какие-либо рискованные, а главное, ненужные авантюры против Шварценберга. Стратег Кутузов твердо знал, что Дунайская армия скорее сможет влиться в состав русских войск, действующих между Дорогобужем и Можайском, чем Шварценберг — дойти до армии Наполеона. А дипломат Кутузов предвидел, что хотя «союз» Наполеона со своим тестем был выгоден французскому императору тем, что заставит Александра отвлечь на юго-запад часть русских сил, но что фактически никакой реальной роли ни в каких боевых столкновениях австрийцы играть не будут.

Вот почему Кутузову нужна была, и притом как можно скорее. Дунайская армия на его левом фланге, на который, как он предвидел еще за несколько дней до прибытия на театр военных действий, непременно будет направлен самый страшный удар правого фланга Наполеона.

Приближался момент, когда главнокомандующий должен был удостовериться, что царский любимец Чичагов ни малейшего внимания не обратит на просьбу своего предшественника по командованию Дунайской армией и что если можно ждать сколько-нибудь существенной помощи и увеличения численного состава защищавшей московскую дорогу армии, то почти исключительно от московского и смоленского ополчений.

Как бы мы ни старались дать здесь лишь самую сжатую, самую общую характеристику полководческих достижений Кутузова, но, говоря о Бородине, мы допустили бы совсем непоправимое упущение, если бы не обратили внимания читателя на следующее. На авансцене истории в этот грозный момент стоя-

ли друг против друга два противника, оба отдававшие себе отчет в неимоверном значении того, что поставлено на карту. Оба делали все усилия, чтобы в решающий момент получить численное превосходство. Но один из них — Наполеон, которому достаточно приказать, чтобы все, что зависит от людской воли, было немедленно и беспрекословно исполнено. А другой — Кутузов, которого, правда, царь «всемиловитейше» назначил якобы неограниченным повелителем и распорядителем всех действующих против Наполеона русских вооруженных сил, оказывался на каждом шагу скованным, затрудненным и стесненным именно в этом гнетуще важном вопросе о численности армии. Он требует, чтобы ему как можно скорее дали новоформируемые полки, и получает от Александра следующее: «Касательно упоминаемого вами распоряжения о присоединении от князя Лобанова-Ростовского новоформируемых полков, я нахожу оное к исполнению невозможным».

Кутузов знал, что, кроме двух армий, Багратиона и Барклая, которые поступили под его личное непосредственное командование

19 августа в Цареве-Займище, у него имеются еще три армии: Тормасова, Чичагова и Витгенштейна, — которые формально обязаны ему повиноваться столь же беспрекословно и безотлагательно, как, например, повиновались Наполеону его маршалы. Да, формально, но не фактически. Кутузов знал, что повелевать ими может и будет царь, а он сам может не приказывать им, но только увещевать и уговаривать, чтобы они поскорее шли к нему спасать Москву и Россию. Вот что он пишет Тормасову: «Вы согласиться со мной изволите, что в настоящие критические для России минуты, тогда как неприятель находится в сердце России, в предмет действий ваших не может уже входить заступление и сохранение отдаленных наших Польских провинций». Этот призыв остался гласом вопиющего в пустыне: армию Тормасова соединили с армией Чичагова и отдали под начальство Чичагова. Чичагову Кутузов писал: «Прибыв в армию, я нашел неприятеля в сердце древней России, так сказать под Москвою. Настоящий мой предмет есть спасение Москвы самой, а потому не имею нужды изъяснять, что сохранение некоторых отдаленных

▲ Москва, 1812 г.

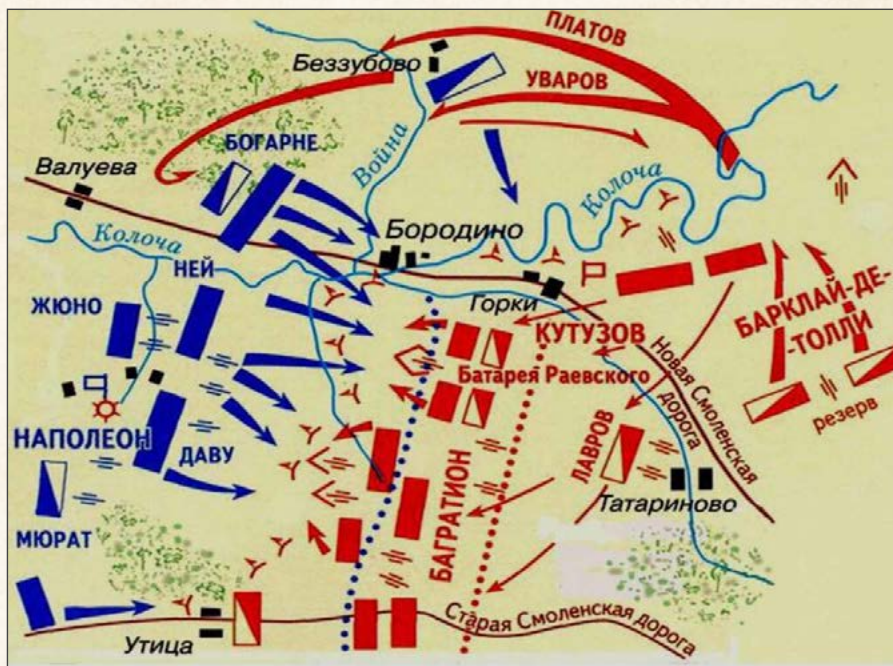
польских провинций ни в какое сравнение с спасением древней столицы Москвы и самих внутренних губерний не входит».

Чичагов и не подумал немедленно откликнуться на призыв. Интереснее всего вышло с третьей (из этих бывших «на отлете» от главных кутузовских сил) армией — Витгенштейна. «Данного Кутузовым графу Витгенштейну повеления в делах не отыскалось», — деликатно замечает решительно ни в чем и никогда не укоряющий Александра Михайлович-Данилевский.

Нужна была бородинская победа, нужно было победоносное, истребляющее французскую армию непрерывное контрнаступление с четырехдневным ужасающим разгромом лучших наполеоновских корпусов под Красным, нужен был гигантски возросший авторитет первого и уж совсем бесспорного победителя Наполеона, чтобы Кутузов получил фактическую возможность взять под свою властную руку все без исключения «западные» русские войска и чтобы Александр убедился, что он уже не может вполне свободно мешать Чичагову и Витгенштейну выполнять повеления главнокомандующего. Торماسов, лишившись командования своей (3-й наблюдательной) армией, прибыл в главную квартиру и доблестно служил и помогал Кутузову.

Пути, препятствия, западни и интриги всякого рода, бесцеремонное, дерзкое вмешательство царя в военные распоряжения, поощрявшееся сверху непослушание генералов — все это превозмогли две могучие силы: беспредельная вера народа и армии в Кутузова и несравненные дарования этого истинного корифея русской стратегии и тактики. Русская армия отходила на восток, но она отходила с боями, нанося противнику тяжелые потери.

Но до лучезарных дней полного торжества армии пришлось пережить еще очень много: нужно было простоять долгий августовский день по колена в крови на Бородинском поле, шагать прочь от столицы, оглядываясь на далекую пылающую Мо-

▲ Бородинское сражение

скову, нужно было в самых суровых условиях в долгом контрнаступлении провонять незваных гостей штыком и пулей.

Цифровые показания, дающиеся в материалах Военно-ученого архива. («Отечественная война 1812 г.», т. XVI. Боевые действия в 1812 г., №129), таковы: «В сей день российская армия имела под ружьем: линейного войска с артиллерией 95 тысяч, казаков — 7 тыс., московского ополчения — 7 тыс. и смоленского — 3 тыс. Всего под ружьем 112 тыс. человек». При этой армии было 640 артиллерийских орудий. У Наполеона числилось в день Бородина войска с артиллерией более 185 тысяч. Но как молодая гвардия (20 тысяч человек), так и старая гвардия с ее кавалерией (10 тысяч человек) находились все время в резерве и в сражении непосредственно участия не принимали.

Во французских источниках признают, что непосредственное участие в бою, если даже совсем не считать старую и молодую гвардию, с французской стороны принимало около 135—140 тысяч человек. Следует заметить, что сам Кутузов в своем первом же донесении царю после прибытия в Царево-Займище считал, что у Наполеона не то, что

185 тысяч, но даже и 165 тысяч быть не могло, а численность русской армии в этот момент он исчислял в 95 734 человека. Но уже за несколько дней, прошедших от Царева-Займища до Бородина, к русской армии присоединились из резервного корпуса Милорадовича 15 589 человек и еще «собранных из разных мест 2 000 человек», так что русская армия возросла до 113 323 человек. Сверх того, как извещал Александр Кутузова, должно было прибыть еще около 7 тысяч человек.

Фактически, однако, готовых к бою, вполне обученных вооруженных регулярных сил у Кутузова под Бородином некоторые исследователи считают, едва ли точно, не 120, а в лучшем случае около 105 тысяч человек, если совсем не принимать во внимание в этом подсчете ополченцев и вспомнить, что казачий отряд в 7 тысяч человек вовсе не был введен в бой. Но ополченцы 1812 г. показали себя людьми, боеспособность которых оказалась выше всяких похвал.

Когда еще слабо обученные ополченцы подошли, то в непосредственном распоряжении Кутузова оказалось до 120 тысяч, а по некоторым, правда, не очень убедительным,

▲ Сражение у Малоярославца

подсчетах, даже несколько больше. Документы вообще расходятся в показаниях. Конечно, Кутузов отдавал себе полный отчет в невозможности приравнять ополченцев к регулярным войскам. Но все-таки ни главнокомандующий, ни Дохтуров, ни Коновницын вовсе не снимали со счетов это наспех собранное ополчение. Под Бородином, под Малоярославцем, под Красным в течение всего контрнаступления, поскольку, по крайней мере, речь идет о личном мужестве, самоотвержении, выносливости, ополченцы старались не уступать регулярным войскам.

Русских ополченцев 12-го года успел оценить и враг. После кровопролитнейших боев у Малоярославца, указывая угрюмо молчавшему Наполеону на устланное телами французских гренадеров поле битвы, маршал Бессьер убедил Наполеона в полной невозможности атаковать Кутузова на занятой им позиции: «И против каких врагов мы сражаемся? Разве вы не видели, государь, вчерашнего поля битвы? Разве не заметили, с какой яростью русские ружейники, еле вооруженные, едва одетые,

шли там на смерть?» А в обороне Малоярославца именно ополченцы играли значительную роль. Маршал Бессьер был убит в боях 1813 г.

Война 1812 г. не походила ни на одну из тех войн, которые до тех пор приходилось вести русскому народу с начала XVIII столетия. Даже во время похода Карла XII сознание опасности для России не было и не могло быть таким острым и широко распространенным во всех слоях народа, как в 1812 г.

Мы будем дальше говорить о контрнаступлении Кутузова, окончательно сокрушившем наполеоновское нашествие, а сейчас отметим тот любопытный, небывалый до тех пор факт, что еще до Бородина, когда громадные силы неприятеля неудержимым потоком шли к Швардину, русские предпринимали одно за другим удачные нападения на отбившиеся отряды французов, истребляли фуражиров и, что самое удивительное, умудрялись в эти дни общего отступления русской армии брать пленных.

За четыре дня до Бородина, в Гжатске, Наполеон оставил непре-

рекаемое документальное свидетельство, что он жестоко встревожен этими постоянными нападениями. Вот что приказал он разослать по армии своему начальнику штаба, маршалу Бертье: «Напишите генералам, командующим корпусами армии, что мы ежедневно теряем много людей вследствие недостаточного порядка в способе добывания провианта. Необходимо, чтобы они согласовали с начальниками разных частей меры, которые нужно принять, чтобы положить предел положению вещей, угрожающему армии гибелью. Число пленных, которых забирает неприятель, простирается до нескольких сотен ежедневно; нужно под страхом самых суровых наказаний запретить солдатам удаляться». Наполеон приказал, отправляя людей на фуражировку, «давать им достаточную охрану против казаков и крестьян».

Уже эти действия арьергарда Коновницына, откуда и выходили в тот момент партии смельчаков, приводивших в смущение Наполеона, показывали Кутузову, что с такой армией можно надеяться на успех в самых трудных положениях.

Кутузов не сомневался, что предстоящее сражение будет стоить французской армии почти стольких же потерь, сколько и русской. На самом деле после сражения оказалось, что французы потеряли гораздо больше. Тем не менее решение Кутузова осталось непоколебимым, и нового сражения перед Москвой он не дал.

Как можем мы теперь с полной уверенностью определять основные цели Кутузова? До войны 1812 г., в тех войнах, в которых Кутузову приходилось брать на себя роль и ответственность главнокомандующего, он решительно никогда не ставил перед собой слишком широких конечных целей. В 1805 г. никогда не говорил о разгроме Наполеона, о вторжении во Францию, о взятии Парижа, — т.е. о всем том, о чем мечтали легкомысленные царедворцы в ставке императоров Александра I и Франца I. Или, например, в 1811 г. он вовсе

не собирался брать Константинополь. Но теперь, в 1812 г., положение было иным. Основная цель повелительно ставилась всеми условиями войны: закончить войну истреблением армии агрессора. Трагизм всех губительных для французов ошибок и просчетов Наполеона заключался в том, что он не понял, до какой степени полное уничтожение его полчищ является для Кутузова не максимальной, а минимальной программой и что все грандиозное здание всеевропейского владычества Наполеона, основанное на военном деспотизме и державшееся военной диктатурой, заколеблется после гибели его армии в России. И уже тогда может стать исполнимой в более или менее близком будущем и другая («максимальная») программа: именно уничтожение его колоссальной хищнической империи.

Программа нанесения тяжелого удара армии врага, с которой Кутузов, не высказывая ее в речах, явился в Царево-Займище, начала осуществляться в первой своей части у Шевардина и под Бородином. Несмотря на то, что уже кровавое побоище под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. показало Наполеону, что русский солдат несравним с солдатом какой бы то ни было другой армии, шевардинский бой поразил его, когда на вопрос, сколько взято пленных после длившихся целый день кровопролитных схваток, он получил ответ: «Никаких пленных нет, русские в плен не сдаются, ваше величество».

А Бородино на другой день после Шевардина затмило все сражения наполеоновской долгой эпопеи: оно вывело из строя почти половину французской армии.

Вся диспозиция Кутузова была составлена так, что французы мо-

▲ Кутузов в Бородинском сражении

▲ Тормасов А.П.

▲ Уваров Ф.В.

гли овладеть сначала Багратионовыми флешами, а затем Курганной высотой, защищавшейся батареей Раевского, лишь ценой совсем неслыханных жертв. Но дело было не только в том, что к этим основным потерям прибавились еще новые потери в разных иных пунктах великой битвы; дело было не только в том, что около 58 тысяч французов остались на поле боя и между ними 47 лучших генералов Наполеона, — дело было в том, что уцелевшие около 80 тысяч французских солдат совсем уже не походили по духу и настроению на тех, кто подошел к Бородинскому полю. Уверенность в непобедимости императора пошатнулась, а ведь эта уверенность до этого дня никогда не покидала наполеоновскую армию — ни в Египте, ни в Сирии, ни в Италии, ни в Австрии, ни в Пруссии и нигде вообще. Не только безграничная отвага русских людей, отразивших 8 штурмов у Багратионовых флешей и несколько подобных же штурмов у батареи Раевского, изумила видавших виды наполеоновских гренадеров, но они не могли забыть и постоянно потом вспоминали момент незнакомого им до того чувства паники, охватившей

их, когда внезапно, повинувшись никем не предвиденному — ни неприятелем, ни даже русским штабом — приказу Кутузова, Платов с казачьей конницей и Первый кавалерийский корпус Уварова неудержимым порывом налетели на глубокие тылы Наполеона. Сражение окончилось, и Наполеон первым отошел от места грандиозного побоища.

Первая цель Кутузова была достигнута: у Наполеона осталось около половины его армии. В Москву он вошел, имея, по подсчету Вильсона, 82 тысячи человек. Отныне для Кутузова были обеспечены долгие недели, когда, отойдя в глубь страны, можно было численно усилить кадры, подкормить людей и лошадей и восполнить бородинские потери. А главный, основной стратегический успех Кутузова при Бородине и заключался в том, что страшные потери французов сделали возможным пополнение, снабжение, реорганизацию русской армии, которую главнокомандующий затем и двинул в грозное, сокрушившее Наполеона контрнаступление.

Наполеон не потому не напал на Кутузова при отступлении русской армии от Бородина к Москве, что счи-

тал войну уже выигранной и не хотел попусту терять людей, а потому, что он опасался второго Бородина, так же как опасался его впоследствии, после сожжения Малоярославца. Действия Наполеона определяла также уверенность в том, что после занятия Москвы будет близок мир. Но, повторяем, не следует забывать того, что, можно сказать, на глазах у Наполеона русская армия, увозя с собой несколько сот уцелевших пушек, отступала в полнейшем порядке, сохраняя дисциплину и боевую готовность. Этот факт произвел большое впечатление на маршала Даву и на весь французский генералитет.

Кутузов мог надеяться, что если бы Наполеон вздумал внезапно напасть на отступавшую русскую армию, то опять было бы «дело адское», как фельдмаршал выразился о шевардинском бое в своем письме от 25 августа к жене Екатерине Ильиничне.

Наполеон допускал успех французов в возможном новом сражении под Москвой, очень для него важным и желательном, однако отступил перед риском предприятия. Это был новый (относительно не первый) признак, что французская армия была уже

совсем не та, какой она была, когда Кутузов, идя из Царева-Займища, остановился около Колоцкого монастыря и заставил Наполеона принять сражение там и тогда, когда и где это признал выгодным сам Кутузов.

В значительной степени не только непосредственный, но и конечный стратегический успех замышленного удара, который Кутузов хотел перед Бородином нанести Наполеону на путях движения французской армии к Москве, зависел от правильного разрешения проблемы: кому раньше удастся восполнить те серьезные потери, которые, безусловно, обе армии понесут в предстоящем генеральном сражении? Успеют ли прибыть к Наполеону подкрепления из его тылов раньше, чем у Кутузова после неизбежного страшного побоища снова будет в распоряжении такая вооруженная сила, как та, которая встретила его радостными кликами в Царева-Займище? Кутузов при решении этой жизненно важной задачи обнаружил в данном случае гораздо больший дар предвидения, чем

его противник. Обе армии вышли из Бородинского боя ослабленными; но не только не одинаковы, а совершенно различны были их ближайшие судьбы: несмотря на подошедшее к Наполеону крупное подкрепление, пребывание в Москве с каждым днем продолжало ослаблять армию Наполеона, а в эти же решающие недели кипучая организаторская работа в Тарутинском лагере с каждым днем восстанавливала и умножала силы Кутузова. Мало того, во французской армии смотрели и не могли не смотреть на занятие Москвы как на прямое доказательство, что война приходит к концу и спасительный мир совсем близок, так что каждый день в Москве приносил постепенно усиливавшееся беспокойство и разочарование. А в кутузовском лагере царила полная уверенность, что война еще только начинается и что худшее осталось позади. Стратегические последствия русской бородинской победы сказались прежде всего в том, что наступление врага на Россию стало выдыхаться и остановилось без

надежды на возобновление, потому что Тарутино и Малоярославец были прямым и неизбежным последствием Бородина.

Твердое сохранение русских позиций к концу боевого дня было зловещим предвестием для агрессора. Бородино сделало возможным победоносный переход к контрнаступлению.

В этих-то дальнейших последствиях сказывалось, что Бородино было не только имевшей капитальное значение стратегической, но и великой моральной победой русской армии, и очень плох тот историк, который способен это недооценивать. Неприятель после Бородина стал выдыхаться и постепенно подвигаться к гибели. Уже под Тарутином и под Малоярославцем Наполеон и его маршалы (прежде всего Бессьер) поняли, что бородинская смертельная схватка не кончена, а продолжается, хоть и с большим перерывом. Вскоре они увидели, что она будет продолжаться и усиливаться и дальше и что «перерывы» будут становиться

▲ На Бородинском поле

все короче, а после Красного совсем исчезнут и роздыха не будет во все. Имея перед собой противника, не знавшего тогда соперников в Европе, Кутузов доказал и до и после Бородина, что и с фактором времени также он умеет считаться гораздо лучше, чем Наполеон.

Кутузов назвал в донесении царю позицию, на которой разразилась великая битва, лучшей, — конечно, из возможных в том положении, в каком он находился, раз он решил остановить дальнейшее отступление и дать немедленно бой.

Позиция была выбрана, и уже на рассвете 22 августа Кутузов, объехав ее, сделал распоряжение, которое Наполеоном предвидено не было: главнокомандующий решил еще до генеральной битвы задержать явно накапливавшиеся неприятельские силы против русского левого фланга и использовать для этого холмы и пригорки у деревни Шевардино. 24 и 25 августа здесь происходил кровопролитный бой, в котором французы с большими потерями отбрасывались от выстро-

енного по непосредственной инициативе Кутузова 22—23 августа большого редута.

Русские отошли от Шевардина по приказу, лишь когда оказалось уже бесполезным задерживать наступающего неприятеля и когда работы по укреплению Семеновского и Курганной высоты были почти закончены.

Наполеон был раздражен и обеспокоен героической стойкостью шевардинской обороны и объявил, что если русские не сдаются, а предпочитают, чтобы их убивали, то их и должно убивать. Он вообще по мере приближения решающей битвы как будто утрачивал свою способность держать себя в руках. Так, он не воспрепятствовал варварскому сожжению и разгрому французской армией г. Гжатска (который был совершенно цел до той поры) и вообще допускал такие (вредные прежде всего для французской армии) безобразия и неистовства, против чего еще незадолго до того боролся, конечно, не из человеколюбия, которым никогда не грешил, а из прямого расчета.

Кутузов, следя с близкого расстояния за шевардинской операцией, предугадав, что Наполеон обрушится прежде всего на левый фланг, какие бы диверсионные действия он ни предпринимал в других местах, поручил защиту левого фланга Семеновских флешей и других укрепленных тут пунктов тому, на кого всегда возлагал наибольшие надежды, — Багратиону. И дорого достались флешаи французам, когда безнадежно тяжело раненного героя унесли с поля битвы.

В течение всего боя Кутузов являлся в полном смысле слова мозгом русской армии. В течение всей борьбы за Семеновские (Багратионовы) флешаи, потом за Курганную высоту, потом во время блестящего разгрома конницы Понятовского, наконец, при прекращении битвы к нему и от него мчались адъютанты, привозившие ему реляции и увозившие от него повеления.

В борьбе за так называемую Курганную высоту («батарея Раевского»), где уже после Семеновского сосредоточились все усилия борющихся сторон, конечный «успех» французов тоже крайне близко походил на истребление лучших полков Наполеона, еще уцелевших от повторных убийственных схваток у Багратионовых флешей. Приказ Кутузова был категоричен: еще за два дня до Бородина, 24 августа (в первый день борьбы у Шевардинского редута), главнокомандующий подписал свою памятную диспозицию к предстоящему сражению. «При сем случае, — писал Кутузов, — излишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколько можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден». В этих словах раскрывается не только Кутузов как генерал, который готов встретить в генеральном бою такого противника, как Наполеон, но и как вождь будущего контрнаступления, который хотя и пишет в этой диспозиции также и о том, как поступать «на случай неудачного дела», но твердо знает, что и в этом «случае» конечную «неудачу» потер-

▲ Раевский Н.Н.

▲ Платов М.И.

пит не Россия, но напавший на нее агрессор и «резервы» сыграют еще свою колоссальную роль.

Ввиду клеветнических усилий иностранной историографии представить Бородино как победу Наполеона считаю нужным подчеркнуть следующее. Наполеон не только первый отступил от долины кровавого побоища, но он отдал одновременный приказ отступить со всех пунктов, занятых французами с такими убийственными жертвами в течение дня: и от Багратионовых флешей, и от курганной батареи Раевского, и от села Бородина. Кто это решился сделать на глазах у своей армии, почти половина которой лежала в крови и во прахе? Наполеон, для которого сохранение репутации непобедимости в глазах солдат было превыше всего. И когда он это сделал? За несколько часов до приказа Кутузова. Закревский, состоявший при Барклае де Толли, показывал впоследствии Михайловскому-Данилевскому письменное повеление Кутузова, отданное тотчас после битвы Барклаю: оставаться на поле боя и распорядиться приготовлениями к битве «на завтрашний день». Толь-

ко уже почти в середине ночи (после 11 часов) решение Кутузова изменилось. Явился Дохтуров. «Пооди ко мне, мой герой, и обними меня. Чем может государь вознаградить тебя?» Но Дохтуров ушел с Кутузовым в другую комнату и рассказал о потерях в багратионовской (бывшей «второй») армии, защищавшей флеш. Кутузов тогда только велел отступать. Ни одного француза уже давно не было ни на поле боя, ни в ближайших окрестностях.

У нас есть неопровержимое свидетельство, исходящее от самого Наполеона, что Бородино вселило в него немалую тревогу, круто изменило все его ближайшие планы. Тотчас почти после битвы, сосчитав свои ужасающие потери, Наполеон отправил приказ маршалу Виктору идти немедленно в Смоленск, а оттуда на Москву. Вплоть до вступления в Москву Наполеон не знал, не даст ли Кутузов новой битвы. Он приказывал стягивать войска поближе к направлению Можайск—Москва. Успокаивая Виктора тем, что русские под Бородином «поражены в самое сердце», он все-таки своими распоряжениями показывал маршалам и свите, что вовсе не уве-

рен в успехе «второй» битвы под Москвой. Эта осторожность сменилась самоуверенностью и бахвальством, когда император удостоверился, что Москва покинута и что Кутузов отошел довольно далеко. Но тут он впал в грубую ошибку, крайне преувеличив дальность расстояния между лагерем (где остановился Кутузов со своей армией) и Москвой. С этой иллюзией он довольно долго не желал расставаться.

Русская армия приблизилась к деревне Фили. В жизни Кутузова наступил момент, тяжелее которого он не переживал никогда, ни раньше, ни позже.

1 (13) сентября 1812 г. по приказу Кутузова собрались командующие крупными частями, генералы русской армии. Кутузов, потерявший в боях глаз, удивлявший своей храбростью самого Суворова, герой Измаила, мог, разумеется, презирать гнусные инсинуации своих врагов вроде нечистого на руку Беннигсена, укорявших, за спиной, конечно, старого главнокомандующего в недостатке смелости. Но ведь и такие преданные ему люди, как Дохтуров, Уваров, Коновницын, тоже высказы-

вались за решение дать неприятелю новую битву. Кутузов, конечно, знал, что не только ненавидящий его царь воспользуется сдачей Москвы, чтобы свалить свою вину на Кутузова, но что и многие беззаветно ему верящие могут поколебаться. И для того, чтобы сказать слова, которые он произнес к концу совещания, необходимо было мужество гораздо большее, чем стоять перед неприятельскими пулями и чем штурмовать Измаил: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия». До голосования дело не дошло. Кутузов встал и объявил: «Я приказываю отступление властью, данную мне государем и отечеством». Он сделал то, что считал своим священным долгом. Он приступил к осуществлению второй части своей зрело обдуманной программы: к уходу армии от Москвы.

Только те, кто ничего не понимает в натуре этого русского героя, могут удивляться тому, что Кутузов в ночь на 2 сентября, последнюю ночь перед оставлением Москвы неприятелю, не спал и обнаруживал признаки тяжелого волнения и страдания. Адъютанты слышали ночью плач. На военном совете он сказал: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасает армию. Наполеон, как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет». В этих словах он не развил всей своей глубокой, плодотворной, спасительной мысли о грозном контр наступлении, которое низринет агрессора с его армией в пропасть. И хотя он твердо знал, что настоящая война между Россией и агрессором — такая война, которая логически должна закончиться военным поражением и политической гибелью Наполеона, — еще только начинается, он, русский патриот, прекрасно понимая стратегическую, политическую, моральную необходимость того, что он только что сделал в Филях, мучился

▲ Коновницын П.П.

и не мог сразу привыкнуть к мысли о потере Москвы.

2 сентября русская армия прошла через Москву и стала от нее удаляться в восточном направлении — по Рязанской (сначала) дороге.

Здесь, в специально посвященной общей характеристике Кутузова работе, пока достаточно сказать о московском пожаре лишь несколькими словами.

Что историческая, моральная, политическая ответственность за пожар и конечный варварский разгром Москвы лежит полностью на Наполеоне и ни на ком другом, в этом, конечно, нет и не может быть сомнения. Грандиозный пожар Москвы, несколько спутавший карты Наполеона тотчас после вступления французской армии в Москву, не был тогда, в начале сентября, им организован, потому что в тот момент это было ему невыгодно.

Но все знали, что в октябре, перед уходом, он совершенно умышленно, в виде отместки, окончательно разорял город и не желал оставить в нем камня на камне.

Современники были долго под впечатлением ужасающего вида Москвы, потрясшего их, когда они вернулись в старую столицу. Вот что пишет Дмитрий Троцинский Кутузову 10 декабря 1812 г.: «Горестно жалеете вы, что не могли отстоять первопрестольного города нашего. Конечно, несказанно жаль, но что может бороться против судьбы? и льзя ли предположить, чтобы враг, пощадивший толико столиц, готовится хладнокровно излить на Москву всю ярость свою?»

Он пишет, уже зная о планомерных поджогах, учиненных французской армией при ее уходе в середине октября с прямого разрешения Наполеона, собиравшегося взор-

вать Кремль и уже приступившего к выполнению этого намерения. Но занявшая Москву солдатчина уже с самого начала оккупации в сентябре неистово жгла и грабила город, не ожидая специальных приказов.

Что могли найтись и нашлись среди оставшегося населения и такие русские люди, которые захотели любым способом лишиться захватчика его добычи, — в этом в глазах многих современников не было ничего невероятного. Наполеон очутился не на ожидаемой хорошо снабженной зимовке, которой он манил голодную армию, а на пожарище. Этот факт порождал самые разнообразные объяснения и создавал много слухов. В частности, слухи об участии населения в поджогах пошли по стране уже вскоре после события, и взятый из жизни пушкинский Рославлев ярко отразил, как эти слухи тогда понимались и принимались. А о настроениях части русских людей в Москве дает понятие поступок тех, которые, обрешив себя на без-

условную гибель, заперлись в Кремле 2/14 сентября и, дав несколько выстрелов по коннице Мюрата, были все изрублены французами.

Вокруг пожара Москвы образовались и быстро наслаивались предания, возникали рассказы, слагались легенды в стихах и прозе. Передавалась от поколения к поколению известная традиция, не прерывавшаяся начиная от Пушкина и кончая волнующим памятным письмом трудящихся города Москвы, поданным И.В. Сталину в торжественный день празднования 800-летия Москвы в 1947 г., где речь идет о героической борьбе москвичей огнем и мечом против захватчика во время оккупации города и о значении этой борьбы.

Обращаясь к непосредственно интересующему нас выводу из всего сказанного, мы должны признать без колебаний, что и с политической, и с моральной, и с международно-правовой точки зрения в сожжении и разгроме Москвы всецело виновен агрессор, с завоевательными целя-

ми напавший на Россию и введший в Москву свою грабительскую орду, после того как она предварительно сожгла, разорила и беспощадно опустошила ряд русских городов, сел и деревень. Если в самой Москве Наполеон окончательно разнузданную свою солдатчину и сам непосредственно включился в дело разгрома города не в сентябре, а в октябре, уже незадолго перед уходом, то это объясняется исключительно тем, что в сентябре, войдя в Москву, он еще надеялся найти и использовать продовольственные запасы и фураж, а убедившись в провале своего расчета, он отомстил Москве сугубыми зверствами. И никакие ухищрения <...> не могут снять с памяти Наполеона этого пятна, так же как ничем не изгладить клеймящих слов Кутузова, сказанных прибывшему в его лагерь наполеоновскому посланцу генералу маркизу Лористону 5 октября 1812 г., что со времен татарщины русский народ не знал такой варварской агрессии, как наполеоновская.

▲ Бородино

Совершенно независимо от строго научного критического обследования всей документации, прямо относящейся в той или иной степени к выяснению непосредственных причин пожаров, должно признать, что история возникновения вышеуказанной традиции, ярко отразившейся в поэзии и искусстве, заслуживала бы специального историко-литературного анализа, хотя сама по себе она, конечно, не может иметь значения сколько-нибудь решающего фактического, документального аргумента при выяснении поставленного вопроса.

Следует заметить, что в солдатских песнях пожар и разорение Москвы приписываются исключительно неприятелю: «Француз Москву разоряет, с того конца зажигает». Песня ратников тверского ополчения, распевавшаяся уже в конце войны, говорит: «Начался грабеж неслыханный, загорелись кровы мирные, запылали храмы Божий». Поется и о разоренной путь-дорожке «от Можая до самой Москвы»: «Уж и враг шел до самой

Москвы, разоренная белокаменная огнем спалена, ой да спалена».

Сочинялись песни и в Тарутинском лагере. Тут сначала говорится, как «ночь темна была и не месячна, рать скучна была и не радостна» и как ратники «оплакивали мать родимую, мать-кормилицу, златоглавую Москву-матушку». Но тут же звучат и бодрые мотивы, ждущие возобновления активных военных действий: «Не боимся мы французов, штык всегда востер у нас, лишь бы батюшка Кутузов допустил к нам скоро нас!» Слышится предчувствие победы: «Постараемся все, ребятушки, чтобы сам злодей на штыке погиб, чтоб вся рать его здесь костями легла, ни одна б душа иноверная не пришла назад в свою сторону».

Об упомянутом выше свидании Кутузова с Лористоном именно тут, забегаая вперед, уместно напомнить хоть в нескольких словах. В разгар работ по подготовке активных действий против выдвинутого вперед отряда Мюрата Кутузову доложили о прие-

зде в Тарутинский лагерь специально командированного Наполеоном генерала маркиза (в некоторых документах он неточно назван графом) Лористона. Это была последняя из упорных и одинаково неуспешных попыток Наполеона войти в сношения с Александром и поскорее заключить мир. Провал первой попытки (с генералом Тучковым — третьим в Смоленске) и второй (с И.А. Яковлевым — в Москве) раздражал и смущал императора, привыкшего, чтобы у него просили мира, а не самому просить мира. Но положение на этот раз, в октябре, среди московского пожарища, было таково, что о самолюбии приходилось забыть.

Наполеон сначала хотел послать к Кутузову Коленкура, долго бывшего императорским послом при Александре, но Коленкур, при всей преданности Наполеону, отказался ввиду явной безнадежности попытки. Был позван Лористон, в свое время заменивший Коленкура на посольском посту в Петербурге. Лористон заик-

нулся было о том, что Коленкур прав, но тут Наполеон оборвал разговор прямым приказом: «Мне нужен мир, он мне нужен абсолютно, во что бы то ни стало. Спасите только честь». Лористон немедленно отправился к русским аванпостам.

Вопрос о приеме Лористона и, главное, о предстоящем разговоре с ним был решен Кутузовым без всяких признаков колебаний, и только злобствовавший на Кутузова английский обершпион Роберт Вильсон мог подозревать Кутузова, что тот хочет, встретившись на аванпостах с глазу на глаз с Лористоном, войти с французами в мирные переговоры, без ведома и против воли царя и его союзников (Англии).

Мы уже знаем по всем свидетельствам и по словам самого Кутузова, сказанным перед сражением под Красным французскому военнопленному Пюибюску, что главнокомандующий делал все возможное, чтобы подольше задержать Наполеона в Москве. Поэтому он нашел вполне целесообразным не только весьма вежливо принять Лористона, но и обещать ему отправить императору Александру все, что ему передаст Лористон. Это обеспечило прежде всего долгую проволочку. Пустить самого Лористона в Петербург Кутузов решительно отказался.

По существу же ответ Кутузова не мог вызывать никаких недоразумений: никакой речи о мире с Наполеоном в данный момент быть не могло. На жалобы Лористона относительно обхождения русских крестьян с французами, попадавшими в их руки, фельдмаршал ответил, что русский народ «отплачивает французам той монетой, какой должно платить вторгнувшейся орде татар под командой Чингисхана». Эта мысль была повторена.

Доклад вернувшегося от Кутузова в Кремль генерала Лористона показал Наполеону, что надежды на компромиссный мир беспочвенны. Но мир был абсолютно невозможен — более невозможен, чем когда бы то ни было, — уже тогда, когда кутузовские полки 2 (14) сентября покидали Москву. Великой, неоцененной драгоценностью было в эти тяжкие дни

нисколько не пошатнувшееся, беззаветное доверие народа и армии к Кутузову. Это доверие выдержало и превозмогло все испытания.

Отступающая русская армия по ночам видела громадное зарево горящей старой столицы, и Кутузов глядел и глядел на него. У фельдмаршала с гневом и болью вырывались изредка на этом пути обеты отмщения; его сердце билось в унисон с сердцем русской армии.

Армия не предвидела, что хоть много ей еще предстоит жесточайших испытаний, но что настанет, наконец, день 30 марта 1814 г., когда русские солдаты, подходя к Пантенскому предместью, будут восклицать: «Здравствуй, батюшка Париж! Как-то заплашишь ты за матушку-Москву?» Глядя на московское зарево, Кутузов знал, что день расплаты рано или поздно наступит, хотя и не знал, когда именно, и не знал, доживет ли он до этого дня.

Анализ скудных данных, касающихся начальной причины московского пожара, и посильная оценка их научного веса будут даны в моей книге «Нашествие 1812 года и разгром Наполеона в России». Здесь же, в сжатой характеристике Кутузова, достаточно напомнить, что в оценке непосредственных последствий московского пожара для французской армии ни малейших сомнений быть не может. Пожары не усилили, а ослабили неприятеля, когда он стоял в Москве. Этот факт бесспорен, хотя причислять московский пожар к основным, решающим моментам борьбы, как это склонны были делать многие впоследствии, нет оснований.

Начинался новый фазис войны — начало контрнаступления. Отойдя от Москвы и искуснейшим маневром дезориентировав французов, оторвавшись от конницы Мюрата и направив ее на Рязанскую дорогу, Кутузов повернул на Тульскую, откуда — на Калужскую дорогу и вышел к тарутинской позиции, где и расположился лагерем.

Тон отношения двора и царедворцев, а отчасти и кое-кого из штаба (начиная, например, с Беннигсена) к Кутузову после оставления Москвы

был дан прежде всего в двух исходивших от царя документах: в письме к Кутузову от 7 сентября и в письме к графу П. А. Толстому от 8 сентября. «С 29 августа не имею я никаких донесений от вас. Между тем от 1 сентября получил я через Ярославль от московского главнокомандующего (Ростопчина. — Е. Т.) печальное известие, что вы решились с армией оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание наше усугубляет мое удивление. Я отправляю с сим ген.-ад. князя Волконского, дабы узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причинах к столь несчастной решимости». Так писал царь фельдмаршалу. А на другой день он писал П. А. Толстому о решении Кутузова: «Причина сей непонятной решимости остается мне совершенно сокровенной, и я не знаю, стыд ли России она принесет или имеет предметом уловить врага в сети».

Подобные выходы (а это еще были более или менее сдержанные) поощряли, конечно, к писанию писем Александру с жалобами на фельдмаршала и с прямыми намеками на необходимость отнять у него командование. И не только Беннигсен и Вильсон изощрались. Барклай дал волю долго и очень старательно сдерживаемому порыву ревности и обиды в своем длиннейшем французском письме к царю от 24 сентября. Здесь он не только всячески чернит и унижает Кутузова, но решается утверждать, что если бы у него, Барклая, не отняли командования, то он «дал бы сражение, но не у Можайска, а между Гжатском и Царевым-Займищем... И я уверен, что разбил бы неприятеля». Ненависть и обида так душат Барклая, что он совсем не понимает, в какое курьезное положение ставит себя этой запоздалой интригой. Барклай никогда не понимал, что при всех своих достоинствах равняться или соревноваться с Кутузовым по своим стратегическим или каким бы то ни было другим талантам — значит делать себя без всякой нужды смешным.

Окончание в следующих номерах альманаха

31-я АРМИЯ В ОПЕРАЦИИ «МАРС»

29 июля 1941 года приказом по Генеральному Штабу № 051 была создана специальная группа командиров Генерального Штаба для связи с войсками (позднее корпус офицеров ГШ). В группу входили офицеры-оперативники Генерального Штаба, которые лично вылетали в армии и фронты выяснять обстановку на переднем крае обороны.

Публикуемый документ был составлен 18 января 1943 года офицером Генерального Штаба Красной Армии при 31-й армии майором Василием Свекровиным на имя начальника специальной группы офицеров Генерального Штаба для связи с войсками генерал-майора Н. И. Дубинина. Затем в 20-х числах того же месяца через Генштаб

с докладом был ознакомлен начальник штаба Западного фронта генерал-полковник В. Д. Соколовский. В своем докладе майор Свекровин подробно описывает причины неудачного хода боевых действий армии в период с октября 1942 по январь 1943 года. Майор Свекровин постоянно находился в передовых частях, на переднем крае, стараясь получить полное представление о реальной обстановке, а в критические моменты в боевой обстановке, чтобы исключить потерю управления войсками, становился начальником штаба той или иной дивизии, за что 25 ноября 1942 года был награжден орденом Красного Знамени.

Особо стоит обратить внимание на эпизод, который, судя по тексту доклада, произвел на автора наиболее

сильное и неприятное впечатление. Речь идет о срыве наступления 133-й стрелковой дивизии 17 — 18 декабря 1942 года. Соединение, имевшее подавляющее численное превосходство над противником, не смогло даже приблизиться к первой полосе немецкой обороны, атака была остановлена у линии проволочных заграждений огнем нескольких пулеметных точек, которые так и не были подавлены до самого конца боя. При этом только за 17 декабря потери дивизии составили 160 человек убитыми и 359 ранеными, артиллеристы, пытавшиеся подавить вражеские пулеметы стрельбой прямой наводкой с неподготовленных позиций, потеряли 6 человек убитыми, 74 ранеными, три 76-мм пушки и одну 122-мм гаубицу.

▲ Дубинин Н.И.

▲ Соколовский В.Д.

ДОКЛАД ПО РЯДУ ВЫЯВЛЕННЫХ ПРИЧИН, ВЕДУЩИХ К НЕУСПЕХУ КАК В ОБОРОНИТЕЛЬНОМ БОЮ, ТАК И В НАСТУПАТЕЛЬНОМ

1. При переходе войск армии к обороне, обычно оборона начинает создаваться не с единого разработанного армией или дивизией плана, а несколько стихийно, и складывается из произведенных подразделениями и полками работ, а потом уже начинает дополняться запоздавшими к началу создания обороны планами дивизий и армий. Причем запаздывание это иногда выражается в десятках дней.
2. Передний край обороны обычно проходит там, где войска после наступления были остановлены. Вследствие этого, не только противник знает его, но имеет возможность проследить всю организацию огневой системы и возводимых инженерных сооружений. Чтобы на этом рубеже создавать ложный передний край, а где-то в глубине основной, об этом ни командование армии, ни командование дивизий не думают.
3. Войсковая оборона (дивизионная), как правило, состоит из двух параллельных линий. Первая линия — передний край обороны; вторая линия — это вторые эшелоны дивизий. Этот принцип создания обороны противник уже давно знает, что ему в значительной степени облегчает возможность прорыва ее. Создать оборону по другому принципу и тем самым сделать ее внезапной для противника, над этим войска думают мало.
4. Стремление командиров дивизий и полков подавляющее большинство личного состава и средств поставить на передний край, оставляя во вторых эшелонах и резервах незначительное количество людей и оружия, да и то после указания сверху. Такой принцип мне кажется совершенно неверным, тем более, когда противник знает наш передний край. Ибо это ведет к большим потерям в людях и оружии. Кроме того, при прорыве обороны противником для восстановления положения нет соответствующих сил и средств, и всегда, как правило, в таких случаях приходится командарму вводить свой резерв.
5. Крайне слабо обстоит дело в период обороны с изучением обороны противника, его огневой системы, и, как показала практика, при переходе войск в наступление в тех же полосах одним из основных элемен-

▲ Артпозиция

забота командиров о создании соответствующих бытовых условий для личного состава в обороне. Красноармейцы завшивели, грязные, оборванные и нередко по месяцу не бритые, да и неудивительно, ибо живут не в землянках и блиндажах, а просто в норах, сделанных в виде ниш в стенках траншей. Печи имеются не во всех землянках, а свет отсутствует даже у командиров взводов и рот. Землянок не хватает для всех, даже блиндажи и землянки, построенные для командиров рот и батальонов, не похожи на человеческое жилье.

7. Все это приводит к излишним инфекционным заболеваниям, а главное, создает утомленность и безразличное отношение к происходящему в личном составе. Отсюда налицо пассивность и отсутствие инициативы в действиях нашей пехоты, и даже, я бы сказал, в некотором отношении служит причиной того, что мы на сегодняшний день имеем случаи переходов отдельных бойцов на сторону противника. В целом, такие бытовые условия значительно понижают моральное состояние наших войск. В этом вина не только командиров дивизий, но и вышестоящего штаба, который этому элементу жизни войск отводит чрезвычайно незначительное место.
8. Учебе в период обороны, несмотря на ряд указаний и приказов Ставки и Главного Командования, отводится мало внимания, хотя в штабах армий, дивизий и полков имеются утвержденные планы, и они проводятся в жизнь, но сама учеба стоит на чрезвычайно низком уровне, особенно в мелких подразделениях. Руководители к занятиям готовятся слабо или вообще не готовятся, много времени уходит на различные сборы, перестроения и перерывы, в результате на сегодняшний день подготовка войск, как это показало только что проведенное наступление, стоит не на должной высоте.

ВЫВОД:

Из вышеперечисленных недостатков складывается то целое, что является препятствием в создании на сегодняшний день прочной обороны. Оборона слабо используется командирами всех степеней для подготовки себя и своих подразделений к наступательному бою. Даже больше того, на этот вид боя многие командиры смотрят, как на отдых.

Для устранения этих недочетов требуются решительные меры со стороны вышестоящих штабов и систематический контроль за исполнением, чем на сегодняшний день штаб армии похвалиться не может.

НАСТУПЛЕНИЕ

На протяжении последних месяцев части 31-й армии дважды проводили наступление. Первое — 25 ноября, второе — 17 декабря 1942 года. Несмотря на значительное превосходство в силах и средствах перед противником и достаточно время на подготовку, все же обе операции увенчались неуспехом и войска снова вынуждены были перейти к временной обороне.

тов неуспеха является незнание командирами дивизий противника перед собой, хотя и сидели в обороне более месяца, а это потому, что игнорируются ими основные уставные положения об организации службы наблюдения и разведки в период обороны. А вышестоящий штаб мало внимания уделяет вопросу контроля и сам его недооценивает, довольствуясь данными аэрофотографирования и опросом пленных. Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

6. Совершенно отсутствует

забота командиров о создании соответствующих бытовых условий для личного состава в обороне.

Красноармейцы завшивели, грязные, оборванные и нередко по месяцу не бритые, да и неудивительно, ибо живут не в землянках и блиндажах, а просто в норах, сделанных в виде ниш в стенках траншей.

Печи имеются не во всех землянках, а свет отсутствует даже у командиров взводов и рот.

Землянок не хватает для всех, даже блиндажи и землянки, построенные для командиров рот и батальонов, не похожи на человеческое жилье.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Отсюда неудивительно, что в период наступления командир 133-й стрелковой дивизии, имея 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов, не смог подавить мешающие наступлению его дивизии четыре станковых пулемета.

Причины неуспеха постараюсь вскрыть ниже:

1. Казалось бы, при получении задачи на наступление командир дивизии и его штаб должны до мелочей учесть свои силы и средства, вскрыть огневую систему противника при помощи тщательно организованного наблюдения и ночных поисков, на основании этого вывести соотношение сил своих и противника. Намечить пути и направления для прорыва переднего края обороны противника. На рекогносцировках поставить задачи артиллерии и своим частям, организовать взаимодействие родов войск, кропотливо готовить войска к наступлению. Но это, к сожалению, делается неполно и с холодком, без должного чувства ответственности за поставленную задачу.

В результате штабом отрабатываются только боевой приказ и плановая таблица, да и то с большими дефектами, а каких-либо схем огневой системы противника, его инженерных сооружений на переднем крае или расчета обеспеченности подвоза и эвакуации своими средствами, или схемы организации противовоздушной и противохимической обороны, или даже тщательно разработанной таблицы сигналов взаимодействия — этого ничего нет, и, оказывается, занимались этими вопросами мало. Отсюда, как следствие, при наступлении какие-нибудь четыре станковых пулемета противника сдерживают всю дивизию.

2. Рекогносцировки проводятся также поверхностно. Например, на рекогносцировке командир 133-й стрелковой дивизии полковник Крымский указал полкам только полосы их наступления, какая поддерживает артиллерия и где она будет переподчинена — и все. Аналогично провели свои рекогносцировки и командиры полков. Безусловно, при таком отношении к делу положительных результатов быть не может, хотя тов. Крымский перед этим получил подробные и конкретные указания от тов. Конева на подготовку наступления.
3. На сегодняшний день не все командиры дивизий уяснили, что основу при прорыве обороны противника составляет тщательная организация системы пулеметного, минометного и артиллерийского огня, что только с подавлением огневой системы обороны противника пехота и танки могут действовать успешно. На деле получается обратное, ибо основной упор делается на пехоту и танки, и неудивительно, что последние несут большие потери и не добиваются каких-либо реальных результатов. Даже командиры дивизий не знают, сколько же стволов артиллерии они имеют в своем распоряжении, и оказывается, что какие-нибудь четыре станковых пулемета противника и до десятка автоматчиков сдерживают дивизию, а командир дивизии имеет в своих руках до 140 артиллерийских стволов и достаточное количество снарядов. Или, обычно, командиры дивизий жалуются, что, мол, у меня 40 орудий стреляют прямой наводкой и не могут разбить каких-нибудь трех точек противника ввиду их крепости.

Я специально занимался этим вопросом, и на самом деле оказывается, огневые позиции для орудий прямой наводки заранее не готовятся и при выкатке орудия расчет быстро поражается или минометным огнем противника, или пулеметным, а потому или орудия прямой наводки ведут огонь редко, боясь быть пораженными, или выбирают огневую позицию в километре и более от переднего края противника, что не обеспечивает быстрого огня на поражение. Кроме того, как правило, орудия прямой наводки не взаимодействуют с пехотными подразделениями. Это мною наблюдалось в 118-й и 246-й дивизиях в период наступления.

▲ В минуты затишья — письмо домой

4. Очень часты случаи неправильного использования армейской артиллерии и установок реактивных снарядов, ибо командир дивизии, не владея достаточно своей артиллерией для подавления отдельных точек противника, делает заявку на армейскую артиллерию, а командование армии, надеясь, что этим, может быть, подтолкнет пехоту, охотно удовлетворяет запрос командира дивизии и по какой-нибудь цели, которая могла бы легче быть пораженной дивизионной артиллерией, массируется огонь нескольких полков. Так, например, при наступлении 17 декабря командир 246-й стрелковой дивизии полковник Мищенко доложил командующему, что наступлению мешает огонь противника из рожи, что находится от переднего края обороны противника на 200 метров, а своя пехота еще у проволочного заграждения и огонь противника легко мог быть подавлен своей дивизионной артиллерией. Все же командующий сосредоточил туда три артиллерийских полка, а пехота все же не пошла, да и неудивительно, ибо она не знала, что это делается для нее и что она после этого огня должна броском ворваться на передний край. А не знала потому, что командир дивизии не установил зрительного сигнала к броску пехоты в атаку, а потому в данный момент и не мог ей управлять, а телефонная связь этого не обеспечивала.

Таких случаев можно наблюдать несколько, когда командиры дивизий, прикрывая свое невежество в использовании своей артиллерии, часто обращаются к армейской, а командование армии вместо того, чтобы решительно с этим бороться и больше ответственности возложить на командиров дивизий, легко прикрывает эти невежества выполнением их заявок, вследствие чего много понапрасну расходуется снарядов, а нехватка их в дальнейшем приводит к прекращению наступления.

5. При организации наступления укрепился шаблон независимо от условий, места и времени. Как правило, сначала артобработка час или два, а затем наступают дивизии и танки главными силами, а чтобы организовать при плохо разведанном противнике сначала наступление усиленных батальонов с целью разведки, а в случае их успеха ввести и главные силы, об этом никто не думает. Или чтобы при прочной обороне противника танки вводились лишь с прорывом обороны пехотой, тоже мало думают, и в результате незнания противника несут большие потери и неуспех всей операции.
6. Забыт вопрос маневрирования живой силой в наступлении. Вместо того, чтобы в случае прорыва обороны противника на отдельном участке вводом резервов и соседних частей развить прорыв, обычно продолжают наступать в прежнем порядке на всем фронте, а противник, как правило, произведя перегруппировку, контратакой ликвидирует обозначившийся успех, и войска в результате терпят неуспех, ибо не всегда удается прорвать оборону на всем фронте наступления.
7. Наблюдательные пункты командиров всех степеней оборудуются далеко не достаточно. Забывается, что командир здесь должен управлять боем своих подразделений, а потому ему должны быть обеспечены

▲ Зенитно-пулеметный расчет

соответствующие условия для работы и даже отдыха. Обычно на наблюдательных пунктах много разных представителей и лишних людей, а потому такая теснота, что не только управлять боем, но и повернуться негде, не говоря о возможности отдыха. И неудивительно, что когда старший командир говорит ему, почему Вы такой «вареный», нерасторопный, то такой командир отвечает: «Я не спал трое суток». На вид это мелочь, но мне кажется, связана с большими отрицательными моментами в управлении боем.

8. Все еще далеко не достаточно обстоит дело с организацией связи. Как правило, основной упор делается на телефонную

▲ Отдыхающие бойцы

и сидит, ничего не делая, целыми днями, а если его спросят дать обстановку, то дает то же самое, что и штаб дивизии. Таких представителей иногда бывает несколько человек, и они, кроме того, что мешают командиру в управлении, пользы никакой не приносят.

ВЫВОД:

Все вышеперечисленные мною недостатки, допускаемые при организации наступательного или оборонительного боя, на первый взгляд кажутся мелочными, но в целом дают громадный минус в успешном выполнении поставленных задач перед войсками армии. Нельзя сказать, чтобы они были новыми для командования армии, но дело в том, что для их устранения не принимается решительных мер, а допускается много либерализма, и это ведет к неудовлетворительным результатам. Для ликвидации всего вышеперечисленного необходима неуклонная и решительная борьба со стороны штаба армии, и прежде всего — в свете безоговорочного выполнения войсками приказов Ставки Верховного Главнокомандования, в которых все эти вопросы отображены, тогда любой вид боя будет до конца организованным и законченным.

Примечание:

Я в своей работе за последние месяцы, ввиду неуспеха наступательных операций армии, стремился вскрыть причины и недостатки, приведшие к таким результатам, находясь непосредственно на поле боя и в мелких подразделениях. Мне кажется, вскрыл их, что и освещаю в своем докладе. В предыдущих докладах я мало касался этих сторон по причине незаконченности своей работы.

*Офицер Генерального Штаба Красной Армии при штабе 31-й армии
майор Свекровин*

связь, которая часто подводит, а радиосвязь по-прежнему игнорируется, особенно в звене дивизия — полк.

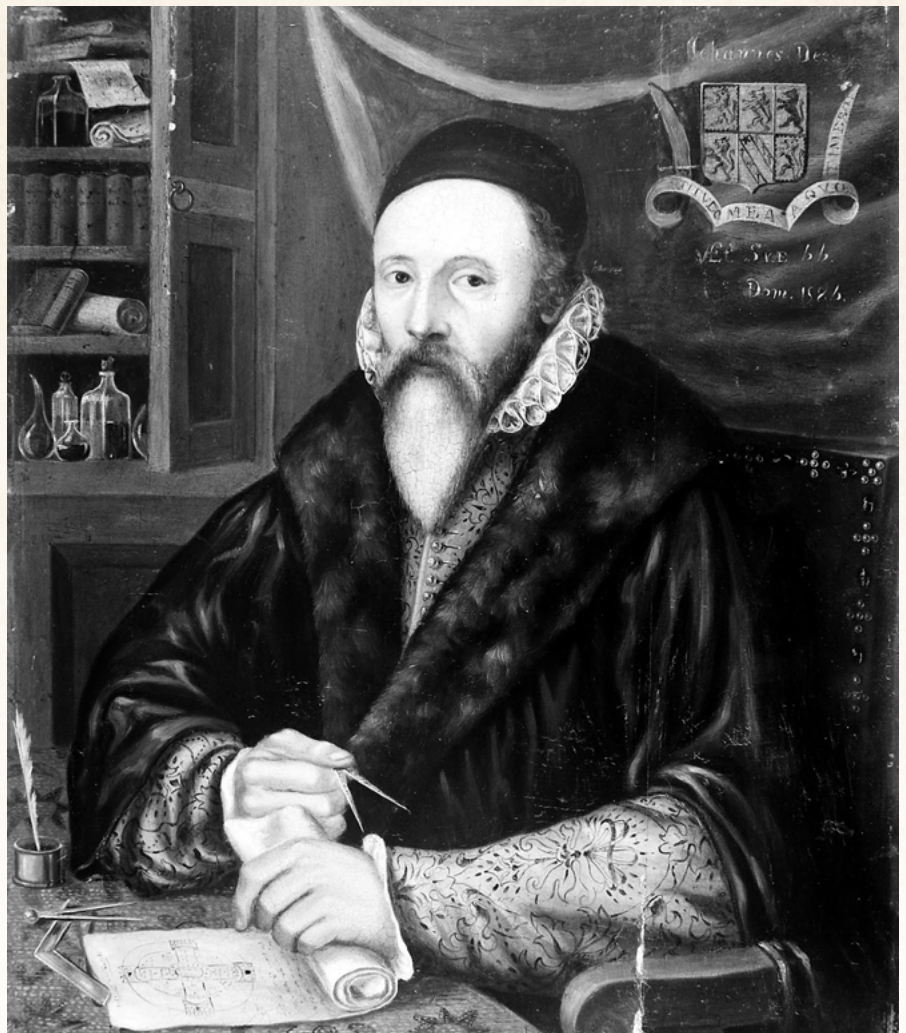
9. Мне кажется совершенно ненужным и лишним представительство от вышестоящих штабов к нижестоящим штабам. Приезжает такой представитель, примерно из штаба армии, и сидит или на командном пункте командира дивизии, или в лучшем случае на наблюдательном пункте, а так как и по своим знаниям, и по занимаемой должности стоит ниже командира дивизии, то последний на такого представителя обращает ноль внимания, а представитель, в свою очередь, старается не мешать командиру дивизии,

КАК НАЧИНАЛАСЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СССР

Британская империя была главным инициатором развязывания первой мировой информационной войны. Она надеялась сохранить свое мировое могущество. Однако результат для Британской империи оказался плачевным. Уже в 1946 году она перестала существовать. Термин «Британская империя» был придуман Джоном Ди (1527-1609) при королеве Елизавете I (1558-1603). В 1558 году на престол вступила Елизавета Английская, восстановившая в Англии протестантизм. Протестант Ди быстро оказался в фаворе у новой королевы. Елизавета сделала Ди своим личным астрологом и советником в делах науки. Ди сам назначил наиболее благоприятную дату коронации Елизаветы на основании составленного им гороскопа. Ди — владелец самой большой библиотеки в Британской империи XVI столетия. Интересно, что свои секретные сообщения королеве Ди подписывал псевдонимом «007». Следует обратить внимание читателей и на то, что именно Джон Ди был идеологом создания британской разведки. Современные режиссеры информационной войны Британского содружества не случайно активно использовали этот псевдоним в XX веке, что говорит о преемственности в системе подготовки режиссеров информационной войны Британской империи. Идеи Ди материализованы в известных кинофильмах о Джеймсе Бонде — агенте «007». Джеймс Бонд, также известный как «агент 007», — главный персонаж романов британского писателя и сотрудника британской разведки Яна Флеминга о вымышленном агенте британской разведки МИ-6. Благодаря серии ки-

▲ Джон Ди

нофильмов не существовавший никогда герой-разведчик стал реальностью. Джеймс Бонд получил широкую популярность вследствие экранизации романов. Таким образом, Ян Флеминг выступил в роли режиссера-идеолога информационной войны, который моделировал сознание сотен миллионов людей в мире, со-

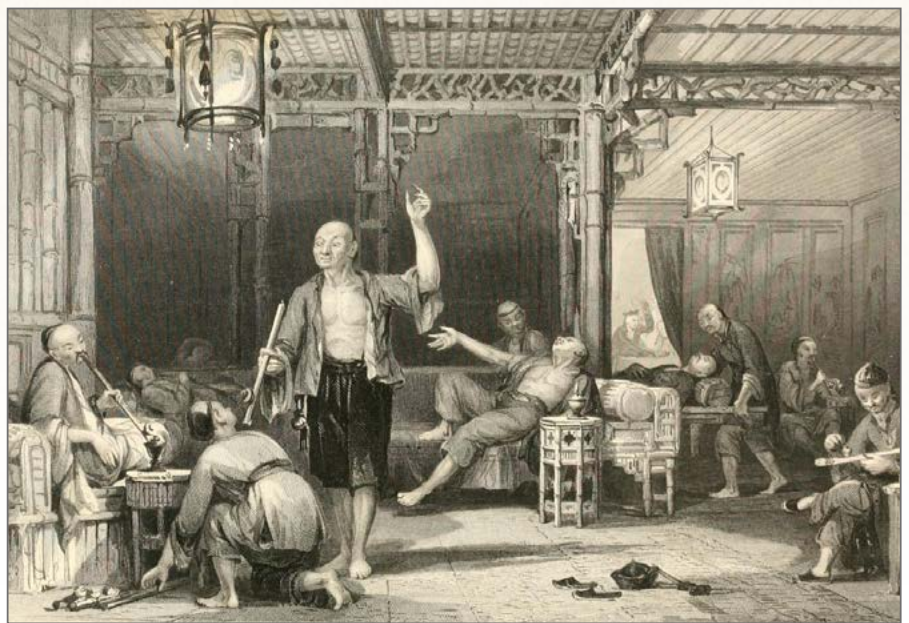
здавая образ бравого Джона Ди, воплотившегося в Джеймсе Бонде. Серия фильмов о Джеймсе Бонде именуется «бондианой» и является одной из самых продолжительных серий фильмов в мировой истории. С 1962 по 2009 год вышло 22 фильма (в среднем один фильм в два года). Серия принесла ее создателям при-

быль в размере более 5 миллиардов долларов США, став вторым по успешности киносериалом в истории кинематографа. Одновременно с этим речь идет о стратегической операции британской разведки МИ-6 по созданию определенной информационной картины мира у сотен миллионов людей на протяжении полвека. Под империей Ди понимал совокупность Британии и ее колоний. Ди придавал Британской империи всемирный, глобальный характер. Активно использовал Ди идею якобы мистического значения присоединения к Британской империи территорий Нового Света (главным образом Гренландии и Америки), рассматривая их как новую землю обетованную, как достигнутые «острова блаженных» из средневековых мифов. В 1576 году он пересек Атлантику в поисках легендарного северного пути на Восток. В 1577 году была издана его книга «Искусство навигации», в которой Ди выступал за создание постоянно действующего британского флота. Режиссер информационной войны Ди придумал комментарий-манипуляцию о том, что якобы первыми завоевателями островов вокруг Гренландии были легендарный король Артур и его рыцари Круглого стола, странствовавшие по миру в поисках Святого Грааля. Исходя из придуманного им же комментария, Ди делал вывод о том, что поскольку Артур был английским королем, то именно Англии и принадлежит право распоряжения Новым Светом. Однако существуют и другие версии о происхождении короля Артура (например, о его этрусско-тroyанском происхождении, родственном Рюриковичам). Именно Ди обосновал идею избранности Британской национальной империи и необходимости ее доминирования над всеми другими и над миром в целом. Ди сформулировал базовые принципы ведения информационной войны Британской империей за мировое господство. В качестве механизма реализации идеи мирового доминирования было использовано то обстоятельство, что государственное освоение британских колоний

наиболее активно стало сочетаться с частной инициативой. Возможность проведения тайных информационных операций британской разведкой была закреплена развитием навигации и торговли с вновь осваиваемыми территориями через посредство частных компаний. По сути, эти частные компании становились коммерческими филиалами британской разведки, концентрируя систему управления колониями в руках британских королей. Несмотря на активную поддержку государства, частный характер этих компаний позволял им вести свою деятельность более свободно и напористо, поскольку они не были связаны дипломатическим этикетом и моральными принципами, особенно в вопросах продажи опиума — главного оружия в информационной войне за мировое господство Британской империи. По сути, была сформирована целая система проведения тайных информационных операций по распространению опиума. С помощью одурманивания населения опиумом в Китае, искусственного создания голода (например, в Индии от спровоцированного британскими колонизаторами голода в XIX веке умерло более 40 миллионов человек) тайным структурам Британской империи удавалось длительное время

реализовывать свой принцип: «Разделяй и властвуй». Помимо этого государство избавляло себя и от дополнительных расходов, и от коммерческого риска. Практика управления колониями с помощью частных компаний существовала в Великобритании достаточно долго. Самой главной из частных была британская Ост-Индская компания (East India Company) — акционерное общество, созданное 31 декабря 1600 года указом Елизаветы I и получившее значительные привилегии в торговых операциях в Индии. Фактически королевский указ предоставил компании монополию на торговлю в Индии. Первоначально компания имела 125 акционеров и капитал в 72 тысячи фунтов стерлингов. Компания управлялась губернатором и советом директоров, который был ответствен перед собранием акционеров. Коммерческая компания вскоре приобрела правительственные и военные функции, которые утратила только в 1858 году. Бюджет компании первоначально формировался из секретных фондов британской разведки. К 1640 году она создала широкую, по сути разведывательную, сеть своих факторий не только в Индии, но и в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, создав усло-

▲ Курильщики опиума

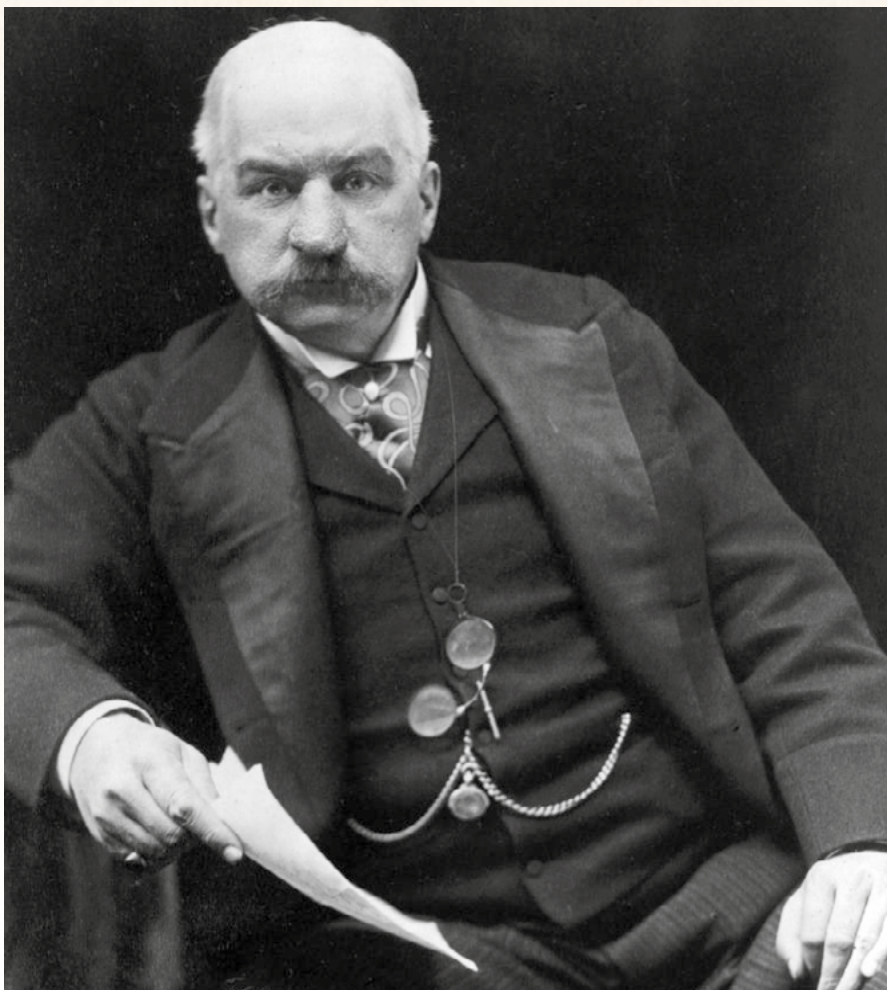

вия для колониального захвата этих территорий. Вскоре после своего образования компания организовала собственное лобби в парламенте. В 1773 году компания получила больше автономии в своих торговых операциях в Индии и начала торговлю с Америкой. Монополистическая деятельность компании стала поводом для «Бостонского чаепития», начавшего американскую войну за независимость, которая вскоре привела к созданию США. Испытывая недостаток средств для закупок чая в Китае, компания начала массовое выращивание в Индии опиума для экспорта в Китай. В 1711 году компания основала торговое представительство в китайском городе Кантоне (Гуанчжоу) для закупок чая. Сначала чай покупался на серебро, затем обменивался на опиум, который выращивался на индийских плантациях, принад-

лежащих компании. Несмотря на запрет китайского правительства на ввоз опиума от 1799 года, компания продолжала ввозить около 900 тонн опиума в год контрабандным путем. Большинство денежных средств, предназначенных на закупку китайского чая, являлось доходом от торговли опиумом. К 1838 году нелегальный ввоз опиума достиг уже 1400 тонн в год, и китайское правительство ввело смертную казнь за контрабанду опиума. Таким образом, британская Ост-Индская компания была крупнейшим наркоторговцем в мире. Уничтожение китайским губернатором партии британского контрабандного опиума в 1839 году привело к тому, что англичане начали военные действия против Китая, переросшие в Первую опиумную войну (1839-1842). После индийского национального восстания 1857 года ком-

пания в 1858 году передала свои административные функции британской короне и в 1874 году ликвидировалась. Именно Ост-Индской компанией, при содействии британской разведки, был создан так называемый «Комитет 300» (Committee 300) в 1729 году. О деятельности этой могущественной организации бывший сотрудник британской разведки Джон Колеман написал книгу «Комитет 300. Тайны мирового правительства». Идеи Ди о Британской империи и ее предпосылках к глобальному доминированию не остались в забвении и были восприняты уже на новом, переломном этапе колониального развития Британской империи. В 1887 году к Натаниэлю Ротшильду обратился Сесил Родс, попросил у него в кредит миллион фунтов стерлингов и получил могущественного покровителя — финансиста и политика. В марте 1888 года в Южной Африке появилась мощная компания «Де Бирс» во главе с Родсом. В состав руководства компании с самого начала вошел представитель Ротшильдов. В 1889 году Родс получил от британского правительства для своей компании право на освоение африканских земель в районах рек Замбези и Лимпопо и частное управление ими. Позднее эти территории получили его имя — Северная и Южная Родезия. Родс был одним из подстрекателей и инициаторов англо-бурской войны 1899-1902 годов. В своей африканской политике он стремился к созданию сплошной полосы английских владений — от Кейптауна до Каира. Главным вкладом Родса в теорию информационной войны является идея о создании Всемирной Британской империи с глобальным имперским парламентом. Для реализации этой идеи в 1891 году Сесил Родс при участии лордов Бальфура, Ротшильда, Мильнера и Эшера (друг и доверенное лицо королевы Виктории, а позднее — ближайший советник Эдуарда VII и Георга V), Уильяма Томаса Стэда (самый известный журналист того времени) основал общество «Круглый стол» (Round Table). Это общество участвовало затем в создании «Совета по международным от-

▲ Дж. П. Морган

ношениям» в Нью-Йорке, Королевского института международных исследований в Лондоне и Института специальных исследований (Institute of Advanced Studies), где была изготовлена первая в мире атомная бомба. Историю «Круглого стола» хорошо описал американский историк Кэрролл Куигли (1910-1977) в работе «Англо-американский истеблишмент», написанной в 1949 году, но изданной лишь в 1981 году. Одной из целей «Круглого стола» был возврат Соединенных Штатов Америки в состав Британской империи. Главным средством реализации этого плана стало создание Федеральной резервной системы (ФРС). Одновременно ставилась задача по ослаблению Российской империи (чтобы она не могла помочь США, как в 1861-1864 годах, когда она послала две эскадры в Нью-Йорк и Сан-Франциско для защиты северян от британского флота в ходе гражданской войны). ФРС была создана в 1913 году, после финансового кризиса, организованного в 1907 году британской разведкой через подконтрольных американских банкиров. Крупнейший американский банкир того времени Дж. П. Морган провел несколько месяцев в Лондоне, консультируясь с финансистами Британской империи, с которыми он был тесно связан, а по возвращении в США вдруг стал распространять слухи, будто нью-йоркский «Knickerbrocker Bank» неплатежеспособен. Вкладчики перепугались, кинулись изымать деньги. Но хорошо известно, что в любом банке находится лишь небольшая часть вложенных средств, остальное отдается заем, вкладывается в те или иные проекты. При одновременном массовом изъятии наличности наверняка не хватит — что и произошло. Катастрофа одного банка переполошила вкладчиков других, они тоже принялись забирать деньги, началась паника. Банки, чтобы расплатиться с клиентами, стали изымать средства, вложенные в различные предприятия и отрасли хозяйства, финансовая паника переросла в экономический кризис. Затем внутри США с помощью внедрения системы необходи-

▲ В. Вильсон

мых комментариев было сформировано соответствующее общественное мнение, которое было направлено на необходимость создания новых финансовых структур для предотвращения подобных финансовых кризисов. Частью стратегической информационной операции по созданию ФРС была и организация победы на президентских выборах В. Вильсона. Банк Англии (частный банк, созданный в 1694 году) тайно финансировал избирательную кампанию будущего президента США Вудро Вильсона. Деликатные поручения по финансированию избирательной кампании В. Вильсона выполнял Э. Хауз. ФРС стала важнейшим инструментом финансового управления США со стороны Британской империи. В качестве модели организации и функционирования «Круглого стола» Родс избрал орден иезуитов. Члены общества, в котором выделялись два круга: внутренний («Общество избранных») и внешний («Ассо-

циация помощников»), были видными политиками, журналистами, деятелями науки и образования. Общество привлекало на свою сторону людей со способностями и положением и привязывало их к себе посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по службе и титулы. И уже с помощью привлеченных оно влияло на государственную политику, главным образом путем занятия членами группы высоких постов, которые максимально защищены от влияния общественности, а иногда и вовсе скрыты от нее. Кстати, будущий посол Британской империи в России Джордж Бьюкенен также являлся членом общества. Тайное общество было саморазвивающейся ветвящейся системой, оказывавшей все возрастающее влияние на британскую политику. После смерти Родса в 1902 году руководителем общества стал лорд Мильнер. Главная установка Альфреда Мильнера: расширение и интеграция империи

и рост благосостояния общества необходимы, чтобы продолжал существовать британский образ жизни, раскрывающий все лучшие и высшие способности человечества. Одновременно ключевой идеей А. Мильнера было создание Лиги наций, находящейся под влиянием Британской империи. В 1920-е годы одним из важнейших инструментов управления обществом стал созданный в 1920 году и полностью контролируемый ими Королевский институт международных отношений (КИМО). Здание, где сейчас располагается организация, служило домом для трех премьер-министров, включая графа Чатама, пока в 1923 году оно не было подарено институту. Подлинным основателем института стал Джордж Натаниэль Керзон. Начало КИМО было положено на совместной конференции британских и американских экспертов (под руководством Э. Хауза) в парижской гостинице «Маджестик» в 1919 году. Штат института составили совет с председателем и двумя почетными секретарями и небольшая группа сотрудников. Среди последних наиболее значительной фигурой был Арнольд Джо-зеф Тойнби — племянник друга Мильнера, автор знаменитого многотомника *A Study of History*. КИМО, также известный как «Чатам хаус», — благотворительная организация и один из ведущих мировых институтов, специализирующихся на анализе международных отношений. Доход составляют благотворительные гранты, членские взносы, пожертвования корпораций и доходы «Чатам хаус энтер-прайз лимитед», дочерней торговой компании. Цель института — стимулировать изучение ключевых проблем на международной арене и укреплять англо-американские взаимоотношения. КИМО организует много встреч и дискуссий. Если они проводятся согласно «Правилу Чатам хаус», это означает следующее: участники могут свободно использовать полученную информацию, но они не имеют права разглашать имя и место работы выступавших. Более того, нельзя упоминать, где именно была получена информация. Управление

▲ Сесил Родс

институтом осуществляет совет, избираемый членами КИМО путем тайного голосования на три года с правом перевыбора еще на три. В совете — три комитета: исполнительный, финансовый и инвестиционный. Председатель совета — лорд Маршалл Найтсбридж, директор — профессор Виктор Балмер-Томас. КИМО организовывал дискуссии и исследовательские группы, спонсировал исследования и публиковал их результаты. Институт напечатал «Историю мирной конференции» и издавал «Журнал» с отчетами о дискуссиях, а также ежегодный «Обзор международных дел», составляемый его служащими (прежде всего Тойнби) или членами общества Мильнера. Еще одним ежегодником был «Обзор отношений в Британском содружестве», финансируемый с помощью гранта нью-йоркской корпорации Карнеги. Институт создал филиалы в доминионах

и даже распространил свое влияние на страны за пределами Содружества — с помощью Организации интеллектуального сотрудничества Лиги наций. Со времени чехословацкого кризиса в сентябре 1938 года КИМО стал неофициальным консультантом Министерства иностранных дел, а с началом II мировой войны официально превратился в его исследовательское отделение. Обращаю внимание читателей на то, что Родс развивал идеи Ди, высказанные им в XVI веке. Таким образом, наблюдается преемственность в системе взглядов режиссеров-идеологов информационной войны Британской империи. Главной целью «Круглого стола» являлось создание правительства Всемирной Британской империи и установление над миром финансового контроля. Итак, в 1891 году, при покровительстве британской разведки, был создан интеллектуальный

центр ведения глобальной информационной войны Британской империи за мировое господство. Я считаю, что этот центр и являлся длительное время главным штабом информационной войны против России — СССР. Именно в нем был разработан основной замысел I мировой войны, колониального захвата территории других империй (Германской и Османской), распада главного конкурента — Российской империи. Британская империя развернула против России глобальную информационную войну. В рамках ведения антироссийских информационных операций Лондон организовывал войны против России, поддерживал Герцена, террористов-эсеров и большевиков, спровоцировал свержение самодержавия. Британская империя была основным инициатором русско-японской войны 1904-1905 годов. В 1902 году Токио заключил союз с Лондоном и начал

получать от Великобритании необходимую финансовую и военную помощь для подготовки войны с Россией. Британская разведка провела успешные информационные операции на фронтах тайной войны, которые обеспечили участие России в войне против Германии в 1914 году. Дело в том, что в начале XX века мировые интересы Британской империи повсюду сталкивались с интересами Германии. Положение Британской империи в случае союза или хотя бы взаимного нейтралитета России и Германии (тем более что Николай II и Вильгельм II были двоюродными братьями) было бы фатальным. Поэтому после прибытия в Петербург в начале декабря 1910 года посол Британской империи в России Джордж Бьюкенен (член общества «Круглый стол») создал мощное лобби, состоящее из влиятельнейших людей — агентов Британской импе-

рии. Ключевым агентом стал Г. Сазонов — министр иностранных дел России. Как писал в своих мемуарах посол: «Сазонов был всегда преданным другом Великобритании; и до последнего дня его пребывания на посту министра иностранных дел, до конца июля 1916 года, я всегда находил в нем лояльного и ревностного сотрудника в деле поддержания англо-русского согласия». С помощью таких вот Сазоновых Британской империи удалось втянуть Россию в чуждую ей войну. В феврале 1914 года Петр Дурново, бывший министр внутренних дел, член Госсовета, написал царю пророческий меморандум. По оценке Дурново, воюя на стороне Великобритании — своего традиционного геополитического противника, Россия лишь получит дополнительные проблемы. Но самым главным доводом против войны явилось убеждение в том, что она неизбежно по-

▲ Вильгельм II

▲ Николай II

▲ Сазонов

влечет за собой социальную революцию и в побежденной стране, и в стране-победителе. Потери русской армии в I мировой войне намного превзошли потери союзников. За время войны Россия потеряла 4 миллиона солдат и 77 тысяч офицеров убитыми и ранеными. Именно война являлась главной причиной февральской революции 1917 года. Именно война вызвала расстройство государственных финансов и рост инфляции. Внешний долг России за три года войны (1914-1916) увеличился с 8,8 миллиарда рублей до 50 миллиардов рублей! Союзники давали России кредиты на кабальных условиях. Более того, для закупок оружия Россия отправила за границу две трети золотого запаса страны, или

2600 тонн золота. Золото осело в США и Канаде (1500 тонн), Великобритании и Франции (400 тонн), а также в Швеции (300 тонн). Оставшуюся часть царского золотого запаса — 1300 тонн, хранившихся в Нижнем Новгороде и Казани, — «поделили» красные и белые и разбазарили. В итоге золотой запас России в 1922 году составлял лишь 2,5 тонны. Резкое ухудшение уровня жизни населения привело к созданию революционной ситуации. Если до войны в России вообще не было забастовок, то уже в августе — декабре 1914 года их было 68, в 1915 году — более 1000, а в 1916 году — 1500. Затем началась Гражданская война. После ее завершения население России уменьшилось на 10,9 миллиона

человек (погибшие, эмиграция). Промышленное производство сократилось в 7 раз. Петр Дурново был абсолютно прав. В ноябре 1918 года началась революция в Германии, покончившая с монархическим строем. После падения других империй (Австро-Венгерская, Германская, Османская, Российская) Британская империя была крупнейшим из всех когда-либо существовавших государств за всю историю человечества — с учетом колоний на всех континентах. Наибольшей площади империя достигла в 30-х годах XX века, тогда британские колонии простирались более чем на 37 миллионов квадратных км — около четверти земной суши. Общая численность населения империи составляла примерно 500 миллионов человек (одна четвертая часть человечества). В результате I мировой войны Великобритания получила мандат Лиги наций на управление частями распавшихся Германской и Османской империй. А Российская империя перестала существовать в 1917 году. Для сохранения своего мирового господства уже после I мировой войны именно Британская империя организовала в 1929 году Великую депрессию в целях устранения своего потенциального конкурента в лице США. Великая депрессия — продолжительный спад мировой экономики, случившийся в 1929 году и окончательно закончившийся лишь в конце 1930-х годов. Великая депрессия — это мировой экономический кризис, а сам термин обычно употребляется по отношению к Соединенным Штатам Америки, которые лишь благодаря II мировой войне вышли из него. В «черный четверг» 24 октября 1929 года на Нью-Йоркской фондовой бирже произошло резкое снижение курса акций, ознаменовавшее начало крупнейшего в истории мирового экономического кризиса. Что же было толчком для начала кризиса? Действия Банка Англии — частного банка Британской империи, национализированного в 1946 году, после начала распада Британской империи. К концу 1929 года падение курсов ценных бумаг достигло фантастической сум-

мы в 40 млрд. долларов. Закрывались фирмы и заводы, лопались банки, миллионы стали безработными. Начался голод. Чтобы выжить, миллионы американцев работали бесплатно, лишь за питание. За первые же три года депрессии обанкротились 4835 банков. Промышленное производство во время этого кризиса сократилось в США на 46%, в Великобритании — на 24%, в Германии — на 41%, во Франции — на 32%. Курсы акций промышленных компаний упали в США на 87%, в Германии — на 64%, во Франции — на 60%. Колоссальных размеров достигла безработица. По официальным данным, в 1933 году в 32 развитых странах насчитывалось 30 миллионов безработных, в том числе в США 14 миллионов. А в СССР в 1930 году проблема безработицы была окончательно решена. Новая безработица появилась в СССР лишь при самовлюбленном разрушителе М. Горбачеве. Великая депрессия была попыткой спасти финансовое могущество Британской империи — попыткой неудавшейся. А ведь в ок-

тябре 2009 года Великобритания окончательно вошла в фазу сильнейшего экономического кризиса, который вскоре может поставить вопрос о единстве Великобритании. В декабре 2009 года появились планы проведения в 2010 году референдума о независимости Шотландии. Процесс распада страны пошел... Другая важная черта Великой депрессии тоже очень важна для понимания механизмов тайной информационной войны в финансовой сфере: коллапс американского фондового рынка 1929 года разросся до масштабов международного кризиса потому, что в связи с ним закончился поток американских кредитов в Германию. А без этого потока Германия оказалась неспособной продолжать выплаты репараций Франции и Великобритании. Таким образом, Британская империя создала объективные предпосылки для резкого обострения финансово-экономической ситуации в Германии, прихода германского фашизма к власти и начала II мировой войны. Цель Британ-

ской империи была проста — с помощью очередной мировой бойни устранить своих геополитических конкурентов и сохранить мировое господство. Банк Англии с помощью ФРС установил финансовый контроль над Германией, чтобы организовать новый кровавый котел в Европе. В реализации этой гнусной цели можно выделить следующие этапы: с 1919 по 1924 год — подготовительный этап; с 1924 по 1929 год — установление финансового контроля над Германией; с 1929 по 1933 год — создание глубокого финансово-экономического кризиса и обеспечение прихода фашистов к власти в Германии; с 1933 по 1939 год — финансовое сотрудничество с Гитлером и подготовка новой мировой войны. На первом этапе главными рычагами проникновения американского капитала в Европу стали военные долги и тесно связанная с ними проблема германских репараций. Германии навязали огромную сумму и крайне тяжелые условия выплаты репараций. Вызванные этим отток немецких ка-

▲ Великая депрессия

▲ Гитлер и Шахт

питалов за границу и отказ от уплаты налогов привели к такому дефициту государственного бюджета, который мог быть покрыт только за счет массового выпуска ничем не обеспеченных марок. Результатом этого стал коллапс германской валюты 1923 года. Германские промышленники начали открыто саботировать все мероприятия по выплате репарационных обязательств, что спровоцировало в итоге известное «рурский кризис» — франко-бельгийскую оккупацию Рура в январе 1923 года. Именно этого ждали закулисные лидеры Британской империи, чтобы, дав увязнуть

Франции в затеваемой авантюре и доказав ее неспособность решить проблему, взять инициативу в свои руки. Новый проект разрабатывался в недрах «Дж. П. Морган и К°» по указанию главы Банка Англии (напомним — частного банка) Монтегю Нормана. В основе проекта лежали идеи представителя «Дрезднер Банка» Ялмара Шахта, сформулированные им еще в марте 1922 года по предложению Джона Фостера Даллеса (будущего госсекретаря в кабинете президента США Д. Эйзенхауэра и брата Аллена Даллеса, будущего директора ЦРУ), юридического советника президента В. Вильсона

на Парижской мирной конференции. Даллес передал записку главному доверенному лицу «Дж. П. Морган и К°», после чего Дж. П. Морган рекомендовал Я. Шахта М. Норману, а последний — веймарским правителям. В декабре 1923 года Я. Шахт станет управляющим Рейхсбанка и сыграет важнейшую роль в сближении англо-американских и немецких финансовых кругов. Летом 1924 года данный проект, известный как «план Дауэса» (по имени председателя готовившего его комитета экспертов, американского банкира, директора одного из банков группы Моргана), был принят на Лондонской конференции. Он предусматривал снижение вдвое выплаты репараций и решал вопрос об источниках их покрытия. Однако главной задачей было обеспечение благоприятных условий для американских инвестиций, что было возможно только при стабилизации немецкой марки. Для этого план предусматривал предоставление Германии крупного займа на сумму 200 миллионов долларов, половина из которых приходилась на банкирский дом Моргана. При этом англо-американские банки устанавливали контроль не только над переводом германских платежей, но и над бюджетом, системой денежного обращения и в значительной мере — над системой кредита страны. К августу 1924 года старую немецкую марку заменили новой, финансовое положение Германии стабилизировалось. Однако Германия попала в полную финансовую зависимость от Британской империи. Во-первых, в силу того, что ежегодные выплаты репараций шли на покрытие суммы выплачиваемых союзниками долгов, сложился так называемый «абсурдный веймарский круг». Золото, которое Германия платила в виде военных репараций, продавалось, закладывалось и исчезало в США, откуда оно в виде «помощи» по плану возвращалось в Германию, которая отдавала его Англии и Франции, а те в свою очередь оплачивали им военный долг США. Последние, обложив его процентами, вновь направляли его Германии. В итоге все

в Германии жили в долг, и было ясно, что в случае, если Уолл-стрит отзовёт свои займы, страна потерпит полное банкротство. С моей точки зрения, вышеупомянутый «абсурдный веймарский круг» был применен и против СССР в годы перестройки. Иначе просто невозможно объяснить уменьшение золотого запаса СССР на 2140 тонн с 1985 по 1991 год. Одновременно с этим внешний долг СССР увеличился более чем в 5 раз. Можно высказать гипотезу о том, что все эти действия осуществлялись по личному указанию М. Горбачева. По мнению некоторых экспертов, самолетами военно-транспортной авиации СССР золото тайно перебрасывалось во Франкфурт-на-Майне — европейскую финансовую столицу. После утечки информации ряд советских военачальников во главе с министром обороны Маршалом Советского Союза С. Л. Соколовым выступили против этой невероятной коррупционной акции, и тогда 28 мая 1987 года был организован пролет М. Руста на легкомоторном самолете в Москву, который дал возможность М. Горба-

чеву провести масштабную чистку протестующего против злоупотреблений с золотом генералитета Министерства обороны, ВВС и ПВО. Как сказал в одном из интервью генерал армии П. Дейнекин, главнокомандующий ВВС России в 1991-1997 годах, «полет М. Руста был спланированной провокацией западных спецслужб. И что самое важное — проведена она с согласия и с ведома отдельных лиц из тогдашнего руководства Советского Союза». Этой же точки зрения придерживается Игорь Морозов, бывший полковник КГБ СССР, отметивший: «Это была блестящая операция, разработанная западными спецслужбами. Спустя 20 лет становится очевидным, что спецслужбы, и это ни для кого уже не является секретом, смогли привлечь к осуществлению грандиозного проекта лиц из ближайшего окружения Михаила Горбачева, причем со стопроцентной точностью просчитали реакцию Генерального секретаря ЦК КПСС. А цель была одна — обезглавить Вооруженные силы СССР, значительно ослабить позиции Советского Союза

на международной арене». Во-вторых, хотя формально кредиты выдавались для обеспечения выплат, речь шла фактически о восстановлении военно-промышленного потенциала страны. 70% финансовых поступлений обеспечивали банкиры США, большей частью банки Дж. П. Моргана, которые были тесно связаны с Британской империей. В итоге уже в 1929 году германская промышленность вышла на второе место в мире, но в значительной мере она находилась под контролем Британской империи и США. К 1933 году под контролем американо-британского финансового капитала оказались ключевые отрасли германской промышленности и крупные банки. Одновременно шло финансирование нацистской партии и лично А. Гитлера, которого готовили для нападения на СССР. С осени 1929 года, после спровоцированного Банком Англии и ФРС краха американской фондовой биржи, начинает осуществляться третий этап стратегии финансовых кругов Британской империи. ФРС и банкирский дом Моргана принимают реше-

▲ Самолет Руста на Красной площади

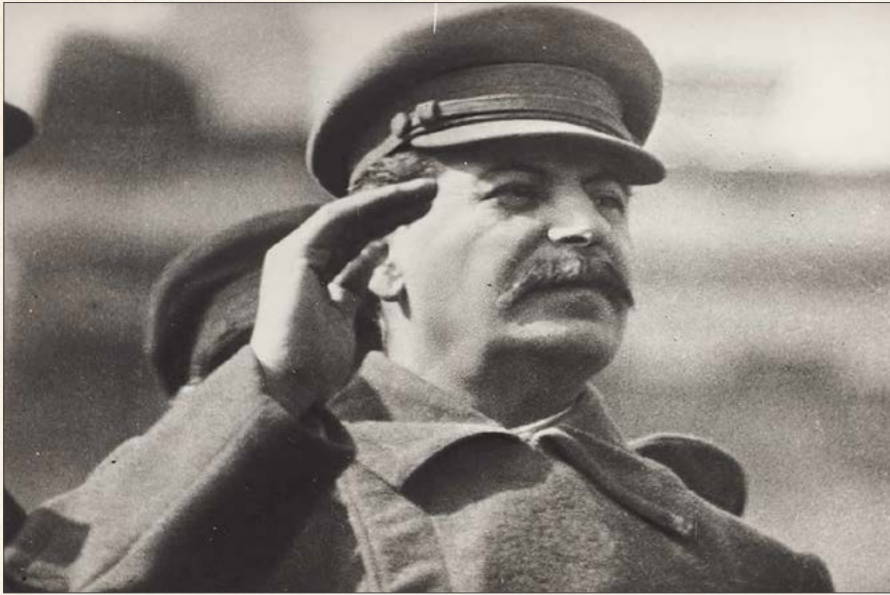
▲ Соколов С.Л.

ние прекратить кредитование Германии, инспирировав банковский кризис и экономическую депрессию в Европе. В сентябре 1931 года Британская империя отказалась от золотого стандарта, сознательно разрушив международную систему платежей и полностью перекрыв финансовый кислород Веймарской республике. НСДАП же занимает второе место в Рейхстаге, после чего активизируется ее финансирование из-за рубежа. Основным связующим звеном между крупнейшими немецкими промышленниками и зарубежными финансистами становится вышеупомянутый Я. Шахт. 4 января 1932 года состоялась встреча руководителя Банка Англии М. Нормана с А. Гитлером и фон Папенем, на которой было заключено тайное соглашение о финансировании НСДАП. На этой встрече присутствовали также и американские политики братья Даллесы. Таким образом, еще в 1932 году братья Даллесы активно участвовали в реализации глобальных планов Британской империи. А 14 января

1933 года состоялась встреча Гитлера со Шредером, Папенем и Кеплером, на которой программа Гитлера была полностью одобрена. Именно здесь был окончательно решен вопрос о передаче власти нацистам, и 30 января Гитлер становится рейхсканцлером. Теперь начинается реализация четвертого этапа стратегии. Отношение англо-американских правящих кругов к новому правительству стало крайне благожелательным. Когда Гитлер отказался платить репарации, что, естественно, поставило под вопрос выплату военных долгов, ни Британская империя, ни Франция не предъявили ему претензий по поводу платежей. Более того, после поездки поставленного вновь во главе Рейхсбанка Я. Шахта в США в мае 1933 года и его встречи с президентом и крупнейшими банкирами с Уолл-стрит Америка выделила Германии новые кредиты на общую сумму в 1 миллиард долларов. А в июне во время поездки в Лондон и встречи с М. Норманом Я. Шахт добивается предоставления английского займа

в 2 миллиарда долларов и сокращения, а потом и прекращения платежей по старым займам. Таким образом, нацисты получили то, чего не могли добиться прежние правительства. Летом 1934 года Британская империя заключила англо-германское трансфертное соглашение, ставшее одной из основ британской политики по отношению к Третьему рейху, и к концу 30-х годов Германия превращается в основного торгового партнера Англии, а банк Шредера — в главного агента Германии в Великобритании. С 1936 года его отделение в Нью-Йорке объединяется с домом Рокфеллеров для создания инвестиционного банка «Шредер, Рокфеллер и К°». Таким образом, с точки зрения информационной войны Великая депрессия представляла собой стратегическую информационную операцию по сохранению мирового господства Британской империи, устранению главных конкурентов Британской империи — США, СССР, Германии, Франции путем организации мирового экономического кризиса и II мировой войны. Следует подчеркнуть, что в начале 30-х годов XX века СССР бурно и динамично развивался, создавалась тяжелая промышленность, темпы роста советской экономики составляли около 20%. Аналогично сейчас развивается СССР-2 — Китайская Народная Республика (около 9% экономического роста в 2009 году). КНР полностью реализовала в последние десятилетия концептуальные идеи сталинской индустриализации. С 1929 года, после высылки агента Британской империи Троцкого-Бронштейна, сталинский СССР взял курс на индустриализацию страны, начал проводить самостоятельную финансово-экономическую политику. Поэтому Лондон и стал готовить фашистскую Германию к нападению на СССР. После того как в 1943 году наступил коренной перелом в Великой Отечественной войне, Британская империя приступила к разработке плана информационной войны против СССР. Замысел войны Традиционная точка зрения на историю противостояния СССР и западных стран в годы холодной войны

▲ И.В. Сталин

заключается в том, что эра противостояния началась после речи бывшего британского премьера Черчилля в Фултоне в 1946 году. Однако первая мировая информационная война началась летом 1943 года, а конкретно — в августе, на британо-американской встрече в канадском Квебеке. Основным разработчиком замысла первой мировой информационной войны был режиссер У. Черчилль — британский премьер. Уинстон Черчилль (1874-1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940-1945 и 1951-1955 годах, военный, журналист, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1953 год). В пятом томе своей книги «Вторая мировая война», опубликованной в 1950 году, У. Черчилль посвятил целую главу событиям августа 1943 года. Она называется «Квебекская конференция». «Первое пленарное заседание состоялось 19 августа. Важнейшее стратегическое значение придавалось комбинированному воздушному наступлению на Германию «как необходимой предпосылке к операции «Оверлорд». Затем генерал Морган резюмировал длительное обсуждение операции «Оверлорд» в свете совместного планирования в Лондоне». Но У. Черчилль не пишет в своих мемуарах

о том, что 20 августа 1943 года в Квебеке, на заседании лидеров США и Британской империи с участием начальников американских и британских штабов, впервые ставится вопрос о том, что немецко-фашистские войска должны задержать русских как можно дальше на востоке. То есть война с фашизмом в полном разгаре, но союзники СССР по антигитлеровской коалиции уже начинают размышлять о послевоенном устройстве мира. Причем в этом послевоенном устройстве СССР должен был остаться ослабленным и за так называемым «санитарным кордоном». Лидеры США и Британской империи попытались «украсть» у СССР победу, нашу Великую Победу над фашизмом. В принципе, ситуация в какой-то мере напоминала лето 1916 года, когда после успешного Брусилковского прорыва русские войска, только захватив в плен более миллиона человек, вошли в Румынию. Константинополь — извечная русская цель — уже был рядом. Тем более что полным провалом завершилась в феврале 1916 года попытка британских войска захватить Стамбул и проливы (так называемая «дарданелльская операция», предпринятая по инициативе лорда Адмиралтейства У. Черчилля). Да и преодолев Кавказский хребет, русские войска были близки к Пер-

сидскому заливу. Под большой угрозой оказались бы интересы Британской империи. Именно после завершения русской армией успешной летней кампании 1916 года сотрудниками британской разведки были осуществлены специальные операции, которые стимулировали падение Российской империи в феврале 1917 года. Царская контрразведка оказалась не в состоянии эффективно противодействовать системным диверсионно-разведывательным операциям британского «союзника» на территории России. По мнению автора, решающую роль в Февральском перевороте и свержении монархии сыграла отнюдь не немецкая, а британская разведка. Именно британская разведка организовала убийство русского императора Павла I более 200 лет назад. Цель убийства была предельно прозаична — защита от русских войска самой крупной колонии Британской империи — Индии. После смерти императора Павла в 1801 году казачий корпус атамана Платова, подходивший к Афганистану и двигавшийся в Индию, был возвращен на Дон. И Индия еще 146 лет оставалась колонией Великобритании. По сути, в 1943 году режиссер У. Черчилль не стал выдумывать ничего нового — он просто использовал некоторые оперативные модели I мировой войны, разработанные идеологами Британской империи. Тем более что и У. Черчилль, и его помощники — руководители британской и американской разведок были активными участниками боевых действий в ходе I мировой войны и исполнителями плана информационной войны против Российской империи. План был реализован: в феврале 1917 года Российская империя, длительное время угрожавшая интересам колониальной Британской империи в Азии, перестала существовать. 3 июля 1941 года И.В. Сталин — режиссер и организатор ведения информационной войны СССР против Британской империи — выступил по радио с обращением к нации, причем не как руководитель партии, а как лидер нации в момент смертельной опасности. Таким образом,

▲ На Курской дуге

3 июля 1941 года Сталин начал процесс идеологической трансформации СССР, возврата СССР к самой успешной геополитической доктрине Руси — России «Москва — Третий Рим». Летом 1943 года, после Сталинграда и первого салюта в честь взятия Орла, плоды этой трансформации стали очевидны всем в мире. Идеологи Британской империи почувствовали угрозу утраты своих заморских колоний. Замысел информационной войны против СССР, разработанный У. Черчиллем, был прост. Путем проведения специальных тайных информационных операций, обеспечивавших влияние на принятие решений в фашистской Германии, добиться сепаратного мира Германии с западными странами и направить все силы вермахта против СССР. Тайный замысел Черчилля был циничен. Но на информационной войне как на войне: не до демократических принципов, о которых он красноречиво говорил в своих многочисленных выступлениях. Это также один из базовых принципов информационной войны — различие методов публичной и тайной информационной деятельности. Режиссер информационной

войны всегда пытается скрыть свои истинные намерения. Поэтому на квебекском совещании принимаются два плана: первый, «Оверлорд», о котором СССР проинформируют на конференции осенью 1943-го в Тегеране (им предусматривалась высадка союзников во Франции в 1944 году), и второй, сверхсекретный, «Рэнкин», цель которого — «повернуть против России всю мощь непобежденной Германии». Об этом плане рассказал в интервью (журнал «Российская Федерация», май 2005 года, и др.) доктор исторических наук В. Фалин, основываясь на ряде рассекреченных британо-американских материалов. По этому плану немецко-фашистские войска должны были войти в сговор с западными державами, распустить Западный фронт, оказать поддержку при высадке десанта в Нормандии, обеспечить быстрое продвижение союзников через Францию и Германию, на линию, где удерживаются советские войска. В соответствии с планом «Рэнкин» под контроль США и Великобритании должны были попасть Варшава, Прага, Будапешт, Бухарест, София, Вена, Белград... При этом не-

мецкие войска на западе должны были не просто сдаться, а организованно двигаться на восток для укрепления там немецкой линии обороны. Этот Квебекский вариант плана «Рэнкин» был уточнен в ноябре 1943-го. Когда Д. Эйзенхауэра назначили главнокомандующим экспедиционными силами союзников, ему была дана директива: готовясь к «Оверлорду», не упускать из виду и план «Рэнкин» и при малейшей возможности осуществить его. Судя по всему, отдельные компоненты плана «Рэнкин» (оказывать поддержку при высадке десанта в Нормандии, обеспечить быстрое продвижение союзников через Францию) были реализованы. Операция высадки союзников в Нормандии, вероятнее всего, была осуществлена в сговоре с командованием войск вермахта во Франции. Режиссер Черчилль поработал на стратегическом уровне информационной войны хорошо. Таким образом, становится очевидной цель информационных операций этого этапа — создать нужное отношение к действиям британо-американских союзников (вспомните голливудский кинофильм «Спасти рядового Райа-

на»), Следует напомнить об очень похожих сценариях в ходе оккупации американцами Ирака в 2003 году. Иракские повстанцы-партизаны в Ум-Касре уничтожили за месяц боев 96 новейших американских танков АБРАМС. А вся регулярная иракская армия — гораздо меньше. Секрет был прост — иракских генералов подкупили (технология информационной войны). Так же подкупили (пообещали, договорились и т.д.) и немецких генералов во главе с Э. Роммелем во Франции в 1944 году. Одновременно проводились дезинформационные мероприятия против СССР. Основной объект воздействия комментария-манипуляции — это психика И.В. Сталина и советского военно-политического руководства, заинтересованного в открытии второго фронта для уменьшения потерь СССР. Ясно, что после разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге СССР показал — будут союзники открывать второй фронт или нет, Советский Союз способен завершить войну в Берлине и без их поддержки. В принципе, второй фронт стал не нужен. Если в нем и был смысл, то только один — уменьшить потери, сократить сроки войны и, главное, создать базу для сотрудничества стран антигитлеровской коалиции после окончания II мировой войны. Такие же выводы были сделаны в Лондоне и Вашингтоне. Поэтому руководители США и Британской империи собрались в Квебеке и стали обсуждать тайные планы борьбы с СССР, в том числе и с использованием немецко-фашистских войск. Доктор исторических наук В. Фалин утверждает, что существует один документ — он случайно оказался рассекречен в 1978 году и сейчас хранится в Национальной библиотеке в Вашингтоне. В нем обсуждался вопрос о вступлении США и Британской империи в союз с нацистскими генералами для ведения совместных боевых операций против Советского Союза. Все это происходило 20 августа 1943 года, за 3 дня до окончания Курской битвы. Тогда же Управлением стратегических служб (УСС) США был составлен «Меморандум №121». Он был утвержден

Объединенным комитетом начальников штабов США и представлен вниманию Квебекской конференции и лично Ф. Рузвельта и У. Черчилля. УСС выдвигало три варианта действий: «1. Немедленно предпринять попытку урегулировать наши расхождения с Советским Союзом и сосредоточить внимание на общих интересах, которые мы имеем с этой державой. Америка и Великобритания продолжают в течение некоторого времени стратегию и политику, независимо от стратегии Советского Союза, в надежде добиться тем самым как поражения Германии, так и укрепления своих позиций через урегулирование некоторых противоречий с Россией. Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, пока управляемой нацистами или генералами». Авторы меморандума делали многозначительную оговорку о том, что измена — если предпочтение будет отдано «третьей альтернативе» — не пройдет гладко. Почему? Во-первых, было бы не просто убедить общественность Англии и США в необходимости разрыва с СССР. Во-вторых, коль удастся «победить Советский Союз только силой», англосаксонским державам позже придется «взяться еще раз, уже без помощи России, за трудную, а может быть, невыполнимую задачу нанесения поражения Германии». В квебекском протоколе мы читаем, что участники заседания генералы Маршалл и Арнольд, адмиралы Леги и Кинг (США), военные руководители из Англии Брук, Паунд и Портал примеряли, «не помогут ли немцы» вступлению англо-американских войск в Германию, «чтобы дать отпор русским». Вне зависимости от решения — а оно было, к счастью, отрицательным, — сам факт обсуждения вопроса о способах и времени измены союзнику, делу антигитлеровской коалиции говорит сам за себя. От предательства воздержались. Не потому ли, что, как предвещали эксперты Вашингтона и Лондона, СССР окончательно исчерпает свои наступательные ресурсы к весне — лету 1944 года (к моменту предпола-

гавшейся высадки в Европе)? Президент США Ф. Рузвельт напрямую не поддержал этот план УСС, одобренный военными. В 5-м томе книги «Очерки истории российской внешней разведки» отмечается, что «о решениях, планировавшихся и принятых США и Англией в Квебеке, внешняя разведка в полной мере информировала Сталина. Что касается, в частности, «Меморандума №121», то с ним можно ознакомиться в рассекреченном в 1978 году американцами сборнике документов». Однако, скорее всего, основные положения «Меморандума №121» вошли в сверхсекретный план «Рэнкин». Итак, что же такое «Рэнкин»? Один из этапов этого плана подразумевал вступление англичан и американцев в союз с немецкими генералами или нацистским руководством. А в это время на них уже выходили Гиммлер, Розенберг, Канарис. В 1943 году начальник военной разведки фашистской Германии адмирал В. Канарис встречался со Стюартом Мензисом (начальником английской разведки МИ-6) на не оккупированной территории Франции. Руководитель УСС США У. Донован (УСС США создавалось, по сути, британской МИ-6), по некоторым данным, встречался с Канарисом дважды: один раз в Испании, другой — в Турции. Руководители разведок воюющих держав! По некоторым экспертным данным, адмирал В. Канарис был агентом влияния британской разведки МИ-6. В соответствии с планами первой мировой информационной войны для СССР II мировая война должна была закончиться где-то на довоенной границе 1941 года или даже на границе 1939-го. Подтверждает это, кстати, документ начала 1944 года? так называемого польского правительства в изгнании, находящегося в Лондоне, в котором главным врагом Армии Крайовой объявляются не немецко-фашистские, а советские войска! И граница с СССР в соответствии с этим документом должна была проходить по рубежу 1939 года... В числе документов был Приказ №1844 главнокомандующего польскими вооруженными силами, в котором говори-

▲ У. Донован

лось: «С момента перехода советскими войсками польской границы польское правительство в Лондоне и польское общество выражают свою несокрушимую волю восстановить независимость польской территории на востоке в границах 1939 года». Инициатором данного плана был злейший враг России У. Черчилль. За его спиной был лондонский Сити, то есть финансовые группы элиты Британской империи, которые стремились сохранить таким образом могущество Британской империи после завершения II мировой войны. Таким образом, следует сделать вывод о том, что именно Британская империя была зачинщиком развязывания первой мировой информационной войны. В соответствии с законом бумеранга именно Британская империя и стала первой

жертвой информационной войны — вскоре она перестала существовать благодаря умелым операциям информационно-разведывательных структур Сталина. План «Рэнкин» был разработан английским генералом Ф. Морганом совместно с руководителями МИ-6 и УСС США С. Мензисом и У. Донованом. Стюарт Грехэм Мензис (1890-1968) — один из руководителей британской разведки, рыцарь (1943), генерал-майор. Образование получил в Итоне. Во время I мировой войны служил в гвардейском гренадерском полку, а затем в штабе фельдмаршала Д. Хейга, где начал заниматься вопросами разведки. После окончания войны остался в военной разведке, возглавлял 4-ю секцию (военная разведка), а затем был заместителем директора. В июле 1939 года Мензис направлен в Вар-

шаву, где ему была передана захваченная у немцев секретная шифровальная машина «Энигма» (что впоследствии дало возможность англичанам расшифровать германские коды). По возвращении в Лондон назначен генеральным директором британской разведки — СИС (Secret Intelligence Service, SIS), или МИ-6. Во время войны установил связи с руководителем абвера адмиралом В. Канарисом и стал получать от него информацию. В целом действия британской разведки во время II мировой войны были очень успешными. Мензис возглавлял разведку почти 13 лет и стал в мире разведки фигурой легендарной. Убеденный противник СССР, считал необходимым после окончания войны развернуть серию тайных операций против стран соцлагеря. В 1952 вышел в отставку. Уильям Донован (1883-1959) — начальник Управления стратегических служб (УСС). В 1914 году, когда началась I мировая война, Донован был крупным и преуспевающим нью-йоркским адвокатом. В марте 1917 года Донован был назначен командиром батальона 69-го пехотного полка «Сражающиеся ирландцы» (нью-йоркская Национальная гвардия). В ноябре того же года полк был переброшен морем в Европу и принял самое активное участие в боевых действиях в составе американской дивизии «Рэйнбоу» («Радуга»). За 19 месяцев своего пребывания во Франции Донован был трижды ранен. За отвагу, проявленную в боях, неоднократно отмечался воинскими наградами. После I мировой войны бывший командир пехотного батальона Донован по линии разведки государственного департамента США был послан в Россию, где непродолжительное время находился в качестве офицера связи армии США при штабе белогвардейских сил адмирала Колчака. По возвращении в конце 1920 года в Соединенные Штаты Донован вновь занялся юридической практикой. Он последовательно становился федеральным прокурором, заместителем генерального прокурора США и частным адвокатом, имеющим международную практику. Среди его клиентов был, в част-

ности, Уинстон Черчилль. В конце 30-х годов он стал послом для особых поручений при президенте Франклине Д. Рузвельте и в этом качестве совершил продолжительную поездку по Европе и Среднему Востоку. Резидент МИ-6 в США Уильям Стивенсон пытался убедить американцев в необходимости создания собственной разведывательной службы. Он вызвал интерес к этому у президента Рузвельта. В 1940 году Рузвельт назначил Донована на пост руководителя новой американской разведслужбы в Лондон. Там его приняли король Георг VI и премьер-министр У. Черчилль. Находясь в Англии, Донован познакомился с директором морской разведки контр адмиралом Джоном Годфри, шефом МИ-6 генерал-майором (сэром) Стюартом Мензисом и другими высокопоставленными представителями британских спецслужб. В конце 1940 года вместе с представителем британской разведки МИ-6 в США Уильямом Стивенсоном Донован отправился в опасную поездку (общей протяженностью в 25 000 миль) по фронтам открытого и тайного противостояния воюющих держав, побывав в Великобритании, на Гибралтаре, на Мальте, в Египте, Греции, Югославии, Турции, Португалии и Испании. В марте 1941 года У. Донован вернулся в Вашингтон. 10 июня 1941 года У. Донован составил докладную записку, в которой выдвинул идею создания новой разведывательной службы. Президент Ф. Рузвельт колебался с принятием решения. Тогда на первый план вышли англичане. За обедом в Белом доме Годфри убедил Рузвельта в том, что Америке необходима разведслужба, возглавляемая У. Донованом. В результате 11 июля 1941 года Рузвельт назначил У. Донована начальником новой службы внешней разведки, присвоив ему титул координатора информации. Задачей новой структуры стали сбор и обработка всех данных, имеющих отношение к национальной безопасности, и обеспечение доступа к ним президента. Структура формируемой спецслужбы в основном была скопирована с британского Управления

специальных операций. Бюро состояло из трех отделов: отдел исследований и анализа занимался обобщением информации, полученной из открытых источников. Отдел комплектовался учеными, выходцами из университетов Восточного побережья, членами элитарной «Лиги плюща»; два других отдела отвечали за пропаганду, ведение психологической войны, агентурную разведку и специальные операции. Служба иностранной информации под руководством Р. Шервуда проводила пропагандистские радиопередачи на страны Оси. 13 июня 1942 года Рузвельт создал на базе Бюро координатора информации две организации: Управление военной информации и УСС под руководством Донована, подчиненное Объединен-

ному комитету начальников штабов. А теперь — о технологиях информационной войны. Обратимся еще раз к утвержденному в Квебеке и тщательно скрывавшемуся от СССР сверхсекретному плану «Рэнкин». Оказывается, знаменитая операция «Оверлорд» — высадка на севере Франции 6 июня 1944 года британо-американских войск — была согласована МИ-6 и УСС с германским генералитетом и проводилась в рамках операции «Валькирия» 20 июля 1944 г. Основным вариантом действия западных разведок являлся заговор против Гитлера, который организовывали руководитель УСС Донован, глава МИ-6 Мензис, используя контакты в немецких армейских кругах через агента влияния адмирала Канариса. По мнению центров управле-

▲ Э. Роммель

ния Британской империи («Комитет 300», «Круглый стол» и т.д.), Гитлер уже выполнил все поставленные перед ним задачи и мешал реализации планов по установлению послевоенного устройства мира и максимального ослабления СССР. Канарис, будучи сторонником идей Британской империи, обеспечивал контакты германского генералитета с МИ-6. Ключевой же и продвигаемой британской разведкой внутри вермахта фигурой был Э. Роммель, который должен был заменить Гитлера и продолжить войну на востоке, в союзе с вооруженными формированиями польского эмигрантского правительства в Лондоне. Рассматривая ситуацию с высадкой союзников в Нормандии, следует обратить внимание читателей на то, что командовал немецкими войсками в зоне высадки союзников на севере Франции именно генерал-фельдмаршал Э. Роммель, активнейший участник заговора против Гитлера, будущий германский Наполеон (по замыслу МИ-6). На основе вышеизложенных фактов можно высказать гипотезу о том, что День «Д» является одной из крупнейших дезинформационных операций XX века. День «Д» — это Мюнхенский сговор-4 (напомню, что Мюнхенский сговор-2 — это спасение британских войск под Дюнкерком, а Мюнхенский сговор-3 — обещание Британской империи, данное Гитлеру 10 мая 1941 года, о том что в случае нападения на СССР 22 июня 1941 года она не откроет второй фронт). В роли объекта дезинформации выступил весь мир, в том числе и население США и Британской империи. Главным объектом дезинформации был, конечно, СССР. Скорее всего, высадка союзников в Нормандии 6 июня 1944 года была тщательно подготовленной тайной операцией информационной войны по имитации вторжения (сговор режиссера Черчилля с генерал-фельдмаршалом Э. Роммелем по каналам спецслужб). По настоянию Э. Роммеля, вопреки предложениям Гейра фон Швеппенбурга, командующего танковыми частями, танки стали размещаться вдоль береговой линии, сразу за зоной доступа

артиллерии флота союзников. Также Роммель уверял своих подчиненных в том, что высадка в Нормандии не рассматривается союзниками и туда можно направить не большое количество танков. Это были целенаправленные действия по поддержке высадки союзников. Более того, Гитлер весной 1944 года совершенно неожиданно для вермахта — опять сработала его интуиция — стал говорить о том, что надо внимательно следить за Нормандией. Однако Э. Роммель абсолютно проигнорировал указание Гитлера. До самого момента высадки штаб Э. Роммеля был полностью сосредоточен на участке Па-де-Кале. Этот участок обороняла 15-я армия, и техника и пополнение шли именно в нее. 7-я армия, которая стояла в Нормандии, усиливалась тоже, но не в таких масштабах. Все эти целенаправленные действия Э. Роммеля привели к катастрофическим последствиям для немецких войск и позволили союзникам практически без какого-либо сопротивления осуществить высадку войск. К 25 июля 1944 года на захваченном плацдарме в Северной Франции было сконцентрировано около 1,5 миллионов союзников. Они, по сути, ждали окончания боевых действий и перемирия после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. На основании этих фактов можно предположить, что вся высадка в Нормандии была заранее согласована с командованием немецко-фашистских войск в Северной Франции. Подтверждает эту версию и факт выхода спустя 6 лет после победы над фашизмом западного кинофильма «Лис пустыни» (The Desert Fox, 1951). Снять, едва отгремела кровавая война, фильм по биографии вражеского полководца — шаг довольно необычный и вызывающий недоумение. В этом голливудском фильме Э. Роммель представлен как обаятельный и честный офицер, «хо-

▲ Штрауффенберг

роший немец». Ничего подобного мы не знаем в мировой истории. Но если рассмотреть версию о том, что Э. Роммель, несостоявшийся германский Наполеон, был давно завербован британской разведкой, то все становится на свои места. Стоит вспомнить также о том, что фельдмаршал Э. Роммель поначалу задал союзникам жару в Северной Африке (для создания собственной славы германского Наполеона), но потом-то все проиграл. Причем в результате его действий в плен попал весь Африканский корпус — 230 тысяч немецких солдат и офицеров. Благодаря этому Британская империя «прихватила» все бывшие колонии Франции. Режиссер Генри Хатауэй начинает фильм словами британского офицера о том, что Роммель был, конечно, врагом демократии и вообще жизни на земле. Но потом начинается, собственно говоря, жизнеописание почти что святого, которого идиотские приказы Гитлера (Лютер Адлер) так достали, что он даже сблизился с заговорщиками для дальнейшего заключения перемирия с запад-

ными союзниками. Как же развивались события в июле 1944 года, развязки которых ждали войска союзников, высадившиеся почти без боя при помощи Э. Роммеля в Нормандии? И так, рано утром 20 июля 1944 года в центральной ставке Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово») возле города Ратенбург в Восточной Пруссии (ныне — польский Кентшин) началось оперативное совещание о положении дел на Восточном фронте. Проходило оно не в бетонном бункере, а в маленьком деревянном домике с распахнутыми настежь окнами, куда фюрер перенес мероприятие из-за жары. В 12 часов 42 минуты прогремел чудовищной силы взрыв, обрушивший потолок. Погибли трое офицеров и стенограф, но сам Гитлер получил пустяковые царапины. Хотя покушение не прошло для него бесследно — у него сильно ухудшился слух и появился тик. Бомбу с часовым механизмом подложил полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг. Этот человек был единственным из числа заговорщиков, кто

имел пропуск в «Вольфшанце» — огромный подземный комплекс в густом лесу, окруженный дотами, колючей проволокой, тысячами мин. Штауффенберг был тяжело ранен в Северной Африке, потерял глаз, правую руку и два пальца на левой. Уникальная возможность обеспечить успех заговора была связана с тем, являясь начальником штаба резерва сухопутных войск на Бендлерштрассе в Берлине, Штауффенберг занимался подготовкой так называемого плана «Валькирия». Этот план, разработанный официально и согласованный с самим Гитлером, предусматривал меры по переходу управления страной к штабу резерва сухопутных войск, в случае внутренних беспорядков, если связь с Верховным командованием вермахта будет нарушена. По планам заговорщиков, именно на Штауффенберга была возложена задача по установлению связи с командирами регулярных воинских частей по всей Германии после планируемого покушения на Гитлера и арестов руководителей местных

нацистских организаций и офицеров гестапо. Кстати, в Париже 20 июля армией были арестованы сотни офицеров гестапо, и все было готово для торжественной встречи с цветами британо-американских союзников. В то же время после назначения Штауффенберга начальником штаба резерва сухопутных войск он был единственным из заговорщиков, имевшим постоянный доступ к Гитлеру, поэтому в конце концов он взял на себя и осуществление самого покушения. Штауффенберг с «важными сообщениями из Берлина» вошел в комнату в разгар совещания и, поприветствовав фюрера, поставил портфель с бомбой английского производства под стол в двух метрах от него. Несколькими минутами позже вышел, извинившись: «Мне надо позвонить по телефону». Сидевший рядом полковник Хайнц Брандт, пытаясь разглядеть карту, которую изучал Гитлер, обнаружил, что портфель ему мешает, и ногой передвинул в сторону — за тяжелую ножку дубового стола. Сам погиб, а фюрера спас. Уже вечером в Берли-

▲ Покушение на Гитлера

не были схвачены и расстреляны Штауффенберг и три его сообщника: генерал-фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен, генералы Людвиг Бек и Фридрих Ольбрихт. Затем гестапо казнило около 200 человек, в 1945 году и шефа военной разведки (абвера) Фридриха Вильгельма Канариса, который и был главным организатором нелегального канала связи режиссера информационной войны У. Черчилля с руководством вермахта. Таким образом, «господин случай» разрушил все планы разведок США и Британской империи. Казалось бы, полковник Штауффенберг не оставил 20 июля 1944 года Гитлеру никаких шансов. Да, видно, дьявол дьявола бережет. Комбинация, нацеленная на устранение Гитлера, сорвалась. Составной частью тщательно разработанного сверхсекретного плана «Рэнкин» и было покушение на Адольфа Гитлера. Главным участником заговора был фельдмаршал Роммель, который должен был возглавить заговор. Сегодня об этом заговоре известно довольно мало. Большинство документов до сих пор засекречено. Составной частью плана «Валькирия» было и Варшавское восстание — ор-

ганизованное командованием Армии Крайовой и представительством польского правительства в Лондоне. Да-да, именно в Лондоне. У. Черчилль активно задействовал польское эмигрантское правительство в борьбе против СССР. Британская разведка разработала план выступления Армии Крайовой при приближении сил Красной Армии (план «Бужа», то есть «Буря»). План был рассчитан на то, что польские силы сумеют освободить основные города, и прежде всего Варшаву, до вступления в них советских войск и, таким образом, явочным порядком установят там режим, подконтрольный Британской империи. Многие читатели помнят о замечательном романе Владимира Богомолова о деятельности советских контрразведчиков СМЕРШ «В августе 1944... Момент истины». Так вот, в этой книге, основанной на документальных фактах, показано, как в августе 1944 года в тылу наступавшей Красной Армии одновременно проводили диверсии агенты абвера и Польского центра в Лондоне. А теперь обращаю внимание читателей на то, что общий приказ о начале операции «Бужа» был отдан 20 июля 1944 года, в день орга-

низации покушения на Гитлера. Затем польские части, подконтрольные Лондону, вместе с частями вермахта должны были перейти в наступление против советских войск для захвата Западной Украины и Западной Белоруссии. Однако Гитлер уцелел в ходе покушения, и войска СС жестоко подавили восстание. Кстати, в подавлении восстания активнейшее участие приняли части СС из числа граждан СССР (западноукраинская дивизия СС «Галичина», 1-й Восточно-мусульманский полк СС, 29-я (русская) ваффендивизия СС, различные казачьи части). После провала заговора против Гитлера реальная власть в фашистской Германии перешла в руки рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Однако У. Черчилль, не смущаясь, начал организовывать контакты уже не с вермахтом, а с СС. Организатором информационной войны выступил А. Даллес, резидент УСС в Европе. Напомню читателям о том, что УСС была создана британской разведкой МИ-6, а кандидатура ее руководителя У. Донована была «продавлена» Черчиллем. Одним из достижений Даллеса после провала операции «Валькирия» стала опе-

▲ «Я ненавижу индусов. Они зверолюди с звероподобной религией». Черчилль

рация «Восход солнца». В ходе ее проведения путем переговоров с оберстрuppenführером СС К. Вольфом Даллесу удалось добиться прекращения боевых действий и капитуляции немецкой армии в Северной Италии. Кстати, три немецкие дивизии незадолго до капитуляции были переброшены на Восточный фронт в апреле 1945 года. События, связанные с сепаратными переговорами Даллеса и К. Вольфа, довольно точно отражены в знаменитом и популярном телесериале «Семнадцать мгновений весны». Именно А. Даллес в 1967 году впервые ввел термин «информационная война» в своей книге «Тайная капитуляция», посвященной операции «Восход солнца». Конечно, руководству СССР и лично И. В. Сталину очень помогала глубокая осведомленность обо всех этих тайных операциях информационной войны. Сталин читал многие американские и британские документы до того, как они попадали на стол и премьер-министру Англии, и президенту США. Другое дело, что он никого, кроме двух-трех человек, с ними не знакомил, а иногда, прочитав телеграмму, даже бросал ее в камин, после чего концов телеграммы наши архивисты уже не находили. Провал плана Черчилля «Немыслимое» (нападение на СССР 1 июля 1945 года). После провала операции «Валькирия» и попыток заключения сепаратного мира с рейхсфюрером Г. Гиммлером весной 1945 года У. Черчилль отдает секретный приказ о подготовке плана нападения на СССР. Уже 22 мая план был готов (через две недели после победы над фашизмом)! Удар должна была нанести полумиллионная группировка англо-американских войск через Северную Германию. Вместе с ними должна была действовать 100-тысячная немецкая армия, сформированная из остатков гитлеровского вермахта по приказу Черчилля, — в гитлеровской военной форме, с оружием, под командованием все тех же офицеров. Третья мировая должна была начаться 1 июля 1945 года переходом в решительное наступление 47 западных дивизий. И. В. Сталин заранее узнал от советской разведки о коварном плане быв-

ших союзников. 29 июня 1945 года советские войска в Германии неожиданно передислоцировались, заняв более выгодные позиции. Одновременно И. В. Сталин организовал проведение специальной информационно-пропагандистской операции, в ходе которой весь мир узнал о немецкой армии Черчилля, и он был вынужден ее расформировать. План военной агрессии против СССР провалился. Но показательное само коварное намерение. В 5-м томе «Очерков истории российской внешней разведки» отмечается, что «в октябре 1998 года этот чудовищный план был рассекречен, материалы Государственного архива Великобритании были опубликованы». В октябре 1998 года в английской и мировой печати были опубликованы первые сообщения о военных планах У. Черчилля в отношении Советского Союза, разработанных весной 1945 года. Основой для этих сообщений явились документы Государственного архива Великобритании. Недавно Институтом всеобщей истории РАН получены ксерокопии этих документов, что дает возможность ознакомиться с ними более подробно. Ключевым в них является датированный 22 мая 1945 года план операции «Немыслимое», подготовленный объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане дана оценка обстановки, сформулированы цели операции, определены привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной Армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия») и западных союзников, а также картографический материал. Время поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть все основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками в апреле 1945 года. Напомним вкратце военно-политическую обстановку в марте — апреле 1945 года, которая менялась с каждым

днем, неумолимо приближая долгожданную победу над агрессорами. На территории Германии, которая после высадки союзников в Нормандии оказалась в тисках двух фронтов, развернулись заключительные сражения II мировой войны в Европе. С востока наступала Красная Армия, с запада — англо-американские войска. Красная Армия завершила освобождение Польши, Венгрии, заканчивала ликвидацию противника в Восточной Пруссии, овладела Восточной Померанией, Силезией, заняла столицу Австрии Вену, вышла к центральным районам Чехословакии. К середине апреля войска 1-го Белорусского фронта находились в 60–70 километрах от Берлина. Утром 16 апреля главные силы 1-го Белорусского, а затем 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов приступили к операции по взятию Берлина. К ее началу немецкое командование перебросило дополнительные силы на советско-германский фронт, где находилось 214 дивизий, в том числе 34 танковых. На Западном фронте оставалось 60 дивизий, из них 5 танковых. Войска западных союзников форсировали в апреле Рейн и завершили ликвидацию рурской группировки противника. 25 апреля произошла историческая встреча американских и советских войск на реке Эльбе, в районе города Торгау. Действия Красной Армии и войск западных союзников координировались в соответствии с договоренностями, достигнутыми 4–11 февраля 1945 года на Ялтинской (Крымской) конференции руководителей трех ведущих держав антигитлеровской коалиции: Ф. Д. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля. Нацистская Германия находилась в полной политической изоляции. Ее единственный союзник, Япония, против которой, по решению, подтвержденному на Ялтинской конференции, предстояло выступить Советскому Союзу, уже была не в состоянии оказать какое-либо влияние на ход событий в Европе. Усилиями военно-морского флота США японские войска были выбиты практически со всех захваченных ею территорий Тихого океана, а японский военно-морской флот разгромлен.

Однако сухопутные войска Японии еще представляли собой мощную силу, борьба с которой в Китае и на самих Японских островах могла, по расчетам американского командования, затянуться до 1947 года и потребовать больших жертв. СССР, обеспечивая выполнение союзнических обязательств и преследуя собственные геополитические интересы, развернул с начала 1945 года материальную подготовку к боевым действиям против японских армий. В апреле с советско-германского фронта

на Дальний Восток отправились первые командно-штабные управления войсковых соединений, которым после разгрома Германии предстояло вступить в войну с Японией. Именно в эти апрельские дни премьер-министр Великобритании Черчилль распорядился о подготовке плана войны против СССР. В апреле 1945 года Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников. Таким образом, сверхсекретный план «Рэнкин» не реализовывался. Тем более

актуальным представлялось Черчиллю создание «нового фронта» против Красной Армии, в рамках замысла информационной войны против СССР, разработанного в Квебеке в августе 1943 года. Этим целям и отвечал публикуемый ниже план операции «Немыслимое» — войны против СССР. Документ хранится в Государственном архиве Великобритании. Документ является собственностью правительства Его Величества короля Великобритании.

*Совершенно секретно
Окончательный [вариант]
22 мая 1945 года. Военный кабинет
Штаб объединенного планирования*

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

Доклад Штаба объединенного планирования

1. Нами проанализирована [возможность проведения] операции «Немыслимое». В соответствии с указаниями анализ основывался на следующих посылках: а) акция получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов, соответственно высоким остается моральный настрой британских и американских войск; б) Великобритания и США имеют полную поддержку со стороны польских войск и могут рассчитывать на использование немецкой рабочей силы и сохранившегося германского промышленного потенциала; в) нельзя полагаться на какую бы то ни было помощь со стороны армий других западных держав, хотя в нашем распоряжении на их территории находятся базы и оборудование, к использованию которых, возможно, придется прибегнуть; г) русские вступают в альянс с Японией; д) дата объявления военных действий — 1 июля 1945 года; е) до 1 июля продолжается осуществление планов передислокации и демобилизации войск, затем оно прекращается. В целях соблюдения режима повышенной секретности консультации со штабами министерств, ведающих видами вооруженных сил, не проводились.

Цель

Общеполитическая цель [операции] — навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи. Хотя «воля» двух стран и может рассматриваться как дело, напрямую касающееся лишь Польши, из этого вовсе не следует, что степень нашего вовлечения [в конфликт] непременно будет ограниченной. Быстрый [военный] успех может побудить русских хотя бы временно подчиниться нашей воле, но может и не побудить. Если они хотят тотальной войны, то они ее получают. Единственный для нас способ добиться цели в определенном и долгосрочном плане — это победа в тотальной войне, но с учетом сказанного выше, в пункте 2, относительно возможности скорого [военного] успеха, нам представляется правильным подойти к проблеме с двумя посылками: а) тотальная война неизбежна, и нами рассмотрены шансы на успех с учетом этой установки; б) политическая установка такова, что быстрый [военный] успех позволит нам достигнуть наших политических целей, а последующее участие [в конфликте] нас не должно волновать.

Тотальная война

Поскольку возможность революции в СССР и политического краха нынешнего режима нами не рассматривается и мы не компетентны давать суждения по этому вопросу, вывести русских из игры можно только в результате: а) оккупации столь [обширной] территории собственно России, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление [русских] становится невозможным; б) нанесения русским войскам на поле сражения такого поражения, которое сделало бы невозможным продолжение Советским Союзом войны.

План войны против СССР не был реализован во многом благодаря умелой информационной работе Сталина — выдающегося режиссера информационной войны. ■

С.С. ВОЙТИКОВ

ЛЕНИН И СОЗДАНИЕ СОВЕТА ОБОРОНЫ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПОСЛЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ ВОЖДЯ

Большевик И. П. Абрамов, высказываясь в марте 1919 г. на военной секции Восьмого съезда РКП(б) о расстановке большевистским Центральным комитетом партийцев в армии, выдал фразу о политике ЦК в целом: «может быть», она проводилась «чуть ли не единолично т. Свердловым и т. Троцким, но только при том условии, что **остальные члены ЦК этому доверяли и санкционировали их действия (курсив наш. — С. В.)**». В ЦК РКП(б) сложилось две группировки, от соотношения которых зависели результаты борьбы за власть, развернувшейся после ранения Ленина, и как следствие вектор всей дальнейшей политики правящей партии, а следовательно, и Советского государства.

ЦК с марта 1918 г. состоял из 15 членов и 8 кандидатов. Из 15 членов в Москве (все остальные — в петроградской части ЦК) по должности могли находиться: левые коммунисты Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, не бывшие ни «верными ленинцами», ни людьми Я. М. Свердлова; из группировки Я. М. Свердлова — уралец Н. Н. Крестинский, отчасти его старший товарищ, член Президиума ВЦИК М. Ф. Владимирский, из группировки Л. Д. Троцкого — Г. Я. Сокольников; из группировки В. И. Ленина — И. В. Сталин, И. Т. Смилга. П. Г. Стучка в принципе мог входить в группировку Я. М. Свердлова: впоследствии К. Т. Новгородцева вспоминала, «как тепло и внимательно отнёсся [муж] к П. И. Стучке, когда на этого кристального революционера пала тень подозрения. В августе 1918 г. (незадолго до ранения

▲ В.И. Ленин

Ленина. — С. В.) Главное управление [архивным делом] раскопало в полицейских архивах дело Стучки и передало его в ЦК РКП(б). В деле оказалось прошение, поданное Стучкой на высочайшее имя после ареста, о замене ему одного места высылки другим. Большевики никогда прошений на высочайшее имя не подавали, [поскольку] подача подобных прошений считалась недопустимой и каралась изгнанием из рядов партии. [...] Стучка просил произвести тщательное расследование

и оставил пост народного комиссара юстиции, который занимал в то время. По предложению» Свердлова, а не Ленина, который боролся за чистоту рядов партии, «сейчас же была создана авторитетная комиссия ЦК. Свердлов предложил членам комиссии разобратся быстро и объективно», при том что указание на объективность в данном случае трудно было расценить иначе, как пожелание найти смягчающие обстоятельства. И действительно, «комиссия установила, что факт подачи

Войтиков Сергей Сергеевич, историк, археограф, специалист по истории советского партийного и военного строительства. Окончил факультет архивного дела РГТУ, кандидат исторических наук (диссертация на тему: «Строительство центрального военного аппарата Советской России: 1918 г.). Работал в Российском государственном военном архиве (РГВА). В настоящее время главный специалист Центрального государственного архива города Москва. Автор фундаментальных трудов по начальному периоду военной истории Советской России.

прошения имел место, но прошение было подано в 1899 году, когда Пётр Иванович Стучка не только не имел достаточного опыта революционной работы, но в Латвии, где он жил, не существовало ещё единой, оформленной социал-демократической организации. Посоветовавшись со [Свердловым] (могли бы и не советоваться. — С. В.), члены комиссии написали в своём заключении, что «многолетняя безупречная работа Стучки доказала его преданность революции и нет оснований выражать ему недоверие». Несомненно, Стучка мог вспомнить о позиции Свердлова, когда речь зашла о борьбе внутри ЦК РКП(б).

Позицию В. В. Шмидта, вероятно, ещё предстоит рассмотреть исследователям. Слишком уж у наркома труда было пролетарское прошлое. Василий Владимирович Шмидт родился в 1886 г. в Петрограде в семье домработницы, детство провёл частью в деревне, частью у чужих людей и в приюте. В 1904 г. окончил 4-классное городское училище и в конце 1905 г. начал работу на железной дороге (сначала агентом, затем слесарем и токарем). В начале 1905 г. принял участие в революционном движении и ученических кружках, в конце года примкнул к большевистскому крылу РСДРП в кружке портных. С 1907 по 1911 гг. находился в очень условной «эмиграции» в Германии: в отличие от партийных теоретиков ленинского розлива, он там занимался не безумно важными теоретическими диспутами с другими «литераторами», а работал. В ноябре 1911 г. вернулся к партийной деятельности, а в 1912 г., когда вновь решили Союз металлистов, Шмидт

принял активное участие в работе союза и вскоре стал секретарём Выборгского района, продолжая производственную деятельность на заводе «Новый Лесснер». В конце 1913 г. арестован, затем вновь отпущен; в 1914 г. стал секретарём Петербургского союза металлистов и вскоре вошёл в состав ПК. Перед началом Первой мировой войны большевик был арестован и после двух месяцев в «предварилке» выслан. Шмидт поехал в Екатеринослав, где, работая в больничной кассе, продолжал заниматься революционными делами. После провала организации с лета 1915 по апрель 1917 г. Шмидт фактически находился на нелегальном положении, будучи секретарём ПК и постоянно подвергаясь арестам. Первый секретарь Петроградского совета профсоюзов. На первом съезде ВЦСПС избран секретарём союза. В ноябре Шмидт был назначен наркомом труда. Как видим, серьёзным весом в партии Шмидт не обладал, зато через него вожди могли опереться на немногочисленные рабочие организации, длительное время составлявшие социальную базу большевистской партии только номинально.

В совокупности Свердлов и Троцкий имели большинство в Центральном комитете (5 против 4-х), и Ленин не мог с этим не считаться. Основатель большевистской партии решил внести раскол в союз Свердлова с Троцким. Свердлов же, напротив, ощутил настоятельную необходимость иметь влиятельного союзника в ЦК и сделал Троцкого из «ширмы» равноправным партнёром. На это помимо постановления ВЦИК от 30 сентября 1918 г.

указывает эволюция фразеологии Я. М. Свердлова в его обращениях к Троцкому: 22 сентября «Реввоенсовет Троцкому. Деятельность комиссии [по] созыву походного круга временно отсрочена. [С. В.] Чикколини дан недельный отпуск согласно его просьбы. Из отпуска он должен приехать [в] распоряжение Президиума» ВЦИК. 3 октября: «Дорогой Лев Давидович! [...] Ваш Я. Свердлов».

Открытой баталии с Лениным Свердлов противопоставил аппаратную борьбу. При этом от посягательств на прерогативы ленинского Совнаркома свердловский ВЦИК отказался уже в октябре 1918 г., фактически вернувшись к обсуждению докладов о международном положении и решению второстепенных вопросов. 22 октября, по всей видимости, Свердлов провёл на заседании ЦК РКП(б) решение по вопросу о всероссийском съезде Советов. Был определён следующий порядок дня: 1) годовщина советской власти; 2) международное положение; 3) военные задачи; 4) комбеды и местные советы. Первые два вопроса должен был докладывать В. И. Ленин, третий — Л. Д. Троцкий, четвёртый — Я. М. Свердлов. Таким образом, Ленин должен был выступать по вопросам внешней политики и стратегии, Троцкий — военным, Свердлов — внутренним. Ленин весьма успешно пытался не допустить обсуждения на советском съезде военного вопроса: ввязываться в открытую борьбу с Троцким пока было опасно. Однако в результате вмешательства Свердлова Троцкий всё-таки выступил с информационным докладом, по которому, естественно, не были открыты прения.

25 октября ЦК РКП(б) рассматривал важнейшие вопросы, в т.ч. военные и о судьбе ВЧК. Состав участников совещания не известен, из текста следует присутствие Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого и Ф.Э. Дзержинского. По данным биографии вождя мировой революции, присутствовал и В.И. Ленин, который, видимо, почтил заседание исключительно для защиты ВЧК как карательно-репрессивного аппарата, находившегося в непосредственном ведении Совнаркома и его председателя. В этом В.И. Ленин преуспел (о чём речь впереди), однако оба военных вопроса (об освобождении взятых в заложники офицеров и о создании военных организаций) были решены в пользу военного ведомства и его главы, что чётко свидетельствует об установлении в ЦК определённого баланса сил.

30 октября 1918 г. ВЦИК принял декрет о единовременном чрезвычайном революционном налоге, общий размер которого устанавливался в 10 млрд. руб. (налог раскладывался

пропорционально имущественному положению и доходам отдельного лица). Городская и сельская беднота от уплаты налога освобождалась, средние слои облагались небольшой ставкой, а всей тяжестью налог должен был лечь на плечи буржуазии и кулачества. В более позднем циркулярном письме ЦК РКП(б) всем партийным организациям, составленном не ранее 18 января 1919 г., чётко заявлялось, что декрет преследовал две цели. Первая была чисто «фискальной»: для проведения «социалистического переустройства России» и организации её «обороны от международного империализма» требовались «миллиарды рублей». Прямо признав «единовременный революционный чрезвычайный налог» «частичной конфискацией имущества», ЦК разъяснял: «В будущем основным источником государственных доходов будет национализированная промышленность и государственное сельское хозяйство, но пока и этот источник закрыт для нас, т.к. промышленность лишь

налаживается после длительной разрухи и ещё не окупается, а в деревне преобладает мелкое крестьянское хозяйство». Вторая цель была «классово-организационной»: рабоче-крестьянская власть желала «ускорить классовое рассло[е]ние неплательщиков, особенно в деревне, вбить в деревне клин, создать в ней на почве чрезвычайного налога организацию бедноты против буржуазно-кулацких элементов», констатируя тесную связь октябрьского декрета с майским — об организации комбедов, также проведённого Свердловым и Троцким. «В городе доминирует первая цель, т.к. классовое оформление передового населения уже почти закончено, — пояснял ЦК. — В деревне же обе цели, по меньшей мере, равносильны». Член Президиума ВЦИК В.А. Аванесов заявил позднее, в марте 1919 г., что решение о налоге принималось большевистским ЦК, а его введение преследовало «не только интересы фиска»: «эта мера должна была принести в деревню классовое рас-

▲ Стучка П.И.

▲ Троцкий Л.Д.

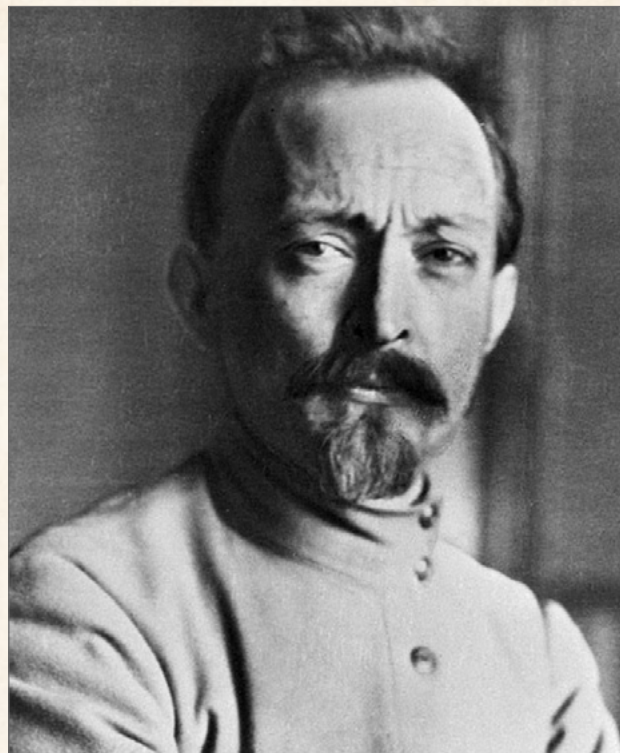

▲ Варейкис И.М.

слоение». Правда, ещё позднее, в декабре 1919 г., видный большевистский деятель И. М. Варейкис специально констатировал: «Наша налоговая политика на местах идёт по пути крохоборства». Налог был призван помимо изыскания средств создать благоприятную почву для дальнейшего разжигания Гражданской войны в деревне. Свердлов упорно проводил свой курс и исполнял соцзаказ наиболее радикально настроенных сторонников — прежде всего уральцев.

2 ноября СНК под председательством В. И. Ленина принял «Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении смет народных комиссариатов и прочих центральных государственных учреждений и росписи Общегосударственных доходов и расходов» РСФСР «на январь — июнь 1919 года». Согласно этому декрету все сборы и доходы признавались собственностью Народного (государственного) казначейства. Проекты смет должны были предварительно рассматриваться «в особых при каждом ведомстве совещаниях с участием

▲ Дзержинский Ф.Э.

представителей от народных комиссариатов по финансовым делам, Государственного контроля и [представителя] Высшего совета народного хозяйства...». Таким образом, Реввоенсовет Республики стал руководителем без денег, а финансирование военного ведомства полностью сосредоточивалось в ведении Народного казначейства, а следовательно, Совнаркома. Как известно, руководитель без денег — это не руководитель.

5 ноября на заседании Совнаркома был обсужден вопрос о порядке опубликования декретов и постановлений СНК в «Известиях ВЦИК». Это крайне важный момент: согласно декрету от 19 ноября в «Известиях ВЦИК» должны публиковаться лишь законы и постановления, издаваемые ВЦИК или СНК; обязательные постановления Моссовета — в «Известиях Московского совета», постановления отдельных наркоматов и ВСНХ — в ведомственных изданиях. Правда, с оговоркой: «Опубликованные подобным образом местные или ведомственные распоряжения входят в силу на таких же осно-

ваниях, как если бы они были напечатаны в «Известиях ВЦИК»». Но главным в документе, как это часто бывает, оказалось примечание: «Все инструкции и положения, касающиеся внутренней организации каждого ведомства, издаваемые ими самостоятельно, должны предварительно их опубликования доводиться до сведения всех народных комиссариатов путём рассылки их для ознакомления и объявления об этой рассылке в Совет народных комиссаров. Если в течение суток со дня устного объявления в заседании Совета народных комиссаров со стороны отдельных комиссариатов не поступит протеста, инструкции и постановления входят в силу и подлежат опубликованию в ведомственных изданиях...». В качестве высших государственных органов в декрете фигурировали только ВЦИК и СНК, Реввоенсовет Республики не выделялся из общей массы народных комиссариатов и обязывался публиковать свои постановления в ведомственном органе, причём предварительно направляя их на утверждение

в Совнарком и рискуя, что любой наркомат сможет их опротестовать, отстояв свою позицию на заседании назначенного Совнаркомом межведомственного совещания. Отметим, что постановления РВСР как правило оформлялись в виде приказов РВСР и публиковались в «Известиях Наркомвоена», равно как и утверждённые Э.М. Склянским решения Военно-законодательного совета, т.е. постановления высшей чрезвычайной (согласно постановлению ВЦИК от 2 сентября) государственной институции печатались так же, как и издания «рядовых» ведомств.

Фактически совнаркомовскими декретами РВСР низводился до уровня самого рядового наркомата.

Л.Д. Троцкий случайно проговорился в своих воспоминаниях: *«примерно до августа 1918 г. я принимал активное участие в общих работах Совета народных комиссаров»*. Иными словами, в сентябре от участия в заседаниях СНК он то ли самоустранился, то ли был отстранён. Из внутрипартийного контекста второй половины 1918 года, выясняется, что всё-таки отстранён. Первоначальные итоги создания РВСР как но-

вой военно-политической коллегии и реакции Совнаркома на появление «альтернативы» в государственном аппарате подвёл VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов, который открылся в Москве 6 ноября 1918 года.

В президиум вошли Я.М. Свердлов; Г.Е. Зиновьев; близкий к Я.М. Свердлову в период подготовки к Октябрьскому перевороту, но в 1918 г. раздосадованный на игнорирование Секретариатом ЦК РКП(б) своих посланий председатель ЦИК Белоруссии и Центрального бюро ЦК Белоруссии, член Северо-Западного областного комитета РКП(б) А.Ф. Мясников; вечно занимавший позицию «и Вашим, и нашим» Л.Б. Каменев; гордый тем, что он был одним из двух наиболее опытных советских «парламентариев», заведующий Редакционно-издательским отделом ВЦИК Ю.М. Стеглов; активный сотрудник свердловского Секретариата ЦК РСДРП(б) в 1917 г., в 1918 г. — секретарь ВЦИК 5-го созыва В.А. Аванесов; член ВЦИК Сергеев, о симпатиях и антипатиях которого пока ничего не известно. На первом заседании 6 ноября

Я.М. Свердлов, в лучших традициях, пропел славословие основателю партии, в котором преданно и «без лести» заявил о связи Октябрьской революции и революционной борьбы «с именем нашего дорогого вождя т. Ленина» и назвал председателя Совнаркома *«вождём мирового рабочего движения»*. На первом заседании должен был выступать сам В.И. Ленин, а вот организаторский талант Я.М. Свердлова должен был раскрыться в полном объёме на заседании, посвящённом третьему пункту повестки дня съезда — «Военное положение». Заседание 9 ноября началось оглашением «только что полученного» сообщения о международном положении. После этого Я.М. Свердлов предоставил слово в рамках повестки дня Л.Д. Троцкому. Тот выступил с докладом «о нашем общем военном положении» (формулировка Я.М. Свердлова). Заморочив головы собравшихся рассказом о командирах и комиссарах, положении на фронтах и т.п. «вермишелью», Л.Д. Троцкий перешёл к делу снабжения Красной Армии, во главе которого был поставлен Л.Б. Красин, с задачей *«использовать все*

▲ Зиновьев Г.

▲ Аванесов В.А.

силы и средства страны для продовольственного, вещевого и боевого снабжения нашей армии. Профессиональным союзам, местным советским организациям, всем крестьянским организациям и комитетам бедноты предлагается эту задачу поставить во главу угла». После такого внушительного введения Л. Д. Троцкий перешёл к сути: «Вы знаете, что [В]ЦИК Советов объявил нашу страну военным лагерем. Но эти слова для нас, хотя и не везде, ещё не вполне вошли в жизнь. Сплошь и рядом на местах требования военного ведомства налагают ограничения на местные силы, но неизбежность вещей заставляет превращать страну в военный лагерь, и тут приходится очень многим поступаться для достижения общих целей». Предчувствуя критику, Троцкий сознался и перед местными советскими и ж.-д. организациями, что «сплошь и рядом представители военного ведомства требуют больше, чем можно, и не таким тоном, которым следовало бы требовать, но все это небольшие трения, которые нужно отбросить перед лицом задачи, которая перед нами стоит, а задача такова, что все остальные перед ней отступают на задний план».

Под задачей, естественно, понималась мировая революция — пояснение не требовалось тем более, что в самом начале редактор «Известий ВЦИК» Ю. М. Стеглов, бывший в марте 1918 г. активным левым коммунистом, и так поведал о приближающейся революции в Германии и Австро-Венгрии. Вернувшись после лирического отступления к рассказу о ситуации «Республика в кольце фронтов», Троцкий охарактеризовал положение таким образом, что «мы должны [разви]ть огромную скорость (в деле организации вооружённых сил. — С. В.), и эта скорость и силы, имеющиеся у Красной Армии, даст нам возможность действовать, а это выразится в очищении России от контрреволюционных натисков... [на фронте у меня создалось убеждение], что есть ещё субъективные затруднения, что

не все советские работники поняли, что существует централизованное сплочение и что все командные приказы, идущие сверху, должны быть незыблемы, и что мы от них не отступим. Мы к тем советским работникам, которые этого ещё не поняли, будем безжалостны...». Далее Троцкий перешёл к положению на Южном фронте. Сталин нигде не упоминался, но и так ясно, что речь шла о нём и о Реввоенсовете 10-й армии Южного фронта, вдохновлённом будущим генсеком на борьбу с Троцким. Затем — самое главное: «Если мы эту работу милитаризации всех советских организаций проведём, то вы нашу страну приведёте в такое положение, что она должна быть военным лагерем, и тогда [я] скажу, что нам не страшны ни германские, ни англо-французские империалисты. [...] Наша Красная Армия и наш тыл будут развиваться с каждым днём и с каждым часом». Сославшись на ленинское письмо в ЦК о необходимости трёхмиллионной армии к весне 1919 г., Троцкий заявил, что такой «лозунг» можно провести в жизнь только при концентрации сил.

Заключительный пассаж речи председателя РВСР сводился к тому, что мировая революция зависит от постановки или непостановки во главу угла задачу обслуживания Красной Армии. В первом случае, — объяснял нарком, — «наш фронт будет незыблемым, [...] мы будем [...] справлять третью годовщину [Октябрьского переворота не только] у себя, но и в Ростове, Харькове, Вене, Берлине и, может быть, тот международный конгресс, который собирался созвать Ф. Адлер в июле [19]14 года [...], мы созовём полностью [...] в одной из наших советских столиц. Тогда мы скажем Третьему Интернационалу, что вот вы собирались у нас в Москве или Петрограде, а ваш съезд защищает Рабоче-Крестьянская Красная Армия, первая армия коммунизма всей мировой истории».

В принципе можно было попытаться после такой речи освятить

постановления ВЦИК от 2 и 30 сентября 1918 г. решением всероссийского съезда Советов, однако Я. М. Свердлов поостерёгся это сделать и предоставил слово военному комиссару Петроградской трудовой коммуны Б. П. Позерну, который сразу перешёл к чисто практическому вопросу — об организации образцовых полков деревенской бедноты, на основании которого и была принята резолюция съезда. Более того, предложивший резолюцию Я. М. Свердлов подчеркнул, что доклад Л. Д. Троцкого «носит информационный характер» и на заседании съезда «обсуждаться в дальнейшем не может». Причины такого демарша однозначно объяснить невозможно. Не исключено, что на этот раз Свердлов оставил без поддержки своего временного союзника. Но не исключено и обратное: Свердлов, зная, мягко говоря, неоднозначное отношение военных партийцев к «создателю Красной Армии», как до сих пор иной раз величают Троцкого в историографии, предпочёл не подставлять ближайшего товарища по ЦК под возможный удар оппонентов.

В любом случае об отступлении в целом речь явно не шла: Свердлов остался верен политике комбедов, притом, что, как это ни парадоксально, комбеды на съезде как раз и ликвидировали — по настоянию Ленина, что стало катализатором постепенного сворачивания радикального курса Свердлова сотоварищи. В данном контексте представляет особый интерес выявленное С. А. Павлюченковым свидетельство об отношении крестьянства к лидерам РКП(б): «Впоследствии у крестьян террор ассоциировался с ранением Ленина, и они в 1919 году радовались: «Как хорошо, что товарищ Ленин благополучно здравствует, теперь будет гораздо лучше».

В. И. Ленин, настояя на официальной ликвидации комитетов бедноты, сделал всё и для отмены (в пику московской и уральской группировкам и Я. М. Свердлову как их патрону в ЦК) развёрнутого после своего ранения массового красного террора.

27 ноября 1918 г. он заявил достаточно радикально настроенной московской партийной аудитории: поскольку интеллигенция «колебалась в сторону чехословаков (интересно знать, из какого авторитетного источника вождь мировой революции почерпнул эту информацию. — С. В.), нашим лозунгом была **беспощадная борьба — террор**. Ввиду того, что теперь этот поворот в настроении мелкобуржуазных масс наступил (ни в одном мемуарном свидетельстве обывателей о наступлении этого поворота нельзя найти ни единого слова. — С. В.), нашим лозунгом должно быть **соглашение, установление добрососедских отношений**». При этом впоследствии, в своём выступлении на VIII конференции РКП(б) вечером 2 декабря 1919 г., Ленин чётко заявил: «Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы. [...] Обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию».

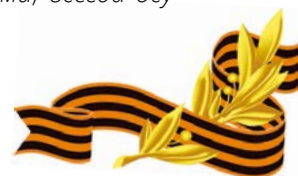
Стенографический отчёт первого заседания ВЦИК 6-го созыва, состоявшегося 13 ноября 1918 г., свидетельствует как о политических поражениях, так и о крупных успехах Я. М. Свердлова. На заседании, естественно, состоялись выборы председателя и членов Президиума ВЦИК. Альтернативы Я. М. Свердлову в председательском кресле не нашлось, что вполне логично, однако секретарь ВЦИК В. А. Аванесов предложил переизбрать прежний состав Президиума, который «в продолжение трёх-четырёх месяцев [...] отвечал как раз тем заданиям, которые ставились». С существенным добавлением — члена ЦК и наркома И. В. Сталина, находившегося на Южном фронте и вернувшегося в Москву. Появление старого недруга Я. М. Свердлова в составе Президиума ВЦИК было серьёзным подрывом аппаратных возможностей главы Советского государства. С другой стороны, одним из обсужденных на заседании ВЦИК вопросов стало аннулирование Брестского мира.

▲ Брест, 1918 г.

Я. М. Свердлов как председатель предложил «Аннулирование Брестского договора» третьим пунктом повестки дня, встреченным «бурными аплодисментами». Находясь в эйфории от Ноябрьской революции в Германии, ВЦИК принял воззвание со следующим текстом: «Всем народам России, населению всех оккупированных областей и земель! / Всероссийский ЦИК торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишены силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. / Все включенные в Брест-Литовский договор обстоятельства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей, объявляются недействительными. [...] Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими советами, будут союзниками и сотрудниками трудящихся в осуществлении этих задач. Братским союзом с крестьянами и рабочими России они иску-

пят раны, нанесённые населению оккупированных областей германскими и австрийскими генералами, охранявшими интересы контрреволюции. Построенные на этих основах отношения [...] России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства...». То обстоятельство, что инициатором этого постановления выступил Я. М. Свердлов, его старые товарищи по партии запомнили прекрасно. Свидетельство тому — рецензия старого соратника Я. М. Свердлова по Костромской организации РСДРП П. Н. Караваева на рукопись первого варианта воспоминаний К. Т. Новгородцевой. П. Н. Караваев специально остановился на роли главы Советского государства в разработке и проведении ряда важнейших законодательных установлений, и в частности отметил: «В постановлении ВЦИК об аннулировании Брестского мира, как и во всех своих выступлениях по вопросам международной политики Советского государства, Я. М. [Свердлов предстаёт] как проводник политики справедливого мира между народами, всегда осу-

ществлявшейся советской властью, и одновременно как **пламенный патриот нашей социалистической родины** (курсив наш. — С.В.)». Таковым председателем ВЦИК по праву запомнился товарищам по партии.

Аппаратная борьба в Совнаркоме и во ВЦИК, промежуточные результаты которой были подведены на VI Всероссийском съезде Советов, в конце концов, вылилась в оформление ленинского лидерства в ходе создания Совета рабочей и крестьянской обороны.

«ОРГАН ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ ЦЕЛИКОМ ПОДОТЧЕТЕН И ПОДКОНТОРОЛЕН ВЦИК»

Как был создан новый высший внеконституционный государственный орган РСФСР

Иоаким Вацетис не совсем верно в деталях, но с удивительной точностью в изложении внутренней логики событий охарактеризовал положение в верхах, сложившееся после создания РВС Республики на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 года: «РСФСР была объявлена осаждённым (так в тексте, правильно: «военным». — С.В.) [лагерем], но при этом был оставлен открытым вопрос о том, какое учреждение поставить во главе этой «крепости» на положении ответственного команданта. В сентябре, по случаю (очень точный оборот. — С.В.) ранения Владимира Ильича [Ленина], работа в Совнаркоме заглохла и это учреждение временно [от]ошло на второй план. В ответственной роли руководителя обороной страны как по части законодательной, так и исполнительной [оказался] Всероссийский центральный исполнительный комитет во главе с т. Свердловым. Свердлов в течение сентября и октября и даже в ноябре принимал весьма деятельное участие в делах РККА. Как мы видели, при его непосредственном участии был проведён 1 сентября (так в тексте, на самом деле 2 сентября. — С.В.) большой законодательный акт

▲ Вацетис И.И.

по созданию единой РККА и единого Командования. В начале октября т. Ленин выздоровел и снова фактически начал исполнять обязанности председателя Совнаркома и председателя ЦК партии (Ленин «председателем ЦК» не был никогда, но в данном случае Вацетис выступил, если по А. Конан Дойлу, «проводником света». — С.В.), а вместе с этим занял прежнее положение фактического руководителя обороны страны. С тех пор **нашим осаждённым лагерем правил какой-то дуумвират в составе Ленина и Свердлова. Троцкий опирался на Свердлова и находил в нём поддержку, сам же он — т.е. Троцкий — играл роль незначительную** (курсив наш. — С.В.). Долго такое положение было не терпимо. Очевидно было, что во главе осаждённого лагеря должно было [в]стать какое-то специальное учреждение, возглавляемое т. Лениным. Об этом поднимался

вопрос несколько раз в ответственных сферах главного командования, но юридическое оформление его произошло лишь 20 ноября (так в тексте, правильно — 30 ноября 1918 года. — С.В.), когда последовало распоряжение об образовании Совета обороны во главе с т. Лениным».

Создание РВСР, с одной стороны, не решило проблем, связанных с превращением страны в единый военный лагерь. С другой — вызвало недовольство военными партийцами приходом к «власти» Л.Д. Троцкого, считавшегося старыми большевиками чужаком. С выздоровлением В.И. Ленина немедленно подняли головы бывшие руководители Наркомата по военным делам, отодвинутые председателем Совнаркома на вторые роли в советских вооружённых силах в марте 1918 г., когда нужно было срочно строить массовую регулярную Красную Армию. Не зря Главком вспомнил об обсуждении вопроса в «ответственных

сферах главного командования», под которыми И. И. Вацетис, очевидно, подразумевал высшее военное руководство РСФСР.

21 октября 1918 г. заместитель наркома путей сообщения, старый большевик (член партии с 1894 года) А. П. Шеломович в докладе В. И. Ленину о положении на Урале, где он находился в командировке, указал на необходимость сосредоточения в руках РКП(б) военных перевозок с пояснением: «подражать», в отношении транспорта, «романовским временам — крупная ошибка. Отдача транспорта в руки военных — тем более «беспартийных» — это гибель транспорта, а значит в значительной степени и военного дела». Шеломович пояснил без ложной скромности, что по приезде в Пермь, где уже наметились контуры декабрьской «катастрофы» Красной Армии 1918 г., он принял «героические меры» по улучшению тяглового хозяйства и повышению провозоспособности Пермской железной дороги в плане налаживания ж.-д. и водного транспорта, однако ему это не вполне удалось. По словам Шеломовича, «ничего» нельзя будет сделать до тех пор, пока «все железнодорожники и судовые труженики находятся под страхом «военной стенки» и вместе с тем саботажные элементы из них находятся под защитным крылом «беспартийного военного диктатора»». Межведомственные взаимоотношения военного ведомства и Наркомата путей сообщения РСФСР Шеломович считал необходимым для начала точно установить в Москве.

Председатель Высшей военной инспекции и член РВСР Н. И. Подвойский, которому В. И. Ленин направил доклад А. П. Шеломовича на отзыв, судя по тексту этого отзыва, уже не в первый раз посоветовал «твёрдо установить Совет Оборона» как единственный орган, который сможет «добиться толку». И в завершение отзыва пророчил: замедление «доконает транспорт».

В. И. Ленин полностью воспринял тезисы Я. М. Свердлова сотоварищи о «республике в кольце фронтов»,

решив использовать эти самые тезисы для изящной аппаратной нейтрализации Реввоенсовета Республики.

Первым делом вождь организовал то, что сам он называл инициативой масс. В роли масс выступил Н. И. Подвойский. В докладной записке, направленной 19 октября 1918 г. в ЦК РКП(б), председатель Высшей военной инспекции после длительной преамбулы констатировал: «ЦК партии должен объявить партию на военном положении со всеми вытекающими отсюда последствиями». Конкретно предлагались следующие меры: «1. ЦК должен взять на строжайший учёт всех членов партии — не только ответственных, но абсолютно всех партийных работников, для чего должна быть произведена безотлагательная перепись. Все работники

от мала до велика должны быть разбиты на группы — организаторов комитетов бедноты, инструкторов военного обучения, военных комиссаров, просто агитаторов-коммунистов красноармейцев, обязанных [со]стоять в Красной Армии, организаторов пропаганды, агитации печатным словом, рисунками, плакатами, через кинематографы, экспедиторов литературы, чтецов газет в армии и проч. / Учтённые и разбитые на группы товарищи должны быть командированы на работу в соответствующие области и должны всё время быть под контролем партии, должны всё время инспектироваться. Выделившиеся товарищи должны переводиться на более широкую, более ответственную работу; товарищи, обнаруживающие не-

▲ Подвойский Н.И.

достаточную настойчивость и ревнивость, должны подпасть под чувствительную партийную кару. / Партия должна дать целый ряд инструкторов каждому учреждению, которое будет командировать членов партии на соответствующую работу, и дать инструкции для всех работников, исполняющих ту или иную работу. Инструкции эти должны быть составлены лучшими партийными работниками, даже с участием т. Ленина (которому, очевидно, больше нечем было заняться. — С. В.) т.к. должным образом составленные инструкции сэкономят и направят работу десятков и сотен тысяч рядовых работников. 2. Партия должна потребовать сейчас же от[о] всех учреждений, занятых строением армии, программы и планы их работ в этом создании, а также изложение тех препятствий, которые они предполагают встретить на пути этого создания. Реввоенсов[ет] Республики, Комиссариат просвещения, [ВСНХ], Главное управление по снабжению армии (имеется в виду то ли Центральное управление по снабжению армии, составная часть подведомственного Реввоенсовету Республики Наркомата по военным делам, то ли Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения. — С. В.) должны представить свои предполагаемые мероприятия хотя бы на два-три месяца, и отсюда партия почерпает все сведения для составления общей программы и общего плана работ по созданию 3-миллионной армии, а с другой стороны, поможет изжить те препятствия, которые они встречают на своём пути. Социалистическая академия должна организовать научные лаборатории для составления соответствующих планов, программ и проектов по мобилизации Республики. 3. Профессиональные и прочие рабочие организации должны в деле создания армии сыграть исключительную роль. Партия должна потребовать от них программу и планы по участию всего пролетариата

в строительстве Красной Армии. 4. Партия должна через определённые промежутки времени требовать от комитетов бедноты и от прочих организаций, занятых созданием армии и мобилизацией всех сил Республики, деловых отчётов, количественно и качественно объективно отражающих работу этих организаций, на основании которых партия могла бы составлять общий план работы, составлять инструкции и направлять работы в надлежащее русло. / С этой целью немедленно надлежит созвать совещание представителей партийных ячеек в армии, комитетах бедноты и коммунах. 5. В связи с настоящим положением на мировом военном фронте поставить на широкую агитацию среди немцев-военнопленных и усилить формирование интернациональных полков, создавая для сего специальный аппарат». Как бы там ни было, очевидно, перед нами — одно из первых в советской истории предложений о создании партийной номенклатуры. Вождь взял из записки только то, что ему было нужно — второй пункт о дальнейшей централизации управления в условиях войны.

22 октября 1918 г. на объединённом заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов он подчеркнул, что положение РСФСР, «при всей его противоречивости» могло быть выражено, с одной стороны, близостью «международной пролетарской революции», с другой — крайне опасным положением, которое «нельзя» было «скрывать от широких масс» и которое выдвигало на «первый план вопрос о войне, об укреплении армии». Декларируя на широкой аудитории необходимость усилить «армию в десять раз и более», открытой борьбе с Л. Д. Троцким В. И. Ленин предпочёл упорную работу в СНК по связыванию рук военному «диктатору», прежде всего в кадровом плане.

Я. М. Свердлов и В. И. Ленин, как и писал впоследствии в своих мемуарах И. И. Вацетис, продолжали проведение активной кадровой по-

литики в ведомстве Л. Д. Троцкого. В начале ноября 1918 г. В. И. Ленин продавил назначение военным комиссаром Центрального управления по снабжению армии (ЦУС) члена партии с 1913 г. М. Л. Рухимовича: 9 ноября председатель Совнаркома дополнил проект телеграммы И. В. Сталина (!) И. И. Вацетису и Л. Д. Троцкому с предложением назначить М. Л. Рухимовича военкомом ЦУС фразой: «Об этом уже давно Свердлов сказал Вацетису. Если это не исполнено, то почему?» 11 ноября М. Л. Рухимович был назначен приказом РВСР притом что на заседании РВСР вопрос даже не обсуждался (что характерно, ни у П. А. Кобозева, ни у К. Х. Данишевского ленинский произвол возмущения не вызвал). Основными «инструментами» В. И. Ленина в военном ведомстве, исполнителями его воли, стали заместитель Троцкого в РВСР Э. М. Склянский и Главком И. И. Вацетис, которых Троцкий сумеет «приручить» только в 1919 году. 15 ноября 1918 г. В. И. Ленин телеграфировал И. И. Вацетису и в копии Л. Д. Троцкому «просьбу» разрешить в благоприятном смысле проект Центрального бюро коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП(б), в особенности насчёт западной бригады на Южном фронте. Л. Д. Троцкому было адресовано последнее предложение телеграммы: «Напоминаю Троцкому наше решение». Вероятно, председатель РВСР запомнил, и В. И. Ленину пришлось вместо него обращаться напрямую к Главкому.

Особый интерес представляет протокол заседания ленинского Совнаркома от 12 ноября. Заслушав письменный запрос председателя ВЦИК «Об отправке для военной работы следующих товарищей» (список прилагался), СНК постановил «передать список на совещание заинтересованных народных комиссаров совместно с т. Свердловым». На том же заседании по запросу Я. М. Свердлова был закрыт «Вестник Бюро военных комиссаров». Причина запроса очевидна: печатйтесь, дорогие товарищи, в «Известиях ВЦИК» и в «Правде»! Это было

и разумно, т.к. с решениями армейских комиссаров следовало знакомить всю партийную и советскую общественность, и нерационально, поскольку ведомство Л. Д. Троцкого лишалось одного из собственных печатных органов. С другой стороны, В. И. Ленин лично вставил в повестку дня заседания пункт о назначении «члена коллегии на Южный фронт», что не могло не «порадовать» председателя Реввоенсовета Республики.

23 ноября В. И. Ленин принял предложение наркома почт и телеграфов В. Н. Подбельского о необходимости создания правомочного органа для организации и руководства связью на фронтах, написал записку Э. М. Склянскому о необходимости назначить в этот же день такой центр на заседании СНК и просил выдвинуть кандидатов в его состав.

Наконец, 30 ноября был создан Совет рабочей и крестьянской обороны, о необходимости которого неустанно твердили В. И. Ленину Н. И. Подвойский и другие военные партийцы. Вождь, убедившись в феврале — марте 1918 г., что Под-

войскому не стоит доверять ответственные посты, всегда выслушивал его предложения, поскольку этот старый большевик, будучи по натуре интеллигентным бюрократам, всегда тонко чувствовал необходимость аппаратных изменений.

Опубликованные и неопубликованные источники позволяют реконструировать механизм создания Совета обороны, без понимания которого невозможно представить себе в полном объёме аппаратный гений вождя мировой революции.

Создание Совета обороны Ленин впервые обсудил не позднее 24 ноября 1918 г. с членом ЦК РКП(б) И. Т. Смилгой, лично преданным вождю и крепко связанным с ним по дореволюционной работе в Финляндии, хотя письмо И. Т. Смилги В. И. Ленину из Гельсингфорса от 30 октября (12 ноября) 1917 г. убеждает в том, что отношения между вождём и его ближайшим подручным были не столь однозначными. Вслед за И. Т. Смилгой вождь, по всей видимости, переговорил о создании Совета обороны с толь-

ко что приехавшим с фронта первым советским «наркомом» по военным делам В. А. Антоновым-Овсеенко. Примечательно, что с Я. М. Свердловым В. И. Ленин беседовал между 23 и 25 ноября не о создании Совета обороны, а об освобождении из тюрьмы инженера-изобретателя Ф. Ф. Богатырева — которое вряд ли было делом более значимым для партии и государства, нежели создание нового военно-политического центра.

28 ноября В. И. Ленин председательствовал на заседании СНК, во время заседания набросал перечень вопросов для предстоящего обсуждения и скрупулёзно пометил фамилии и время выступающих. Сам Ленин выступил при обсуждении различных вопросов 11 раз. После обсуждения 4-го пункта протокола №158 заседания Малого СНК от 28 ноября 1918 г. были заслушаны сообщения о взятии Нарвы и о создании Совета обороны, причём во время весьма продолжительного обсуждения двух вопросов председатель Совнаркома лично выступил 5 раз.

▲ Смилга И.Т.

▲ Склянский Э.М.

▲ Красин Л.Б.

В тот же день, 28 ноября, об образовании под председательством В. И. Ленина нового высшего государственного органа — Совета Обороны — с подчинением этому органу «всех действующих комиссариатов и», разумеется, «Реввоенсовета Республики» и постановкой страны «на военную ногу», сообщил по прямому проводу В. А. Антонову-Овсенко И. В. Сталин. Сталин предположил, что вследствие создания Совета Обороны будут сокращены функции Реввоенсовета Республики. На правах курьера приведём фрагмент переговоров по прямому проводу В. А. Антонова-Овсенко с И. В. Сталиным, начавшихся в 21 час. 40 мин.:

«— У аппарата т. Сталин.

— У аппарата т. Антонов, что хотели мне сообщить (зачем оторвал от дел государственной важности? — С. В.)?

— Ничего я сообщать не хотел (нужны вы мне больно! — С. В.). Завтра отправлю вам письмо.

Вы меня вызвали, что имеете сообщить?

▲ Сталин И.В.

— Мне сказали, что Вы предложили о моём приезде Вас об этом уведомить. Я добился очень небольшого, у Вацетиса опять обещание, будет ли исполнение — неизвестно, но об этом говорить по телеграфу невозможно. [К] Вам выедет с письмом мой курьер, здесь большое недоразумение может быть с нашей общей затеей. Говорят, что образован Всероссийский Совет обороны и Вы в него вошли (не успели решить вопрос на Совнаркоме — об этом уже знают в Курске. — С. В.). Не можете ли сообщить об этом?

— Прежде всего, сообщаю: сегодня вечером Нарва взята, образовано Эстонское временное правительство коммунистическое, затем — Совет Обороны действительно образован: председатель — Ленин, члены — Троцкий, Сталин, Красин, Цюрупа, Невский. Этот Совет подчиняет себе все существующие комиссариаты, Реввоенсовет Республики. Последний будет иметь Бюро из трёх лиц: Вацетис, Троцкий, Аралов, *функции его сокращаются* (курсив наш. — С. В.). Совет

Обороны милитаризует всю страну и ставит её на военную ногу. Думаю, что порядок снабжений, наконец, установится. [...]

— Рад Вашим сведениям. Теперь дело пойдёт».

29 ноября решение включить в повестку дня пленарного заседания ВЦИК постановления об образовании Совета Обороны было принято на заседании Президиума ВЦИК. Заслушали: «О порядке дня заседания ВЦИК 30 ноября». Постановили: «Добавить к опубликованному списку порядка дня засед[ания] ВЦИК 30 ноября ещё два вопроса: 1) вопрос о создании Совета рабоч[ей] и крестьян[ской] обороны; 2) вопрос о пересмотре постановления ВЦИК от 14 июня 1918 г.» Таким образом, В. И. Ленин смог создать противовес Я. М. Свердлову в большевистском руководстве советского парламента. Одну из основных проблем Я. М. Свердлова как потенциального вождя составляло то обстоятельство, что если В. И. Ленин был безусловным лидером в «рабоче-крестьян-

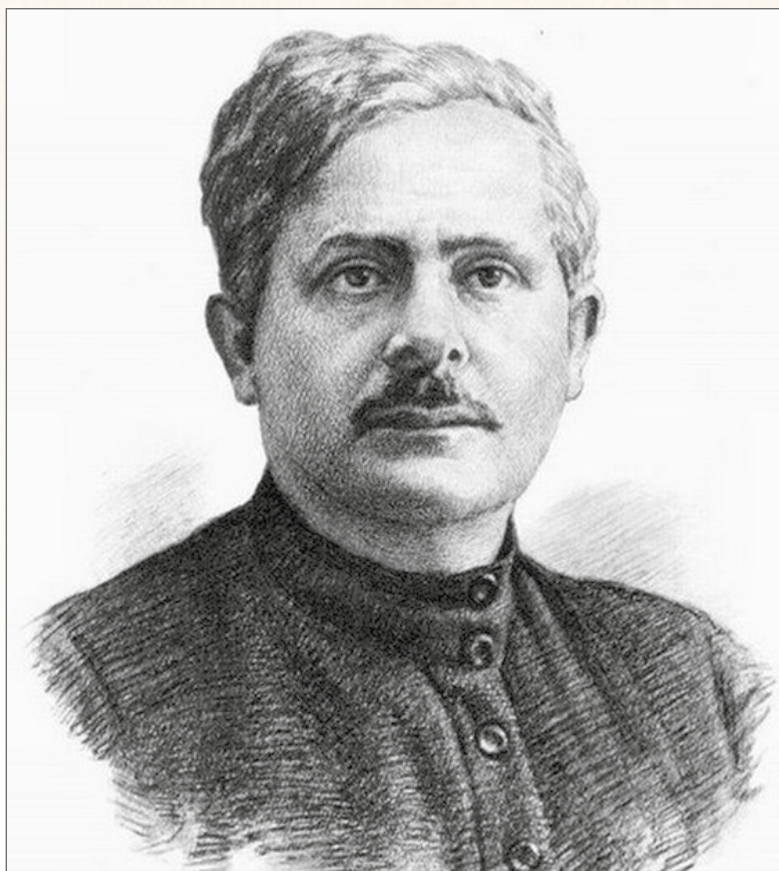
ском» правительстве, то Я. М. Свердлов отнюдь не был абсолютным авторитетом в собственной государственной вотчине. Фактически в Президиуме ВЦИКа сидели члены партии даже с более длительным в отдельных случаях стажем, чем у самого Свердлова — А. С. Енукидзе, член ЦК РКП(б) М. Ф. Владимирский и ещё двое из лидеров РКП(б) — Л. Б. Каменев и И. В. Сталин.

Михаил Фёдорович Владимирский в самом начале 1900-х гг. был для Я. М. Свердлова и вовсе старшим товарищем: когда будущий «председатель ЦК РКП» только начинал свою революционную карьеру, он уже был известным революционером. Владимирский родился в г. Арзамасе Нижегородской губернии в 1874 году. В начале 1890-х гг. участвовал в социал-демократических кружках в Нижнем Новгороде, с 1895 г., будучи студентом Московского университета, он состоял членом социал-демократического кружка, работал в качестве организатора и пропагандиста в рабочих кружках социал-демократического направления, за что был арестован, несколько месяцев провёл в тюрьме, а затем был выслан в провинцию. В 1898 г. снова работал в Москве, член Московского комитета Российской социал-демократической (рабочей) партии после I съезда. Весной 1899 г. во время студенческих волнений снова выслан из Москвы. Вскоре эмигрировал, работал в заграничной организации «Искра» (это ключевой момент). После возвращения в Российскую империю в 1902 г. — в Нижегородской организации. Большевик, участник Первой русской революции (с осени 1905 г. — в Москве), далее член областного комитета в Центральном районе. В 1906 г. арестован, освобождён до суда. Скрылся от следствия в эмиграции, в которой находился 11 лет (в Парижской группе большевиков, в «Комитете заграничных организаций большевиков»). Вернулся в Россию в июле 1917 года, участник вооружённого восстания в Москве. После Октябрьской революции — член Президиума Моссовета, на VII Экстренном съезде РКП(б) вошёл

в ЦК партии. Естественно, Владимирский человеком Якова Свердлова не был.

Равно по определению не мог проводить линию Я. М. Свердлова и Абель Сафронович Енукидзе: он был одним из старейших партийных работников и к тому же чуть ли не членом семьи И. В. Сталина. Ученические нелегальные кружки начали появляться в Тифлисе в 1894 г., Енукидзе вступил в один из них. Программа этого кружка характеризовалась Енукидзе впоследствии как «полунационалистическая, полумарксистская». В 1896 г. Енукидзе вступил в «смешанный кружок, состоящий из рабочих и учащихся». Это он назвал впоследствии началом своего «марксистского воспитания». С 1897 г., работая на Закавказских железных дорогах, Енукидзе стал организатором и пропагандистом в рабочих кружках. Это был период укрепления Тифлисской организации, которая установила контакт

с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», а после Первого съезда РСДРП — и с другими социал-демократическими организациями. В сентябре 1898 г., получив перевод в Бакинское депо на должность помощника паровозного организатора, Енукидзе завязал контакты и с рабочими заводов и промыслов нефтяного района. Основал в 1899 г. Бакинскую социал-демократическую организацию. К 1901 г. Енукидзе и В. Кецохели создали Бакинский комитет РСДРП, расширили работу в районах, создали местную нелегальную типографию. Как написал потом Енукидзе в статье «К вопросу об истории закавказских партийных организаций», в 1900–1901 гг. в Баку *«налаживается настоящая партийная работа. Выдающуюся роль в создании Бакинского партийного комитета и развёртывании работы сыграл Владимир Кецохели, посланный в Баку Тифлисской центральной*

▲ Енукидзе А.С.

партийной группой, в состав которой входили тогда Джибладзе, Цулукидзе А., Кецховели, Сталин и др.». Финансирование комитета велось через Л. Б. Красина. Комитет поддерживал связь с образованной осенью 1901 г. группой «Искры». Большую помощь в создании первой бакинской типографии оказал Тифлисский партийный комитет в лице Сильвестра Джибладзе и Иосифа Сталина, от которых были получены деньги и рукописи для печатания. С апреля 1902 по ноябрь 1903 г. Енукидзе неоднократно арестовывался и был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь, но в дороге бежал и перешёл на нелегальное положение. С ноября 1903 г. по решению ЦК РСДРП работал в большой подпольной типографии ЦК партии вплоть до перевода её в Петербург весной 1906 года. В 1906 г. работал в Петербургской организации, после роспуска Государственной Думы командирован для работы на Кавказе. После общекавказского съезда осенью 1906 г. — член Бакинской организации и Северного комитета РСДРП

вплоть до ареста 5 мая 1907 года. Осенью выслан в Воронеж, но бежал за границу и принял участие в Таммерфорсской конференции большевиков. По дороге в Финляндию 9 ноября 1907 г. арестован в Петербурге и заключён в «Кресты». В мае 1908 г. сослан в Архангельскую губернию, но бежал в Петербург. От предложения эмигрировать «отказался и после 3-месячного скитания по Пите-ру и Финляндии вернулся в ссылку в Онежский уезд, которую кончил в июле 1910 года». С осени 1910 г. — член Бакинской организации; в сентябре 1911 г., в разгар организации VI («Пражской») конференции РСДРП (большевиков), арестован вместе с Шаумяном, Каспаровым, Черномазовым и др. видными партийцами; отсидел до июля 1912 г. и был выслан с Кавказа — работал с сентября по декабрь 1912 г. в Ростове-на-Дону; уехал в Москву, откуда был выслан «в 24 часа» и... уехал в Петербург, где работал до июля 1914 года. В июле арестован и выслан в Енисейскую губернию. В конце 1916 г. призван в солдаты, служил в 13-й

роте 14-го Сибирского стр. полка, откуда был 22 февраля 1917 г. отправлен на фронт — через Петроград. В Питере Енукидзе оказался аккурат 27 февраля — в первый день Февральской революции. В июле 1917 г. он делегат VI съезда РСДРП (большевиков). Активный участник Октябрьского переворота, на Втором всероссийском съезде Советов он избран от большевиков членом ВЦИК. В партийном отношении Енукидзе отличался крайней честностью: так, он не побоялся признаться в неверности одного пассажира своей официальной биографии: «Многолетняя суровая работа в период борьбы с царским самодержавием закалила Енукидзе, ставшего одним из самых стойких революционеров-подпольщиков». На самом деле у меня бывали колебания: например, 1907 в Баку и в 1917 г. (март — июль) в [Петро]граде».

Писать о Л. Б. Каменеве и И. В. Сталине смысла нет. Но самое интересное, что решение на заседании Президиума ВЦИК было не принято, а лишь оформлено, поскольку присутствовали на нём помимо Я. М. Свердлова как председателя ВЦИК только В. А. Аванесов, Г. И. Теодорович, Л. С. Сосновский, А. Митрофанов, А. С. Енукидзе и Ф. Розин. Группировка Я. М. Свердлова в руководстве советского квазипарламента, как видим, составляла на заседании руководства советского парламента большинство. Самый факт, что на следующий день перед советскими парламентариями с докладом о необходимости создания нового высшего внеконституционного центра выступил Л. Б. Каменев, говорит сам за себя.

В любом случае подтверждение решения Совнаркома о создании Совета Обороны постановлением Президиума ВЦИК было катализатором изменений в верхах не только государственного, но и партийного руководства. Сложно не заметить в данном контексте, что во второй половине 1918 — начале 1919 г. В. И. Ленин проводил свою политику во ВЦИК Советов не через председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, как он это делал ранее, а через

▲ Каменев Л.Б.

членов Президиума ВЦИК — прежде всего Л. Б. Каменева и И. В. Сталина.

30 ноября новый военно-политический центр — Совет рабочей и крестьянской Обороны (впоследствии — Совет труда и обороны), вставший над потонувшим в море военно-организационных вопросов Реввоенсоветом Республики, был создан официально — на пленарном заседании ВЦИК. Важно подчеркнуть, что с аппаратной точки зрения самый Совет Обороны представлял собой, выражаясь по-партийному, «узкий состав» Совета народных комиссаров. При этом ещё в феврале 1918 г. в ходе наступления германских частей на Петроград был создан его первый аппаратный прообраз — Временный исполнительный комитет Совнаркома в составе пяти членов правительства (тогда, в условиях временного властного блока большевиков и левых эсеров, два члена Временного исполкома Совнаркома — М. А. Спиридонова и В. А. Карелин — представляли Партию левых социалистов-революционеров, что, пусть и на историческое мгновение, но всё же сделало этот орган дееспособным военно-политическим центром).

Примечательно, что в очерке «Этапы строительства Красной Армии» Р. И. Берзин указал: «30 ноября 1918 г. последовало постановление ВЦИК об учреждении **верховного** (курсив наш. — С. В.) органа военного управления — Совета рабочей-крестьянской Обороны под председательством председателя Совета народных комиссаров товарища Ленина. Этот орган решает окончательно вопросы, касающиеся обороны Республики». Прилагательное «верховный» не случайно, поскольку Совет Обороны стал не только «верховным» военным, но и высшим государственным и по факту партийным органом.

Формулировка постановления о создании Совета Обороны была изощрённым издевательством над Я. М. Свердловым: формально как представитель ВЦИКа Советов, т. е. едва ли не самого Свердлова, вошёл в состав Совета Обороны И. В. Ста-

лин. Правда, не известно ни одного случая отчёта последнего о работе Совета Обороны ни перед Всероссийским ЦИК, ни перед его председателем. А РВСР, поставленный под контроль новой чрезвычайной институции, демонстративно отдавался на откуп Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому: выделялось Бюро Реввоенсовета Республики в составе самого председателя Совета Л. Д. Троцкого, недалёкого Главкома И. И. Вацетиса и представителя Свердлова в военном ведомстве С. И. Аралова. Радоваться столь ничтожной победе не стоило, тем более что, во-первых, выделение Бюро РВСР не означало роспуска Реввоенсовета Республики как такового, а во-вторых, как свидетельствуют протоколы заседаний РВСР, Бюро РВСР существовало только на бумаге и о нём настолько крепко забыли, что 13 июля 1919 г. по сути учредили по второму разу: в этот день на заседании РВСР было решено считать постановлениями Совета решения, принятые сокращённым составом Реввоенсовета Республики (Э. М. Склянский, давний соратник Ленина С. И. Гусев и ставленник Гусева военспец-Главком С. С. Каменев).

Постановление ВЦИК об образовании Совета Обороны было опубликовано в центральной партийной газете уже 1 декабря 1918 г. без подписей, отправлено по радио в 16 часов 10 минут «Всем, всем» 2 декабря за подписями Я. М. Свердлова, В. И. Ленина и В. А. Аванесова, а в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства» опубликовано только 22 декабря 1918 года. Таким образом, изначально подчёркивался политический характер образования Совета Обороны: постановление опубликовали в главной *партийной* газете почти сразу, а в официальном государственном печатном издании — с большим опозданием. Притом, что теоретически речь шла об образовании именно *государственного* учреждения, выделенного, как справедливо заметил Я. М. Свердлов на заседании ВЦИК 30 ноября, Всероссийским ЦИК как высшим ор-

ганом государственной власти.

Этим, как вдруг выяснилось 2 декабря, «совместным» постановлением прикрывалось тактическое поражение Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого, которое первый частично признал на заседании ВЦИК 30 ноября. Стенограмма заседания ВЦИК, как это ни странно, до сих пор не стала основным источником для изучения механизма создания Совета Обороны. И совершенно напрасно: вопреки сложившимся историографическим представлениям, В. И. Ленин на этом заседании советского парламента даже не появился, а предложение о создании Совета Обороны выдвинул вовсе не Я. М. Свердлов, как считается в историографии, а Л. Б. Каменев — от лица Президиума ВЦИК.

Примечательно, что советские историки и составители классических сборников документов по истории Гражданской войны предпочитали публиковать постановление о создании Совета Обороны в извлечениях, дабы не упоминать лиц, объявленных позднее врагами народа. Считалось вполне достаточным, что исследователи будут точно знать имя председателя Совета товарища Ленина.

В ответ на заданный на заседании ВЦИК в прениях вопрос о соподчинённости созданных высших чрезвычайных государственных органов Я. М. Свердлов вполне резонно заметил, что «*все и всяческие учреждения, существующие в Советской республике, безусловно в своей работе ставятся под руководство Совета Обороны и перестраиваются для нужд войны [и] социалистической обороны*». На первый взгляд, поражение Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого на данном этапе политической борьбы было полным. Однако, как известно, война выиграна только в случае признания поражения одной из сторон. Никакого признания в данном случае не было. Свердлов в заключение своей речи дал понять, что создание Совета Обороны он расценивает исключительно как временное тактическое отступление: «...само собой разумеется,

что любое учреждение остаётся подотчётным и подконтрольным ВЦИК, как и все обычные учреждения в Советской республике. Совет Обороны страны также остаётся подотчётным и подконтрольным органом по отношению к[о] ВЦИК, и выше последнего никакого учреждения ВЦИК создать не имеет никаких прав. Только съезд Советов мог бы заменить ВЦИК каким-нибудь другим учреждением. **ВЦИК по нашей Конституции является органом верховной власти в период между съездами [Советов] и как таковой может отчуждать свои права тому или иному органу в той или иной степени** (курсив наш. — С. В.). Орган чрезвычайной военной диктатуры целиком подотчётен и подконтролен ВЦИК». Создание Совета Обороны Свердлов подал в чисто военном аспекте: как разгрузку Совнаркома от конфликтов Наркомвоена с другими наркоматами. Собственно, в этом ключе и расценивала Совет Обороны отечественная историография с 1920-х гг. и до наших дней.

Однако, супруга Свердлова К. Т. Новгородцева аккурат 30 ноября 1918 г. отписала подруге и старому соратнику по революционной работе, секретарю и члену ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой: «Последнюю неделю Яков Михайлович не раз возвращался в таком состоянии, что за него становится немного жутко». Несомненно, Я. М. Свердлов воспринимал происходящее крайне болезненно.

Не лишним будет заметить, что на том же пленарном заседании 30 ноября после ознакомления с резолюцией и воззванием ЦК РСДРП(м) ВЦИК постановил частично отменить своё решение от 14 июня 1918 г. об исключении меньшевиков из советского «парламента». ВЦИК констатировал отказ этой партии, «по крайней мере, в лице руководящего центра», от «союза с буржуазными партиями и группами — как российскими, так и иностранными», что позволяло ей «принимать, наряду с другими партиями, участие в работе Советов, в работе по организации и обороне страны». Несмотря

▲ Свердлов Я.М.

на жёсткую оговорку, что решение о фактической легализации меньшевиков «не относится к тем группам меньшевиков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против советской власти», решение ВЦИК формально открывало возможности для пополнения высшего представительного органа власти в период между всероссийскими съездами Советов меньшевиками. Теоретически это подрывало претензии ВЦИК и, главное, его Президиума, на гегемонию в государственном аппарате и лично властные позиции Я. М. Свердлова как главы этого органа. На практике же это — ещё одно свидетельство ослабления свердловских позиций. Очевидно, в качестве итогового издевательства над главой Советского государства на заседании правительства по докладу наркома финансов

Н. Н. Крестинского «О росписи государственных расходов и доходов на июль-декабрь 1918 г.» одобренные Совнаркомом финансовые сметы центральных органов управления РСФСР были направлены на «окончательный просмотр и издание» в Президиум ВЦИК. Обратите внимание: не на доработку и уточнение каких-либо позиций, а именно на «просмотр и издание». Таким образом, Совнарком в очередной раз продемонстрировал, что деньги будет распределять он один, лишь создавая иллюзию утверждения решений «рабоче-крестьянского правительства» в высшем «представительном» органе власти. Такого унижения Я. М. Свердлов, видимо, не испытывал за всю историю председательства во ВЦИК.

Уместно привести последнюю запись в одном из тюремных дневников Свердлова: «18 июня начата голодов-

ка. 30 июня прекращена (проиграна). Свердлов». Примерно то же он мог бы написать после выздоровления Ленина. Однако отказ от голодовки не означал утраты возможности побега. Так и в данном случае: оснований для расстройства у молодого вождя пока было не так уж много...

От редакции. Карл Радек (Собельсон) вспоминал: «Когда я, приехав в Петроград в ноябре 1917 года и переговорив с Владимиром Ильичем о положении дел за границей, спросил его: с кем переговорить насчет всей работы, он ответил мне просто: «Со Свердловым». Обратите внимание, Радек говорит о заграничной работе, то есть о связях с иностранными силами, и вот эту всю работу вел единолично Свердлов.

Ленин (в большей степени патетически), произнося речь памяти Свердлова 18 марта 1919 года, сказал следующее: «Никто из близко знав-

ших, наблюдавших постоянную работу Якова Михайловича, не может сомневаться в том, что в этом смысле Яков Михайлович незаменим. Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек».

Положение большевиков в 1918 году было на самом деле критическим. О той ситуации можно судить по следующему эпизоду. Летом 1918 года Бронштейн-Троцкий признался германскому послу графу Вильгельму Мирбаху: «Мы уже мертвы, но нет еще никого, кто мог бы нас похоронить».

Жена Свердлова — К. Т. Новгородцева была тайной хранительницей алмазного фонда «партийной ложи» (был спрятан на ее квартире). Он предназначался для того, чтобы «в случае крушения власти, обеспечить товарищам средства для жизни и продолжения революционной деятельности».

Проходит 16 лет после смерти «черного дьявола революции» и 27 июля 1935 года нарком НКВД Генрих Ягода направляет Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) следующую секретную записку:

«Сов. секретно. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запечатанном виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля с/г этот шкаф был нами вскрыт и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича

б) Гуревич Цецилии-Ольги

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны

г) княгини Барятинской Елены Михайловны

д) Ползикова Сергея Константиновича

е) Романюк Анны Павловны

ж) Кленочкина Ивана Григорьевича

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная описание золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР (Ягода) 27 июля 1935 г. № 56568». ■

▲ Новгородцева К.Т.

Ю.В. ЕМЕЛЬЯНОВ

РЕШЕНИЕ, ОПОЗДАВШЕЕ НА 11 ЛЕТ

▲ Хрущев Н.С.

11 октября 1964 года, когда Никита Хрущев прибыл в Пизунду, Л.И. Брежнев вернулся из Берлина в Москву. 12 октября в Москву прибыл Н.В. Подгорный. Семичастный вспоминал: «Перед КГБ стояла задача обеспечить спокойный и гладкий ход событий... «Проблематичных» в этом плане чекистов оставалось примерно пять или шесть десятков. Именно столько их было в команде, обеспечивающей личную охрану Хрущева, которая находилась в это время вместе с ним на Черном море. Формально они неизменно были в моем подчинении, однако

в случае если бы высший представитель отдал им другую команду, они не могли бы его послушаться. Разрабатывали мы также план обеспечения порядка в столице и особенно в Кремле, где и должна была развернуться дискуссия на Президиуме ЦК, а затем и работа пленума... Все работало с пониманием и добросовестно. В это время наша военная контрразведка и контрразведывательные подразделения Московского округа получили приказ строго следить за любым, даже самым малейшим движением войск в округе и при передвижении их в сторону Москвы

немедленно сообщать в КГБ. Пришло время действовать!» Таким образом, помимо чекистов, охранявших Хрущева, недоверие Семичастного вызывали и части Московского военного округа, которые могли выступить на стороне Хрущева.

Сергей Хрущев вспоминал: «Утро двенадцатого октября встретило нас теплой, ясной погодой. Невысокое солнце пригревало... Микоян не появлялся, а отец после завтрака и массажа удобно расположился в кресле на открытой террасе плавательного бассейна, выстроенного у самой кромки

ЕМЕЛЬЯНОВ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — советский, российский писатель, историк, кандидат исторических наук (1979). Родился 16 июня 1937 г. в Москве. С началом Великой Отечественной войны с семьей был эвакуирован в Барнаул. После возвращения в столицу окончил среднюю специальную школу, поступил и окончил в 1960 г. МГИМО. Работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), затем перешел в Институт международного рабочего движения АН СССР, выделившийся в отдельную структуру из ИМЭМО в 1966 г., где проработал до 1995 г. Автор более 500 публикаций (в том числе более двадцати книг) по вопросам политической истории, американистики, международной жизни, современной истории России и мировой истории. Многие его работы переведены на иностранные языки: китайский, английский, испанский, французский, немецкий, венгерский и др. Лауреат Международной премии им. М. А. Шолохова в области литературы за диологию о Сталине.

воды. Тут же стоял плетеный столик с аппаратом ВЧ».

К Хрущеву подошел его помощник В. С. Лебедев, который держал в одной руке толстую папку с полученными сегодня из Москвы документами, а в другой — тугой портфель с материалами по новой Конституции. Лебедев заверил Хрущева, что в почте нет ничего срочного. «Хорошо, сейчас посмотрим. А как дела с материалами по Конституции?» — «В ближайшие дни обработаем ваши замечания и представим», — ответил Лебедев. Хрущев пояснил сыну: «Мы тут на свободе занялись подготовкой текста новой Конституции. Затянули это дело. Хотелось к Пленуму в ноябре подготовить редакцию для обсуждения. Я надиктовал свои мысли, сейчас над ними работают».

В это утро Хрущев ждал сообщение о запуске космического корабля «Восход». Впервые на борту корабля должно было находиться сразу три космонавта: В. М. Комаров, К. П. Феоктистов и Б. Б. Волков. Хрущев следил за часами. «Запуск прошел, — объявил он и посмотрел на телефон. Аппарат молчал, — вспоминал Сергей Хрущев. — Обычно сразу после запуска отцу звонил заместитель Председателя Совета Министров, отвечающий за ракетную технику, докладывал о результатах, потом звонил Королев, иногда Малиновский... На сей раз телефон молчал долго. Отец занялся бумагами, но сосредоточиться не мог. То и дело поглядывал на массивный белый аппарат.

Никто не звонил. Прошло полчаса, сорок минут — молчание становилось все более странным». Хрущев потребовал, чтобы его соединили с заместителем Председателя Совета Министров Л. В. Смирновым, ведавшим, в частности, космическими исследованиями. Хрущев стал ругать Смирнова за то, что тот не сообщил ему о запуске космического корабля. Смирнов сослался на занятость. Сергей Хрущев считал, что Смирнов «уже все знал и не торопился звонить отцу. Для него смена власти фактически произошла».

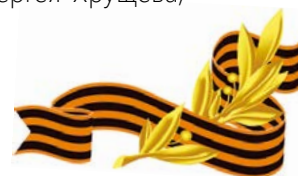
Через полчаса к Хрущеву пришел Лебедев и сообщил, что установлена прямая связь с космонавтами. Хрущев вошел в небольшой кабинет. Туда же устремились многочисленные фото- и кинокорреспонденты. Свой рапорт командир корабля В. М. Комаров начал привычными словами: «Докладываю ЦК КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву...» Хрущев дружески поздравил Комарова и других космонавтов. Потом он сказал: «Передаю трубку Анастасу Ивановичу Микояну. Он у меня ее буквально вырывает из рук, не могу же я отказать ему в этом». Микоян говорил об «общей радости всех советских людей». Затем трубку снова взял Хрущев, который сказал: «До свидания, товарищи. Ждем вас на Земле. До свидания». Комаров ответил: «До свидания, дорогие Никита Сергеевич и Анастас Иванович. Мы вас поняли — вы ждете нас на Земле,

и мы с вами встретимся. Мы доложим о выполнении порученного нам задания». Хрущев еще раз сказал: «До свидания». И это было последнее его слово, прозвучавшее в советском эфире.

Хрущев не знал, что ему не придется встретить космонавтов во Внуково и что он фактически прощался со всей Советской страной.

Тем временем, как вспоминал Семичастный, «12 октября все собрались на квартире у Леонида Ильича Брежнева». К этому времени члены Президиума решили пригласить Хрущева на свое заседание и высказать накопившиеся к нему претензии. Однако для этого надо было пригласить Хрущева. Шелепин вспоминал: «Вроде Подгорному и надо звонить. Но он накануне разговаривал с Хрущевым. И Подгорный отказывается: «Я не буду звонить, а то вызову сомнения, я с ним недавно разговаривал, ничего не было, а тут вдруг — вызываем». Решили, что позвонит Брежнев». Как свидетельствовал Семичастный, «дрожащего Брежнева нам пришлось к телефону буквально тащить — такой страх он испытывал от сознания того, что именно ему приходится начинать всю акцию. Вызвали Пицунду и стали ждать (связь обеспечивали мои люди). Наконец на другом конце провода раздался голос Хрущева».

В октябре в Пицунде солнце рано садилось. Хрущев и Микоян прогуливались по темной аллейке вдоль моря. По словам Сергея Хрущева,

«прогулку прервал подбегавший дежурный: «Никита Сергеевич, вас просит к телефону товарищ Сулов». Все повернули к даче. Отец с Микояном вошли в маленький кабинет, где стоял аппарат ВЧ. Я последовал за ним. Охрана осталась в парке. Отец снял трубку: «Слушаю вас, товарищ Сулов». Возможно, что разночтения между воспоминаниями Сергея Хрущева и воспоминаниями Шелепина и Семичастного (первый утверждал, что говорил Сулов, последние уверяли, что говорил Брежнев) связаны с тем, что Брежнев все-таки не смог набраться смелости позвать Хрущева и за него это сделал Сулов, который уже потом передал трубку Брежневу.

Шелепин вспоминал: «Брежнев трусил. Боялся. Не брал трубку... Страшно это было. Брежнев дрожал, заикался, у него посинели губы: «Никита Сергеевич, тут вот мы просим приехать... по вашим вопросам, по вашей записке». Хрущев: «По какому вопросу?» Брежнев: «По сельскому хозяйству и другим». Хрущев: «Решайте без меня». Брежнев: «Без

вас нельзя». Хрущев: «Я подумаю». Семичастный утверждал, что Хрущев сказал: «Эти вопросы могут и подождать. Обсудим их вместе после моего возвращения из отпуска». Мы стояли, столпившись, рядом с Брежневым. Выражения лиц Подгорного, Сулова, Полянского, Шелепина и других выдавали их внутреннюю напряженность: что теперь Леонид Ильич сделает? Мы стали подсказывать, чтобы Брежнев настаивал. «Нет, Никита Сергеевич, — Брежнев придал своему голосу решительный тон. — Мы уже решили. Заседание создано. Без вашего участия оно не может состояться». Хрущев был несколько удивлен, но ясного ответа не давал. «Хорошо, — сказал он, наконец. — Мы здесь подумаем с Анастасом». На этом разговор был закончен.

Семичастный «отправился в свой кабинет на Лубянку, и каждый час Брежнев названивал мне: есть ли новости?» Тем временем в Пицунде Хрущев обратился к Микояну: «Якобы собрались все члены Президиума и у них возникли какие-то срочные вопросы по сельскому хозяйству, которые надо обсудить перед Пленумом. Настаивают, чтобы я завтра же прилетел в Москву. Ты слышал, я хотел отложить до возвращения из отпуска, но они не соглашаются. Придется лететь. Ты полетишь?» «Конечно». Хрущев отдал распоряжения об отлете и перенес встречу с министром Франции Гастоном Палевским с обеденного времени на утро. Семичастный вспоминал: «Только в полночь дежурный по правительственной охране доложил, что Хрущев потребовал правительственный самолет в Адлер, ближайший к Пицунде аэропорт, к шести утрам следующего дня. Я немедленно передал эту информацию Брежневу. Тот обрадовался. Было ясно, что Никита Сергеевич прилетит, а вместе с ним прибудет и председатель Президиума Верховного

Совета Микоян. Предусмотрительно я отправил в отпуск начальника личной охраны Хрущева Литовченко».

Тем временем Хрущев, его сын и Микоян отправились на прогулку. Шли молча. Потом заговорил Хрущев: «Знаешь, Анастас, нет у них никаких неотложных сельскохозяйственных проблем. Думаю, что этот звонок связан с тем, о чем говорил Сергей». Потом он отправил Сергея домой, а сам еще долго разгуливал с Микояном, о чем-то беседуя. Видимо, только сейчас Хрущев понял, что Брежнев хитрил в разговоре с ним. Однако по тону Брежнева он мог справедливо решить, что тот ощущает неуверенность. То обстоятельство, что Брежнев срочно вызывал его в Москву, Хрущев мог истолковать так, что в Президиуме идет острая стычка между различными группировками. Слова Брежнева о том, что без Хрущева ничего нельзя решить, могли лишь свидетельствовать о серьезности возникших разногласий. Однако, казалось, что Хрущев должен стать арбитром для разрешения спора, но никак не жертвой заговора. Исходя из опыта июня 1953 года, Хрущев мог решить, что в случае переворота его бы давно арестовали. Между тем охрана вела себя как обычно. Ему предоставлялась полная свобода действий, и его никто не вез в Москву под арестом. Возможно, что Хрущев и Микоян долго обсуждали вероятные варианты развития событий.

Сергей Хрущев вспоминал: «Утро 13 октября — последнее утро «славного десятилетия» Хрущева — встретило нас теплом и покоем. Распорядок дня не нарушался. Внешне отец был абсолютно спокоен. За завтраком он, как обычно, пошутил с женщиной, подающей на стол, посетовал на свою диету. Потом заговорил с помощником о текущих делах. После завтрака отец просмотрел бумаги». Спокойствие Хрущева говорило о его собранности, готовности к предстоящему трудному разговору на Президиуме и уверенности в своей победе над возможными оппонентами. Сергей Хрущев обратил внимание: «Одно только было

▲ Семичастный

▲ Шелепин

необычным — телефоны молчали...» Но и это Н. С. Хрущев мог объяснить: члены Президиума ведут какой-то серьезный спор, и поэтому никто из них не обращается к нему, ожидая его возвращения.

Прием Гастона Палевского продолжался недолго. С. Н. Хрущев писал: «Меньше чем через полчаса гости удалились, а отец пошел к даче. Последний в его жизни официальный прием закончился. Пора было собираться в Москву. Вещи уже увезли на аэродром. Подали легкий обед — овощной суп, вареный судак. По совету врачей отец последнее время придерживался диеты. Ели молча. С нами за столом сидели, как обычно, помощники и личный врач отца — Владимир Григорьевич Беззубик».

Перед отъездом Хрущева сестра-хозяйка правительственной дачи вручила ему большой букет цветов. У ворот к машине подошел командующий Закавказским военным округом. Он извинился, что только он провожает Хрущева, так как, по его словам, первый секретарь КП Грузии В. П. Мжаванадзе находился на лечении в Барвихе, а председатель Совета министров Грузии Джавахишвили уехал по районам. Это выглядело

правдоподобно, так как отъезд Хрущева из Грузии произошел неожиданно. Командующий округом сопровождал Хрущева до аэродрома, рассказывая о положении в сельском хозяйстве Грузии, и это лишь подчеркивало то, что ни в стране, ни в положении Хрущева ничего не изменилось.

На аэродроме Хрущева встретил улыбающийся командир корабля генерал Цыбин, который доложил: «Машина к полету готова! Неполодок нет. Погода по трассе хорошая». По словам С. Н. Хрущева, «отец пожал ему руку, стал легко подниматься по трапу. За ним последовал Микоян. Они оба прошли в хвостовой салон...

Отец не любил одиночества, и в полете в «хвосте» всегда собирались попутчики: он что-то обсуждал с помощниками, правил стенограммы своих выступлений, а то и просто разговаривал с сопровождающими. На сей раз было иначе. «Оставьте нас вдвоем, — коротко приказал он... Бортпроводница пронесит в задний салон поднос с бутылкой армянского коньяка, минеральной водой и закуской, но через минуту возвращается,

неся все обратно. Не до того... В заднем салоне, закрывшись от всех, два человека вырабатывали линию поведения, проигрывали варианты, пытались угадать, что их ждет там, впереди, в аэропорту Внуково-2».

Семичастный вспоминал: «Из аэропорта в Адлере правительственный самолет поднялся в воздух около десяти часов утра 13 октября. Я сообщил Брежневу, что Хрущев прилетит в Москву примерно в полдень, и спросил, кто поедет его встречать. Было принято, что Первого секретаря обычно встречают все члены Президиума, а также много других функционеров. «Никто не поедет, — неуверенно ответил Брежнев. — Поезжай сам». Тогда я спросил, как мне себя во время встречи вести. «Решишь все на месте», — отделался он от меня короткой фразой. Еще до того, как колеса самолета коснулись посадочной полосы, выяснилось, что столкновения с охраной или какого-либо насилия не будет: из Пицунды сообщили, что Хрущева сопровождают только пять членов его личной охраны. Аэродром был совершенно пуст. Вскоре после меня во Внуково прибыло еще несколько человек из Девятого управления, но те по моему указанию встали так,

▲ Члены Политбюро

▲ Первая «пятерка»

чтобы их не было видно. Прибыл и секретарь Президиума Верховного Совета Георгадзе, чтобы встретить своего шефа — Микояна».

Сергей Хрущев вспоминал: «Самолет подрулил к правительственному павильону в аэропорту Внуково-2. Последний раз взревели моторы, и наступила тишина. Внизу — никого. Площадка перед самолетом пуста, лишь вдали маячат две фигуры. Отсюда не разберешь, кто это. Недобрый знак. Последние годы члены Президиума ЦК гурьбой приезжали провожать и встречать отца. Он притворно хмурил брови, ругал встречавших «бездельниками», ворчал: «Что я, без вас дороги не знаю», — но видно было, что такая встреча ему приятна. Теперь внизу — никого».

Учитывая, что еще в начале 1950-х годов Хрущев снял первого секре-

таря Сталиногорского горкома за то, что тот не встретил его на улице, что Хрущев решил снять Жукова, после того, как выяснилось, что по его распоряжению Хрущева в Берлине не встретили Рокоссовский и Гречко, то можно себе представить, в какую ярость пришел Хрущев, когда увидел, что его не встречает никто из членов Президиума ЦК.

С. Хрущев вспоминал: «Медленно подкатился трап. Загадочные фигуры тоже приблизились вслед за ним. Теперь их уже можно узнать — это председатель КГБ Семичастный и начальник управления охраны Чекалов. Следом спешит Георгадзе. Отец, поблагодарив бортпроводниц, спускается по трапу первым. За ним в цепочку растянулись остальные. Семичастный подходит к отцу, вежливо, но сдержанно здоровается:

«С благополучным прибытием, Никита Сергеевич». Потом пожимает руку Микояну. Чекалов держится на два шага сзади, руки по швам — служба. Лицо напряжено».

По словам Семичастного, Хрущев тут же спросил: «А где остальные?» Семичастный ответил: «В Кремле. Ждут вас». Никита Сергеевич глянул на меня, но ничего не сказал. «Вы будете обедать дома или в Кремле присоединитесь к остальным?» — нарушил я тишину вопросом. «Они уже поели?» «Наверное, нет. Ждут вас». Потом они обменялись парой фраз с Микояном. «Поедем в Кремль», — решили вместе». Хотя отсутствие членов Президиума ЦК во Внуково-2 могло возмутить и встревожить Хрущева не на шутку, миролюбивые вопросы Семичастного о том, где он будет обедать, никак не свидетельст-

вовали о том, что Хрущев находится под арестом.

Сергей Хрущев вспоминал: «Проходим пустой стеклянный павильон. Эхом отдаются шаги. В дальних углах вытягивается охрана. Дежурный предупредительно открывает большую, из цельного стекла, дверь. Напротив двери у тротуара застыл длинный ЗИЛ-111, автомобиль отца. На площадке выстроились черные машины: еще один ЗИЛ — охраны, «Чайки» Микояна и Семичастного, «Волги». Хрущев и Микоян садятся в машину. Офицер охраны захлопывает дверцу и занимает место впереди. Автомобиль стремительно трогается и исчезает за поворотом. За ним срываются остальные. Семичастный на ходу запрыгивает в притормозившую «Чайку».

«Поехали за ними», — сказал Семичастный своему шоферу. Он вспоминал: «Про себя воздал хвалу судьбе за то, что она помогла мне все провести так гладко. И только в пути я осознал, что допустил маленькую оплошность. За несколько дней до этого перепуганный Брежнев посоветовал мне для предосторожности — против обыкновения — брать с собой телохранителя. Телохранителем был всего один офицер, одетый к тому же в штатское. Мы, не спеша, двигались по Внуковскому шоссе к городу. Обычно я сидел рядом с водителем, а теперь мое место занимал охранник. Телохранители Хрущева обратили на это внимание и занервничали. Они все чаще стали оборачиваться, чтобы глянуть на нашу машину. Один раз обернулся и сам Никита Сергеевич». Хрущев и его охранники могли решить, что следовавшая за ними машина — это конвой. «Притормозите», — сказал Семичастный водителю, стараясь избежать неприятностей. Несколько минут машина Семичастного переждала у края шоссе, а потом двинулась дальше.

Семичастный вспоминал: «Я снял телефонную трубку и сообщил о прилете Первого секретаря человеку, ожидавшему моего звонка за кремлевскими стенами. Как только Хрущев и Микоян прибыли на место

и Никита Сергеевич закрыл за собой двери зала заседаний, я отдал еще несколько распоряжений. Прежде всего, я отыскал майора, который в это время заменял в Кремле Литовченко, и сказал ему значительно: «Сейчас я меняю охрану в приемной Никиты Сергеевича, на его квартире и на даче. И ты давай со своей командой — в сторонку. Это решение Президиума ЦК. Ты коммунист, я — тоже. Поэтому давай решение выполнять. О своей дальнейшей работе в органах безопасности не беспокойся». «Товарищ председатель, — немедленно отреагировал майор. — Я офицер и коммунист. Все понимаю и сделаю так, как вы мне прикажете». В общем, я принял все меры, чтобы охрана и связь на квартире, на даче, в машине Хрущева были замкнуты на начальника Девятого управления Чекалова и меня. Новая охрана приступила к своим обязанностям. На этом свои главные задачи я выполнил. Не оставалось повода дольше находиться в Кремле. Остаток дня я провел в своем кабинете на третьем этаже на Лубянке».

Тем временем Н.С. Хрущев вошел в свой кремлевский кабинет. Было около 4 часов дня. В кабинете находилось 24 высших руководителя партии. Здесь были все члены Президиума ЦК, кроме больного

Ф.Р. Козлова, все кандидаты в члены Президиума ЦК, все секретари ЦК. Заговорщики не повторили ошибки Маленкова, Булганина и других, выступивших против Хрущева в отсутствие некоторых членов Президиума ЦК. Но главное отличие состояло в том, что сейчас участники заговора могли положиться на полную поддержку КГБ, Министерства обороны и значительной части членов ЦК. Хрущев, видимо, это еще не знал. Он, как обычно, занял председательское место, и открыл заседание словами: «Вы хотели обсудить проблемы в моем присутствии. О чем речь?»

Первым взял слово Л.И. Брежнев. В черновых записях заседаний сказано, что первый вопрос, который поднял Л.И. Брежнев, звучал так: «Ставят вопрос секретари: что означает восьмилетка». Затем был поставлен вопрос о ноябрьском пленуме и ликвидации территориальных производственных управлений. Далее было сказано о «разделении обкомов», и это означало, что у Брежнева и собравшихся были возражения против осуществленного два года назад раздела местных партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные. Следующие вопросы уже явно касались стиля работы Хрущева: «о частых структурных изменениях», «Хрущев, не посоветовавшись, вы-

▲ Маленков и Хрущев

▲ Дружная команда

ступил на совещании о восьмилетке», «общение стало через записки», «высказаться о положении в Президиуме ЦК», «общение с товарищами непартийное».

Записи лишь конспективно воспроизводят ответ Хрущева на эту критику: «Обеспокоен был. Аргументы веские. Главное — люблю свою партию, хочу быть полезным партии. К сожалению, не замечал и не ожидал. Записки посылал членам Президиума по всем вопросам. Разделение обкомов — не противоречит единому руководству. Допускал раздражительность. Я выступаю о своих недостатках. Насколько хватит сил». Судя по этим записям, требования об отставке Хрущева еще не прозвучало и поэтому он объявил о готовности работать «насколько хватит сил». Дальше, как писал Гришин, Хрущев «предоставлял поочередно слово всем членам и кандидатам в члены Президиума ЦК. Каждый отмечал недостатки и ошибки в работе Первого секретаря ЦК».

Первым выступил кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь ЦК Компартии Украины

П. Е. Шелест. В черновых записях о его выступлении сказано: «Мы — главный генеральный штаб, Резко видны недочеты и промахи. Переоценка успехов и новых идей ведут к срывам. С положениями записки Н. С. Хрущева нельзя согласиться. (Речь идет о записке «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации». — Прим. авт.) На парработу кадров не подобрать, сплошные реорганизации. В 1957 году ставили задачу догнать и перегнать США, а получился провал. Деятельность нашу дискредитирует. Говорили о жилье — не выполнили. Волевые решения. Не повышаем зарплату, а говорили, что повысим. О разделении обкомов — не на правильном пути стоим, нельзя молчать. О планировании — коллективно надо решать, а не единолично. Последнее заседание о плане, ничего не поняли. Ответственность и права республик — ответственность есть, а прав нет». Шелест подверг критике всю деятельность Хрущева, но не сказал, какие из этого могут последовать оргвыводы.

Следом выступил член Президиума ЦК и председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов: «В результате неправильного и непартийного отношения Хрущева создалась нетерпимая обстановка, возник новый культ личности Хрущева. Не менее опасный. По существу коллективного руководства нет. За 3,5 года я не имел возможности высказать свое мнение; окрики, оскорбления. Последнее совещание: Хрущев наговорил много ерунды. О плане — не знаем какой план. Мне говорил (видимо, Хрущев. — Прим. авт.): «Вы самый опасный человек». В записке много чепухи. Реорганизация — только и сидим на этом. Два обкома — жизнь не подтвердила. Отпустить на пенсию, я бы проголосовал». Таким образом, Воронов первым предложил отправить Хрущева в отставку.

Секретарь ЦК А. Н. Шелепин начал с упоминания положительного в политике Хрущева, сказав: «Линия правильная, за годы много сделано». Но тут же перешел к перечислению ошибок Хрущева: «Сколько пленумов — были митинги. У вас сосре-

доточена власть, вы ею стали злоупотреблять. Нетерпимая обстановка. Культ личности полностью сложился. Поддерживал вас, вера в вас падала, падала — обидно. Много демагогического. Самомнение непомерное. Зачем вы натравливаете друг на друга? Роль членов Президиума ЦК понижена. Среди членов Президиума ЦК нет друзей, окружили себя сомнительными людьми. Т. Поляков (этот секретарь ЦК присутствовал на заседании. — Прим. авт.) гнусную роль играет. Потеряли скромность. Правда (газета ред.) — это семейный листок Хрущева. Откуда вы взяли — «дела у нас идут хорошо». Темп за 10 лет — упал. Национальный доход — с 11% до 4% упал. Волевые указания наносят вред. О строительстве. Строят 4—5-этажные дома. В сельском хозяйстве — карусель... Лозунг «обогнать» — авантюризм в политике. Резкостью оттолкнули от себя. «Мы разгоним Академию!» Перестройки в промышленности вред принесли.

Оторвали науку от производства. Два обкома — ошибка и теоретическая ошибка».

«О внешнеполитическом курсе, о курсе на мирное сосуществование, с империализмом мы должны быть строже. Отступаете от главной линии. Суэцкий кризис — на грани войны. Берлинский кризис — наша позиция ущерб нанесла. Кубинский кризис — авантюра, жонглирование судьбами народов. Лозунг «если СССР и США договорятся — все будет в порядке» — неправильно. О Китае — правильная позиция, но гибче проводить линию, в очень многом виноваты и вы. Зачем нужно Дежу говорить обидные слова. (Речь шла о грубом поведении Хрущева на переговорах с Георгиу-Дежем. — Прим. авт.)»

«Непостоянство. Выезды — семейные стали. О рязанском деле. Не брезгуете ничем». Последняя фраза была неясна и возможно, что речь шла о присвоении Хрущевым

подарков от иностранных руководителей, подаренных ему, как главе СССР. В своих мемуарах Микоян писал: «Обвиняли еще, что взял у Насера в Египте в подарок пять автомашин. Я лично такие подарки отдавал в клуб завода «Красный пролетарий». Подарки из Японии передал в Музей восточных культур. Но у Хрущева сохранилось что-то крестьянское — он эти подарки себе и семье своей оставлял... а я поступал, по традициям 1920-х годов, когда крупные подарки не принято было принимать и оставлять себе».

Слово взял член Президиума ЦК А. П. Кириленко: «Речь идет о серьезных ошибках — грубо стал нарушаться ленинский стиль руководства. Коллективность нарушается. Мнение других товарищей ничего не значит. Грубые оскорбления. Вы пытаетесь нейтрализовать замечания. Ничем не оправданно сосредоточение власти в одних руках. Слащавость любите, а людей честных — оттал-

▲ Ворошилов, Насер, Хрущев

▲ Косыгин и Джонсон

квиваете. Почему вы таким стали?»

Выступил кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь Компартии Белоруссии К. Т. Мазуров: «В партии происходят явления, которые противоречат ленинским указаниям. Культ создан. Провалов больше, чем могло быть. Стиль работы — записки. Нездоровое соревнование — догнать Америку. Непрерывные реорганизации. То одно указание, то другое единоличное решение привело к принижению партийной работы. Все возмущаются, что ликвидированы райкомы. Критики в ЦК нет. К руководителям других стран — отношение неправильное — национализм процветает. Забвение национального вопроса опасно. Культ зашел далеко, трудно его исправить».

Кандидат в члены Президиума ЦК и член Бюро по РСФСР Л. Н. Ефремов заявил: «Умы воспалены. Возражают против ликвидации производственных управлений. Скоропалительные выдвигаются идеи. Новые предложения вносятся одни за другим. В сельском хозяйстве — линия выработывается вами, но все поспешно, вне времени и пространства. Переоценка состояния механизации сельского хозяйства. В личном плане: вы были другим человеком. Вы грубите с кадрами. Субъективистский подход. Игра в вождизм. Высмеивание и сарказм. Урывками идет обсужде-

ние внешнеполитических вопросов. Назойливо выпячиваются документы с вашим именем».

В своем выступлении кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь компартии Грузии В. П. Мжаванадзе говорил: «Первый раз говорим о правильном и справедливо. Опорочены (видимо, Хрущевым. — Прим. авт.) все: Микоян, Брежнев, Косыгин. Упразднение райкомов — преступление. Непоследовательность в сельском хозяйстве, неразбериха. Все вам дозволено. Пленум ЦК созвать». В отличие от июньского заседания Президиума ЦК, сейчас руководители партии были готовы решить вопрос о Хрущеве на пленуме ЦК.

Секретарь ЦК М. А. Сулов сказал: «Нет здоровой обстановки. В Президиуме — ненормальная обстановка, с точки зрения деловой. Генеральная линия правильная. Нарушение ленинских принципов и далеко пошли в их нарушении. Практически невозможно высказать иное мнение. Оскорбительно относитесь к работникам. Все положительное приписывается Хрущеву, недостатки — обкомам. Поощряете подхалимов. Сигналам придаете большое значение — от семьи. Семейные выезды. Поездки Аджубея бесполезны. Один не может разобраться во всех вопросах — накручено. С новым планом — что делать не знают. Поднять

роль Президиума и Пленума».

Кандидат в члены Президиума ЦК и председатель Всесоюзного Центрального Совета профсоюзов (ВЦСПС) В. В. Гришин начал с рассказа о позитивных сторонах Н. С. Хрущева: «Он к лучшему стремился и много сделано». Но тут же оговаривался: «Но товарищи правильно говорили — все успехи как будто исходили от т. Хрущева. Есть личные отрицательные качества. Нежелание считаться с коллективом. Диктаторство. Нет коллективного руководства. Поспешность, многие вопросы не продумываются. Технический уровень многих отраслей отстает. Управление промышленностью — неразбериха, наслоения. Масса комитетов, потеряли отраслевой подход. (Гришин имел в виду большое количество Государственных комитетов, созданных при Хрущеве вместо министерств. Они часто дублировали друг друга в своей деятельности. — Прим. авт.) В сельском хозяйстве — провалы — связывают с вами. Наскоком решаются вопросы. Пышно расцвел культ личности одного лица. Все берет на себя — нетерпимость к мнению других. Газеты заполнены вашими выступлениями, фотографиями. Интересы к профсоюзам не проявили. Все берете на себя, все доклады на себя. Правительственные органы парализованы. Ни ответа, ни приветия по вопросам материального положения (в семилетке). Не уделяется с вашей стороны внимания. (Видимо, Гришин имел в виду отказ Хрущева реагировать на явное невыполнение заданий семилетнего плана по улучшению материального положения населения. — Прим. авт.) Пленуму доложить. Нецелесообразно сосредотачивать в одних руках власть».

Выступление В. В. Гришина было последним на заседании 13 октября, которое продолжалось до 8 часов вечера. Было решено продолжить заседание на следующий день. Семичастный вспоминал: «Вечером позвонил мне Брежнев и усталым голосом сообщил, что «на сегодня» заседание Президиума закончилось. «Что делать? Неужели отпускать Ни-

киту?» «Пусть отправляется, куда хочет, — ответил я спокойно. — Он ничего уже сделать не может: все под контролем». Хрущев поехал домой».

Пока шло заседание Президиума ЦК, по радио и телевидению передавали сообщение об успешном приземлении космического корабля «Восход». Скорее всего, спуск космического корабля был ускорен. Ведь известно, что Хрущев бы обязательно присутствовал на встрече космонавтов во Внуково. Однако, судя по его планам, он не собирался в ближайшие дни покинуть Пицунду и, стало быть, приземление «Восхода» не ожидалось так скоро. В это время даже многие информированные люди не знали о том, что происходило в Кремле. Сергей Хрущев встретился с сыном Микояна Серго и поделился с ним своими опасениями. Затем Сергей Хрущев позвонил А. Аджубею и попросил приехать к нему. Один из самых информированных людей страны А. Аджубей ничего не знал о происходившем и в ответ на его звонок в Кремль ему ответили, что действительно идет заседание Президиума ЦК, но о его повестке дня ничего неизвестно. По словам С. Н. Хрущева, «Аджубей стал звонить в разные места. Горюнову в ТАСС — ничего не знает; Семичастному в КГБ — нет на месте; Шелепину в ЦК — на заседании; Григоряну в ЦК — ничего не знает. Аджубей сник».

Сергей Хрущев вспоминал: «Около восьми часов вечера приехал отец. Машина его привычно остановилась у самых ворот. Он пошел вдоль забора по дорожке, это был его обычный маршрут. Я догнал его. Несколько шагов прошли молча, я ни о чем не спрашивал. Вид у него был расстроенный и очень усталый. «Все получилось так, как ты говорил», — начал он первым. «Требуют твоей отставки со всех постов?» — спросил я. «Пока только с какого-нибудь одного, но это ничего не значит. Это только начало... Надо быть ко всему готовым...» Последняя фраза в последнем выступлении Гришина могла создать впечатление, что руководители партии

предлагают лишь разделить функции Первого секретаря и Председателя Совета Министров СССР, а не отстранить Н. С. Хрущева от руководства. В то же время Хрущев понимал, что за отставкой его с одного из этих постов могло вскоре последовать и его отстранение из руководства страны. Но, видимо, вечером 13 октября Хрущев считал, что этот процесс займет некоторое время.

Тем временем Аджубей попытался дозвониться до некоторых участников заседания. Однако телефоны Шелепина, Полянского и других молчали. Только через несколько дней С. Хрущев узнал, что «после отъезда отца все члены Президиума договорились к телефону не подходить: вдруг Хрущев начнет их обзванивать и ему удастся склонить кого-нибудь на свою сторону». Вечером Серго Микоян сообщил Сергею Хрущеву, что к А. И. Микояну приехал директор ИМЭМО академик А. А. Арзуманян и они долго беседовали. Когда беседа закончилась, С. Микоян вместе с С. Хрущевым и А. Аджубеем поехали к А. Арзуманяну. Академик пересказал им все, что он узнал от Микояна, а затем сказал: «Дело сейчас не в ошибках Никиты Серге-

евича, а в линии, которую он олицетворяет и проводит. Если его не будет, к власти могут прийти сталинисты, и никто не знает, что произойдет. Нужно дать бой и не допустить смещения Хрущева. Однако, боюсь, это трудновыполнимо. Впрочем, нельзя сидеть сложа руки, попробуем что-то сделать». Сергей Хрущев писал: «Его слова вселяли надежду — отец не одинок. Ведь в 1957 году большинство членов Президиума тоже требовали его отставки, но Пленум решил иначе».

О том, что исход борьбы не был решен, свидетельствуют и воспоминания Семичастного: «Этой ночью спать мне не пришлось. Среди членов ЦК началось брожение: с кем идти, за кем идти? Непрерывно звонил телефон. Всем, кто обращался с вопросами ко мне, я отвечал, что информации о деталях обсуждения не имею. Утром следующего дня мне доложили, что Хрущев прибыл в Кремль и заседание Президиума продолжено. Хрущев казался более уравновешенным, тем не менее, дискуссия длилась еще несколько часов».

На открывшемся утром 14 октября заседании первым слово взял член Президиума ЦК и заместитель

▲ «Кузькина мать»

Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский. Он сказал: «Линия съездов правильная, другое дело осуществление ее Хрущевым... Мы не мирились и раньше, но не были острыми. Другой Хрущев стал. В первую пятилетку вел хорошо себя. В последнее время захотел возвыситься над партией, стал груб. Сельское хозяйство — в первые годы шло хорошо, затем — застой и разочарование. 78 миллиардов рублей не хватает. Ослабление материально-технической базы. Сталина поносите до неприличия. Седеет деревня. Всех отстранили от сельского хозяйства. О восьмилетке — темним. Руководство через записки. Лысенко — Аракчеев в науке. 10 академиков Темирязевки не принимаете, а капиталиста сходу принимаете. Тяжелый вы человек. Теперь вы — другой. Заболели манией величия.

Вывод — уйти вам со всех постов в отставку. Вы же не сдадитесь просто». Очевидно, что члены Президиума ЦК, узнав о намерении Хрущева и Микояна «дать бой» и, возможно, добиться реванша даже после отстранения Хрущева с одной из должностей, решили действовать более радикально.

После того как Полянский кончил речь, Шелепин заметил: «Микоян ведет себя неправильно. Послушать его». Слово взял Микоян. Он постарался соединить критические высказывания в адрес Хрущева с упоминанием позитивных сторон его деятельности таким образом, чтобы общий вывод не привел к решению о его отставке: «Суслов прав — прямо говорит, решение съездов правильно. Стабильный состав Президиума — может управлять страной. Во внешней политике — вначале Хрущев мало владел внешней политикой, быстро овладел. Суэц — не были в состоянии войны, но риск был. Берлинский вопрос — я выступал против. В общем — правильно. Кубинский кризис — спорил. Подводный флот послать — сама идея на грани авантюризма. Блестящие беседы с иностранцами. Вспыльчивость, раздражительность — правильно. (Микоян, видимо, говорил

▲ С коллегой

о том, что критика этих черт характера Хрущева была правильной. — Прим. авт.) Нет мстительности. (Позже в своих мемуарах Микоян говорил прямо противоположное. — Прим. авт.) Идет на смелое выдвижение людей.

Окружение — отделить тт. Малина и Шуйского (работник Общего отдела ЦК и сотрудник секретариата Хрущева. — Прим. авт.). Подсывали цифры, Старовский путает. (Микоян снимал обвинения в фальсификации статистических данных с Хрущева и обвинял в этом начальника Центрального статистического управления Старовского. — Прим. авт.) Не надо Хрущеву брать все на себя. По поводу обкомов — сначала я возражал. Неправильное отсечь. Хрущева разгрузить, должен оставаться у руководства партии». Так Микоян, поддержав отчасти критику в адрес Хрущева, пытался оставить его на посту Первого секретаря и в составе Президиума ЦК.

Потом выступил кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов: «Линия ЦК правильная, страна имеет успехи. Жизнь ставит новые вопросы, кадры растут. Почему записка Хрущева разослана, а не решение? Надоели реорганиза-

ции. Производственные управления ликвидированы, райкомы ликвидированы. Принижена роль парторганов. Оба обкома — не оправдывают себя. О новой пятилетке — Президиум не обсуждал — совещание прошло без пользы. В вашем характере — противоречивость, в вашем выступлении — одно, в действиях — другое. Вам дают необдуманные цифры. Все с вашим именем связывают. Товарищей унижаете. Пленум созвать. Ленинский порядок». Во многом повторив содержание выступлений тех, кто высказался до Микояна, Рашидов тем самым продолжил наступление против Хрущева. Однако он не решился поддержать предложение Полянского.

Выступил член Президиума ЦК и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин: «Удовлетворен ходом обсуждения. Линия правильная. Полумерами не удастся решить. Стиль Хрущева — не ленинский. XXII съезд — два доклада на себя взял. Все сам, все сам. Письма льстивые рассылает, а критические нет. (Видимо, имелось в виду распространение Хрущевым членам ЦК писем, в которых выражалась поддержка политике Хрущева. — Прим. авт.) Противопоставили себя Президиуму ЦК и ЦК. Ни с кем

не считаетесь. Интриговали. Доклад Сулова — сначала хвалили, потом хаял. Власть на вас давит. Вам нравятся овации. Записки и единоличные решения о пятилетке и восьмилетке. Военные вопросы — монополизировал. Созвать пленум, ввести пост второго секретаря. Вас освободить от всех постов». Таким образом, Косыгин решительно поддержал предложение Полянского.

В своем выступлении член Президиума ЦК и секретарь ЦК Н. В. Подгорный сказал: «Согласен с выступлениями всех, кроме Микояна. Мы все с уважением относились к Хрущеву. Сейчас он другой. Культ личности процветает. Много хороших сторон есть. Колоссальные ошибки в реорганизации. Ссылки на Сталина — ни к чему. Сам делает хуже. По военным вопросам. Президиум не знает, что делается, и вы не знаете. О разделении обкомов — глупость. О взаимоотношениях с социалистическими странами — разброд. Вы виноваты. Обстановка с Хрущевым — невозможно поговорить. Разделить посты. Решить о пленуме. Как отразится на международных отношениях и внутренних? Отразится, но ничего не случится. Лучше, если бы сам попросил освободить».

Опять слово взял член Президиума ЦК и секретарь ЦК Л. И. Брежнев: «Согласен со всеми». Обращаясь к Хрущеву, он сказал: «С вами я прошел с 38-го года. В 57 году боролся за вас. Не могу вступить в сделку со своей совестью... Освободить Аджубея. Освободить Харламова. Рязанское дело — ваша вина... Освободить Хрущева от занимаемых постов, разделить посты».

Тем временем, по словам Семичастного, за стенами Кремля «напряженность продолжала нарастать. Поэтому, где-то в середине дня, я позвонил в Кремль и попросил позвать к телефону Брежнева. Тот откликнулся немедленно. Я сказал ему: «Продолжение дискуссии не идет на пользу: в зал может заявиться какая-нибудь делегация — спасти либо вас, либо Хрущева». «Что предлагаешь?» — тревожно спросил Брежнев. «Я за то, чтобы пле-

нум собрался сегодня же. Еще одну ночь я не смогу контролировать ситуацию». Брежнев посоветовался с остальными и через полчаса сам мне позвонил: «Пленум откроется в шесть вечера. Мы договорились, что те, кто еще хочет выступить, получают по пять минут, а затем подведем черту».

Записи выступлений секретарей ЦК в протоколе были короткими: «Андропов: Правильно делает Президиум. Предложение поддерживаю. Пономарев: Поддерживаю предложение. Ильичев: Согласен. Титов: Согласен с выводами. Рудаков: Согласен с выводами. Поляков: Согласен с выводами».

Опять выступил Микоян: «Говорил, что думал (видимо, он так оценил свое предыдущее выступление). Хрущев сказал, что за посты бороться не будет». Выступил член Президиума ЦК Н. М. Шверник: «Н. С. Хрущев неправильно повел себя. Лишить постов, удовлетворить просьбу».

Под конец заседания выступил Хрущев. Судя по черновым записям протокола, Шелепин довольно точно воспроизвел его речь: «Вы все много говорили о моих отрицательных ка-

чествах и действиях. Говорили также о моих положительных качествах, и за это вам спасибо. Я с вами бороться не собираюсь, да и не могу. (И тут у него на глаза навернулись слезы.) Я вместе с вами боролся с антипартийной группой. Вашу честность я ценю. Я по-разному относился к вам и извиняюсь за грубость, которую допускал в отношении Полянского, Воронова и некоторых других товарищей. Извините меня за это».

«Я многого не помню, о чем вы говорили, но главная моя ошибка состоит в том, что я проявил слабость и не замечал порочных явлений. Я пытался не иметь два поста, но ведь эти два поста дали мне вы! Ошибка моя в том, что я не поставил этот вопрос на XXII съезде КПСС. Я понимаю, что я за все отвечаю, но я не могу все читать сам. Что касается совмещения постов Первого секретаря ЦК и председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, то я считаю, что эти посты и впредь следует совмещать в одном лице. Что касается Академии наук СССР, то признаю, что допустил в отношении нее ошибку, за что извиняюсь. Вместе с тем считаю, что в таком виде Академия наук

▲ Булганин, Аденауэр, Хрущев

нам не нужна... Много здесь говорили о кукурузе, но имейте в виду, что кукурузой и впредь придется заниматься».

«О Суэцком кризисе. Да, это было опасно, но получилось-то хорошо. Берлинский кризис действительно поставил страну на грань войны. Я допустил ошибку, но вместе с тем горжусь, что все хорошо было сделано и так хорошо закончилось. Что касается Карибского кризиса, то да, я был инициатором. Этот вопрос мы обсуждали несколько раз, но решения не приняли — все откладывали».

«В отношении разделения обкомов партии на промышленные и сельские я считал и сейчас считаю, что решение об этом было принято правильное».

«Я понимаю, что меня, моей персоны уже нет, но я на вашем месте мою персону сразу не сбрасывал бы со счетов. Выступать на пленуме ЦК со слезами на глазах я не собираюсь. Я расклеился. Я не прошу у вас милости. Уходя со сцены, повторяю: бороться с вами не собираюсь и «обмазывать» вас не буду, так как мы единомышленники. Я сейчас переживаю и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность Первого секретаря ЦК и говорить полным голосом... Разве я «культ»? Вы меня кругом обмазали г..., а я говорю: «Правильно». Разве это культ?! Сегодняшнее заседание Президиума ЦК — это победа партии».

«Я думал, что мне надо уходить. Но жизнь цепкая. Я сам вижу, что не справляюсь с делом, ни с кем из вас не встречаюсь. Я оторвался от вас. Вы меня сегодня за это здорово критиковали, да я и сам страдал из-за этого. Но в кости или в бильярд никогда не играл — всегда был на работе. Я благодарю вас за предоставляемую мне возможность уйти в отставку. Жизнь мне больше не нужна. Прошу вас напишите за меня заявление, а я его подпишу. Я готов сделать все во имя интересов партии. Я сорок шесть лет в партии состою — поймите меня. Я думал, что, может быть, вы сочтете возможным учредить какой-либо почетный

пост. Но я вас не прошу об этом. Где мне жить, решите сами. Я готов, если надо, уехать куда угодно. Еще раз спасибо за критику, за совместную работу в течение ряда лет и за вашу готовность дать мне возможность уйти в отставку».

По решению Президиума Ильичев и Гришин подготовили заявление от имени Хрущева с просьбой об отставке. Хрущев подписал это заявление, в котором говорилось, что он не может «выполнять ныне возложенные на меня обязанности».

После обеда заседание Президиума ЦК продолжалось без участия Хрущева. Микоян до конца старался добиться компромиссного решения. В своих воспоминаниях он писал: «Видя, что вопрос о его освобождении с поста Первого секретаря окончательно решен, я предложил сохранить его на посту Председателя Совета Министров хотя бы на год, а там видно будет». Объясняя мотивы своего предложения, Микоян писал: «Я имел в виду, что можно будет использовать его политический капитал во всем мире и правильное отношение к десталинизации, но лишив его возможности быть почти что полным диктатором, и таким образом иметь

возможность противостоять его страсти к неоправданной административной чехарде».

Приехав к Хрущеву после этого заседания, Микоян рассказывал и о других предложениях, которые он вносил: «Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта Президиума ЦК, но мое предложение отвергли». Категорически против этих предложений выступил Косыгин. По словам Микояна, Брежнев сказал, что он понимает его предложения и их можно было бы принять, «если бы не характер Никиты Сергеевича. Его поддержали: очень уж боялись его решительности и неумности». (Правда, Микоян все же не исключал того, что Хрущева могут сделать членом Президиума Верховного Совета СССР) Затем Л. И. Брежнев предложил избрать Н. В. Подгорного Первым секретарем ЦК КПСС, но тот стал отказываться и предложил на этот пост Л. И. Брежнева. Это решение было принято. Было также решено рекомендовать на пост Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

14 октября, в 18 часов, в Свердловском зале Кремля открылся пленум ЦК КПСС. В это время мой

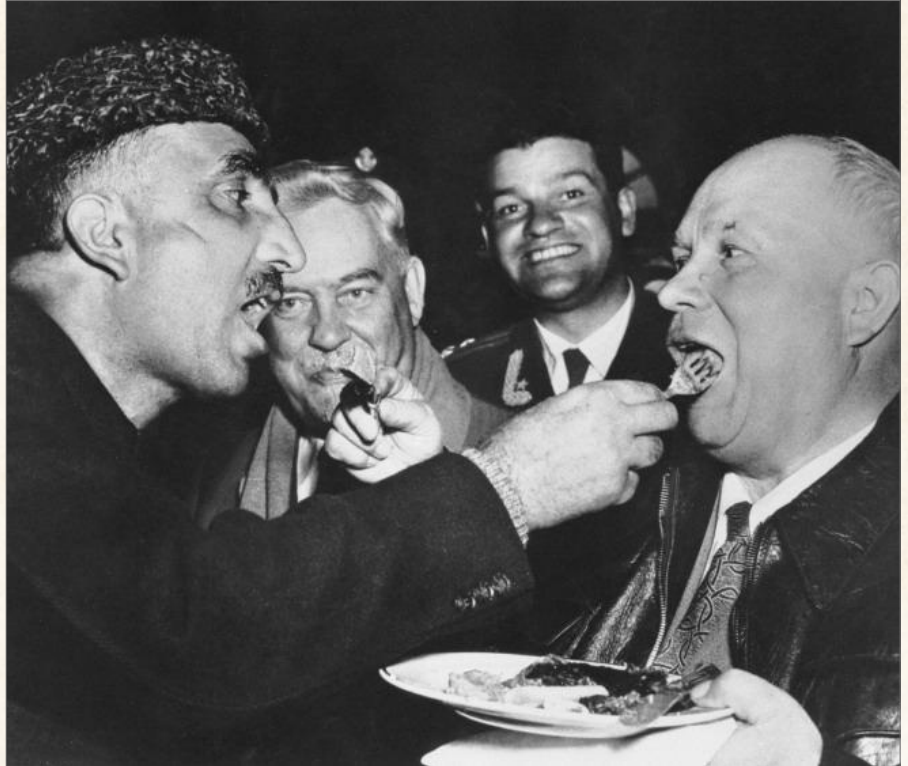
▲ Хрущев, Ворошилов

отец был кандидатом в члены ЦК КПСС. Когда он получил от курьера извещение о пленуме ЦК, он стал обзванивать своих знакомых, чтобы выяснить, в чем дело, но никто ничего не знал. Он пришел в Кремль за несколько минут до назначенного срока. Рядом с ним сидел незнакомый ему генерал. Отец спросил его, не знает ли он, что происходит. Генерал ничего не знал. Вновь приходившие люди также ничего не могли сказать. Наконец, на сцене зала появились члены партийного руководства. По тому, что Н. С. Хрущев шел последним, многим присутствовавшим стало ясно, в чем дело. На плечах Хрущева был легкий серый плащ. Он сел в стороне от остальных членов Президиума ЦК и приложил ладони к щекам. Пленум открыл Л. И. Брежнев.

Брежнев заявил: «Товарищи! В связи с поступавшими в ЦК КПСС запросами о возникающих неясностях принципиального характера по вопросам, намечаемым к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре, а также по вопросам, связанным с планированием развития народного хозяйства на новый период, Президиум ЦК КПСС счел необходимым обсудить эти вопросы на своем заседании 12 октября... В ходе обсуждения на заседании членами Президиума, кандидатами в члены Президиума и секретарями ЦК стали подниматься и другие важные вопросы, особенно о ненормальной обстановке в работе в Президиуме ЦК. Было признано неотложным и необходимым возникающие вопросы в присутствии Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября... В течение двух дней Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос об ошибках и неправильных действиях Хрущева. Все мы во время обсуждения придерживались единого мнения».

Брежнев передал слово для доклада М. А. Суслову. По оценке Семичастного, доклад продолжался два часа. Суслов суммировал обвинения в адрес Хрущева, выдвинутые на заседании Президиума ЦК. Хотя Суслов повторил слова о том,

▲ Трапеза

что Хрущев «после разгрома антипартийной группировки изменился, зазнался», на самом деле обвинения ничем не отличались от тех, что были выдвинуты в июне 1957 года. Несмотря на то что Молотову, Кагановичу, Маленкову мешали говорить на июньском (1957 г.) пленуме ЦК, они успели сказать, что с Хрущевым невозможно работать, что он всех оскорбляет и подавляет, что у него безгранично самомнение, что он лезет во все дела, не замечая собственной некомпетентности. Теперь об этом же говорил Суслов. В июне 1957 года также речь шла о том, что Хрущев принимает решения, не считаясь с другими членами Президиума, о «культе личности Хрущева», об импульсивных «зигзагах Хрущева» во внешней политике и его маниакальной склонности к реорганизациям системы управления внутри страны. Молотов, Каганович и Маленков дружно осуждали авантюристический лозунг «Догнать США по производству мяса, масла, молока в 2—3 года!». Теперь этот же лозунг и так же энергично высмеивали те, кто 7

лет назад с пеной у рта осуждали Молотова и других за попытку отстранить Хрущева от власти. Суслов, Подгорный, Полянский, Кириленко, Брежнев, Косыгин, Шелепин и другие, с возмущением отвергавшие в июне 1957 года обвинения в адрес Хрущева, теперь повторяли их, лишь дополняя примерами за последние семь лет.

Правда, в то время Советская страна еще была слишком сильна, чтобы даже заведомо ошибочные действия Хрущева могли остановить ее поступательное развитие. Возможно, что за фразами о «правильной линии съездов партии» скрывалась обоснованная удовлетворенность тем, что страна продолжала быстро развиваться, что за последние годы были достигнуты впечатляющие успехи в хозяйстве, науке, технике. Кроме того, деятельность Хрущева отнюдь не была однозначно порочной. Многие его действия принесли существенную пользу развитию страны. Возможно, что Суслов и другие критики Хрущева признавали его позитивную роль в достижении этих успехов.

▲ Каганович

В то же время заявления о «правильной политике ЦК» прикрывали чудовищную ошибку семилетней давности тех, кто теперь смещал Хрущева. Получалось, что в июне 1957 года нынешние члены Президиума и многие члены ЦК сознательно оставили у власти человека, непригодного к высшему руководству, лишь на семь лет затянув его диктаторское правление. В течение этих семи лет многие из теперешних обличителей Хрущева постоянно повторяли дежурные фразы об «исторических решениях» XX съезда и последующих съездов и пленумов, выражали восхищение деятельностью Хрущева, льстили ему в лицо, называя «гениальными» его вздорные предложения, провозглашая его «талантливейшим продолжателем дела Ленина, выдающимся теоретиком и практиком коммунистического строительства». Они поддерживали самые сумасбродные идеи Хрущева, терпели его хамские выходки. Тем самым они лишь умножили число катастрофических ошибок во внешней и внутренней политике страны, которых уже было допущено немало к июню 1957 года. За эти семь

▲ Молотов

лет они могли убедиться в том, что Хрущев не возмутитель спокойствия в царстве застоя, каким они его представляли в июне 1957 года, а смутьян, способный вносить много дезорганизации и хаоса в государственную деятельность.

Правда, Молотов, Маленков и другие также виноваты в том, что слишком поздно поставили вопрос об отставке Хрущева. Назначение Хрущева на пост Первого секретаря ЦК КПСС было изначально ошибочным. В октябре 1964 года руководство партии и страны исправляло ошибку 11-летней давности.

Однако Сулов не только оправдывал ответственность нынешних руководителей страны за поддержку Хрущева в июне 1957 года, но и не пытался определить причины, каким образом нахальный и грубый, необразованный и самонадеянный авантюрист пришел к власти и продолжал править, невзирая на свои очевидные провалы. Очевидно, что руководство страны не было готово к такому анализу положения в партии и обществе. Руководители страны не были способны самокритично взглянуть на нездоровую обста-

новку в своей среде, на интриги и подсиживания, в результате которых компетентный поиск деловых решений подменялся борьбой за власть с демагогическими обвинениями и компроматами. Нежелание серьезно и глубоко разбираться в причинах и следствиях пребывания Хрущева у власти выразилось и в том, что обсуждения доклада Сулова не было. Зато, как и в июне 1957 году, в зале звучали истерические вопли, но на сей раз адресованные Хрущеву.

Из воспоминаний С. Хрущева — Отец запомнил, как А. Б. Аристов, подбежав к трибуне, выкрикнул в лицо Хрущеву: «Дал Героя Советского Союза подручному Ром-меля!»

Не ясно, кого Аристов имел в виду: Амера или Насера. Также неизвестно, насколько точен был Аристов. Известно, что он любил говорить об исторических событиях, безбожно переверивая факты. На июньском (1957 г.) пленуме он, обвиняя Молотова и других, противопоставлял им «мягкость Ленина», сказав при этом, что стрелявшая в Ленина эсерка Фанни Каплан не была расстреляна, а до-

▲ Отставка

жила до глубокой старости в тюрьме. На самом деле Ф. Каплан была расстреляна через 4 дня после ее покушения на Ленина. — Прим. авт.

Приблизившись к трибуне, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана Насриддинова выкрикнула: «Он оскорбил весь узбекский народ!» Кто-то еще рвался к трибуне, выкрикивая проклятия в адрес Хрущева. Звучали требования: «Исключить его из партии!» «Под суд его!» Хрущев сидел неподвижно, обхватив ладонями лицо.

Суслов зачитал заявление Хрущева с просьбой о своей отставке, а также проект постановления, в котором говорилось, что Хрущева освобождают от занимаемых им постов по состоянию здоровья. Брежнев предложил не открывать прений, и его предложение поддержали. Затем единогласно было принято постановление об отставке Хрущева.

Перешли к выборам новых первых руководителей страны. Слово взял Н. В. Подгорный, который внес предложение избрать Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Это предложение было принято единогласно. Затем Л. И. Брежнев выступил с предложением избрать Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. И это предложение было принято единогласно.

Семичастный вспоминал: «Когда пленум закончился, в комнате, где обычно собирались члены Президиума ЦК, Хрущев попрощался с каждым за руку... Уместно здесь было бы напомнить, что, когда снимали со своих постов Молотова, Маленкова и Кагановича, их попросили покинуть зал заседаний сразу после принятия решения об их освобождении, и никто с ними даже не попрощался. Да и в Москве никого из них не оставили».

В отличие от Молотова, Кагановича, Маленкова и других, Хрущева

не исключили из партии. Ему оставили многие материальные блага, которыми обладали советские руководители. В тот день А. И. Микоян сообщил Н. С. Хрущеву: «Меня просили передать тебе следующее... Нынешняя дача и городская квартира (особняк на Ленинских горах) сохраняются за тобой пожизненно... Охрана и обслуживающий персонал тоже останутся, но людей заменят... Будет установлена пенсия — 500 рублей в месяц и закреплена машина». Правда, дача и особняк, которыми пользовались Хрущевы, были заменены на более скромные жилища, но в остальном обещанные Хрущеву материальные условия пребывания на пенсии сохранялись до его смерти. ■

З.С. ШЕЙНИС

ВАШИНГТОНСКАЯ МИССИЯ

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Немного истории. 7 ноября 1933 года, примерно в те часы, когда на Красную площадь в Москве вступали колонны демонстрантов, на внешнем рейде нью-йоркской гавани бросил якорь океанский лайнер «Беренгария». К лайнеру подошел катер военно-морских сил, и на него спустился полный, среднего роста человек в темном осеннем пальто, модной по тем временам широкополой шляпе и белом кашне, в руках — палка и большой портфель. Это был Максим Максимович Литвинов.

Катер направился в гавань, и через несколько минут Литвинов сошел на набережную Нью-Йорка. Его сопровождали генеральный секре-

тарь Наркоминдела Иван Анатольевич Дивильковский и заведующий отделом печати Наркоминдела Константин Александрович Уманский. Так началась вашингтонская миссия Литвинова, завершившаяся признанием СССР. Но прежде чем это оказалось возможным, должно было пройти немало времени...

... Реакция правительства Соединенных Штатов Америки на социалистическую революцию в России была откровенно враждебной. Оно приняло самое непосредственное участие в сговоре стран Антанты против молодой Республики Советов и в последовавшей за этим открытой интервенции. Весной 1918 года США вместе с Антантой

высаживают десант в Мурманске, а несколько месяцев спустя, в августе того же года, на Дальний Восток направляется американский экспедиционный корпус генерала Грэвса.

Именно в те дни В. И. Ленин, внимательно следивший за политическим курсом США, обращается с письмом к американским рабочим. Вместе с этим письмом в США были доставлены Конституция РСФСР и текст ноты Советского правительства президенту Вильсону с требованием прекратить интервенцию. При активном содействии американского журналиста-социалиста эти документы были напечатаны в газетах и вызвали большой общественный резонанс не только в самой Амери-

▲ Ллойд-Джордж

▲ Мартенс Л.К.

ШЕЙНИС ЗИНОВИЙ САВЕЛЬЕВИЧ (1913–1992),

советский публицист, родился в Белостоке Гродненской губернии. Окончил Всесоюзный коммунистический институт журналистики (1938). С 1939 г. заведующий иностранным отделом газеты «Труд». Участник Великой Отечественной войны. С 1945 г. работал в Радиокomitee, затем в издательстве «Прогресс». Автор работ по проблемам мировой политики и международных отношений, историко-публицистических очерков о деятелях Октябрьской революции и Гражданской войны, советских дипломатах.

ке, но и в других странах. Владимир Ильич, проводя четкую грань между действиями правительства и настроениями рабочих масс, писал: *«В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам».*

Свое стремление к миру наша страна подтверждает конкретными

шагами. В конце 1918 года в Швецию, с политическими, экономическими кругами которой к тому времени удалось наладить сносные отношения, выезжает со специальным поручением член коллегии Наркоминдела М. М. Литвинов. 23 декабря Литвинов обращается из Стокгольма с мирным предложением Советского правительства к посланникам Великобритании, Франции, Италии, Японии и Соединенных Штатов Америки,

а на следующий день направляет специальное письмо на имя президента США Вильсона, который прибыл в Лондон с официальным визитом.

Из письма президенту Вильсону: *«В дополнение к общему мирному предложению, переданному недавно Советским правительством союзникам, я формально уведомил сегодня посланников Соединенных Штатов и союзников в Стокголь-*

▲ Янки на нашем Дальнем Востоке

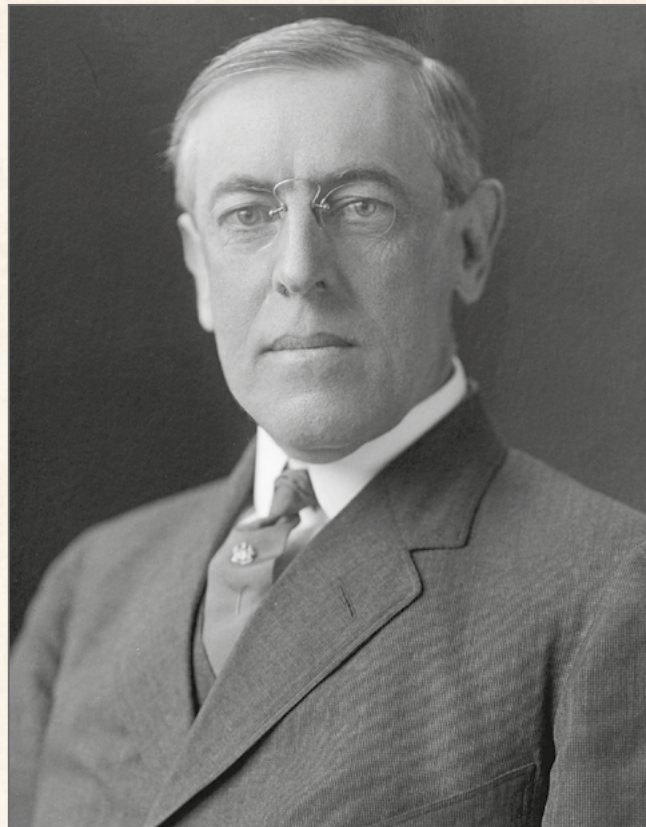

▲ Литвинов М.М.

ме, что я имею полномочия войти в переговоры о мирном разрешении всех вопросов, составляющих причину враждебных действий против России...

Рабочие и крестьяне России решили защищать свою дорого завоеванную власть и свободы против завоевателей всеми средствами, которые обширная страна дает в их распоряжение, но, помня о неизбежной и бессмысленной трате жизни и ценностей с обеих сторон и желая избежать дальнейшего разорения России, которое должно последовать в случае дальнейшей внутренней и внешней борьбы, они, поскольку дело идет о реальных интересах их страны, готовы пойти на все возможные уступки, если им удастся обеспечить при этом условия, позволяющие им мирно развивать социальную программу...

Вслед за этим обращением Советское правительство сделало практический шаг для установления контакта с Америкой — направило в Нью-Йорк Людвигу Карловичу

▲ Вильсон В.

Мартенсу — одному из старейших российских революционеров, в прошлом члену петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», эмигрировавшему в Америку еще задолго до Октября, — документы о назначении его официальным представителем РСФСР в Соединенных Штатах Америки и поручило ему вести переговоры с правительством США. В марте 1919 года Мартенс обратился с меморандумом к государственному департаменту США. «Я уполномочен моим правительством, — писал Мартенс, — вести переговоры о возобновлении в ближайшем будущем торговых отношений, взаимно выгодных для России и Америки...»

Однако правительство США не приняло этих актов миролюбия, оно, как и правительства стран Антанты, не теряло надежды поставить Советскую Россию на колени, навязать ей в обмен на прекращении военных действий определенные политические условия.

Таким был и замысел миссии У. Буллита, прибывшего в Советскую Россию в марте 1919 года (в разгар наступления Красной Армии) с ведома президента США В. Вильсона и премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа. В.И. Ленин считал возможным пойти на переговоры с Буллитом и принял в них активное участие. Советское правительство согласилось принять некоторые условия, но внесло в них существенные поправки, сводившие на нет стремление империалистов к реставрации в стране капитализма. Выработанный в результате этой встречи проект предусматривал прекращение военных действий на всех фронтах в России и немедленный (по подписании соглашения) вывод всех войск «Союзных и Объединившихся Правительств и других нерусских правительств» из России, прекращение оказания военной помощи антисоветским силам в России.

Но, вопреки достигнутой договоренности, проект не был официально направлен Советскому правитель-

ству. Правящие круги стран Антанты и США рассчитывали, что начавшееся наступление Колчака приведет к свержению Советской власти, и решили не начинать с Советской Россией переговоров о перемирии.

Несколько месяцев спустя, осенью 1919 года, В.И. Ленин вновь подтверждает, что Советская Россия готова вести самые тесные торговые отношения с Америкой. В чрезвычайно трудные дни, когда Юденич наступал на Петроград, Деникин подходил к Туле, Владимир Ильич нашел время, чтобы ответить на вопросы корреспондента «Чикаго дейли ньюс» И. Левина.

Из ответов на вопросы американского корреспондента:

«1. Какова нынешняя политика Советского правительства в вопросе о мире?»

2. Каковы в общих чертах условия мира, выдвигаемые Советской Россией?»

Наша политика мира — прежняя, т. е. мы приняли мирное предложение г. Буллитта. Мы никогда не изменяли наших мирных условий

(вопрос 2), которые сформулированы вместе с г. Буллитом.

Мы много раз официально предлагали мир Антанте до приезда г. Буллитта.

3. Готово ли Советское правительство гарантировать абсолютное невмешательство во внутренние дела иностранных государств?

Мы готовы его гарантировать.

4. Готово ли Советское правительство доказать, что оно представляет большинство русского народа?

Да, Советское правительство является самым демократическим из всех правительств мира. Мы готовы это доказать.

5. Какова позиция Советского правительства в отношении экономической договоренности с Америкой?

Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой.

Надеждами на неизбежную гибель большевиков правящие круги Америки продолжали тешить себя не один год. Еще во второй половине 20-х годов на страницах американ-

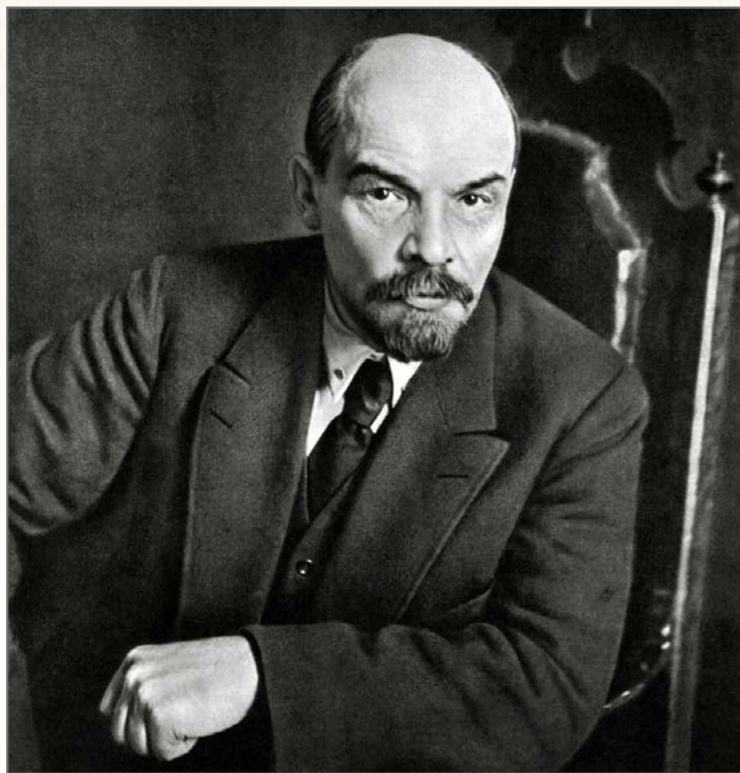
ских газет можно было увидеть заголовки, предрекавшие крах Страны Советов: «Сибирь пытается стряхнуть гнет Москвы», «Россия продает драгоценности, чтобы спасти советский режим», «Промышленность России накануне катастрофы».

В разгар очередной антисоветской кампании в капиталистическом мире разразился тяжелый экономический кризис. Он заставил деловые круги Америки более трезво взглянуть на Советский Союз. В Москву устремились бизнесмены, ученые-экономисты, политические наблюдатели. В Советский Союз пишут рабочие и фермеры, писатели и бизнесмены, они сообщают, что требуют от правительства США признания Советской страны.

Роблей Д. Стивенс из штата Пенсильвания, например, писал Калинин, что он симпатизирует Советскому Союзу, будет польщен, если после признания СССР он получит звание почетного консула Советского Союза в Филадельфии, обещает честно служить и, конечно...просит прислать фотографию Калинина с автографом.

▲ Калинин М.И.

▲ Ленин В.И.

Брат Стивенса сообщил Калинин, что он окончил морскую академию американских вооруженных сил, и великодушно предлагал свои услуги в качестве консультанта по морским делам. Писатель Глен Уолтер Блуджет писал, что делает все возможное для распространения правды о СССР. И тоже просит автограф, ибо у него есть только три русских автографа: Льва Толстого, Максима Горького и Максима Литвинова.

Письма американцев отражали настроения широких народных масс. Но прозрение наступало и в правящих сферах. В июне 1929 года из Соединенных Штатов Америки в Москву приехала представительная делегация во главе с сенатором Тайдингзом.

Сенаторы были приняты председателем Совнаркома Алексеем Рыковым, председателем ВСНХ Валерианом Куйбышевым, наркомом

внешней торговли Анастасом Микояном и исполняющим обязанности наркома по иностранным делам М.М. Литвиновым. Сенатор Фэй вел с наркомом путей сообщения Рудзутаком переговоры о концессии на вагоностроительный завод. Ян Эрнестович объяснил ему, что вывоз валюты из СССР невозможен. Тогда Фэй попросил концессию на обувную фабрику, сказав, что «обует всю Россию». Ему вежливо отказали.

Американцы поняли: Россия далеко ушла вперед, речь может теперь идти не о концессиях, а о взаимовыгодной торговле. Тогда они выразили желание посмотреть страну, сказали, что мечтают увидеть Крым, Кавказ и некоторые другие районы. Наркоминдел дал согласие, и сенаторы, сопровождаемые представителем Наркоминдела Александром Чумаком, совершили вояж по Республике Советов.

...В Москве Литвинов снова принял американцев, спросил, довольны ли они поездкой. Сенаторы заявили, что в восторге от Советской России. Но если им дадут концессии, то будет совсем хорошо. Литвинов ответил, что концессии СССР больше предоставлять не будет. Надо торговать на основе взаимной выгоды. И пора признать Советский Союз.

Действительно, невозможно обойти молчанием успехи русских. СССР становился могучей державой, и этого нельзя было не признать: «Россия начинает «мыслить машинами». Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов».

В конце апреля 1932 года крупный американский журналист Ральф Барнес обратился к И.В. Сталину с рядом вопросов.

Из записи ответов Сталина на вопросы Ральфа Барнеса.

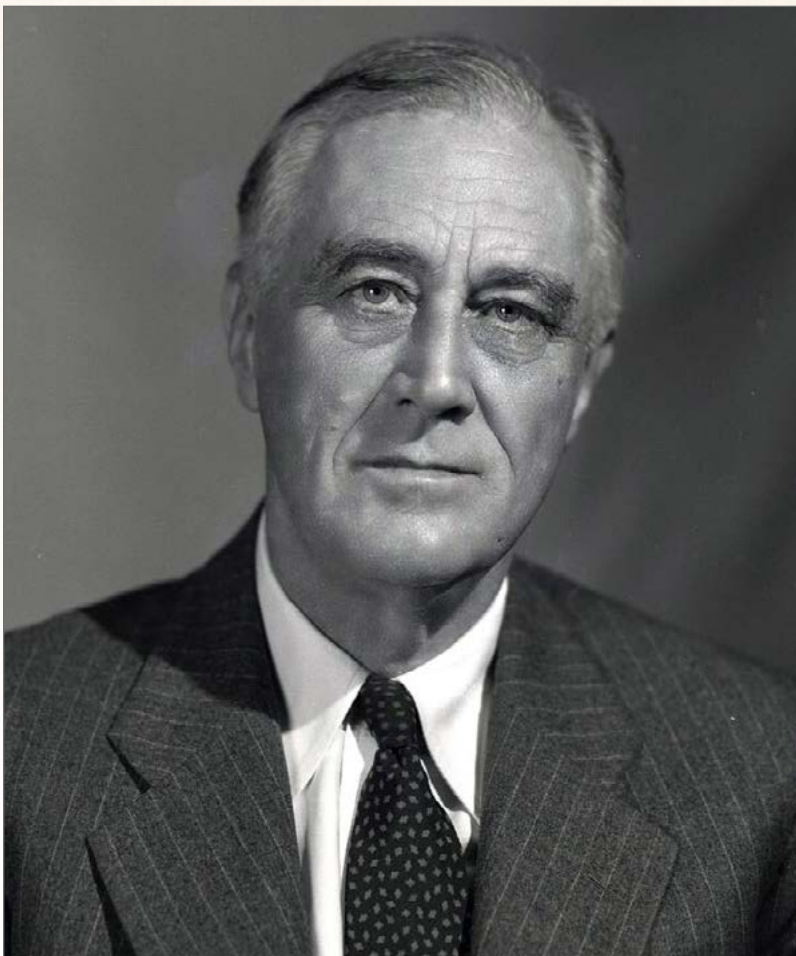
Вопрос: В некоторых кругах Америки в настоящее время усиленно обсуждается возможность посылки в Москву неофициального американского торгового представителя в сопровождении целого штата специалистов для содействия установлению более тесных торговых связей между Соединенными Штатами и СССР. Как отнеслось бы Советское правительство к такой предпосылке?

Сталин: *СССР вообще охотно принимает торговых представителей и специалистов других стран, имеющих нормальные отношения с ним... Думаю, что Советское правительство отнеслось бы положительно и к подобному начинанию.*

Вопрос:...Каков мог бы быть приблизительный размер заказов, который СССР был бы в состоянии разместить в Америке?

Сталин: *Трудно назвать заранее цифру, не рискуя впасть в ошибку. Во всяком случае, растущие потребности СССР и громадные возможности промышленности США дают все основания к тому, чтобы размеры заказов увеличились в несколько раз.*

Вопрос: В некоторых ответственных кругах Америки существует... впечатление, что реагирование совет-

▲ Рузвельт Ф.Д.

▲ Уманский К.А.

▲ Сталин И.В.

ского и американского правительств на дальневосточные события в течение последних семи месяцев обнаружило явное сходство... Каково Ваше мнение по этому вопросу?

Сталин: *Нет возможности сказать что-то определенное, так как, к сожалению, очень трудно уловить существо дальневосточной политики США. Что касается Советского Союза, то он придерживается и будет придерживаться твердой политики сохранения мира как с Японией, так и с Маньчжурией и вообще — с Китаем.*

Наконец последовали и конкретные действия: одна из делегаций, вернувшись в Соединенные Штаты, внесла в комитет по иностранным делам палаты представителей следующий проект резолюции:

«Поскольку Советское правительство является устойчивым и поскольку все нации признали и установили дипломатические и торговые отношения с Советским правительством России... вступить в переговоры с Советским правительством России по во-

просу об установлении дружественных дипломатических и торговых отношений между США и Россией».

Но в Белом доме еще сидел президент Гувер. Резолюция была отклонена.

В 1933 году в Белый дом пришел Ф.Д. Рузвельт.

...Осенью вопрос о дипломатическом признании Советского Союза Рузвельт передал в сенат. Из девяти сенаторов только два выступили против признания.

Из послания президента Ф.Д. Рузвельта М.И. Калинину 10 октября 1933 года:

«С начала вступления моего в администрацию я считал желательным сделать попытку покончить с теперешними ненормальными отношениями между 125-миллионным населением Соединенных Штатов и 160-миллионным населением России. Достойно большого сожаления, что эти два великих народа, между которыми существовала свыше столетия выгодная для обеих сторон и счастливая традиция дружбы, находятся теперь без практическо-

го метода прямого отношения друг с другом. Трудности, создавшие это ненормальное положение, серьезные, но, по моему мнению, не неразрешимы. Трудности между двумя великими народами могут быть устранены только откровенными дружественными разговорами. Если Вы такого же мнения, я был бы рад принять любых представителей, указанных Вами, для обсуждения со мной всех вопросов, существующих между обеими странами».

Из ответа М.И. Калинина на послание президента Ф.Д. Рузвельта 21 октября 1933 года:

«Я всегда считал крайне ненормальным и достойным сожаления существующее в течение шестнадцати лет положение, при котором две великие республики — Союз ССР и Соединенные Штаты Америки — не имеют обычных методов сношений и лишаются тех выгод, которые эти сношения могли бы им дать. Я рад отметить, что и Вы пришли к такому заключению.

...Я охотно принимаю Ваше предложение о посылке в Соединенные

Штаты представителя Советского правительства для обсуждения с Вами вопросов, интересующих наши страны.

Представителем Советского правительства поедет народный комиссар иностранных дел Литвинов, который прибудет в Вашингтон к сроку, имеющему быть согласованным».

27 октября Литвинов выехал в Вашингтон.

Пресс-конференция в океане

Семь дней шел лайнер «Беренгария» через Атлантический океан. Литвинов отдыхал, забыв о приемах, встречах, переговорах. Он устроил шахматный турнир, обыграл Дивильковского и был очень доволен. Еще в октябре из Нью-Йорка в Европу отправилась группа корреспондентов ведущих американских газет, и среди них Уолтер Дюранти, ас американской и мировой буржуазной журналистики 30—40-х годов. По телеграфу на «Беренгарии» ими были забронированы каюты. В Гавре собрались все иностранные журналисты, решившие сопровождать советского дипломата в его поездке в Америку.

Уолтер Дюранти не раз встречался с Литвиновым в Женеве и в других центрах европейской политики и имел возможность узнать особенности его характера: если Литвинов скажет «нет», то уже никакая сила не заставит его изменить решение. Дюранти попытался действовать через Уманского и Дивильковского, но те сказали, что нарком не предполагал беседовать на борту лайнера с журналистами. Тогда Дюранти решил обратиться прямо к Литвинову.

Он встретился с Максимом Максимовичем в один из вечеров, когда Литвинов в одиночестве прогуливался по палубе, сказал, что журналистский корпус, сопровождающий советского дипломата, просит побеседовать с представителями прессы. Литвинов ответил, что предпочитает это сделать позже, в Америке. Тогда Дюранти вынул пригласительный

билет на пресс-конференцию советского дипломата: в честь советской делегации журналисты устраивают ленч. Литвинов взял билет.

4 ноября пресс-конференция состоялась.

Из ответов М. М. Литвинова на вопросы журналистов:

— Господин народный комиссар, что вы можете сказать об исходе вашей миссии?

— *На этот вопрос я предпочел бы ответить совместно с президентом Рузвельтом. Надеюсь, что в установлении дипломатических отношений заинтересованы и Советский Союз, и Соединенные Штаты.*

— Какова позиция вашей страны в связи с действиями Японии на Дальнем Востоке?

— *Советский Союз — решительный противник всякой агрессии. Этим определяется его отношение к событиям в Маньчжурии.*

— Вступит ли Советская Россия в Лигу Наций?

— *Если СССР пригласят в эту всемирную организацию, то полагаю, что СССР примет это предложение.*

— Что произойдет, если ваши переговоры не увенчаются успехом?

— *Советский Союз будет жить дальше, как он жил в предыдущие шестнадцать лет. Соединенные Штаты тоже будут жить дальше, как они жили эти годы. Но отсутствие нормальных отношений между нашими странами наносит большой вред Америке, ее торговле. Это понимают многие американцы, особенно деловые люди. Нельзя забывать о нашей общей ответственности за сохранение мира, господа.*

Вопросы сыплются дождем, каждый старается опередить другого. Уолтер Дюранти и его коллеги еще в США заказали радиотелефонный разговор со своими редакциями, заплатив за это крупные суммы. Уманский пытается навести порядок, просит задавать вопросы по очереди. Напрасно, все спешат.

Пресс-конференция окончена. Дюранти поблагодарил советского

наркома. Присутствующие журналисты расписались на пригласительном билете, заверил его своей подписью и Литвинов в знак того, что пресс-конференция состоялась...

Рейс «Беренгарии» подходил к концу. У берегов Америки Литвинов сделал заявление для прессы.

Из заявления наркома М. М. Литвинова:

«Я вступаю сегодня на территорию великой Американской республики, сознавая выпавшую на мою долю честь первым принести привет американскому народу от народов Советского Союза в качестве их официального представителя, сознавая, что я в известном смысле пробиваю первую брешь в той искусственной преграде, которая в течение шестнадцати лет мешала нормальному общению между народами наших двух государств. Цель моего приезда известна из опубликованного обмена посланиями между г. Рузвельтом и т. Калининым. Отныне ненормальность положения, существующая в течение шестнадцати лет, признана обеими сторонами, которые встали на путь практического устранения этого положения. Мы все знаем, что это положение не приносило пользы ни той, ни другой стороне, и чем скорее оно отойдет в область прошлого, тем лучше для всех».

...Рузвельт принял Литвинова с некоторой сдержанностью. В большом, уютном, плохо освещенном кабинете находились также супруга президента и государственный секретарь Хэлл. Рузвельт сидел в кресле, слегка откинув большую седую голову. Он сделал попытку подняться навстречу гостю. Литвинов, зная, что Рузвельт подняться не в состоянии, быстро подошел к нему. Президент крепко пожал ему руку, спросил, как он доехал, сказал, что очень рад видеть представителя Советской страны в Вашингтоне. Справился о здоровье Калинина. Литвинов ответил, что Калинин вполне здоров, просил передать сердечные приветствия президенту.

Когда кратковременный визит подошел к концу, Литвинов вручил Руз-

▲ Хэлл

▲ Грэвс

вельгу подарок — альбом с марками. Рузвельт, который был заядлым коллекционером, листая альбом, не мог сдержать своей радости.

На следующий день «Правда» писала, что встреча в Белом доме была кратковременным торжественным актом вежливости и, хотя подробности не сообщаются, печать указывает, что встреча имела наиболее сердечный характер.

Еще до отъезда Литвинова в Америку в Москве были определены основы советской позиции во время будущих переговоров с правительством Соединенных Штатов Америки. Было ясно, что не сразу удастся обо всем договориться с правительством Рузвельта. Противники признания Советского Союза не теряли времени, всячески старались застопорить переговоры. 27 мая 1933 года руководитель восточноевропейского отдела государственного департамента Роберт Келли передал в госдепартамент, а через него Рузвельту

памятную записку, где он выдвинул условия, выполнение которых обязательно для Советского Союза; СССР должен возратить Америке царские долги, уплатить громадную сумму за национализированную после революции собственность, принадлежавшую американцам.

Советский Союз не мог на это пойти: у него были серьезные материальные контрпретензии в связи с американской интервенцией в России.

Решить все вопросы претензий и контрпретензий можно было только с Рузвельтом. Он был тем государственным деятелем, который способен заглянуть в будущее, а это будущее настоятельно требовало нормализации отношений с Советским Союзом.

Но сразу же возникал вопрос: кто будет вести переговоры с Литвиновым — государственный секретарь или президент? Рузвельт вполне мог поручить эту миссию Хэллу. Тогда переговоры могли затянуться. В Белом

доме чувствовалась очень нервная обстановка. Это Литвинов заметил уже во время первого официального визита. Было ясно, что там все подчиняется воле и интеллекту Рузвельта, но нервозность свидетельствовала о том, что Рузвельту нелегко держать в своих руках всю огромную, сложную машину государственной власти и бороться с явным и тайным противодействием своей политике.

А противодействие это усиливалось с каждым днем. В таких условиях начались washingtonские переговоры.

Переговоры в Белом доме

Рузвельт с живым интересом присматривался к советскому дипломату, к его манере держаться, искал в нем какие-то особые черты, которые, по мнению многих, должны быть присущи русским революционерам, и никак не находил их. Полноватый человек в очках, одет в строгий костюм, спокоен, размерен, говорит

на хорошем английском языке. Надо полагать, что Рузвельт при его проницательности за две недели общения сумел оценить и внутренний мир советского наркома.

Оценил Рузвельт и реалистиче-ский ум Литвинова: понял, что перед ним безгранично уверенный в правоте своего дела человек, представляющий новый, неведомый Рузвельту мир. Мир, идеи и интересы которого он будет защищать до конца.

Это импонировало президенту. Он увидел в советском дипломате достойного партнера и взял переговоры в свои руки, что было очень непросто и небезопасно для него. Ханжеская Америка все больше ополчалась на президента за его переговоры с большевиками. Даже мать Рузвельта была использована для того, чтобы не допустить установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Вся Америка знала, как Рузвельт любит свою мать и как Элеонора Рузвельт не ладит со свекровью. Была сделана попытка, впрочем, безуспешная, заручиться поддержкой жены президента.

В тот день, когда Рузвельт сам начал вести переговоры с Литвиновым, в кабинете президента неожиданно появилась Элеонора Рузвельт. В присутствии советского дипломата она сказала мужу:

— Франклин, почему бы тебе не рассказать о переговорах с мистером Литвиновым твоей матери? Представь себе, что в один прекрасный день твоя мать просыпается и узнает, что между Соединенными Штатами и Советской Россией установлены дипломатические отношения. Как она воспримет все это, ты подумал об этом? Ведь с ней может случиться шок!

— Ну что ж, — ответил Рузвельт. — Пусть она об этом узнает неожиданно. Пусть будет шок. Этот шок не опасен...

Уже в первый день государствен-ный секретарь Хэлл изложил американские претензии, обстоятельно перечислил многомиллионные суммы, предоставленные русскому правительству Керенского.

Литвинов сказал, что он может дополнить этот список. Кредиты, предоставленные Керенскому, расходо-вались также на покупку оружия для Юденича, Врангеля и других царских генералов. Это финансирование контрреволюции причинило большие страдания русскому народу. Оно противоречило стремлениям и американского народа, который не желал такой политики. Это легко доказать. Он, Литвинов, уверен, что если бы тогда у власти в Америке находилось правительство, которое преследует те же цели, что и нынешняя американская администрация, то Керенский и царские генералы не получили бы этих средств.

После длительного обсуждения первого вопроса, убедившись в том, что Литвинов не уступит и что так решено в Москве, Рузвельт предложил обсудить второй вопрос, заметив, что к первому вопросу еще можно будет вернуться.

Хэлл предъявил второй заготовленный список — претензий американских собственников, чье имущество было национализировано в России после революции, заявив, что правительство США настаивает на компенсации.

Переговоры по этому вопросу продолжались несколько дней. Литвинов ответил, что Советское правительство предъявляет контрпретензию. Во время Гражданской войны в России Соединенные Штаты Америки послали в Сибирь экспедиционный корпус под командованием генерала Грэвса. Ущерб, нанесенный американской интервенцией, значительно больше того, что американцы потеряли в России. Хэлл напомнил, что корпус Грэвса был выведен из Сибири. Литвинов сделал уточнение: Грэвс вынужден был вывести корпус, убедившись в безнадежности интервенции.

Обсуждение следующей проблемы шло быстрее и легче. Рузвельт сказал, что Советский Союз «должен воздержаться от вмешательства в какой бы то ни было форме во внутренние дела Соединенных Штатов». Спросил Литвинова, будет ли американцам — сотрудникам

посольства в Москве гарантирована свобода религии, могут ли они ходить в церковь, костел или синагогу в зависимости от их религиозной принадлежности.

Литвинов посвятил Рузвельта в сущность Советской Конституции, гарантирующей многие свободы, в том числе и вероисповедания, сказал, что все посольства, аккредитованные в Москве, пользуются этими правами и президент может в этом легко убедиться.

Оставшиеся дни были заполнены переговорами и беседами. Не все детали этих переговоров сохранились в архивных сейфах. Бесспорно, были нюансы, которые уже никогда не станут известны, ибо давно нет в живых главных участников переговоров. Но не так уж важны детали — они не более чем виньетки в рамке к великому полотну. Важен конечный результат.

Из письма президента Рузвельта: *«Мой дорогой господин Литвинов, я весьма счастлив известить Вас, что в результате наших с Вами бесед правительство США решило установить нормальные дипломатические отношения с правительством СССР и обменяться с ним послами.*

Надеюсь, что отношения, ныне устанавливаемые между нашими народами, смогут навсегда остаться нормальными и дружественными и что наши народы впредь смогут сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире».

Из ответа М. М. Литвинова: *«Мой дорогой господин Президент, я весьма рад известить Вас, что правительство СССР охотно готово установить нормальные дипломатические отношения с правительством США и обменяться послами.*

Я также разделяю надежды, что отношения, ныне установленные между нашими народами, смогут навсегда оставаться нормальными и дружественными и что наши народы впредь смогут сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире».

▲ Интервенты США в Архангельске

Теперь они обсуждали уже детали будущих взаимоотношений — деятельность американского посольства в Москве и советского — в Вашингтоне, говорили о возможностях будущей торговли, о том, как это скажется на положении обеих стран. И конечно, о положении в мире, о событиях в Германии.

Несмотря на старания противников переговоров и злобствования желтой прессы, тысячи людей стремились выразить свои симпатии Советскому Союзу. В адрес Литвинова шли письма, телеграммы. Люди дежурили у Белого дома и на улице, где жил Литвинов. Приходили на квартиру к Сквирскому, чтобы пожать руку советскому дипломату, передать привет русским рабочим. Многие охотились за автографами.

23 ноября советский дипломат завершил свои дела в Вашингтоне. Рузвельт сердечно попрощался с ним, подарил Литвинову портативный радиоприемник — тогда это

было редкостью. Высказал надежду, что они еще когда-нибудь увидятся.

Ни Рузвельт, ни Литвинов тогда, разумеется, не могли знать, что через восемь лет весь мир будет охвачен войной...

...И снова был Атлантический океан, свинцовый в ту зимнюю пору, поездка по Европе. В Берлине сотрудники полпредства принесли к поезду газеты, и Литвинов прочитал, какой отклик во всем мире получила Вашингтонская миссия.

Еще в ходе переговоров, а особенно после их завершения американская пресса посвящала этому событию целые полосы. Отклики были противоречивыми. Пресса изоляционистов, пытаясь принизить успех советской дипломатии, обрушивалась на Рузвельта, упрекая его в том, что Литвинов обвел его вокруг пальца. Но больше было трезвых оценок. Уолтер Дюранти, хотя и писал в «Нью-Йорк таймс», что достигнутые соглашения носят характер

купеческой сделки, напоминающей «торговлю лошадьми на ярмарках янки», однако признал, что Литвинов был «очень сильным противником».

«Нельзя забывать, — писал Дюранти, — что в жилах Франклина Рузвельта течет кровь голландских купцов и коммерсантов Новой Англии, и Максим Литвинов принадлежит к национальности, стяжавшей себе славу на коммерческой арене... Подводя итоги... я сказал бы, что Максим Литвинов возвращается домой с очень жирной рождественской индюшкой».

Об успехе советской дипломатии писали газеты Парижа, Лондона, Стокгольма, Токио, Варшавы, Мадрида... Даже пресса гитлеровской Германии вынуждена была дать оценку предстоящему событию. Газета деловых кругов «Франкфуртер цайтунг» констатировала: *«Советский Союз действительно пробился через последнюю окружающую его блокаду».*

▲ Американские интервенты в России, 1918 г.

9 декабря Литвинов возвратился в Москву. На перроне Белорусского вокзала собрались сотрудники Наркоминдела, иностранные дипломаты, журналисты. «Правда» в тот день вышла с рисунком Дени на первой полосе. Художник нарисовал улыбающегося Литвинова с папкой под мышкой. На папке надпись: «Мирная политика СССР», а рядом сникший милитарист у пушки.

Из доклада М. М. Литвинова на IV сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР:

«В течение пятнадцати лет эта республика (США. — З. Ш.), единственная из крупных держав, упорно отказывалась не только признать формальные отношения с Советским Союзом, но и признать его существование. Она, таким образом, формально не хотела признать факт Октябрьской революции и вызванные ею на протяжении существования

нашего Союза изменения, и для нее продолжало еще существовать где-то вне пространства Временное правительство Керенского, с агентами которого она продолжала сноситься официально до самого последнего времени. Упорствовала она не потому, что у нее были большие государственные споры с нами, чем у других стран, или что она больше других пострадала от революционного законодательства. Нет, она, по существу, продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после революции против новой советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем. Наблюдая, как ее соратники по этой борьбе — другие капиталистические государства — один за другим покидали фронт, Америка как будто говори-

ла им: я вас понимаю, вы слабы, вы расшатаны, вы несете большие жертвы и должны поэтому борьбу покинуть, но я достаточно сильна, чтобы одна продолжать борьбу за вас всех. Пятнадцать лет она стойко держалась на своей позиции, но, в конце концов, теперь борьбу прекратила. Вот почему, товарищи, в моем обмене с президентом Рузвельтом письмами от 16 ноября должно видеть не просто еще одно признание нас великой державой, но падение последней позиции, последнего фронта в том наступлении на нас капиталистического мира, который принял после Октября форму непризнания и бойкота».

Так пал последний форт непризнания Советского Союза. Жизнь доказала, что без Советской России не может быть решен ни один вопрос мировой политики. ■

ВОЕННЫЙ ЗАГОВОР

На протяжении десятилетий события в нашей стране 1937 года трактуются по-разному. Так, запретное в 40-е имя маршала Тухачевского, расстрелянного по обвинению в государственной измене, стало усиленно превозноситься в хрущевские времена. И, конечно же, не без упоминания всуе имени Сталина. Что еще в большей степени добавило путаницы, сомнений, неясности в вопросе чистки руководящего состава Красной Армии накануне войны. В октябре 1961 года, на XXII съезде КПСС Никита Хрущев впервые обнародовал версию гибели Тухачевского, получившую тогда широкое хождение за границей. Согласно этой версии, Тухачевский и его подельники – И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна и Я. Б. Гамарник – не были изменниками родины, врагами народа и германскими шпионами, как утверждали их обвинители, а пали жертвами гитлеровских спецслужб, сфабриковавших фальшивые документы о существовании «заговора военных» в РККА и подбросивших их И. В. Сталину через чехословацкого президента Э. Бенеша...

Это заявление Хрущева, можно сказать, распахнуло «иллюзы гласности» в отношении некогда репрессированных военачальников, и в какие-нибудь пять-шесть лет пресса, радио, кинематограф и телевидение в нашей стране создали настоящий культ личности Тухачевского и его подельников.

Тайный смысл этой пропагандистской кампании, ведшейся под благовидным лозунгом «восстановления исторической исти-

▲ Хрущев, Гамарник, Буденный

ны и поправленной справедливости», долгое время оставался скрытым от непосвященных. И лишь с 1990 годов стало ясно: в начале 1960-х годов Хрущев начал долговременную акцию по искажению истории Великой Отечественной войны. Велась она осторожно, исподволь, не путем открытых нападок, а путем смещения оценок и акцентов, путем непомерного захваливания одних и намеренного замалчивания других. И в этой компании репрессированным в 1937 г. военачальникам-заговорщикам отводилось немаловажное место...

В СССР было издано около десятка биографий Тухачевского, Уборевича, Якира и Гамарника общим тиражом около полутора миллиона экземпляров. А о выдающихся полководцах Великой Отечественной, выигравших величайшую в истории войну, не было тогда издано ни одной – ни одной! – книги. Больше того, некто

Л. Никулин (Ольконицкий) в своей книге «Тухачевский» уже бросил провокационную мысль о том, что репрессированные военачальники могли бы выиграть эту войну быстрее и с меньшими потерями... В общественном сознании репрессированные краскомы, никогда не воевавшие с серьезным противником, уже затмевали действительно выдающихся полководцев, совладавших с врагом невиданной дотоле силы!

Военный заговор, «пятая колонна» – все это снова стало сегодня актуальным. Например, Горбачев и его команда. Далее, так называемая межрегиональная депутатская группа во главе с Поповым. Структуры, созданные в нашей стране американцем Криблом. Группа высших офицеров и генералов, на регулярной основе проходящих стажировку в США. Структуры, созданные в нашей стране американцем Соросом...

ТЕМНЫЕ ПЯТНА В БИОГРАФИИ «БЛЕСТЯЩЕГО»

А. Б. МАРТИРОСЯН

Очень странный этот небольшой городок в Баварии, недалеко от Мюнхена. Странный тем, что самым парадоксальным образом за последние пять веков туда сходятся корни крупнейших политических событий и явлений, последовательно, столетие за столетием переворачивавших мир. И прежде всего это связано с Университетом Ингольштадта.

Например, основные контуры протестантской Реформации в Германии – еще до знаменитых 95 тезисов Мартина Лютера – были разработаны профессором именно Ингольштадтского университета Йоганом Рейхлиным (1455–1522). Это уже потом те же самые мысли были вдуты в заранее подготовленные уши Мартина Лютера одним из самых загадочных людей в его окружении – Филиппом Меланхтоном (настоящая фамилия Шварцер). Но подлинным прародителем Реформации следует считать именно И. Рейхлина.

Еще больший парадокс заключается в том, что научное и духовное наследие Рейхлина, считающегося одним из крупнейших деятелей гуманистического движения в Германии на рубеже XV–XVI веков, странным образом расценивалось одним из идеологических предтеч нацизма – Гвидо фон Листом (1848–1919) – как важнейшая составляющая концепции арманизма, в недрах которой в значительной мере сформировался нацизм как идеология.

В то же время с Университетом Ингольштадта связана история функционирования начальной штаб-квартиры ордена иезуитов. И родословная одного из наиболее зловещих масонских орденов – Ордена иллюминатов, подстрекателя так называемой Великой Французской революции, последующего революционного разбоя XVIII–XX веков, также

▲ Ингольштадт

начинается с Университета Ингольштадта. Именно в нем работал профессором права и основатель Ордена иллюминатов – Адам Вейсхаупт (масонский псевдоним «Спартак»). Вейсхаупт вначале был ревностным иезуитом, но затем весь опыт иезуитов трансформировал в иллюминизм.

И уж совсем поразительно: первоначальная база предтечи нацистской партии – Общества Туле, в то время носившего название Германенорден, тоже находилась в Ингольштадте и объединяла часть наиболее влиятельных интеллектуальных и аристократических сил Германии, в частности Баварии. Германенорден существовал уже тогда, когда Тухачевский сидел в Ингольштадте, и вел крупномасштабную подрывную деятельность против России сразу по трем направлениям. Он организовывал шпионаж и акции подрывного характера (в основном с использованием прибалтийских баронов); готовил дворцовый переворот с целью вывести Россию из войны и заключить сепаратный мир с Германией (упреждая именно этот переворот,

британская разведка в срочном порядке организовала «февральскую революцию» в России); разрабатывал глобальный переворот в России с использованием «когорты» Ленина, на которую Берлин положил глаз еще до Первой мировой войны.

Поняв необычность самого Ингольштадта, нетрудно сообразить, что и концлагерь для военнопленных там был тоже необычный: судя по всему, туда свозили именно тех пленных офицеров, на которых по тем или иным причинам «положили глаз» или германская разведка, или германские политические власти, или же германские тайные общества. Среди наиболее именитых узников этого концлагеря – Шарль де Голль, в будущем президент Франции, а в годы Второй мировой войны глава французского движения Сопротивления, Луи Риве – будущий шеф французской разведки с конца 20-х и до середины 30-х годов XX века, Гамелен – будущий начальник Генерального штаба Франции, позорно проигравший Гитлеру военную кампанию 1940 года. Обладая серьезным перевесом в силах,

Гамелен, между прочим, проигнорировал все предупреждения французской разведки об агрессии Гитлера и не менее успешно саботировал все попытки СССР наладить военное сотрудничество с Францией, в том числе и в 1937 году. Между прочим, обвинения в адрес Тухачевского точь-в-точь совпадают с тем, что спустя три года после его расстрела сделал Гамелен, позорно не выполнив воинский долг перед своей Родиной.

Концентрация наиболее важных или чем-то перспективных военнопленных, особенно офицеров, – не нова; этой методикой пользуются все разведки мира, во имя сохранения которого следует заблаговременно готовиться к следующей войне. А для этого надо готовить кадры агентурной разведки, агентурные сети и т. д.

В свете всех этих данных заслуживает внимания категоричное утверждение очень авторитетного в мире геополитика и писателя, близко знавшего выдающихся деятелей ев-

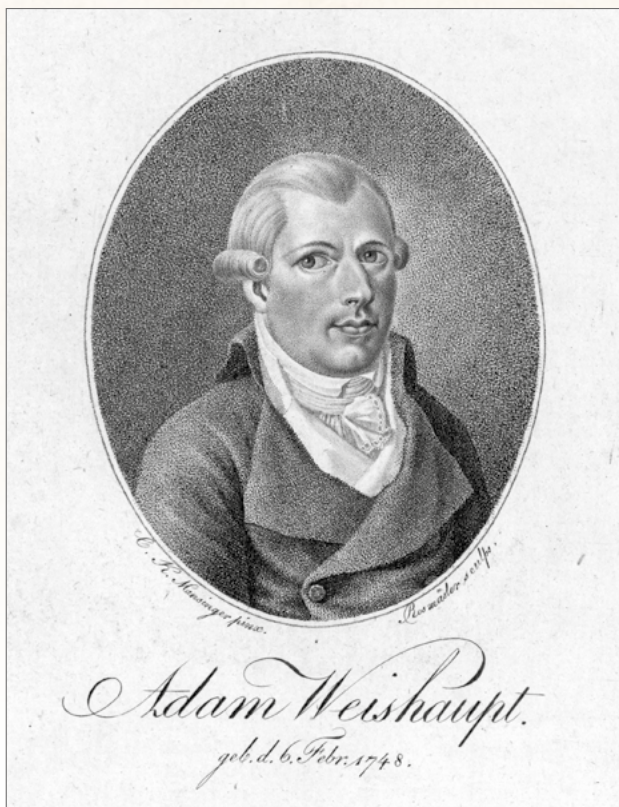
ропейской и мировой истории, в том числе и виднейших масонов, Жана Парвулеско: в период заключения в Ингольштадте Тухачевский был посвящен в некий «Орден Полярных». По смыслу названия эту организацию можно уверенно идентифицировать с Обществом Туле, ибо Туле – название загадочной, мистической островной страны, бесследно сгнувшей где-то в просторах Крайнего Севера. Это общество было создано для поиска грядущих диктаторов и самораспустилось как только появился Гитлер. По-видимому, такие же замашки были подмечены членами Туле и в Тухачевском, что и послужило основанием для освобождения.

В 1937 году пронюхавший об этом британский агент влияния, глава германского абвера Канарис через чехословацкую разведку и Бенеша сдал эту информацию Сталину. Именно это обстоятельство явно сломало сопротивление Тухачевского на следствии.

До Ингольштадта Тухачевский, по его словам, сбегал четыре раза.

О первых трех попытках неизвестно ничего. Кое-какие сведения сохранились только о четвертом побеге из лагеря Бад-Штуер.

Все это очень похоже на общепринятую методику легендирования при организации побегов «своих людей». Другими словами, распространение слухов о побегах Тухачевского не более чем легенда, обосновывающая его появление в крепости Ингольштадт, откуда можно было спокойно под расписку и честное слово выходить в город на прогулку. Судя по всему, с этим же связано и его почти месячное пребывание в Швейцарии после побега. Он объявился там 18 сентября 1917 года, а предстал перед военным агентом России в Париже А. Игнатьевым только 12 октября. Спрашивается, что он делал целый месяц в Швейцарии, если так рвался на Родину, что пять раз пытался бежать? Ведь из Швейцарии до Франции – рукой подать. А вот если вспомнить, что в Швейцарии действовали мощные резидентуры германской разведки, непосред-

▲ Адам Вейсхаупт

▲ Гамелен – начальник ГШ Франции

▲ Игнатъев А.А.

венно руководившие всей «ленинской гвардией», то тогда все станет на свои места, тогда туман рассеивается. Не говоря о том, что очень уж своевременно удался ему именно пятый побег – аккурат к Октябрю...

Сразу же возникает вопрос: почему он не обратился, причем сразу же, к военному агенту России в Швейцарии Генерального штаба генерал-майору Сергею Александровичу Голованю, чтобы тот помог ему быстрее вернуться в Россию? Нет, Тухачевскому зачем-то понадобилось ехать через всю Швейцарию и Францию, чтоб предстать именно пред Игнатъевым. Да потому, что немцам было хорошо известно,

что Головань не только выполнил бы просьбу об отправке на Родину, но, прежде всего, тщательно проверил бы бежавшего из плена подпоручика Тухачевского, ибо располагал, хотя и малочисленной, но очень эффективно работавшей агентурной сетью по наблюдению за всеми нелегальными связями немцев с Россией, в том числе и с эмигрантской общиной в Швейцарии, включая и шайку Ленина. А вот Игнатъеву в Париже при его колоссальной занятости своими функциями представителя при штабе союзного командования Антанты явно было недосуг заниматься такой проверкой, и в то же время это определенный

авторитет: сам Игнатъев отправил его на Родину! Судя по всему, расчет оказался точным – уже в 20-х числах октября 1917 года будущий «стратег» был в России.

Недаром Ленин при первой встрече с Тухачевским в Кремле спросил, при каких обстоятельствах он бежал из плена. И, по всей видимости, был удовлетворен ответом: ведь выезд Тухачевского из Швейцарии организовывали те же самые люди и организации, что и его самого...

У внимательных исследователей давно на сильном подозрении находится факт чудесно резкого старта будущего «стратега» с помощью некоего Н.Н. Кулябко. Это обстоятельство не раз подвергалось очень справедливым сомнениям. Однако из-за того, что длительное время нечем было подкрепить эти сомнения, они так и оставались сомнениями. Сейчас появились документы, которые позволяют ответить на многие вопросы.

Николай Николаевич Кулябко в феврале 1918 года, когда произошла «чудесная» встреча Тухачевского с ним, состоял членом ВЦИК по работе с военными комиссарами и одновременно был военным комиссаром обороны Москвы. Но самое важное: Кулябко, как и все члены ВЦИК, был избран по прямому согласованию и утверждению его кандидатуры представителями германской разведки при Ленине, майором Любертсом (шифрованная подпись «Агасфер») и его помощником лейтенантом Гартвигом (шифрованная подпись «Генрих»). А они, в свою очередь, получили прямое указание на сей счет непосредственно из Генерального штаба Германии, куда, естественно, заблаговременно сообщили имена кандидатур в члены ВЦИК и, конечно же, свои соображения и характеристики, составленные по данным самой германской разведки. Жаль, что именно характеристики-то и не публикуются, а было бы очень интересно, как германская разведка характеризовала октябрьский костяк «ленинской гвар-

дии». Кстати говоря, Сталина там нет.

При содействии этого Кулябко, чья кандидатура была одобрена германской разведкой, Тухачевский оказался в Военном отделе ВЦИК. Так что абсолютно правы те, кто давно заподозрил нечистое уже в самом старте будущего «стратега», а также те, кто давно уже указывают: эта самая начальная ступенька в карьере будущего «полководца» была старательно высечена именно немцами.

Тухачевский стал членом Коммунистической партии в апреле 1918, а вот рекомендовал его туда старинный друг их семьи, старый «революционер» и... бывший подполковник Отдельного корпуса жандармов, бывший начальник Киевского охранного отделения – все тот же Николай Николаевич Кулябко! Это одно и то же лицо, именно тот самый подполковник Кулябко, который, по сути дела, оказал максимальное содействие революционерам-террористам в организации убийства премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, осуществленного небезызвестным Дмитрием (Мордкой) Богровым.

А по совместительству Н.Н. Кулябко был и хорошим старым знакомым «вождя мирового пролетариата» – Ульянова-Ленина. Во всех книгах о Тухачевском о Кулябко пишут как о давнем революционере. В определенном смысле это правда – связями в революционных кругах он располагал и по должности, и через своего дядю Юрия Павловича Кулябко и его жену Прасковью Ивановну, которые состояли в РСДРП(б) еще до «революции» 1905 года. Встречались с Лениным и в России, и в эмиграции за границей.

Связующим звеном между Н.Н. Кулябко и В.И. Лениным выступал клан Богровых: близкие и дальние родственники убийцы Столыпина – Сергей (Вениамин) Евсеевич Богров (1879 года рождения) – в партийном подполье кличка «Фома», и «Валентинов», Валентина Львовна Богрова (1832 года рождения) – очень близкая знакомая Ленина, Крупской, Горького и т. п. С.Е. Богров после «октября» оказался на службе у Троцкого

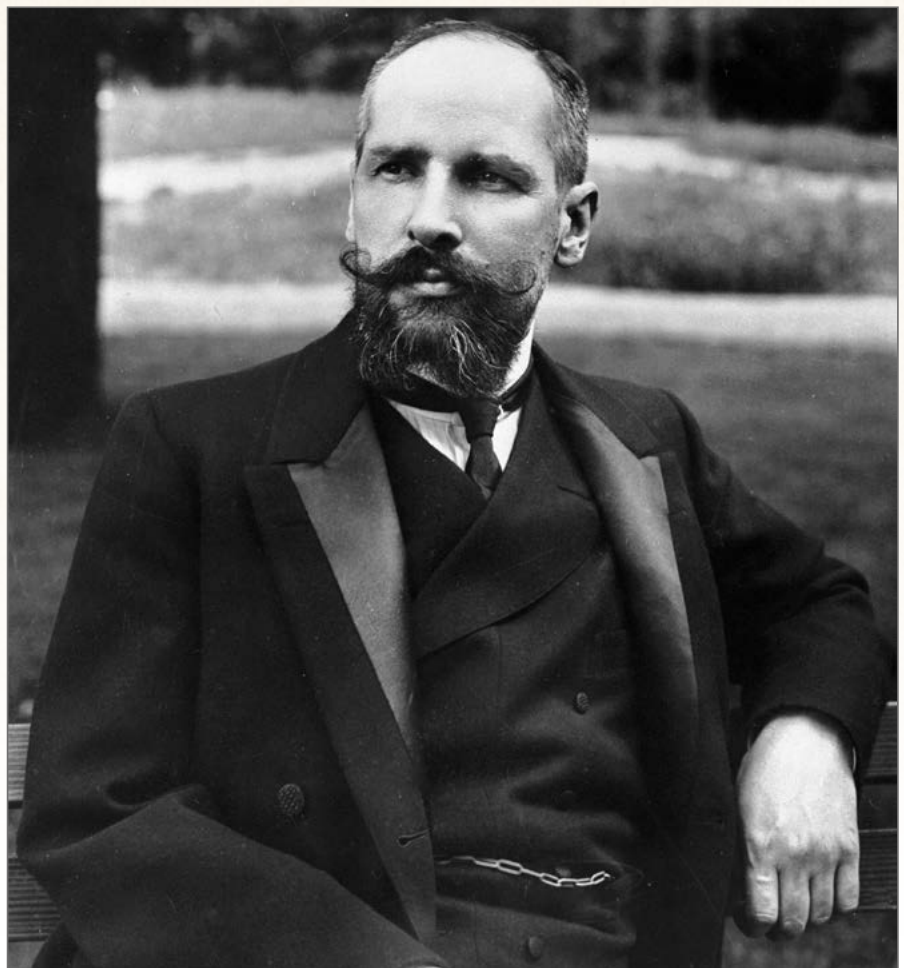
в народном комиссариате иностранных дел, откуда по прямой протекции Ленина навсегда уехал в Германию вместе со старшим братом Мордки – Владимиром.

После столь удачно организованного руками Богрова убийства Столыпина Н.Н. Кулябко, естественно, вылетел из Отдельного корпуса жандармов, хотя его шурин (родной брат его жены) и однокашник, постоянно протезировавший ему генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович, продолжал оставаться начальником дворцовой охраны царя, а с августа 1916 года был ялтинским градоначальником.

После увольнения от должности Н.Н. Кулябко работал в Киеве агентом по продаже швейных машин – лучшего прикрытия для подпольщика не сыщешь, а если к тому же учесть, что рынок швейных машин

в дореволюционной России был сто процентов монополизирован германской фирмой «Зингер», что в те времена излюбленным прикрытием для германской разведки в России служили именно германские фирмы и компании, то тогда на все 100 % станет понятно, почему объективные исследователи прямо указывают на то, что первая ступенька в карьере будущего маршала была старательно высечена немцами.

...В свете прямой причастности Н.Н. Кулябко к организации убийства Столыпина есть прямой смысл вспомнить о печально знаменитом убийстве С.М. Кирова 1 декабря 1934 года. На тот момент прошло 23 с небольшим года после убийства Столыпина, но если сравнить «технологический почерк» в организации убийства Петра Аркадьевича и Сергея Мироновича, то, к удивле-

▲ Столыпин П.А.

▲ Дмитрий Богров

нию многих, он окажется идентичным. Разница только в именах убитых и исполнителей и местах совершения преступления.

В практике спецслужб это означает только одно – за кулисами убийства Кирова как технологический идеолог стоял тот же специалист-профессионал, что и в убийстве Столыпина.

А если в одной и той же стране менее чем за четверть века происходят два крупнейших политических убийства с одним и тем же, едва ли не до последних деталей совпадающим «технологическим почерком» их совершения, то это означает: в обоих случаях действовал один и тот же профессионал – в данном случае Николай Николаевич Кулябко. Только он знал уникальные детали операции по подготовке убийства Столыпина при якобы внешней непричастности охраны.

Не думайте, что меня занесло. Если бывшему товарищу министра внутренних дел и шефу отдельного корпуса жандармов в 1914–1915 годах генерал-лейтенанту Владимиру Федоровичу Джунковскому, фактически открывшему для большевиков все каналы для антивоенной пропаганды еще в период Первой мировой войны, можно было стать подлинным автором широко известных операций Лубянки – «Трест», «Синдикат» и дру-

гих, авторство которых до сих пор приписывают Дзержинскому и Артузову, то почему Кулябко вышел «сухим из воды» – после убийства Столыпина он отделался всего лишь тем, что его уволили из охраны, а в 1934 г. «кировский поток» виновных и невиновных обошел его стороной, но только до 1937 г....

При таких исходных данных было бы очень удивительно, если бы германская разведка или германские тайные общества, действовавшие рука об руку с первой, не попытались занять такого агента в лице Тухачевского. И судя по всему, «определенные отношения» с будущим «стратегом» были установлены еще в период его пребывания в плену.

Когда же он прибыл в Германию в статусе помощника Фрунзе, то был бы грех для любой, а не только германской, разведки не воспользоваться столь уникальнейшим шансом; скорее всего, именно в 1925 году и произошло окончательное оформление отношений немцев с Тухачевским. Причем именно в том смысле, что германская разведка по указанию

верхушки германского генералитета того времени определила наиболее целесообразный характер дальнейшего использования своих отношений со «стратегом». Ведь на роль тривиального шпиона он уже не годился, но слишком уж заманчива была перспектива заполучить мощного в недалеком будущем «агента стратегического военно-политического» и даже геополитического влияния в тех глобальных геополитических комбинациях рейхсвера, основы которых были разработаны создателями Германенордена задолго до начала Первой мировой войны.

В 1950-х годах уже после смерти Сталина известный перебежчик Фельдбин-Орлов одну из глав своей нашумевшей книги «Тайная история сталинских преступлений» завершил загадочной в то время фразой: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делает». Прошло более 80 лет, и мы начинаем узнавать факты, которые были известны Сталину еще 1937 году. И что же? Получается, что он был прав!

▲ Джунковский В.Ф.

ТУХАЧЕВСКИЙ ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

ВЛАДИМИР ПОСТОРОНКИН

15 июня 1928 г. в Праге Чешской

Приступая к изложению в настоящем историческом очерке воспоминаний о личности Тухачевского, автор считает необходимым предпослать нижеследующее: Тухачевский был фельдфебелем Александровского военного училища в 1913–1914 учебно-военном году, в то время как автор состоял юнкером Алексеевского военного училища. Совместная служба в Москве всех обучавшихся в этих двух училищах-близнецах слишком близко соприкасалась, что было связано воедино обстоятельствами служебной подготовки по стрельбе, лагерно-полевой и тактично-маневренной.

...Кроме того, посещая друг друга в праздничное и внеслужебное время в стенах своих училищ, юнкера близко знакомились один с другим.

Этими-то обстоятельствами автор вкратце желает осветить юнкерскую службу Тухачевского...

Происходя из небогатой дворянской семьи, несколько членов которой служили когда-то на военной службе, Тухачевский блестяще вице-фельдфебелем окончил кадетский корпус и был назначен для прохождения курса наук в Александровское военное училище. С 1 сентября 1912 г. он был зачислен в списки Александровского военного училища юнкером 2-й роты.

Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров.

19-летний юноша (Тухачевский родился в 1893 г.) быстро вживается в обстановку жизни юнкера тогдашнего времени. Дисциплинированный и преданный требованию службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится сослуживцев и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем или старшим портупей-юнкером.

На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский

▲ Тухачевский

проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Будучи назначен в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту

сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На все это потребовалось еще

некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили (в пример) его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках.

Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к «карьере», он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип, – достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку.

По службе у него не было ни близких, ни жалости к другим. При переходе в старший класс он получает приза-награду за перво-классное решение экзаменационной тактической задачи (выдавалось одно из сочинений известных авторов по тактике). Далее за глазомерное определение расстояний и успешную стрельбу получает благодарность по училищу.

Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получает первый приз на турнире училища весной 1913 года – саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя.

В дни Романовских торжеств, когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда Государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце, портупей-юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполняет караульные обязанности, возложенные на него.

Здесь же впервые Тухачевский был представлен его величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удо-

вольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского.

В 1913 г., уже на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей 2-й роты. Учился он очень хорошо, в среде же своих сокурсников он не пользовался ни симпатиями, ни сочувствием; все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-либо оплошности ждать пощады нельзя, фельдфебель не покроеет поступка провинившегося.

С младшим курсом фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически: он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свыкшихся с создавшейся служебной обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь.

Обладая большими дисциплинарными правами, он полной мерой и в изобилии раздавал взыскания, никогда не входя в рассмотрение мотивов, побудивших то или иное упущение по службе...

Однако в служебной деятельности в роли фельдфебеля роты юнкеров требовательный и беспощадный Тухачевский оставил глубокий след в жизни училища: создался целый ряд конфликтов и инцидентов, имевших тогда печальные последствия. По докладу фельдфебеля два юнкера 2-й роты были переведены в Алексеевское военное училище, Немчинов Евгений за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придирчивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, и отчислен из училища Маслов Георгий (впоследствии был убит в бою с немцами) за то, что, не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под действием Тухачевского, выразил желание пожаловаться на излишнюю по службе требовательность фельдфебеля, назначавшего его безоглядно на все очередные и неочередные обязанности, вредно отзывавшиеся на учебной деятельности юнкера. Эти два конфликта, в результате

имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно.

Трое же юнкеров: Красовский, Яновский и Авдеев – по докладу были переведены начальником училища генерал-майором Геништой в 3-й разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий период (в течение двух месяцев) покончили с собой. «Протекцию» для перевода в третий разряд по поведению означенным юнкерам составил исключительно фельдфебель Тухачевский.

Красовский отправился в городской отпуск, будучи подвергнут лишению отпуска лично фельдфебелем, причем на эту крайность решился лишь после того, как фельдфебель несколько недель подряд лишал его права на отпуск.

Авдеев отправился в отпуск в неформенном обмундировании, приобретенным на собственные средства, и хотя дежурный офицер не обратил никакого внимания на это обстоятельство, тем не менее фельдфебель доложил ротному командиру и настаивал на строжайшем взыскании с виновного. Яновский был доведен до самого подавленного состояния тем обстоятельством, что фельдфебель наказал его неотлучкой, не разрешил ему отправиться на свидание с приехавшей из провинции сестрой. Фельдфебель не мог отменить наложенного им взыскания, несмотря ни на какие мольбы и доводы несчастного юнкера. Яновский, оставшись в роте, застрелился в умывальной комнате, и труп его был обнаружен лишь после вечерней переклички.

Все это едва не вызвало расследований главного начальства военно-учебных заведений. Тем не менее властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже, чутко озираясь на все, что могло бы так или иначе угрожать его служебной «карьере».

Окончательно во время пребывания в училище характер Тухачевского сложиться не мог, но из всего

изложенного можно уже усмотреть основные черты, доминирующие во всех описанных проявлениях и действиях, ярко вырисовавшегося склада его характера, деятельности его юнкерской жизни.

По окончании Александровского военного училища Тухачевский был произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, был назначен в 6-ю роту, которой тогда командовал Веселаго, капитан, один из достойных и боевых офицеров гвардии, по собственному желанию участвовавший в русско-японской кампании.

Прекрасная подготовка, полученная Тухачевским в первоклассном училище, быстро сказалась блестящими его действиями, начиная с первого же боя. Особенно отличается 6-я рота в бою под фольварком Викмундово. Капитан Веселаго получил орден Св. Георгия 4-й степени, подпоручик Тухачевский как младший офицер роты – Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Эта награда совершенно его не удовлетворяет.

В бою 5 ноября 1914 г. под посадом Скала Тухачевский был ранен и эвакуирован в Москву. Здесь автор, тоже раненный, в последний раз встретился с Тухачевским, который особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады – его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й степени не осуществилась.

В Ломжинских боях, в ночь с 20 на 21 февраля 1915 г., Тухачевский при не выясненных до настоящего времени обстоятельствах попадает в плен...

Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале растерялись от неожиданности, но потом справились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходящих их немцев. Коман-

дир роты, капитан, на ходу вступил в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго. Подпоручик Тухачевский лежал в легком окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...

Когда он вернулся из плена на Родину, терзаемую смутами и беспорядками, он примкнул к тому лагерю, где, по его расчетам, было легче сделать карьеру, не теряя ничего, и без особенного риска достичь высокого положения и широкой известности...

ЧЕЛОВЕК, НА КОТОРОГО НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПОЛОЖИТЬСЯ

КАРЛ ШПАЛЬКЕ

Генерал-майор Шпальке (1891–1966) – офицер германского рейхсвера, потом вермахта. С 1921 по 1931 г. офицер связи по вопросам сотрудничества между рейхсвером и Красной Армией; в 1931–1937 гг. начальник отдела «Иностранные войска Восток» в генштабе; в 1941–1944 гг. военный атташе в Румынии; в 1944–1955 гг. в советском плену. По долгу службы лично знал М. Н. Тухачевского.

...Ни господин Гейдрих, ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган не были, по-моему, в состоянии вызвать или только запланировать подобный переворот – падение Тухачевского и его окружения. Не хватало элементарных предположений, а именно, знания организации Красной Армии, и ее ведущих личностей. Немногие сообщения, которые пересылались нам через

«абвер 3», партийными инстанциями на предмет проверки и исходившие якобы от заслуживающих доверия знатоков, отправлялись нами почти без исключения обратно с пометкой «абсолютный бред»!

Из этих сообщений было видно, что у партийных инстанций не было контактов с подразделениями Красной Армии либо связанными с ней органами. При подобном недостат-

ке знаний недопустимо верить в то, что господин Гейдрих или другие партийные инстанции смогли-де привести в движение такую акцию, как афера Тухачевского. Для этого они подключили якобы еще и государственных деятелей третьей державы – Чехословакии. И напоследок немислимое: о подготовке, проведении и в конечном результате успешном окончании столь грандиозной

операции не узнал никто из непосвященных! Другими словами: вся история Тухачевский – Гейдрих уж больно кажется мне списанной из грошового детектива, историей, сконструированной после событий на похвалу Гейдриху и СС, с пользой и поклонением Гитлеру...

...После моего доклада Бломбергу у моего шефа генерала фон Штюльпнагеля и из отчетов военного атташе в московском посольстве генерала Кестринга я увидел, что с немецкой стороны абсолютно ничего не произошло, что могло бы вызвать аферу Тухачевского. И действительно, события застали всех врасплох. Однако и о подоплеке, приведшей к их внезапному возникновению, невозможно было что-либо сказать. Кестринг усматривал в устранении Тухачевского конец внутривластной борьбы за власть, во время которой Сталин ликвидировал своих действительных или мнимых противников. Мы присоединились к этой хотя и примитивной, но по сути, видимо, правильной оценке, ибо в отношениях с нами – и особенно с Кестрингом – со стороны русских никаких изменений не замечалось. О внутривластных причинах, приведших к низвержению Тухачевского, задумываться следовало, в конечном итоге, не нам.

У нас и так было достаточно дел с наблюдениями за происходившими тогда особенно сильными изменениями в Красной Армии; у нас просто не было времени заниматься предложениями о внутривластных закулисных сторонах аферы Тухачевского...

...Если судить по расплывчатым и неточным протоколам процесса, к которым я имел доступ, то для обоснования тезиса о том, что Тухачевский имел конспиративные контакты с «фашистской» державой, никаких конкретных данных не было, кроме, пожалуй, одного, что один из генералов-предателей вел тайные переговоры с одним фашистским генералом. Указание на это – оно было напечатано в газетах – Кестринг принял на свой счет, так как кроме него ни одного «фашистского» (т. е. на со-

ветском жаргоне – «национал-социалистического») генерала во всем Советском Союзе не было. Он выразил протест в Наркомат обороны СССР против того, что его, чье лояльное отношение к Советам общеизвестно, связывают с этим мрачным делом. На это ему ответили, что фашистский генерал, о котором идет речь, не он, наоборот, – он по-прежнему пользуется полным доверием, которое выражалось ему до сих пор именно в силу лояльного поведения.

Однако ответа на вопрос, кто же, собственно, был этим фашистским генералом, он не смог получить ни тогда, ни позже. Неясные обвинения и столь же неточные признания некоторых генералов делали для меня пункт обвинения о «конспирации с фашистскими генералами» сомнительным, и еще более сомнительным потому, что, основываясь на моей информации в Берлине, я с уверенностью мог предполагать, что мы ни малейшим образом не участвовали в афере Тухачевского. Что-то было в этом обвинении «не то».

Дальше я задался следующим вопросом: кто был Тухачевский и почему именно ему могли поставить в вину конспирацию с фашистскими (в этом случае могли иметься в виду только немецкие) генералами? Честно признаюсь, что личность Тухачевского, несмотря на необычайно быструю карьеру в Красной Армии (или скорее всего именно из-за этого), с самого начала казалась подозрительной.

Будучи молодым офицером (старшим лейтенантом или капитаном), он служил в царском гвардейском полку, после революции одним из первых офицеров, я бы не сказал, что открыл в себе революционные убеждения, а только тогда заявил о них, когда подобное поведение ничем не грозило. Он перешел на сторону Красной Армии и сделал для бывшего гвардейского офицера фантастический взлет на высший командный пост в Красной Армии, будучи вторым по рангу после наркома обороны Ворошилова. Эта скорая карьера допускает предположение, что он помимо прочих талантов при-

▲ Гейдрих Р.

нес с собой и чрезвычайную способность подстраиваться, позволившую ему обойти стороной неисчислимые рифы в водовороте революции, добраться до поначалу неприступного поста.

Он, разумеется, был одним из тех офицеров, для которых один упрямый полковник нашел хотя и примитивное, но меткое определение: «Высоко интеллигентен, но не без изъянов в характере».

Лучше с Тухачевским мы познакомились во время его участия с группой высокопоставленных советских офицеров в маневрах по приглашению рейхсвера в 1920-х годах. На людей типа Бломберга Тухачевский произвел хорошее впечатление, потому что он, владея прекрасными специальными знаниями и светскими манерами, приятно выделялся из группы тогда еще неотесанных пролетарских коллег. Менее приятное впечатление он, видимо, оставил у общавшихся с ним немецких офицеров более низкого ранга. Так, например, мой многолетний сотрудник в ТЗ (отдел «Иностранные войска») полковник Мирчински описывал

Тухачевского как чрезвычайно тщеславного и высокомерного позера, человека, на которого ни в коем случае нельзя было положиться...

...При подобной оценке я задался вопросом, можно ли было положиться на искренность, постоянство и лояльность такой личности по отношению к Германии? Мой ответ был однозначен: нет. Это «нет» вскоре подтвердил и сам Тухачевский. Весной или осенью 1936 г. на сессии Верховного Совета одной из важнейших тем были внешнеполитические отношения с Германией. По этому вопросу выступили Молотов, Литвинов и Тухачевский. В то время как выступления Молотова и Литвинова были сдержанными и сбалансированными, если сравнить их с массой оскорблений в предшествовавших речах Гитлера, тон и содержание речи Тухачевского были почти враждебными и угрожающими. Как бы то ни было, но лояльности по отношению к Германии в ней совершенно не чувствовалось.

И когда я, в том же году, при случае встретился во время посещения в Москве Кестринга с генералом Урицким, начальником иностранного отдела или отдела атташе Красной Армии, я сказал ему, что с отчуждением воспринял это недружественное отношение Тухачевского, высказанное в речи. При этом я намекнул, разумеется, в деликатнейшей форме, что для меня подобное изменение мнения у Тухачевского не является неожиданностью, что я всегда считал его переменчивым, к сожалению, даже слишком лабильным.

Из весьма дипломатичного ответа я мог «между строк» услышать, что моя краткая и осторожная оценка Тухачевского верна. Тухачевский превратился в рупор офицеров, которые больше ничего и слышать не желали о прежнем многолетнем сотрудничестве с германской армией...

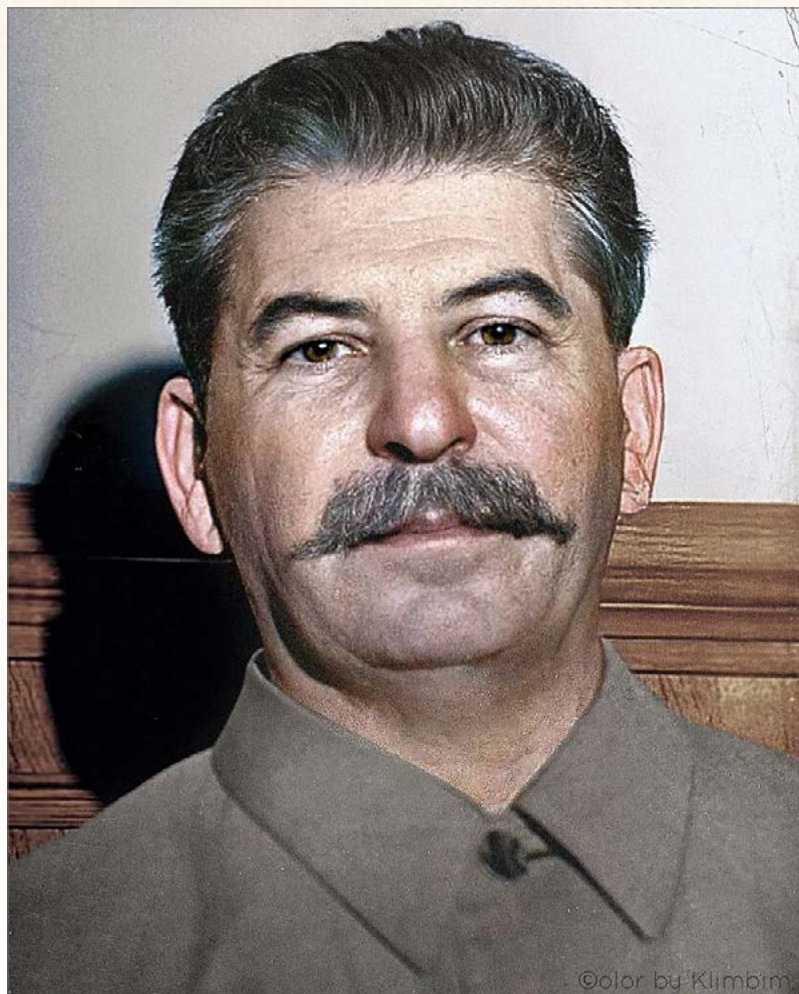
Пункт обвинения: «конспиративные связи с фашистскими офицерами» был, таким образом, совершенно абсурдным... Насколько мне известно, было совершенно невероятно выдвигать подобное обвинение

в связи с Германией, так как за время моей многолетней деятельности в отделе «Иностранные войска» ни разу не случилось, чтобы кто-либо из русских командиров, бывших, скажем, откомандированными на маневры рейхсвера, отвечал даже на самое пустяковое письмо в неслужебном порядке, если он вообще отвечал. Просто-напросто не было никаких отношений между рейхсвером и Красной Армией, которые не находились бы под контролем...

С другой стороны, образ Тухачевского, столь стремительно взошедшей звезды, этого ренегата из гвардии царской армии, наделяется в английской и французской прессе чертами, явно напоминающими великого корсиканца. За доброжелательным по отношению к нему интересом крылось потаенное желание

буржуазного мира, что этот ренегат, как и его великий предшественник, в один прекрасный день покончит с революцией и ее раздражающими тирадами.

Зная ныне, какую роль в компартии играл наполеоновский комплекс, а именно снова и снова роль жупела против узурпаторских страстей высокопоставленного генерала, можно с уверенностью предполагать, что такой человек, как Сталин, в великие «добродетели» которого доверие не входило, внимал дифирамбам Тухачевскому в буржуазной прессе отнюдь не с радостным чувством. Во всяком случае, комментарии буржуазной прессы могли явиться многообещающим поводом для доказательств, допусти Тухачевский малейшую неосторожность в общении с Францией или Англией.

▲ Сталин И.В.

В этом плане шансы на успех были значительно большими, чем доказательство предательской деятельности в пользу Германии.

Ибо где был Тухачевский примерно за полгода до его осуждения? Не в Германии, которой после посещения маневров рейхсвера в 1920-х годах больше не видел, а в Англии и Франции. За несколько месяцев до расстрела он представлял Советский Союз в Лондоне на торжествах коронации, потом отправился в Париж. Поездка в Лондон, а еще более остановка в Париже задала нам в ТЗ загадку. Советский Союз представлял на коронации маршал, потом этот Тухачевский, знакомый нам своими недружественными речами, едет еще и в Париж! Короче говоря, ничего хорошего за этим мы не видели. Мы в первую очередь опасались, что наши все еще

более или менее хорошие отношения с Красной Армией совершенно нарушатся. Тухачевский в Лондоне и Париже – сигнал, дававший пищу для размышлений.

Разве этот визит не означал, что и Советский Союз намеревался перейти на сторону становившегося все более отчетливым на Западе фронта окружения национал-социалистической Германии? Однако наиболее близкой была все же мысль, что Советы хотели воспользоваться видимой и единственной возможностью в союзе с западными державами, чтобы разрушить все более крепнущую и идеологически абсолютно враждебную Германию, причем без особого риска.

Разве не было наиболее верным думать, что Тухачевский проникся этой идеей и стал ее поборником? В голове этого очень честолюбивого

человека, возможно, проносились картины победоносно возвращающегося на родину корсиканца, а сам он верил, что ему суждена роль, подобная роли Бонапарта... Если рассматривать личность и деятельность Тухачевского под этим углом зрения, то причины, приведшие его к столь внезапному падению, видятся мне в следующем: у Тухачевского, с его аристократической польской кровью, можно было предполагать гораздо больше симпатий по отношению к Парижу, нежели Берлину, да и всем своим типом он больше соответствовал идеалу эlegantного и остроумного офицера французского генштаба, чем солидного германского генштабиста. Он пошел на расхождение с Германией, был за войну с Германией на стороне западных держав.

ПОКАЗАНИЯ ТУХАЧЕВСКОГО М. Н.

В апреле 1937 года одновременно с раскрытием заговора в НКВД арестованные Гай (Штоклянд), Прокофьев и Волович дали показания о связях Ягоды с Тухачевским. НКВД арестовал бывшего начальника ПВО Медведева, затем Фельдмана, Корка. Все они дали показания на Тухачевского и многих других высших военных руководителей. Одновременно следователи допрашивали военных-троцкистов — Примакова и Путну. Они тоже показали на Тухачевского. 11 мая Тухачевский был понижен в должности, 22 мая его арестовали. 28 мая арестовали Якира, а 29-го — Уборевича. 30 мая из наркомата обороны уволили начальника Политуправления РККА Гамарника. На следующий день он покончил жизнь самоубийством.

1 июня 1937 года

Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину. В настоящих показаниях я излагаю свою антисоветскую деятельность в последовательном порядке.

I. Организация и развитие заговора.

Начало моих отношений с немцами относится к периоду учений и маневров в Германии, на которые я был командирован в 1925 г. Сопро-

вождавший меня капитан фон Цюлов говорил по-русски, много раз останавливался на вопросе общих интересов СССР и Германии в возможной войне с Польшей, знакомил меня с методикой боевой подготовки рейхсвера и, в свою очередь, очень интересовался основами только что вышедшего Полевого устава РККА 1925 г.

В 1926 г. фон Цюлов присутствовал на маневрах в Белоруссии, где я встретился с ним и мы продолжали разговор. Я ознакомил фон Цюлова с организацией нашей дивизии, дивизионной артиллерии

и с соотношением между пехотой и артиллерией. После маневров моя связь с фон Цюловым была утеряна.

Около 1925 г. я познакомился с Домбалем, командуя в то время Белорусским военным округом. Встречи и знакомства были короткие, если не ошибаюсь, в поезде, по пути из Минска в Смоленск.

В дальнейшем, когда я был начальником штаба РККА, Домбаль возобновил свое знакомство.

Во все эти встречи Домбаль постоянно возвращался к вопросам о войне между Польшей и СССР, говорил о том, что его, Домбалья, ав-

▲ Гай Г.Д.

▲ Примаков

торитет в рабочем классе Польши велик, что помимо того довольно значительные слои польского офицерства не сочувствуют Пилсудскому и что в этих слоях он также имеет большие связи, что он уверен в том, что в будущей войне наступающая Красная Армия встретит полную польскую пролетарскую революцию. Домбаль говорил, что он офицер-пулеметчик и всегда проявлял исключительный интерес к военному делу и к подготовке войны. В разговорах с ним я рассказывал об организации нашей дивизии, об основах современного боя, о методах нашей тактической подготовки, а также, говоря об условиях войны между нами и Польшей, указал на то, что мы должны были, в силу запаздывания в развертывании, сосредоточить на границах с Польшей крупные силы, которые я Домбалью и перечислил. Помимо того, я рассказывал Домбалью о различиях между кадровыми и территориальными войсками, как в отношении организации,

так и в отношении прохождения службы и обучения. Таким образом, мною сообщены Домбалью данные о запаздывании нашего сосредоточения, дислокации частей в приграничных районах, организации кадровой и территориальной дивизии, прохождения службы и основы боевой подготовки кадровых и территориальных войск.

В 1928 г. я был освобожден от должности начальника Штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО.

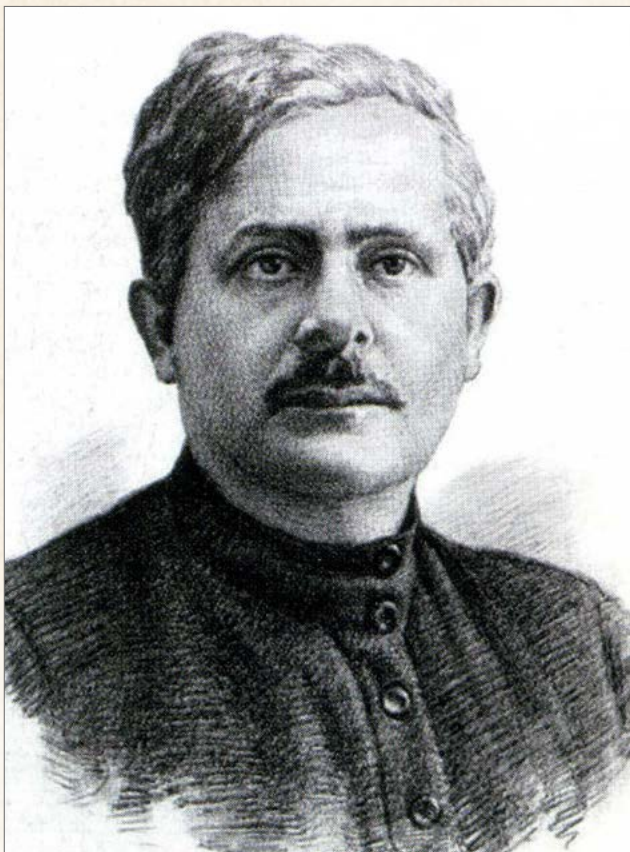
Будучи недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии, я стал искать связей с толмачевцами. Прежде всего, я связался с Марголиным во время партийной конференции 20-й стр. дивизии, в которой Марголин был начподивом. Я поддержал его в критике командира дивизии, а затем в разговоре наедине выяснил, что Марголин принадлежит к числу недовольных, что он критикует политику партии в деревне. Я договорил-

ся с ним, что мы будем поддерживать связь и будем выявлять не согласных с политикой партии работников.

Летом 1928 г. во время полевых занятий, зная, что Туровский – командир 11-й стр. дивизии – голосовал за толмачевскую резолюцию, я заговорил с ним на те же темы, что и с Марголиным, встретил согласие и договорился с Туровским о необходимости выявления недовольных людей. Туровский указал мне на командира полка Зюка, которому он вполне доверяет. Я переговорил с Зюком и также условился с ним о связях и о выявлении недовольных.

Зимой с 1928 г. по 1929 г., кажется, во время одной из сессий ЦИКа, со мной заговорил Енукидзе, знавший меня с 1918 г. и, видимо, слышавший о моем недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армии. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством, что правые пред-

▲ Енукидзе А.С.

лагают более верный путь развития и что армия должна особенно ясно понимать, т. к. военные постоянно соприкасаются с крестьянами. Я рассказал Енукидзе о белорусско-толмачевских настроениях, о большом числе комполитсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии. Енукидзе ответил, что я поступаю вполне правильно и что он не сомневается в том, что восторжествует точка зрения правых. Я обещал продолжать информировать Енукидзе о моей работе.

На протяжении 1929–1930 гг. я принимал участие в военно-научной работе при Толмачевской академии. Во время этой работы, на одном из докладов, в перерыве я разговаривал с преподавателем академии Нижечек, о котором Марголин говорил как о человеке, не согласном с политикой партии и которого следовало бы приблизить. Я начал про-

▲ Путна В.К.

щупывать Нижечка, и мы очень скоро начали откровенно обмениваться мнениями о не согласных с политической партии, особенно в деревне. Нижечек сообщил мне, что он связан с рядом преподавателей, настроенных так же, как и он, и что, в частности, так же настроен преподаватель Бочаров.

В 1928 и 1929 гг. я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко времени войны реконструированной армии в составе до 260 дивизий, до 50 000 танков и до 40 000 самолетов. Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на XVI

партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подзвав меня во время перерыва, говорил о том, что правые, хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку, однако ничего конкретного предпринять не успел, т. к. осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи.

В 1931 г. я был переведен в Москву. Работа начальника вооружений меня очень увлекла, однако недовольство отношением ко мне со стороны армейского руководства все еще продолжало иметь место, о чем я неоднократно разговаривал с Фельдманом, Якиром, Уборевичем, Эйдеманом и др.

В 1931 г. (осенью или в зиму на 1932 г.) в Москву приезжал начальник германского генерального штаба ген. Адам и его сопровождал офицер генерального штаба Нидермайер. После обеда, данного в честь гостя народным комиссаром, Нидермайер очень ухаживал за мной, говорил о дружбе Германии и СССР, о наличии общей военной задачи, выражающейся в обоюдной заинтересованности в поражении Польши, о необходимости наличия между Красной Армией и рейхсвером самых тесных отношений. Подошедший ген. Адам присоединился к этим соображениям, присоединился к ним и я. В дальнейшем я укажу, что ген. Адам в следующем 1932 г., когда

я был на германских маневрах, вновь вернулся к этим разговорам.

В 1932 г. я продолжал неоднократные разговоры наедине с Фельдманом, критикуя армейское руководство, а в дальнейшем переходя и к критике политики партии. Фельдман высказал большие опасения по вопросу о политике партии в деревне. Я сказал, что это особенно должно насторожить нас, военных работников, и предложил ему организовать на платформе правых взглядов военную группу, которая могла бы обсуждать эти вопросы и принимать необходимые меры. Фельдман согласился, и таким образом было положено начало антисоветскому военно-троцкистскому заговору. Я сообщил Фельдману, что мною установлена связь с Енукидзе, который собой представляет руководящую верхушку правых.

В августе того же года я поехал в отпуск на Кавказ. На ст. Белан меня встретил командарм РККА Смолин. Он жаловался на плохое отношение к нему наркома. В дальнейших наших разговорах выяснилось несогла-

сие Смолина с генеральной линией партии, и я предложил ему вступить в группу, которую я нелегально сколачиваю в армии на основе платформы правых. Смолин согласился. Я спросил его, кого он считал бы возможным привлечь к нашей организации, и он указал на своего начальника Алафузо.

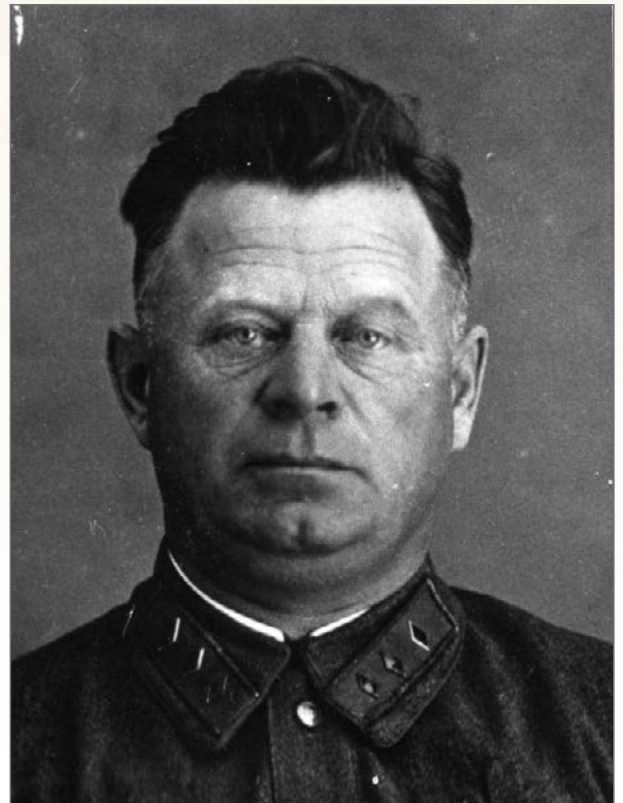
Алафузо охотно участвовал в разговоре, еще более сгущал краски, и я предложил ему, наконец, вступить в военную организацию, на что он и согласился, узнав ее правую платформу.

Насколько я помню, в том же 1932 г. мною был завербован в члены антисоветского военно-троцкистского заговора бывший заместитель начальника ВВС Наумов, которого я знаю давно, в частности и по ЛВО.

После отпуска на Кавказе я был командирован на большие германские маневры. Среди командированных был и Фельдман. В пути вместе со мной оказался и Ромм, которому Троцкий поручил связаться со мной. Ромм передал мне, что Троцкий активизировал свою работу как за гра-

▲ Троцкий Л.Д.

▲ Смолин И.И.

ницей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются. Из слов Ромма о политических установках Троцкого вытекало, что эти последние, особенно в отношении борьбы с политикой партии в деревне, очень похожи на установки правых. Ромм передал, что Троцкий просит меня взять на себя задачу по собиранию троцкистских кадров в армии. Между прочим, Ромм сообщил мне, что Троцкий надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с советской властью.

После окончания германских маневров, на банкете, данном в честь гостей главнокомандующим рейхсвера Гаммерштейном, генерал Адам вновь возобновил со мной разговоры, начатые на банкете в Москве, о чем я уже сообщил выше. Генерал Адам подчеркивал серьезность, с которой он относится к обороноспособности Польши, и напирал на необходимость со стороны СССР самых действенных мер к подготовке войны.

Между тем в моей работе как начальника вооружений РККА имели место и значительные трения с германской стороной. Дело в том, что Уборевич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и поставку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем. При испытании этих систем, производившихся одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны. В связи со всем этим я стал на точку зрения ликвидации договора с фирмой «Рейнметалл». В полученных нами перехватах германский посол Дирксен высказывал недовольство мной.

Благодаря моей критике заключенного с фирмой «Рейнметалл» договора, а в дальнейшем благодаря проведенному расторжению договора с этой фирмой я испортил отношения как с Уборевичем, так и с Ефимовым. Только тогда, когда я поставил вопрос о развертывании АУ в ГАУ (Главное Артил-

лерийское Управление) и выдвинул на должность начальника ГАУ Ефимова, Ефимов установил со мной товарищеские отношения. Фельдман неоднократно говорил мне о том, что Ефимов настроен враждебно к политике партии. Я использовал улучшение наших отношений и однажды заговорил с ним у себя в кабинете о плохой организации промышленности, о плохих настроениях в армии и т. п. Ефимов охотно вступил в разговор, критикуя партийное руководство. Я сказал Ефимову, что как правые, так и троцкисты сходятся на необходимости организовывать подпольную работу, чтобы сменить партийное руководство, что армия в стороне оставаться не может, и предложил ему, Ефимову, вступить в военную группу. Ефимов согласился.

Корка я завербовал летом 1933 г., во время опытных учений, организованных под Москвой штабом РККА. Следя за ходом учения, я стал критиковать боевую подготовку частей. Корк ответил, что он ведь уже

▲ Корк А.И.

▲ Уборевич И.П.

▲ Аппога

говорил, что работа в округе у него не клеится. Я понял, что у Корка эти разговоры не случайны, стал его прощупывать, и мы быстро договорились. Я тогда не знал, что Корк уже был завербован Енукидзе. Я сообщил Корку, что имею связь с Троцким и с правыми, и поставил ему задачу вербовать новых членов в МВО...

Примерно к тому же времени относится и завербование мною в состав заговора Вакулича. Я уже несколько лет хорошо знал его, разговаривал с ним много раз в 1928 г. и знал его недовольство политикой партии в деревне.

Я предложил ему вступить в организацию военного заговора, возглавляемого мною, и Вакулич дал согласие. Я указал Вакуличу на мою связь с правыми и с троцкистами и поручил ему дальнейшую вербовку участников заговора.

По возвращению с Дальнего Востока Путны и Горбачева, кажется, это было в 1933 г., я разговаривал с каждым из них в отдельности. Путна быстро признал, что он связан с Троцким и со Смирновым.

▲ Фельдман

Я предложил ему вступить в ряды военно-троцкистского заговора, сказав, что по этому вопросу имеются прямые указания Троцкого. Путна сразу же согласился. В дальнейшем, при его назначении военным атташе, перед ним была поставлена задача держать связь между Троцким и центром военно-троцкистского заговора.

Если не ошибаюсь, около этого же времени я имел разговор со Смирновым И.Н., который сказал мне, что он, по директивам Троцкого, стремится дезорганизовать подготовку мобилизации промышленности в области производства снарядов.

Горбачев, о неважных настроениях которого я уже и раньше слышал от Фельдмана, очень быстро стал поддаваться на прощупывание, и я понял, что он завербован. На мое предложение вступить в ряды заговора он ответил согласием и сообщил, что им организуется так называемый дворцовый переворот и что у него есть связь с Петерсоном, комендантом Кремля, Егоровым, начальником школы ВЦИК, а также с Енукидзе.

Примерно в тот же период, т. е. в 1933–1934 гг., ко мне в Москве зашел Ромм и передал, что он должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора.

В 1933 г. у меня был первый разговор с Бухариным. Мне с Поповым пришлось пойти на квартиру к большому Бухарину. По согласованию вопроса о телемеханическом институте мы с Поповым стали прощаться. Бухарин, пока Попов шел к двери, задержал меня за руку и скороговоркой сказал, что ему известно о моей рабо-

те по организации военного заговора, что политика партии губительна, что надо обязательно убрать Сталина и что поэтому надлежит всячески форсировать организацию и сколачивание заговора.

Эйдемана я завербовал в 1932 году. По получении директивы Троцкого о вредительстве, шпионаже, диверсиях и пр. Эйдеман просил дать ему директивы о его деятельности в Осоавиахиме. Обсудив этот вопрос в центре, мы поставили основной задачей Эйдеману увязку его вредительской работы с Каменевым, с тем чтобы, кроме плохой защиты объектов в отношении ПВО, была бы дезорганизована и общественная деятельность по ПХВО. Помимо того Эйдеману была поставлена задача дезорганизации допризывной подготовки, занятий с командным составом запаса и, наконец, организации диверсионных групп в отрядах Осоавиахима.

Эйдеман сказал мне, что он вполне надеется на присоединение к нам Аппоги. Я на том же пленуме заговорил с Аппогой и сразу почувствовал,

что он уже завербован. На мое предложение войти в организованную мною группу Аппога ответил согласием. Тогда я информировал Аппогу о составе членов группы и о политических право-троцкистских установках. Зная, что у Аппоги очень хорошие отношения с Каменевым С.С., я просил его постараться обработать Каменева.

В дальнейшем Аппога получил задачу проводить вредительство в ж.д. войсках, срывать строительство железных, шоссейных и грунтовых дорог военного значения, готовить на время войны диверсионные группы для подрыва мостов и, наконец, сообщить германскому и японскому генеральным штабам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток и к западным границам. В 1933 г., во время посещения мною железнодорожного полигона в Гороховце, Аппога сказал мне, что данные о наших перевозках по железным дорогам германскому и японскому генеральным штабам им, совместно с работниками НКПС, сообщены. Какими путями были переданы эти данные

и кто из работников НКПС принимал в этом участие, Аппога мне не говорил, а я не спросил.

После опытных учений 1933 г., в начале зимы, ко мне в кабинет зашел однажды Каменев С.С. и стал говорить о своих выводах по опытным учениям. После длительного разговора Каменев долго еще не уходил, и я понял, что он хочет поговорить о чем-то другом. Я ему сказал: «Очень советую вам, Сергей Сергеевич, держите поближе связь с Аппогой», — на что Каменев ответил, что с Аппогой он связан очень тесно, но что также хочет связаться и со мной. Я начал говорить об ошибках армейского и партийного руководства, Каменев стал вторить моим словам, и я предложил ему стать участником заговора. Каменев сразу же согласился. Я сказал ему, что мы будем считать его членом центра заговора, сообщил ему мои разговоры с Енукидзе и Бухариным, а также с Роммом.

Первоначально Каменеву была поставлена задача вредить в области военного хозяйства, которым он руководил как третий заместитель нарко-

▲ Эйдеман Р.П.

▲ Каменев С.С.

ма. Затем большую вредительскую работу Каменев развернул как начальник ПВО. Противовоздушная оборона таких важнейших объектов, как Москва, Ленинград, Киев, Баку, проводилась им таким образом, чтобы площадь, прикрываемая зенитным многослойным и однослойным огнем, не соответствовала наличным артиллерийским зенитным средствам, чтобы аэростаты заграждения имелись в недостаточном числе, чтобы сеть ВНОС имела не собственную проводку, а базировалась на сеть Наркома связи, и т. п.

Рохинсона я вовлек в состав участников заговора в 1933 или 1934 г. Я слышал от Фельдмана, что Рохинсон по всему его прошлому и по его учебе в Академии имеет характер неустойчивого коммуниста, которого, вероятно, без труда удастся вовлечь в заговор. Я неоднократно заговаривал с Рохинсоном как во время опытов на полигоне, так и при его докладах у меня в кабинете. Достаточно протупав его, я предложил ему вступить в военный заговор, и он согласился. Рохинсон вовлек в заговор и привлек к вредительской работе Гендлера и Либермана.

Вовлечение в заговор Примакова состоялось в 1933 или 1934 г., когда Примаков был переведен в Москву. Примаков сообщил, что он в своей троцкистской деятельности связан с Казанским, Курковым, Шмидтом и Зюком.

После разговора с Примаковым я связался с Пятаковым, который повторил мне ту же информацию, что уже сообщил Примаков. Пятаков сказал, что он очень озабочен вопросами вредительства в оборонной промышленности, что по химии он и сам знает, что надо делать, а вот что касается артиллерийской промышленности, то он просит, чтобы Ефимов, об участии которого в заговоре я сообщил Пятакову, крепко связался с Ерманом и Кражевским, работавшими в ГВМУ. Это поручение я передал Ефимову.

В зиму 1933 на 1934 г. Пятаков передал мне, что Троцкий ставит задачу обеспечить поражение СССР в войне, хотя бы для этого пришлось

отдать немцам Украину, а японцам Приморье. На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне; в частности Пятаков сказал, что Троцкий ведет решительную линию на насаждение своих людей в Коминтерне. Пятаков сказал при этом, что, конечно, эти условия означают реставрацию капитализма в стране.

По мере получения директив Троцкого о развертывании вредительской, шпионской, диверсионной и террористической деятельности центр заговора, в который кроме меня входили в порядке вступления в заговор Фельдман, Эйдемман, Каменев, Примаков, Уборевич, Якир и с которым были тесно связаны Гамарник и Корк, давал различным участникам заговора установки для их деятельности, вытекавшие из вышеуказанных директив. Члены центра редко собирались в полном составе исходя из соображений конспирации. Чаще всего собирались отдельные члены, которым по каким-либо служебным делам приходилось встречаться.

Таким образом, развивая свою платформу от поддержки правых в их борьбе против генеральной линии партии, присоединяя к этому в дальнейшем троцкистские лозунги, в конечном счете антисоветский военнотроцкистский заговор встал на путь контрреволюционного свержения советской власти, террора, шпионажа, диверсии, вредительства, пораженческой деятельности, реставрации капитализма в СССР.

В 1934 г. Ефимову была поставлена задача организовать вредительство по линии артиллерийского управления, в частности, в области некомплектного приема элементов выстрела от промышленности, приема продукции без соблюдения чертежей литера и т. д., а также было предложено передать немцам данные о численности наших запасов артиллерийских выстрелов. Помимо того, в зиму с 1935–1936 г. я поставил Ефимову и Ольшевскому задачу подготовить на время войны диверсионные взрывы наиболее крупных артезиальных скважин.

Туровский в 1936 г. сообщил мне, что Саблиным переданы планы Летичевского укрепленного района польской разведке.

Алафузо передал польской и германской разведке, какими путями, не знаю, данные об авиации и мех. соединениях, а также об организации ПВО в БВО и КВО.

Перед центром военного заговора встал вопрос о том, как организовать связь с иностранными и особо с германским ген. штабом во время войны. Такие связи были намечены.

Центр антисоветского военнотроцкистского заговора проводил и диверсионную работу исключительно по линии существующих органов управления в РККА, не допуская никакого образования комиссий, групп и т. п. Вся работа должна была проводиться исключительно в системе текущей утвержденной работы, вкладываться в ее сметы, средства и сроки. Там, где вредительство велось удачно, там к концу года обычно оставались крупные неиспользованные кредиты.

В 1935 г., поднимаясь по лестнице на заседание пленума ЦК, на котором рассматривался вопрос Енукидзе, я встретил последнего, и он мне сказал, что в связи с его делом, конечно, весьма осложняется подготовка «дворцового переворота», но что в связи с тем, что в этом деле участвует верхушка НКВД, он, Енукидзе, надеется, что дело не замрет. Между прочим, Енукидзе сказал, что он рекомендует мне связаться с Караханом, доверенным человеком, т. к. Карахан хорошо информирован в вопросах международной политики.

После всех указаний Енукидзе я стал следить за разговорами Ягоды, но, ни одного прямого разговора с ним не имел. Две реплики Ягоды, как мне показалось, намекали на то, что он знает о моей роли в военном заговоре. На банкете по случаю 60-летия Калинина Ягода спросил меня: «Ну, как дела, главный из борцов?» – а в 1936 г. во время парада на Красной площади сказал: «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве», – в чем я понял намек на поддержку «дворцового переворота».

▲ Якир И.Э.

Завербовав Белицкого, я поручил ему помогать Эйдеману в осуществлении его вредительских задач.

Вольпе я завербовал в 1935 г., после того как его долгое время обрабатывал Белицкий. Геккера и Чайковского я завербовал в 1935 г.

Уборевич и Якир раскритиковали состав центра заговора. Они находили этот состав слишком «беспартийным». Якир считал необходимым усиление не только центра, но даже и рядового состава людьми с большим партийным и политическим весом.

Ставил Якир и вопрос о том, не правильнее ли центру антисоветского военно-троцкистского заговора слиться с центром правых или троцкистов.

Я указал Якиру, что было бы очень важно для центра военного заговора, чтобы Якир перевелся в Москву, тем более что ему делалось предложение занять должность начальника

ВВС и заместителя наркома. Однако Якир при поддержке Уборевича с этим не согласился и категорически как перед Ворошиловым, так и перед Сталиным поставил вопрос о своем несогласии, и предложение было взято обратно. Якир считал более важным сохранить за собой КВО. Благодаря этому руководство заговора упустило возможность серьезно проникнуть в аппарат УВВС.

Я указал Якиру, что для придания большего политического веса военному заговору следовало бы втянуть в заговор побольше политических работников и что эту задачу лучше всех сумеет выполнить он, Якир. Якир согласился и взял на себя выполнение этой задачи.

Якир обратил внимание на то, что в заговор не втянуты работники морского флота. Я сообщил Якиру и Уборевичу, что наш флот пока что слаб и что в ближайшее время ни в мирный период, ни во время

войны не сможет сыграть сколько-нибудь решающей роли.

В 1935 г., когда я был однажды в кабинете Гамарника, последний сказал мне, что он от Якира и Уборевича знает о военном заговоре и будет ему содействовать, особенно по линии вредительства на Дальнем Востоке. Гамарник указал, что он не будет принимать официального участия в центре заговора, но будет держать с ним связь через меня, Якира и Уборевича.

Завербованных много. Однако, несмотря на строгие внушения о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, таковая постоянно нарушалась. От одних участников заговора узнавали данные, которые должны были знать только другие, и т. д. Все это создавало угрозу провала.

С другой стороны, успехи, достигнутые партией за последние годы в строительстве социализма, были настолько очевидны, что нельзя было рассчитывать на какое бы то ни было восстание с участием сколько-нибудь широких слоев населения. Политико-моральное состояние красноармейских масс было на высоком уровне. Невозможно было допустить и мысли, чтобы участникам заговора удалось повести за собой целую часть на выполнение преступной задачи. Надежды Примакова на то, что ему удастся повести за собой механизированные войска ЛВО, представлялись больше фантазией.

После убийства Кирова террор стал делом чрезвычайно сложным и трудным благодаря мерам предосторожности, принятым правительством. Это наглядно доказывала и неудача террористической организации Шмидта на Киевских маневрах.

Таким образом, единственно реальным представлялся «дворцовый переворот», подготовляемый правыми совместно с работниками НКВД, и, наконец, изменение положения могло наступить в результате тяжелой напряженной войны в СССР, особенно в случае поражения.

В отношении немцев как я, так и Уборевич с Якиром считали, что их армия еще очень слаба, чтобы иметь возможность напасть на СССР.

Обсуждался вопрос и о том, что установившиеся у нас в догитлеровские годы отношения с немецкими военными кругами следует закрепить и постараться выяснить их намерения в отношении СССР. Поэтому при встречах с немцами следовало держать себя с ними предупредительно и дружелюбно, вступая в разговоры о возможных условиях предстоящей войны, подчеркивая свое личное дружественное отношение к немцам.

Во время разговора Якир сказал, что он совместно с Гамарником и Осепяном ведет работу по вовлечению в заговор политических работников армии. Тут же Якир спросил, что я думаю о настроениях Блюхера. Я ответил, что у него есть основания быть недовольным центральным аппаратом и армейским руководством, но что отношение к нему Сталина очень хорошее. Якир сказал, что он хорошо знает Блюхера и при первой возможности прозондирует его настроение. Был ли такой зондаж — я не знаю.

Осенью 1935 г. ко мне зашел Путьна и передал мне записку от Седова, в которой Седов от имени Троцкого настаивал на более энергичном вовлечении троцкистских кадров в военный заговор и на более активном развертывании своей деятельности. Я сказал Путьне, чтобы он передал, что все это будет выполнено. Путьна дополнительно сообщил мне, что Троцкий установил непосредственную связь с гитлеровским правительством и генеральным штабом и что центру антисоветского военно-троцкистского заговора ставится задача подготовки поражения на тех фронтах, где будут действовать германские армии.

В зиму с 1935 на 1936 г., как я уже упоминал, я имел разговор с Пятаковым, в котором последний сообщал мне установку Троцкого на обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией и о вероятности отторжения от СССР Украины и Приморья. Эти указания говорили о том, что необходимо установить связь с немцами, чтобы определить, где они собираются двинуть свои армии и где

надлежит готовить поражение советских армий.

В конце января месяца 1936 г. мне пришлось поехать в Лондон на похороны английского короля. Во время похоронной процессии, сначала пешком, а затем поездом, со мной заговорил генерал Румштедт — глава военной делегации от гитлеровского правительства. Очевидно, германский генеральный штаб уже был информирован Троцким, т. к. Румштедт прямо заявил мне, что германский генеральный штаб знает о том, что я стою во главе военного заговора в Красной Армии, и что ему, Румштедту, поручено переговорить о мной о взаимно интересующих нас вопросах. Я подтвердил его сведения о военном заговоре и о том, что я стою во главе его. Я сказал Румштедту, что меня очень интересуют два вопроса: на каком направлении следует ожидать наступления германских армий в случае войны с СССР, а также в кото-

ром году следует ожидать германской интервенции. Румштедт уклончиво ответил на первый вопрос, сказав, что направление построения главных германских сил ему неизвестно, но что он имеет директиву передать, что главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина. По вопросу о годе интервенций Румштедт сказал, что определить его трудно.

В апреле происходила в Москве стратегическая военная игра, организованная Генеральным штабом РККА. Якир, по заданию игры, командовал польскими, а я германскими армиями. Эта игра дала нам возможность продумать оперативные возможности и взвесить шансы на победу для обеих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях, для отдельных участников заговора. В результате этой игры подтвердились предварительные предположения о том, что

▲ Ворошилов К.Е.

силы (число дивизий), выставяемые РККА по мобилизации, недостаточны для выполнения поставленных ей на западных границах задач.

Допустив предположение, что главные германские силы будут брошены на украинское направление, я пришел к выводу, что если в наш оперативный план не будут внесены поправки, то сначала Украинскому, а потом и Белорусскому фронтам угрожает весьма возможное поражение. Если же к этому добавить вредительские действия, то эта вероятность еще более вырастет.

Я дал задание Якиру и Уборевичу на тщательную проработку оперативного плана на Украине и в Белоруссии и разработку вредительских мероприятий, облегчающих поражение наших войск.

В связи с зиновьевским делом начались аресты участников антисоветского военно-троцкистского заговора. Участники заговора расценивали положение как очень серьезное. Можно было ожидать дальнейших арестов, тем более что Примаков, Путна и Туровский отлично знали многих участников заговора, вплоть до его центра.

Поэтому, собравшись у меня в кабинете и обсудив создавшееся положение, центр принял решение о временном свертывании всякой активной деятельности в целях максимальной маскировки проделанной работы. Решено было прекратить между участниками заговора всякие встречи, не связанные непосредственно со служебной работой.

Помимо упоминавшихся ранее участников антисоветского военно-троцкистского заговора, лично мною вовлеченных в организацию, я слышал от других членов заговора о принадлежности к заговору: Савицкого, Довтдовского, Кутякова, Козицкого, Тухарели, Ольшанского, Ольшевского, Щеглова, Егорова (школа ВЦИК), Лаврова (ПВО), Хрусталева, Азарова, Янеля, Либермана, Гендлера, Саблина, Кашеева, Лапина (комкора), Лапина (инженера), Сатина, Железнякова, Осепина, Ермана, Кражевского, Татайчака, Бодашкова, Артамонова, Воронкова, Петерсона, Шмидта, Зюка, Розынка, Куркова, Казанского, Угрюмова.

Показания об оперативном поражении Красной Армии и вредительской работе в РККА изложу в отдельных протоколах.

Тухачевский.

Допросили:

*НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
Комиссар гос. безопасн.
2-го ранга Леплевский
ПОМ. НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
Комиссар гос. безопасности
Ушаков*

II. План поражения.

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора тщательно изучал материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы основные планы Гитлера, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?

Основной для Германии вопрос – это вопрос о получении колоний. Гитлер прямо заявил, что колонии – источники сырья – Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты. Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум, на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий.

Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей.

Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, – это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результатом был бы большой, зато с экономической – ничтожный.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками – это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сы-

рьевой проблемы не дает и поэтому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье – украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т. е. связано это с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Гитлера исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожаделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией.

Как я показал уже в первом разделе, во время стратегической военной игры в апреле 1936 г. я по вопросам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с Якиром и Уборевичем. Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Румштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин. В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв ж.д. мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта, в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание

иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства. Само собой понятно, что проявление вредительства, даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления, резко повышает шансы на поражение. Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить, в первую очередь, ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА (Алафузо) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва Главного командования.

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий?

Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из В. Пруссии в направлении Гродно или через Слоним на Минск.

Украинский фронт, в первую очередь или после нанесения удара немцев на севере, также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столк-

новении со значительно превосходящими силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж.д. перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича, но кроме того через Саблина он должен был организовать диверсионно-вредительскую сдачу Летичевского укрепленного района.

И Уборевич, и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия, вытекающие из этих вредительских установок. Что успели сделать БВО и КВО во исполнение этого задания, мне не известно, так как (о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936 г. центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом Кестрингом намеченных центром заговора оперативных мероприятий по подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

Каменев С. С. должен был разработать, по своей линии, мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армии, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабе БВО и КВО, мне известно нижеследующее: разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража, со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заве-

домо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов организации станций снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

Что касается Дальнего Востока, то оперативный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКАВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКАВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКАВА путем дискредитации командования.

Лапин усиленно пропагандировал в ОКАВА теорию о том, что действия крупноорганизованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКАВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что проташить в жизнь.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через МНР в направлении Читы и кругобайкальской военной дороги. В этом отношении ни Окава, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки ж.д. пути от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении МНР будет чрезвычайно тяжелым. ■

А.В. ТЮРИН

АНГЛИЯ. ПЕРЕДОВОЙ ХИЩНИК

▲ Угольная шахта

Царствование Николая I завершилось противостоянием почти со всем с западным миром, безусловным лидером которого была Британская империя.

Историки-марксисты представляли это как столкновение двух несправедливых захватнических сторон, но делали упор на российскую «отсталость», проводя попутно мысль о том, что она могла быть преодолена лишь с помощью «единственно правильного учения». Западные историки и российские историки-западники, соглашаясь с тезисом об «отсталости», представляли ее результатом врожденной порочности российской социально-политической системы. Главный противник России рисовался, напротив, как передовое государство, чей несконча-

емый прогресс обусловлен врожденной свободой.

Эти оценки, в общем, преобладают в популярной литературе и публицистике до сих пор.

Так что же было врожденным у врагов России в этом конфликте? Свобода или нечто иное?

Незамерзающие воды, отделяющие Британские острова от европейского континента, стали для Англии источником двух благ. Не мешая торговому обмену, они защищали ее от сильных континентальных врагов.

Однако толчком для развития страны стали особые виды участия в морской торговле.

Это было, во-первых, пиратство, паразитирование на чужих торговых коммуникациях (Тойнби, кстати, метко подметил сходство между набега-

ми степных кочевников на торговые караваны и деятельностью «кочевников моря» — пиратов.) И, во-вторых, это были поставки бесплатной рабочей силы в Новый Свет — работорговля. Приход протестантской этики удивительным образом совпал с массовым превращением людей в товар, причем не особо ценный. На одного негра, доставленного на плантации, приходилось четверо погибших при отлове и транспортировке.

Вслед за буржуазной революцией и разгромом голландских конкурентов на море последовал период торговой экспансии, захватывающий около ста лет и опирающийся опять-таки на географические факторы. Их роль признают даже британские историки, столь гордящиеся достижениями своей страны:

«Почему эта (промышленная) революция началась в Англии в XVIII? Атлантика была столь же важна для торговли, как в древности — Средиземное море. После Колумба самыми активными купцами стали те, которые искали выход из Атлантики. Среди торгующих народов XVIII в. позиция англичан была наиболее благоприятна благодаря географическому положению, климату и ходу истории... Стагнация политики, религии и жизненного уклада в XVIII в. ускоряли концентрацию промышленности. Концентрация же в свою очередь подстегивала страсть к техническим изобретениям».

Торговая экспансия завершилась приобретением колоний, эксплуатация и прямое ограбление которых стали источниками инвестиций для бурного роста английской индустрии.

Принудительное обезземеливание крестьянства образует на самих Британских островах огромный

ТЮРИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ — русский писатель, публицист, историк, член Союза писателей России. Родился в 1962 г. в Одессе. Окончил Ленинградское Высшее инженерно-морское училище в 1983 г. Работал в системе Морского флота инженером по автоматизированным системам управления. Автор большого числа работ в области истории, футурологии. В ряде работ на исторические темы рассматривает развитие России как большой социальной системы, взаимодействующей с тяжелой внешней средой, в рамках подхода, называемого «исторической механикой».

резервуар дешевой рабочей силы. Начавшееся со знаменитых огораживаний 15–16 вв., оно проводилось особо насильственными методами в Ирландии.

Людам, лишенным средств производства, приходилось выбирать между фабрикой и виселицей. С XVI века в Англии существовало свирепейшее в мире уголовное законодательство, направленное против «экспроприированных», в котором смертная казнь существовала за тысячи преступлений, начиная с мелкой кражи на сумму в два шиллинга (стоимость курицы). В правление Генриха VIII на плаху было отправлено 72 тыс. чел., при Елизавете I — 90 тыс. Работные дома, куда бездомная рабо-

чая сила направлялась принудительно, впервые создаются королевским указом еще в 1530 (и превращаются парламентским актом в настоящую систему трудовых лагерей в 1834). Для малолетних они были настоящими морильнями.

Трудящиеся, лишенные средств производства, фактически подвергались новой форме закрепощения — пролетарской. И совокупность законодательных актов на протяжении трех столетий сводилась к тому, что пролетаризированный труженик должен отдать свой труд ближайшему нанимателю за любые гроши. В случае, если трудящиеся пытались искать более подходящего нанимателя, им угрожали обвинения в бро-

дужничестве с наказаниями в виде различных истязаний, длительное бичевание («пока тело его не будет все покрыто кровью»), заключение в исправительный дом, где его ожидали плети и рабский труд от зари до зари, каторга и даже казнь. Согласно закону «о поселении» от 1662, действовавшему до начала XIX в., любой представитель престолярства мог быть подвергнут аресту, наказанию и изгнанию из любого прихода, кроме того, где он родился.

Дети уже во времена Дефо начинали работать с четырех-пятилетнего возраста. В период промышленной революции помогали взрослым на шахтах, десятилетние трудились по 14 часов в день, таская по низким

▲ Хлопковая плантация

▲ Ливерпуль

туннелям, где взрослому не разогнуться, вагонетки с углем.

На лондонском трудовом рынке, располагавшемся в кварталах Уайт-Чепл и Бетнал-Грин, родители предлагали своих детей в возрасте от семи до десяти лет любому человеку на какую угодно работу с раннего утра до поздней ночи. (Первые законы, ограничивающие использование труда детей до 10 лет появятся только в 1850-х гг.)

Два основных ресурса первой фазы промышленной революции — каменный уголь и железная руда — были в Англии в изобилии. В Дергэме, Йоркшире, Ланкашире и других районах железнорудные и каменноугольные месторождения едва не напоздали друг на друга. Уголь и руда находились вблизи основного торгового ресурса — незамерзающих портов, через которые мог осуществляться вывоз готовых изделий и ввоз дополнительных объемов сырья...

Английские изобретения посыпались как из рога изобилия. Машина по очистке хлопка Уитни дала

мощный толчок плантационному рабству в Вест-Индии и на юге США; промышленность передовой Англии снабжали сырьем рабы, по труду и быту ничем не отличающиеся от древнеегипетских. Паровая машина Уатта быстро заменяла водяные двигатели на английских фабриках. Производство машин стало толчком к революции в станкостроении, которое должно было обеспечить создание стандартных и сложных по форме деталей. В 1830 г. была построена первая протяженная железнодорожная линия длиной 55 км, соединившая Манчестер, крупнейший промышленный центр Англии, с Ливерпулем, одним из крупнейших английских портов, выросшем на работорговле.

Учитывая скромные английские расстояния, железные дороги связали Англию в единый производственный комплекс, состоящий из портов, фабрик и шахт, с высокими скоростями грузооборота, с высоким темпом хозяйственной жизни и оборачиваемости финансовых средств, с высо-

кой прибыльностью. Если позволить биологическое сравнение, то Англия стала напоминать хищное теплокровное млекопитающее с быстрым обменом веществ, по сравнению с которым не только Китай, но и Россия напоминала огромного неповоротливого гиганта, этакого хладнокровного динозавра. Если продолжить эту аналогию, то и объемы потребления пищи у такого млекопитающего хищника должны быть на порядок выше, чем у травоядного динозавра.

Массовое дешевое производство промышленных товаров сочеталось с контролем над мировыми торговыми путями, с полной торговой монополией в огромных колониальных владениях. Британская продукция затопила рынки всего мира, разоряя местных производителей. Защищенные рынки взламывались британским флотом. К торговому и промышленному превосходству Англии добавилось финансовое. Это означало неограниченные возможности по закабалению других стран. Наступила «Pax Britannica», первая эпоха

глобализации. Британцы показали, что издержки производства можно минимизировать почти до нуля. Если поискать, то можно всегда найти место на Земле, где ресурсы возьмешь практически бесплатно, в том числе, и плодородную землю, и рабочую силу.

Лишь в начале XIX в. заканчивается 250-летняя официальная история английской работорговли, внесшей огромный вклад в становление торгово-промышленного капитала Британии и обошедшаяся Африке в десятки миллионов жизней. Впрочем, само рабство в английских колониях вполне официально просуществовало до 1834, а контрабандная поставка негров, до 100 тыс. чел. в год, на плантации США, будет продолжаться еще более полувека.

В начале XIX в. заканчивается окончательной победой лендлордов обезземеливание британских крестьян. В 1814 г., при всех декларированных гражданских правах, герцог Сазерленд велел сжечь жилища всех крестьян на своих землях — 15 тыс. чел. были принуждены покинуть родину.

Страна бурного промышленного подъема, пожирающая дешевые ресурсы и принудительный труд колоний, демонстрировала весьма печальные картины собственного пролетариата еще в 1840-х.

«В Лондоне каждый день 50 тыс. человек, просыпаясь утром, не знают, где они проведут следующую ночь. Счастливейшие из них, которым удаётся приберечь до вечера пару пенсов, отправляются в один из так называемых ночлежных домов (lodging-house), которых множество во всех больших городах, и за свои деньги находят там приют. Но какой приют! Дом сверху донизу заставлен койками; в каждой комнате по четыре, пять, шесть коек — столько, сколько может вместиться. На каждой койке спят по четыре, по пять, по шесть человек, тоже столько, сколько может вместиться, — больные и здоровые, старые и молодые, мужчины и женщины, пьяные и трезвые, все вповалку, без разбора».

«В этой части города нет ни канализации, ни каких-либо сточных ям

или отхожих мест при домах и поэтому вся грязь, все отбросы и нечистоты, по меньшей мере от 50 тыс. человек, каждую ночь выбрасываются в канаву... Жилища беднейшего класса в общем очень грязны и, по-видимому, никогда не подвергаются никакой уборке. В большинстве случаев они состоят из одной-единственной комнаты, которая, несмотря на очень плохую вентиляцию, всё же всегда бывает холодной из-за разбитых стёкол и плохо прилаженных рам; комната сырая, нередко расположенная ниже уровня земли, обстановка всегда жалкая или совсем отсутствует, так что охапка соломы часто служит постелью для целой семьи и на ней в возмутительной близости валяются мужчины и женщины, дети и старики».

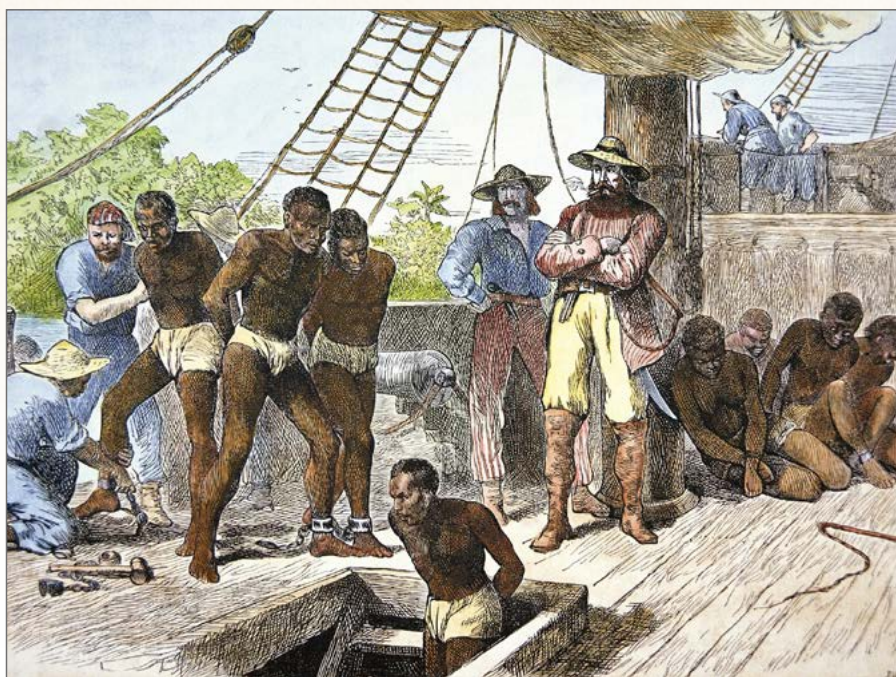
«В этих трущобах Глазго живёт постоянно меняющееся население численностью от 15 тыс. до 30 тыс. человек... Как ни отвратителен был внешний вид этих домов, всё же он недостаточно подготовил меня к царящей внутри грязи и нищете... Пол был сплошь устлан человеческими телами; мужчины и женщины, одни одетые, другие полуголые, лежали вперемежку, иногда по 15, 20 чело-

век в комнате. Постелью им служили кучи полусгнившей соломы и какие-то лохмотья».

Цитаты взяты из трудов Карла Маркса, но критик капитализма не пользовался ничем, чего не было в открытой английской печати.

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идёт о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идёт о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона», — это уже пишет Пушкин, интересовавшийся событиями в «передовых» странах.

А вот английский интеллектуал Карлейль, демонстрируя замечательную протестантскую этику (о которой до сих пор мечтают российские интеллигенты) высказывался о британском пролетариате, как о «бесчисленных скотах», «бездушных тварях, отребье», у которого «обезьяньи

▲ Работорговля

▲ Стражники закона

рожи, чертовы рыла... собачьи морды, тяжелые и угрюмые бычьи головы».

Поскольку власти своевременно отправляли на плаху или каторгу потенциальных бунтарей, пролетарский протест был в Англии достаточно слаб и бессмысленен вплоть до 1830-х годов; так в 1810-х доведенные до голода рабочие-луддиты разрушали станки. В случае если происходила какая-то самоорганизация рабочих, то расправа над ними была быстрой и кровавой. Как, например, в 1819, когда собравшиеся на митинг в Питерлоо (близ Манчестера) рабочие хлопчатобумажных фабрик были изрублены кавалерией. Число погибших и раненых составило 400–500 человек. Испуганные власти издали тогда т.н. «Шесть законов», которые запрещали собрания более 50 человек, процессии с оркестрами и знаменами, форсировали аресты и высылку в колонии «опасных лиц».

Английская промышленная революция шла по костям, и не только в колониях Великобритании.

Несколько десятилетий в период после наполеоновских войн происходило сокращение зарплаты в метрополии — капиталисты боролись за повышение прибыли, а машинное производство убивало мастерские ручных ткачей. Английский историк Э. Хобсбаум в своем труде «Век революции» оценивает число умерших от голода за это время в Англии в полмиллиона человек.

Военная мощь британской короны опиралась на наемных солдат (из числа вышеописанных пролетариев) и насильно завербованных (по сути рабов) матросов. По их спинам, для развития интеллекта, гуляли плетки-девятихвостки, именуемые «кошками» (cat o' nine tails). («Размочить кошку» означало смыть кровь, которая сплетала волокна плети и делала удары особо мучительными.) Жестокие телесные наказания в армии и флоте Ее Величества продержались до 1881 г., поэтому королеву надо бы по справедливости называть Викторией Кошкиной. Помимо мучительного бичевания — число

ударов доходило до 1200 — применялось на британском флоте и такое садистическое, часто заканчивающееся смертью наказание как килевание.

Мало следов народного правления замечаем мы и в политическом устройстве Британской империи. Большая часть ее населения — коренные жители колоний — имели не больше политических и гражданских прав, чем овцы и коровы. Палата лордов была наследственным аристократическим органом. Большая часть нижней палаты избиралась от так называемых «гнилых местечек», где могло насчитываться лишь несколько жителей, обладавших избирательными правами. Такое «избрание» было, в общем фикцией, которая устраивалась одной из двух олигархических группировок, вигами или тори. Даже с учетом расширения избирательных прав, происходившем в ходе промышленной революции, политические элиты продолжали хорошо контролировать выборный процесс: две трети всех членов бри-

танского парламента, избранных между 1660 и 1945 гг., происходило лишь из 368 семей.

И, тем не менее, как в российском, так и в мировом общественном мнении, Англия представляла как родина всяческих свобод.

Русский «образованный класс», огромную часть которого составляли откровенные англomаны, был весьма расположен к Англии, которую он знал, в основном, с фасада, из посещений ухоженных британских поместий и шикарных лондонских магазинов, из трудов Карлейля и других певцов джингоистского величия.

Русская демократическая публика разделяла строки поэта: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину...» и с восхищением следила за английским техническим и социальным прогрессом.

Не нашли особого отклика в российском образованном классе и кошмарные события в Ирландии.

ИРЛАНДСКИЙ СКЕЛЕТ В ШКАФУ

Каждый российский англomан безусловно знал о Magna Charta. Хотя стоило бы ему, для расширения кругозора, ознакомиться с килькеннийским статутом короля Эдуарда III, согласно которому колесовались живьем все англичане, которые носят ирландскую одежду, женятся на ирландках и дают своим детям ирландские имена.

«Головы убитых за день, к какому бы сословию те ни относились, должно было отсечь и принести к тем местам, где он (полковник) располагался на ночь, и разложить их по обеим сторонам дороги, ведущей к его палатке, и так, чтобы никто идущий к нему с каким-либо делом, не преминул увидеть их. Головы должны устрашать; от мертвых не убудет, а живые пусть ужасаются при виде голов своих отцов, братьев, детей, родственников и друзей, на которые будут наткаться, идя разговаривать с вышеупомянутым полковником», — таков был стиль английского правления в Ирландии

уже во времена Елизаветы I. С этого времени входит в систему разорение местного населения при помощи конфискации у него земли — в пользу английских колонистов.

Кромвелевское завоевание Ирландии, приведшее к гибели половины населения острова, 616 тыс. чел., началось со слов вождя буржуазной революции, что Англия «продолжит великий труд по искоренению кровожадных ирландцев и их приспешников и доброжелателей». 100 тыс. ирландцев были проданы как рабы в Вест-Индию. Парламентские акты 1652 и 1653 гг. полностью лишали земли всех ирландцев, которые участвовали в антианглийском движении. А те, кто не участвовал — также, по сути, лишались всего, как «не показавшие своей постоянной преданности английскому государству». Одну треть земли у них просто отнимали, а взамен оставшихся двух третей «предоставляли» участки в бесплодном скалистом регионе на западе острова.

Еще в XVII в. 85 % всей земли, принадлежавшей ирландцам, было конфисковано и передано во владение колонистам-протестантам из Англии и Шотландии («священное

право частной собственности» в английском исполнении.)

В XVIII в. отрубленные головы ирландцев не выкладывались у дорог, поскольку были найдены более экономные способы истребления коренного населения острова.

«Треть ирландской арендной платы тратится в Англии, что вместе с прибылями, пенсиями и прочим составляет добрую половину доходов королевства, все — чистая прибыль для Англии. Эта арендная плата выжимается из крови, жизненно важных органов, одежды и жилищ арендаторов, которые живут хуже, чем английские нищие», — писал Джонатан Свифт в статье «Краткое обозрение государства ирландского».

В «Письмах суконщика» Свифт писал, что «все дороги, улицы и двери домов осаждаются нищими женщинами, за которыми следует 5–6 детей, прося и моля прохожего о милостыне», в «Скромном предложении» об ирландцах, которые «продают себя на Барбадос», чтобы рабством спастись от голодной смерти, а его современник, лорд-наместник Ирландии, докладывая в Лондон, что в городских рвах лежат трупы людей, рот которых покрыт зеленью

▲ Голод в Ирландии

от травы, которой они пытались утолить свой голод в последние минуты жизни.

К началу XIX в. каждый год из Ирландии в карманы лендлордов, живущих в Англии, выкачивалось свыше миллиона ф. ст. арендной платы.

В относительно плодородной стране голод с тысячами смертей стал привычным явлением.

Ирландское промышленное производство было подавлено, чтобы не конкурировало с английским, Ирландии даже запретили торговать с другими британскими колониями.

После отмены в начале 1840-х гг. хлебных законов, стимулировавших производство зерна у лендлордов, начинается очистка их огромных имений от мелких арендаторов. Английские землевладельцы решительно выбрасывают ирландцев с земли, передавая ее под выращивание кормовых трав для скота.

Внешне невинный процесс перехода на продуктивное животноводство, дорого обойдется ирландскому народу.

Ирландские крестьяне-католики останутся со своими крохотными участками, где только щедрый американский гость — картофель, будет спасать их от голодной смерти. До поры до времени.

Когда в 1845 года сгубила гриб-

ковая болезнь, то в Ирландии начался голодомор — к 1851 г. население острова сократилось на треть.

«...Мы вошли в хижину. В дальнем углу, едва видные сквозь дым и покрывающее их тряпье, лежали обнявшись трое детей, с запавшими глазами, без голоса, в последней стадии дистрофии... Над остатками горящего торфа скорчилась еще одна фигура, дикая, почти нагая, почти нечеловеческая с виду. Жалобно стонала, иссохшая старуха умоляла нас дать ей что-нибудь, показывая руки, на которых кожа свисала с костей...», — пишет английский автор, посетивший Ирландию в 1847 г. И в то же время «огромные стада коров, овец и свиней... отправляются с каждым отливом, из каждого из 13 наших портов, курсом на Англию, и помещики получают арендную плату и отправляются тратить ее в Англию, и сотни бедняков ложатся и умирают вдоль дорог от недостатка пищи».

Даже на пути в Америку до 30 % спасающихся от голодной смерти ирландцев погибало от тифа и дистрофии.

Гибель Ирландии не встретила особых филантропических чувств в Лондоне, где частные фонды и правительство перекладывали друг на друга обязательство оказать помощь голодающим. Промедле-

ние это совершалось не без умысла. «Смертность от голода и эмиграция... очистили земли от нерентабельных производителей и освободили место для более совершенного сельскохозяйственного предприятия». Как ни странно, но фактический геноцид католического населения Ирландии не вызвал большого интереса и в католических странах Европы, к примеру, во Франции или Польше.

Зато английские пропагандисты поработали на славу, перекладывая всю вину с английского правящего класса на грибок, который конечно возразить не может. И сегодня коренного населения в Ирландии гораздо меньше, чем в начале 19 в. Если в 1840 на этом острове проживало около 8,2 млн. чел.; к концу XIX в. около 4,5 млн. включая англосаксонское меньшинство; ныне 5,5 млн., учитывая Ольстер с его протестантским населением. Английские пропагандисты всё ищут голодоморы, где угодно, но только не под сенью британской короны.

Массы ирландцев, бегущих от голодной смерти в английские промышленные города в первой половине XIX в., еще более сбивали цену труда. Их нищета вызывала здоровый смех даже у английских интеллектуалов.

«Ирландцы носят наряд из лохмотьев, снять и надеть который является труднейшей операцией, предпринимаемой только по праздникам или в особо торжественных случаях». Впрочем юмор Карлейля был совсем уж английским, когда он отзывался об ирландцах, как о «свиньях в человеческом облике».

Большинство из методов, которые англичане опробовали в Ирландии, они применили и в заморских колониях.

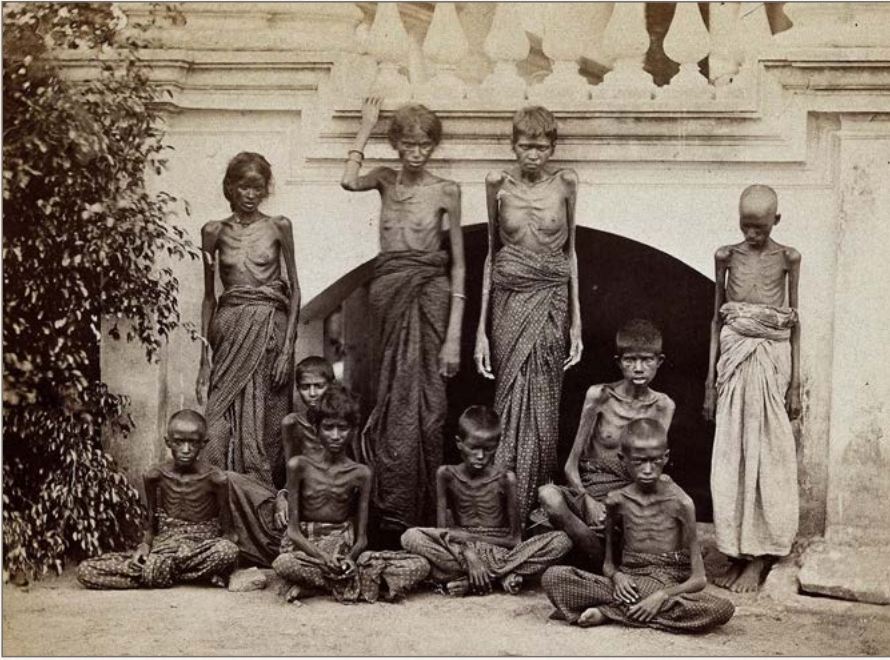
БРИТАНСКИЙ РАДЖ

Индия в течение веков была страной мечты для европейцев. Мечта была хищной, европейцы хотели добраться до ее сокровищ. Европейцам было нечего предложить Индии. Ее древнее хозяйство, хоть отставало от передовых европейских стран

▲ Индия XIX век

▲ Голод в Бангалоре, группа истощенных женщин и детей. 1876-1878 гг.

по технологиям массового производства, но обладало разнообразными ремесленными методами и производило большое количество качественных товаров. По абсолютным размерам хозяйства Индия, учитывая ее огромное население, находилась на первом месте в мире.

Первым индийским государством, которое попало под владычество британской Ост-Индской компании была Бенгалия.

Войска Компании и лично их командующий Р. Клайв для начала обчистили казну этой страны на сумму в 5,3 млн. ф. ст. (трудно представить, чтобы Суворов или Кутузов сделали что-нибудь подобное). Потом Компания овладела фискальным аппаратом страны. Налоги были увеличены вдвое и отданы на краткосрочный откуп служащим компании. Как свидетельствовал современник: «Они (откупщики) отбирали все до последнего фартинга у несчастных крестьян; последние, не желая покидать свои старые жилища, подчинялись требованиям, которые не могли выполнить». Компания присвоила себе монополию внешней торговли и важнейших отраслей внутри-бенгальской торговли. Бенгальские крестьяне и ремесленники были

принудительно прикреплены к факториям компании, куда обязаны были сдавать свою продукцию, часто им вообще ничего не платили. Как свидетельствовали очевидцы: «Коммерческий резидент (начальник фактории) назначает им всем (ремесленникам-ткачам) определенную работу, за небольшой аванс присваивает их труд, лишает их права использовать свое искусство для собственной выгоды». «Агенты компании платят за забираемые товары гроши либо не платят вовсе». «Рынки, пристани, оптовые рынки и зернохранилища полностью разрушены. В результате этих насилий торговцы со своими людьми, ремесленники и райаты и другие бежали».

«Великому сыну Англии», лорду Клайву, ныне стоит памятник в центре Лондона — от благодарных потомков. В большом почете у потомков и Уоррен Гастингс, следующий генерал-губернатор Индии. В его правление ограбление бенгальского населения привело к голоду, во время которого погибло до 10 млн. чел., о чем нам любезно сообщает энциклопедия Британника 1911 года издания. О причинах голода Маркс написал: «В 1769–1770 гг. англичане

искусственно организовали голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам». В 1780 — 1790-х гг. в Бенгалии снова разразился голод, унесший несколько миллионов жизней.

Разорением и голодом сопровождались все последующие территориальные приобретения англичан.

«В течение ряда лет сельское хозяйство и торговля приходили в упадок, и в настоящее время население этих провинций (Бенгалия, Бихар, Орисса, Карнатака), за исключением шроффов и баньянов (ростовщиков), быстро идет навстречу всеобщей бедности и разорению», — это уже слова генерал-губернатора Корнуоллиса.

Тяжелым бременем ложилось на индийские княжества, ограбленные Ост-индской компанией, обслуживание кабальных займов. Компания, верно следуя либеральным принципам, не тратила денег на общественные работы, на ирригацию и мелиорацию, столь важные в индийских природно-климатических условиях, от этого поля пустыли быстрее, чем от прямого грабежа.

По подсчетам известного американского историка Б. Адамса, в первые десятилетия после присоединения Индии англичане вывезли оттуда ценностей и ресурсов на сумму в 1 млрд. ф. ст.

А тем временем восторженный до глупости русский путешественник Карамзин Н.М. будет посещать туманный Альбион и привозить рассказы об английских добродетелях, в сравнении с которыми так неприглядны русская лень и глупость.

В первой половине XIX в. англичане провели две успешные войны против маратхских княжеств, занимавших центральную часть Индостана — Декан, в трех войнах разгромили майсуров в Северной Индии, взяли под контроль Великих Моголов, правящих в Дели, закогтили Непал, откусили куски от Ауда и Бирмы.

Творчески сочетая прямое насилие, взятки, подкуп и стравливание противников Ост-Индская компания шла все далее на север, северо-за-

пад и северо-восток. Экспансия нередко была замаскирована высокими словами о предотвращении угрозы британским владениям: при Наполеоне со стороны Франции, а после — России. Также как Чингисхан заставлял покоренные народы воевать за себя, англичане воевали кровью и потом индийских солдат-сипаев, погонщиков, носильщиков и т. д. Покоренные индийские государства первым делом подписывали субсидиарные договоры, согласно которым, вместо своих армий, обязывались содержать войска Ост-Индской компании, фактически оплачивая чужеземное иго. Обеспечение колониальных войск разоряло местное население не менее, чем монополия Компании на разные виды торговой деятельности.

В 1839 г. англичане напали на государство Синд (территория совр. Пакистана), и после бомбардировки взяли порт Карачи. Эмирам Синда пришлось подписать кабальный договор и выплачивать дань Ост-Индской компании.

К началу 1840-х гг. большая часть Индии оказалась под британским господством. Независимость еще сохраняли лишь государства в долине Инда: Синд и населенный сикхами Пенджаб. Но и им оставалось недолго ждать.

В феврале 1842 г. войска Ост-Индской компании снова вторглись в Синд, и, разгромив синдских эмиров и ополчение белуджей, присоединили его территорию. Командующий Ч. Нейпир щедро вознаграждал сам себя за успех, взяв из военной добычи ценностей на 70 тыс. ф.ст... После этой войны британцы выходят на границу с Афганистаном, который постараются прибрать к рукам — конечно же, для «защиты» своих индийских владений.

В 1845 англичане взяли за сикхское государство в Пенджабе, где незадолго до этого умер энергичный правитель-сардар Раджит Сингх. Некогда могущественная сикхская армия была охвачена демократическими преобразованиями. Командовать стали выборные солдатские панчаяты (советы). Результат не за-

медлил себя ждать. В 1845–1846 гг., англо-сипайская армия разбила сикхов в четырех сражениях. Согласно договору, подписанному регентами малолетнего сардара, сикхское государство получило английскую администрацию.

В апреле 1848 сикхская армия попробовала избавиться от господства Компании. Однако сикхи были истреблены английской картечью неподалеку от своей столицы, Мултана. А затем войска Компании подвергли столицу интенсивной бомбардировке и не менее интенсивному разграблению. Здесь повторились сцены, типичные для колониальных войн, которые вела «основоположница демократии». Ударники капиталистического труда награбили одного только золота и серебра на 5 млн. ф. ст. (Описания позорных сцен естественно не попали в славящуюся

своей свободой британскую прессу.) Среди захваченной англичанами добычи оказался бриллиант Кох-и-Нур, то есть Гора Света, один из крупнейших в мире — он украсил корону Ее Величества.

После разгрома лучших индийских воинов в руках британцев оказалось три четверти населения Индии. Прибрать остатки Индостана было уже делом техники. Здесь больше не осталось ни одного сильного противника.

В конце 1840-х, начале 1850-х англичане аннексировали княжества Саттару, Берар, Ауд — владения Ост-Индской компании заняли почти всю Индию, с населением в 190 млн. чел. Кампания откусила еще один кусок от Бирмы, захватила торговлю Сиамом.

Надо отметить бульдожьей хваткой англичан, они никогда не уходили с покоренной территории, как это

▲ Бриллиант «кох-и-нор» в британской короне

не раз делали русские войска в ходе турецких и персидских войн.

С расширением власти английской колониальной администрации расширялась и география индийского голода. Во многом это было результатом разорения местного ремесленного производства, гибнущего под напором английских промышленных товаров. По сообщению британского генерал-губернатора от 1834: «Равнины Индии белеют костями ткачей»...

В 1850 начинается голод сразу в Бенгалии, Ориссе, Раджастане, Бихаре — его жертвами станут 5 млн. человек.

Разорение индийского народа, разрушение его промышленности оказалось важным источником накопления английских капиталов. Англичане, жадно высасывавшие соки из тела гигантской Индии, с находчивостью вампиров направляли внимание цивилизованного мира на что-нибудь вроде «тиранических наклонностей» русского царя, привлекая для этих целей толпу информационных жуликов, от Д. Уркварта с его «Портфолио» до А. Герцена с его «Вольной русской типографией».

ЧАЙ В ОБМЕН НА ОПИУМ

Поскольку военные действия быстро окупались, это позволяло англичанам вести одновременно несколько войн по всему миру.

Трудно было предположить, что Ост-Индская компания оставит в покое еще одну древнюю цивилизацию, о чьих неслыханных сокровищах молодая европейская цивилизация мечтала всю свою сознательную жизнь.

Английские авторы много писали о политике самоизоляции, которую проводил Китай. Забывали только об одном, самоизоляция была естественной; английским торговцам нечего было предложить Китаю. Также, как и индийское, китайское хозяйство с помощью изоциренных ремесленных технологий производило большое количество качествен-

▲ Курильня в Китае

ных товаров. Английский ширпотреб мог только разрушить китайские ремесла, как это произошло в Индии, и разорить миллионы людей. Вполне оправданно император Цзяньлун заявил королю Георгу III через британского посланника: «У нас есть всё, и это может свидетельствовать твой Посол. Я не придаю особого значения вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся».

Англичане хотели иметь китайский фарфор и шелк, но самым востребованным на Западе китайским товаром был чай. Китайцы требовали, чтобы Англия расплачивалась за чайный лист серебром и золотом. Однако Ост-Индская компания и британское правительство, исходя из капиталистического принципа минимизации издержек, хотели совсем другого — за китайский чай и другие замечательные товары расплачиваться наркотиками. Точнее, почти даровым опиумом с бенгальских плантаций. (Ост-Индская компания, конечно же, присвоила себе монополию на закупку бенгальского опиума и доставался ей он весьма дешево.)

Императорские декреты запрещали торговлю и употребление в Китае опиума. Однако это разве помеха предпринимательской инициативе? В 1830 объём нелегальных английских поставок опиума в Поднебесную достиг 1500 тонн!

Под давлением предпринимательского сообщества британское правительство отбирает монополию на контрабандный ввоз опиума в Китай у Ост-Индской компании. Пусть и другие поживятся. (Мероприятие достойное сходки наркодиллеров, где самый важный пахан говорит: «Братки, надо делиться».) Правительство самой развитой, самой либеральной и так далее страны разрешает заниматься наркоторговлей всем желающим. Ввоз опиума в Китай переживает очередной бум, доходя до 2000 тонн. Многие миллионы китайцев вовлечены в курение опиума. Китайские чиновники бьют тревогу по поводу деградации населения.

В марте 1839 императорский комиссар Линь Цзэ-сюй уничтожает большую партию контрабандного английского опиума, 20 тыс. ящиков, и берет под стражу контрабандистов, британских подданных.

Несмотря на то, что англичане уже ведут войны в Индии и Афганистане, они начинают боевые действия против китайского императора. И первым делом отправляют на дно китайские джонки в устье реки Сицзян — 3 ноября 1839 г. В апреле 1840 г., впервые в мировой истории, одно правительство объявило войну другому ради прямой защиты порочного промысла. Английский флот, состоящий из 40 кораблей, начал действовать вдоль побережья Восточно-Китайского моря, от дель-

▲ Англичание в Китае

ты Янцзы до Императорского канала. Он доблестно расстреливал из пушек джонки, высаживал десанты для захвата портов, блокировал Императорский канал — один из важнейших транспортных путей Китая.

Англо-китайский мирный договор, заключенный в Нанкине 29 августа 1842 открыл для английской торговли и индийского опиума китайские порты на южном и юго-восточном побережье Китая. Британские подданные в Китае вышли из подсудности китайским властям. Во владение Англии переходил остров Гонконг, близ Кантона. В Китае появились английские торговые поселения-сеттльменты, королевский флот обрел стратегически важные базы на Тихом океане. Китай выплатил колониальному хищнику огромную контрибуцию в размере 15 млн. серебряных лян (21 млн. долл.), возме-

стив британцам издержки по завоеванию самого себя.

Первая опиумная война стала началом длительного периода ослабления Поднебесной. Последующие сто лет в китайской истории были заполнены опиумным дурманом, бесконечными кровопролитиями, мятежами и грабительскими иностранными интервенциями. Вместе с ослаблением государства шла долговременная депопуляция. Если в 1842 население Китая составляло 416 млн. чел., то в 1881 г. — 369 млн.

АФГАНСКИЙ КАМЕНЬ

Англичане отчаянно хотели обезопасить свои сверхдоходные индийские владения от какой-либо угрозы, пусть даже самой маловероятной. Поскольку доступ в Индию по суше прикрывал Афганистан, надо было

покончить с его независимостью. Другим мотивом афганских операций был выход в подбрюшье Российской империи — в Среднюю Азию.

В 1832 англичане спланировали поход на Кандагар. Финансирование осуществил генерал-губернатор Индии Кэвендиш-Бентинк. Эмир Шуджа уль-Мульк набрал в Индии войско, которое возглавили английские офицеры, и осадил Кандагар летом 1834 г. Однако на помощь кандагарскому правителю прибыл кабульский эмир Дост Мухаммед-хан с войском. Ставленник Компании был разгромлен.

В 1836 г. английский посланник А. Бернс попробовал навязать Дост Мухаммед-хану договор, направленный против Персии и России. Однако кабульский эмир потребовал от англичан возвращения Пешавара. Не получив согласия, Дост Мухаммед-хан

тотчас принял российского дипломатического агента И. Виткевича, прибывшего из Оренбурга.

Виткевич заручился невмешательством Афганистана во время персидской экспедиции в Гератское ханство — шах Персии Мохаммед в это время находился в дружеских отношениях с Россией. Осада Герата персидскими силами началась в 1837 г. но сильно затянулась, а затем была снята из-за нападения английского флота на персидский порт Бендер-Бушир и о-в Харг.

Русский офицер И. Бларамберг, находящийся при шахском дворе, наблюдал за деятельностью англичан на Среднем Востоке. «...Главная цель английского правительства, — писал он, — приобрести свободное плавание по Инду и посредством пароходов открыть обильный сбыт своим изделиям, наполнить ими Аф-

ганистан, Хорасан, Туркмению, Бухару и вообще всю Среднюю Азию, и в таком случае все обороты нашей Нижегородской ярмарки пришли бы в совершеннейший упадок...»

Бларамберг пришел к точному заключению, что Англия снова попытается овладеть Афганистаном. Затем покончит с сильным индийским государством Пенджаб, который «с трех сторон окружен владениями Англии». Для англичан «откроется свободное плавание по Инду, а для нас — великий подрыв во всех торгооборотах».

1 октября 1838 была опубликована декларация британских властей в Индии о начале нового вторжения в Афганистан, в которой генерал-губернатор Окленд провозглашал, что пока Кабул находится под властью Дост Мухаммеда, «мы не можем надеяться, что будет обеспечено спокойствие

по соседству с нами или что интересы нашей Индийской империи не будут нарушены». Объявлялось, что дважды изгнанный из Афганистана Шуджа уль-Мульк пользуется «сильной всеобщей симпатией» афганцев и потому «будет поддержан британской армией против иностранного вмешательства и внутренних врагов». Конечно же, всё это делается в целях обеспечения «безопасности владений британской короны», а также для того, чтобы помочь в «восстановлении единства и благосостояния афганского народа».

Афганский историк С. Риштия так оценил подлинные цели агрессии: «Лорд Окленд сознавал, что для осуществления далеко идущих английских планов на Среднем Востоке, предусматривавших установление военного и политического контроля над Синдом, Пенджабом, Кабулом, Кандагаром и Гератом, англичанам

▲ Английский лагерь. Афганистан

▲ Река Кабул около Дакка

необходимо иметь в этих областях таких правителей, которые абсолютно во всех отношениях подчинялись бы британскому правительству, совершенно не имели бы своей точки зрения и, являясь орудием в руках английских представителей, пользовались бы только номинальной властью».

В октябре 1838 г. 12-тысячная англо-сипайская армия, возглавляемая генералом Эльфистоном и секретарем Ост-Индской компании Макнатеном вошла в Афганистан, имея в обозе Шуджу уль-Мулька. Провиант и амуницию для английского войска перевозили и переносили 40 тыс. (!) погонщиков и носильщиков.

25 апреля 1839 г. интервенты, миновав Боланский и Ходжакский проходы, вступили в город Кандагар. Здесь Шуджа уль-Мульк был торжественно коронован, как афганский шах. Основную красоту при коронации составляли «английские офицеры в своих алых с золотом мундирах».

Соглашение, которое заключил Макнатен с шахом-марионеткой Шуджей, предусматривало постоянное пребывание английских войск в Афганистане и ставило внешнюю

политику страны под полный контроль Англии.

Однако кабульский эмир Дост Мухаммед-хан не торопился сдаваться на милость победителей. Своего сына Акбар-хана он послал с войском для защиты горных проходов ведущих из Пешавара, другого сына, Хайдар-хана, направил в важную крепость Газни, прикрывающую путь из Кандагара в Кабул. Третий сын, Афзал-хан, с отрядом кавалерии расположился поблизости от Газни. Однако племянник Дост Мухаммед-хана по имени Абдул Рашид перешел на сторону шаха Шуджи и выдал ему план обороны Газни. В июле 1839 г. англо-индийские части ворвались в этот город и подвергли полному разграблению.

Дост Мухаммед-хан отправился на север Афганистана, надеясь на помощь России. Так хотелось бы описать противостояние русских и британских агентов, тайные операции российского императорского спецназа. Однако после оказания Уайт-Холлом энергичного дипломатического давления на петербургский кабинет, Нессельроде принял решение отказаться от активной политики

в Афганистане. В обмен британское правительство обещало дать компромиссные предложения по статусу Проливов. (В реальности Россия получила Лондонскую конвенцию 1841 г., где содержалась хорошо замаскированная мина, которую наши дипломаты проглядели.)

Виткевич был отозван в Петербург и погиб там при невыясненных обстоятельствах, накануне аудиенции у императора. Все его бумаги оказались сожжены. Это был не первый случай гибели противников Британии в российской столице...

С лета 1839 в Гератском ханстве находился английский посланник майор Д'Арси Тодд. Его сопровождали офицеры Джеймс Аббот и Ричмонд Шекспир. Тодд был снабжен крупными суммами и должен был подготовить дальнейшее продвижение англичан на север. Вскоре английские войска вошли в Гератский оазис, захватили город Чарикар (к северу от Кабула) и пункты Бамиан и Сейган, контролирующие горные проходы на пути в долину Аму-Дарьи. Таким образом, все было готово к присоединению Средней Азии к британским владениям. Учитывая военную

слабость среднеазиатских ханств и денежные средства Ост-Индской компании, через несколько лет англичане могли оказаться на южных границах Сибири.

Однако сам Афганистан оказался для англичан переменной «Х», которая неожиданно приняла не то значение, которую ожидали торговцы-империалисты из Ост-Индской компании.

Поначалу англо-сипайские войска рутинно грабили афганские селения, фуражиры отнимали у местного населения продовольствие и транспортные средства, а все проявления недовольства туземцев безжалостно пресекались. Так, например, английский отряд, возглавляемый Персивалем Лордом, совершил карательную акцию против племени хазарейцев, живших близ Бамиана, и подверг их беспощадному уничтожению. Вина племени была лишь в том, что оно отказалось выдать свои скудные запасы фуража.

Хорошие аппетиты англичан в нищем Афганистане рано или поздно должны были вызвать страшное озлобление населения.

2 ноября 1840 г. в ущелье Парван Дора таджикское ополчение разбило бригаду генерала Сэя. Англичане отступили к Чарикару. Однако Дост Мухаммед-хан неожиданно сдался оккупационным властям и был отправлен ими в Индию в качестве пленника.

Несмотря на утрату предводителя, афганцы не стухевались. 2 ноября 1841 г. началось восстание в Кабуле. Шах Шуджа предусмотрительно бежал. Толпа напала на резиденцию главы британской миссии в Кабуле Александра Бернса и растерзала его. Мне, грешным делом, это показалось возмездием за коварство британских агентов в Тегеране, жертвой которого стал русский посол Александр Грибоедов.

В очищенный от англичан Кабул прибыл сын Дост Мухаммед-хана Акбар-хан, находившийся до этого на севере страны. С ним пришло около 6 тыс. чел. узбекского ополчения.

Британские гарнизоны оказались блокированными под Кабулом,

в крепости Баллагиссар, в Газни, Кандагаре, Джелалабаде. Все пути сообщения с Индией были прерваны. По словам командира кандагарского гарнизона генерала Нотта: «Ни один европеец не может пройти 200 ярдов, не подвергаясь угрозе быть застреленным или изрубленным».

Макнатен начал с афганскими вождями переговоры о выводе английских войск из Афганистана. 23 декабря 1841 г., Макнатен сделал Акбар-хану предложение стать визирем Афганистана и заменить согласованный с афганцами договор другим документом. По некоторым свидетельствам, генерал Эльфинстон получил приказ от Макнатена «иметь наготове два батальона пехоты» для захвата прочих руководителей восстания. Акбар-хан, уличив Макнатена в двойной игре, не долго думая, прикончил его на месте.

Согласно новому соглашению, заключенному Эльфистоном с афганскими вождями, английские войска в районе Кабула фактически капитулировали. Сдав противнику тяжелое вооружение и казну, они должны были уйти в Пешавар.

В январе британский экспедиционный корпус, насчитывающий теперь 4500 солдат и 12 тыс. носильщиков с погонщиками, двинулся обратно в Индию, но был уничтожен афганцами в Хорд-Кабульском горном проходе. Спасся один человек, доктор Брайдон, добравшийся до Джелалабада.

В марте 1842 г. афганцы истребили английский гарнизон Газни — 400 чел. под командованием полковника Пальмера. В начале апреля 1842 г. пришла очередь марионеточного шаха Шуджи уль-Мульк, который был убит одним из своих родственников.

В августе-сентябре англичане совершили акцию возмездия — генерал Нотт из Кандагара и генерал Поллок из Джелалабада двинулись на Кабул. И по пути движения, и в самом Кабуле англо-индийские войска нещадно грабили население и проводили массовые казни.

Участник похода, офицер Н. Чемберлен описывая действия бри-

танских войск в городке Исталифе: «Ни одно существо мужского пола старше 14 лет не было пощажено, а некоторые солдаты стремились выместить свою злобу на женщинах... Картина грабежа была ужасна. Каждый дом был наполнен солдатами, как европейцами, так и туземными. Мебель, одежда, товары всех сортов летели через окна на улицы и сгребались теми, кто там находился... На улицах лежали трупы старых и молодых, богатых и бедных, которые погибли, защищая свой город... Весь день саперы были заняты тем, что жгли город, а солдаты и лагерная прислуга тащили все, что плохо лежало».

Впрочем, англичане совершили этот поход лишь для «поднятия престижа». Несмотря на свое техническое превосходство, они не имели никаких возможностей удержать страну с такими отвратительными коммуникациями и со столь озлобленным населением.

Англичане были вынуждены освободить Дост Мухаммед-хана и в начале 1843 г. тот восстановил свою власть в Афганистане. Кандагар и Герат остались отдельными афганскими государствами. Из Герата выгнали английского резидента майора Тодда. Откликнулась и Средняя Азия. В Бухарском ханстве в июле 1842 г. были казнены английские агенты полковник Стоддарт и капитан Конолли.

Афганское поражение 1842 г. стало крупнейшим провалом английской колониальной политики в XIX веке. Прямым его результатом была утрата англичанами позиций в непосредственной близости от российских владений, не только в Афганистане, но и в Средней Азии.

В начале 1840-х Егор Ковалевский через Бухару и Ташкент добирался до Афганистана, ведущего в это время борьбу с англичанами. Это косвенно подтверждает мнение, что упорное сопротивление афганцев английскому нашествию было в какой-то степени связано с российской поддержкой. ■

А.А. ЗДАНОВИЧ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук,
профессор Академии военных наук, автор работ по истории отечественных спецслужб

ЗАПАДНЫЙ ПОХОД

▲ 1939 г.

В условиях, когда в 1939 г. достаточно отчетливо выявились агрессивные устремления нацистской Германии, правительства европейских стран предпринимали экстренные, а потому далеко не всегда до конца просчитанные меры по обеспечению безопасности и территориальной целостности своих государств. При этом интересы других субъектов международного права, даже и соседних, зачастую не принимались во внимание. Собственные интересы доминировали в ущерб возможной системе коллективного противостояния «коричневой чуме».

Советский Союз не был исключением. Стремление руководства страны как можно дальше отодвинуть начало практически неминуемой войны подтолкнуло его к принятию настоя-

чивых предложений с немецкой стороны о заключении договора о ненападении. 23 августа 1939 г. в Москву прилетел имперский министр иностранных дел. И. Риббентроп и после переговоров с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым в ночь на 24 августа стоялось подписание советско-германского пакта о ненападении, а также секретного дополнительного протокола к нему. Именно в этом документе определялись сферы интересов обоих государств в Восточной Европе. СССР проявил заинтересованность в Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, Бессарабии (Румыния) и части территории Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан.

В отличие от Германии СССР ранее не выдвигал территориальных претензий к Польше, а практика рас-

пределения «сфер Влияния» уже активно внедрялась в международную политику.

Советские спецслужбы, а, следовательно, и высшее руководство нашей страны к моменту заключения договора о ненападении не располагали достаточной информацией об уже разработанном плане «Вайс» — подготовке нападения на Польшу. Гитлер утвердил этот план еще 11 апреля 1939 г., а начало боевых действий намечалось на 1 сентября.

При активном и предметном поиске в российских архивах (включая и фонды ЦА ФСБ РФ) никаких документов, свидетельствующих о заблаговременной подготовке сил и средств НКВД СССР к операциям в восточных районах Польши, не найдено. Поэтому можно

утверждать, что после подписания с Германией договора о ненападении и секретного протокола к нему, в ближайшее время операция под условным названием «Освободительный поход» не предполагалась. Косвенное подтверждение тому отсутствие встреч И. В. Сталина в своем кремлевском кабинете с руководством НКВД СССР в период с 23 по 31 августа 1939 г. Только 1 сентября, после начала германо-польской войны, он провел совещания с руководством военного и чекистского ведомства.

Именно в этот день был дан старт скрытой подготовке органов и войск государственной безопасности к работе на территориях, отошедших к Польше после подписания мирного договора в 1921 г. Работа усилилась после 3 сентября, когда Англия и Франция объявили войну Германии, но не предприняли никаких шагов по реальной союзнической помощи польскому государству.

Военная контрразведка в лице особых отделов НКВД СССР обес-

печивала скрытность проводимых командованием РККА мер и в частности реализации директивы наркома обороны от 6 сентября 1939 г. о проведении мобилизации («Больших учебных сборов», БУС) в семи военных округах и решения о создании Белорусского и Украинского фронтов.

Еще более интенсивно сотрудники особых отделов стали проводить агентурно-оперативную работу после получения в штабах фронтов приказа наркома обороны и начальника Генштаба от 9 сентября. Согласно этому приказу, следовало быть готовыми к наступлению с целью разгромить противостоящие польские войска.

Нарком внутренних дел Л. П. Берия еще 8 сентября подписал приказ № 001064 о создании пяти оперативно-чекистских групп в КВО и БВО. Судя по тексту краткой преамбулы указанного документа, еще до его подписания уже были сделаны предварительные указания всем задействованным в предстоящей операции

аппаратам госбезопасности и частям пограничных войск НКВД.

Поэтому выполнить требования приказа не представляло большой сложности. Всего в оперативных группах насчитывалось 460 агентов, технических специалистов и оперативно-политических работников из наркоматов внутренних дел УССР и БССР. Дополнительно из центрального аппарата НКВД выехали в Киев и Минск еще 50 человек. Руководить опергруппами поручалось заместителю наркома — начальнику ГУГБ НКВД СССР В. Н. Меркулову (в Киеве) и начальнику Особого отдела НКВД СССР В. М. Бочкову.

Для выполнения специальных заданий в распоряжение для каждой группы выделялось по 300 военнослужащих пограничных войск. Задачи опергруппам были определены директивой НКВД СССР № 20177 от 15 сентября 1939 г. В целях предупреждения утечки информации директива была выдана на руки В. Н. Меркулову, И. А. Серову, В. М. Бочкову, Л. Ф. Цанава.

▲ Берия Л.П.

▲ Серов И.А.

▲ Западный поход Красной Армии

В свою очередь указанные должностные лица обязывались ознакомиться с содержанием документа первых секретарей ЦК компартий Украины и Белоруссии, а также командующих фронтами.

Согласно директивы оперативным группам вменялось в обязанность следующее: 1. Продвигаясь вместе с передовыми частями Красной Армии, создавать в занятых нашими войсками местностях временные органы власти, а также во всех значительных населенных пунктах — аппарат НКВД; 2. Немедленно занимать все учреждения связи (телеграф, телефонные станции, радиоузлы, почты) и ставить для руководства ими надежных лиц; 3. Захватывать все государственные и частные банки, правительственные учреждения, типографии, редакции газет и оказывать содействие политическим органам армии в налаживании издания газет. Кроме отмеченных выше задач оперативным группам поручались и чисто чекистские, как-то: захват всех архивов, обратив особое внимание на периферийные органы 2-го (разведывательного) отдела польского Генштаба (экспозитуры и разведплицувки), жандармерии, полиции и пограничные учреждения; арест наиболее реакционных

представителей административного аппарата, жандармов, полицейских, разведчиков и контрразведчиков и их агентуры, руководства реакционных с коммунистической точки зрения политических организаций, эмигрантских структур националистической и белогвардейской направленности. Опергруппам предстояло активно задействовать уже находившуюся на польской территории агентуру органов госбезопасности и разведаппаратов пограничных войск, а также приступить к созданию агентурно-осведомительной сети с расчетом охватить чекистским вниманием создаваемые управленческие структуры, контрреволюционные круги и нелегальные политические структуры. К негласной работе рекомендовалось привлекать лиц, арестованных ранее польскими властями за революционную и иную антиправительственную деятельность. В области следственной работы следовало вскрывать, возможно, заранее созданные подпольные организации и группы, ставящие своей целью совершение диверсионных и террористических актов, саботажа и шпионажа.

В директиве ставились также задачи по поддержанию общественного порядка в занятых областях.

Рано утром 17 сентября 1939 г. советские войска перешли государственную границу и практически не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Это было достигнуто благодаря скрытности подготовительных мероприятий, обеспеченной командованием при активной помощи органов НКВД. Агентурная сеть польской разведки в приграничной полосе была парализована в ходе реализации имевшихся чекистских оперативных игр и разборок.

Оперативные группы НКВД находились в зоне действия передовых частей Красной Армии и незамедлительно приступили к проведению намеченных мероприятий, чтобы не дать противнику развернуть деятельность возможно созданных нелегальных структур.

К исходу 17 сентября был занят Тарнополь, где оперативно-чекистская группа захватила помещение разведплицувки № 5, её архив и картотеки, а также часть личного состава. В руках чекистов оказалось большое количество личных и рабочих дел агентов и конфиденентов польских разведывательных и контрразведывательных органов. Как сообщили в Москву из НКВД Украинской ССР, захваченные документы позволили установить около 100 агентов на территории Винницкой и Каменец-Подольской областях и в отдельных районах Белорусской ССР.

Часть из них ранее уже была арестована, а остальных предстояло установить и задержать.

На основе материалов архива были объявлены в розыск более 380 агентов и конфиденентов польской контрразведки, проживавшие в Тарнопольской, Львовской, Станиславской и других областях Западной Украины.

На 28 сентября только оперативной группой № 1 было арестовано 923 человека, из которых 513 полицейских, 28 жандармов, 31 секретных сотрудников полиции и контрразведки.

К концу ноября в Тарнополе удалось разыскать и задержать 60

агентов и содержателей конспиративных квартир польских спецслужб. Отдельные из арестованных были завербованы и использовались в дальнейшем в оперативных мероприятиях по основным линиям чекистской работы и прежде всего для вскрытия подполья.

Оперативная группа № 2 арестовала 553 человека, в том числе бывшего премьер-министра Польши Л. Козловского, бывшего военного министра Малышевского, президента г. Львов А. Островского, министра просвещения при Пилсудском — С. Грабского. В короткий срок было завербовано 130 агентов и, как отмечалось в одном из докладов, многие негласные сотрудники являлись перспективными.

По полученным от агентуры данным о готовящемся во Львове восстании чекисты завели разработку «Паутина». Главным фигурантом дела являлся генерал М. Янушайтис, для розыска которого привлекли командира корпуса польской армии, оборонявшего г. Львов, бригадного генерала В. Лангнера. Уже 27 октября 1939 г. Янушайтиса удалось арестовать во Львове на конспиративной квартире. Как выяснилось, Янушайтис скрывался во Львове

и проживал по поддельным документам на имя Яна Кружигловского.

Генерал не стал долго запереться и рассказал следователям, что создавал нелегальную организацию, ставившую своей целью борьбу за восстановление Польши. Ещё до занятия г. Львова советскими войсками он подготовил из числа военнослужащих диверсионно-разведывательные группы, а позднее часть из них перебросил в немецкую зону оккупации. В качестве своего заместителя и начальника штаба организации Янушайтис назвал генерала М. Борута-Спеховича.

Вскоре он тоже был задержан в числе основных объектов разработки «Паутина». В ходе допросов подследственных стало ясно, что они планировали организацию широкого повстанческого движения и развертывание диверсионной деятельности. Крупные повстанческие организации из числа офицеров и солдат бывшей польской армии уже были созданы в ряде городов. Они готовились к совершению диверсий, приуроченных к моменту начала восстания.

Следует отметить, что само восстание предполагалось начать во время неминуемого и скоро (как

полагали руководители подпольной организации) столкновения немецких войск с частями Красной Армии.

Штаб организации установил связь с польским эмигрантским правительством во Франции и лично с его председателем генералом В. Сикорским. Последнему было сообщено, что повстанческие организации в составе от 10 до 40 и более человек существуют в Тарнополе, Станиславе, Владимир-Волынской, Кременце, Стрые, Бродах, Дрогобыче, Самборе, Ровно, Перемышле и других городах. Центр организации восстания располагает целым рядом складов оружия, предназначенного для повстанческих отрядов.

В ходе работы с агентурой и следствия по возбужденным уголовным делам оперативно-чекистские группы установили факт координации польских подпольных организаций будущих широкомасштабных подрывных акций с нелегальными структурами украинских националистов (ОУН и УНСО). В связи с этим было заведено агентурное дело «Блок», в рамках работы по которому уже к 27 октября 1939 г. удалось арестовать 22 человека из числа руководителей указанных организаций. Большую помощь чекистам в разработке

▲ Западная Украина

▲ Генерал Борута-Спехович

▲ Поход в Западную Белоруссию

«Блок» оказал вновь завербованный агент «Галиуанин». Он представил данные на кавалерийский отряд ОУН и возглавлявшего вооруженный отряд бывшего польского офицера Полищука (псевдоним «Виктор»). Последний поддерживал связь с центром ОУН в Мюнхене и подозревался в связи с немецкой разведкой.

Кроме работы в области разведки и контрразведки, а также борьбы с повстанческой деятельностью, на органы НКВД возлагалась и другая, масштабная по своему объему задача — организация работы с военнопленными.

Как указывалось в директиве НКВД СССР № 4301/Б от 20 сентября 1939 г. на территории УССР и БССР по договоренности с Генеральным штабом РККА разворачиваются, в дополнение к временным приемным пунктам, 11 новых.

На территории западных районов СССР создавались 8 лагерей. Нарком внутренних дел обязывал должностных лиц, имеющих отношение к военнопленным, обеспечить должный порядок деятельности пунктов и лагерей, надлежащую дисциплину и «хорошее обращение с пленными,

обеспечение необходимым снабжением и разъяснительной работой...».

Однако указаний наркома было явно недостаточно. Требовалось обновить нормативно-правовую базу по вопросу о военнопленных.

20 сентября 1939 г. взамен действовавшего «Положения о военнопленных», утвержденного ЦИК и СНК СССР в марте 1931 г., было разработано новое. Экономический совет при СНК СССР одобрил его и, не дожидаясь утверждения в Совнаркоме, НКВД принял его к исполнению. Приказом наркома № 0308 от 19 сентября было образовано Управление по военнопленным (УПВ). (Управление по военнопленным в июле 1940 г. было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), ред.).

Неподготовленность лагерей к приему большого числа военнопленных, отсутствие необходимых запасов продовольствия, грозившая эпидемиями антисанитария, побудили высшее руководство СССР непосредственно решать появившиеся проблемы. Политбюро ЦК ВКП(б) создало во главе с секретарем ЦК А. А. Ждановым специальную ко-

миссию для рассмотрения вопроса о военнопленных. 3 октября 1939 г. в заинтересованные органы НКВД, а также командованию Белорусского и Украинского фронтов поступило секретное распоряжение за подписью И. В. Сталина. В нем говорилось о необходимости распустить по домам военнопленных солдат из числа украинцев, белорусов и других национальностей — уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии: 25 тысяч военнопленных направить на строительство дороги Новоград-Волынский — Корец — Львов; выделить в отдельную группу солдат, призванных с территории Польши, захваченной Германией, и содержать их в лагерях до переговоров с немцами об отправке на родину; для военнопленных офицеров организовать специальный лагерь, а старших офицеров от полковника и выше содержать отдельно. Относительно разведчиков, контрразведчиков, жандармов и полицейских требовалось организовать самостоятельный лагерь в Калининской области (г. Осташков).

Фронтовое командование и особенно аппараты НКВД СССР на заня-

той территории волновала еще одна проблема, связанная с военнопленными. Германские военные власти 18 сентября предложили передать на советскую сторону более 9 тысяч военнопленных польской армии — белорусов и украинцев по национальности. Через три недели речь зашла еще об 11 тысячах.

В ответ нарком внутренних дел Л. П. Берия предложил Политбюро ЦК ВКП(б) передать Германии 33 тысячи военнопленных — уроженцев центральных и западных областей Польши. Решение этого вопроса состоялось 13 октября 1939 г. Предлагалось создать обменные пункты и завершить работу в короткий срок — с 23 октября по 3 ноября. Органам госбезопасности предстояло провести глубокую фильтрацию передаваемого от немцев контингента военнопленных для выявления сотрудников польских спецслужб, а также агентуры германской разведки. Всем начальникам вновь образованных территориальных подразделений НКВД был направлен список

на 359 немецких разведчиков и агентов, арестованных в Польше до начала боевых действий. Предполагалось, что отдельные из этих лиц могут быть влиты в общую массу передаваемых германским командованием военнопленных.

Кроме работы с военнопленными Политбюро ЦК ВКП(б) возложило на НКВД СССР также и реализацию принятого 4 декабря 1939 г. решения о выселении всех проживавших в Западной Украине и Западной Белоруссии осадников вместе с их семьями. Авторы такого рода меры исходили из того, что «Союз осадников» был создан по окончании советско-польской войны специальным законом польского правительства (утвержденного сеймом) и рассматривался как военно-политическая опора властей и пограничной стражи в отошедших к Польше украинских и белорусских областях. Целью насаждения осадников являлось укрепление пограничной полосы преданными государству элементами, создание боевых дружин для борьбы с рево-

люционным движением украинцев и белорусов, связанным с СССР. Осадники наделялись лучшими землями и им предоставлялся ряд льгот.

Всё указанное выше позволяло утверждать, что осадники могут явиться опорой создаваемого подпольного движения и привлекаться для проведения диверсионно-террористической деятельности и шпионажа.

Первая депортация была назначена на 10 февраля 1940 г. Для её организации из Москвы направлялась группа ответственных работников центрального аппарата НКВД. В Архангельскую, Вологодскую, Иркутскую, Омскую, Свердловскую, Молотовскую области, Коми АССР, Красноярский край было депортировано 139 590 поляков.

Этим не ограничились. 2 марта 1940 г. Совнарком СССР санкционировал выселение 22 тысяч семей содержащихся в тюрьмах и лагерях офицеров бывшей польской армии, разведчиков, контрразведчиков, полицейских и жандармов, а также беженцев с территории Польши, ото-

▲ Беларусь едина

▲ Западная Белоруссия

шедшей к Германии, пожелавших выехать в родные места, но не принятых германским правительством.

Депортация по своей сути рассматривалась в 1939-1940 годах, как одна из мер по подготовке тыла вероятного театра военных действий. Ведь то, что война не за горами, отчетливо понимали в высшем руководстве СССР, командованием Красной Армии и в НКВД. Наркомат внутренних дел обязан был принять исчерпывающие меры к обеспечению безопасности фронтового тыла, каковым и являлись области Западной Украины и Западной Белоруссии. И для этого одной агентурно-оперативной составляющей деятельности наркомата обойтись не представлялось возможным.

Имеющиеся в распоряжении историков материалы позволяют утверждать, что в областях Западной Украины и Западной Белоруссии с октября 1939 г. начался процесс создания «пятой колонны» в виде подпольных организаций по типу напоминающих Польскую военную организацию (ПОВ) времен I мировой

и советско-польской войн. (Польская организация войскова (ПОВ) была создана Пилсудским в 1914 г. для проведения разведывательной, диверсионной и террористической работы, а также подготовки военных кадров для будущей польской армии. Ред.).

К примеру, генерал М. Янушайтис приступил к формированию конспиративных ячеек 22 сентября 1939 г., то есть в день капитуляции гарнизона г. Львова и прихода частей Красной Армии. Один из его ближайших помощников генерал М. Боруца-Спехович показал на допросе в НКВД, что организация имела склад с оружием.

Одна из крупнейших подпольных организаций на территории Западной Белоруссии располагала 84 станковыми и 87 ручными пулеметами, 2 тысячами винтовок, и более 8 тысячами гранат.

Объединить деятельность разрозненных групп, придать ей плановый характер явилось основной целью «Союза вооруженной борьбы», созданного в Париже новым верховным главнокомандующим польской арми-

ей генералом В. Сикорским. Положивший начало этой структуре приказ был подписан 13 ноября 1939 г. Главным комендантом «СВБ» стал ярый враг СССР генерал К. Сосновский (псевдоним «Годземба»).

Устав «СВБ», добытый НКВД оперативным путем, свидетельствовал о том, что создана организация, которая через непродолжительное время превратится в достаточно мощную боевую силу и с ней придется считаться при любом сценарии развития военно-политической обстановки.

В пункте шестом устава прямо говорилось, что «СВБ» ведет «систематическую пропаганду и агитацию по возбуждению ненависти к оккупантам и призывает к борьбе с ними путем организации саботажа в учреждениях и на предприятиях, совершению террористических актов и диверсий».

Вооруженное выступление предполагалось начать по приказу главного коменданта «СВБ». Когда поступит такой приказ в НКВД естественно не знали и поэтому предпринимали экстренные упреждающие меры.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих мер, отметим тенденцию, практически утвердившуюся даже не столько в польской и вообще западной, а в отечественной историографии, а именно — рассматривать деятельность органов государственной безопасности СССР в Западной Украине, Западной Белоруссии, а позднее и в Прибалтике в отрыве от процесса создания разветвленных антисоветских подпольных боевых структур, способных самым существенным образом повлиять на ситуацию. Дать вызреть и укрепиться подобно рода организациям, да еще в условиях наличия пусть и до времени пассивной, но реальной социальной базы поддержки в регионе, было бы верхом безответственности, политической слепоты и непрофессионализма.

Депортации вызывались реалиями оперативной обстановки и носили вынужденный характер. Следует иметь в виду, что в занятых Красной Армией местностях существовало не только польское, но также белорусское

и украинское националистическое подполье. Последнее имело связь с немецкими политическими и военными органами и являлось в 1939 г. уже определенным рычагом влияния германских нацистов в регионе. Органами госбезопасности за несколько месяцев удалось выявить и арестовать несколько агентов немецкой разведки из числа оуновцев. Они показали, что переброшены на Западную Украину из Германии для подготовки вооруженного восстания.

Если представители ОУН действовали в русле интересов нацистов, то польское подполье поддерживалось Францией и Англией. Но на территории Западной Украины и Западной Белоруссии устремления покровителей подполья сходились на подрыве безопасности нашей страны. Диверсионно-террористические акции укладывались в рамки планов генеральных штабов указанных выше европейских держав.

Польские и английские историки в совместном исследовании обнародовали, к примеру, интересный

факт. Оказывается, в конце августа 1939 г. в Варшаву прибыла английская военная миссия, в состав которой входила большая группа не просто офицеров разведки, а специалистов в области диверсий и саботажа. Во главе её стоял полковник К. Габбинс, будущий начальник СОЕ (Special Operations Executive) — управления разведывательно-подрывных операций.

Англичане установили контакт с руководством польской разведки и обсудили возможные направления сотрудничества.

Через несколько дней после начала войны Габбинс и его группа из Варшавы выехали во Львов, а оттуда 17 сентября — в Бухарест, где и были намечены планы дальнейшего сотрудничества двух разведок. Именно в Бухаресте несколько позднее поляки организовали базу №2 «Союза вооруженной борьбы». Она стала центром подрывной работы на Западной Украине.

Руководитель резидентуры английской разведки в Бухаресте капи-

▲ Меркулов В.Н.

▲ Тимошенко С.К.

▲ Сикорский

▲ Соснковский

тан С. Карлтон находился в плотном контакте с поляками и если не контролировал, то, как минимум, полностью был посвящен в оперативную деятельность базы «СВБ». Согласно данным польского историка А. Пеплоньского сотрудничество двух служб касалось сбора информации военного, политического и экономического характера от СССР.

Помимо сотрудничества с резидентурой «R» польской разведки в Бухаресте и базой №2 «СВБ» англичане самостоятельно установили связь с подпольной организацией «Мушкетеры», действовавшей на занятой Германией и СССР территории Польши. Её ячейки имелись в 32 городах.

Это направление работы курировал непосредственно майор Г. Тэмплин — глава русской секции Секрет Интеллидженс Сервис. Английская разведка давала задания полякам по сбору информации о дислокации советских войск, экономической ситуации. Особый интерес проявлялся к частям воздушно-десантных войск.

В рамках резидентуры «R» и базы

№2 «СВБ» в Бухаресте функционировала особо засекреченная группа во главе с майором Ю. Беньковским, до сентября 1939 г. возглавлявшим экспозитуру №5 польской разведки во Львове.

Он непосредственно руководил подрезидентурами «Роман», «Стасия» и «Цезарь». Эти разведъязычки действовали против СССР. Обеспечивали переброску на Западную Украину курьеров, разведчиков ответственных организаторов подпольной сети «Союза вооруженной борьбы».

Видя в «СВБ» серьезного противника, НКВД СССР поручил своим органам на Украине и в Белоруссии незамедлительно предпринять необходимые меры, которые привели бы к двум взаимосвязанным результатам: во-первых, нейтрализации разведывательно-подрывной работы подпольной организации и, во-вторых, внедрению во всепольский центр «СВБ» в Варшаве и руководство «Союза» в Париже (а позднее в Лондоне). Предполагалось даже взять под агентурный контроль дей-

ствующую в немецкой зоне оккупации (Генерал-губернаторстве) разведывательно-диверсионную сеть «СВБ», а значит польских спецслужб. Об этих планах Л. П. Берия доложил Генсеку ВКП(б) И. В. Сталину.

Некоторые итоги проведенных операций мы находим в оперативной записке руководству страны наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова от 28 марта 1941 г. В ней, в частности, отмечено, что удалось вскрыть и ликвидировать свыше 500 польских антисоветских подпольных групп и организаций. Арестовано 15 409 человек (из них в западных областях УССР — 10 271, а БССР — 5 138). Было захвачено 36 пулеметов, 1 624 винтовки, 589 револьверов, 735 гранат, более 72 тысяч патронов. Особо подчеркивал В. Н. Меркулов установление контроля над семью радиопередатчиками. Как упоминалось выше, под следствием оказались генералы М. Янушайтис («Карнинский»), М. Борута-Спехович («Копя»), руководившие подпольем во Львове и некоторых других городах

Через несколько месяцев после начала операций был выявлен значенный главой подполья в «советской зоне оккупации» генерал М. Токажевский-Карашевич («Доктор», «Столярский»).

В конце декабря 1939 г. Центральный штаб «СВБ» в Париже направил во Львов нового организатора подпольной работы — бывшего майора Т. Стровского. У него имелись зашифрованные директивы и инструкции о подготовке вооруженного восстания.

Поднять его планировалось к весне 1940 г. в расчете на то, что к этому времени союзники разгромят Германию и объявят войну СССР.

Стровский дал исчерпывающие показания о своих контактах с главой польского правительства в изгнании генералом В. Сикорским, генералом К. Соснковским, начальником штаба «СВБ» полковником Г. Багинским и другими важными персонами в Париже. Представляли безусловный

интерес для чекистов переданные Стровским слова генерала В. Сикорского о поддержке польского подполья со стороны военных и разведывательных структур Великобритании. В протоколе допроса Стровского от 19 марта 1940 г. читаем: «При этом Сикорский почти дословно заявил следующее: «На ЗВЗ («СВБ» — А. З.) англичане дадут сколько угодно денег, будет нужно 5 миллионов фунтов стерлингов, дадут 5, будет нужно 50 — дадут 50, ибо они понимают, что ЗВЗ сможет своими диверсионными действиями воспрепятствовать вступлению СССР в помощь Германии или для реализации своих планов».

12 января 1940 г. на основе агентурных данных органов госбезопасности пограничники задержали при переходе через границу из Румынии польских офицеров — братьев Юзефа и Станислава Жимерских. Они также являлись представителя-

ми центрального штаба «СВБ». При них обнаружили зашифрованные инструкции и приказы. Показания братьев, а также Стровского, расшифровка с их помощью секретных документов позволили полностью установить структуру и формы подпольной деятельности «Союза вооруженной борьбы» и на этой основе активизировать проведение агентурных и следственных действий. Ряд подпольщиков «СВБ» чекисты перевербовали и использовали для завязывания оперативных игр с противником. Польский историк А. Пеллоньский даже утверждает, что сотрудники органов госбезопасности завербовали одного из главных руководителей львовского округа «СВБ» майора Е. Мачелинского, работавшего под псевдонимом «Корнель».

Если это соответствует действительности, то не без помощи «Корнеля» произошел разгром штаба «СВБ» во Львове в марте 1940 г. Тогда

▲ Члены союза вооруженной борьбы

▲ В. Линярский, один из основателей Армии крайовой

арестовали заместителя окружного командира «СВБ» подполковника К. Дзекановского («Кароль», «Корвин», «Надольский»), начальника штаба Вице-Жерчевского и других. Глава организации — полковник В. Жебровский («Жук», «Ясенчик», «Дембинский») был убит при попытке перейти границу в Румынию.

В 1940 г. под ударами НКВД практически прекратил существование ещё один центр «СВБ». Он действовал на территории Литовской Республики (г. Вильно) и выполнял те же функции, что и база №2 «СВБ» в Бухаресте. Всего было в Вильно арестовано 995 участников польских нелегальных групп, большинство из которых подчинялись «СВБ».

В ходе разгрома в марте-апреле 1940 г. некоторых руководящих центров «СВБ» и открывшихся при этом возможностей, чекисты взяли под свой контроль несколько линий связи со штабом организации в Париже, включая коротковолновые радиостанции, явочные квартиры и переправочные пункты на границе с Румынией. Все это позволило

во второй половине года захватить всех основных эмиссаров и курьеров в количестве 29 человек. Особенно удачно сработало УНКВД по Черновицкой области. В декабре 1940 г. его сотрудники установили 4 явочные квартиры бухарестской базы «СВБ», задержали 5 курьеров, изъяли почти 4 тысячи американских долларов, кошелек запасных деталей для радиостанции, более 8 тысяч антисоветских листовок. Хорошие результаты принесла оперативная и следственная работа УНКВД в Белостоке. Чекисты арестовали в ноябре практически все окружное руководство «СВБ» во главе с комендантом А. Игла-Иглевским («Скавронек», «Сусло») — опытным диверсантом, прошедшим специальную подготовку во 2-ом (разведывательном) отделе польского Генштаба.

Взамен арестованного Игла-Иглевского из Варшавы был прислан комендант люблинского округа «СВБ» майор Ю. Спихальский («Витольд», «Сорока», «Старый»).

Но и он вскоре оказался во внутренней тюрьме НКВД, где, также как и предшественник, дал подроб-

ные показания. В итоге в западных областях БССР арестовали 59 руководителей и активных участников подпольных, подчиненных «СВБ», организаций в Белостокском округе. Обслуживавшая коменданта радиостанция и шифры для связи тоже стала трофеем чекистов.

После понесенных серьезнейших потерь главный комендант «СВБ» генерал К. Соснковский издал директиву для «советской зоны оккупации». В ней отмечалось, что «хотя подготовка восстания остается главной задачей, но как лозунг более или менее ближайшего будущего снимается».

Этот фрагмент директивы, перехваченный, кстати говоря, сотрудниками госбезопасности, свидетельствовал об эффективности предпринятого комплекса мер. Однако успокаиваться было рано. Еще одна директива парижского центра «СВБ» призывала оставшихся на свободе руководителей ячеек перейти к актам саботажа и диверсий на железнодорожном транспорте, причем делать это в местностях, где низок процент польского населения, чтобы избежать ответных репрессий. В ряде шифровок, переданных на контролируемые НКВД радиостанции, указывалось на необходимость активизировать усилия по разведке и диверсиям, поскольку это укрепляет авторитет эмигрантского правительства и лично В. Сикорского как Главнокомандующего в глазах новых покровителей — англичан.

За три месяца до начала Великой Отечественной войны нарком госбезопасности В. Н. Меркулов доложил И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии, план дальнейших действий НКГБ. Этот план базировался на достигнутых результатах, а потому был вполне реалистичен. Предполагалось, в частности, взять под контроль всю работу «СВБ» в СССР, линии связи на Варшаву и Лондон, захватить в свои руки руководящие посты в структурах «СВБ» за границей, переориентировать их на борьбу против Германии. Однако указанные мероприятия лишь частично удалось реализовать до 22 июня 1941 г. ■

Р.К. БАЛАНДИН

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

▲ Доклад Сталина

Операцию по отсечению партноменклатуры от непосредственного руководства государством надо было произвести без боли и без большого шума. Процесс должен был пройти естественно. И Сталин взял в руки скальпель. Этим скальпелем был XIX съезд ВКП(б), прошедший осенью 1952 г.

Съезд этот интересен тем, что, начиная от Хрущева, любую память о нем партноменклатура старалась тщательно уничтожить. При Брежневеве начали выпускать стенограммы всех съездов ВКП(б) и КПСС и следующих за ними пленумов ЦК, на которых происходили выборы руководящих органов. Выпуск стенограмм

начали интересно — со стенограмм I-го и сразу XX съездов партии. А когда издание этих документов довели до материалов XVIII съезда ВКП(б), то на нем печатание стенограмм и прекратили. Почему?

Ведь XIX съезд — это публичное мероприятие, парадное. На нем присутствовали делегации всех зарубежных компартий, масса журналистов. Что же здесь скрывать? Мало этого, уничтожена стенограмма пленума ЦК после этого съезда, на котором Сталин выступал полтора часа. Мало этого, как пишет Ж. Медведев: «... *личный архив Сталина был уничтожен вскоре после его смерти...*». Но если так скрывали даже память

об этом съезде, значит, было, что скрывать!

Уверен, что для 99% членов партии, рассматривавших Устав, новый текст не представлял ничего интересного или особенного. Речь шла о каких-то естественных (увеличение количественного состава руководящих органов в связи с резким ростом рядов партии), либо, на первый взгляд, косметических изменениях (новых названиях партии и ее руководящих органов).

Название «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» менялось на «Коммунистическая партия Советского Союза». Первое название объявляло всем о независимости

БАЛАНДИН РУДОЛЬФ КОНСТАНТИНОВИЧ советский геолог и гидрогеолог, популяризатор науки, писатель. Родился в Москве 15 августа 1934 года в семье профессионального военного, участника Великой Отечественной войны, командира авиационной штурмовой дивизии ИЛ-2. Мать Арма Самсоновна, армянка, родом из Карабаха, участница Великой Отечественной войны, военный врач. Главные темы научно-популярных исследований: история Земли и жизни, взаимодействие общества с природой, судьбы материальной и духовной культуры. Член Комиссии РАН по творческому наследию В.И. Вернадского. Автор концепции техносферы, техноэкологии, эволюции и деградации цивилизаций в связи с состоянием природы и духовной культуры. Специалист по истории науки.

партии от государства, от Советской власти. Слово «всесоюзная» обозначало просто территорию, на которой действует эта часть всемирного коммунистического Интернационала. До роспуска Коминтерна в 1943 г. на титульном листе членского билета ВКП(б) вверху было написано: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» В середине: «Партийный билет», и в самом низу: «ВКП(б) — секция Коммунистического Интернационала». С безбрежным интернационализмом, вернее, космополитизмом, закончили.

Новое название намертво привязывало партию к государству, партия

становилась как бы собственностью СССР, структурным подразделением Советской власти. Было Правительство Советского Союза, Министерство обороны Советского Союза, теперь вместо ВКП(б) стала и Коммунистическая партия Советского Союза.

Дальнейшие изменения были уже кардинальными. Вместо Политбюро ЦК партии полагалось сформировать только Президиум. Полагаю, что многие считали или считают Политбюро и Президиум одним и тем же руководящим органом. Действительно, убив Сталина, номенклатура не дала этому органу изменить суть, а в 1966 году вернула ему и прежнее

название — Политбюро. Но мы ведь рассматриваем не то, что сделала партноменклатура после смерти Сталина, а то, что хотел сделать Сталин.

Бюро — это суверенный руководитель, состоящий из нескольких человек, бюро свои решения ни с кем не согласовывает, это диктаторский орган. А президиум (от латинского *praesidare* — сидеть впереди) это всего лишь представители другого руководящего органа, и президиум лишь часть вопросов может решать самостоятельно, а крупные вопросы, даже если он их и принял, обязан после этого утвердить у того, кого он представляет. Скажем, Президиум

▲ Политбюро

Верховного Совета СССР мог сам заменить министра СССР, но впоследствии обязан был это новое назначение утвердить на ближайшей сессии Верховного Совета.

И эта замена Политбюро на Президиум означала, что партия лишается органа своей диктатуры, непосредственно руководящего всей страной, и ей создается орган, который руководит только партией и то — в перерывах между пленумами ЦК.

Повторю, что Конституцией диктатура партии и ее вмешательство в дела Советов не предусмотрено, и осуществлялось на практике только потому, что в Политбюро в него всегда входили оба высших представителя Советской власти — Председатель Президиума Верховного Совета и Председатель Совета Министров. От руководителей партии — ее секретарей (5-6 человек) — в Политбюро всегда входил генеральный секретарь и еще один-два секретаря, которые менялись в зависимости от их личного авторитета. А от Правительства входило еще несколько министров. Таким образом, как я уже писал, Политбюро было неким междусобойчиком высших должностных лиц государства, которые одновременно являлись товарищами по одной партии. И решения Политбюро были обязательны для исполнения каждым именно потому, что они, по сути, исходили от главы Советской власти и главы Советского правительства. И для партии они были обязательны, поскольку исходили от секретарей партии.

Сравните, согласно Уставу принятому в 1939 г. (на XVIII съезде ВКП(б)), высший руководящий орган партии «ЦК ВКП(б) организует для политической работы Политическое бюро, для общего руководства организационной работой — Организационное бюро, для текущей работы организационно-исполнительного характера — Секретариат, для проверки исполнения решений партии и ЦК ВКП(б) — Комиссию партийного контроля».

А в докладе на XIX съезде о новом Уставе говорилось: «В проекте

▲ Делегаты съезда

измененного Устава предлагается преобразовать Политбюро в Президиум Центрального Комитета партии, организуемый для руководства работой ЦК между пленумами. ...Текущую организационную работу Центрального Комитета, как показала практика, целесообразно сосредоточить в одном органе — Секретариате, в связи с чем в дальнейшем Оргбюро ЦК не иметь».

Таким образом, функции «**политической работы**» как в старом Уставе (диктаторские функции партии) исчезли, Президиум должен был руководить только организационной работой в партии в промежутках между пленумами ЦК, таким образом Президиум фактически стал приемником не Политбюро, а Оргбюро, которое упразднили.

Состав Президиума был определен в 25 членов и 11 кандидатов (имеющих совещательный голос). По сравнению с 9-11 членами Политбюро это получился очень многоголосый колхоз. Однако не надо думать, что Сталин не понимал, что делает. Большинство из этих 25 человек были не партийные, а государственные деятели, которые подчинялись Председателю Совета Министров и, соответственно, Верховному Совету. Таким образом, власть в партии перешла от партийной номенклатуры к Советской

власти (строго говоря — ее номенклатуре). То есть, теперь не партия руководила советской властью, а советская власть — партией.

Сталин, подчинив партию Советской власти, восстановил действие Конституции СССР в полном объеме. Сделал, по сути, то, что и Петр I, который русскую православную церковь сделал структурой государственного аппарата управления.

Давайте прикинем, как бы выглядел СССР, если бы Сталин не был убит или Берия сумел бы расправиться с его убийцами и довести до конца преобразования, намеченные XIX съездом КПСС?

В СССР вся власть принадлежала бы только Советам, формируемым прямым и тайным голосованием на альтернативной основе, то есть, избиратели выбирали бы в депутаты одного из нескольких кандидатов. В дополнение к КПСС, возможно, появились бы еще партии, имеющие свой взгляд на пути построения коммунизма, напомним, ведь КПСС до самого своего развала так и не сообщила народу, как этот самый коммунизм выглядит. И на разнице в этом видении коммунизма вполне могли появиться новые коммунистические идеологии. Ведь если нормальным считается иметь в стране несколько буржуазных партий, в никакое будущее свои страны

не ведущие, то почему нельзя было иметь несколько коммунистических, имеющих задачу привести свои страны в пока еще не понятный коммунизм? При этом СССР оставался бы социалистическим и плановым, но со всеми теми демократическими атрибутами, за отсутствие которых его попрекали.

Но! Но при этом все вожди (руководители, управленцы) в партии и структурах советской власти отбирались бы по принципу ума и трудолюбия, что для вождя очень не просто, а не по принципу услужения начальству, что очень легко. Надо ли это было уже успокоившейся от бурь и тревог и начавшей зарастать жиром партноменклатуре КПСС? Надо ли было ей умом и трудолюбием непрерывно доказывать, что она занимает свои места по праву?

Думаю, не все члены ЦК в 1953 году догадывались или хотя бы подозревали, что Сталин убит, а не умер своей смертью, но вот то, что Берия был убит, а дело против него сфабриковано и, чтобы придать видимость заговора, убиты невинные люди в качестве пособников Берии, понимали все члены ЦК. И они согласовали Хрущеву это убийство по одной-единственной причине — Хрущев ликвидировал решения XIX съезда. Он действовал для их, партноменклатуры, пользы, он их оставлял у государственной власти и, соответственно, у государственных кормушек.

И уже сталинской партноменклатуре было, как елей на раны, когда на пленуме, посвященном «делу Берии», Хрущев прямо обвинил Берию в том, что тот собрался добиться внедрения решений XIX съезда в жизнь: «Помните, тогда Ракоши сказал: я хотел бы знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть... Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой».

Вот это, главное обвинение Берии поддержал и Каганович: «Партия для нас выше всего. Никому не позволено, когда этот подлец

▲ Маленков Г.М.

говорит: ЦК — кадры и пропаганда. Не политическое руководство, не руководство всей жизнью, как мы, большевики, понимаем».

То, что, со смертью Сталина, убивались решения XIX съезда КПСС, видно по тому, как быстро партноменклатура, поправ Устав, ликвидировала все то основное, что произвел в Уставе Сталин. Он еще дышал, когда партноменклатура сократила Президиум до 10 человек, восстановив под этим названием Политбюро. Сократила число секретарей до 5 и назначила секретаря ЦК Хрущева пока еще «координатором» среди секретарей. Через 5 месяцев Хрущев был назначен Первым секретарем (вождем партии), и пресса кинулась нахваливать «дорогого Никиту Сергеевича».

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза проходил в Москве с 5 октября по 14 октября 1952 года. Первый съезд за 13 лет.

Численность партии к этому времени составляла около 6 млн. человек. На съезде присутствовало 1359 делегатов.

14 октября 1952 года на съезде выступил с речью Иосиф Виссарионович Сталин, это было его послед-

нее выступление, запечатлённое кинохроникой, перед убийством в начале марта 1953 года. (отравление И. В. Сталина). Фактически политическим завещанием И. В. Сталина стала работа «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР». В этой работе он подчёркивал, что после всех успехов социализма, после всех успешно решённых социализмом задач, у социалистического Советского Союза и у возникающей мировой социалистической системы возник ряд таких проблем, от решения которых зависит судьба социализма, СССР и мира. Эта работа Сталина — выдающийся, программный труд, но глубину её и гениальность так и не поняли по-настоящему. Она была предана забвению. По замыслу Сталина И. В. этот съезд партии должен был стать ключевым моментом реформы партийного и государственного строительства в СССР, разделить высшее партийное и государственное руководство в СССР, привести к качественному изменению идеологической работы, для чего освободить партийные органы от хозяйственных и контролирующих функций, а управление народным хозяйством СССР сосредоточить исключительно

в министерствах и ведомствах под управление Совета министров СССР. Но этого не произошло. После смерти Сталина И. В. решения съезда были изменены, реформы не произошло. Документы съезда и последовавшего за ним Пленума ЦК КПСС либо замалчивались, либо не были опубликованы, что явилось единственным исключением в истории таких мероприятий КПСС. На съезде присутствовала делегация Компартии Китая, которую возглавлял Лю Шаоци, коммунистов Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Албании, из народной Кореи, Вьетнама, Монголии. Были делегации компартий из капиталистических стран.

Итоги Съезда:

1. ВКП(б) переименована в КПСС.
2. Внесены изменения в Устав партии: упразднилось Политбюро ЦК (9 человек), создавался Президиум ЦК из 25 человек.
3. Утверждены Директивы пятилетнего плана развития СССР на 1951—1955 годы.

Завершила XIX съезд партии краткая речь Сталина, обращенная главным образом к представителям братских партий. Есть версия, будто это свидетельствует о плохом физическом и умственном состоянии вождя. В действительности, ничего подобного не наблюдалось. Он просто не захотел, как говорится, выносить сор из избы, освещая внутреннее непростое положение в партии. Отделяться общими гладкими формулировками он вообще не любил. Вскоре на закрытом Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года последовало принципиально важное крупное его выступление. Как оказалось, оно стало последним.

Об этом событии следует рассказать подробно. Оно проясняет многое, происходившее в последние годы жизни Сталина, и, возможно, помогает понять причины его смерти, всего лишь через 4 месяца после этого события. Сталин говорил около полутора часов без перерыва. Он не читал заранее написанный текст, а именно говорил, обращаясь в зал и не сбиваясь. Одно уже это убедительно свидетельствует о том, что он

был здоров и, во всяком случае, никакими умственными и психическими расстройствами не страдал. Он сразу же взял деловой тон:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства...

Обратимся к воспоминаниям присутствовавшего на пленуме писателя Константина Симонова, члена ЦК партии:

«Говорил он от начала до конца сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению...

Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то

по ходу мысли), что он стар, приближается то время, когда другим придется продолжить делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствовавших, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни. Говорилось все это жестко... За всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеку».

Написано это было спустя 27 лет после пленума, но общее впечатление и некоторые детали писатель запомнил, по-видимому, хорошо. К сожалению, отсутствует стенограмма выступления Сталина. Сошлюсь на запись Л. Н. Ефремова, приведенную в книге В. В. Карпова «Генералиссимус». Сталин объяснил не-

▲ Выступление Сталина

▲ Достижения в науке

которые свои предложения, сказав: — Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Говорят, для чего мы расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед?..

(Нашлись комментаторы, излагавшие — изолгав — его слова в том духе, что коварный диктатор захотел под благовидным предлогом избавиться от конкурентов. Такова точка зрения тех, кто привык строить карьеры или по заказу своих «спонсоров». На мой взгляд, Сталин говорил то, что хотел сказать. Он не привык унижаться, лицемерить, хитрить).

Причины кадровых перестановок он объяснил так:

— Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — мужицкая работа. Она требу-

ет больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе. Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и останутся видными политическими и государственными деятелями. Мы их переводим на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей...

Однако: оказалось, что дело не только в возрасте ветеранов партии. Сталин перечислил несколько серьезных ошибок Вячеслава Михайловича. На одном из дипломатических приемов Молотов дал согласие английскому послу издавать у нас буржуазные газеты и журналы. «Такой не верный шаг, если его допустить, — сказал Сталин, — будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение

советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной». Судя по всему, вождь знал о влиянии последней на умы не столько рядовых советских граждан, сколько на тех, кто причисляет себя к элите общества. Ведь рекламируется под видом буржуазного образа жизни благосостояние наиболее обеспеченных слоев западного общества, но вовсе не того большинства, которое едва сводит концы с концами.

Кроме того, Сталин указывал на то, что Молотов предложил сделать Крым еврейской автономией, а также делился со своей женой (еврейкой) секретной информацией. «Получается, — говорил Сталин, — будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять». Среди них были Голда Меир, сотрудник посольства США и т.п.

Красноречивый факт. Когда в Москву приехала первый посол Изра-

или Голда Меир, перед синагогой, куда она пришла, собралась многотысячная толпа. Ее приветствовали с восторгом, и она ответила: «Спасибо за то, что вы остались евреями». А на приеме в МИДе жена Молотова подошла к Меир, заговорила с ней на идиш и на вопрос, не еврейка ли она, с гордостью ответила: «Я дочь еврейского народа».

У жены Молотова были знакомые и в посольстве США. Вячеслав Михайлович имел неосторожность обсуждать со своей женой некоторые секретные решения Политбюро. А вскоре эти решения становились известны американцам.

«При всем гнве Сталина... — вспоминал Симонов, — в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной.

В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица...»

Но самый большой удар по нервам присутствовавших был нанесен

▲ Восстановление Смоленска

в заключение Пленума. Вот как описал это К. Симонов:

«Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве Генерального секретаря

вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить, уважить его просьбу... Сталин, говоря эти слова, смотрел в зал, а сзади него сидело Политбюро и стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание. И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, — а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознававшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже и из-за спины Сталина слова: «Нет, просим остаться!», или что-то в этом духе, зал загудел словами: «Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!».

Тут писатель позволил себе сомнительную вольность: заговорил о мыслях малоизвестного ему чело-

▲ Труженицы

века, политика и государственного деятеля, соображения которого в тот момент могли быть совершенно иными. (Учтем, что написан этот отрывок в 1979 году, когда был осужден «культ личности Сталина» и много клеветы говорилось в его адрес.)

По мнению Симонова, Маленков «понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что эта просьба, прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу — как, готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале, отпустить его, Сталина, с поста Генерального секретаря, потому что он стар, устал и не может нести еще эту, третью свою обязанность...

И почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы

за это головой, был бы Маленков; во что бы это обошлось вообще, трудно себе представить».

Увы, печальными бывают результаты даже искренних попыток писателей, не относящихся к числу крупных мыслителей, думать за выдающихся государственных деятелей! Как говорится, не по Сеньке шапка.

Пожалуй, Маленков, как многие другие, был обескуражен, прежде всего, неожиданностью предложения Сталина. Он просто не знал, что предпринять в такой экстремальной ситуации. Поэтому обратился в зал:

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Последовали бурные аплодисменты.

Сталин:

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать во-

просы без эмоций, по-деловому. А я прошу. Освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Встал маршал С. К. Тимошенко и пробасил:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя поддержали его слова аплодисментами. Сталин постоял, глядя в зал, потом махнул рукой и сел.

Странно, что «инженер человеческих душ» К. Симонов истолковал этот эпизод как выражение торжества. Или вождь поистине выжил из ума, если решил таким нелепым образом «прощупать отношение Пленума» к поставленному вопро-

▲ Севастополь

▲ Сталинград

су о его отставке? Ну а если бы его просьбу удовлетворили, он что же, приказал бы покарать всех, кто ее поддержал? Выходит, захотел внести раздор в ряды партии, начать массовые репрессии среди узкого круга участников Пленума? Зачем?! Он же откровенно сказал, что уже стар и может вскоре умереть.

Разумней предположить, что он хотел выяснить, готовы ли новые государственные деятели к самостоятельной работе, к продолжению дела, которому он посвятил всю свою жизнь. Или, возможно, в порыве раздражения он просто пригрозил своей отставкой, чтобы присутствующие поняли, насколько важно то, о чем он говорил. Хотя не исключены и другие предположения. Жаль, что обычно тиражируется самое глупое и подлое.

Некоторые авторы, фантазируя на тему «осень патриарха», пишут, будто Сталин панически боялся смерти. Полная чепуха! Как революционер, да еще и террорист (в молодости), он смерти не боялся. Но, чувствуя ее приближение, беспокоился за судьбу страны.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года он сказал, обращаясь к Рузвельту и Черчиллю:

«Пока мы все живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами... Но пройдет десять лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что пережили мы, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы».

Как видим, он спокойно и вполне философски относился к своей смерти, даже фактически предсказал ее с удивительной точностью.

С подачи Хрущева принято считать, будто существовал политический кризис, с которым не мог справиться престарелый вождь. Эта легенда понадобилась Никите Сергеевичу для оправдания своих провальных мероприятий после захвата власти. (Аналогично поступили и Горбачев, и Ельцин; любому обанкротившемуся политику хочется свалить свою вину на своего предшественника.) Его мнение пришлось по душе многим авторам. Например, историк Д. Боффа уверенно констатировал «кризис сталинского правительств» (по-видимому, точнее сказать — сталинского правления). Хотя уже в следующем абзаце констатировал:

«После десяти лет международных испытаний, одно другого тяжелее, которые страна победно преодолела, Советский Союз постепенно окреп. Последствия войны и голода отошли в прошлое. Население увеличилось в результате демографического подъема. Промышленность росла. Из стен высших учебных заведений выходило около 200 тыс. выпускников, в дополнение к которым подготавливалось также примерно 300 тыс. специалистов со средним техническим образованием». Если таковы результаты кризиса правительства, то побольше бы подобных кризисов! Словно в помрачении рассудка автор ссылается на «маниакальное вырождение подозрительного характера» Сталина и «признаки неспособности осуществлять руководство». Боффа объясняет парадоксальность ситуации просто: «Все преодолевающая жизненная стойкость народа находилась в противоречии с тем свинцовым колпаком, который послевоенная сталинская политика надела на всю общественную жизнь в стране».

Оказывается, под «свинцовым колпаком» происходит невиданный подъем народного хозяйства, растет

▲ Сегодня работать лучше, чем вчера

количество населения, улучшается его благосостояние и повышается культурный уровень! Выходит, «колпак» предохранял общество от всяческих бед и определял его устойчивость. На мой взгляд, под идеологическим колпаком находилось сознание Боффы, когда он писал подобные вещи. Умилительную оговорку делает этот буржуазный историк: «Мало кто ясно осознавал это противоречие». А может быть, его и не было? Или стремились создать и усилить социальные противоречия именно те, кто желал уничтожить существующий строй и/или обрести благоприятные возможности для личного обогащения?

Именно так все и произошло, когда в конце XX века осуществилась в России — СССР буржуазная революция (или контрреволюция?). Она явилась своеобразным реваншем за провал в феврале 1917 года. В результате общество не перешло на более высокий уровень; напротив, очевидна его деградация

буквально по всем параметрам — упадок социальный, научно-технический, экономический, нравственный, культурный.

Отчасти оправдывает логические несуразицы Д. Боффы то, что его работа относится к концу 1970-х годов. Над ним довлели политические стереотипы западных идеологов. Не исключено, что он выполнял соответствующий социальный заказ. К тому же о положении в СССР он судил преимущественно по всяческим диссидентским сочинениям. Как уже говорилось, в СССР в 1952 году основополагающим событием стал XIX съезд партии. На нем были подведены итоги сталинской эпохи и намечены перспективы на будущее. Однако в изданном полумиллионным тиражом учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» (М., 1958) о нем сказано было весьма скупо и неопределенно. Даже не упомянут основной докладчик Г.М. Маленков, не сказано о присутствии на съезде Сталина.

В новейшем учебнике истории России для 11 класса (2007) сказано: «В последние годы жизни И.В. Сталина нормы внутривластной демократии перестали соблюдаться даже формально. Не созывались заседания руководящих органов партии. 13 лет не проводились ее съезды. Лишь в 1952 г. состоялся XIX съезд ВКП(б). Съезд утвердил новое название партии. Она стала называться Коммунистической партией Советского Союза (КПСС)». Только и всего!

Почему же советская партийная пропаганда стала замалчивать материалы съезда. Почему на них не обратили должного внимания? Ответ, как мне представляется, может быть один: с хрущевских времен и до настоящего времени власть в СССР, а затем в Российской Федерации захватили представители того самого социального слоя, против которого ополчился Сталин. ■

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ

В начале 1920-х гг. руководство СССР контролировало ситуацию в стране и за рубежом следующим образом. Информация о положении в иностранных государствах поступала по пяти основным линиям: Народный комиссариат по иностранным делам; ОГПУ (Иностранный, Восточный и Контрразведывательный отделы); Разведывательное управление Штаба РККА; структуры Коминтерна; Спецотдел при ОГПУ. Обстановка внутри страны контролировалась тремя структурами: Секретариат ЦК РКП (б) (партия), Секретариат ЦИК СССР (Советы) и ОГПУ. Ситуация в Красной Армии и на Флоте отслеживалась по линии Реввоенсовета, Штаба РККА и Народного комиссариата по военным и морским делам, ее также контролировали военные комиссары Политического управления РККА и сотрудники особых отделов. За личную

безопасность руководства ЦИК и СНК СССР отвечали Специальное отделение ОГПУ и Комендатура Московского Кремля Наркомата по военным и морским делам.

Основными врагами руководства СССР были представители свергнутых классов Российской империи, либеральных и социалистических партий, выступавшие против монополии РКП (б) на власть. С окончанием Гражданской войны угроза свержения советской власти со стороны большинства контрреволюционных движений была значительно снижена, но не исчезла. Оказавшиеся в эмиграции представители указанных политических сил не отказались от попыток реванша. Они имели политическую, экономическую, информационную и военную поддержку от правительств и специальных служб ряда иностранных государств и идеологически считали себя обязанными

стремиться к свержению власти РКП (б) всеми доступными способами.

17 января 1922 г. в Берлин прибыл К. Б. Радек. По линии ИККИ он вел консультации с лидерами II Интернационала по вопросу о единстве действий в рамках единого рабочего фронта и выяснял положение дел в КПГ. По линии НКВД вел переговоры по подписанию советско-германского соглашения до начала международной конференции по экономическим и финансовым вопросам в Генуе. Кроме того, он проводил секретные переговоры с командующим рейхсвером Г. фон Сектом по вопросам военно-технического сотрудничества Германии и РСФСР. Для практической реализации военно-технического сотрудничества в Германии была создана секретная «Зондергруппа Р», в нашей стране называвшаяся ВОГРУ («военная группа»). Примечательно, что

▲ Г. фон Сект

▲ Радек К.

переговоры о военно-техническом сотрудничестве с буржуазным правительством Веймарской республики вел человек, который постоянно участвовал во всех проектах по свержению этого самого правительства.

В конце 1921 — начале 1922 г. И.А. Пятницкий лично объехал основные зарубежные нелегальные коминтерновские резидентуры (пункты связи) в Австрии, Германии, Италии, Латвии, Литве и Польше. По итогам поездки он подготовил доклад о положении дел и провел реорганизацию центрального аппарата Отдела международной связи, пунктов связи на территории РСФСР и за рубежом с целью совершенствования конспирации.

В связи с окончанием Гражданской войны постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Председателем ГПУ был нарком внутренних дел Ф.Э. Дзержинский. В состав Секретно-оперативного управления (СОУ) ГПУ (В.Р. Менжинский) входили: Секретный (СО; Т.П. Самсонов), Особый (ОО; Г.Г. Ягода), Иностраный (ИНО; С.Г. Могилевский, с мая — М.А. Трилиссер), Восточный (ВО; 2 июня, Я.Х. Петерс), Оперативный (ОО; И.З. Сурта), Контрразведывательный (КО; 8 мая, А.Х. Артузов) отделы. Была реорганизована охрана Ленина, начальником группы выездной охраны стал П.П. Пакалн. Заведующим Гаражом особого назначения назначен П.И. Удалов — личный шофер И.В. Сталина.

Важнейшее политическое событие того времени — Генуэзская международная конференция по экономическим и финансовым вопросам (10 апреля — 19 мая 1922 г.). В работе конференции приняли участие представители 29 государств (в том числе РСФСР, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Японии). Это была первая дипломатическая встреча такого уровня РСФСР со странами западного мира. На первом пленарном заседании советская делегация поставила вопрос о всеобщем сокращении вооружений. Однако вопрос

о сокращении вооружений и вопросы урегулирования взаимных финансово-экономических претензий на конференции не были разрешены. В ходе конференции 16 апреля Германия и РСФСР заключили Рапалльский договор, означавший признание Германией советского правительства де-факто.

Обеспечение безопасности членов советской делегации на Генуэзской конференции было одной из наиболее важных задач специальных структур ИНО ГПУ и Коминтерна. Во-первых, угроза исходила от эмигрантских организаций, таких как «Союз защиты родины и свободы» Б.В. Савинкова. Во-вторых, опасность представляли боевые отряды фашистов, не всегда контролировавшиеся руководством партии. Агентам коминтерновских разведслужб удалось установить, что Савинков путем личных связей пытается под чужой фамилией внедриться в охрану советской делегации в г. Санта-Маргарита. Эта информация позволила 19 апреля арестовать лидера эсеровских

террористов руками итальянской полиции. В результате группа Савинкова оказалась нейтрализована. Для охраны членов советской делегации и мест их проживания были задействованы боевики ряда европейских коммунистических партий, в первую очередь итальянской. Одним из тех, кто выполнял задачу охраны советских дипломатов на конференции, был сотрудник боевой организации Коминтерна Р.Л. Бартини.

Отметим, что значительная (если не основная) часть резидентов и разведчиков, работавших на Иностранном отделе ГПУ и Разведывательное управление РККА в 1920–1930-х гг. («эпоха великих нелегалов»), начинали карьеру по линии Коминтерна. Р. Зорге, Л. Треппер, Ш. Радо, А. Дейч, И. Григулевич, В. Фишер, А. Шнез и другие убежденные сторонники коммунизма стали высокопрофессиональными разведчиками по идеологическим соображениям. Да и после того, как многие коминтерновские нелегалы продолжили работать на специальные службы

▲ Савинков

▲ Уншлихт

СССР, некоторые из них продолжали оставаться доверенными лицами Особого сектора ЦК ВКП (б).

Со стороны ИККИ контакты с разведками ГПУ и РККА осуществлялись по линии Оргбюро И. А. Пятницким. Одним из направлений сотрудничества было снабжение сотрудников советских разведок заграничными документами, добыть или изготовить которые отечественные спецслужбы не могли. Но контакты между разведками и ИККИ в начале 1920-х гг. не были «улицей с односторонним движением». Обе разведки, получив сведения, интересующие Коминтерн, информировали о них руководство ИККИ. Например, летом 1922 г. было реализовано сообщение берлинской резидентуры о возможной утечке информации.

«Согласно секретному полицейскому сообщению, – пишет резидент советской разведки в Берлине в июле 1922 г., – один из деятелей лейпцигского отделения коммунистической партии, некто Дорнге́йм,

находится в постоянных отношениях с одним осведомителем немецкой полиции. Дорнге́йм, не зная о полицейских функциях вышеназванного осведомителя, информирует его о жизни партии и ее политических планах».

Буквально через несколько дней руководитель ИНО Трилиссер сообщает об этом факте Пятницкому, и ИККИ вовремя принимает соответствующие меры безопасности».

Разведка и внешняя контрразведка являлись частью конспиративной деятельности советских спецслужб и специальных структур ИККИ. С весны 1922 г. совместная секретная деятельность была направлена на разложение вооруженных сил белой эмиграции, организацию военной работы компартий в нелегальных условиях, подготовку вооруженных восстаний и обучение национальных партийных кадров в военной и военно-специальной областях знаний.

12 мая 1922 г. в Москве под председательством И. С. Уншлихта состо-

ялось очередное (протокол № 10) строго секретное (гриф «хранить наравне с шифром») совещание. На нем рассматривались вопросы: о пограничной охране (п. 1), об активной разведке (п. 2), о работе во врангелевских частях (п. 3), о партизанских отрядах (п. 4). Постановили:

«I. 1) Признать несение Пограничной охраны на ближайшее время исключительно агентурным путем невозможным.

2) Признать необходимым для несения Пограничной охраны создание специального корпуса, который должен находиться в ведении Госполитуправления.

3) Окончательную разработку вопроса о порядке формирования особого корпуса по охране границ, а также об обеспечении при формировании интересов военного ведомства в случае боевых действий поставить дополнительно на разрешение Госполитуправления и Реввоенсовета.

II. 1) Продолжать в дальнейшем подготовительную работу. Принять все меры, чтобы аппарат активной разведки не разлагался. Признать одной из задач активной разведки выявление настроений местного населения и в случае стихийных движений взятие на себя руководство ими по соглашению с местными парторганами.

2) Считать необходимым значительно усилить организационную работу активной разведки на территории Румынии.

III. 1) Признать необходимым вести работу во врангелевских частях в направлении разложения врангелевской армии и уничтожения ее как организованной силы.

2) Выдвинуть вопрос о необходимости издания дополнительного акта об амнистии для врангелевцев наподобие украинской. Для всесторонней разработки этого вопроса создать специальную комиссию из представителей ЦК РКП, РВСР, ГПУ и НКВД.

IV. 1) Признать необходимым сохранение существующей сети партизанских отрядов, принять меры против разложения и для полного

обеспечения их необходимыми материальными средствами».

Председатель совещания И. С. Уншлихт являлся координатором специальной закордонной работы от Политбюро ЦК РКП (б) и Исполкома Коминтерна и одновременно (с апреля 1921 г.) заместителем председателя ГПУ. Все присутствовавшие на совещании, каждый по своей линии, имели отношение к организации «мировой революции» в европейских странах. ГПУ на совещании представляли: начальник Секретно-оперативного управления и (по совместительству) начальник Особого отдела В. Р. Менжинский, его заместитель Г. Г. Ягода, помощник начальника Особого отдела А. Х. Артузов и Ф. В. Патаки. От руководства Западным фронтом, основным театром возможных военных действий которого были Польша и Германия, присутствовали И. А. Апетер и Р. А. Мулевич. От Украины (юго-западное направление: Румыния, Болгария, Венгрия) – М. В. Фрунзе и А. И. Корк. Юго-восточное направление (Турция, Палестина, Персия, Афганистан) представлял Г. А. Трушин. Руководство РККА — начальник Разведупра А. Я. Зейбот и комиссар Главного управления Рабоче-Крестьянского Красного Флота (Главвоздухофлот) А. П. Онуфриев.

В 1922 г. расквартированные в Болгарии и Югославии войска армии Врангеля представляли угрозу не только для Советской России, но и для возможного коммунистического переворота в Болгарии. Поэтому работа по разложению белой армии и уничтожения ее как организованной силы была приоритетной для всех структур ИНО ГПУ — ОГПУ, РУ РККА и ИККИ, действовавших на Балканах. Белая армия в военном плане была достаточно серьезной силой. Наиболее вероятно, что именно присутствие организованной военной силы белогвардейцев не позволило БКП совершить вооруженное восстание в стране в 1922 г.

Осенью 1922 г. создается одна из первых секретных комиссий ИККИ. 25 сентября внесены предложения по организации постоян-

ной Комиссии при Коминтерне для изучения вопросов международной гражданской войны. Целью работы комиссии являлся централизованный сбор, изучение и письменное изложение политического и организационного опыта компартий в их вооруженных боях с буржуазией. На основании изучения тактических проблем гражданских войн следовало разработать соответствующие предложения в политической и организационной областях. Предусматривалась литературная обработка всех соответствующих материалов для воспитательных и пропагандистских целей секций Коминтерна. Задачами комиссии были:

«1. Собрание соответствующего материала, добывание его, письменное изложение; там, где его (материала) нет, — по устным докладам.

2. Организация военно-политической библиотеки с архивом, возможно, по пути присоединения к более обширному научному институту в Москве (Институт Маркса и Энгельса).

3. Использование наличного материала путем издания памятных сборников об опыте и учении военно-политической работы, их развитие до сих пор по отношению к идеологической подготовке и организационному проведению в различных коммунистических партиях до, во время и после вооруженных боев с контрреволюцией.

4. Сводка важнейшего опыта относительно организации и организационного слияния участвующих в боях красных объединений (Красная гвардия и армия) до и во время первой фазы пролетарской диктатуры. Собрание воззваний, циркуляров, инструкций, приказов красных командиров.

5. Специальные военные критические статьи о решающих боях в период вооруженного восстания или обороне. Печатная сводка литературы и инструкций о тактике гражданской войны.

6. Ссылка на подобную литературу противника и собрание соответствующих выдержек его легальных и нелегальных источников организо-

ванной вооруженной власти. Критика книг деятельности и личности выдающихся реакционных военных вождей.

7. Разработка инструкций и предложений по вопросу о военно-политической работе, критика нелегальной подготовительной работы каждой данной партии, с особым обращением внимания на организационное строительство сети связи и осведомления как организационной предпосылки правительства».

Если в 1922 г. ИНО ГПУ, РУ РККА и ИККИ наибольшее внимание уделяли реализации стратегических планов «мировой революции», то сотрудники Особого, Контрразведывательного и Секретного отделов занимались борьбой с антисоветскими элементами в РСФСР и за рубежом. Для этого они использовали в своей работе специально образованные, легендированные, якобы подпольные антисоветские организации. По одной из версий, идея создания таких организаций принадлежала бывшему товарищу министра внутренних дел Российской империи В. Ф. Джунковскому. Полагая, что розыск отдельных террористов и контрреволюционеров является малоэффективным, он предложил дезинформировать противника.

Смысл дезинформации заключался в создании ложных подпольных антисоветских организаций. В учебном пособии ВЧК — ОГПУ «Азбука контрразведчика» дано следующее определение легенды: вымысел, сообщаемый кому-либо, чтобы увеличить интерес к агенту и дать понять, что он или его «друзья» связаны с контрреволюционной организацией (существующей лишь в воображении). К легенде прибегали, чтобы вынудить противника искать контакт с вымышленной организацией.

Целью операций с участием легендированных подпольных организаций являлись следующие задачи: остановить акты массового терроризма со стороны эмиграции; дезинформировать спецслужбы иностранных государств; отвлечь силы и средства

эмиграции и иностранных спецслужб на контролируемые операции.

Именно в 1922 г. чекисты дебютировали в двух наиболее известных операциях: «Трест» и «Синдикат-2». В операции участвовала мнимая «Монархическая организация Центральной России», ее деятельность направлялась против правого крыла эмиграции и ее покровителей в иностранных спецслужбах. Целью второй операции были левые антибольшевистские организации и их заграничные спонсоры. В обоих случаях чекисты получали выход на границу и антисоветское подполье в России (затем СССР), что давало широкие возможности для оперативной игры, передачи дезинформации и в конечном счете дезавуированию ключевых фигур враждебных организаций.

11 декабря 1922 г. при Оргбюро ИККИ создается Организационный отдел (И.А. Пятницкий), а при нем — Постоянная комиссия по работе в армии; ее возглавил Ф.Ф. Раскольников (псевдоним Ф. Петров). В первый состав комиссии вошли: В. Миц-

кевич-Капсукас, И.С. Уншлихт и О. Гешке. Основными направлениями деятельности комиссии являлись: антимилитаристская работа в армии и на флоте в капиталистических странах; пропаганда революционной вооруженной борьбы (вооруженного восстания); организация пролетарской самообороны и борьба против провокаций; организация подготовки национальных военных кадров зарубежных компартий через военные и военно-специальные учебные заведения в СССР.

Несколько позже (официально — 19 декабря 1922 г.) при Орготделе была создана Постоянная нелегальная комиссия. Ее членами стали: начальник ИНО ГПУ М.А. Трилиссер, И.А. Пятницкий, Г. Эберлейн (псевдоним Альберт), Э. Прухняк (псевдоним Вебер). Отдел международной связи был представлен в комиссии П. Вомпе. В феврале 1923 г. вместо выбывших Эберлейна и Прухняка в состав комиссии вошли В. Мицкевич-Капсукас и секретарь ЦК РКП (б) Е.М. Ярославский. Постоянная нелегальная комиссия выясняла наличие

в тех или иных странах нелегальных партийных организаций коммунистической направленности, боевых партийных отрядов или групп, методы нелегальной работы (в том числе в армии), организацию конспиративной связи; занималась подготовкой нелегальных типографий и явок, давала рекомендации по организации нелегальной работы; вела наблюдение за белогвардейскими и фашистскими организациями.

Мы специально упомянули об официальной дате создания Постоянной нелегальной комиссии. В материалах комиссии есть упоминание, что в январе 1923 г. на первом ее заседании Трилиссер ознакомил коллег с проведенной до этого конспиративной работой, подробности которой не приводятся. Можно предположить, что он проинформировал собравшихся о некоторых аспектах нелегальной работы за рубежом за период с 1918 г. Мы упоминали о создании на территории Западной Белоруссии нелегальной военной организации. Деятельность ее боевых отрядов именовалась «активной

▲ Трилиссер

▲ Пятницкий

разведкой». Большинство современных специалистов по истории спецслужб СССР считают, что нелегальная боевая работа в Польше и некоторых других странах была организована по линии Разведывательного управления РККА или Иностранного отдела ВЧК — ГПУ — ОГПУ.

Документы архива Коминтерна показывают, что конспиративная деятельность, связанная с подготовкой и практической боевой работой нелегальных военных организаций на территории иностранных государств, в 1920–1930-е гг. осуществлялась вначале по линии Федерации иностранных групп РКП (б), а затем по линии постоянных и временных комиссий ИККИ. Не случайно член РВСР и заместитель председателя ГПУ И. С. Уншлихт, начальник Разведывательного управления РККА Я. К. Берзин, начальник Иностранного отдела ГПУ — ОГПУ М. А. Трилиссер и некоторые другие руководители специальных служб СССР являлись членами специальных комиссий Коминтерна. А сотрудники особых структур ИККИ в свою очередь действовали в тесном контакте с органами ВЧК — ГПУ — ОГПУ и Разведывательным управлением РККА.

Таким образом, создавалась взаимодополняющая система, когда одни и те же люди «до обеда» числились в одной организации, а «после обеда» — в другой. Создание такой системы позволяло высшему партийному руководству пользоваться достижениями «формальных» спецслужб и в то же время не допускать их до принятия стратегических решений по особо важным межпартийным и международным вопросам. Многие профессионалы специальных служб — большевики с дореволюционным стажем и опытом нелегальной работы — негласно и «неназойливо» совмещали важнейшие посты в различных организациях, создавая партийную касту особо доверенных лиц.

Одной из важнейших программ стало создание международных структур, выполнявших роль «крыши» как Коминтерна, так и советских

спецслужб и являвшихся инструментом проведения «активных мероприятий» в интересах международного рабочего движения и Советской России (СССР). Первым на правах секции Коминтерна создан Коммунистический интернационал молодежи (КИМ; ноябрь 1919 г.). Наиболее крупная организация — Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн; июль 1921 г.). Кроме того, были организованы: Красный спортивный интернационал (Спортинтерн; июль 1921 г.), Международная организация рабочей помощи (Межрабпом; сентябрь 1921 г.), Международная организация помощи борцам революции (МОПР; декабрь 1922 г.), Международный крестьянский совет (Крестинтерн; октябрь 1923 г.).

После образования СССР (30 декабря 1922 г.) в системе органов безопасности произошла очередная реорганизация: ГПУ при НКВД РСФСР преобразовали в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Операции «Трест» и «Синдикат-2» успешно продолжались, осуществлялось медленное, но эффективное внедрение сотрудников ОГПУ в антисоветские структуры в стране и за рубежом. В 1923 г. особое внимание в Коминтерне и спецслужбах СССР уделялось тем странам, в которых осложнялась внутривнутриполитическая обстановка: Италия, Германия, Болгария, Югославия, Венгрия, Чехословакия и ряд других.

С 1923 г. (после прихода к власти Муссолини) «засвеченные» активисты КП Италии (в том числе участники боевых дружин), имевшие навыки и опыт нелегальной работы, выводились в СССР и затем становились сотрудниками специального аппарата ИККИ или советских разведслужб. Наиболее засекреченных сотрудников Нелегального бюро КПИ переориентировали на разведывательную работу в интересах СССР. Работы итальянских инженеров в 1920–1930-е гг. (особенно в области авиации и судостроения) были в числе передовых мировых разработок. Итальянская резидентура ИККИ не только успешно действовала в самой Ита-

лии, но и добывала сведения о сопредельных странах. Многие агенты Коминтерна из Италии впоследствии работали в Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Турции, Франции, Чехословакии, Швейцарии и Югославии. Планомерная нелегальная деятельность Коминтерна в Италии принесла свои плоды через двадцать лет, во время партизанской борьбы против диктатуры Муссолини и немецких оккупационных войск.

Мы считаем колоссальным провалом ИККИ, ИНО ОГПУ и РУ РККА мятеж 9 июня 1923 г. в Болгарии. Сотрудники этих структур не сумели проникнуть в планы заговорщиков (в том числе белогвардейцев), свергнувших демократическое правительство А. Стамболийского. Вскоре после переворота правительство Болгарии нанесло удар по миссии Российского общества Красного Креста, в составе которой было много замаскированных сотрудников советской разведки. Всего подверглись высылке от 350 до 400 человек, по болгарским данным, и 687 — по советским. В конечном счете путч привел Болгарию в объятия нацистской Германии.

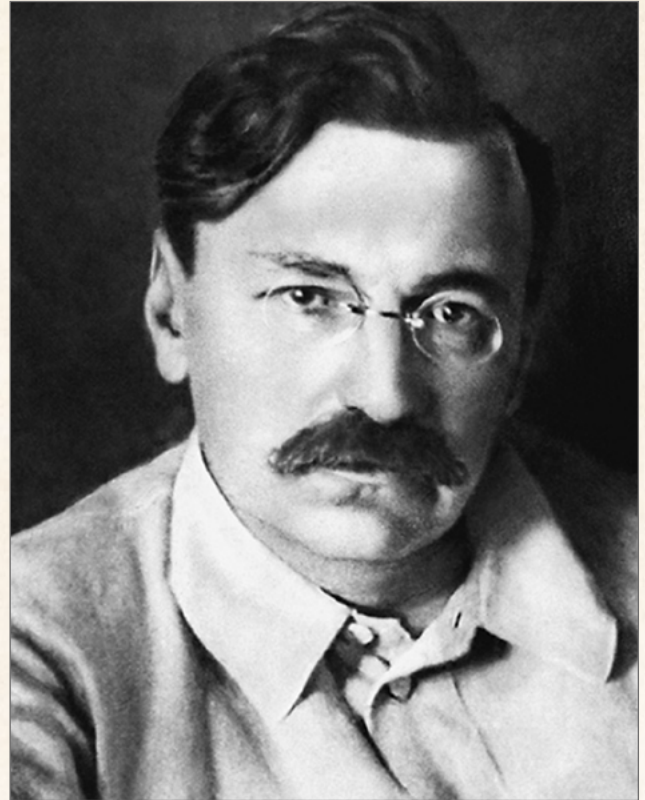
Несмотря на неудачи, работа коминтерновских структур, политической и военной разведок не прекращалась в сопредельных странах. Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия ранее входили в состав Российской империи и имели с СССР общую границу, поэтому военноконспиративная деятельность ИККИ носила пограничную специфику. Суть ее заключалась в организации на советской стороне специальных пунктов (коридоров) перехода государственной границы. Через эти пункты, создаваемые конспиративно на участках погранзастав с особо доверенными командирами, осуществлялась переправка людей и грузов в обоих направлениях. Но, поскольку органы пограничной охраны находились в ведении ОГПУ, вопроса межведомственного взаимодействия избежать не удалось.

Например, финские коммунисты, осуществлявшие нелегальную связь с Бюро КПФ в Финляндии, маскировались под контрабандистов. Есте-

▲ Артузов

▲ Менжинский

ственно, что для этого требовалась переноска определенного количества товаров, пользующихся спросом в приграничной полосе как Финляндии, так и СССР. В свою очередь, руководство погранохраны хотело, чтобы обо всех случаях переноса «контрабанды» оно было проинформировано заранее. Если информации не поступало, «контрабандисты» подвергались задержанию. Выполнение требований пограничников вело к увеличению переписки (практически ежедневно) и, соответственно, снижению уровня конспирации. Вопрос о продолжении пограничной работы финскими коммунистами (и не только ими) решался на самом высоком уровне в ИККИ, ЦК РКП (б), РВС и ОГПУ. В итоге пограничная работа по военной линии Коминтерна и активной разведки РККА (иногда трудно отделить одно от другого) была продолжена.

На территории Польши, которая в 1923 г. рассматривалась в качестве одного из основных потенциальных агрессоров, военно-конспиративная деятельность развивалась одновре-

менно по линии РУ РККА и Коминтерна. Главным куратором обеих линий был И. С. Уншлихт. Наибольшую известность получили партизанские отряды С. А. Ваупшасова и К. П. Орловского, под которые маскировались группы «активной разведки» РУ РККА.

Основной задачей «активной разведки» являлось обеспечение безопасности приграничной полосы СССР путем проведения диверсионно-террористических операций на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Эти операции были ответом на аналогичные операции диверсионных групп Российского политического комитета Б. В. Савинкова, отрядов Народно-добровольческой армии С. Н. Булак-Балаховича и 3-й Российской армии Б. С. Пермикина.

Кроме того, согласно концепции «полевой революции», действия партизанских отрядов должны были стать примером в деле организации массового вооруженного сопротивления польским властям со стороны национальных меньшинств. По за-

мыслу организаторов отдельные диверсионно-террористические акции постепенно перерастали в массовое партизанское движение на западно-белорусских и западно-украинских землях. Итогом партизанского движения становилось «всенародное восстание» белорусов, евреев, литовцев, украинцев против польских панов и воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с СССР. Кадровый костяк партизанских отрядов в основном состоял из боевиков левых польских партий, в том числе и агентов Коминтерна.

Главной задачей ИККИ в 1923 г. являлось обеспечение успеха планировавшейся революции в Германии. Для этого следовало не допустить, чтобы польские войска смогли участвовать в подавлении вооруженных выступлений германского пролетариата. Легальные резидентуры ИККИ, РУ РККА и ОГПУ, действовавшие под «крышей» полпредства СССР в Варшаве, вели интенсивную разведку в вооруженных силах и государственных учреждениях Польши. Опорой советских разведслужб в Польше

были польские коммунисты-коминтерновцы.

Сотрудник советского полпредства Г.З. Беседовский, ставший впоследствии невозвращенцем, в своих мемуарах писал:

«В это время, то есть в первой половине 1923 г., во главе отдела ЧК и военной разведки при посольстве стоял Мечислав Логановский. Это был поляк по происхождению, бывший член Польской социалистической партии, перешедший затем к коммунистам. Во время Гражданской войны Логановский отличился на фронте, имел орден Красного Знамени и пользовался личным расположением Дзержинского. Дзержинский, любивший окружать себя польскими коммунистами, предложил Логановскому перейти на работу в Чека, и Логановский принял предложение. Одновременно с этим он принял также предложение Уншлихта быть резидентом Разведывательного управления (Разведупра) в Польше. Эта работа давала Логановскому большое политическое влияние, так как Уншлихт руководил тогда не только военной разведкой, но и польской секцией Коммунистического Интернационала. От Уншлихта, а не от Наркоминдела зависело направление советской политики в отношении Польши.

Логановский был человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости. Человеческая жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Он готов был принести в жертву тысячи жизней, чтобы добиться выполнения какой-либо, иногда чисто технической, директивы. Помощником Логановского по отделу Чека являлся Казимир Кобецкий, тоже поляк по происхождению и бывший член Польской социалистической партии. Кобецкий значительно уступал Логановскому по политическому развитию и по уму, но зато был блестящим техником, и недаром польская газета „Курьер червонный“ назвала его в одной из статей о советском шпионаже в Польше „королем шпионов“. Основной специальностью Кобецкого являлась вербовка агентуры

вовне посольства. Несмотря на свое официальное положение (Кобецкий, как и Логановский, был секретарем миссии), он работал вовне под разными вымышленными фамилиями, и надо было обладать действительно блестящими способностями, чтобы вести такую двойную жизнь. Информация Кобецкого была поставлена блестяще. Он имел десятки осведомителей во всех слоях польского общества и еженедельно посылал в Москву обстоятельнейший доклад о внутреннем политическом положении Польши. Для этого доклада Кобецкий, впрочем, лишь систематизировал сырой материал, который обрабатывался вторым помощником Логановского — Карским (Тыщуком по кличке).

Карский был, несомненно, крупным политическим работником. Типичный интеллигент, вечно бегающий с книжкой или газетой в руке, близорукий и рассеянный, он был похож на учителя провинциальной школы. Он обладал большими политическими знаниями, много работал над собой, прекрасно разбирался во внутренней польской обстановке, знал всех политических лидеров со всеми их достоинствами и недостатками. Карский считался в Чека „кабинетным“ работником, и к нему относились поэтому несколько свысока. Оперативная работа ему никогда не поручалась, лишь изредка, когда Кобецкий бывал занят, Карский ходил в город на свидания с информаторами, но при этом у него бывал такой растерянный, перепуганный и вместе с тем таинственный вид, что за несколько километров можно было догадаться, что он идет на конфиденциальное свидание. <...>

По линии военной разведки Логановский имел в качестве помощника офицера красного Генерального штаба Еленского. Еленский прекрасно наладил разведку, пользуясь услугами коммунистов-рабочих на железных дорогах, заводах и фабриках и работой Союза коммунистической молодежи в армии. Главной опорной базой его работы был Данциг. Там, на территории вольного города, работали в то время военные разведки

нескольких стран, и там же устроил свою главную квартиру Еленский. Польские граждане ездили в Данциг без виз. Это создавало большие удобства в работе агентов Еленского, ездивших в Данциг как в польский город и в то же время гарантированных на его территории от посягательств польской полиции».

Поскольку основным координатором отечественных спецслужб в Польше был Уншлихт, очень трудно сказать, какая линия (ИККИ, РУ РККА, ИНО ГПУ — ОГПУ) была в деятельности М. Логановского и его сотрудников основной. По нашему мнению, сотрудничество военной и внешней разведок и Коминтерна по многим операциям 1920–1930-х гг. было теснейшим. Сотрудник ИНО ОГПУ Г.С. Агабеков, оставшийся в 1930 г. на Западе, в своих мемуарах о работе советской политической разведки писал:

«Почти до 1926 года отношения между ОГПУ и Коминтерном были самые дружеские. Начальник иностранного отдела Трилиссер был большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого, и оба учреждения находились в теснейшей деловой связи. Да иначе и быть не могло, так как ОГПУ ведет работу за границей по обследованию контрреволюционных организаций, в которые входят все русские и иностранные антибольшевистские партии, начиная от социал-демократов и IV Интернационала и кончая фашистами. Этим материалом ОГПУ, естественно, должно делиться с Коминтерном, чтобы облегчить ему работу в борьбе с враждебными коммунизму влияниями. Кроме того, в иностранных компартиях, в особенности в восточных странах, имеется большой запас провокаторов, борьбу с которыми и выявление которых взяло на себя ОГПУ, так что, повторяю, деловая связь между ОГПУ и Коминтерном неизбежна.

На местах, за границей, эта связь, однако, приняла совсем другой характер. Резиденты ОГПУ, поддерживающие связь с представителями Коминтерна за границей, пошли

по линии наименьшего сопротивления в своей работе. Вместо того чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, они стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации».

В первой половине 1923 г. военное крыло КП Польши приступило к организации диверсионно-террористических акций против своих политических противников. Предполагалось, что эти акции приведут к нарастанию революционной борьбы пролетариата. Боевую организацию («боёвку») возглавили офицеры-коммунисты поручик В. Багинский и подпоручик А. Вечоркевич. Период весны — осени 1923 г. журналисты назвали «бомбовым периодом». Тактика диверсантов была основана на принципе «маятника», т. е. имитировала действия двух террористических организаций, направленные друг против друга. С определенной периодичностью взрывы самодельных бомб происходили в помещени-

ях то правых, то левых общественных организаций и газет. Было несколько неудачных попыток покушений на Ю. Пилсудского, до 1922 г. «директора» Польского государства, который в то время находился в тени. Для 2-го отдела польского Генштаба (контрразведка) и Варшавской политической полиции поиск и обезвреживание террористов были приоритетной задачей. Используя агентуру в армии, польские спецслужбы сумели к сентябрю 1923 г. задержать некоторых членов коминтерновской «боёвки».

В августе 1923 г. Постоянная нелегальная комиссия ИККИ поручила Е. М. Ярославскому подготовить брошюры «О военной организации РКП в 1905–1906 годах» и «О военной организации РКП в 1917 году». В сентябре на заседании комиссии отмечена необходимость обратить особое внимание на меры предосторожности как в ИККИ, так и в компартиях различных стран. Дело в том, что в 1923 г. в Германии велась подготовка силового захвата власти, приуроченная к 5-й годовщине Ноябрьской революции (9 ноября 1918 г.). В Болгарии также проводилась аналогичная

работа. По просьбе немецких коммунистов ИККИ направил в Германию своих эмиссаров; в так называемую четверку вошли высшие функционеры РКП (б): К. Б. Радек, Г. Л. Пятаков, В. В. Шмидт, Н. Н. Крестинский. Интернациональный десант насчитывал не один десяток военных и гражданских советников. Уншлихту и Берзину поручили создать и вооружить «красные сотни», которые должны были осуществить революцию и, создав нечто вроде немецкого ОГПУ, бороться с контрреволюцией.

Однако массовых выступлений немецких рабочих и болгарских крестьян не произошло. В сентябре 1923 г. потерпело поражение восстание в Болгарии, организованное ЦК БКП против правительства А. Цанкова. Выступление части рабочих Гамбурга также было подавлено рейхсвером. В это же время случился крупный провал Военной организации КП Германии (*Militarische Organisation*) которую возглавлял П. А. Скобелевский (псевдонимы Гельмут, Володька, Вольф). Многие ее руководители были обвинены в создании террористической «груп-

▲ Ярославский

▲ Пятаков Г.Л.

пы ЧК», арестованы и преданы суду. Группа Скобелевского предназначалась для ликвидации провокаторов в рядах партии, а также для организации террористических актов против видных политических деятелей, в том числе генерала Г. фон Секта.

Надежды на скорую революцию в Европе рассеялись, сократились и ассигнования Коминтерна, поэтому работа нелегальных военных организаций была перестроена. При ИККИ создаются курсы для военной подготовки нелегалов из числа иностранных граждан. Работа курсов строилась с учетом острой нужды в высокопрофессиональных кадрах в военно-специальной деятельности на основе международного и собственного — РКП (б) — опыта подпольной работы. Вероятно, решение о планомерной специальной подготовке иностранных

коммунистов было принято в связи с изменением стратегической линии Коминтерна и переходом от немедленного штурма к планомерной осаде буржуазных стран.

С ноября 1923 г. за безопасность высшего руководства СССР (личную охрану) отвечало Специальное отделение при коллегии ОГПУ, его руководителем был А. Я. Беленький. В основном оно занималось обеспечением безопасности Ленина. После смерти вождя функции отделения были несколько изменены, и Беленький охраной руководителей партии и государства заниматься перестал. На территории Кремля охрану осуществляло Управление коменданта Московского Кремля, которое с апреля 1920 г. возглавлял Р. А. Петерсон. Управление находилось в составе Народного комиссариата по воен-

ным и морским делам. Курировал комендатуру секретарь Президиума ВЦИК РСФСР (затем СССР) А. С. Енукидзе. С 1924 г. руководителей советского государства обслуживал Гараж особого назначения. В июле 1924 г. на базе отряда ОСНАЗ сформирована Дивизия особого назначения при Коллегии Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), получившая в дальнейшем имя Ф. Э. Дзержинского. Первым командиром-военкомом дивизии был назначен П. Г. Кобелев.

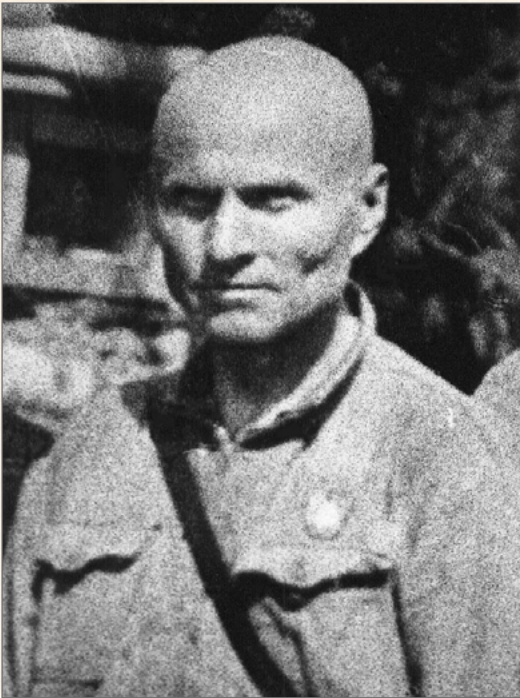
С 1924 г. в системе безопасности Советского Союза основной структурой, отвечавшей за борьбу с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом и охрану границ, являлось ОГПУ. Сотрудники Секретно-оперативного управления ОГПУ добывали, обобщали, анализировали и реализовывали информацию о внешних и внутренних угрозах. Защиту СССР от интервенции и вторжения контрреволюционных войск обеспечивали Вооруженные силы. Для борьбы с вооруженными отрядами оппозиции внутри страны привлекались ЧОНЫ, войска ОГПУ и подразделения Красной Армии. Реализация стратегических замыслов (победа пролетариата в других государствах) осуществлялась через Коминтерн.

С 1924 г. началось планомерное обучение функционеров иностранных компартий конспиративным, военным и военно-специальным знаниям и навыкам в рамках специальных школ и курсов ИККИ; названия подавляющего большинства этих школ до сих пор засекречены и в обозримом будущем раскрытию не подлежат. Формально эти учебные заведения подчинялись Отделу кадров ИККИ, но обучение контролировалось Орготделом и Отделом международной связи. Так, например, Центральная военно-политическая школа размещалась под Москвой в поселке Баковка, а ее филиалы (пункты, точки) были разбросаны по совершенно неприметным населенным пунктам либо функционировали (конспиративно) внутри структур, казалось бы, непричастных к разведке организаций. При шко-

▲ Беленький

▲ Орловский К.П.

▲ Петерс

ле работали различные спецкурсы. Курсанты изучали методы выявления слежки и ухода от нее; приобретали навыки пользования шифрами, кодами, симпатическими чернилами и т. п.; проходили стрелковую подготовку из всех видов стрелкового оружия, включая большое количество автоматических стрелковых устройств, намного опередивших конструкторские идеи своего времени; знакомились с методами работы полиции по разработке подпольных организаций; изучали иные специальные дисциплины.

Вопрос о переходе к партизанским действиям (как тактическую необходимость) поднял в апреле 1924 г. в своих сообщениях в Центр представитель Коминтерна в Болгарии И. Л. Джевалтовский. Изучение его сообщений позволяет предположить, что Джевалтовский в молодости был не просто членом Польской партии социалистов, но и членом ее «боёвки».

В 1923–1924 гг. нелегальные военные организации действовали также на территории Югославии (в Сербии и Черногории). На территории Сербии велась нелегальная подготовка болгарских партизан, готовых в слу-

чае начала вооруженного восстания в Болгарии пересечь границу со стороны Югославии.

В Румынии нелегальные военные организации имелись в составе Союза революционных крестьян Бессарабии, Внутренней Добруджанской революционной организации, Буковинской национально-революционной организации.

Весной 1924 г. на территории Западной Белоруссии активно действовали партизанские отряды.

Их операции настолько беспокоили польское правительство, что 9 мая председатель Совета министров Польши издал специальный указ.

В нем за поимку партизанского командира (бандита) Мухи-Михальского, а также за информацию о его нахождении и содействие полиции назначалась крупная денежная награда. Руководство польской контрразведки и полиции не знало, что под псевдонимом Муха-Михальский одновременно действовали несколько партизанских командиров, в том числе и К. П. Орловский. 18 июля 1924 г. партизанский отряд С. А. Ваупшасова разгромил польский полицейский участок в с. Вишнева,

где после боя был созван митинг местного населения. Митинг был посвящен пропаганде о целях партизанской борьбы и призвал население помогать партизанам. В этот же день группа партизан Ф. Яблонского разгромила полицейский отряд в с. Жодишки. На следующий день отряд Ваупшасова занял лесопильный завод в с. Жердели (англо-французская концессия). На этом заводе также был созван митинг заводских рабочих. Затем в междуречье рек Исloch и Березина отряд Ваупшасова разгромил полицейский кавалерийский эскадрон.

30 июля помощник начальника штаба РККА М. Н. Тухачевский направил заместителю наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе докладную записку (гриф «совершенно секретно») с предложением создать при штабе РККА военный орган по проблемам Коминтерна. Тухачевский, в частности, писал:

«Разведупр и Оперупр (оперативное, организационное и мобилизационное управления. – *Примеч. авт.*) должны прорабатывать возможности восстаний, их характер и потребности. Организупр изучало бы необходимые формы военных

организаций в различных странах для восставших. Мобупр учитывал бы пролетарские ресурсы военно-обученных, а также революционного крестьянства. Военно-исторический отдел изучал бы и суммировал опыт революционных восстаний и их подавлений и т. д. В дальнейшем эти зачаточные ячейки, вероятно, разрастутся, но они сейчас положат то необходимое начало по систематизации работы военных вопросов, связанных с политикой Коминтерна, отсутствие которого постоянно дает себя чувствовать».

Военное руководство страны отреагировало на предложение Тухачевского молниеносно. На следующий день (31 июля) состоялось

заседание комиссии Реввоенсовета СССР. Председательствовал Л. Троцкий, присутствовали: И. Уншлихт, М. Тухачевский, Я. Жигур. Слушали доклады Тухачевского и Жигура о программе составления руководства по гражданской войне. Постановили: принять схему организации работ, предложенную Тухачевским, дополнив ее предложениями Жигура.

В начале августа началась работа по переброске оружия, боеприпасов и взрывчатки из СССР в Болгарию. Одним из руководителей этой операции был Х. И. Салнын, ему помогали члены БКП Я. Андонов, Г. Мындев, П. Станев, Н. Попов, И. Винаров, Х. Генчев. Осенью 1924 г. по линии РУ РККА («активная раз-

ведка») и НВО БКП в Болгарии действовало 16 партизанских отрядов (11 коммунистических и 5 анархистских) общей численностью около 300 человек.

В течение весны — лета 1924 г. ЦК КП Эстонии все больше склонялся к тому, что при должной подготовке вооруженное восстание имеет шансы на успех. 3 августа в Таллине компартия провела антивоенную демонстрацию, в которой, несмотря на противодействие полиции, приняли участие более 3 тысяч человек. Этот факт (в числе целого ряда весенних и летних выступлений трудящихся) был воспринят руководством КПЭ как показатель роста революционных настроений пролетариата. ЦК посчитал, что «имеет превосходство над противником» и сможет организовать успешный захват власти в Эстонии. Организационная и военнотехническая подготовка восстания велась с конца весны в условиях строжайшей конспирации. Все документы о восстании составлялись только в зашифрованном виде, на планах и картах не допускалось оставлять пометки. Формирование нелегальных боевых отрядов началось с создания «троек». В составе «троек» входили в основном коммунисты, комсомольцы и особо проверенные беспартийные рабочие. «Тройки» создавались в городах Валга, Выру, Нарва, Пярну, Таллин, Тарту и др., а также в некоторых воинских частях. Старший «тройки» имел связь со связным Военной организации. Параллельно шло накопление оружия и снаряжения.

С апреля по ноябрь 1924 г. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины партизанские отряды провели 80 крупных боевых операций. В ответ на действия партизан в конце 1924 г. польские власти предприняли следующие меры. В восточных районах Польши создали специальную структуру — Корпус охраны пограничья, которому подчинялись все военные и полицейские службы. Органы контрразведки и политической полиции стали интенсивно вербовать и засылать в пограничные районы агентуру. Агентам

▲ Троцкий

поручалось выявить все возможные связи партизан, их базы, склады и т. п. Для борьбы с партизанами привлекались армейские пехотные и кавалерийские подразделения с артиллерией, бронемашинами и бронепоездами. Леса блокировались специальными заградительными отрядами, на всех дорогах устанавливались контрольно-пропускные пункты, на путях возможного движения партизан устраивались секреты и засады. Уже в начале ноября партизанские отряды понесли потери.

К середине ноября подготовка вооруженного восстания в Эстонии вступила в завершающую стадию. Боевые «тройки» были сведены в десятки, из десятков сформировали роты и батальоны. В батальон входило 150–200 штыков. Всего в составе Военной организации КПЭ насчитывалось около тысячи человек, из них в Таллине — около четырехсот. Общее руководство подготовкой восстания осуществлял член ЦК КПЭ Я. Я. Анвельт.

17 ноября на заседании Политбюро ЦК РКП (б) М. В. Фрунзе сделал доклад о положении в Эстонии. Было принято решение оказать КП Эстонии политическую и материальную помощь, для чего создать постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Зиновьева, Чичерина, Фрунзе, Троцкого и Уншлихта «для проверки положения и проведения всех необходимых мер». Одной из таких мер было привлечение эстонских, латышских и финских коммунистов, проживающих на территории СССР (около 10 тысяч активных штыков), для оказания помощи революционному правительству советской Эстонии. Также в Эстонию был направлен ряд сотрудников военной разведки Красной Армии. В их числе был Х. Т. Тумельтау.

К концу ноября 1924 г. подготовка Военной организации КПЭ к вооруженному восстанию в Эстонии была в основном завершена. Одним из катализаторов, ускоривших подготовку к выступлению, стал процесс 149 коммунистов, начавшийся 10 ноября. Согласно плану, восстание

▲ Фрунзе М.В.

должно было начаться в городах Таллин и Пярну, а затем перекинуться на другие населенные пункты. В ходе восстания предполагалось разгромить или нейтрализовать воинские подразделения противника и сразу после овладения Таллином создать революционное правительство Эстонии. Новое правительство объявило бы о восстановлении советской власти и обратилось за помощью к СССР. Овладеть основными стратегическими пунктами Эстонии планировалось в течение суток.

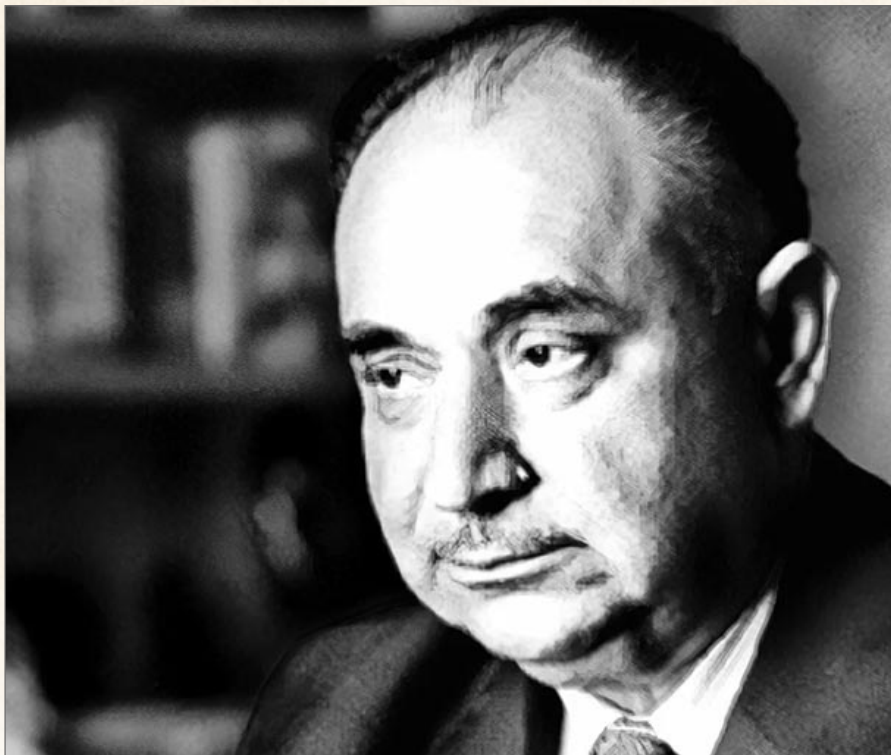
Однако 1 декабря рабочие массы не поддержали восстание, и в течение суток оно было подавлено. Отдельные разрозненные попытки сопротивления продолжались в течение двух недель.

После подавления восстания в Эстонии начался белый террор. В течение трех месяцев были расстреляны несколько сот участников восстания, свыше 2 тысяч человек арестованы. Коммунистическое движение в Эстонии парализовало на полтора десятка лет. В сложной

обстановке пришлось работать и советской разведке, чья деятельность затруднялась не только активностью контрразведки, но и потерей агентурных сетей.

В конце 1924 г. попытки вооруженных выступлений предпринимались и в Польше, где «активная разведка» стимулировала развитие военных организаций компартий Западной Белоруссии (КПЗБ) и Западной Украины (КПЗУ). 30 ноября на II конференции КПЗБ был выдвинут лозунг свержения польского правительства и принято решение о подготовке вооруженного восстания. Руководителем Нелегальной военной организации КПЗБ являлся Л. Н. Аронштам (псевдонимы Якуб Черняк, Артур), работавший в КП Польши. Основную боевую силу западно-белорусской «военки» составляли отряды «активной разведки». Несколько позже аналогичное решение было принято окружной организацией КПЗУ на Волыни. Руководителем волынской парторганизации и идеологом вооруженного

▲ Григулевич И.Р.

восстания являлся П. И. Кравченко, известный польской полиции как Александр Форналь и Рожанский. Начальником штаба военной организации являлся В. И. Крайц (псевдоним Барвиненко). Последним членом «тройки» был Э. С. Ступ (псевдоним Герман). Из членов «военки» началось формирование десятков и сотен. К концу 1924 г. на Волыни «с ружьем у ноги» находились более 3 тысяч членов организации. Однако планам не суждено было сбыться.

В ночь с 7 на 8 января 1925 г. один из партизанских отрядов был прижат польскими войсками к советской границе и с боем прорвался на территорию СССР. При этом партизаны разгромили советскую пограничную заставу у местечка Ямполь. Поскольку часть бойцов отряда была одета в польскую военную форму, советские пограничники решили, что нападение совершило подразделение польской армии. Этот инцидент вызвал резкое неудовольствие военно-политического руководства СССР. Было назначено расследование. 25 февраля по представлению комиссии во главе с В. В. Куйбышевым

Политбюро ЦК РКП (б) принято постановление об «активной разведке». Согласно решению Политбюро, все вопросы организации нелегальной военной работы на территории иностранных государств передавались в ведение ЦК и Коминтерна. Устанавливалось, что: 1) ни в одной стране не должно быть активных боевых групп, руководимых специальными службами СССР; 2) боевая и повстанческая работа должна осуществляться только по линии национальных компартий; 3) РКП (б) и Коминтерн могут осуществлять помощь национальным компартиям по организации работы в армиях их стран и по созданию национальных боевых кадров; 4) в интересах СССР в пограничных странах создаются конспиративные боевые организации (группы), не связанные с компартиями своих стран; 5) в мирное время эти организации готовятся к диверсионной работе на территории своей страны в случае ее нападения на СССР; 6) активизируются они только во время военных действий, а во время революции передаются в распоряжение компартий своих стран.

В марте 1925 г. началось расформирование отрядов «активной разведки» в Польше. ЦК КПЗБ направил всем командирам партизанских отрядов циркуляр с приказом прекратить диверсионные и террористические операции. Члены КПЗБ (в том числе и сотрудники НВО) были обязаны направить все усилия на организацию массовой агитационно-пропагандистской работы среди крестьян. Часть партизан вывели на территорию СССР, часть переехала на новое место жительства в другие районы Польши. Однако, как и на Волыни, польские спецслужбы сумели выявить и арестовать более двух тысяч партизан и подпольщиков.

Аналогичные меры предпринимались Коминтерном и в Болгарии, но было уже поздно. 16 апреля 1925 г. в софийском соборе Св. Воскресения, во время отпевания убитого генерала Георгиева, боевиками из числа болгарских коммунистов был осуществлен мощный взрыв. Целью теракта были члены болгарского правительства во главе с А. Цанковым, присутствовавшие на отпевании. По замыслу организаторов теракта (Военный центр БКП при содействии советников ИНО ОГПУ, РУ РККА и Коминтерна) после ликвидации членов правительства в Болгарии должны были начаться вооруженные выступления рабочих и крестьян. Эти выступления компартии надлежало перевести в вооруженное восстание.

Однако все произошло с точностью до наоборот: погибли около 150 человек, но объекты покушения не пострадали. Болгарские рабочие и крестьяне (в большинстве своем — православные) не только не поддерживали боевиков, но и отреагировали на теракт крайне негативно. Что же касается правительства, то оно отреагировало на теракт мгновенно — сразу после взрыва в Болгарии было введено военное положение. Полиция и спецслужбы начали облавы и аресты всех лиц, заподозренных в коммунистической деятельности, по заранее составленным спискам. Непосредственные участники покушения были казнены, большинство из тех, у кого находили оружие

и взрывчатку, также получали смертные приговоры, сочувствующие компартии арестовывались. Вооруженное восстание было подавлено, не успев начаться. Частично восстановить свои силы БКП сумела только к концу 1930-х гг.

Еще одним негативным последствием взрыва стало решение резидента РУ РККА в Вене (координатор работы на Балканах) В. С. Нестеровича порвать с советской разведкой. Осведомленный об организаторах теракта и его истинных причинах, Нестерович прибыл в Берлин, где предложил французскому консулу в обмен на секретную информацию предоставить ему французский паспорт и беспрепятственный проезд во Францию. Он стал первым сотрудником РУ РККА, оставшимся за границей «из-за политических разногласий с властью», что крайне обеспокоило советское руководство. 6 августа 1925 г. по заданию начальника ИНО ОГПУ М. А. Трилиссера Нестерович был отравлен боевиками из состава военного аппарата КПГ в пивной немецкого г. Майнц (в пиво ему подмешали яд).

С 1925 г. в ИККИ началась планомерная работа по подготовке кадров для национальных компартий в собственных учебных заведениях. К тому времени у Коминтерна имелись: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ; существовал с апреля 1921 г. по 1938 г., имел филиалы в Баку, Иркутске и Ташкенте); Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ им. Ю. Ю. Мархлевского; существовал с ноября 1921 г. по 1937 г., имел филиал в Ленинграде). В 1925 г. дополнительно были созданы Международная Ленинская школа (МЛШ; существовала с мая 1925 г. по 1938 г.) и Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК; существовал с ноября 1925 г. по 1930 г.). Все эти учебные заведения (кроме указанных филиалов) располагались в Москве. Наряду с гуманитарными и политическими дисциплинами в них изучались и военные и военно-специальные предметы.

14 августа 1925 г. состоялось совещание представителей ОГПУ, РУ РККА, ИККИ и НКВД по вопросу о разведывательной работе в иностранных государствах и о работе с местными компартиями. Член коллегии НКВД С. И. Аралов в записке на имя Чичерина докладывал о результатах совещания:

«Из обмена мнениями выяснилось, что заинтересованные ведомства в настоящее время заинтересованы в максимальном вытеснении работы из пределов наших миссий. Полпредство пока должно являться лишь пунктом связи для передачи сведений о местной стране и Москвой. Вся работа должна делаться вне наших официальных учреждений. <...>

Также признано вредным и опасным работать с местной компартией или через нее и пользоваться ее аппаратом. В настоящее время (как это было в Праге) работа производилась и производится все же и местной партией, но работа каждого отдельного работника, который ведет ее с нашими органами, и особенно по линии Разведупра, производится с согласия ЦК местной партии, и ни один сотрудник не был взят без согласия чешской партии. Но при обмене мнений выяснилась желательность, и эту форму связи нужно наивозможно сократить. Признано желательным там, где невозможно обойтись без помощи местной партии, это делать организованным порядком через ЦК и с согласия Коминтерна, т. е. что каждый работник должен быть тщательно проверен не только местной партией, но и Коминтерном (т. Пятницким). Признано желательным, что работники, которых будет давать местная партия, должны выходить из партии и в своей работе поступать в полное подчинение соответствующему органу, с которым они работают. Но чтобы товарищи, которые будут работать с нами и поэтому выйдут из партии, не теряли в будущем возможность вновь войти в партию — под конспиративным именем список таких товарищей должен вестись в Москве у т. Пятницкого. Тов. Берзин указал, что невозможно обойтись без квар-

тир и адресов местных партийных товарищей.

Наше совещание указало, что только в крайних случаях можно пользоваться квартирами и адресами или неответственных работников, или людей, которые симпатизируют, но не состоят членами партии».

В конце 1925 г. вопрос о возможности мировой революции в Европе не поднимался, а 1926 г. стал годом серьезных преобразований, связанных с острейшей политической борьбой за власть в партии и государстве внутри ВКП (б).

В этой борьбе высшие советские руководители опирались на лично преданных им сторонников в партийно-государственном аппарате и ОГПУ. Однако Сталин, также имевший своих людей в этих структурах, пошел дальше. После избрания в 1922 г. Генеральным секретарем ЦК РКП (б) он приступил к созданию собственной секретной службы, тщательно скрытой внутри Секретариата ЦК. С начала 1920-х гг. его наиболее закрытой структурой явилось Бюро ЦК (с 1926 г. – Секретный отдел ЦК, с 1934 г. – Особый сектор ЦК). Именно там работали доверенные сотрудники Сталина: И. П. Товстуха, А. Н. Поскребышев, Б. А. Двинский.

В 1924 г. руководителем личной охраны Сталина становится начальник Оперативного отдела ОГПУ К. В. Паукер. Он отвечал за охрану высших руководителей партии и государства и был в курсе многих тайн. А противоречия (в том числе и личные) в высшем эшелоне военно-политического руководства РКП (б) – ВКП (б) во многом определяли работу не только государственных органов СССР, но и спецслужб СССР и Коминтерна. Сын И. А. Пятницкого так писал о Сталине, его личной секретной службе и о ее роли в борьбе за влияние Сталина в Коммунистическом Интернационале:

«До 1925 года Сталин серьезно делами Коминтерна не занимался. Но он прекрасно понимал, что для того, чтобы стать наследником Ленина, недостаточно стать руководителем своей партии и страны. Для этого необходимо стать признанным

▲ Поскребышев А.Н.

вождем мирового коммунистического движения. Вот почему с весны 1925 года Сталин начал активно участвовать в его работе.

Имеются данные, что после 1925 года он создал в своем Секретариате специальный сектор для контроля над работой Коминтерна и, в частности, за деятельностью его Исполкома. Кто входил в его состав, до сих пор остается тайной. Но совершенно ясно, что в Особом секторе Секретариата Сталина хранились копии всех документов ИККИ и досье на всех руководителей Коминтерна».

В. М. Жухрай, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС изложил свою версию о секретной службе Сталина:

«В конце 1925 года, в условиях враждебного капиталистического окружения, в условиях ожесточенной классовой борьбы в стране и партии, когда иностранными разведками плелись бесконечные заговоры против советской власти, Сталин, в целях защиты завоеваний

▲ Паукер

Великой Октябрьской социалистической революции, был вынужден создать личную стратегическую разведку и контрразведку.

В задачу этой личной специальной службы Сталина входило изучение и регулярное освещение деятельности за рубежом наиболее важных и известных в мире политических деятелей (особенно закулисных сил, стоящих за их спиной и в действительности правящих капиталистическим миром), а также руководителей разведок ведущих капиталистических стран. Благодаря отличной конспирации о работе этой сталинской службы как внутри страны, так и за ее пределами ничего не было известно. Службу возглавляли два помощника Сталина, руководившие вместе с ним ее работой. Встречи и работу с ними он тщательно скрывал от своего официального окружения: Сталин много раз говорил, что «разведка лишь тогда работает успешно, если о ней никто ничего не знает».

Жухрай пишет, что в своих выводах он опирался на личные беседы

с руководителями сталинской спецслужбы. Его последователь В. В. Вахания приводит следующие данные о сталинской службе безопасности:

«Сталин понимал, что в данных условиях он не может полагаться на лояльность и объективность официальных органов государственной безопасности. Так возникла личная секретная служба Сталина.

Первоначально, после создания, секретную службу возглавлял Сергей Варламович Николаев, начальник особого отдела Первой Конной армии. В последующем ее руководителями были генералы Александр Михайлович Лавров, Александр Михайлович Джуга и Юрий Михайлович Марков (псевдонимы). Сообщения поступали Сталину под псевдонимом «товарищу Иванову». Особенностью личной секретной службы Сталина являлось то, что на территории собственной страны она действовала с соблюдением правил жесточайшей конспирации, что практически гарантировало отсутствие противодействия со стороны противников».

Активность коминтерновских структур и специальных служб СССР в западных странах в 1923–1924 гг. не осталась без внимания со стороны их военно-политического руководства. Особую озабоченность в этом отношении проявляло руководство граничивших с СССР стран. После подавления вооруженного восстания в Эстонии в декабре 1924 г. их взаимодействие усилилось. 16–17 января 1925 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) состоялась конференция представителей Латвии, Польши, Финляндии и Эстонии. На конференции было принято секретное соглашение о создании «единого фронта против большевизма». С 31 марта по 2 апреля в Риге собрались военные представители Латвии, Польши, Финляндии, Эстонии и Румынии. Ведущую роль в организации последнего совещания играло военно-политическое руководство Польши, стремившееся придать своей стране роль восточноевропейского лидера. За кулисами военного совещания в Риге незримо присутствовали Великобритания и Франция, имевшие в этом регионе свои геополитические интересы.

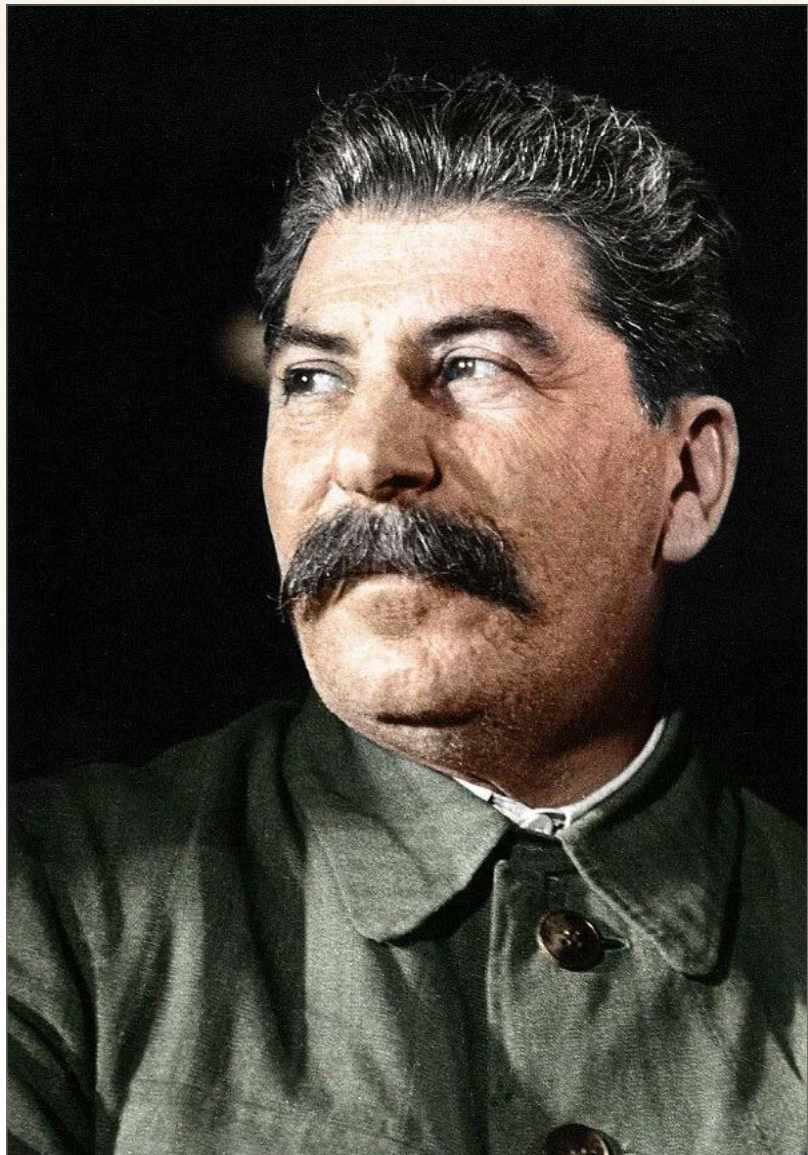
В сложившихся условиях в совместной военно-конспиративной деятельности Коминтерна и советских спецслужб все большее значение приобретает задача защиты СССР от иностранной интервенции. Для этого во второй половине 1920-х гг. было осуществлено несколько специальных проектов. Наиболее интересными разработками, осуществленными ИККИ совместно с РККА и ОГПУ в области повышения обороноспособности СССР, стало создание специальных подразделений. Костяком этих подразделений были коминтерновские кадры, способные воевать в особых условиях как на приграничных территориях СССР, так и за рубежом.

Одной из таких частей явился Карельский отдельный егерский батальон, сформированный в октябре 1925 г. в Петрозаводске. В составе батальона были три стрелковые и одна пулеметная роты, а также отдельные взводы: конной разведки, связи,

артиллерийский, саперно-маскировочный. Под термином «саперно-маскировочный взвод» в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в РККА значились специальные диверсионные подразделения. Мы предполагаем, что подобный взвод, созданный в составе Карельского егерского батальона, мог быть экспериментальным. Личный состав батальона (в первую очередь комсостав) комплектовался в основном из «красных финнов», имевших боевой опыт и закончивших Петроградскую интернациональную военную школу.

С учетом специфики географических и климатических условий бое-

вая подготовка батальона осуществлялась по образцу финской армии и на основе ее воинских уставов. Библиотека батальона, как и библиотека интернациональной военной школы, состояла преимущественно из финских изданий. Название «егерский» несло в себе политический и военный смысл. Идеологически батальон противопоставлялся «белым» финским егерям. С военной стороны егеря — легкая пехота с отличной стрелковой подготовкой — предназначены для действий в условиях сильно пересеченной местности. Первым командиром батальона стал опытный военспец Э. Матсон.

▲ Сталин

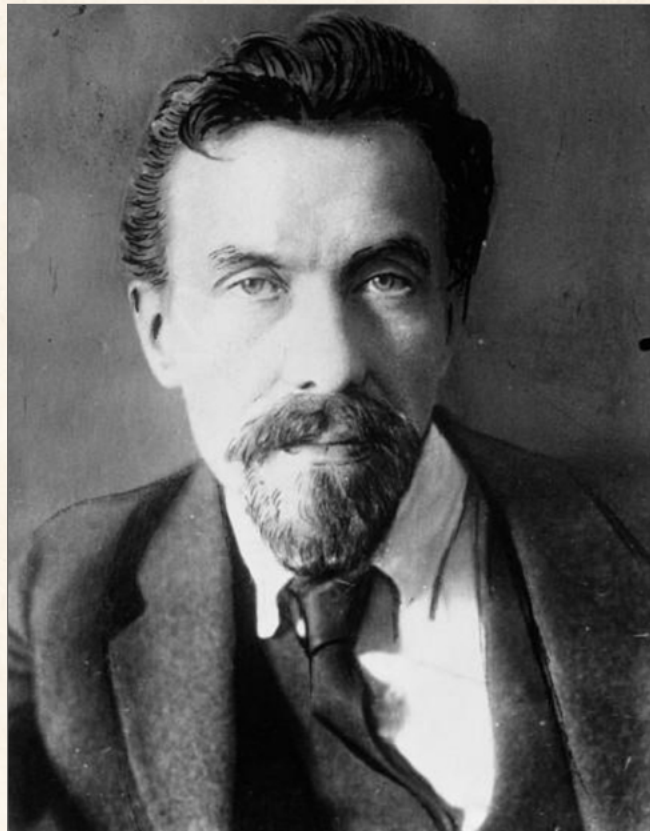

▲ Бухарин

С 1925 г. одним из основных центров по подготовке разведчиков, в том числе по обучению их навыкам диверсионных операций, стало ОГПУ. В числе первоочередных задач боевиков советской разведки было физическое устранение политических противников рабоче-крестьянской власти за рубежом. Не менее важным направлением явилось создание сети разведчиков-нелегалов, подготовленных для проведения диверсий во враждебных СССР государствах в случае войны. В составе органов госбезопасности подготовкой и проведением специальных операций за рубежом занимались два подразделения: Иностраный отдел и Особая группа при председателе ОГПУ.

В задачи Иностранного отдела входило не только добывание сведений о намерениях противников СССР, но и ликвидация лидеров контрреволюции, а также расправа с предателями из своей среды. Особая группа, созданная председателем ОГПУ В. Р. Менжинским во второй половине 1926 г., первоначально за-

▲ Рыков

думывалась как параллельный (независимый от ИНО) разведывательный центр, предназначенный для выполнения специальных операций стратегического характера. Создание параллельных структур с аналогичными задачами позволяло иметь каналы перепроверки информации, а в случае провала одной из линий компенсировать неудачу активизацией другой.

На этом фоне позиции сталинской группировки постепенно упрочнялись. После смерти М. В. Фрунзе осенью 1925 г. его посты председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора занял близкий Сталину К. Е. Ворошилов. А когда летом 1926 г. скончался председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский, на его место назначили В. Р. Менжинского, не имевшего должного собственного политического веса. Июльский (1926 г.) пленум ЦК ВКП (б) вывел из состава Политбюро Зиновьева. На октябрьском (1926 г.) пленуме ЦК из Политбюро были исключены Троцкий и Каменев, а Зиновьев сме-

щен с поста председателя Исполкома Коминтерна. Временное исполнение обязанностей председателя ИККИ поручили Н. И. Бухарину.

В конце мая 1927 г. правительство Великобритании выпустило «Белую книгу», содержащую ряд документов, свидетельствующих о подрывной деятельности СССР против Соединенного Королевства, в том числе документы, захваченные при налете на полпредство СССР в Пекине 6 апреля 1927 г. 27 мая британское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с СССР. В отличие от фальсифицированного «письма Зиновьева» от 15 сентября 1924 г., якобы адресованного ЦК КП Великобритании, документы из «Белой книги» представляли реальную угрозу для руководства ВКП (б) и Коминтерна. 28 мая Политбюро ЦК ВКП (б) приняло специальное постановление «О мерах конспирации». В постановлении указывалось:

«а) Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разве-

дупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

б) Шифры менять каждый день, проверить состав шифровальщиков, послать специальное лицо с неограниченными правами по осуществлению строжайшей конспирации шифровальной работы. <...>

в) Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

г) Строжайше проверить состав сотрудников полпредств, торгпредств и прочих представительств за границей.

д) Безусловно отказаться от метода шифропереписки телеграфом или по радио по особо конспиративным вопросам. Завести систему конспиративных командировок и рассылки писем, каковые обязательно шифровать.

е) Отправителей конспиративных шифровок и писем обязать иметь специальные клички, воспретив им подписываться собственным именем.

ж) Отменить систему широкой информации полпредств через рассылку особых докладов.

з) Еще раз проверить архивы представительств с точки зрения строжайшей конспирации и абсолютного обеспечения от провалов.

и) Наблюдение за соблюдением вышеуказанных пунктов поручить специальной комиссии в составе тт. Косиора, Пятницкого и Ягоды.

к) Создать специальную комиссию в составе тт. Рыкова, Шейнмана и Рудзутака для приведения в порядок финансовых операций Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной конспирации».

Сотрудник ИНО ОГПУ Г. Агабеков, служивший в указанный период в советском посольстве в Персии (Иране), в своих мемуарах писал, каким образом выполнялись решения Политбюро о повышении конспиративности в работе:

«В середине 1927 года, после обысков, произведенных китайской полицией в советских консульствах в Шанхае и Кантоне, пришла циркулярная телеграмма для полпредства, торгпредства, Разведупра и ОГПУ с предписанием просмотреть архивы этих учреждений и уничтожить документы, которые могли бы компрометировать работу советской власти за границей. Полпредство и торгпредство немедленно приступили к разбору архивов. Отобрали колоссальные кипы бумаг, подлежащих сожжению. Целую неделю эти бумаги жгли во дворе полпредства. Пламя поднималось так высоко, что городское управление, думая, уж не пожар ли в советском полпредстве, хотело прислать пожарных.

Мы получили более строгое распоряжение. Москва предписывала уничтожить вообще весь архив и впредь сохранять переписку только за последний месяц, но и ее предлагалось хранить в таком виде и в таких условиях, чтобы, в случае налета на посольство, можно было немедленно уничтожить весь компрометирующий материал».

Правительство Великобритании, напуганное успехами китайской революции в конце 1926 — начале 1927 г., стремилось сохранить там свои позиции. 23 февраля 1927 г. министр иностранных дел О. Чемберлен направил правительству СССР ноту с требованием прекратить военную поддержку Гоминьдану и «анти-английскую пропаганду» в Китае под угрозой разрыва дипломатических отношений. Несколько позже анти-советски настроенные силы в Великобритании и Германии начали обсуждение плана англо-германского военного вторжения в СССР. В марте 1927 г. заместитель председателя «Русского общевойскового союза» (РОВС) генерал А. П. Кутепов провел совещание в Финляндии с членами боевого крыла РОВС, где заявил о необходимости немедленно начать террористические акции в СССР.

3 июня в жилом доме сотрудников ОГПУ на ул. Малая Лубянка в Москве боевики РОВС М. Захарченко-Шульц, А. Опперпут-Стауниц и Н. Вознесен-

▲ Зиновьев

ский заложили взрывное устройство весом 4 килограмма и зажигательные бомбы. 6 июня Г. Радкевич бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве. 7 июня В. Ларионов, С. Соловьев и Д. Мономахов бросили 2 бомбы в здании Центрального партийного клуба на ул. Мойка в Ленинграде. В этот же день в Варшаве Б. Ковердой убит полпред СССР в Польше П. Войков. В Минске в результате диверсии погиб начальник ОГПУ Белоруссии И. Опанский. В конце июня при переходе турецко-советской границы задержан эмиссар Парижского бюро ЦК СДПГ (м) И. Карцивадзе с директивами Н. Жордания о подготовке антисоветского восстания в Грузии.

Следует отметить, что в 1927 г. состоялись многочисленные бои (более 100) оперативников и пограничников ОГПУ с диверсантами и бандами, как засылаемыми из-за рубежа, так и действовавшими на территории нашей страны.

Одновременно усилились разногласия в рядах ВКП (б). Член Президиума Центральной контрольной комиссии А. А. Сольц в 1927 г. заявил, что ОГПУ, возможно, придется арестовать оппозиционеров во главе с Троцким. Один из троцкистов — бывший командующий Московским военным округом Н. И. Муралов — в частном разговоре сказал, что при таком накале внутривластной борьбы дело может дойти до перестрелки. Военно-политическое руководство СССР вынуждено было в сложившейся ситуации для ужесточения карательной политики (6 июня была введена в действие знаменитая 58-я статья УК) и для разгрома в ноябре — декабре троцкистско-зиновьевской оппозиции.

В 1927 г. эмигрант М. А. Алданов написал о Сталине: «Это человек выдающийся, бесспорно, самый выдающийся во всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли, бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, — этим он резко отличается

от многих других большевиков».

В итоге Сталин оказался победителем во внутривластной борьбе за власть. В директиве ЦК ВКП (б) «О мерах борьбы с оппозицией» (1928 г.) указывалось, что оппозиция использует аппарат ВКП (б) и Всесоюзного Ленинского союза молодежи и пытается разрушить их изнутри. Перед органами госбезопасности ставилась задача информировать местные партийные организации об участниках подпольных групп троцкистской и сапроновской оппозиции и сократить до минимума аресты и ссылки.

В самом ОГПУ происходил непростой процесс устранения нелояльных по отношению к Сталину руководителей. Летом 1928 г. заместители председателя ОГПУ Г. Г. Ягода и М. А. Трилиссер не поддержали предложение Сталина и его сторонников о применении чрезвычайных мер в отношении лидеров оппозиции. Начиная с 1929 г. против ряда польских коммунистов, проживавших в СССР, стали выдвигаться обвинения в принадлежности к Польской организации войсковой (ПОВ). Вначале устранение кадров из ОГПУ происходило путем перемещения на хозяйственную и советскую работу. Так, в августе 1931 г. по делу «Весна» сняты с постов Л. Н. Бельский (полпред ОГПУ по Московской области), И. А. Воронцов (начальник Административно-организационного управления), Е. Г. Евдокимов (начальник Секретно-оперативного управления), С. А. Мессинг (начальник Иностранного отдела), Я. К. Ольский (начальник Особого отдела).

В декабре 1929 г. Спецотделение при Коллегии ОГПУ было расформировано. Охранять высшее руководство страны стали сотрудники 5-го отделения Оперативного отдела СОУ ОГПУ; работники 2-го отделения Оперотдела осуществляли негласное наружное наблюдение.

В 1930 г. Восточный, Контрразведывательный и Особый отделы объединены в единый (Особый) отдел. В 1931 г. 1-е отделение Оперотдела отвечало за наружное наблюдение, негласные аресты и негласную охра-

ну, 4-е — за охрану руководителей и обслуживание правительственных объектов. В том же году Секретный и Информационный отделы объединили в Секретно-политический отдел (начальники — Я. С. Агранов, Г. А. Молчанов). Со стороны ЦК отдел курировали сотрудники секретариата Генерального секретаря Л. З. Мехлис и А. Н. Поскребышев. За всеми лидерами оппозиции велось агентурное и наружное наблюдение силами Оперативного, Секретно-политического и Специального отделов.

Целостной единой системы обеспечения комплексной безопасности высшего политического руководства в СССР во второй половине 1920-х гг. не существовало. Большинство первых лиц государства гласно или негласно охраняли небольшие группы вооруженных охранников, которые сопровождали своих подопечных далеко не всегда. Советский дипломат-невозвращенец Г. Беседовский, которого в октябре 1927 г. перед отъездом в Париж принял Сталин, писал о сотруднике охраны на входе в здание ЦК: «Я чувствовал, что ему очень хотелось попросить меня открыть мой портфель, но он не решился, очевидно, предъявить такое требование, так как на предложенные мне несколько вопросов я ответил в сухом тоне и попросил не задерживать меня по пустякам».

В конце 1931 — начале 1932 г. была усилена личная охрана Сталина. В то время большинство высших руководителей СССР еще позволяли себе ходить по улицам Москвы пешком, без многочисленной охраны или в сопровождении лишь одного бойца. Как следует из воспоминаний Н. С. Власика, в то время основным охранником Сталина был литовец И. Юсис. Во время прогулки по центру столицы 16 ноября 1931 г. между 15 и 16 часами на улице Ильинка Сталин случайно повстречался с нелегально прибывшим в СССР эмиссаром эмигрантских организаций, членом «Русского общевойскового союза» и Торгово-промышленного комитета Огаревым. Узнавший Сталина Огарев выхватил из кармана револьвер и хотел произвести выстрел. Сотрудник

▲ Ягода

▲ Власик

ОГПУ П. А. Коркин, сопровождавший Огарева под видом «хозяина конспиративной квартиры», сумел перехватить руку эmissара; другие сотрудники негласного наружного наблюдения оперативно отреагировали и обезоружили нападавшего. Попытка террористического акта в отношении высшего руководителя страны была предотвращена.

По данному факту заместитель председателя ОГПУ И. А. Акулов 18 ноября направил в Политбюро сообщение за № 40919. Резолюция В. М. Молотова на сообщении гласила: «Членам ПБ. Пешее хождение т. Сталина по Москве надо прекратить» (ниже стоят подписи Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, В. В. Куйбышева и А. И. Рыкова). В биографии Коркина в дальнейшем указывалось, что он «отвел руку врага, покушавшегося на жизнь вождя народов».

В 1932 г. начальником группы личных охранников Генерального секретаря стал Н. С. Власик.

В начале 1930-х гг. функцию личной охраны Сталина выполняли три

сотрудника, на постах у сталинской дачи в Кунцеве с винтовками (затем с автоматами) также стояли три человека. На территории дачи дежурили 2–3 сотрудника охраны. С внешней стороны забора находились 3–4 оперативника, еще один нес службу у ворот.

В 1932 г. нелегально вышла анонимная работа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». В ней, в частности, говорилось:

«Самый злейший враг партии и пролетарской диктатуры, самый злейший контрреволюционер и провокатор не мог бы лучше выполнить работу разрушения партии и соц. строительства, чем это делает Сталин. <...> Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции. <...> Было бы непозволительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно. Это тем более невозможно, что Сталин прекрасно понимает, что партия

и рабочий класс не могут простить ему ужасающих преступлений перед пролетарской революцией и социализмом. При таком положении вещей у партии остается два выбора: или — или. Или дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма. <...> Само собою разумеется, что в этой работе нужна величайшая конспирация, ибо Сталин, несмотря на то что мы последовательные ленинцы, обрушит на нас все свои репрессии».

Автором статьи был М. Н. Рютин, возглавлявший подпольный «Союз марксистов-ленинцев». (Примечательно, что в 1927 г. Рютин был одним из организаторов рабочих дружин, которые разгоняли в Москве демонстрации троцкистов, приуроченные к 10-й годовщине Октябрьской революции.)

В 1932 г. аналогичные рютинским предложения об устранении Сталина высказал Троцкий: «Сталин завел

нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину. Надо довериться рабочему классу, надо дать пролетарскому авангарду пересмотреть всю советскую систему, беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: «убрать Сталина». Еще через год Троцкий писал, что, если Сталин и его сторонники не отдадут власть добровольно, оппозиция сможет их устранить с помощью «полицейской операции».

Мы не утверждаем, что слова «убрать» и «устранить» в устах лидеров оппозиции идентичны слову «убить», но... Заместитель начальника 9-го Управления КГБ СССР М.С. Докучаев, описывая 1930-е гг., отмечал: «В сентябре 1932 года председатель Совета народных комиссаров В.М. Молотов предпринял поездку по горнорудным и промышленным районам Сибири. После посещения одной из шахт Кузбасса (в г. Прокопьевске. — *Примеч. авт.*) машина, на которой он ехал, внезапно свернула с дороги и покатила с насыпи. Она опрокинулась и остановилась на самом краю оврага. Молотов и сопровождавшие его лица отделались легкими ушибами и чудом избежали смерти. Машиной управлял Валентин Арнольд, член местной троцкистской организации, которой руководил известный сподручный Троцкого Шестов. По его заданию Арнольд должен был совершить террористический акт. Он не удался лишь только потому, что водитель в последний момент потерял самообладание и затормозил».

В марте — апреле 1933 г. по обвинению в примиренческом отношении к оппозиционерам из состава республиканских, краевых и областных коллегий исключены 23 члена, уволены 58 руководящих работников краевых и областных управлений ОГПУ. К 1934 г. в штате Секретно-политического отдела (с учетом территориальных органов) состояли 2400 человек. В структуре отдела имелись четыре отделения: 1-е надзидало за оппозиционными элементами из числа членов ВКП

(б); 2-е — за бывшими меньшевиками, эсерами, анархистами, кадетами и членами других партий; 3-е занималось церковнослужителями всех конфессий и сект и представителями бывших правящих классов; 4-е отвечало за работу в среде городской и сельской интеллигенции и учащейся молодежи. В 1930–1934 гг. при активном участии сотрудников Секретно-политического отдела раскрыты и ликвидированы нелегальные организации, состоявшие из приверженцев Троцкого и других противников Сталина: «контрреволюционная троцкистская группа Смирнова и др.», «антипартийная контрреволюционная организация правых Слепкова и др.», «антипартийная контрреволюционная группировка Эйсмонта и др.», «Всесоюзный троцкистский центр» и прочие.

В опубликованных материалах разных авторов отмечается, что в августе — сентябре 1933 г. пребывание Сталина на юге было омрачено тремя происшествиями. 25 августа в Сочи машину с ним и Ворошиловым задел грузовой автомобиль, которым управлял пьяный водитель. В середине сентября, во время поездки на озеро Рица, один из автомобилей кортежа Сталина упал вместе с мостом в реку. 23 сентября катер со Сталиным и его спутниками обстреляли с берега из винтовок бойцы пограничного поста. Одни историки считают, что два последних происшествия инспирировал секретарь Закавказского крайкома партии Л.П. Берия, другие — что имели место несчастные случаи, третьи говорят о неудавшихся террористических актах. В любом случае бесспорно, что данные факты указывают на слабую организацию безопасности лидера ВКП (б) во время его поездок. Впрочем, в тот период охрана большинства высших должностных лиц разных стран была не на высоте: в 1932–1934 гг. террористами убиты несколько лидеров иностранных государств; 6 мая 1932 г. русский эмигрант смертельно ранил президента Франции П. Думера; 14 мая во время военного путча убит премьер-министр Японии Д. Инукаи; 29 де-

кабря 1933 г. убит премьер-министр Румынии И. Дука; 25 июля 1934 г. убит федеральный канцлер Австрии Э. Дольфус; 9 октября того же года убиты король Югославии Александр Карагеоргиевич и министр иностранных дел Франции Л. Барту. Указанные покушения реализованы вследствие грубейших нарушений правил безопасности, допущенных как погибшими, так и службами их охраны.

Вполне возможно, что после указанных событий у Сталина и его ближайшего окружения (Ворошилов, Каганович, Молотов и др.) усилились подозрения в отношении бывших и настоящих товарищей по Политбюро и ЦК ВКП (б). Как следует из различных источников, неприязнь к Сталину действительно имела место и была отражением не только политических противоречий, но и личных амбиций в среде высшего и среднего руководящего состава партии, Вооруженных сил и органов безопасности. Мы считаем, что в конце 1933 — начале 1934 г. у Сталина могла появиться мания преследования. После того как на «съезде победителей» (XVII съезд ВКП (б), 1934 г.) против него было подано 292 голоса из 1218, подсознательный страх перед утратой власти или перед физическим устранением мог стать доминирующим фактором, определившим многие его поступки. Несомненно, Сталин знал, что за день до выборов в ЦК на квартире Г.К. Орджоникидзе собрались оппозиционные делегаты съезда и пытались убедить С.М. Кирова в необходимости отставки Сталина.

М.С. Докучаев: «Террористу Богдану было поручено убить Сталина на одной из партийных конференций. Он сумел в мае 1934 года проникнуть в зал заседания, но не смог приблизиться к месту, где находился Сталин. К тому же в последний момент Богдан заколебался. На следующий день он был убит у себя на квартире. Его устранил Бакаев, один из бывших помощников Зиновьева по Ленинграду. Этот отъявленный убийца предполагался Зиновьевым и Каменевым, после совершения государственного переворота, на должность предсе-

дателя ОГПУ с тем, чтобы замести все следы преступлений оппозиции. Об этом Бакаев поведал на следствии и судебном процессе. Однажды бакаевские боевики стреляли по катеру, полагая, что на нем совершал прогулку Сталин вдоль побережья Черного моря».

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР образован НКВД СССР с включением в него аппаратов ОГПУ и НКВД РСФСР. Наркомом стал Г.Г. Ягода, его заместителями — Я.С. Агранов (1-й заместитель — Я.Ш. Соренсон) и Г.Е. Прокофьев, секретарем НКВД и секретарем Особого совещания — П.П. Буланов. Уполномоченным НКВД (куратором НКВД по РСФСР) назначен В.Д. Фельдман, особоуполномоченным при наркоме (собственная безопасность) — А.Я. Беленький.

Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) возглавил Л.Н. Бельский, Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) — М.П. Фриновский, Главное управление пожарной охраны (ГУПО) — М.П. Хряпенов, Главное управление лагерей (ГУЛАГ) — М.Д. Берман, Сектор кадров НКВД СССР (с 16 октября 1934 г. — Отдел кадров) — Я.М. Вейншток, финансовый отдел — Л.И. Берензон, Административно-хозяйственное управление — И.М. Островский; должность главного инспектора занял Н.М. Быстрых.

На базе ОГПУ было образовано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Его работой руководил Ягода, куратором был Агранов. В составе ГУГБ имелись следующие отделы: Се-

кретно-политический (начальник — Г.А. Молчанов) — борьба с враждебными партиями и антисоветскими элементами; Особый (М.И. Гай) — контрразведка и политический сыск в Вооруженных силах; Оперативный (Оперод; К.В. Паукер) — охрана руководителей, наружное наблюдение, обыски и аресты; Иностраннный (А.Х. Артузов) — внешняя разведка; Экономический (Л.Г. Миронов) — борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве; Транспортный (В.А. Кишкин) — борьба с диверсиями и вредительством на транспорте; Учетно-статистический (Я.М. Генкин) — оперативный учет, статистика, архив; Специальный (Спецотдел; Г.И. Бокий) — обеспечение режима секретности, шифровка, особые задачи.

Дальнейшая реорганизация органов государственной безопасности и личной службы безопасности Сталина напрямую связана с убийством С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.). По поводу убийства есть три основные версии: официальная — Киров убит по приказу лидеров оппозиции как один из самых близких Сталину соратников; версия Троцкого — в смерти Кирова заинтересован Сталин, решивший устранить наиболее опасного соперника, а затем уничтожить оппозицию; бытовая версия — убийство Кирова совершено Л. Николаевым по личным мотивам (из ревности). Сторонники каждой приводят свои аргументы. Мы предлагаем читателям обратить внимание на следующие факты, связанные с организацией личной безопасности Кирова.

За охрану руководителей партийно-государственного аппарата в Ленинграде и области отвечал заместитель начальника управления НКВД И.В. Запорожец (Гарькавый), имевший большой опыт оперативной работы, в том числе за границей. До лета 1933 г. Кирова охраняли «оперативные комиссары» М.В. Борисов и М. Буковский, негласную охрану осуществлял швейцар в доме Кирова. Начальник Оперативного отдела Ленинградского управления А.А. Губин до назначения на эту

▲ Киров С.М.

▲ Дзержинский

должность 15 лет занимался в органах ВЧК — ГПУ — ОГПУ административно-хозяйственной работой.

Начальник 4-го отделения Оперода, непосредственно осуществлявшего охрану Кирова, занял свой пост после работы заведующим автомастерской Отдела связи. «Прикрепленному» оперкомиссару Борисову перевалило за 50 лет. В 1920 г. он попал в польский плен и выбыл из партии. Затем вернулся в Петроград, работал агентом по снабжению и одновременно был секретным сотрудником ВЧК. Восстановился в партии в 1931 г., затем стал штатным сотрудником ОГПУ. Ни по возрасту, ни по уровню служебной и боевой подготовки должности он не соответствовал, но Киров мирился с этим.

В 1934 г. штат гласной и негласной охраны С. М. Кирова увеличили до 15 человек, ему полагалась дополнительная машина с двухсменной группой сопровождения.

По воспоминаниям современников, Сергей Миронович охраной тя-

▲ Ежов

готился, к ее рекомендациям вести себя более осторожно не прислушивался. Будущего убийцу Л. Николаева дважды задерживали с оружием, но в обоих случаях отпустили. В день убийства Киров должен был выступить с докладом в Таврическом дворце в 18 часов. Не предупредив охрану, в 16 часов он направился в Смольный в сопровождении одного Борисова, вошел в здание не через служебный вход, а через парадный подъезд. Во время движения по коридорам Борисов отстал, в это время Николаев выстрелил сначала в Кирова, а затем в себя. Через день Борисов погиб или был убит во время автокатастрофы при перевозке его на допрос к Сталину. 29 декабря 1934 г. Николаева и еще 13 его «сообщников» расстреляли, Зиновьева и Каменева отправили в ссылку. Началась реорганизация личной охраны лидеров ВКП (б). С этого момента следует говорить о системном подходе к организации государственной охраны высшего руководства страны.

Вскоре после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. Сталин и его ближайшее окружение принимают решение о применении мер физического воздействия к врагам партии и государства. В первую очередь это касалось применения пыток к арестованным и отказывающимся давать показания контрреволюционерам, большинство из которых вождь воспринимал в качестве своих личных врагов. Убийство Кирова стало поводом к началу «большой чистки» в партии, органах безопасности, армии, советских и хозяйственных органах. Одним из первых ее этапов стало так называемое Кремлевское дело.

По одной из версий, в январе 1935 г. в Сталина стреляла сотрудница кремлевской библиотеки. Он не пострадал. Стрелявшую из «бывших» (графского рода Орловых-Павловых) задержали. Началось расследование. В июне 1935 г. на пленуме ЦК ВКП (б) с докладом «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил секре-

тарь ЦК ВКП (б) Н. И. Ежов. В докладе было сказано, что при попустительстве Енукидзе на территории Кремля создана террористическая сеть с целью убийства Сталина. По этому делу осуждено 110 человек: 30 — Военной коллегией Верховного суда и 80 — Особым совещанием при НКВД. В числе осужденных были: дежурные помощники коменданта Кремля В. Г. Дорошин и И. Е. Павлов, секретарь коменданта Кремля А. И. Синелобов, бывший комендант Большого Кремлевского дворца И. П. Лукьянов, бывший начальник административно-хозяйственного отдела комендатуры Кремля П. Ф. Поляков. Енукидзе исключили из ЦК и из партии «за политическое и бытовое разложение» и назначили директором Харьковского областного автомобильного треста.

Согласно официальной версии, в заговоре участвовали четыре контрреволюционные террористические группы: группа служащих правительственной библиотеки во главе с Н. А. Розенфельдом (племянником Л. Б. Каменева); троцкистская группа комендатуры Кремля (Дорошенко, Синелобов); троцкистская группа военных работников во главе с начальником отделения Разведывательного управления М. К. Чернявским; белогвардейская группа Г. Б. Синани-Скалова. Идеологом покушения назван находившийся в ссылке Л. Б. Каменев (Розенфельд).

Согласно другой версии, «Кремлевское дело» инспирировано Ягодой с целью взять под контроль НКВД охрану Кремля, которая находилась в ведении Наркомата обороны. Для этого народный комиссар внутренних дел на июньском пленуме ЦК обвинил секретаря ЦИК в противодействии органам госбезопасности. Ягода заявил: «Енукидзе не только игнорировал наши сигналы, но завел в Кремле свое параллельное «ГПУ» и, как только выявлял нашего агента, немедленно выгонял его. Конечно, все это не снимает с меня ответственности в том, что я в свое время не взял Енукидзе за горло и не заставил его выгнать всю эту сволочь».

В октябре 1935 г. 1-я Советская объединенная военная школа РККА

им. ВЦИК выведена с территории Кремля. Задачи по охране возложены на вновь созданный Батальон особого назначения Управления коменданта Московского Кремля. В этом сводном подразделении числились командиры охраны, несшие службу в здании СНК. Командиром батальона назначен капитан госбезопасности (соответствовало армейскому званию подполковник) П. Е. Косынкин. В ноябре военный комендант Москвы комдив П. П. Ткалун назначен комендантом Кремля вместо Р. А. Петерсона. 28 января 1936 г. Управление коменданта Московского Кремля переведено из состава Народного комиссариата обороны в состав НКВД, 8 апреля 1936 г. Батальон особого назначения развернули в Полк специального назначения под командованием П. И. Азаркина. Полк имел в своем составе 5 дивизионов, броневзвод и полковую школу.

Действия Сталина показывают, что он не доверял руководству НКВД. Есть мнение, что благодаря каналам собственной службы безопасности уже в 1934 г. он располагал информацией о подготовке заговора с участием руководящего состава НКВД и РККА. Мы не отдаем предпочтения ни одной из версий. Наша задача — рассмотреть, как действовал лидер ВКП (б) в экстремальных ситуациях. Были заговоры или их не было, целью Сталина было установление полного личного контроля над всеми силовыми структурами государства.

Генеральный секретарь хорошо владел технологией государственного управления, описанной в книге Н. Макиавелли «Государь», к тому времени изъятой из библиотек. Мы полагаем, что Сталин решил действовать по старой схеме: путем перестановок изолировать противников друг от друга и, опираясь на одни группировки, уничтожать членов других. Он создавал такие условия, при которых для одних его противников открывались перспективы карьерного роста за счет других, сходявших с политической арены.

В пользу версии о заговорах против Сталина говорят не только показания, данные на следствии врагами

народа, но и свидетельства других лиц. В мемуарах одного из охранников Сталина (впоследствии — коменданта Большого театра) А. Т. Рыбина сказано, что в начале 1936 г. Ягода, Соренсон (Агранов), Паукер и его заместитель Волович сформировали из курсантов школы ОГПУ особую роту боевиков. В письме к Рыбину бывший курсант школы ОГПУ И. М. Орлов, ставший помощником коменданта и затем комендантом дачи «Кунцево» (до 1953 г.), вспоминал, что рота насчитывала 200 штыков. Ежедневно проводились занятия по боевой самообороне, ближнему штыковому бою, преодолению препятствий. Как впоследствии узнал Орлов, роте предстояло при содействии коменданта Кремля комиссара Ткалуна войти в Кремль и арестовать Сталина. Но заговор был раскрыт, рота расформирована.

В середине 1936 г. начались аресты политэмигрантов, в первую очередь из КП Польши. Около 35 процентов (1275 из 3669) лиц, арестованных в СССР за шпионаж, обвинялись в принадлежности к польским спецслужбам. Негативное отношение к выходцам из иностранных партий нашло отражение в чистке аппаратов ИККИ и НКВД. Сталин заявил, что Наркомат внутренних дел задержался с разоблачением «врагов народа» на четыре года. 26 сентября 1936 г. Ягodu отстранили от руководства НКВД и назначили наркомом связи, на его место пришел секретарь ЦК, председатель Комиссии партийного контроля Н. И. Ежов. Изменения в структуре НКВД после его назначения сопровождались кадровыми перестановками и чистками в центре и на местах. Заместителями народного комиссара внутренних дел стали Я. С. Агранов (1-й заместитель), М. Д. Берман (29 сентября 1936 г.), М. П. Фриновский (16 октября 1936 г.), Л. Н. Бельский (3 ноября 1936 г.). Секретариат НКВД возглавил Я. А. Дейч. Особоуполномоченным при наркоме (должность упразднена 27 декабря 1936 г.) стал В. Е. Цесарский. Отдел кадров возглавил М. И. Литвин, Главное управление государственной безопасности — Я. С. Агранов. ■

С.М. СОЛОВЬЕВ

ПРИРОДА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЮ

▲ Древний Киев

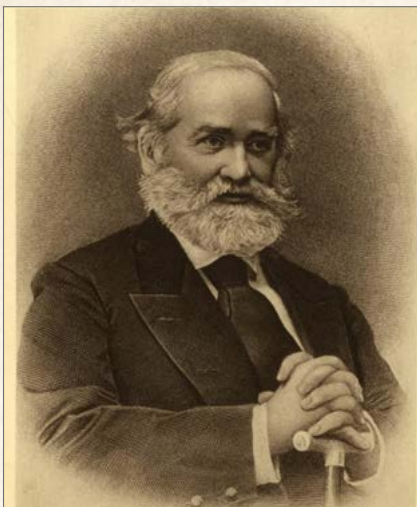
Задолго до начала нашего летоисчисления знаменитый грек, которого зовут «отцом истории», посетил северные берега Черного моря; верным взглядом взглянул он на страну, на племена, в ней жившие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны. Прошло много веков, несколько раз племена сменялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явление, замеченное Геродотом, остае-

ся по-прежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

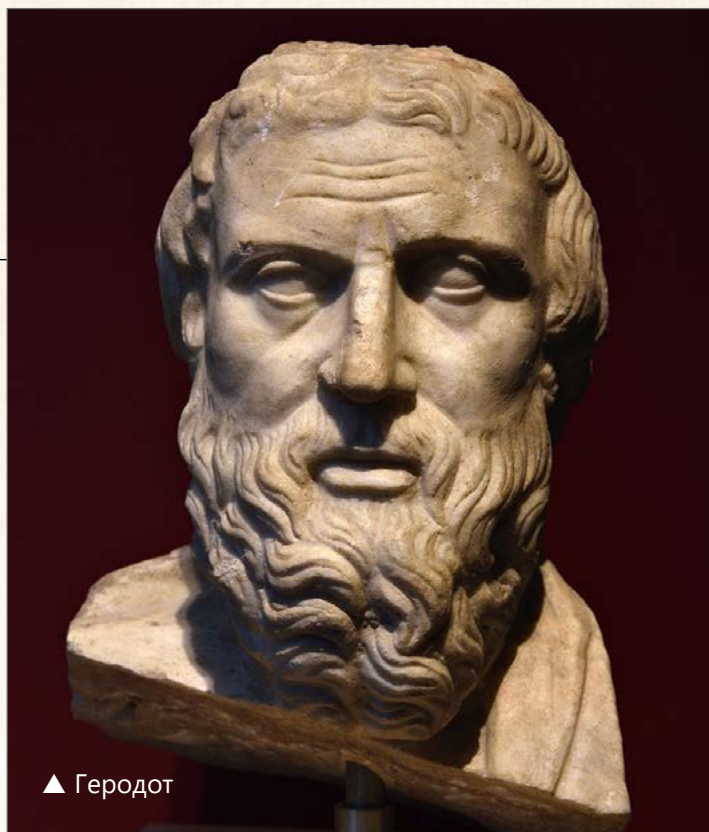
Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий

производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), русский историк государственной школы, академик Петербургской академии наук (1872). Ректор Московского университета (1871-1877). Труды по истории Новгорода, эпох Петра I и Александра I, внешней политики России, историографии. Основные сочинения — «История России с древнейших времен» (1851-1879; тома 1-29)

▲ Геродот

Великая равнина открыта на юго-востоке, соприкасается непосредственно с степями Средней Азии; толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими; Геродот свойствами страны объясняет причины этого господства, но тот же Геродот замечает, что берега Днепра по своему необыкновенному плодородию способны питать и земледельческое народонаселение; и вот предания говорят о народных движениях с Запада навстречу кочевым ордам; на берегах Днепра и его притоков, на востоке и западе, селятся племена земледельческие с характером европейским; они движутся все далее и далее на Восток, но кочевники не скоро уступят им свои привольные степи. Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить на счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба с степными варварами. Периоды этой борьбы так обозначаются в русской истории: от половины IX века до сороковых годов XIII нет резкого перевеса ни на стороне кочевников, ни на стороне славянских

племен, объединенных под именем Руси; печенеги, а за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью, но зато иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленят их вежи. От сороковых годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы в лице монголов: с конца XIV века пересиливает Европа в лице России; северо-западная, европейская часть великой равнины начинает распространяться на счет юго-восточной, азиатской. Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кроме борьбы с кочевниками: когда государство граничит не с другим государством и не с морем, но соприкасается с степью, широкою

и вместе привольною для житья, то для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность — свободная, разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись козацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничною стражею для государства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд. Так Россия вследствие своего географического положения

должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами и с козаками, пока не окрепла в своем государственном организме и не превратила степи в убежище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатом суровым, представляя на юго-востоке степь, населенную кочевыми племенами, сменявшимися друг друга в постоянном стремлении из Азии, на северо-западе — страну, покрытую девственными лесами, наполненную реками, озерами, болотами, среди которых кое-где блуждали орды звероловов, великая равнина не могла получить скоро многочисленного народонаселения. Племена славянские раскинулись на огромных пространствах, по берегам больших рек; при движении с юга на север они должны были встретиться с племенами финскими, но о враждебных столкновениях между ними не сохранилось преданий: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было так много, по которой можно было так просторно расселиться без обиды друг другу. В начале нашей истории мы видим, что славяне и финны действуют за-

одно; каким образом ославянились финские племена — меря, мурома, каким образом Двинская область получила русское народонаселение и стала владением Великого Новгорода? — все это произошло тихо, незаметно для истории, потому что здесь, собственно, было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежащей. Распространение русских владений в Сибири, о котором можно иметь ясное понятие по дошедшим до нас памятникам, дает лучшее объяснение тому, как распространялись русские владения и по сю сторону Уральского хребта: здесь также могли иметь место стычки с туземцами, которые приходили иногда разорять новые поселения, отказывались платить яса; но здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно принимается в истории завоевание, одним словом, и там и здесь преимущественно происходило население, колонизация страны. Что сказано о севере России, то может быть сказано и о других областях: мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно

заботятся о построении городов, о населении пустынных пространств; известно, как и после Московское государство расширяло свои пределы на восток и юго-восток, занимая и населяя пустынные пространства; известно, наконец, население южных и юго-восточных областей, имевших место недавно, уже во времена империи. Малонаселенность страны, постоянное стремление владельцев увеличивать население своих земель с ущербом государственному интересу, вызывали меры, имевшие целью удержать народонаселение на прежде занятых им пространствах. Таким образом, в русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации: господствующее племя — славянское — выводит поселения свои все далее и далее вглубь востока. Всем племенам Европы завещано историей высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому, — сухим путем.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота: «В Скифии, — говорит он, — нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». В самом деле, обширному пространству древней Скифии соответствуют исполинские системы рек, которые почти переплетаются между собою и составляют водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особой жизни; как везде, так и у нас, реки служили проводниками первому народонаселению, по ним сели племена, на них явились первые города; так как самые большие из них текут на восток или юго-восток, то этим условилось и преимущественное распространение Русской

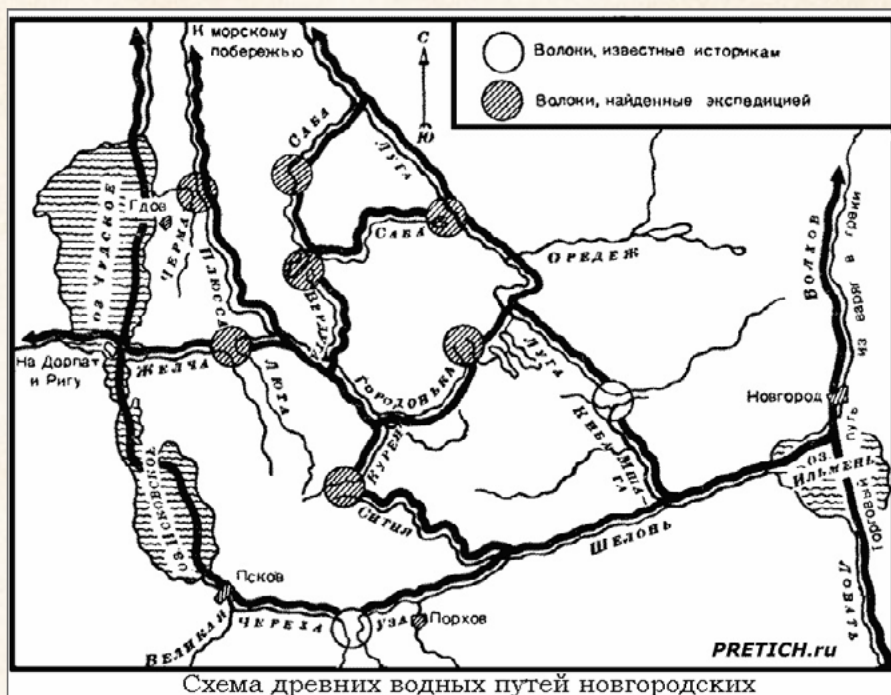

▲ Из варяг в греки

государственной области в означенную сторону; реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств. Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолжение Финляндской озерной области, в отношении географическом и историческом посредничает между Западною Европою и Россиею. Здесь славянское племя сталкивается с скандинаво-германским; здесь шел великий водный путь из Северо-Западной Европы в Юго-Восточную и в Азию, из Варяг в Греки, путь, по которому издавна спускались северные дружины на юг для опустошения берегов Империи, этим же путем производилась торговля между севером и югом Европы. Озеро Ильмень, принимая в себя с юга многоветвистую Ловать, выпускает на север, в Ладожское озеро, Волхов; великий водный путь шел из Финского залива, по Неве, в Ладожское озеро, отсюда Волховом в Ильмень, из Ильменя Ловатью. Славянское племя при движении своем с юга на север не утвердилось в половине IX века нигде на берегах моря; навстречу медленному движению славян видим быстрое движение варягов. Славянам удалось утвердиться на важном пункте, при истоке Волхова из Ильменя, где является Новгород, но на втором важном пункте великого пути — при впадении Волхова в Ладожское озеро — они утвердиться не могли. Если даже предположим, что Ладога существовала до прибытия Рюрика, то она находилась не при самом устье Волхова, и это положение ее показывает со стороны славян какую-то медленность, боязливость приблизиться к озеру Нево. Что касается

▲ Волоки

реки Невы, то начальный летописец считает ее не рекою, а устьем озера в море; Нева долго текла в дикой независимости, и короткий бег ее долго был свидетелем упорной борьбы между двумя народами — русскими и шведами. Русским удалось во время этой борьбы утвердиться на третьем важном пункте великого пути — при истоке Невы из Ладожского озера, где был построен Орешек; но потом эта крепость была уступлена шведам; Петр Великий взял ее снова и назвал Ключом-Городом (Шлиссельбургом); наконец, Петр успел овладеть течением Невы и укрепился на последнем, самом важном пункте озерной системы в начале великого водного пути, — именно при устье Невы в море, где основал Петербург. Это положение при начале великого водного пути, соединяющего и теперь Европу с Азией, условило важное значение Петербурга как столицы: здесь в IX веке началась первая половина русской истории, здесь в XVIII — началась вторая ее половина. Движение восточных славянских племен с юга на север по великому водному пути, начавшееся в доисторическое время, только в XVIII веке окончательно

достигло своей цели — морского берега.

Область Новгородского княжества есть озерная область, где главный узел составляет озеро Ильмень, следовательно, естественные границы княжества должны совпадать с границами речных систем Ильменя, Ладожского озера и других близлежащих озер; и действительно, мы видим, что границами Новгородской области служат волоки между системами рек озерных и между системами Волги, Днепра и Западной Двины. Разумеется, эти границы мы должны означать приблизительно: в некоторых местах, преимущественно к востоку и юго-востоку, племя славян ильменских или новгородских еще в незапамятные времена могло перейти волоки и выселиться на другие речные системы вследствие малонаселенности страны, лежащей к востоку, на верховьях Волги; несмотря на то, однако, границы преимущественно идут по волокам, которые, надобно заметить, нигде не имеют такого важного значения, как у нас в России, ибо заменяют отчасти горы. На юге границу Новгородской области с Полоцкою и Смоленскою служил волок между системою

▲ Великий Новгород

Ильменя и Западной Двины, здесь граница могла обозначиться с большей точностью волоком вследствие раннего населения Полоцкой или Двинской области. На востоке границу Новгородской области с Ростовскою или Суздальскою служил приблизительно также волок между системой Ильменя и Верхней Волги; так, видим границу при реке Медведице, одном из самых близких волжских притоков к системе ильменской; но здесь, на востоке, новгородцы перешли в некоторых местах естественную границу своей области, ибо народонаселение необходимо стремилось с запада на восток, находя себе здесь более простора; так, в числе новгородских владений мы встречаем Торжок, Волок-Ламский, Бежецк и другие места, находящиеся на волжской системе; любопытно, однако, видеть, что эти места были спорные между новгородцами и князьями Ростовской области, последние никак не хотят уступить их в полное владение новгородцам: так,

Волок и Торжок разделены пополам между новгородцами и суздальскими князьями; название Торжка, Торга, указывает именно на пограничное место, куда сходились на мену, торг, жители двух областей; название Новый Торг указывает, что этот торг был прежде где-нибудь на другом месте, быть может, выше, на самом волоке. Любопытно, также, что все эти места на волжской системе перечисляются всегда в грамотах как новгородские владения — знак, что они были спорные, что суздальские князья имели на них постоянные притязания, одним словом, что это были колонии Новгородские в чужой области. Такие же колонии новгородские простирались в области Онеги, Северной Двины и далее до самого Уральского хребта; на важное значение волоков указывает название заволоцких владений Новгорода, Заволоцкой чуди.

В тесной связи с системой Ильменя находится система Чудского и Псковского озер: кривичи изборо-

ские находятся в союзе с славянами новгородскими, вместе с ними призывают князей; несмотря, однако, на эту тесную связь, несмотря на то, что Псков, сменивший Изборск, находился в пригородных отношениях к Новгороду, Псков с самого начала стремится к самостоятельности и, наконец, достигает ее: здесь между другими обстоятельствами нельзя не предположить и влияния природы, потому что Псковская область принадлежит к отдельной речной системе. Этим же обстоятельством обуславливаются и самое различие и границы племен: народонаселение Изборской области принадлежало к кривскому племени.

Новгородская область представляет самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почве она разделяется на две половины: северо-восточную и юго-западную. Северо-восточная, простирающаяся от окрестностей озер Лача и Вожа до рек Сяси и Мологи, наполнена

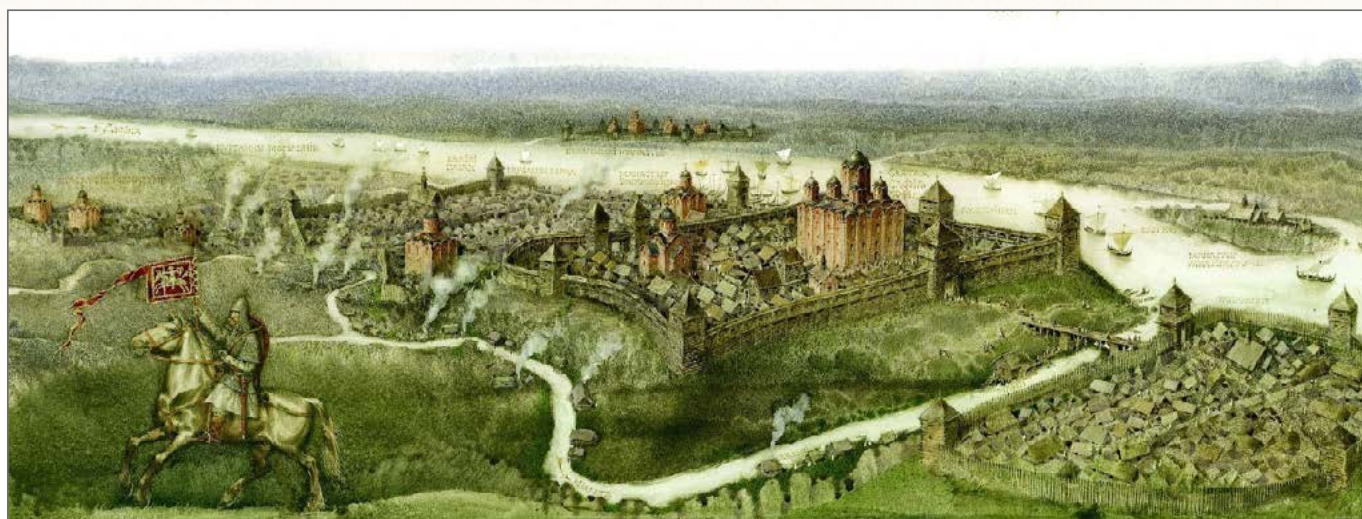

стоячими водами и лесами, подвержена дуновению северных ветров и повсюду неплодородна по причине влажной и болотистой почвы; юго-западная половина гораздо возвышеннее, суше и плодороднее. Это разделение важно для нас в том отношении, что им определяется первоначальная граница славянского и финского племени; известно, что везде при своих столкновениях славяне занимали возвышенные, сухие и хлебородные пространства, финны же — низменные, болотистые; так точно и здесь означенная граница по качеству почвы соответствует границе между славянским и финским племенами в Новгородской области. Самые лучшие для хлебопашества места находятся между реками Шелонью и Ловатью: здесь главные селища славянского племени; далее к северо-западу, в нынешней Петербургской губернии, опять начинаются низменные, болотистые пространства — почва финского племени. Но так как пространство между реками Шелонью и Ловатью мы называли хлебородным только относительно, вообще же ильменские славяне не нашли в своих жилищах больших удобств для земледельческой промышленности, то с течением времени благодаря удобству водных путей среди них развилась торговая промышленность, указавшая им необходимо путь к северо-востоку, ма-

лонаселенному финскими племенами, со стороны которых новгородцы не могли встретить сильного сопротивления. Из летописных свидетельств мы знаем, что относительно продовольствия Новгородская область была в зависимости от Низовой земли: князь последней, пресекши подвоз съестных припасов, мог заморить Новгород голодом; с другой стороны, и относительно торговли Новгород зависел вполне от Востока, потому что торговое значение Новгорода состояло в доставке северо-восточных товаров в Европу: отсюда понятно, что когда на востоке явилось могущественное владение — государство Московское, то Новгород, находясь в полной зависимости от Востока, необходимо должен был примкнуть к этому государству, таким образом, сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимым от Восточной Руси. То же самое должно сказать и о Пскове: его область имеет также тощую почву, которая должна была заставить народонаселение обратиться к другому рода промышленности — к торговле, ремеслам; псковичи славились мастерствами, особенно строительным; новгородцев в насмешку называли плотниками — указание на их промышленный характер.

Несмотря на то что на западе в средние века существовало мнение, будто из Балтийского моря

по восточному пути можно проехать водою в Грецию, водный путь этот прекращался рекою Ловатью там, где прекращается и Новгородская озерная область. От Ловати до Днепра шел волок, отделявший Новгородскую озерную область от Западновинской и Днепровской. Об этом волоке между Ловатью и Днепром упоминает начальный летописец, описывая водный путь из Варяг в Греки, но он не вдаётся в подробности, каким образом дружины первых князей русских шли от Ловати до Днепра. Очень вероятно, что путь их лежал от Ловати по реке Серреже до тридцативерстного волока к Желну на реке Торопе, потом вниз Торопою до Двины, Двиною к устью Косопли (Каспли) и этою рекою вверх до озера Касплинского и волока при Гавринах в Порецком уезде с переездом по суше тридцати верст. Во всяком случае на пути от Ловати к Днепру должно было встретить Западную Двину — вот причина, почему Двинская область, область полоцких кривичей, вошла в связь с новгородцами и князьями их прежде области кривичей смоленских, и Рюрик уже отдаёт Полоцк одному из мужей своих. Область Западной Двины, или область Полоцкая, имела такую же участь, как и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину течения Двины, но не успело при медленном движе-

▲ Полоцк

▲ Петр Великий

нии своем достигнуть ее устья, берегов моря, около которого оставались еще туземцы, хотя подчиненные русским князьям, но не подчинившиеся славянорусской народности. Особность Полоцкого, или Двинского княжества, его слабость вследствие этой особенности и усобиц были причиной того, что в XII веке от морских берегов, с устья Двины, начинается наступательное движение немцев, пред которыми полочане должны были отступать все далее и далее внутрь страны. Потом Полоцкое княжество подчинилось династии князей литовских и чрез них соединилось с Польшею. Московское государство, сосредоточив северо-восточные русские области, усилившись, начало стремиться по естественному направлению к морю, ибо в области Московского государства находились истоки Двины. Иоанн IV, стремясь чрез покорение Ливонии к морю, взял и Полоцк; но Баторий отнял у него и Ливонию и Полоцк, вследствие чего почти все течение Двины стало находиться в области одного государства. Но чрез несколько времени шведы отняли у поляков устье Двины, и область этой реки явилась в затруднительном, неестественном

положении, поделенном между тремя государствами. Петр Великий отнял низовье Двины у шведов, вследствие чего положение Двинской области стало еще затруднительнее, потому что верховье и устье находились в области одного государства, а середина — в области другого. При Екатерине II Двинская область была выведена из этого неестественного положения.

Границу Полоцкой области на севере составляет водораздел между системою Двины и озерною — ильменскою и чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области: за него шла сильная борьба между князьями полоцкими, потомками Изяслава Владимировича и потомками брата его Ярослава, владельцами остальных русских областей. Причина этой борьбы, причина стремления Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины ясна с первого взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая в нее речка Торопа служили соединением Новгородской области с собственной Русью, областью Днепровскою, по ним шел путь из Варяг в Греки; владея Новгородом и Днепровьем, Ярослав и дети его не могли оставить

верховье Двины и Торопу во владении враждебного рода Изяславичей полоцких; последние, пользуясь тем, что их владения, их речная область, отделяла Новгородскую область от Руси, неоднократно обнаруживали свои притязания на Новгород, Ярослав уступил Брячиславу полоцкому Витебск и Усвят, но удержал верховье Двины и Торопу, где после образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее к Смоленскому, Из этого положения Торопецкого княжества, лежащего в середине между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днепровскою (Южно-русскою) и Волжскою (Ростовскою и Суздальскою) областями, уясняется нам положение князей торопецких, знаменитых Мстиславов, их значение как посредников между Новгородом, Южной Русью и князьями суздальскими; посредством Торопца Новгород поддерживал связь свою с Южной Русью, из Торопца получал защиту от притеснений князей суздальских.

На востоке, юге и западе границами Полоцкой области служили приблизительно также водоразделы между системами Двины, Днепра и Немана. Но на юге к Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системе днепровской, по правому берегу Днепра и рекам, впадающим в него с этой стороны. Княжество Минское образовалось, как видно, из области славянского племени дреговичей, севших, по летописи, между Припятью и Двиною. Мы видим, что в стремлении своем на юг из Новгородской области варяги прежде всего должны были перейти в область Двины и утвердиться в Полоцке. Отсюда, двинувшись к югу, они немедленно должны были перейти в область Днепра, в землю дреговичей, в том месте, где притоки Днепра и Двины находятся так близко друг от друга, где теперь искусственно соединяются Березинским каналом. Это движение полоцких державцев к югу и покорение дреговичей, без сомнения, произошло еще при Рюрике, по крайней мере прежде движения Олега из Новгоро-

да; что правый берег Днепра, земля дреговичей, занята была из Полоцка, доказывает молчание летописи о покорении дреговичей Олегом или его преемниками. Владимир, истребив семью полоцкого князя Рогволода, присоединил его владения, как кривские, так и дреговические, к своим; но после по совету дружины, восстановил Рогволодову область в целом ее виде для внука Рогволодова, а своего сына — Изяслава; этим объясняется, каким образом Минское княжество, лежащее в области Днепровской, принадлежало роду князей полоцких; но Минское княжество вследствие своего географического положения становится местом борьбы между Изяславичами полоцкими и Ярославичами русскими, и долее, чем самый Полоцк, остается за последними; а дреговичи южные, жившие по притокам Припяти, принадлежат постоянно к владениям русских Ярославичей. Почва собственно Полоцкого княжества неплодородна, вся область наполнена озерами, болотами-топями; теперь в Витебской губернии считается

больше 1000 озер, больших и малых. Бедность природы при удобстве сообщения с морем посредством Двины обратила внимание полочан и видблян на торговлю, и они вместе с смольнянами являются посредниками заморской русской торговли.

Как Полоцкое княжество есть область Западной Двины, так Литва есть область Немана, Польша — область Вислы. Литовская область вместе с областью ятвягов, лежащею по границе между речными системами Вислы, Немана и Днепра. имеют важное значение в истории Восточной Европы: покрытые болотами и лесами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокие горных хребтов охраняли западные границы русских славян; среди этих-то болот и непроходимых пущ с незапамятных пор заселили странные народы — литва и ятвяги, происхождения которых не могут еще определить ученые. Благодаря природе своей страны литовцы и ятвяги долее всех своих соседей сохраняли дикость первоначально быта, они набегали на окрестные

страны, но сами были недостижимы в своих неприступных природных укреплениях. Когда единоплеменники их — пруссы — подверглись тяжкому игу немцев, литовцы отбились от последних в своих дебрях, заслонили от них и восточных соседей своих; с другой стороны, вероятно, усиленные в числе прусскими выходцами, литовцы начинают наступательное движение к востоку и югу на русские области и основывают княжество, которого географическое положение также очень важно: в области Литовского великого княжества соединялись системы днепровская, вислинская, неманская и западнодвинская, реки русские соединялись с реками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеном, связующим Русь с Польшею. На небольшом пространстве между Кобрином, Пинском и Слонимом три речные системы — вислинская, неманская и днепровская, и вместе с тем три области — Польская, Литовская и Русская соединяются теперь каналами; вот доказательство, что на Восточной Европейской равнине естественными

▲ Смоленск

▲ Владимир Мономах

границами между странами и народами служили междуречные волоки, и как эти естественные грани были незначительны, как мало препятствовали соединению народов!

Юго-Западная, древняя собственная Русь (княжества Киевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское), есть область Днепра, главной реки водного пути из Варяг в Греки; этому пути, следовательно Днепру преимущественно, Русь была обязана своим соединением с Северо-Западной и Юго-Восточной Европой: из первой явились князья, от второй получено христианство; Днепру преимущест-

венно Русь была обязана и своим материальным благосостоянием: по этой реке шли с своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежные славянские племена, жившие рассеянно; по Днепру же шел и торговый путь из нижних стран в верхние. И Днепр в историческом отношении разделял судьбу других рек русских: его устье, хотя с незапамятных пор покрывалось русскими лодками, однако, собственно не находилось в русских владениях до времен Екатерины II, потому что Русская государственная область распространялась естественным образом изнутри, из ядра своего, вниз

по рекам до естественных пределов своих, то есть до устьев этих рек, берущих начало в ее сердце, а это сердце — Великая Россия, Московское государство, справедливо называемое страной источников: отсюда берут свое начало все те большие реки, вниз по которым распространялась государственная область. Несмотря на то что Юго-Западная Русь, преимущественно Киевская область, была главной сценой древней нашей истории, пограничность ее, близость к полю или степи, жилищу диких народов, делала ее неспособной стать государственным зерном для России, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Киевская область (Русь в самом тесном смысле) вначале и после носит характер пограничного военного поселения, остается страной козаков до полного государственного развития, начавшегося в Северной Руси, в стране источников.

Но если по причинам естественным Юго-Западная Русь не могла стать государственным ядром, то природа же страны объясняет нам, почему она была главной сценой действия в начальной нашей истории: области древних княжеств Киевского, Волынского, Переяславского и собственно Черниговского составляют самую благословенную часть областей русских относительно климата и качества почвы. Древнюю Русь в самом тесном смысле этого слова составляла страна около Киева, на западном берегу Днепра, земля полян. Область Киевского княжества в первоначальном виде, как досталась она Изяславу I, заключала в себе земли полян, древлян и отчасти дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: к востоку — Днепр; к северу — водораздел между речными областями, собственно Днепровскою и областью Припяти, потом водораздел между областью Припяти и Немана; к западу — водораздел между Западным Бугом и Вислою; к югу — сначала водораздел между областью Припяти, Днестра и Буга, потом — река Рось, по которой начиная с XI века видим

уже военные поселения, зерно значества. Почему река Рось служила в древности южною границею и Киевского княжества и всех русских областей, это объясняется также природою: к югу от этой реки, в южной части нынешней Киевской губернии, почва принимает уже степное свойство, луга здесь степные. Область княжества Владимиро-Волынского заключала в себе землю бужан (славянского племени, жившего по Западному Бугу) и, принадлежала, с одной стороны, к системе вислинской, а с другой, чрез притоки Припяти к днепровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положение Владимиро-Волынской области на отдельной от Днепра речной системе объясняет отчасти, почему Волынь отделяется от собственной Руси и вместе с Галичем образует особую систему княжеств, отдельность речной системы объясняет также и раннюю особенность Галицкого княжества, лежащего по вислинской и днестровской системам.

На восточной стороне Днепра притоком последнего, Десною, привязывалась к Киевской области и область Черниговская, лежащая по Десне и ее притокам. Тщетно князья хотели делить Русь Днепром на две отдельные половины — Десна привязывала Чернигов к Киеву так же крепко, как и родовые отношения Святославичей и Мономаховичей; тщетно потом польское правительство хотело разделиться Днепром с Москвою, это деление было кратковременно. Река Сейм, приток Десны, привязывала к Чернигову область Курскую. На южной оконечности нынешней Черниговской губернии находится возвышенность, дающая начало рекам, изливающимся отсюда в Полтавскую губернию, Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этот водоспуск в древности отделял область Черниговского княжества от области Переяславского. На верхнем Днепре, и, следовательно, в тесной связи с Киевом, находилась область Смоленского княжества. Смоленск находился в области кривичей, которые сели на верховьях рек Волги, Днепра и Двины, из это-

го положения легко видеть важное значение Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси — между областю Волги, Днепра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Белою Россиею; держа ключи ко всем этим областям, смоленские князья держат Новгород в зависимости от Южной Руси, стерегут Днепровье от притязаний северных князей, принимают самое деятельное участие в распрях последних с южными, являются главными деятелями в истории Юго-Западной Руси (с тех пор, как волыньские князья обращают все свое внимание на запад), борются с Волынью и Галичем за Киев и во время этой борьбы крепко держатся связи с севером, с Новгородом и Волжскою областю. Из положения Смоленской области понятно, почему Смоленск служил постоянно поводом к спору между Северо-Восточною, или Московскою, и Юго-Западною, или

Литовскою, Русью, почему ни московское, ни литовское (польское) правительство не могли успокоиться, не имея в своих руках Смоленска. Граница Смоленского княжества шла на севере между притоками Ловати и Торопою, далее от Торопца — к Верхней Волге у Ржева; восточная граница шла от Ржева мимо Зубцова к верховьям Москвы-реки и Протвы, около Можайска, потом поворачивала к западу водоразделом между системою днепровскою и окскою, между Угрою и Днепром, между Десною и Сожью; южную границу с Черниговскою и Киевскою областями определить можно впадением реки Прони в Сожь; на запад границу составлял Днепр до Орши и далее на север — линия через Двину между Сурожем и Велижем к Торопцу. Из обозначения этих границ видно, что Смоленское княжество, кроме области кривичей, заключало в себя также и область радимичей,

▲ Рюрик

живших на Соже. Почва Смоленского княжества вообще неплодородна, особенно половина, лежащая к северу от Днепра, это обстоятельство и выгодное положение на трех речных системах среди главных русских областей необходимо условливали развитие торговой промышленности у смолян и в древние времена.

Теперь обратимся к Великой России, государственному ядру. Здесь первое место принадлежит области Верхней Волги, или Ростовской области. Главный город ее Ростов Великий при самом начале русской истории находится в тесной связи с Новгородом и его князьями, те же заморские варяги, которые брали дань на новгородских славянах и на чуди, берут ее и на мери, финском племени, жившем около Ростова; посадник Рюрика сидит в Ростове, причем не упоминается о походе, о покорении, следовательно, более чем вероятно, что меря, подвергавшаяся вместе с новгородцами и чудью варяжскому игу, вместе с ними свергла его, вместе с ними призвала князей. Такая тесная связь Ростова с Новгородом и чудью объясняется тем, что Белоозеро связано с Ростовом водною нитью, эта нить есть река Шексна, которая вытекает из Белоозера и впадает в Волгу у нынешнего Рыбинска; Ростов же находится при озере Неро, из которого течет Которость, впадающая в Волгу при Ярославле. Варяги, овладевшие Белоозером, необходимо должны были спуститься вниз по Шексне к Волге, отсюда вниз по Волге до Которости и ею вверх до Ростова. Если этот водный путь служил для враждебных нападений, то он должен был так же служить и для мирных сношений между Белоозером и Ростовом, отсюда объясняется постоянная, неразрывная связь между этими городами в нашей истории, объясняется, почему Белоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежит Ростов с Поволжьем; впоследствии Белоозеро становится уделом Ростовского княжества. Вниз по Шексне ходили в Ростовскую землю военные дружины и торговые лодки, вверх по ней шли из Ростов-

▲ Иван Грозный

ской земли на Белоозеро и мятежные волхвы, так сильно волновавшие новообращенных христиан севера.

Естественные и вместе исторические границы Ростовской области обозначаются с севера и северо-запада границами новгородских владений; при определении последних мы видели и северо-западную границу Ростовской области; на севере естественною границею ее служили Увалы, отделяющие систему Волги от системы Северной Двины. Что же касается до естественных границ Ростовской области с востока, юга и юго-запада, то они, собственно, должны совпадать с границами волжской системы, но это уже будут границы не Ростовской области, а Московского государства, которого область есть преимущественно область Волги. Таким образом, мы видим, что историческое деление Русской государственной области

на части условливается отдельными речными системами, ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области; чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а, естественно, меньшим частям примыкать к большей — отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству.

Итак, целая область Волги есть преимущественно область Московского государства, и Ростовская область будет только областью Верхней Волги. Проследим же теперь распространение Русской государственной области по волжской системе и переход Ростовской области в область великого княжества Владимирского, и последней — в область Московско-

го государства. Ростов был городом племени и, если принимать известие летописца, был одинок в целой обширной области, получившей от него свое название. Мы видим, что одною из главных сторон деятельности наших князей было построение городов. Это построение носит следы расчета, преднамеренного стремления, что видно из положения новых городов и из расстояния их одного от другого. Ярославль построен на важном пункте, при устье Которости в Волгу, которая посредством этого притока соединяется с Ростовским озером. Потом, мы видим стремление вниз по Волге: города строятся при главных изгибах реки,

при устьях значительных ее притоков — так построена Кострома при повороте Волги на юг, при впадении в нее Костромы; Юрьевец-Поволжский — при следующем большом колене, или повороте Волги на юг, при впадении в нее Унжи; наконец, Нижний Новгород — при впадении Оки в Волгу. Здесь на время остановилось естественное стремление северных князей вниз по Волге, к пределам Азии. Нужно было вступать в борьбу с народонаселением, жившим по берегам Волги и ее притоков, отсюда необходимые войны северных князей с болгарами и мордвою; в этой борьбе русские остаются победителями, видимо, оттесняют варваров,

но тут Азия как будто собирает последние силы для отпора опасному врагу и высылает толпы татар. Основатель Нижнего Новгорода Юрий Всеволодович пал в битве с татарами; движение русских вниз по Волге было надолго остановлено. При Димитрии Донском оно начинается снова: русские полки являются опять в старинной земле Болгарской, здесь загорается последняя ожесточенная борьба между Европою и Азией, борьба, имеющая важное значение не для одной русской истории. Азиатцы основывают в Болгарской земле крепкий оплот против стремления русских и в лице их против Европы и христианства: этот оплот — Казань. После долгой, упорной борьбы Казань падает пред Иоанном IV. Как важна была Казань для Азии, видно из того, что спустя немного времени после ее завоевания устье Волги, чрез покорение Астрахани, уже находится в руках русских. В то же время русские поселения распространяются по камской системе, которая так близка к системам рек сибирских, причем переход чрез Уральские горы по их незначительной высоте был легок, незаметен для русских людей; уже при Иоанне IV козаки разведывают путь в Сибирь, причем главная их дорога по рекам; при наследниках Грозного русские утверждают здесь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромных пространствах дикие народцы не могли выставить им сильного сопротивления; природа в удобстве водных сообщений везде дала предприимчивым русским дружинам средство с необыкновенною быстротою отыскивать новые земли для приведения их под высокую руку великого государя, и скоро русские грани касаются берегов Восточного океана. Заметим также, что природа, отделив Сибирь от остальной Азии пространными степями Татарики, а с востока и севера опоясав уединенными океанами и направив течение больших рек ее к северным тундрам, чрез это самое заставила ее смотреть исключительно на запад, образовала из нее нераздельную часть Европейской России.

▲ Юрий Долгорукий

▲ Москва

Кроме стремления вниз по Волге, у северных князей было еще другое стремление, более важное, именно стремление на юг для соединения с Юго-Западною Русью, где находилась главная сцена действия. Мы назвали это стремление более важным, потому что хотя у князей это было только стремление к югу, для соединения с Днепровскою Русью, однако на самом деле это выходило искание центра, около которого русские области могли сосредоточиться. Стремление князей к югу усматривается в перенесении стола княжеского из Ростова в Суздаль; первый князь, который должен был остаться надолго в Ростовской области, Юрий Владимирович Долгорукий, живет уже не в Ростове, а в Суздале, городе южнейшем. Каково же положение этого города, и как вообще должно было совершаться это движение на юг? И здесь, как везде в нашей

древней истории, водный путь имеет важное значение. Самая ближайшая от Которости и от Ростовского озера река к югу есть Нерль, которая сама есть приток Клязьмы, таким образом, если следовать речным путем, то после Ростова южнее будет Суздаль на Нерли, потом южнее Суздали является Владимир, уже на самой Клязьме; так и северные князья переносили свои столы — из Ростова в Суздаль, из Суздаля во Владимир. Здесь, в последнем городе, стол великокняжеский утвердился надолго, потому что северные князья, достигнув этого пункта, презрели Южною Русью и все внимание обратили на восток, начали стремиться по указанию природы вниз по рекам: Клязьмою — к Оке и Окою — к Волге. Положение Владимира было очень выгодно для того времени, когда после нашествия монголов восточные отноше-

ния играли важную роль: Владимир лежит на Клязьме, которая впадает в Оку там, где эта река принадлежит востоку. Здесь природа с своей стороны предлагает также объяснение, почему владимирские князья, устремив все свое внимание на дела северо-востока, так охладели к югу; такое охлаждение особенно замечается в деятельности Юрия II Всеволодовича. Из этого уже видно, что Владимир не мог быть сосредоточивающим пунктом для русских областей: положение его односторонне, река, на которой лежит он, стремится к финскому северо-востоку. Средоточие было найдено вследствие опять того же стремления к югу, которым особенно отличался Юрий Долгорукий. Мы видели речной путь от Ростова к югу, но этот путь вел не прямо к югу, а к юго-востоку, тогда как для отыскания центра русских областей нужно было уклониться к юго-запа-

ду, что и сделал Юрий Долгорукий, построивший на юго-запад от Ростова, по пути в Днепровскую Русь, города Переяславль-Залесский и Москву. Москва и была именно искомым пунктом, это обозначилось тотчас же в истории: в первый раз Москва упоминается в 1147 году, по случаю свидания Долгорукого с Святославом северским. Москва лежит на реке того же имени, которая течет между Волгою, Окою и Верхним Днепром. Москва-река впадает в Оку, так же как и Клязьма, с тем, однако, различием, что Клязьма впадает в Оку там, где она принадлежала финскому северо-востоку, тогда как Москва впадает именно в том месте, где Ока, обращаясь к востоку, передавала Москве обязанность служить соединением для северных и южных русских областей. Сосредоточивающий пункт долженствовал быть местом соединения севера с югом, но вместе с тем должен был носить характер северный, потому что на севере находились крепкие государственные основы, которых не было в области собственной Оки, в земле вятичей, в стране переходной, без определенного характера, впрочем, издавна примыкавшей к Южной Руси, и потому более на нее похожей. Заметим также, что Москва находилась прямо в середине между двумя племенами, из которых главным образом составилось народонаселение русское, между племенем славянским и финским.

Что касается природы московского центрального пространства, то оно представляет обширную открытую равнину с умеренным климатом, эта равнина не везде равно плодородна и в самых плодородных местах уступает южным пространствам империи, но зато она почти везде способна к обработке, следовательно, везде поддерживает деятельность, энергию человека, побуждает к труду и вознаграждает за него, а известно, как подобные природные обстоятельства благоприятствуют основанию и развитию гражданских обществ. Было сказано, что эта область не везде одинаково плодородна: северная часть менее

плодородна, чем южная; это природное обстоятельство также очень важно, обуславливая первоначальную промышленность как главное занятие для южного народонаселения и промышленность, производящую для северного, дополняя, следовательно, одну часть другою, делая их необходимыми друг для друга.

Область Москвы-реки была первоначально областью Московского княжества, и в первой деятельности московских князей мы замечаем стремление получить в свою власть все течение реки. Верховье и устье ее находились в чужих руках, следовательно, область Московского княжества была заперта с двух концов: верховье реки находилось во власти князей Можайских-смоленских, устье — во власти князей рязанских, — здесь их был город Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваниями Москвы были Можайск и Коломна князь Юрий Данилович, только овладев этими двумя городами, мог считать свою область вполне самостоятельной.

Мы видели, что распространение русских владений следовало течению рек. Во-первых, оно шло озерною новгородскою системою, потом системою Двины и Днепра к югу или юго-западу и в то же время, с другой стороны, шло путем белозерским, по Шексне, и далее к югу по системе Мологи к Волге, потом Волгою и на юг от этой реки к Оке. Навстречу этому движению от севера, которое, как видно, не шло далее Москвы, мы замечаем движение с юга по Десне — притоку Днепра, и Оке — притоку Волги. Таким образом, первоначальное распространение преимущественно шло по огромной дуге, образуемой Волгою к северу, до впадения в нее Оки, и Днепром — к югу; потом распространение происходило в середине дуги, с севера от Волги, и ему навстречу, с юга от Днепра, причем оба противоположные движения сходились в области Москвы-реки, где и образовался государственный центр. Течение Оки от истоков ее до устья Москвы-реки и потом вместе с течением последней имело

важное историческое значение, потому что служило посредствующею водною нитью между Северной и Южной Русью. Так как движение с юга, от Днепра вверх по Десне и ее притокам, шло от главной сцены действия, от Киевской области, то, естественно, было быстрее, чем противоположное ему движение с севера, из дикой, малонаселенной области Верхней Волги, и потому движение с юга скоро переходит из области Десны в область Оки, и владения черниговских Святославичей обнимают равно обе эти области: этому скорому переходу из одной речной области в другую благоприятствовала близость источников и притоков обеих рек, хотя в древности водораздел между системами Десны и Оки служил границею двух племен — северян и вятичей. Близость областей Окской и Деснинской, или, принимая обширнее. Волжской и Днепровской, и вследствие того раннее их политическое соединение были важным препятствием к разъединению Северо-Восточной, или Московской, Руси с Юго-Западною, Литовскою; вот почему волок между Угрой и Днепром, собственно разграничивающий область Днепра от Окской, не мог долгое время служить границею между обеими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здесь утвердить границу. Область нижней Оки, от впадения Москвы-реки до Муром, и отчасти область верхнего Дона досталась младшему из сыновей Святослава черниговского, Ярославу, изгнанному из Чернигова племянником Всеволодом Ольговичем; эта область разделялась впоследствии на два княжества — Рязанское и Муромское, которые, будучи оторваны от Черниговской области по условиям историческим и находясь в связи с Ростовскою областью по условиям географическим, с самого начала находятся в большей или меньшей зависимости от последней.

Область Дона долго находилась вне русской исторической сцены, хотя по близости окских притоков к верхнему Дону и его притокам владения рязанские, с одной стороны, и черниговские, с другой,

▲ На волоке

необходимо должны были захватывать и донскую систему; Дон оставался степною рекою (как он и есть по природе берегов своих) почти до самого XV века, т.е. до усиления Московского государства, которое на берегах его в XIV веке одержало первую знаменитую победу над Азией в лице монголов. Заселение донского и волжского степного пространства принадлежит Московскому государству.

Наконец, природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробужденный раз вспышкой страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительно.

Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным. С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что мощественно действует на отношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, — в та-

ком народе женщина не может быть исключена из сообщества мужчин. Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов. Все сказанное прилагается в известной мере к историческому различию в характере южного и северного народонаселения Руси. ■

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

▲ Князь Куракин

Оказавшись как-то в кругу петербургских академиков, среди которых находился и М. В. Ломоносов, молодой и хвастливый князь Иван Куракин решил напомнить, что и он величина.

— А вот я Рюрикович! Моё генеалогическое древо уходит корнями к Владимиру Красное Солнышко. Кто ещё здесь может заявить такое о себе? Вот ты, Михайло, сын Васильев, способен что-нибудь подобное сказать о своих предках?

— Увы, нет, — с грустью отвечал русский учёный. — Дело в том, что все записи нашего рода пропали во время всемирного потопы.

▲ М. В. Ломоносов

Вопрос: Кто подскажет, Познера под какую-нибудь статью можно подвести?

Ответ: неуплата налогов с финансирования из ЦРУ.

В 1776 году была создана самая свободная страна в мире — Соединенные Штаты Северной Америки. Через 90 лет в ней даже отменили рабство.

Б.В. ПРЯНИШНИКОВ

В СТАНЕ БЕЛЫХ

▲ Исход Белой армии, Севастополь

Под водительством генерал лейтенанта Петра Николаевича Врангеля белая армия в последний раз пыталась изменить ход истории России, а с нею — и всего мира.

П. Н. Врангель был самым выдающимся и самым талантливым полководцем в стане белых, вождем Божьей милостью. Блестящий кавалерийский генерал, в молодости окончивший Николаевскую академию Генерального штаба, он разгромил красных в тяжелых боях под Ставрополем, нанес им поражение на Северном Кавказе, отличился в сражении на реке Маныч, во главе Кавказской армии овладел Царицыном — «красным Верденом». Отличный стратег, на лету схватывав-

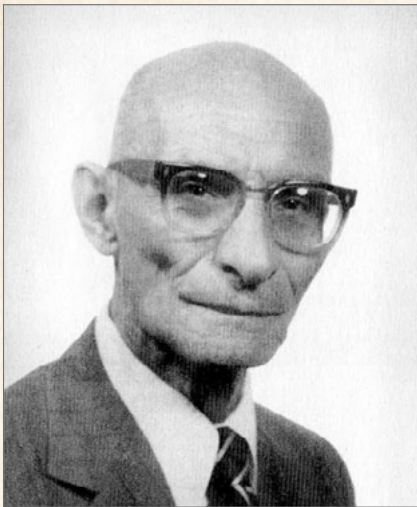
ший быстро меняющуюся обстановку, Врангель после короткого размышления принимал правильные решения и наносил сокрушающие удары озадаченному, терявшему дух противнику. Громадного роста, затаенный в черную черкеску, он излучал из себя бешеную энергию, волевой напор, веру в победу. Одно его появление перед фронтом полков электризовало офицеров и солдат. В расстроенную поражениями армию Деникина он вдохнул новую веру и в течение немногих недель превратил ее в лучшую армию русской Гражданской войны.

Под его водительством армия вырвалась на просторы Северной Таврии, громя превосходившие ее силы красных. При прорыве из Перекопа

опять отличилась Корниловская дивизия. Ею временно командовал Пашкевич, заменивший больного брюшным тифом Скоблина. Незадолго до прорыва у позиций 2-го Корниловского полка был устроен концерт Плевацкой. Собравшимся во рву у импровизированной эстрады корниловцам предстали Пашкевич и Плевацкая. Оркестр грянул встречный марш. А затем пела Плевацкая, как всегда хорошо. Под конец концерта красная артиллерия пустила наудачу несколько снарядов. Испуганную Плевацкую Пашкевич взял под руку и увел в укрытие.

В середине июня 1920 года корниловцы покрыли себя немеркнувшей славой. Красное командование

Прянишников Борис Васильевич (1902-2002) участник Гражданской войны в России на стороне белого движения. Общественно-политический деятель русской эмиграции — мемуарист, редактор периодических изданий, литературный псевдоним Б. В. Серафимов, А. В. Лисовский. Родился 21 июля 1902 г. в Велюне, Калишской губернии Царства польского (где в то время служил отец) в семье потомственных дворян Области Войска Донского. Отец офицер царской армии, участник I мировой войны, полковник, был тяжело контужен и отстранен от службы, направлен в тыл. Был назначен командиром запасного 4-го Донского казачьего полка. В 1917 г. в Новочеркасске большевики подняли восстание, Прянишников, будучи кадетом 5-го класса Донского императора Александра III кадетского корпуса, бежал на фронт. Восстание было подавлено, кадет вернулся домой. Летом 1918 г. против воли отца он использовал каникулы для борьбы с большевиками. После оставления Новочеркаска Деникиным кадеты поступили в Атаманское военное училище.

С окончательным разгромом войск Деникина училище эвакуировали в Крым. Сражался с красными под Каховкой. После эвакуации врангелевской армии из Крыма в ноябре 1920 г. оказался на острове Лемнос в Средиземном море. В 1922 г. произведен в офицеры. В 1925 переезжает во Францию. Являясь членом крупнейшей военной белоэмигрантской организации Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), болезненно переживает многочисленные провалы и неудачи РОВС в организации «активных действий» (читая диверсионно-террористических и повстанческих акций против Советской власти). Вместе с другими представителями РОВС приходит к мысли о необходимости создания новых независимых от РОВС организаций. Самыми крупными становятся движение «евразийцев» и Народно-Трудовой союз (НТС). Прянишников активно работает в руководстве НТС. В 1938 г. переезжает в Германию, редактирует журнал «Посев» (до 1946 г.), газету «Эхо». Действовал в Белграде, Софии, Бухаресте, занимался переброской членов НТС в СССР. Под Берлином, создав подпольную типографию «Льдина» занимался изданием литературы (антисоветских листовок) для распространения в СССР при участии японского военного атташе. В конце Великой Отечественной войны становится членом власовского «Комитета освобождения народов России» (КОНР) под своим литературным псевдонимом В. Лисовский. В 1950 г. переезжает в США. Принимает самое активное участие во «внутренней» грызне среди членов НТС в эмиграции. Всю свою жизнь считал своей задачей «разоблачение действий советской агентуры ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ в среде русской эмиграции». В своих разоблачениях, а это свидетельства «с той стороны», он сделал ряд ошибок. Очевидно, что сознательная работа на какую-либо разведку и недостаточная бдительность, недооценка противника, служебная халатность, излишняя доверчивость к подчиненным всё-таки не одно и то же. Виновные в этих деяниях люди должны быть по-разному очерчены историей, вне зависимости от имевших место последствий. По заявлениям Прянишникова, что он, якобы, информировал председателя РОВС генерал-лейтенанта Миллера Е. К. о своих подозрениях, о возможном предательстве генерала Скоблина Н. В. не более как литературная фантазия.

решило прорвать расположение белых, выйти из района Большого Токмака в глубокий тыл и одним ударом покончить с армией Врангеля. Уверенный в своей силе конный корпус Жлобы, с приданными ему пехотой и другими конными полками, в течение четырех дней продвигался на юг и юго-восток к Мелитополью. Но красный военачальник не подо-

зревал, какой капкан расставил для него Врангель. Повернутая на восток, утром 20 июня Корниловская дивизия вышла в тыл конной массы Жлобы. При поддержке корниловской артиллерии Пашкевич повел свой 2 й полк сомкнутыми колоннами в атаку на конницу. Обнаружив корниловцев, Жлоба бросил свои конные полки против отличной,

дисциплинированной пехоты. Отразив наскок четырех бригад конницы, корниловцы разметали ее и вместе с остальными дивизиями, при поддержке эскадрильи самолетов и броневых автомобилей, завершили разгром корпуса Жлобы.

Это славное дело окружения конницы пехотой, как редчайший пример военного искусства, препода-

▲ Галлиполи, смотр белогвардейцев

давалось слушателям Французской академии генерального штаба.

А потом новые, жестокие бои. Опять дрались корниловцы у Большого Токмака. 15 июля не щадивший себя храбрый Пашкевич был смертельно ранен. Плевицкая рыдала, причитала и голосила по деревенски. Вскоре утешилась, но к Левицкому не вернулась. Ее новым избранником стал скромный, застенчивый, в любовных делах малоопытный, 26 летний генерал майор Николай Владимирович Скоблин.

Семь месяцев длилась борьба русской армии Врангеля с превосходящими силами красных. Семь месяцев подвигов, семь месяцев жестоких боев, в которых был смыт позор Новороссийска. Но силы были слишком неравными. Во второй половине октября 1920 года красное командование собрало в Таврии вчетверо превосходящие силы. В кровопролитных боях они сломили сопротивление белых. Арьергардными боями на Крымских перешейках, у Перекопа и Сальково, обескровленные

остатки белых дивизий обеспечили эвакуацию из Крыма. Из Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи вышли 126 больших и малых кораблей Черноморского военного и гражданского флота, увозя на чужбину в полную неизвестность 150 тысяч русских изгнанников.

В первые дни ноября необычно выглядели рейд и порт Константинополя. Русские корабли, переполненные голодными людьми, взывали о помощи водой и продовольствием. С них неслись вести о тяжелом состоянии больных и раненых воинов.

Сухо и жестко встретили бывших соратников французские оккупационные власти. Забрав в залог русские корабли, они посадили измученную боями армию на полуголодный паек. Разбросали ее по лагерям Чаталджи, Галлиполи и Лемноса, а боевые корабли увели в Бизерту.

Невесело начиналась жизнь на чужбине. Лагерные палатки с их скученностью, холод зимы, недоедание. Но дух борцов за национальную Россию сломлен не был. Обезоруженная, униженная, терпевшая лишения армия сплотилась вокруг

своих боевых командиров. Обычно армии не прощают поражений своим главнокомандующим. А Врангель, с честью выведший армию из тяжелых испытаний, за рубежом родной страны стал еще более близким и любимым.

Поредевшие в боях дивизии были в лагерях сведены в полки. В мечтах о новых битвах полки учились ратному делу, крепили дисциплину, превращались в дружные полковые семьи. Белая мечта не умирала. Она светила ярко, согревала сердца, наполняла души надеждами на светлое будущее.

Непререкаемым авторитетом пользовался в Галлиполи суровый генерал Кутепов. Твердой рукой водил он корниловцев, марковцев, дроздовцев и алексеевцев в битвах на родных просторах. А теперь возглавил их на каменистых холмах полуострова, личным примером увлекал подчиненных, своей верой в победу над большевизмом заражал офицеров и солдат побежденной армии. Галлиполи — чудо духа человеческого, поражавшее каждого, кто к нему прикасался.

▲ Надежда Плевицкая

На правом фланге Галлиполийского лагеря расположились корниловцы. С ними их командир, генерал Скоблин, поправившийся после ранения в бою под Рогачиком. Теперь он был не один, с ним в палатке жила пленившая его Надежда Плевицкая. А ее бывший муж Юрий Левицкий по прежнему прозябал в рядах полка неприметным и забытым. В Галлиполи Плевицкая развелась с Левицким.

В июне 1921 года в городе Галлиполи, в узком кругу старших офицеров Корниловского полка, состоялось секретное бракосочетание Плевицкой со Скоблиным. На свадьбе посаженным отцом был генерал Кутепов. Адъютант полка капитан Копецкий приветствовал новобрачных. И, обращаясь к Плевицкой, сказал: «Приняли мы вас, Надежда Васильевна, в нашу полковую среду».

Плевицкая — счастлива и довольна. Счастлив и доволен влюбленный, потерявший голову Скоблин. Счастливы и довольны корниловцы — у них теперь мать командирша. Не раз она воодушевляюще пела в Галлиполи, согревая теплом своих песен сердца тосковавших по родине воинов.

Всемерно французы стремились распылить армию и избавиться от хлопот по ее содержанию в лагерях. От их опеки желал освободиться и генерал Врангель. Хлопоты об устройстве частей русской армии в Сербии и Болгарии увенчались успехом. Обе братские страны согласились принять русских воинов. Летом 1921 года с Лемноса и из Галлиполи один за другим уходили корабли, перевозившие белые полки на Балканы.

Корниловцы покидали Галлиполи последними. В ноябре сильный ветер растрепал палатки, выпал снег. Труднее становилась жизнь. Но так же продолжались обычные занятия. У боевых знамен сменялись караулы. Терпеливо ожидали корниловцы своей очереди. Наконец, 27 ноября большой турецкий пароход «Ак Де-низ» принял на борт корниловцев. Плывая по Черному морю, вглядывались они в северную даль, за которой скрывались русские берега.

Небогатая Болгария, побежденная в Первой мировой войне, дала белым воинам все, что могла. Достались корниловцам плохенькие летние казармы болгарской гвардии в селе Горно Паничерово. Кое как перезимовали. А весной не знавшие физического труда офицеры брали любую работу, чтобы прокормить себя и семьи.

Праздник Пасхи в 1922 году провели хорошо. На второй день в полковом театре был спектакль. Пела Плевицкая на радость однополчанам.

Жизнь белых русских в Болгарии омрачалась враждебными действиями болгарских коммунистов. Ободряемые из Москвы и пользуясь свободой при правительстве Стамболийского, коммунисты возбуждали население против русских белых. Нередко раздавались и открытые угрозы. Генерал Скоблин получил несколько анонимок, извещавших, что до 1 мая он будет убит.

Прошел 1922 год. Наступил 1923 год, и 9 июня правительство Стамболийского было свергнуто. Новое правительство профессора Цанкова расправилось с коммунистами и загнало их в подполье. Жить русским стало легче, но зарабатывать на хлеб насущный было по прежнему трудно. Разбрелись кто куда. Многие стали шахтерами в Пернике.

С каждым новым днем чины армии все больше и больше превращались в профессиональных рабочих. Но полковая спайка оставалась прежней — нерушимо крепкой. В память пребывания в Галлиполи основали Общество галлиполийцев.

Как армия белые полки уже не существовали. 1 сентября 1924 года генерал Врангель объявил о преобразовании армии в Русский Обще-Воинский Союз — РОВС. Изменилось название, а порядки и воинская дисциплина остались прежними.

В прошлое ушли битвы Гражданской войны. Но жажда борьбы оставалась неутолимой. Белая мечта продолжала жить и на чужбине.

Не сиделось Плевицкой в захолустном Горно Паничерове. Слишком тесными были рамки скромного полкового театра. Стала выезжать с концертами по Болгарии. Как верный паж, всюду ее сопровождал Скоблин. В угоду ей стал он пренебрегать своими обязанностями, не раз покидая корниловцев в трудные моменты их бытия. По настоянию жены, отпросился он у командира корпуса в заграничный отпуск.

Зимний сезон 1922/1923 года провели Скоблины за пределами Болгарии. Ярким метеором промчалась Плевицкая по эстрадам Прибалти-

ки и Польши, вызывая восхищение слушателей. Бурно приветствовала ее многочисленная русская колония в Праге. 29 марта пела она в берлинском зале имени Бетховена. Зал был полон, овации жаркие. Тут она впервые исполнила ностальгическую песню «Замело тебя снегом, Россия», глубоко взволновавшую души изгнанников, так остро тосковавших по покинутой родине.

Дав в Берлине еще два концерта, Плевицкая отправилась дальше. 12 и 16 мая пела она в Брюсселе, 28 мая — опять в Берлине. 5 июня с исключительным успехом выступала она в Белграде. Триумфальными были большие турне по городам Сербии и Болгарии, закончившиеся в феврале 1924 года.

И под эгидой импрессарио Ю. Боркона — опять Берлин, в зале Блютнера. Пела она в Берлине 26 февраля, 7 марта и 17 апреля. Восторженно принимала ее берлинская русская колония. На страницах газеты «Руль» высокую оценку ее пению дал музыкальный критик Легато.

В эти свои берлинские дни сошлась чета Скоблиных с состоятель-

ным человеком Марком Эйтингтоном и его женой, бывшей московской артисткой. Не раз они бывали гостями в их роскошной квартире на Раухштрассе.

И конечно — Париж. В зале Гаво пела Плевицкая 15 и 24 марта. 2 и 5 апреля выступала она в театре Виктора Гюго перед изысканной аудиторией еще не прожившей своих капиталов и бриллиантов русской аристократии, поселившейся в фешенебельной Ницце. Здесь она впервые спела собственную песню, полную скорби о томящемся под коммунистами русском народе. Патетически произнесенные последние слова песни «И будет Россия опять!» так потрясли слушателей, что несколько дам лишилось чувств. По требованию взволнованной до глубины души публики певица повторила эту песню несколько раз...

Вернулись Скоблины в Болгарию. За опоздание из отпуска командир корпуса объявил Скоблину строгий выговор.

В ясный день 1 мая 1924 года Скоблины опять расстались с корниловцами и уехали во Францию. 6 июня — концерт в парижском зале Гаво с участием знаменитого квартета Кедровых. Шумный успех. В артистической было весело. Когда в артистическую вошла великая княгиня Ксения Александровна, сестра императора Николая Второго, Плевицкая, соблюдая придворный этикет, умело и тактично представила ей своего нового мужа. Сложив чемоданы, Скоблины отправились в первое турне по Америке. Пела она в Нью Йорке. Пела и в пользу советских беспризорников, хотя это и было негоже для жены белого генерала.

Вернувшись во Францию, Скоблины поселились в департаменте Вар. В компании с корниловским полковником Гордеенко сняли большую пустовавшую ферму. Горожанин Скоблин не знал сельского хозяйства. А деревенская Дёжка не снизошла до тяжелого труда земледельца. На земле они не работали. Поссорившись с Гордеенко, вместо него пригласили на ферму одного из братьев Скоблина, Феодосия, и офице-

▲ Врангель вручает Скоблину орден Св. Николая

ра корниловца. Осенью 1925 года Плевицкая пела на вечере галлиполийцев в Париже, устроенном под покровительством великой княгини Анастасии Николаевны, супруги великого князя Николая Николаевича, в созвездии знаменитостей — Преображенской, Мозжухина, Поземковского, квартета Кедровых.

Дом артиста, основанный тенором Дмитрием Смирновым, распахнул свои двери перед Плевицкой. В ноябре девять раз выступала она на его сцене.

29 декабря в зале Гаво она дала свой прощальный, перед отъездом в Америку, концерт в пользу русской учащейся молодежи. В начале января 1926 года радостно и приветливо встретил ее русский Нью Йорк. Сотрудник «Нового Русского Слова» В. Ильин посетил Скоблиных в отеле «Пенсильвания», получил от Плевицкой в дар «Дёжин карагод» и задушевное интервью. Первый концерт Плевицкой состоялся в Манхэттенском оперном театре.

12 марта, при участии князя А. Оболенского, пела она русские песни в переполненном Золиан Холл. В восторженной рецензии, помещенной 16 марта в «Новом Русском Слове», А. Ступенков писал: «Пела та, которая шаг за шагом прошла с нами весь наш крестный путь изгнания с его лишениями и печальями».

А в октябре русские антикоммунисты Нью Йорка были крайне изумлены и смущены: в просоветской газете «Русский Голос» появился анонс, приглашавший большевиканов посетить концерт с участием «рабоче-крестьянской певицы» Н. В. Плевицкой. Сотрудник «Нового Русского Слова» Л. Камышников написал статью, обращенную к Плевицкой: «Глупость или измена?»

Отвечая на протесты, она беспечно и преспокойно возразила:

– Я артистка, и пою для всех. Я вне политики.

Возмущенный А. Ступенков горячо убеждал Скоблина, доказывая недопустимость выступления жены белого генерала перед красной аудиторией. Его доводы натолкнулись на сопротивление Скоблина, упорно

▲ Дом Скоблиных в Озуар-ля-Феррьер

защищавшего свою властную жену.

Весть об этом происшествии докатилась до Европы. С ведома великого князя Николая Николаевича, разгневанный Врангель подписал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами.

Весь 1926 год и первые месяцы 1927 года разъезжала Плевицкая с концертами по Америке. Пела в Нью Йорке, Детройте, Филадельфии и других городах, как всегда, с громадным успехом.

Из странствий по Америке Скоблины вернулись в Париж в мае 1927 года и сразу же принялись за восстановление своей подмоченной репутации. 4 июня в зале Гаво Плевицкая пела в сопровождении балалаечного оркестра Денисова. 2 июля в Обществе Галлиполийцев она услаждала белых офицеров патриотическими песнями. Со слезами на глазах слушали сложенную в эмиграции песню:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.*

После турне по городам Прибалтики, в конце августа пела она в Кню-

танже, Монтаржи, Крезе, Лионе и Марселе. В этих городах французской провинции были крупные группы чинов РОВСа, восторженно ее и Скоблина приветствовавшие. Мало помалу о происшествии в Нью Йорке стали забывать. Впрочем, во Франции мало кто слышал о скандальном приключении «рабоче-крестьянской певицы».

На счастье Скоблина, 25 апреля 1928 года от скоротечной чахотки скончался генерал П. Н. Врангель. Приободрившись, Скоблин настоятельно просил Кутепова, ставшего председателем РОВСа, восстановить его в командовании корниловцами. Сам бывший командир корниловцев, Кутепов не потерял доверия к Скоблину и не придавал он особого значения нью йоркскому происшествию. По его представлению, 8 июля 1928 года великий князь Николай Николаевич подписал приказ о возвращении Скоблина на пост командира корниловцев. Так бескомпромиссный ко всему большевистскому Кутепов реабилитировал чету Скоблиных.

В отличие от остальных генералов РОВСа, Скоблин нигде и никогда не работал. Стал он тенью своей властной и смекалистой жены, на де-

▲ Великий князь Николай Николаевич

▲ Толстой А.Н.

вать лет его старшей. Муж по положению, был он чем то вроде ее секретаря. Исполнял все ее капризы и требования, слушался ее как сурового, не терпящего возражений старшего начальника. Иной раз Плевицкая прикидывалась, будто глава в доме не она, а Скоблин. Но знавшие о его подчиненном положении, парижские остряки прозвали Скоблина генералом Плевицким. Скоблин не скрывал, что жил на доходы жены от концертов. Но никто точно не знал, сколько денег добывала она своими концертами. А заработки в обедневшей эмигрантской среде — не чета баснословным гонорарам дореволюционной России, буквально озолотившей Плевицкую.

Великий русский композитор и пианист Сергей Васильевич. Рахманинов высоко ценил талант Плевицкой. Не раз в Париже они музицировали вместе. В 1926 году Рахманинов аранжировал для хора и оркестра три народные песни из ее репер-

туара, составившие его 41 йopus. По начальным буквам имен своих любимых дочерей Татьяны и Ирины, дал Рахманинов название издательству «Таир», под маркой которого вышла в свет автобиографическая книжка Плевицкой «Дёжкин карагод». По ее красочным рассказам текст составил известный писатель Иван Лукаш. А вдохновенное, чудесное предисловие «Венец» написал к ней талантливый Алексей Ремизов. Печаталась книжка в 1925 году в берлинской типографии братьев Гиршбаум. Издание книжки Плевицкой ничего не стоило — все оплатил ее берлинский друг Марк Яковлевич Эйтингтон.

В начале двадцатых годов в Берлине поселились многие русские эмигранты. Здесь обосновался центр Высшего Монархического Совета, возглавленный Н. Е. Марковым Вторым, бывшим лидером мо-

нархистов в Государственной Думе.

Демократически настроенную часть эмиграции представляла группа членов кадетской партии, под редакцией И. В. Гессена здесь издавалась интеллигентски корректная газета «Руль». Нашли себе приют в Берлине выброшенные революционной волной из России писатели, поэты, журналисты. Среди них — Андрей Белый, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Александр Дроздов и другие.

Как грибы после дождя, возникли многочисленные издательства — «Петрополис», «Медный всадник», «Фаланга», «Слово» и другие. Печатались художественные произведения и множество мемуаров на животрепещущие темы революции в России. Капитально выглядел многотомный «Архив русской революции», издававшийся И. В. Гессеном.

Русский Берлин того времени прославился как центр движения сменовеховцев. Отступление Ленина от варварства и зверств военного коммунизма к нэпу пробудило у части заграничных русских интеллигентов новые настроения. Появилась вера в неизбежную эволюцию коммунистического режима. Не обошлось тут без оккультного воздействия ВЧК ОГПУ, неослабно следившего за эмигрантами и умело приспособлявшегося к их тоске по покинутой родине.

В июле 1921 года в Праге была напечатана брошюра «Смена вех» — сборник статей профессоров Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, Ю. Н. Потехина, С. Чахотина и Бобрищева Пушкина. Обращенные лицом к красной Москве, эти интеллигенты призывали эмиграцию к «переоценке ценностей».

26 марта 1922 года в Берлине вышел первый номер газеты «Накануне» под редакцией Ключникова. Программная статья с вопросами, куда идти, что делать, что готовит завтрашний день — совершенно ясно говорила о преклонении этих интеллигентов перед советским строем. Они прияли октябрьскую революцию и были готовы следовать за большевиками, провозгласившими необходимость и неизбежность мировой социальной революции. В понимании сменовеховцев советская Россия стала Россией просто, и интернациональные задачи коммунистической партии слились с русскими национальными интересами. Утверждая тождество интернационального СССР и национальной России и идеализируя положение в стране, «Накануне» занималось уловлением эмигрантских душ в сети большевизма.

Конечно, среди сменовеховцев были наивные люди и честные мечтатели, клюнувшие на большевистскую удочку. Но руководили ими оппортунисты и сознательные слуги большевиков, занятые разложением эмиграции, особенно ее молодежи, остро переживавшей крах белого движения.

Сердцу большевиков сменовеховство было милым. Побывавшим в Москве профессорам Ключникову и Потехину советские власти оказали ласковый и любезный прием. 19 июля 1922 года «перед судом Москвы» состоялось публичное выступление этих двух сменовеховцев. На их речи правительственные «Известия» откликнулись положительно: «Мы приветствуем всякого приходящего к нам не с камнем за пазухой, а с жертвенной готовностью отдать свои силы родному народу». А партийная «Правда» назидательно поучала: «Пусть они скорее изберут прямой путь и под шаткое строение дел. Тогда, и только тогда, Россия будет их любить и жаловать как своих действительных граждан».

С радостью «Накануне» воспроизвело отклики ведущих советских газет. Затем, один за другим, потянулись сменовеховцы в советскую Россию.

В 1924 году «Накануне» кончило свое недолгое существование. В Каноссу ушли Ключников, журналисты Г. Кирдецов, Я. Лившиц, Устрялов, писатели А. Дроздов, А. Белый, А. Толстой, И. Эренбург и другие. Карьеры в СССР они не сделали, хотя и пытались подвести под себя прочный фундамент дел. Лишь Алексей Толстой и Илья Эренбург, не только оппортунисты, но и подлинные таланты, преуспели в СССР. Оба они удостоились сталинских премий по литературе и были избраны в Верховный Совет СССР.

Кое кто из сменовеховцев вовремя одумался и в Россию не поехал. Сменовеховство большой пользы большевикам не принесло. И эмиграция не понесла значительного ущерба. Остались лишь неприятные воспоминания о капитуляции не-большой кучки интеллигентов.

Большевистская революция нещадно уничтожала все препятствия на своем пути. Разлагая уставшую от трехлетней войны царскую армию, Ленин и его сподвижники натравливали солдат на верных во-

инскому долгу генералов и офицеров. Многие из них были подняты на штыки. Матросы, «краса и гордость революции», сбрасывали своих адмиралов и офицеров в воду или сжигали их в топках кораблей.

Октябрь 1917 года нанес окончательный удар по старой армии. Царские генералы знали, как их ненавидел Ленин. Все же за колесницей победителя побежали те генералы, которым было все равно — кому служить. Знали себе цену эти генералы и офицеры старого русского Генерального штаба. Знали, что и большевистский строй не сможет обойтись без собственных вооруженных сил.

Еще не было Красной Армии, но первые ее организаторы уже предоставили себя в распоряжение новых властителей. Генерал лейтенант М. Д. Бонч Бруевич, брат первого управляющего делами ленинского совнаркома, расформировывал ставку Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Примкнули к режиму генералы Потапов, Парский, Гутор, Клембовский, Зайончковский, полковники Каменев, Вацетис, Егоров, Шапошников. И многие другие. Из 1400 генералов и офицеров царского Генерального штаба 13 полных генералов, 30 генерал лейтенантов, 113 генерал майоров и 127 штаб и обер офицеров пошли на службу к большевикам добровольно, или были вынуждены, подобно бывшему военному министру Временного правительства генералу Верховскому, следовать за ними под угрозой расстрела.

Это они, под руководством наркомвоена Льва Троцкого, организовали Красную армию и дали победу большевикам над разрозненно действовавшими белыми армиями своих бывших братьев по оружию и товарищей по Николаевской академии Генерального штаба.

Не все было благополучно в зарубежном стане белых. Были генералы, осознавшие, что их ставка на белого коня была грубой ошибкой. Оставшись не у дел, с завистью

▲ Зайончковский

взирали они на своих удачливых противников, нанесших им сокрушительное поражение. Протянулись к Москве невидимые нити к прежним друзьям по Генеральному штабу.

В 1922 году в Берлине собралась кучка сменивших вехи офицеров Генерального штаба. Порвав с белыми, они основали военно научный журнал «Война и мир». Сначала редактором был генерал лейтенант М. И. Тимонов, выпустивший первые три номера. Затем во главе редакции стал бывший профессор Николаевской академии генерал лейтенант А. К. Кельчевский. К сменовеховцам присоединились генералы Е. И. Достовалов, В. Борисов, А. Носков, Залесский, Добророльский.

Прияв октябрьскую революцию, эти бывшие белые генералы уповали на карьеру в СССР. Их журнал, с раз-

решения советских властей, был допущен к свободному распространению на всем пространстве советской России.

В 1924 году, выпустивши в свет последний 15 й номер журнала, переметнувшиеся к красным генштабисты уехали на родину. Подобно своим штатским коллегам из «Накануне», эти генералы никакой карьеры в СССР не сделали. Как военные специалисты, они большевикам уже не были нужны.

Но генеральское сменовеховство было полезно Ленину, делавшему все для разложения эмиграции. Переход видных генералов на сторону красных наносил моральный удар по белым эмигрантам. Ведь Кельчевский в 1919–1920 годах был начальником штаба Донской армии, а Достовалов — начальником штаба

лучшего в Добровольческой армии 1 го корпуса генерала Кутепова.

К счастью для белых эмигрантов, как Кельчевский, так и Достовалов в армии не были ни любимыми, ни популярными.

При наступлении корпуса на Москву Достовалов неизменно разбрасывал полки веером, подставляя их по частям под удары красных. В корпусе ходили слухи, что Достовалов работал на большевиков. Его оперативная деятельность была не по душе начальникам дивизий. Один из них, начальник Марковской пехотной дивизии генерал Тимановский, при встрече с Кутеповым, в присутствии своего начальника штаба полковника А. Г. Биттенбиндера, сказал:

– Если твой начальник штаба Достовалов появится в расположении моей дивизии, я прикажу повесить его.

Недолюбливал Достовалова и Кутепов. Но избавиться от него не мог — Достовалов пользовался доверием генерала Ивана Павловича Романовского, начальника штаба армий генерала Деникина.

В один прекрасный день в штаб Марковской дивизии явилась девица курсистка в сопровождении офицера, вручившего полковнику Биттенбиндеру приказание Достовалова перебросить ее в тыл красных. Офицеры штаба угостили девицу обедом. Подвыпив, девица разоткровенничалась и поведала офицерам, что она точно знает расположение и численность всех частей корпуса, нанесенных на оперативной карте Достовалова. Ее откровения вызвали тревогу штабных офицеров. Подозревая недоброе, полковник Биттенбиндер задержал ее и о случившемся донес Достовалову. Но начальник штаба Кутепова еще раз письменно приказал пропустить девицу в красный тыл.

В дни отступления добровольцев от Орла к Ростову, когда у всех было на сердце тяжело, Достовалов сиял словно именинник, отступление и неудачи его не огорчали. После высадки корпуса Кутепова в Галлиполи он открыто перешел на сторону красных.

16 апреля 1922 года Германия и советская Россия заключили в Рапалло мирный договор. В Берлин прибыли советские дипломаты, и Достовалов был принят на службу в полпредство.

Вместе с полпредством в Берлин приехали агенты ОГПУ. Берлин стал важнейшим центром советской разведки в Западной Европе.

Рапалло привело к тесному сотрудничеству рейхсвера с Красной армией. Немецкие части проводили в СССР запрещенные Версальским договором учения. В СССР испытывались новые типы немецкого оружия. Генералы рейхсвера присутствовали на маневрах Красной армии. Красные военачальники знакомились в Германии с немецкой военной наукой и техникой.

Шли годы, менялись условия жизни. Под напором послевоенной инфляции в Германии многие русские эмигранты перекочевали из Берлина в Париж. Русский Берлин численно уменьшился. Не уменьшилось, но увеличилось число советских агентов в Берлине. Протянулись невидимые нити ОГПУ из Берлина во Францию, еще не признававшую советского правительства законной русской властью.

Париж — город светоч, столица державы победительницы в Первой мировой войне, заплатившей за победу многими сотнями тысяч своих сынов. Город, воплотивший в себе великую французскую культуру, влиятельный в мире политический центр.

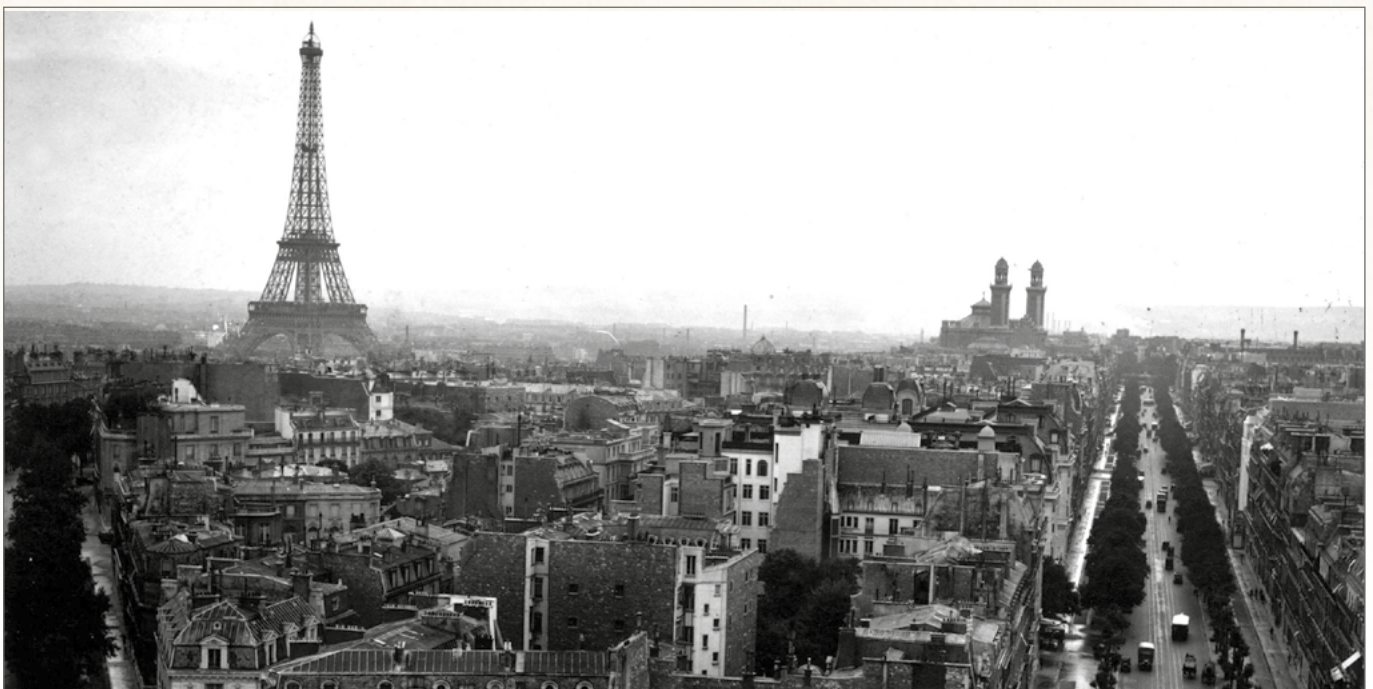
В ранние двадцатые годы стал Париж столицей русского Зарубежья. Дореволюционная Россия предстала здесь во всем своем былом, но ущемленном величии. Тут поселились великие князья Дома Романовых, уцелевшие в вихрях великой русской смуты. Заседал возглавленный М. Н. Гирсом Совет послов, представленный известными во всем мире русскими дипломатами. Жили бывшие царские министры, сенаторы, члены Государственного Совета, депутаты Государственной Думы, деятели безвременно скончавшегося Временного демократического правительства, проигравшего Россию партии Ленина.

Глубоко переживали эмигранты трагедию России, обвал многовековой монархии, гибель едва народившейся, хилой русской демократии. Кипели в политических страстях остатки разбитых большевиками

политических партий — монархисты, кадеты, октябристы, социалисты революционеры, меньшевики и иные. Бывшие сановники и генералы писали мемуары, обличая противников и соперников, укоряя в ошибках единомышленников и понося инакомысливших. С трагизмом в голосе все спрашивали: как все это могло случиться? Кто же виноват?

Множество новых организаций — политических, общественных, культурных, научных, профессиональных, благотворительных и иных — возникло в русском Зарубежье. Самые важные были в Париже. Не дремали и ленинцы, обеспокоенные мощью и влиянием многочисленных эмигрантов. В их толщу они протолкнули свои организации, и первой из них был построенный на тоске по России Союз Возвращения на Родину.

Блистал русский Париж культурными силами. Театры, оперные труппы Агренева Славянского и Цетретели. Духовная академия. Писатели И. Бунин, Д. Мережковский, А. Куприн, И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Лукаш и иные. Художники К. Коровин, А. Бенуа, Билибин и другие. Изумительный русский балет С. Дягилева, танцовщики Нижинский и Фокин,

▲ Париж

▲ Главари РОВС

балерины Анна Павлова, Кшесинская, Карсавина и множество других громких имен. Академическая группа с известными всему миру учеными. Толстые журналы, талантливые критики В. Ходасевич и Г. Адамович. Книжные издательства. Большие ежедневные газеты «Последние Новости» П. Милюкова и «Возрождение» с десятками тысяч читателей. Иные газеты и журналы, то возникавшие на эмигрантской ниве, то вскоре погибавшие под тяжестью непосильных расходов.

Русское Зарубежье — Россия в миниатюре, бережно и благоговейно хранившая все лучшее от России царской, хранительница ее культуры и духовных ценностей.

У этой зарубежной России была своя безоружная, но крепко спаянная армия — Русский Обще-Воинский Союз, объединивший в своих рядах десятки тысяч белых воинов.

Обескровленная в мировой войне, Франция остро нуждалась в рабочих руках на своих заводах, фабриках и шахтах. Она охотно

принимала к себе белых офицеров и солдат, нашедших временный приют на Балканах. Потянулись во Францию тысячи офицеров, солдат и казаков. Рассеялись они по всему лику Франции. Многие осели в Париже и его окрестностях. Тяжело трудились, не жалуясь на тяготы жизни в чужой стране. Генералы, командовавшие в России армиями и корпусами, полковники, командовавшие полками, сели за руль такси. Три тысячи офицеров стали шоферами такси. Металлургия Эльзас Лотарингии, шахты Деказевилля, автомобильные заводы Ситроэна и Рено в Париже, множество больших и малых предприятий по всей стране дали работу бездомным изгнанникам, борцам за свободу и честь России.

В Париже и в провинции жили чины РОВСа крепко спаянными группами. Тосковали по покинутой родине, мечтали о свержении власти большевиков, жаждали борьбы с ними. Жили сперва беспочвенными надеждами на весенние походы... С каждым годом все больше

и больше таяли эти надежды. Нужно было искать иные пути и способы борьбы.

Двадцатые годы в русском Зарубежье ознаменовались возрождением и расцветом монархических идей, поблекших было в годы революции и Гражданской войны. Монархисты легитимисты, верные установленному императором Павлом Первым закону о престолонаследии, последовали за великим князем Кириллом Владимировичем, объявившим себя местоблюстителем царского престола за рубежом. Вскоре Кирилл Владимирович был провозглашен императором Всероссийским.

Но многие монархисты не могли простить контр адмиралу Кириллу Владимировичу измену трону, когда он, с красным бантом на груди, явился 1 марта 1917 года к зданию Государственной Думы и предоставил офицеров и матросов своего Гвардейского Экипажа в распоряжение революционной власти, вынудившей императора Николая Второго отречься от престола.

Взоры большинства монархически настроенных эмигрантов обратились к великому князю Николаю Николаевичу, бывшему в 1914–1915 годах Верховным Главнокомандующим русских армий. Популярный не только в русской среде, но и в политических кругах Франции, благодарной России за помощь в трагические дни битвы на Марне, великий князь жил тогда уединенно на французской Ривьере в своем имении в Антибе. Бывшие государственные деятели России и различные эмигрантские организации не раз обращались к нему с просьбами возглавить национальное антибольшевистское движение. Но всякий раз Николай Николаевич решительно отказывался. Он считал, что после всех революционных событий члены императорской фамилии должны воздерживаться от политической деятельности.

Тем временем, по тайным каналам, из России шли вести о подпольном монархическом движении, мало помалу наращивавшем свою мощь и распространявшем свое влияние по всей стране... Взволновались лидеры монархистов в Берлине и Париже. Движению нужен был авторитетный и популярный вождь. Им мог быть только великий князь Николай Николаевич.

В марте 1923 года из Белграда в Антиб приехал генерал А. П. Кутепов. Его первая беседа с великим князем была краткой. Николай Николаевич даже не пожелал говорить о своем участии в эмигрантских делах. Твердый и решительный, Кутепов добился второй аудиенции. Горячо доказывал, что великий князь никак не может уклониться от своего долга перед Россией. На сей раз Кутепов преуспел, Николай Николаевич согласился.

Довольный Кутепов вернулся в Белград, где исполнял обязанности помощника П. Н. Врангеля, Главнокомандующего русской армией в изгнании. А 3 мая 1923 года великий князь покинул Антиб и поселился в имении Шуаньи под Парижем. Под его верховным водительством

началось объединение шестнадцати эмигрантских организаций. Начались планы, назначались деятели на разные должности. Нужен был и руководитель тайной работы против большевиков.

Выбор Николая Николаевича пал на Кутепова. В начале 1924 года он вызвал его в Париж и предложил ему руководство революционной борьбой с большевиками. Боевой генерал был озадачен. Он отдавал себе отчет в трудностях нового, незнакомого ему дела, к которому подготовлен не был. После разговора с великим князем зашел Кутепов в кафе «Ренессанс», что неподалеку от театра «Комеди Франсэз». Сел за столик, заказал чашку кофе и, мучимый сомнениями, размышлял над предложением великого князя. Словно невзначай в кафе появился генерал Шатилов,

бывший помощник Главнокомандующего. Разговорились. Шатилов узнал о предложении великого князя. Узнал и о решении Кутепова, принятом после размышлений над чашкой кофе. Кутепов отдал себя в распоряжение великого князя и немедленно сообщил об этом П. Н. Врангелю.

Врангель, опасавшийся новой азефовщины, в успех подпольной работы не верил. Огорченный решением своего помощника, 21 марта 1924 года Врангель отдал приказ об освобождении Кутепова от его обязанностей. В приказе Врангель писал: «Дорогой Александр Павлович! Ныне общее руководство национальным делом ведется уже не мною. Ты выходишь из моего непосредственного подчинения и не будешь ру-

▲ Кутепов А.П.

▲ РОВС

ководить теми, кого неизменно водил в бой и закаливал их в Галлиполи». Так Врангель подчеркнул, что нет ничего общего между РОВСом и тайной деятельностью, доверенной Кутепову великим князем.

Для ограждения РОВСа от политических страстей в момент, когда нараставшее монархическое движение распалось на легитимистов кирилловского толка и сторонников великого князя Николая Николаевича, 8 сентября 1923 года генерал Врангель издал приказ № 82, запрещавший чинам РОВСа вступать в политические организации. Одновременно, как председатель РОВСа, Врангель вошел в подчинение Николаю Николаевичу. После кончины Врангеля в апреле 1928 года, генерал Кутепов занял пост председателя РОВСа. Не прошло еще и года, как скончался великий князь Николай Николаевич. И Кутепову выпало на долю верховное возглавление русской национальной эмиграции и ее наиболее активных революционных борцов с коммунизмом.

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в Череповце в семье лесничего. Учился в классической гимназии в Архангельске. С детских лет мечтал о военной службе. По окончании шести классов поступил в Петербургское юнкерское училище и в 1904 году окончил его фельдфебелем. В этом году началась русско-японская война. По праву Кутепов мог выбрать блестящий и удобный по стоянке полк, в далеком от войны тылу. Но он избрал 85 й Выборгский императора Германского Вильгельма Второго пехотный полк, отправленный в действующую армию. В полку начал службу в команде разведчиков. Скромный, всегда подтянутый, физически крепкий, коренастый и ладно сложенный подпоручик был на войне как у себя дома. В одном из первых своих ночных дел внезапным нападением разогнал японскую заставу и захватил пулемет. За отличия в боях на полях Маньчжурии был

награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом.

После войны поручик Кутепов был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. Учебную команду полка Кутепов сделал образцовой. На нее равнялись другие полки Петербургского военного округа.

Требовательный к себе и к другим, Кутепов строго наказывал солдат за нарушения порядка и дисциплины. Его боялись, но и уважали. Был он заботлив о солдате. По праздникам водил солдат по музеям, посещал солдатские вечеринки. Слыл в полку как самый строгий и исполнительный офицер.

В 1914 году штабс-капитан Кутепов вышел на фронт командиром 4 й роты преображенцев. 20 августа в бою с австрийцами около Люблина был ранен в левую ногу. До ранения успел отразить наступавших австрийцев. В ноябре вернулся в полк, а в марте 1915 года был ранен в правую ногу. В третий раз был ранен в горячем бою с немцами под

Влодавой в июле. С раной в паху продолжал командовать до тех пор, пока не были опрокинуты просочившиеся в тыл немцы. За этот бой был награжден орденом св. Георгия.

В 1916 году во время летнего наступления армий Юго Западного фронта капитан Кутепов командовал вторым батальоном преображенцев, занимавшим участок на реке Стоход. В жестоком бою Кутепов выбил немцев из леса Свиноухи и удержал его под бешеным огнем немецкой артиллерии. За этот бой Кутепов получил Георгиевское оружие и чин полковника.

Храбрый и волевой, не терявшийся в опасные и трудные моменты, чернобородый Кутепов заслужил доверие солдат. Верили в него не только однополчане. И из соседних полков прибегали солдаты удостовериться — здесь ли «черный капитан», знали, что с ним неустойки не будет.

В роковой для России 1917 год, после приказа №1, завелись в полках советы солдатских депутатов.

Пала дисциплина, солдаты не повиновались офицерам. Пораженческая пропаганда большевиков разваливала армию. В эти черные для России дни Кутепов стал командиром Преображенского полка. Личным примером и авторитетом он удерживал полк от развала. В позорные тарнопольские дни у деревни Мшаны преображенцы нанесли немцам удар, отбросили их и спасли тяжелую артиллерию 8 й армии.

Настал день, когда разбежался и Преображенский полк. Кутепов уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова.

24 декабря 1917 года Кутепов был назначен начальником гарнизона в Таганроге. Здесь он сформировал небольшой офицерский отряд и в течение месяца отбивался от многочисленных красногвардейцев Сиверса.

В первый кубанский поход Кутепов ушел командиром третьей роты Первого офицерского полка. В бою под Екатеринодаром пал командир корниловцев полковник Неженцев. И в свой предсмертный час Корни-

лов назначил Кутепова командиром Корниловского полка.

В начале второго кубанского похода в бою под Шаблиевкой был убит начальник 1 й дивизии генерал Марков. Кутепову пришлось расстаться с корниловцами и, по приказу Деникина, возглавить 1 ю дивизию. С ней он прошел по степям Кубани, громя красных на всем пути от Тихорецкой до Екатеринодара. После занятия Новороссийска был Черноморским военным губернатором. Впервые в жизни столкнулся с делами гражданскими. Опыта не имел, но с задачей справился, наладил порядок, преодолел разруху.

В январе 1919 года Деникин назначил его командиром 1 го армейского корпуса. После победы Деникина на Маныче корпус Кутепова бился в Донецком бассейне. Одержал ряд блистательных побед. Взял Харьков, Курск, Орел. После победы под Харьковом был произведен в чин генерал лейтенанта. Когда военное счастье изменило

▲ Барон Врангель, Севастополь, ноябрь, 1920 г.

▲ Якушев А.А.

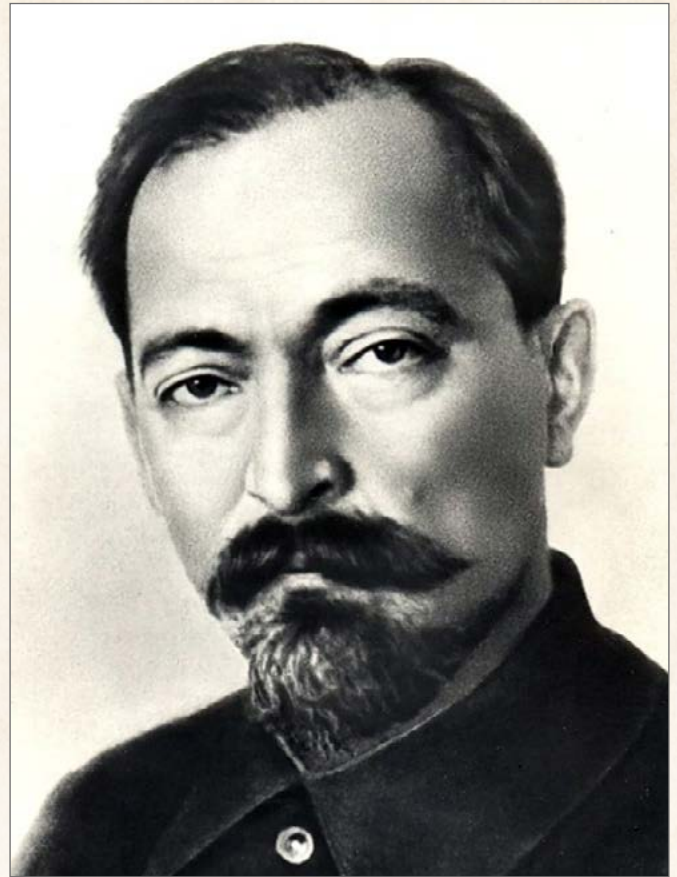
белым, умело руководил отступлением корпуса от Орла до Новороссийска.

После ухода в Крым духом не сломился. Обосновавшись со штабом в Симферополе, немедленно стал приводить в порядок поредевшие полки.

Подавленный неудачами, в марте 1920 года Деникин решил уйти с поста Главнокомандующего ВСЮР. Встал вопрос о замене. Взволнованные командиры полков продолжали доверять Деникину. Некоторые говорили Кутепову, что хотели бы его назначения главнокомандующим. Не будучи честолюбивым, Кутепов ответил:

– Считаю, что Врангель талантливее меня. Он лучше меня справится с нашим тяжелым положением. Я буду настаивать на кандидатуре генерала Врангеля.

Собравшийся под председательством генерала А. М. Драгомирова военный совет принял отставку Де-

▲ Дзержинский Ф.Э.

ника и согласился с кандидатурой Врангеля. 22 марта Деникин назначил Врангеля своим преемником.

А потом непрерывные бои в Таврии, конец обреченного Крыма, уход на чужбину, чудо возрождения воинского духа на каменистых полях Галлиполи.

В Галлиполи Кутепов не раз говорил:

– Наша борьба с большевиками не кончена. Для борьбы нужны люди с выдержкой, сильные духом и телом.

В Душановце, под Белградом, после высылки из Болгарии, напряженно думал он о продолжении борьбы с коммунизмом. Иных путей, кроме революционных, он не видел. Военный до мозга костей, опыта в политике и революционной борьбе не имел. Стал изучать политические и социальные вопросы. Учился новому делу. Мечтал о пробуждении национальных сил в подъяремной России.

По соседству в Топчидере в небольшой вилле жил генерал Врангель. С ним Кутепов виделся часто на прогулках. Поделился он своими революционными намерениями с Врангелем. Умудренный печальным опытом эсеров, которых предавал царской тайной полицией знаменитый провокатор Азеф, Врангель намерений Кутепова не одобрил. На том и начались их крупные нелады, печалившие белых воинов.

Железный генерал в прошлом, стал Кутепов и железным революционером. Монархист по убеждениям, он был готов честно сотрудничать с людьми иных политических верований. Для него благо России — превыше всего. В его деловом кабинете и на дому бывали деятели различных направлений. С ними он находил общий язык.

Был противником имущественной реставрации, стоял за передачу земли во владение крестьянам. Мало по малу вырабатывал свою политическую

программу. Постепенно превращался в крупную политическую силу. С ним был не только РОВС, безгранично ему веривший. Его поддерживали «Возрождение» и другие зарубежные газеты, многие организации, им восторгалась молодежь.

Из среды белых воинов и эмигрантской молодежи выходили добровольцы революционеры, жаждавшие подвигов. Из них сложилась Боевая организация Кутепова. Нужные для опасного дела сильные духом и телом нашлись. С ними Кутепов начал свой последний поход.

В ноябре 1921 года сотрудник Народного комиссариата внешней торговли Александр Александрович Якушев был командирован по делам из Москвы в Швецию и Норвегию. Проездом через Ревель он посетил Юрия Александровича Артамонова, бывшего своего ученика по Императорскому Александровскому лицей. Якушев привез Артамонову письмо от его тетки, Варвары Николаевны Страшкевич.

В присутствии Всеволода Ивановича Щелгачева, представителя генерала Врангеля в Ревеле, Якушев охотно рассказывал о положении в России. Своим собеседникам он поведал о возникновении в России тайной монархической организации.

Артамонов, в прошлом вольноопределяющийся лейб гвардии Конного полка и офицер белой армии генерала Юденича, враг большевизма, жаждал борьбы с советским строем. Вестям Якушева он был очень рад. Написал письмо своему другу и однополчанину, князю Кириллу Алексеевичу Ширинскому Шихматову, жившему в Берлине в доме №16 на фешенебельном Курфюрстендамме.

Он писал:

«Якушев крупный спец, Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение — мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше без промежуточных инстанций к царю. Толчка можно ждать через три четыре месяца. После падения большевиков

спецы станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует, действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление об эмигрантах у него ужасное. „В будущем милости просим в Россию, но импортировать из за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, приспособиться к новым условиям“. Якушев дальше сказал: „Монархическая организация из Москвы будет давать директивы организациям на Западе, а не наоборот“. Зашел разговор о террористических актах. Якушев сказал: „Они не нужны. Нужно легальное возвращение эмигрантов в Россию, как можно больше. Офицерам и замешанным в политике обождают. Интервенция иностранная и добровольческая нежелательна. Интервенция не встретит сочувствия“. Якушев безусловно с нами. Умница. Человек с мировым кругозором. Мимоходом бросил мысль о „советской“ монархии. По его мнению, большевизм выветривается. В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы. Предлагает реальное установление связи между нами и москвичами. Имен не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, и за границей...»

Прочтя письмо, Ширинский отправился к председателю Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркову Второму. Вестями Якушева Марков сразу же заинтересовался. Недолго думая, он решил войти в связь с Монархическим Объединением Центральной России (МОЦР), отрицавшим демократию и утверждавшим самодержавие.

Вернувшись в Россию, Якушев беседовал с чекистами. Глава ОГПУ и основатель кровожадной Чрезвычайной комиссии Феликс Дзержинский дал указания, как руководить «монархистами Центральной России».

До революции действительный статский советник А. А. Якушев был управляющим эксплуатационным

департаментом водных путей Министерства путей сообщения. После октябрьской революции он продолжал служить в министерстве, когда оно, временно возглавленное Львом Троцким, стало Народным комиссариатом путей сообщения. Никаких преступлений против советской власти он не совершил. Как монархист по убеждениям, понадобился большевикам для специальной, тонкой работы.

В ночной час Дзержинский совещался со своими ближайшими сотрудниками.

— Надо, чтобы это название — ГПУ — внушало врагам еще больший страх, чем ВЧК. И в особенности это относится к борьбе с контрреволюцией.

Повернувшись лицом к начальнику контрразведывательного отдела ОГПУ, Артуру Христиановичу Артузову, Дзержинский продолжал:

— Нужно сделать так, чтобы МОЦР превратилось в своего рода «окошко», через которое ГПУ могло бы иметь точное представление о том, как предполагает действовать против нас белая эмиграция. Нам нужен человек, который поможет чекистам проникнуть в ядро монархической организации. Человек, которому эти господа верят, которого знают как убежденного монархиста и который мог бы стать одним из руководителей МОЦР, действуя в интересах советской власти.

Дзержинский сразу же после возвращения Якушева из заграничной командировки инсценировал его арест. Был и удобный повод — агенты ГПУ перехватили в Эстонии письмо Артамонова Ширинскому, сняли с него фотокопию. Прочтя письмо, убедились, что Артамонов клюнул на удочку Якушева. Дело налаживалось, нужно было развивать его дальше. И вскоре чекисты свели Якушева с Опперпутом.

В конце декабря 1920 года советско-польскую границу перешел высокий, сероглазый, рыжеватый 26 летний блондин с облезлым чемоданом в руке. Члену Народного Союза Защиты Родины и Свободы И.С. Микуличу, ведавшие

▲ Савинков Б.В.

му участком работы Союза в Лунинце, он представился как Павел Иванович Селянинов. О себе он рассказал, что официально он — комиссар 17 й стрелковой дивизии. В то же время он — возглавитель подпольной организации НСЗРиС в Западном военном округе. Для пущей убедительности Селянинов предъявил удостоверение Западного областного комитета НСЗРиС. Печать на удостоверении была сходна с той, какой пользовался центр НСЗРиС в Варшаве.

Из разговора с Селяниновым осторожный Микулич выяснил, что гость по национальности латыш. Уже одно это обстоятельство заставляло быть начеку — латыши состояли в преторианской гвардии Ленина, многие из них работали в ВЧК и ОГПУ.

Селянинов поведал, что как в Гомеле, так и в Могилеве, Витебске,

Смоленске, в Горецком, Оршанском и Поречском уездах действуют антибольшевистские партизанские отряды, нападающие на советские учреждения.

Микулич знал о действиях партизан, сведения Селянинова отвечали истине. Разговор углублялся. Селянинов сообщил, что подполье отдает себе отчет в невозможности успешной деятельности без поддержки извне. Доказательство тому — неудача восстания в Гомеле в 1919 году. Поэтому подполье возлагает свои надежды на Бориса Викторовича Савинкова, главу НСЗРиС за границей. Именно к нему и стремился Селянинов, со своим подробно разработанным планом действий против большевиков на территории Западного военного округа.

Савинков был всемирно знаменит, как смелый и неуловимый тер-

рорист из Боевой организации партии социалистов революционеров, боровшейся против царского строя. После разоблачения предательства Азефа он возглавил Боевую организацию. Неудача революции 1905 года вынудила его уехать из России и поселиться в Париже. В 1917 году в течение нескольких недель он управлял военным министерством в кабинете А. Ф. Керенского. Вопреки товарищам по партии эсеров, этот незаурядный человек открыто поддержал Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова, пытавшегося остановить развал русской армии и довести войну до победного конца.

В годы Гражданской войны Савинков основал тайный НСЗРиС, в подполье боролся против власти Ленина, поднял восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске. Восстания были жестоко подавлены красными латышскими полками. Во время советско польской войны, с согласия поляков, организовал армию генералов Перемыкина и Булак Булаховича, воевавшую против Красной армии.

Окончание советско польской войны не остановило Савинкова. Опытный конспиратор, талантливый и энергичный организатор вернулся к привычной подпольной работе. Как политический деятель в эмиграции, он был в это время самым опасным противником для большевиков. Неспроста высокого о нем мнения был Уинстон Черчилль, уже тогда правильно оценивший всемирную опасность коммунизма.

На пути в Варшаву Селянинов, на диво хорошо осведомленный о прошлом Савинкова, расспрашивал Микулича о русской эмиграции в Польше, ее политических организациях, ее взглядах на положение в России, ее пригодности к борьбе против советского строя. Неуверенный в благонадежности Селянинова, Микулич отвечал сдержанно и скупо.

В гостинице Брюль в Варшаве Селянинов долго разговаривал наедине с Савинковым. Окончив разговор, Савинков спросил, что думает Микулич о Селянинове. И оба

сошлись в мнении, что полностью Селянинову доверять нельзя. Подумав немного, Савинков сказал, что искренность гостя из Гомеля удастся проверить тут, в Варшаве.

Селянинов вручил Савинкову и его помощнику, генерального штаба полковнику Гнилорыбову, содержимое чемодана: секретные приказы Красной армии, сведения о дислокации войск в различных военных округах, фотографии советских военных объектов, кое какие данные о мобилизационном плане на случай войны с Польшей. Сведения как будто не внушали сомнений в подлинности. Савинков и Селянинов отвезли содержимое чемодана во французскую военную миссию, которая хорошо заплатила за эту подделку.

На вырученные деньги Савинков отпечатал большое количество листовок, призывавших к борьбе с большевиками. Темной ночью, спокойно и без осложнений, большая партия антисоветской литературы была переброшена в СССР. Два пограничника поджидали Селянинова в условленном месте.

Вскоре Селянинов опять появился в Лунинце. На сей раз он предъявил документ на имя Эдуарда Оттовича Опперпута. От него Микулич узнал подробности переброски литературы. Встретившие Селянинова пограничники погрузили тюки с листовками на повозку. Довезли до станции Житковичи. Там вызвали двух агентов из местной Чeka, которым поручили сопровождать до Гомеля захваченную «контрабанду». Затем подпольщики из стрелковой дивизии перегрузили в Гомеле листовки на свою повозку и отвезли на тайную, неизвестную чекистам базу.

В тот же вечер, в сопровождении члена НСЗРiС Давыдова, Опперпут выехал в Варшаву. Вторая встреча Опперпута с Савинковым была окутана тайной. За исключением Гнилорыбова, никто из ближайшего окружения Савинкова не знал об этом свидании и его результатах. Только было видно, что Савинков проникся доверием к Опперпуту, и их отношения стали более тесными.

В марте 1921 года в Лунинец от Савинкова прибыл полковник Андреев с офицерами с заданием

формировать конные партизанские отряды.

Побывал Опперпут и в польском генеральном штабе. Беседовал с ним капитан Эмиссарский четыре раза. Эмиссарскому Опперпут признался, что в советской России он занимал должность начальника штаба командующего войсками внутренней охраны Западного военного округа. Но заверял, что в душе он — сторонник Савинкова.

В марте 1921 года в Риге был подписан советско польский мирный договор. Перед Савинковым оставалось только поле революционной деятельности — иных путей борьбы не было. Он возродил Народный Союз Защиты Родины и Свободы. В Союз вошли видные демократы: писатель Д. С. Мережковский, его жена Зинаида Гиппиус, Д. В. Философов, Е. С. Шевченко, чета Дикгоф Деренталей, брат Савинкова Виктор Викторович, полковник С. Э. Павловский, отважный кавалерист и руководитель партизан. В Варшаве под редакцией Философова издавалась газета «За Свободу».

Победившая в Гражданской войне белых, советская власть в 1921 году еще не была прочной. В Кронштадте вспыхнуло восстание матросов, жестоко подавленное Троцким и Тухачевским. На Тамбовщине, в Алтайском крае и в других местах пылали крестьянские восстания. В стране была разруха. И Ленин был вынужден объявить нэп.

В июне 1921 года в Варшаве заседал съезд возрожденной организации Савинкова. В резолюции съезда было записано:

«Считать нынешние условия во всех отношениях исключительно благоприятными для развертывания многосторонней деятельности НСЗРiС на территории России, имея конечной целью свержение режима большевиков и установление истинно русского, демократического строя».

Съезд НСЗРiС взволновал советское правительство. Оно потребовало от поляков пресечь деятельность

▲ Ленин В.И. и Бонч-Бруевич

▲ Артузов А.Х.

НСЗРиС. Поляки были вынуждены распылить Центральный Комитет НСЗРиС. Савинков, чета Деренталей и полковник Павловский перебрались в Париж. Брат Савинкова переехал в Прагу. В Варшаве постоянно оставались Философов и Шевченко. Наезжая в Варшаву, Савинков руководил Союзом из Парижа.

Среди русских эмигрантов, поселившихся в Париже после неудачи революции 1905 года, был Александр Аркадьевич Дикгоф Деренталь. Потомок прибалтийских дворян, Деренталь, как и Савинков, был революционером. Хорошо образованный и знавший иностранные языки, он сотрудничал в журналах «Вестник Европы» и «Русское Богатство». Во время Первой мировой войны в газете «Русские Ведомости» печатались его бойкие корреспонденции с французского фронта. В Париже почти сорокалетний Деренталь женился на Любви Ефимовне, красивой семнадцатилетней девушке из русской семьи Брут.

В 1917 году, незадолго до отъезда в революционный Петроград Савин-

▲ Егоров А.И.

ков и Деренталь случайно познакомились в Париже. Савинков уехал раньше Деренталей. И уже в Петрограде, незадолго до октябрьского переворота, чета Деренталей встретила в ресторане «Нева» с Савинковым. С этого момента их судьбы тесно переплелись.

Любовь Деренталь понравилась Савинкову. Он ей тоже. Завязался пылкий роман, превратившийся в роковой треугольник.

После неудачи поднятых Савинковым восстаний в центральной России, он и Дерентали бежали в Казань. Некоторое время жили в Сибири, затем втроем, через Владивосток и Японию, добрались до Парижа. Здесь в 1918–1919 годах Савинков представлял интересы белого правительства адмирала А. В. Колчака, добывая для белых армий Сибири и Юга России оружие, снаряжение и обмундирование. Советско-польская война привела их в Варшаву, а после войны — опять Париж.

Обычно хорошо осведомленный о событиях в мире, Деренталь стал советником Савинкова по международным делам. Любовь Деренталь

стала секретаршей Савинкова. Ради Любы он порвал со своей семьей, виделся с нею ежедневно. Так в приятных встречах с Любой и в конспиративных делах протекали парижские дни Савинкова. Деренталь же словно примирился со своим незавидным положением.

В это время дела НСЗРиС в России были плохи. ГПУ продолжало вылавливать тайные организации Савинкова. Посланные в Россию три ревизора пропали без вести. И Савинков решил послать одного из своих близких сотрудников, Леонида Даниловича Шешеню, в Россию для проверки деятельности резидентов в Смоленске и Москве.

Летом 1923 года Шешеня, с ведома и при помощи капитана польской разведки Секунды, пересек советско-польскую границу к востоку от Лунинца. Шешеня нарвался на пограничников и был арестован. Его отвезли в Минск, где начальник ГПУ Белоруссии Медведь учинил первый допрос.

О поимке Шешени Медведь известил начальника КРО ОГПУ Артузова. Этой новостью Артузов поделился со своим помощником С. В. Пузиц-

ким, вынашивавшим идею коварной операции против Савинкова.

Шешене устроили очную ставку с Никитиным, пойманым в России участником набегов отряда Павловского. Доказали его причастность к зверствам над коммунистами. Шешеня сдал. В обмен на обещание сохранить ему жизнь он согласился сотрудничать с чекистами. Пузицкий узнал от него адреса и пароли резидентов — Герасимова в Смоленске и Зекунова в Москве.

Штабс капитан царской армии Герасимов был немедленно арестован. Его подполье в Смоленске, Рудне, Гомеле и Дорогобуже, насчитывавшее свыше трехсот человек, было разгромлено. Последовал смоленский процесс савинковцев. А за ним — процессы в Петрограде, Самаре, Харькове, Туле, Киеве, Одессе.

Михаил Дмитриевич Зекунов прибыл в Москву двумя годами раньше Шешени. Подосланный чекист Андрей Павлович Федоров вызвал Зекунова паролем. Тот отозвался. Федоров арестовал Зекунова. Выяснилось, что Зекунов, служивший в военизированной железнодорожной охране, никакой подпольной работы не вел и мирно жил со своей семьей. Он тоже согласился «искупить вину перед своим народом».

Чекисты посадили Зекунова в камеру Шешени. На очной ставке выяснилось, что Шешеня должен был заменить Зекунова, наладить работу подполья и спустя год вернуться в Польшу. Зекунов солгал Шешене, что его выдал пойманный чекистами курьер Савинкова.

По заданию Дзержинского, чекист Федоров разработал легенду о новой контрреволюционной организации «либеральных демократов». По замыслу, эта тайная организация была категорически против иностранной помощи, иностранной интервенции, зарубежных монархистов и белых генералов. «ЛД» сумели объединить большое число единомышленников. Но для настоящего действия не хватало опытного политического лидера с громким име-

нем. В результате обсуждения, пятью голосами против трех, руководство «ЛД» признало Савинкова наиболее подходящим, с которым и следовало начать переговоры.

Чекисты отправили Зекунова в Польшу. Перейдя границу около Заславля, Зекунов добрался до Вильно и явился к капитану Секунде. Вручил ему письмо Шешени, извещавшее о благополучном устройстве в Москве. Далее Зекунов рассказал, что в Москве Шешеня случайно встретил своего сослуживца по царской армии Новицкого. Оказалось, что Новицкий занимает в Красной армии видную должность. К тому же он — один из вожаков крупной тайной организации. Члены «ЛД» повсюду — в армии, в институтах, учреждениях, на железных дорогах. И все это — люди с положением. Узнав, от кого и зачем прибыл Шешеня в Москву, Новицкий установил с ним деловые отношения. Для передачи полякам он вручил Шешене: «подлинный» приказ по артиллерии РККА № 269 от 29 августа 1922 года о результатах обследования артиллерийских складов в Московском военном округе; меморандум от 14 декабря 1922 года о положении на Белорусско Балтийской железной дороге; копию докладной записки о создании при генштабе РККА отделения по изучению польской армии.

Эти липовые документы капитан Секунда отправил в Варшаву.

Зекунов посетил Ивана Терентьевича Фомичева, резидента Савинкова в Вильно. Фомичев и Шешеня были женаты на сестрах, и письму шурина Фомичев был очень рад. Шешеня писал, что не может выехать в Польшу из боязни потерять единственную связь с «ЛД».

Фомичев и Зекунов выехали в Варшаву для доклада Философову. Узнав о новостях Шешени и тайнах «ЛД», начальник разведки НСЗРиС Мациевский немедленно отправился к Савинкову в Париж. Он привез письмо Зекунова, докладную записку Шешени и записку Философова, поверившего в то, что Шешеня вышел в Москве «на солидное сообщество наших единомышленников».

Упоминание о Новицком вызвало у Савинкова воспоминания. Действительно, когда он управлял военным министерством летом 1917 года, к нему приходил офицер Новицкий с проектом организации высших артиллерийских курсов. Савинков задумался, но восторга и доверия не проявил.

После возвращения Зекунова в Москву, за границу выехал чекист Андрей Павлович Федоров. Сохранив имя и отчество, он сменил фамилию на Мухина. Перед отъездом Артузов и Пузицкий проверяли его готовность к роли представителя «либеральных демократов». И сам Дзержинский тоже поучал Федорова Мухина.

Зекунов сопровождал Мухина. Через «окно» в границе их пропустил сотрудник минского ГПУ латыш Ян Крикман, когда нужно, разыгрывавший роль савинковца, затесавшегося в среду пограничников.

По прибытии в Вильно они были приняты капитаном Секундой. Блюды чистые ризы «ЛД», Мухин не очень охотно договаривался о доставке полякам разведывательных данных о советской России.

На следующий день Зекунов и Мухин выехали в Варшаву. На вокзале их встретил человек в черном, усадил в пролетку и доставил в гостиницу «Европа». В четырнадцатом номере их ожидали члены ЦК НСЗРиС Философов и Шевченко. Мухин вручил им мандат члена ЦК «ЛД» и доверенность за подписью Новицкого для ведения переговоров с Савинковым. Философов был удивлен стремлением «ЛД» уклониться от связей с чужеземными силами. Мухин утверждал, что свержение большевиков — внутреннее дело только русских. Поэтому «ЛД» и накапливают силы для решительного удара. Но в среде ЦК «ЛД» полного единства взглядов нет. Сам Мухин и заместитель председателя ЦК, профессор артиллерийской академии Новицкий, в противоположность «накопистам», склонны к более решительным действиям.

Новости заинтриговали Философова и Шевченко. Узнал о них

и подслушивавший в соседнем номере полковник польского генштаба Сологуб.

Для проверки сведений Мухина было решено послать в Россию Фомичева. Через то же «окно», Фомичев вместе с Мухиным и Зекуновым выехал в Москву. Фомичева привезли на «подпольную дачу» в Царицыне под Москвой.

Вечером на даче состоялось заседание «московского комитета НСЗРиС». Председательствовал Шешени, привезенный из тюрьмы ГПУ на Лубянке. Присутствовали пять членов комитета. Четверо из них были чекисты Пилляр, Демиденко, Пудов и Гендин, а пятый — подлинный савинковец, давно арестованный и включенный в игру для большей достоверности. Обсуждались проблемы борьбы с большевиками и связи с «ЛД». На следующий день Фомичева посетил сам глава «ЛД», по легенде бывший генерал Никита Никитич Твердев, в действительности начальник КРО ОГПУ Артузов. Было решено составить общий комитет савинковцев и «ЛД», по два представителя от каждой организации.

Вернувшись в Польшу, подавленный чекистами Фомичев не за страх, а за совесть начал работать над укреплением доверия к «ЛД». Жене Шешени Фомичев привез письмо, звавшее ее в Москву. Фомичеву сопутствовал Зекунов. Привезли они мастерски изготовленные липовые разведывательные сведения. Польская разведка была довольна. Копии пошли в Париж. Связной от Второго бюро французского генерального штаба месье Гакье поздравил Савинкова с большими успехами.

Недостаточно осведомленный о делах в Варшаве, Савинков послал туда Деренталю. После беседы с Фомичевым Деренталь заговорил о начале нового этапа истории... И повез Фомичева в Париж на свидание с Савинковым. Фомичев сыграл в руку чекистам, рассказав Савинкову все, что нужно было Твердову Артузову.

Посоветовавшись с Павловским, Деренталем и знаменитым английским агентом С. Рейли, Савинков решил принять посланца «ЛД».

Фомичев вернулся в Вильно. Зекунов с женой Шешени Сашей прошли через «окно в границе» и прибыли в Москву. Чекисты быстро обработали Сашу, свели ее с мужем и устроили им квартиру на Арбате.

Согласие Савинкова встретиться с Мухиным обрадовало Дзержинского. Отправляя Мухина в Париж, Дзержинский говорил, что добыть Савинкова хоть на краю света — цель его жизни.

«Окно» Мухин миновал один. Опять побывал у капитана Секунды. Вручил ему записку от Шешени и Зекунова с интересными для польской разведки новостями. На другой день в Варшаве Мухин показывал Философам образцы подпольных изданий «ЛД», отпечатанных в московской типографии, директором которой был свой «верный человек». Философов прочитал листовки и коротко отозвался — детский лепет!

В сопровождении Фомичева, с польским паспортом и французской въездной визой, Мухин выехал в Париж. Встреча состоялась в квартире Савинкова. Беседовали втроем: Савинков, Мухин и Фомичев. Их беседы в соседней комнате подслушивал Павловский, Мухин ему не понравился.

На следующий день Савинков разговаривал с Мухиным с глаз на глаз в ресторане «Трокадеро». Федоров изложил обзор внутреннего положения в России, приготовленный лучшими умами КРО ОГПУ. Мухин подчеркнул, что «ЛД» против иностранной помощи и очень сдержанно относится к террору против большевиков. Но «ЛД» остро нуждаются в таком ярком демократическом вожде, как Савинков. Были у Савинкова и еще встречи: на кладбище Пер Лашез, опять в «Трокадеро». Сомнения не покидали Савинкова — почему раньше он ничего не знал об «ЛД»?

Для проверки доставленных Мухиным сведений он послал в Россию своего особо доверенного человека — полковника Сергея Эдуардовича Павловского. В прошлом офицер 2 го лейб гусарского Павлоградского полка, участник Пер-

вой мировой войны, Павловский был непримиримым врагом коммунизма. В 1918–1920 годах он воевал в рядах армии генерала Булак Булаховича. По окончании советско-польской войны, он сформировал конный партизанский отряд и совершил с ним несколько смелых рейдов по городам Белоруссии и Западного края. В начале 1922 года он пронесся с отрядом в последний раз. Вернувшись из рейда, он привез в Варшаву документы, захваченные при разгроме советских учреждений. А затем томился в Париже от вынужденного безделья. Предложение Савинкова принял охотно.

Летом 1923 года Павловский и подручный Аркадий Иванов прошли не через «окно». Верхом на лошадях, ночью они прорвались через границу, на пути зарубив повстречавшегося пограничника. В деревне Карякино они остановились у руководителя партизан Данилы Иванова. Выждав несколько дней и обманув чекистов, Павловский и Иванов добрались до небольшой станции на железной дороге Минск — Москва. Сели в поезд и без помех приехали в Москву. Дежурившие на вокзале чекисты их не опознали. Остановились они сперва у родственника Иванова, бывшего дьякона Елоховского собора. Потом сняли квартиру на Малой Бронной.

Три дня Иванов дежурил, наблюдая за домом Зекунова в 3 м Смоленском переулке. Было решено, что если у Зекунова все в порядке, то к нему придет Павловский и прикажет вести его к Шешене. Дежуря, Иванов ничего подозрительного не заметил. Вечером он зашел к Зекунову, пробыл у него около часа. Между тем за домом Зекунова следил чекист Пудин. Возвращаясь на Малую Бронную, Иванов не видел следовавшего за ним филера и невзначай навел чекистов на их пристанище.

На другой день Павловский и Иванов пришли к Зекунову. Втроем отправились к Шешене. Павловский спросил, не оболванивает ли кто то савинковцев неизвестно из чего возникшей организацией «ЛД»? Шешени ответил, что «ЛД» — реальность.

▲ Бурцев В.Л.

Не прошло дня после встречи с Шешеней, и Павловский очутился под замком на Лубянке. Его спутник Аркадий Иванов живым не дался, и чекисты убили его, изрешетив пулями.

На первом допросе Артузов предъявил Павловскому длинный перечень преступлений против советской власти, начиная с 1918 года.

Отправляясь в Россию, Павловский предполагал, что для ревизии дел НСЗРиС и связей с «ЛД» ему понадобится три недели. Арест и заключение в тюрьму спутали все расчеты Павловского. А чекисты постарались правдоподобно объяснить возникшую задержку.

Предварительно, под личиной савинковца, был послан в Польшу чекист Сыроежкин. Он привез капитану Секунде важный для польской разведки «подлинный» материал. Савинкову Сыроежкин переправил докладную записку Шешени о дальнейшем развитии отношений с «ЛД».

По возвращении Сыроежкина отправились на запад Мухин и Шешеня. Они привезли продиктованные чекистами письма Павловского Савинкову и Философовой. К Савинкову Мухин ехал с новостью первостепенной важности: по требованию «ЛД», в Москве образован двусторонний руководящий центр, заочно избравший Савинкова своим председателем. Сам лидер «ЛД» Твердев почтил Савинкова личным письмом, как его заместитель в СССР.

На словах Мухин передал Савинкову, что если он сам не решается возглавить центр, то пусть пошлет в Москву когонибудь из членов ЦК — Деренталю, Философова или Шевченко. Савинков ответил, что сам готов выехать в Россию, но при одном условии: за ним должен приехать Павловский. Хотя в письме Павловского и подтверждались сообщения Шешени, Мухина и Фомичева, все же сомнения терзали опытного конспиратора. Он решил послать в Москву Фомичева, уже ходившего в Россию и вернувшегося в Вильно. Позвонил в Варшаву и приказал Философовой отправить Фомичева с возвращавшимся в Москву Шешеней. Философова вручил Шешене письмо: «С.Э. Павловскому в собственные руки».

Философова писал:

«Без вашего приезда отец посетить Ярмарку не может».

Фомичев и Шешеня прошли через «окно» и прибыли в Москву. По случаю приезда Фомичева чекисты устроили заседание «объединенного руководящего центра» с повесткой дня:

а) об издании в Москве своей газеты;

б) о поездке Павловского на юг России.

Савинкову сообщили, что Павловский не вернулся вовремя в Париж потому, что у него возникли важные дела на юге России, где проживали его родственники. Там он был на-

мерен провести экспроприацию для пополнения казны НСЗРиС. Но затеянное Павловским ограбление поезда неподалеку от Ростова не удалось. В перестрелке с охраной он был тяжело ранен. Все же ему удалось ускользнуть от чекистов и укрыться в Москве в квартире хирурга, «верного человека», лечащего его.

Инсценировав поездку Павловского на юг, чекисты отправили Фомичева по городам России для инспекции савинковского подполья. Под личиной савинковцев его принимали чекисты Брянска, Орла, Ростова, Минеральных Вод. Положение местных организаций НСЗРиС блестящим не было. Зато перспективно выглядели «либеральные демократы».

Дзержинский распорядился отправить Фомичева к Савинкову. С ним выехал и Мухин. В Варшаве их встретил Шевченко. Фомичев лгал, говоря, что видел Павловского в квартире хирурга. А Мухин деланно возмущался авантюрами Павловского и от имени «ЛД» заявил Шевченко протест.

Несмотря на «тяжелые раны», под диктовку чекистов сломленный Павловский написал три письма — Савинкову, Философовой и Дерентале. Он звал в Россию Савинкова и Деренталю и выражал надежду на свое скорое выздоровление.

От имени «ЛД» Мухин настоятельно требовал приезда Савинкова в Россию. После мучительного раздумья Савинков согласился.

Своей любимой сестре Вере Савинков не раз писал, что нельзя три года призывать к активности, отсиживаясь в уюте Парижа. Нужно идти туда, где смело действуют молодые силы, ждущие от него помощи и возглавления. 2 мая 1924 года он писал Вере:

«Я был бы очень огорчен происшедшим, если бы меня не утешали последние известия из России. Пишу поневоле кратко. Наш ЦК работает как никогда; Союз вырос, окреп и распространился чрезвычайно; московский бюджет (добровольные пожертвования) 600 червонцев в месяц; идет речь о редакции „Сво-

боды“ в Москве и о поддержании ее; наконец, по видимому, в самые последние дни Союз очень разбогател. Мне прислали 100 долларов. Их я еще не получил, и когда получу, не знаю. Но самый факт показателен. Слава Богу! Ныне отпускаеши... Если Союз не только не питается из за границы, а даже может „загранице“ помогать, это свидетельствует о нормальном его развитии, значит, у него действительно глубокие корни. Ведь вот нашлись же люди, большей частью неведомые... А я — только почетный председатель ЦК. Теперь я имею право сказать, что Союз самая сильная из всех существующих организаций...»

В жаркий июльский день 1924 года отправился он к В. Л. Бурцеву поделиться мыслями о предстоящей поездке в Россию. Связанный с Савинковым многолетней дружбой, Бурцев не ожидал его визита. Он знал, что Савинков продолжал борьбу с большевиками, но о положении дел НСЗРиС он осведомлен не был. Тем более был он заинтригован, когда Савинков сказал, что хочет поговорить с ним наедине об одном очень важном деле:

— Владимир Львович, я еду в Россию и пришел исповедаться как бы на духу. Прошу вас об одном: выслушайте меня до конца.

Бурцев внимательно слушал откровения Савинкова о могучей революционной организации, действующей в России, имеющей сторонников в высших кругах большевистской партии, правительства, армии и даже в ГПУ. Его зовут в Россию для возглавления и победы над большевиками.

Выслушав Савинкова, Бурцев с жаром возразил:

— Планы вашей организации — просто фантастические. Я не могу поверить в существование такой крупной и разветвленной организации. Все это так далеко от советской действительности. И ехать вам туда нельзя. Такая большая организация не может ускользнуть от ока ГПУ. Она насквозь проедена провокацией. И если она еще не ликвидирована, то только потому, что ее ликвидация

пока что не входит в планы ГПУ. Вас ожидает грандиозный провал. Подумайте о возможных трагических последствиях для вас и НСЗРиС. Повторяю, ехать в Россию вам никак нельзя.

Но уговоры не действовали. Отчеканивая каждое слово, побледневший и взволнованный Савинков продолжал стоять на своем:

— Моя поездка в Россию решена. Оставаться за границей я не могу. Я должен ехать. Я не могу не ехать!

Бурцев развел руками и смолк, понимая тщету своих уговоров. Выпрямившись и приняв боевую позу, Савинков продолжал:

— Я еду в Россию, чтобы в борьбе с большевиками умереть. Знаю, что в случае ареста меня ждет расстрел. — И с гневом и с презрением в голосе он воскликнул: — Я покажу сидящим здесь, за границей, Чернову, Лебедеву, Зензинову и прочим, как надо умирать за Россию! Во времена царизма они проповедовали террор. А теперь не то что террор, но даже вообще отреклись от революционной борьбы с большевиками. Своим судом и своей смертью я буду протестовать против большевиков. Мой протест услышат все!

Тяжкая исповедь кончилась. От Бурцева Савинков вышел с облегченной душой. Несколько дней спустя он еще раз зашел к Бурцеву, чтобы проститься. С сожалением Бурцев взирал на Савинкова. Надежды на новую встречу у него не было.

В начале августа 1924 года Савинков, чета Деренталей, Фомичев и Мухин вместе выехали из Парижа, проехали через Германию, на два дня задержались в Варшаве. Повидавшись с Философовым и Шевченко и обсудив текущие дела, Савинков и его спутники выехали в Вильно. Мухин первым ночью пересек границу через «окно», чтобы проложить путь всей группе. Вернувшись в Вильно, на следующую ночь Мухин перевел Савинкова и его спутников в условленном с Крикманом месте.

В тарантасе Мухин доставил Савинкова и его спутников в Минск. Здесь они все были арестованы. Чекисты торжествовали победу. Савинков попал в их цепкие и жестокие руки.

В Москве с Белорусского вокзала арестованных перевезли на Лубянку. Со всем присущим ГПУ пристрастием, физическими и душевными мучками, чекисты допрашивали Савинкова. 29 августа военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему смертный приговор. Но, принимая во внимание сознание Савинковым своей вины и «полное отречение от целей и методов контрреволюционного и антисоветского движения», суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора. Удивительно скорым было проявление милости! В тот же день, после заявления Савинкова о «готовности служить трудовому народу под руководством установленной октябрьской революцией власти», Президиум постановил заменить смертную казнь лишением свободы на десять лет.

Савинков капитулировал. Чекисты выставили его на посмешище перед всем миром. Но жизнь ему даровали ненадолго. Они принудили узника писать за границу своим бывшим соратникам послания в духе признания своей вины перед судом. Пером Савинкова они психологически громили эмигрантов, внося смущение в их умы. Его бывлые друзья не знали, чему верить и чему не верить. Всеобщим было возмущение его «изменой». Столь же сомневались в добровольности его такого падения.

В Варшаве 16 сентября молодая женщина вручила Философову письмо Савинкова о признании и поддержке русским народом советской власти. Савинков звал Философова и бывлых соратников последовать его примеру и вернуться в Россию под власть большевиков. За этим письмом последовали другие — к лидерам эсеров и даже Сидни Рейли. Смятение в эмиграции было немалое — продиктованные чекистами письма били в цель, подрывая волю к борьбе. ■

